This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

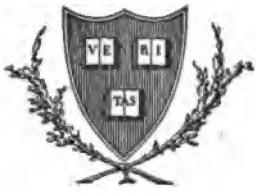
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 605.10

VIII

271.

Harvard College
Library



THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

1-го Резервнаго
БИБЛІОТЕКА
САПЕРНАГО БАТАЛІОНА.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ".

Романъ въ 3 частяхъ **Элизы Ожешковой**. Переводъ съ польск**.**
В. М. Лаврова.

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль".

Цѣна 1 руб. 50 коп.

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУС
СКОЙ МЫСЛИ", съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

**Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» поль
зуются 10% уступки.**

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ
МЫСЛЬ» **В. М. Лаврова.**

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ":

Короленко.

„Очерки и Разсказы".

Кн. 1-я, изданіе 7-е. Цѣна 1 руб. 50 коп. Кн. 2-я, изданіе 3-е. Цѣна 1 руб. 50 к.

Короленко.

„Слѣпой музыкантъ".

Изданіе 5-е. Цѣна 75 коп.

Складъ изданій въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* В. М. Лаврова (Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., домъ 2—24). Подписчики *Русской Мысли*, выписывающіе изъ означеннаго склада, пользуются уступкой 10%. Складъ въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала *Русское Богатство*.

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона"

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Кареевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).
Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 34 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ, Уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

Русская Мысль.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названі

„Библіотека Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, к оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отрасл науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первыя книж

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть **Генрика Сенкевича**, переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 40 коп.

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. РЕМЕЗОВА.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

М. Н. АЛЬБОВА.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОБѢДА. НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.

К. С. БАРАНЦЕВИЧА.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ.—БАБУШКА.

ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ.

Цѣна 50 коп.

VI.

ІУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ **В. М. Лаврова**, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *В. А. Гольцева*, *М. Конопницкой*, *М. С. Коремина*, *В. Косякевича*, *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, *Э. Ожешковой*, *М. Н. Ремезова*, *К. М. Станюковича*, *А. Шиманьскаю*, *А. П. Чехова* и другихъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1896.

~~Slav 30.11~~
P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

I. ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ. Повѣсть. *Окончаніе.*— **Вл. И. Немировича-Данченка** 1

II. ХИЩНИКЪ. **Френсиса Дана.** Переводъ съ англійскаго **К. Б.** . 57

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**К. Д. Бальмонта** 70

IV. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ французскаго **Н. К.** 72

V. СЕРГѢЙ ШУМОВЪ. Повѣсть.—**Н. И. Тимковскаго** 105

VI. ПАСТЕЛИ. **Яна Лады.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** . . 138

VII. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями **И. Д. Гальперина-Каминскаго**). 174

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Полтавцева** 190

IX. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ). *Окончаніе.*— **А. Брикнера**. 1

X. КАЛУЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЕ ПРИ В. А. АРЦИМОВИЧѢ (1861—1863 гг.). *Окончаніе.*—**П. Н. Обнинскаго**. 21

XI. КЪ ВОПРОСУ О ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ. (По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева).—**А. Н. Филиппова** 54

XII. ГОРОДСКІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ВЪ МОСКВѢ.— **В. Вонлярлярскаго** 80

Стр.

XIII. О ВВЕДЕНІИ ОБЩЕДОСТУПНАГО НАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**В. А. Крандіевскаго** 92

XIV. СОВРЕМЕННЫЙ МАДАГАСКАРЪ.— **М. Венюкова**. 104

XV. СЕКРЕТНОСТЬ НАШЕГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО СЛѢДСТВІЯ.— **В. С. Малченка**. 123

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . 149

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Сибири. —Школьное дѣло въ Московской губерніи. — Необходимыя дополненія въ законахъ, касающихся охраны малолѣтнихъ.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Съѣздъ врачей въ память Н. И. Пирогова.—† Н. В. Водовозовъ . . . 173

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **В. А. Г.** 185

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія, мемуары, біографіи.—Этнографія. — Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство. — Учебники, книги для дѣтей.— Народныя книги. II. Періодическія изданія: «Русское Богатство», *апрѣль*. — «Вѣстникъ Европы», *май*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *май*. — «Русскій Вѣстникъ», *май*. — «Дѣтскій Отдыхъ», *апрѣль*. — «Всходы», *май*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1896 г. . 241

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 295

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершивъ въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріявъ Святое Мѵропомазаніе, повергаемся къ Престолу Царя Царствующихъ съ усернымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствованіе Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи священнаго обѣта Нашего—вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣнценосныхъ Предковъ дѣло строенія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Внимая въ нужды всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страждущихъ и обремененныхъ, хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

I. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) въ губерніяхъ Европейской Россіи—государственнаго поземельнаго налога, и

б) въ губерніяхъ Царства Польскаго—поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестьянской, посадской и дворской.

2. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 г., взимать исчисляемый со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину,—пять копѣекъ съ десятины.

3. Въ теченіе указаннаго въ предыдущемъ п. 2 срока взимать въ половинномъ размѣрѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго—крестьянскій, посадскій и дворскій добавочный поземельный налогъ и поземельный на содержаніе гминныхъ судовъ сборъ.

4. Если въ теченіе указаннаго въ п. п. 2 и 3 десятилѣтнаго срока послѣдуетъ уменьшеніе поименованныхъ въ сихъ пунктахъ сборовъ,—взимать до истеченія означеннаго срока половину вновь установленнаго уменьшеннаго оклада.

5. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся ко дню Коронованія Нашего недоимки по отмѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу.

6. Сложить со счетовъ по подушной и оброчной податямъ въ Сибири ту часть недоимокъ, которая къ 1 января 1896 г. числится на личной отвѣтственности плательщиковъ; остальную недоимку, числящуюся къ тому же сроку, по симъ податямъ, а равно по поземельному налогу въ Туркестанскомъ краѣ, по подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа и по подати кибиточной—разсрочить, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ уплату на каждый годъ причиталось не болѣе одной десятой части годового оклада.

7. Сложить съ евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губерніи недоимку оброчной подати, образовавшуюся до 1 января 1887 г.

8. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки по прямымъ податямъ и окладнымъ сборамъ, взимаемымъ въ возсоединенной съ Россіею, по Берлинскому трактату 1878 г., части Бессарабіи (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 3).

9. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) по взимаемому съ туземнаго населенія Кавказа налогу, взамѣнъ исполненія воинской повинности натурой, и

б) по подымной подати съ городского населенія Кавказа.

10. Сложить и исключить изъ счетовъ ту часть накопившихся къ 1 января 1896 г. недоимокъ по лѣсному налогу, платимому крестьянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не выданы владѣнныя записи, и населеніемъ горнозаводскихъ округовъ, которая превышаетъ годовой окладъ этого налога, исчисленный въ размѣрѣ оклада 1895 г., съ тѣмъ: а) чтобы неподлежащая сложенію часть означенныхъ недоимокъ взыскивалась затѣмъ ежегодно въ размѣрѣ не менѣе одной пятой части годоваго оклада, и б) чтобы лица, коимъ предоставлена была уже разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользовались этою льготою и впредь за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

11. Сложить всю числящуюся по 1 января 1896 г. на калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи, а также на калмыкахъ Большедербетовскаго улуса Ставропольской губерніи недоимку кибиточнаго сбора, взимаемаго на основаніи Высочайше утвержденнаго, 16 марта 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12. Простить всѣ причитающіяся по 1 января 1896 г. недоимки по ясачному сбору и оброчной подати, платимыя кочевыми, бродячими и осѣдлыми инородцами Кабинету Нашему.

13. Изъ недоимокъ по полупроцентному сбору, взимаему на содержаніе С.-Петербургской пригородной полиціи, простить съ каждаго плательщика по триста рублей.

14. Оставить безъ взысканія тѣ недоимки по окладнымъ сборамъ, поименованнымъ въ предшествующихъ п. п. 1—13 настоящей статьи I, которыя слѣдовали къ поступленію за время по 1 января 1896 г., но по какимъ-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ Казначействъ.

15. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ всѣ безъ исключенія недоимки, накопившіяся по 1 января 1895 г. и почему бы то ни было не взысканныя по день Коронованія Нашего, въ платежахъ за земельныя угодья, предоставленныя въ пользованіе по уставнымъ грамотамъ населенію казенныхъ горныхъ заводовъ, хотя бы угодья эти и не были еще окончательно отведены въ надѣлъ тому населенію.

16. Сложить недоимки по поземельному оброку, образовавшіяся по день Коронованія Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей и ихъ семействъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.

17. Сложить въ полной суммѣ недоимки съ пенею, числящіяся по день Коронованія Нашего за переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 10 іюля 1881 г. и 17 февраля 1884 г., положеній Комитета Министровъ, по арендной платѣ за эти земли за время пользованія таковыми, до уменьшенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 28 ноября 1894 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, первоначально назначенныхъ за нихъ платежей.

18. Сложить съ переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе статей 19—24 прилож. къ ст. 33 (прим. 2) Общ. пол. о крест. (Свод. Зак. т. IX, Особ. прил. I, по прод. 1891 г.), всѣ по день Коронованія Нашего недоимки въ казенныхъ сборахъ, числившіяся по прежнимъ обществамъ и переведенныя по мѣсту новой приписки недоимщиковъ.

19. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну за время до 1 января 1896 г. сборовъ съ торговли и промышленности (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 213—454),—за исключеніемъ лишь дополнительнаго процентнаго сбора,—тѣ, которые не превышаютъ

пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

20. Сложить всѣ образовавшіяся къ 1 января 1896 г. недоимки въ горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей, по недоимкамъ же въ сихъ податяхъ на бо́льшую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

21. Простить не взысканныя по день Коронованія Нашего суммы судоходнаго и шоссейнаго казенныхъ сборовъ не свыше трехсотъ рублей на каждое отдѣльное лице.

22. Оставить безъ взысканія недоимки въ пошлинахъ съ межевыхъ плановъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

23. Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по случаю увеличенія окладовъ содержанія и пенсій изъ заводскихъ суммъ; не начисленныя же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не начислять.

24. Простить всѣ недоимки съ начетами и пенями, опредѣленныя ко взысканію въ пользу казны, на основаніи дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, до введенія въ оныхъ Устава о питейномъ сборѣ, законоположеній по питейной части.

II. Простить причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 1), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 сей статьи II, а также по пошлинамъ крѣпостнымъ и съ безмезднаго перехода имуществъ.

2. Штрафы, не превышающіе трехсотъ рублей, за совершенныя по день Коронованія Нашего нарушенія правилъ о налогахъ съ торговли и промышленности (Свод. Зак. т. V, Уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное, 14 марта 1894 г., мнѣніе Государственнаго Совѣта, отд. VII, ст. 5) и статей 153—155 Устава о промышленности (Свод. Зак. т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.); штрафы же, превышающіе означенную сумму, уменьшить на триста рублей каждый.

3. Взысканія за совершенныя по день Коронованія Нашего нарушенія Устава о гербовомъ сборѣ—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей по каждому нарушенію; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму, сложить триста рублей по каждому нарушенію; взысканія же по таковымъ нарушеніямъ, совершеннымъ за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего и обнаруженнымъ до сего дня, простить на всякую сумму.

4. Пени, начисленныя за несвоевременный взносъ пособій Государственному Казначейству.

5. Начтенные на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за несвое-

временный взносъ подесятиной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушеніе Горнаго Устава.

6. Пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы съ расположенныхъ на казенныхъ земляхъ пріисковъ.

7. Тѣ части взысканій, не свыше трехсотъ рублей съ каждаго лица, наложенныхъ, но еще не взысканныхъ по 1896 г., съ нарушителей уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря и восточной части Закавказскаго края, кои, на основаніи примѣч. 2 къ ст. 646 и ст. 769 Уст. сел. хоз. (Свод. Зак. т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.), слѣдуютъ къ поступленію въ доходъ казны.

8. Штрафы за неправильное вчинаніе тяжебъ и исковъ и слѣдующую въ пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію, которые наложены до дня Коронованія Нашего.

9. Наложенныя въ порядкѣ административномъ взысканія за самовольныя отлучки за границу, за исключеніемъ части сихъ взысканій, подлежащей обращенію въ доходъ городовъ и въ инвалидный капиталъ.

III. Сложить изъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ, пошлинамъ и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей I и II, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны, на счетъ виновныхъ, кормовыхъ и суточныхъ денегъ и прогоновъ, образовавшихся по день Коронованія Нашего, какъ числящихся по счетамъ, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ,—тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на бо́льшую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Дѣйствіе предыдущихъ статей I, II и III не распространяется:

а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе;

б) на взысканія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ;

в) на недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ;

г) на капитальныя суммы пособій Государственному Казначейству —и

д) на недоимки третнаго жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

V. Сложить образовавшіяся за десять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего недоимки по арендѣ отъ казны дохода отъ пропинаціи на крестьянскимъ земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; изъ недоимокъ же этого рода, образовавшихся за время отъ пяти до десяти лѣтъ до сего дня, исключить по триста рублей по каждой статьѣ; штрафы, пени и проценты за несвоевременный взносъ платежей по арендѣ означеннаго дохода, причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего, простить сполна.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1 января 1896 г. недоимки на лицахъ, перебравшихъ пенсіи изъ казны, а равно содержаніе и пенсіи изъ

заводскихъ суммъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ пенсій и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день Коронованія Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ нижнимъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныхъ единовременныхъ и пожизненныхъ пособій.

VIII. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки за лѣченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а равно въ Учрежденіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія.

IX. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

1) числящіяся къ 1 января 1896 г. въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія;

2) причитающіяся за вторую половину учебнаго $189^{5}/_{6}$ года къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за ученіе, за слушаніе лекцій и за содержаніе въ пансіонахъ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не внесенныя въ назначенный правилами сихъ заведеній срокъ и до дня Коронованія Нашего не пополненныя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до сего дня послѣдовала уже уплата просроченнаго взноса,—предоставить начальству учебнаго заведенія уплату сію засчитывать въ слѣдующій срочный платежъ, если имъ признано будетъ, что воспитанникъ, по недостаточности у него имущественныхъ средствъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, достоинъ этой льготы;

3) накопившіяся за время до 1 января 1896 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ Учрежденіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія, и

4) недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ, по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

Сверхъ сего лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ въ теченіе $189^{6}/_{7}$ учебнаго года, отъ взноса платы (двадцати рублей) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о бѣдности,— освободить.

X. Освободить содержателей казенныхъ, удѣльныхъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣній всѣхъ наименованій и оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканій въ нижеслѣдующихъ размѣрахъ:

1. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣній и земельныхъ оброчныхъ статей недоимки арендныхъ платежей, числившіяся къ 1 января 1893 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего; а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и не взысканныхъ по 1 января 1896 г., какъ съ этихъ лицъ, такъ и съ арендаторовъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, а въ прибрежной полосѣ Каспійскаго моря и съ арендаторовъ земельныхъ участковъ для устройства на оныхъ промысловыхъ заведеній—недоимки арендныхъ платежей, въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо; если же означенные имѣнія, оброчныя статьи, промыслы или участки находятся въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ,—то по двѣсти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; съ товариществъ же изъ двухъ лицъ—по триста рублей съ каждаго лица.

2. Простить не взысканные по день Коронованія Нашего убытки, начеты и штрафы за неисполненіе или нарушеніе контрактныхъ условій пользованія имѣніями или оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбовъ и растеній, неудобреніе земли, непосадку деревьевъ, порубку произрастающихъ на статьяхъ лѣсныхъ насажденій, за разстройство строеній и всякаго рода сооруженій, за неправильное веденіе хозяйственныхъ счетовъ, несдачу принадлежащаго къ имѣніямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п.,—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо; если же имѣнія или статьи находились въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе шести лицъ,—то по пятидесяти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ—триста рублей со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканій по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушеніямъ, произведеннымъ до дня Коронованія Нашего.

3. Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день Коронованія Нашего отъ недодержанія имѣній и оброчныхъ статей до окончанія контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія арендной платы за эти имѣнія и статьи при новой ихъ переоброчкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, понесенныхъ по таковымъ же имѣніямъ или оброчнымъ статьямъ, по причинѣ отказа съемщиковъ отъ заключенія контрактовъ, за исключеніемъ той части убытковъ, которую возможно покрыть удержаніемъ залоговъ содержателей.

4. Сложить съ бывшихъ и настоящихъ арендаторовъ имѣній и оброчныхъ статей не взысканныя съ нихъ по день Коронованія Нашего пени за несвоевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по содержанію соляныхъ источниковъ, смолокуренныхъ и дегтярныхъ заведеній.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить съ заемщиковъ бывшаго Закавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, получившихъ ссуды подъ залогъ какъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и сельскихъ земельныхъ имѣній, одну пятую часть общей совокупности числящихся за каждымъ изъ нихъ на 1 января 1896 г. капитальнаго долга, процентовъ и другихъ недоимокъ по ссудамъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) слагаются сперва недоимки, а затѣмъ уже капитальный долгъ;

б) остающаяся затѣмъ сумма капитальнаго долга погашается въ прежній срокъ, по банковымъ правиламъ, по разсчету изъ пяти процентовъ годовыхъ, могущіе же остаться на счету проценты и недоимки взыскиваются на существующемъ основаніи;

в) для тѣхъ изъ заемщиковъ, коимъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 20 февраля 1888 г., часть долга отсрочена на пятнадцать лѣтъ, уменьшеніе капитальнаго долга относится на сумму, погашаемую въ первое пятнадцатилѣтіе, планъ же погашенія на второе пятнадцатилѣтіе остается безъ измѣненія, и

г) исчисленныя на сихъ основаніяхъ суммы остающагося за каждымъ заемщикомъ долга на 1 января 1896 г. и размѣръ годового платежа утверждаются Министромъ Финансовъ.

2. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства, бывшаго Заемнаго Банка и капиталовъ разныхъ Министерствъ: на постройку церквей, на возобновленіе зданій, разрушенныхъ землетрясеніями; помѣщикамъ Могилевской губерніи, по займу 1847 г.,—на покупку хлѣба вслѣдствіе неурожая; Павловскимъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, ссудосберегательнымъ товариществамъ и складочной артели, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23 іюля и 29 декабря 1872 г. и 30 ноября 1873 г.,—на поддержаніе ихъ; тунгусамъ и якутамъ, Якутской области, по Высочайшимъ повелѣніямъ 8 сентября 1887 г. и 20 декабря 1889 г.,—на покупку скота и рыболовныхъ снастей; жителямъ Закавказскаго края изъ Высочайше разрѣшеннаго, 4 марта и 24 іюня 1880 г., въ распоряженіе бывшаго Намѣстника Кавказскаго, кредита въ 1.500,000 р.—на продовольствіе; лицамъ, служившимъ на упраздненныхъ нынѣ казенныхъ фабрикахъ,—на разные предметы.

3. Сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 г.

4. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны, по день Коронованія Нашего:

а) лицамъ и обществамъ, по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, кромѣ поименованныхъ въ п. 3 сей статьи XI;

б) жителямъ Мочидловской низменности, Варшавской губерніи, коимъ была выдана ссуда на устройство дамбы, разрушенной разливомъ рѣки Вислы, и

в) лицамъ, служившимъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, на постройку домовъ,—

сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіяся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, исключить изъ недоимки триста рублей съ каждаго заемщика. По ссудамъ, впослѣдствіи пересроченнымъ, сложенію подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленныя къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

5. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны переселенцамъ разныхъ наименованій на домообзаведеніе, сложить со счетовъ числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку, равно и недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ пятидесяти рублей; съ заемщиковъ же, недоимки коихъ превышаютъ указанный размѣръ, исключить изъ недоимки по пятидесяти рублей съ каждаго заемщика.

6. Переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, поселеннымъ до дня Коронованія Нашего въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ на земляхъ Кабинета Нашего и получившимъ на обзаведеніе изъ суммъ округовъ ссуды деньгами, а также хлѣбомъ и другими припасами и матеріалами, уплату отсрочить на два года со дня выдачи ссуды съ тѣмъ, чтобы выданная имъ ссуда была погашена въ послѣдующія шесть лѣтъ по равной части въ каждый годъ.

7. Сложить окончательно со счетовъ недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего по ссудамъ, изъ казны выданнымъ, мурманскимъ переселенцамъ и поморамъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 22 ноября 1868 г. и 14 мая 1876 г., положеній Комитета Министровъ и Высочайше утвержденнаго, 18 марта 1886 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

8. Не подвергать взысканію не отработанные и не возвращенные ко дню Коронованія Нашего задатки и припасы натурой, выданные впередъ рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно рабочимъ и мастеровымъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработка; а также сложить образовавшіеся по день Коронованія Нашего на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ заводовъ и техническихъ заведеній военнаго вѣдомства и заводовъ, рудниковъ, пріисковъ и учрежденій Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего,—долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и

припасовъ, на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности или съ каждой артели; по недоимкамъ же въ сихъ долгахъ на бо́льшую сумму исключить по ста пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

9. Сложить по Алтайскому и Нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіеся по день Коронованія Нашего при неисполненіи ими: подрядовъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки рудъ, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности.

10. Сложить числящіеся по день Коронованія Нашего на умершихъ членахъ ликвидируемыхъ горнозаводскихъ товариществъ бывшаго казеннаго Богословскаго округа долги, подлежащіе взысканію въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною во вспомогательныя кассы упомянутыхъ товариществъ взносовъ, согласно ст. 67 положенія, Высочайше утвержденнаго 8 марта 1861 г., о горнозаводскомъ населеніи, а равно подлежащіе взысканію въ пользу казны же начеты и взысканія съ должностныхъ, по кассамъ товариществъ, лицъ за упущенія по должностямъ.

11. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего долги Государственному Казначейству за населеніемъ состоящихъ въ залогѣ казнѣ частныхъ горныхъ заводовъ, образовавшіеся вслѣдствіе перевода на это населеніе части долга владѣльцевъ заводовъ взамѣнъ слѣдовавшихъ въ пользу сихъ владѣльцевъ оброчныхъ платежей.

12. Проценты, накопившіеся по день Коронованія Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса по княжеству Ловичскому и Алтайскому и Нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

13. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею на содержаніе, лѣченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ, числящіяся по день Коронованія Нашего въ недоимкѣ какъ за сими мореходцами, такъ и за судохозяевами.

14. По ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства въ разное время по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, земствамъ и городамъ на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на борьбу съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными насѣкомыми, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство дамбъ, а равно на подкрѣпленіе страховыхъ средствъ,—простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку срочныхъ взносовъ по симъ ссудамъ.

15. Изъ числа остающихся не взысканными по день Коронованія Нашего процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства и изъ фундушеваго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фундушеваго капитала,—простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не далѣе

десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

16. Простить пеню, причитающуюся, но еще не взысканную по день Коронованія Нашего, по долгамъ помѣщиковъ по выкупной операціи.

17. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пени, накопившуюся до дня Коронованія Нашего на владѣльцахъ подуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купче-продажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

18. Силу предъидущихъ пп. 2—5, 11, 14 и 15 настоящей статьи XI распространить лишь на непосредственныхъ заемщиковъ и ихъ наслѣдниковъ.

XII. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ не взысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи начеты, (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной выдачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронованія Нашего:

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла ко дню Коронованія Нашего еще окончательно не разсмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня Коронованія Нашего уже предписаны ко взысканію или дѣла по коимъ окончательно разсмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ какъ общею суммой, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственныя лица—трехсотъ рублей съ каждаго лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предъидущихъ пп. 1 и 2 настоящей ст. XII сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня Коронованія Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4 распространяется также и на случаи выдачи наградъ и пособій изъ суммъ и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное спеціальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась тремя стами рублями по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое,—взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковые за нарушеніе интересовъ казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммою причиненнаго казнѣ или Вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которыя въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности или неразысканія прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня Коронованія Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня Коронованія Нашего, штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ Устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ординарную сумму гербоваго сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе пп. 1—3 настоящей статьи XII.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся по день Коронованія Нашего за служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты по контрольнымъ выправкамъ, возникшимъ изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе направильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки.

12. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, наложенные, но еще до дня Коронованія Нашего не взысканные, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершенныя до дня Коронованія Нашего, въ томъ числѣ штрафы и пени за недоставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующіе на основаніи ст. 30 положенія о Контролѣ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи—простить и не взыскивать.

13. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII не распространять: а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе, за исключеніемъ, однако, суммъ поступающаго въ спеціальныя средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогатаго скота и сбора со скотовладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и составляющихъ спеціальныя средства Министерства Финансовъ суммъ квартирнаго сбора въ тѣхъ же губерніяхъ; по сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладкѣ ихъ на разныя лица не превышаютъ съ каждаго трехсотъ рублей и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня Коронованія Нашего; б) на благотворительные и спеціальные капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залоги и пенсіи воспитываемыхъ, залоги подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнѣ или учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иною противузаконною цѣлью, и д) на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашего.

14. Прекратить всѣ возбужденныя Государственнымъ Контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу правильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтныя подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникаетъ обвиненій въ растратахъ или злоумышленіи съ причиненіемъ ущерба казнѣ съ завѣдомо корыстною или иною противузаконною цѣлью, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

15. Дарованныя пп. 7 и 8 настоящей статьи XII милости распространяются на поименованныхъ въ оныхъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ отвѣтственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность или причинившихъ казнѣ или симъ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлью, но относительно наслѣдниковъ прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ иного имущества, падаютъ на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальномъ такіе наслѣдники пользуются льготою, опредѣляемою ст. XV сего Манифеста.

16. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII распространяется на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

XIII. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Всѣхъ, совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взысканія, въ пп. 2 — 9 ст. 65 Улож. наказ. исчисленныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненіи лѣсоистребленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ Княжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего и правилъ о сбереженіи лѣсовъ (Свод. Зак. т. XV, Уст. наказ., ст. ст. 57^{2}, 57^{3}, 57^{4}, 57^{5}, 57^{6}, по прод. 1895 г.), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей, — противу коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленныя за сіи дѣянія судомъ взысканія,—отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статьею 158^{1} Уст. наказ. (по прод. 1895 г.) взысканія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса или противузаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій, освободить.

2. Простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растраченное полностью возвращено ими до дня Коронованія Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 193, 194, 194^{1} и 1575 Улож. наказ. (Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.).

4. Всѣмъ, совершившимъ по день Коронованія Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи XIII, преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, безъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, присужденнымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронованія Нашего на основаніи судебнаго приговора или по распоряженіямъ ихъ начальствъ взысканіямъ, въ п.п. 2—9 ст. 65 Улож. наказ. исчисленнымъ, не считать таковыя взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службы и ордена Св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

6. Всѣхъ, кои до изданія закона 12 іюня 1886 г. были оставлены по суду въ подозрѣніи, равно и въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ послѣдствій сей судимости.

7. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ взысканіе.

8. Со всѣхъ, приговоренныхъ по день Коронованія Нашего къ денежному взысканію, не превышающему трехсотъ рублей и поступающему въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.), о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, сіе взысканіе сложить. Всѣмъ же, совершившимъ по сей день дѣянія, за которыя опредѣлено, какъ наказаніе, денежное взысканіе свыше трехсотъ рублей, подлежащее обращенію въ тѣ же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей.

9. За совершенныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.) и ст. 861 Уст. лѣсн. (Свод. Зак. т. VIII, ч. I, изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взамѣнъ означенныхъ выше денежныхъ взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

10. Милости, даруемыя п. п. 1, 4, 5, 7, 8 и 9 настоящей статьи XIII, не распространяются на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, издомство и лихоимство; на впавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность; на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе, на подлежащихъ тюремному заключенію взамѣнъ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромѣ нарушеній правилъ о сбереженіи лѣсовъ), по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 Уст. горн. (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1895 г.). Совершившимъ же по день Коронованія Нашего упомянутыя въ семъ п. 10 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказанія за таковыя—уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

11. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или

тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, приговореннымъ по день Коронованія Нашего къ таковымъ наказаніямъ или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

12. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день Коронованія Нашего изъ службы (ст. 65, п. 1, Улож. наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныя, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершенныя по сей день, отрѣшить отъ должности. Милость сія распространяется и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ по сей день на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 Улож. наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 11 настоящей статьи XIII.

13. Освобожденіе за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, отъ уплаты присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего Манифеста, и не освобождаетъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, отъ обязанности сломки и исправленія неправильно построеннаго и отъ исполненія упущеннаго. Дѣла о нарушеніяхъ Лѣсного Устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

14. Освобожденнымъ по день Коронованія Нашего отъ заключенія, съ отдачею подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, сократить опредѣленный ст. ст. 48 и 49 Улож. наказ. срокъ такового надзора на одну треть.

15. Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступныя дѣянія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать, для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, и безъ возстановленія въ правахъ. Сосланнымъ же на житье въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или, вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

16. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ, перешедшимъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до дня Коронованія Нашего, сокращать до четырехъ лѣтъ назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ; а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не менѣе четырнадцати лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 Улож. наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, однако безъ возстановленія правъ по имуществу.

17. Осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную же каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которыя будутъ приговорены къ ссылкѣ въ каторгу за преступленія, учиненныя до дня Коронованія Нашего.

18. Милости, дарованныя п. п. 15 и 16 настоящей статьи XIII, распространить и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня Коронованія Нашего послѣдовавшимъ, исчисленныя въ сихъ статьяхъ наказанія взамѣнъ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

19. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемилостивѣйшими Манифестами облегченія участи, означенныя въ пп. 10, 11, 15, 16 и 17 настоящей статьи XIII, предоставить слѣдующія льготы:

а) присуждаемымъ къ временному заключенію или безотлучному пребыванію въ назначенномъ мѣстѣ жительства, а также приговореннымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, сокращать на треть срокъ заключенія и безотлучнаго пребыванія изъ той части наказанія, которая слѣдуетъ виновному по примѣненіи къ нему соотвѣтствующихъ льготъ Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г.;

б) сосланнымъ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія «изъ ссыльныхъ»; лицамъ, пріобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 в ст. IV Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ ссылкѣ на одинъ годъ;

в) поселенцамъ, пріобрѣвшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, дозволить приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права, однако, въѣзда въ предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣлен-

номъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 14 ноября 1894 г., а пріобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 *б* ст. IV Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ Сибири на одинъ годъ, и

г) каторжнымъ сократить срокъ работъ на одинъ годъ.

20. Льготы, даруемыя настоящимъ Манифестомъ каторжнымъ, арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій, ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ на житье и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными, въ 7-й день мая 1894 г. и 9-й день мая 1895 г., правилами о привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ на работы по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги.

21. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянныя по день Коронованія Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ,—отъ каторжныхъ работъ освободить, съ перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

22. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію и кои учинены до дня Коронованія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

23. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ пп. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г) настоящей статьи XIII, предоставить по принадлежности Министру Юстиціи (по Главному Тюремному Управленію) и генералъ-губернаторамъ Иркутскому и Приамурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XIV. Лицъ, учинившихъ такія противузаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ,—освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми изъятіями, которыя опредѣлены въ пп. 1 и 8 предыдущей статьи XIII сего Манифеста, если только взысканія эти не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

XV. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъ казною отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XVI. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣснаго и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ Княжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, или,—при несостоятельности сихъ чиновъ и стражей,—крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершенныхъ до дня Коронованія Нашего лѣсоистребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ,—отъ

означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому-либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

XVII. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ, до дня Коронованія Нашего, самовольную добычу на земляхъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины и проч.

XVIII. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня Коронованія Нашего или явятся не позднѣе, какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XIX. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, въ случаѣ обнаруженія ими званія своего и состоянія, по удостовѣреніи таковыхъ судомъ, въ округѣ коего лица эти имѣютъ пребываніе,—дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться къ другимъ обществамъ, буде тѣ или другія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

XX. Возстановить право на полученіе легитимаціонныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права, на основаніи п. 2 ст. 1510 Уст. там. (Свод. Зак. т. VI, изд. 1892 г.), буде они въ теченіе десяти лѣтъ до дня Коронованія Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушеніе постановленій Устава таможеннаго.

XXI. Лицамъ, сосланнымъ или подлежащимъ ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня Коронованія Нашего, а равно не принятымъ въ общество послѣ отбытія наказанія за преступленія, совершенныя до сего дня, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволенный имъ закономъ (Свод. Зак. т. XIV, Уст. о ссыльн., изд. 1890 г., ст. 520), переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XXII. Туземцамъ Кавказа, Туркестана, Степного края и Закаспійской области, высланнымъ по день Коронованія Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водвореннымъ въ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи, при одобрительномъ поведеніи въ ссылкѣ, даровать: для высланныхъ безсрочно—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пять лѣтъ,—по истеченіи пяти, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ,—по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки,—освобожденіе отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній, Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного края и Закаспійской области, для разрѣшенія жительства въ которыхъ должно

быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе высшаго подлежащей мѣстности начальства.

XXIII. Не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ пп. 1, 4, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 21 ст. XIII лицамъ, учинившимъ общеуголовные преступленія и проступки:

1. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, о тѣхъ, учинившихъ по день Коронованія Нашего преступленія государственныя, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ пп. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанные, входить съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовоззрѣніе Наше ходатайства о возстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссыльныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудовымъ образомъ жизни.

2. Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на усмотрѣніе Наше участь лицъ, кои за преступленія государственныя отбываютъ наказанія, нынѣ наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ, и кои по одобрительному поведенію и свойству ихъ вины или по проявленному ими раскаянію заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

3. Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 161 Улож. наказ.), кои по день Коронованія Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовнаго преслѣдованія не возбуждать.

4. Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ стт. 246—248 Улож. наказ., кои по день Коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

5. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять на благовоззрѣніе Наше ходатайства тѣхъ самовольно по день Коронованія Нашего оставившихъ Отечество, кои, удалившись за предѣлы государства вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 241 Улож. наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину.

6. Примѣненіе милостей, указанныхъ въ пп. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г) ст. XIII, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственныя преступленія, предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (по Департаменту Полиціи), по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ. При примѣненіи п. 16 ст. XIII къ ссыльно-поселенцамъ этой категоріи, которые, по неодобрительному поведенію въ ссылкѣ или по другимъ причинамъ, изъяты были отъ дѣйствія милостей, установленныхъ предшествующими Манифестами для сего разряда ссыльныхъ, срокъ обязательнаго для нихъ пребыванія въ Сибири повелѣваемъ исчислять не со дня прибытія въ ссылку, а опредѣлять таковой, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Министромъ Юстиціи.

7. Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западнаго края, не совершившихъ для содѣйствія польскому мятежу убійствъ, истязаній, грабежей и поджоговъ, повелѣваемъ по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, надзору полиціи, установленному п. 11 ст. XIV Манифеста 15 мая 1883 г., не подвергать, съ разрѣшеніемъ имъ свободнаго избранія мѣста жительства; тѣхъ же изъ нихъ, кои, для содѣйствія мятежу, совершили одно изъ вышеуказанныхъ уголовныхъ преступленій,—по возвращеніи въ отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ не подвергать, водворивъ лишь подъ надзоръ полиціи на три года въ мѣстности по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

XXIV. Состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые за силою сего Манифеста подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невиновности пожелаютъ оправдаться предъ судомъ, могутъ въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебнаго мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, совершенныя ко дню Коронованія Нашего, впослѣдствіи будетъ подлежать, по силѣ сего Манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XXV. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронованія Нашего на пополненіе упомянутыхъ въ настоящемъ Манифестѣ денежныхъ взысканій и недоимокъ по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ пп. 1—13 ст. I сего Манифеста, а равно суммы въ наличныхъ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ; но арестованіе денежныхъ суммъ въ обезпеченіе начетовъ, упадающихъ на должностныхъ лицъ, не считается препятствіемъ къ возвращенію этихъ суммъ по принадлежности, въ случаѣ сложенія самаго начета, въ силу сего Манифеста.

XXVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣніяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ I-й Департаментъ Правительствующаго Сената, а по начетамъ и взысканіямъ суммъ, слѣдовавшихъ къ поступленію въ пользу Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи,— черезъ Главноуправляющаго Собственною Нашею Канцеляріей по Учрежденіямъ Императрицы Маріи— въ Опекунскій Совѣтъ. Правительствующій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XXVII. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ Великаго Княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 14 день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ *).

XX.

Въ театрѣ попрежнему играли три раза въ недѣлю. Въ день отъѣзда Раменскаго вышла афиша «съ участіемъ въ главной роли талантливаго артиста, жителя здѣшняго города, г. Луцкого». Однако это уже не произвело никакого эффекта.

Свѣтитъ да не грѣетъ дало сбору 18 рублей.

Горсть публики скучала. За всю пьесу только разъ вызвали Раменскую, да разъ Луцкого. Сцена бѣшенаго кокетства Переваловой возбудила хохотъ. Самъ Переваловъ игралъ Залѣшина, и такъ какъ, по обыкновенію, не зналъ роли, то прерывалъ свои длинные монологи самъ, заканчивая ихъ словами: «и такъ далѣе». Суфлировала всю пьесу Лиманова.

Луцкой едва успѣлъ выучить роль, такъ какъ пьеса шла съ одной репетиціи въ день спектакля. Наканунѣ,—это было въ понедѣльникъ, какъ разъ въ день отъѣзда Раменскаго и Красавцева,—Луцкой до поздней ночи проходилъ роль съ Марьей Николаевной. Оба они чувствовали себя свободными, точно ихъ выпустили изъ клѣтки.

Плохой сборъ сконфузилъ Луцкого, а Марья Николаевна сдѣлала сцену Перевалову.

— Я, право, не понимаю,—сказала она,—какъ вы допускаете, чтобы пьеса шла такъ убійственно скверно!

— Удивительная охота играть при пустомъ театрѣ и такъ далѣе!

— Вотъ это-то и стыдно. Еще два такихъ спектакля,—и въ театрѣ уже никого не будетъ. Тѣ, кто пришли сегодня, въ другой разъ и не заглянутъ къ намъ. Вѣдь, вы и Ключиковъ ни одного

*) *Русская Мысль*, кн. V.

слова не сказали изъ роли. Это, право, возмутительно даже! Стоитъ стараться съ вами!

Перевалovъ ничего не отвѣтилъ. Ссориться онъ не хотѣлъ, такъ какъ на другое утро собирался просить у нея денегъ для устройства «гулянья съ шествіемъ и маскарада».

Перевалова, смущенная смѣхомъ публики въ сценѣ четвертаго дѣйствія, говорила въ уборной:

— Раменскій былъ правъ, что здѣсь не публика, а стадо барановъ. Гогочетъ въ самую драматическую минуту.

Марьѣ Николаевнѣ стало жаль ея.

— Лизавета Ивановна,— сказала она, стирая кольдъ-кремъ полотенцемъ,— вѣдь, эта сцена всегда и вездѣ вызываетъ смѣхъ. Она какъ-то неловко сдѣлана. Съ кѣмъ я ни играла *Свѣтитъ да не гретъ*, всегда это повторялось. Помните, мама?

Поднявъ голову къ матери и вытирая подбородокъ, она назвала нѣсколькихъ актрисъ, игравшихъ съ нею Реневу.

Она была не занята въ пятомъ дѣйствіи и спѣшила переодѣться, чтобы посмотрѣть изъ-за кулисъ, какъ будетъ играть послѣднюю сцену Луцкой. Онъ ждалъ ея. Она сразу замѣтила, что онъ чѣмъ-то сильно взволнованъ.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, этотъ Перевалovъ! — сказалъ онъ, увидя ее.

— Что? Что такое?

— Смотрите.

Луцкой подалъ ей афишу, которую Никита раздавалъ въ антрактѣ публикѣ.

«*Ванька-ключникъ*, драма въ 4 дѣйствіяхъ, соч. безвременно погибшаго драматурга Л. Антропова, автора знаменитой драмы *Блуждающіе огни*, игранной недавно

съ участіемъ Г. В. Раменскаго.

Главную роль исполнитъ талантливый житель здѣшняго города А. М. Луцкой».

Въ первый мигъ Марьѣ Николаевнѣ бросилась въ глаза строка «съ участіемъ Г. В. Раменскаго», напечатанная очень крупными буквами. Быстро пронеслось у нея соображеніе, что какимъ-то чудомъ Раменскій возвратился, можетъ быть вмѣстѣ съ Красавцевымъ, чтобы выяснить дѣло о разводѣ, и Перевалovъ уже видѣлъ гастролера и уговорилъ его снова играть...

Въ глазахъ у нея помутилось и забѣгали искорки, ноги задрожали.

Разглядѣвъ, что это простая уловка Перевалова съ разсчетомъ именно на такое чтеніе афиши, она сначала облегченно вздохнула, потомъ вспыхнула отъ прилива негодованія.

— Ну, что это такое? — говорилъ тѣмъ временемъ Луцкой.— Почему онъ сваливаетъ на меня отвѣтственность за сборы? Я ему еще вчера говорилъ, чтобъ онъ не ставилъ меня въ красную строку!

Въ былое время Марья Николаевна или расплакалась бы, или, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же позвала бы Перевалова. Но теперь у нея было такое чувство, точно у нея есть ребенокъ и прежде всего надо позаботиться о немъ.

— Успокойтесь, Антонъ Матвѣевичъ, — тихо сказала она, взявъ его за локоть.—Сейчасъ вамъ надо играть. А потомъ мы съ нимъ поговоримъ. Теперь забудьте объ этой глупости.

Онъ покорно началъ читать роль, а она ждала его выхода на сцену съ такимъ волненіемъ, какого никогда не испытывала ни за кого.

Объясненіе съ Переваловымъ не удалось. Когда Марья Николаевна и Луцкой подошли къ нему съ афишей и заговорили о его продѣлкѣ, онъ выслушалъ ихъ, какъ бы долго не понимая, въ чемъ дѣло, потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Жрать надо, господа, и такъ далѣе!

И ушелъ.

Послѣ спектакля Марья Николаевна съ Луцкимъ готовили роли изъ *Ваньки-ключника*.

Ей такъ хотѣлось хорошаго сбора! Просыпаясь, она уже не лежала цѣлый часъ, а тотчасъ же вскакивала, открывала окно и смотрѣла на небо. Предсказаніе Луцкого начинало сбываться. Второй день уже къ утру небо было обложено тучами и вѣтеръ не разгонялъ ихъ. Когда она проходила по улицамъ, то всякому встрѣчному старалась внушить взглядомъ, чтобъ онъ сейчасъ же бѣжалъ въ театръ и покупалъ билетъ. Заходя въ лавку, она непремѣнно подходила къ висѣвшей тамъ афишѣ и думала привлечь къ ней вниманіе лавочниковъ. На репетиціяхъ входила во всѣ мелочи, дѣлала замѣчанія, стыдила тѣхъ, кто не учитъ ролей, такъ что Ключиковъ назвалъ ее «Офелія-режиссеръ».

Передъ началомъ спектакля она послала Никиту въ кассу узнать, сколько сбора, и чуть не заплакала, когда Никита сказалъ:

— Кассиръ говоритъ, больше пятнадцати рублей не будетъ.

— Сейчасъ уже есть пятнадцать? — спросила она.

— Нѣтъ, сейчасъ только шесть...

— Вотъ тебѣ и талантливый житель! — сказалъ Ключиковъ, хлопнувъ Луцкого по плечу. — Шесть цѣлковыхъ въ кассѣ.

Луцкой сидѣлъ полуодѣтый передъ зеркаломъ и наводилъ карандашомъ брови.

— Ты бы, братецъ, побѣгалъ тамъ по своимъ лавкамъ,—прибавилъ Бѣлесовъ, стоя въ глубинѣ и одѣваясь,— нагналъ бы друзей-приказчиковъ. Что-жъ это они не интересуются тобой!

— Надо посовѣтовать Перевалову отыскать талантливую козу здѣшняго города. Авось она больше сбора сдѣлаетъ! — говорилъ Ключиковъ, отодвигая табуретку передъ зеркаломъ и усаживаясь.

Луцкой молчалъ, хотя чувствовалъ, что въ горлѣ у него перехватываетъ.

Въ эту минуту влетѣлъ Перевалов и, быстро сбрасывая съ себя сюртукъ и разстегивая жилетъ, остановился передъ нимъ и сказалъ:

— Ну, батюшка, сыграемъ въ воскресенье *Бѣшеныя деньги* и чортъ тебя возьми совсѣмъ. Ни одной пьесы не поставлю больше для тебя!

Луцкому кровь прилила къ головѣ.

— Да развѣ я васъ просилъ? — закричалъ онъ, вскочивъ, не своимъ голосомъ. — Говорилъ ли я вамъ хоть одно слово? Не я ли умолялъ васъ не ставить меня въ красную строку? Что-жъ вы измываетесь надо мной, дьяволы? Я у васъ получаю половину марки, въ гастролеры не лѣзу, играю все, что даете. Не обязывался векселями дѣлать вамъ сборы!

Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту всѣ молчали. Первымъ заговорилъ Бѣлесовъ.

— Да ты не ори, милый другъ!—заносчиво крикнулъ онъ.— Что больно разгорячился?

Но Луцкой сказалъ еще сильнѣе:

— А вотъ съ того и разгорячился, что если еще кто-нибудь подшутитъ надо мной, такъ я ему челюсть вышибу. Тебѣ первому, сунься только!

Онъ стоялъ среди уборной, полуодѣтый, съ сжатыми кулаками и наполовину загримированнымъ лицомъ. Оно налилось кровью, губы тряслись.

Дамы въ юбкахъ и кофтахъ, или въ корсетахъ съ голыми плечами, грудью и руками, выбѣжали изъ своей уборной. Перевалова побѣжала къ мужчинамъ.

— Что тутъ у васъ? Что тамъ такое?...— спрашивали онѣ.

Занавѣсъ былъ поднятъ, Никита зажигалъ рампу. Въ освѣщен-

ной уже залѣ былъ одинъ владѣлецъ театра, Мякинъ. Онъ вошелъ посмотрѣть, не коптитъ ли гдѣ лампа, и остановился, услыхавъ на открытой сценѣ крики и увидѣвъ полуодѣтыхъ актрисъ.

Марья Николаевна остановилась въ дверяхъ уборной и, вся дрожа, смотрѣла черезъ весь пролетъ сцены туда, гдѣ одѣвались мужчины.

— Ну, полно тебѣ, полно! — сказалъ Переваловъ, гладя Луцкого по спинѣ.—Что это, шутокъ не понимаешь и такъ далѣе. Вы чего? — крикнулъ онъ дамамъ. — Ступайте домой! Кши! Ничего тутъ нѣтъ для васъ любопытнаго и такъ далѣе. Никита! Спустика занавѣсъ.

Луцкой уже сидѣлъ попрежнему передъ зеркаломъ.

Мякинъ покачалъ головой и вышелъ изъ театра. У выхода онъ взялъ сына Ручкиной и повелъ его въ буфетъ.

— Пойдемъ-ка, милый. Я тебѣ миндальнаго пирожнаго дамъ. Хорошее! Прямо для тебя припасъ. А ты мнѣ какую-нибудь ролю скажи.

— «Ролю»! Кто-жъ говоритъ—ролю?... Роль!

— Ишь, какой шустрый мальчишка!

И въ этотъ вечеръ, послѣ спектакля, Марья Николаевна съ Луцкимъ рѣшили учить *Бѣшеныя деньги*.

— Ты это что-жъ, сударыня,—спросила ее мать,—заладила каждую ночь проходить роли съ Антошкой?

— Мамочка, вотъ что я вамъ скажу: я васъ крѣпко люблю и все готова для васъ сдѣлать. Только вы уже не мѣшайте мнѣ заниматься дѣломъ. Мнѣ и гнетъ Василія Сергѣевича надоѣлъ. Я при немъ и не знала, что значитъ настоящая работа.

— Да что онъ тебѣ, кумъ или братъ?

— Онъ талантливый, и мнѣ хочется, чтобъ онъ развился. Что могу, то сдѣлаю. Я опытнѣе его.

— Смотри, Маруська!...

— Ну, будетъ, будетъ.

Дома ихъ ждала телеграмма.

Марья Николаевна быстро вскрыла ее.

«Раменскій требуетъ нѣкоторыхъ условій, которыхъ вамъ не зачѣмъ знать. Они касаются только меня. Кромѣ того, необходимо, чтобъ вы ему написали. Пришлите письмо мнѣ. Я перешлю. Крѣпко цѣлую. Василій».

— Отъ Василія Сергѣевича?—спросила Надежда Алексѣевна.

— Да, отъ него. На-те прочтите, положите мнѣ на столъ и молчите.

Ей не хотѣлось говорить при Луцкомъ по поводу телеграммы. Она уже замѣтила, что по его лицу побѣжали тѣни.

Надежда Алексѣевна прочла.

— Ну, вотъ! Вѣдь, говорили, надо письмо написать.

— Ну, хорошо, мама. Послѣ.

— Да что послѣ! Антоша свой человѣкъ. Жениха подъ столъ не прячутъ.

— Мама! Вѣдь, я же прошу васъ!...

Подавивъ волненіе, она обратилась къ Луцкому.

— Ну, не будемъ терять времени. Только что сыграли одну роль, давайте приниматься за другую. Но какъ вы сегодня маму напугали! Вы просили у нея извиненія? Нѣтъ? Цѣлуйте у нея сейчасъ же руку.

— Къ чему это? — надувшись, проговорила Надежда Алексѣевна.

Она уже возилась около самовара.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть пріучается извиняться. Небось, передъ какой-нибудь Переваловой извинился. Вы знайте, Антонъ Матвѣевичъ, что если хотите нравиться мнѣ, то должны прежде всего понравиться мамѣ. Она распоряжается всѣми моими симпатіями. Скажетъ въ одно печальное для васъ утро, «до чего мнѣ не нравится этотъ Антоша», она васъ называетъ Антошей, вы замѣтили?—ну, и конецъ. Можете тогда учить ваши роли съ госпожей Переваловой. Мама, а замѣтили вы, какъ Лизавета Ивановна ухаживаетъ за нимъ?

— Бросила, кажется,—вставилъ Луцкой.

— Да, да, да! Пойте другимъ! Знаемъ мы это! Ну, Богъ съ ней! Давайте пьесу. Ахъ, еслибъ вы знали, до чего мнѣ нравится роль Лидіи! Влюблена въ нее. Давно мечтаю сыграть ее. Слава Богу, до воскресенья можно сдѣлать три репетиціи. А вамъ нравится ваша роль?

— Ужасно нравится.

Надежда Алексѣевна подала имъ чаю. Марья Николаевна, глядя въ книгу и какъ бы совсѣмъ неумышленно, поцѣловала у матери руку.

«Юлитъ, юлитъ,—думала Надежда Алексѣевна:—да еще какъ юлитъ-то! И сама-то руку цѣлуетъ, и другихъ-то заставляетъ, и весь-то ея законъ—какъ скажетъ мать!... Зачѣмъ? Не хочетъ она замужъ за Красавцева, это уже давно понятно. Хорошо, если только это. А если къ тому еще врѣзалась въ этого лавочника? Ну, нѣтъ, матушка! На такой скандалъ я тебя ни за что не пущу. Да я ско-

рѣе тебѣ косы обрѣжу. Промѣнять почтеннаго и состоятельнаго человѣка на этого мужика! Надо вовсе обезумѣть! Ужъ лучше бы съ мужемъ сошлась, это тебѣ всякій мальчишка скажетъ. Да нѣтъ! Не можетъ этого быть. Не дура же она, въ самомъ дѣлѣ! А отчего же она стала такая бойкая, да веселая? И съ самаго ихняго отъѣзда, съ самаго того дня! Чего она возится съ этимъ Антошкой? Просто, дѣлу радуется. Забыться хочетъ. Очень ужъ много передрягъ испытала. Такъ-то такъ, ну, а все-таки послѣдить не мѣшаетъ. Держи, мать, ухо востро! Можетъ, понадобится и къ родительской власти прибѣгнуть. Его папаша выдралъ, а тебя мамаша... выдрать не выдеретъ—гдѣ ужъ, не тѣ времена,—а этого не позволитъ!»

Чай, хлѣбъ, масло и сыръ—больше ничего не было. Пока Марья Николаевна съ Луцкимъ читали и бесѣдовали, едва успѣвая утолять аппетитъ, Надежда Алексѣевна выпивала нѣсколько чашекъ чаю, съѣдала нѣсколько кусковъ хлѣба съ масломъ и сыромъ, потомъ тихо прибирала посуду и тихо же, не простившись, уходила къ себѣ, притворивъ за собой дверь.

Такъ было всѣ вечера.

Скоро она засыпала, но, проснувшись, прислушивалась: ничего, все учатъ роли, даже не заговариваютъ о постороннихъ предметахъ!

XXI.

Марья Николаевна проснулась, услыхавъ въ гостиной шепотъ и слезы. На столикѣ около кровати лежали дамскіе золотые часы на короткой цѣпочкѣ. Было десять.

Въ ту же минуту дверь тихо скрипнула, и въ спальню заглянула Надежда Алексѣевна.

— Кто тамъ у насъ мама?

Надежда Алексѣевна не сразу отвѣтила, сначала вошла и притворила за собой дверь.

—. Ручкина,—сказала она шепотомъ.—Что-жъ я съ нею буду дѣлать?

— Да что такое?

— Говоритъ, вчера цѣлый день ни сама, ни отецъ ничего не ѣли. Просто, говоритъ, куска во рту не было. Только воду и пили. Была одна булка да стаканъ молока, такъ цѣлый день кормила этимъ сына. По счастью, еще вечеромъ Мякинъ ему пирожнаго далъ. А главное, что хозяинъ сказалъ, если они сегодня не уберутся, онъ позоветъ полицію. Плачетъ-заливается.

Марья Николаевна быстро набросила на себя капотъ, надѣла туфли и вышла къ Ручкиной, захвативъ со столика часы.

Та быстро отирала рукавомъ слезы.

— Вотъ Парася,—прошептала Марья Николаевна, цѣлуя ее и суя въ ея руку часы.—Заложите гдѣ-нибудь, возьмите сколько вамъ надо, а остальное отдадите мнѣ въ театрѣ.

Ручкина посмотрѣла на золотую вещь и, повидимому, собиралась отказываться.

— Голубушка!—проговорила она, какъ всегда, на *б* и съ малороссійскимъ *г*.

— Ну, не разговаривай,—вдругъ перешла Марья Николаевна на ты.—Иди скорѣе и справляйся.

Онѣ опять поцѣловались.

Все это произошло такъ быстро, что когда Надежда Алексѣевна входила, Ручкина шла уже въ переднюю.

— Квитанцію не забудьте принести,—крикнула ей вслѣдъ Надежда Алексѣевна.

— Нѣтъ, не забуду,—сказала та возвращаясь.

Надежда Алексѣевна не успѣла сообразить, какъ она уже поцѣловала у нея руку.

Марья Николаевна долго стояла среди комнаты, сложивъ передъ собой руки такъ, какъ дѣти, когда молятся. Большіе глаза ея, еще заспанные, смотрѣли на кофейникъ.

— Ну, что стала? Иди, умывайся. Ужъ часиковъ-то не вернешь!

— Что-жъ это такое?—проговорила Марья Николаевна задумчиво.—Цѣлыя сутки ничего не ѣли!

— Подожди, попробуешь и сама этого удовольствія.

Марья Николаевна сѣла.

— У насъ мало денегъ?

— То-то! Догадалась спросить. Все думаешь, Богъ посылаетъ.

По тону матери она догадалась, что ихъ денежныя дѣла не такъ еще страшны.

— Хорошо, что хозяйкѣ впередъ отдано, спасибо Василію Сергѣевичу. Да вонъ въ комодѣ рублей десять найдется. Раздай и эти, коли есть охота! Мнѣ все равно.

— Только десять рублей?

— Я не прятала и на себя не тратила.

— Вѣтра нѣтъ, мама?

— Чего?

— Если вѣтра не будетъ, дожди пойдутъ. Тогда ужъ никакихъ сборовъ не будетъ.

— Иди-ка, да одѣвайся. Нечего впередъ загадывать. Вчера Переваловъ съ Мякинымъ совѣтовались какое-то гулянье устроить. Авось хоть этимъ привлекутъ публику.

«Господи! — думала Марья Николаевна, одѣваясь.—Да что-жъ это, какъ разъ когда я такая хорошая и честная, все устраивается такъ дурно? Точно на зло мнѣ!...»

Но она рѣшила не падать духомъ. Если она будетъ работать и сумѣетъ заставить другихъ, то не можетъ быть, чтобъ не было сборовъ.

Когда она собиралась уходить, то по привычкѣ хотѣла надѣть часы. Она вспомнила, что у нея есть еще другіе, болѣе дорогіе, съ вензелемъ и брилліантами.

— Мама, дайте-ка мнѣ мои новые часы.

— А откуда я ихъ возьму? Они вмѣстѣ со всѣми вещами.

— Ну, такъ что-жъ?

— А вещи Василій Сергѣевичъ увезъ.

— Какъ увезъ?

— Не самъ. Не вздумай на него сваливать. Я его попросила припрятать до нашего пріѣзда.

— Зачѣмъ?

— А вотъ хотѣла, чтобъ и онѣ всѣ не пропали, какъ часы.

— Мама! Вы нарочно говорите?

— Клянусь Богомъ! Хоть осмотри весь комодъ.

— И правда, что вы сами придумали это?

— Нѣтъ. Мнѣ твой мужъ посовѣтовалъ,— спасибо ему.

— Значитъ, всѣмъ спасибо. И Василію Сергѣевичу за квартиру, и мужу за совѣтъ.

— Да ужъ понятно! Не этимъ нищимъ чета.

— А я вотъ этихъ нищихъ люблю больше, чѣмъ и того, и другого! — сказала Марья Николаевна, надѣвая шляпу.

— Это какъ же надо понимать?

— А вотъ такъ и понимайте.

— А вотъ Богъ тебя накажетъ, если ты будешь скрытничать съ матерью.

— Когда вы меня любите, я съ вами никогда не скрытничаю. Когда вы ко мнѣ все бокомъ, да бокомъ, такъ мнѣ больше ничего остается.

— Да ты постой! — крикнула мать.

— Некогда, мама. И то опаздываю.

На сценѣ Марья Николаевна застала горячій споръ.

— Не соглашусь, ни за что не соглашусь! — говорила, плача, Лиманова. — Я не для того поступала на сцену! Довольно и того, что я вамъ суфлирую..

— Это дворянство надо бросить! — горячился Перевалов. — Намъ барышенъ не нужно и такъ далѣе! Намъ нужны работники. Ваши профессора сдѣлали бы лучше, еслибъ учили васъ не драматическому искусству, а духу товарищества и такъ далѣе!

— Моихъ профессоровъ оставьте въ покоѣ! Вы слишкомъ ничтожны, чтобъ судить ихъ! Они учили меня трудиться, а не кривляться, какъ въ циркѣ.

— Такъ знайте, что я васъ оштрафую.

— Сдѣлайте одолженіе!

Увидѣвъ Марью Николаевну, она подошла къ ней.

— Вообразите, заставляетъ меня одѣться какой-то вакханкой и ѣздить по саду съ Бахусомъ на бочкѣ. Всему есть предѣлъ. А это ужъ Богъ знаетъ что! Развѣ я для того пошла на сцену, чтобы на потѣху толпы изображать въ саду пьяную бабу?

Марья Николаевна поцѣловала ее. Та заплакала у нея на плечѣ.

— Что такое?—спросила она подошедшаго Ключикова.

— Шествіе изображать надо. Нашелъ Перевалов у водовоза бочку, хочетъ дѣлать колесницу, три клячи убрать цвѣтами, меня съ вѣнкомъ на головѣ и въ костюмѣ посадить на бочку. Стало-быть я — Бахусъ. А около меня двухъ дамъ поставить, Ручкину и вотъ ее. Ну, барышня и обидѣлась.

— Ни за что, ни за что не соглашусь! — повторяла Лиманова. — Я никогда не отказывалась отъ ролей, переиграла всѣхъ горничныхъ и старухъ, суфлирую имъ, наконецъ. Но это что же такое!

— А кто же другая дама? — спросила Марья Николаевна, не дослышавъ.

— А другая — Ручкина. Ея еще нѣтъ.

— И Ручкина ни за что не согласится,— сказала Лиманова.

— Ручкина вчера говорила Перевалову: выдумывайте, что хотите, только бы заработать что-нибудь. А вы — Церера,— прибавилъ Ключиковъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ,—тоже на колесницѣ со снопами ржи, ячменя, овса... А Лизавета Ивановна — Аврора, съ какимъ-то сіяніемъ, электрическимъ солнцемъ, цвѣтами. Мы съ нимъ разъ уже продѣлывали такое шествіе.

Подошла Перевалова.

— Уговорите ее не глупить,— сказала она Раменской, указы-

вая на Лиманову.—Вѣдь, намъ всѣмъ ѣсть нечего. Тутъ уже самолюбіе надо спрятать. Вотъ Ключиковъ подтвердитъ, что мужъ разъ сдѣлалъ огромный сборъ такимъ шествіемъ. Наконецъ, если вы не хотите изображать гетеру или гитану,— не знаю, какъ онѣ у него тамъ называются,— возьмите Аврору. Только для этого нужно большой ростъ.

— Ни Аврору, ни гетеру, ничего я не хочу. И вашъ мужъ не смѣетъ штрафовать меня. Я не обязывалась участвовать въ уличныхъ представленіяхъ.

— Извините, Лиманова. По контракту, вы обязаны исполнять все, что понадобится для успѣха дѣла. Впрочемъ, это меня не касается. Я здѣсь такая же служащая, какъ и вы.

Черезъ минуту Марья Николаевна очутилась между Переваловыми—мужемъ и женой. Оба наперерывъ говорили ей, что она, какъ первая актриса, должна оказать товариществу маленькую поддержку. Дѣла становятся отчаянными. Скоро всѣ останутся не только безъ крова, но и безъ куска хлѣба и такъ далѣе. Если *Бѣшеныя деньги* не дадутъ сбора, то на спектакли разсчитывать уже нечего. Тогда останется собрать рублей 200—300 «торжественнымъ гуляньемъ и шествіемъ» и разъѣхаться. Но требуются предварительные расходы. Переваловъ уговаривалъ Мякина вложить сто рублей, которые пойдутъ на устройство колесницъ, освѣщенія, покупку цвѣтовъ и такъ далѣе. Мякинъ отказался на-отрѣзъ, хотя деньги будутъ возвращены немедленно изъ сбора. Переваловъ даже предложилъ ему, что потомъ все пріобрѣтенное поступитъ въ его владѣніе, но тотъ и на это не согласился. Теперь единственная надежда всего товарищества на нее, Раменскую. Если у нея нѣтъ денегъ, пусть она одолжитъ цѣнныя вещи. Всего на нѣсколько дней!

Разумѣется, Переваловы не повѣрили, когда она сказала, что всѣ ея цѣнныя вещи отправлены съ Красавцевымъ въ губернскій городъ.

Самъ Переваловъ хрустѣлъ пальцами, глаза его наполнились слезами.

— Я передъ вами на колѣни стану,— говорилъ онъ.

— Ради всего святого, не отказывайте! — сказала Лизавета Ивановна, тоже со слезами.

— Поймите, что кромѣ этого ничего нельзя придумать. На *Бѣшеныя деньги* не будетъ сбора и такъ далѣе. Я уже не за себя горю, а за товарищей. Ихъ пожалѣйте.

— Душечка, Маруся! Вы не знаете, въ какомъ мы положеніи!

Еще одна такая недѣля, и мы останемся даже безъ чаю-сахару! Отъ васъ все зависитъ!

Перевалова уже заливалась слезами.

Марья Николаевна тоже готова была заплакать.

— Но клянусь вамъ чѣмъ хотите, что не лгу. Я только сейчасъ узнала отъ мамы, что вещи мои отправлены. Спросите ее. Возьмите все, что у меня есть, обыщите квартиру. Но вы немного наберете. И потомъ, ради Христа, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, устраивать это шествіе. По крайней мѣрѣ, я ни за что не пойду никакой Церерой.

Переваловы помолчали.

— Ну, теперь я умываю руки и такъ далѣе! — сказалъ онъ.

Марья Николаевна отошла отъ нихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Переваловъ ушелъ. Жена посовѣтовала ему немедленно отправить багажъ съ костюмами въ Москву. Какъ-нибудь они тутъ перебьются, но, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ у нихъ будетъ возможность заложить костюмы, чтобы ждать ангажемента на зиму. Если же ихъ не отправить сейчасъ, то, чего добраго, арестуетъ тотъ же Мякинъ или хозяинъ квартиры.

Въ костюмахъ да въ библіотекѣ было все состояніе Перевалова. Только благодаря этому онъ и могъ набирать труппу и снимать театры, получая потомъ лишнюю марку, какъ распорядитель, и нѣсколько рублей наличными изъ сборовъ. То и другое давнымъ-давно уже было куплено за гроши у разорившагося антрепренера, костюмы потрепались и были ветхи, но для Перевалова они были единственнымъ источникомъ дохода и выручали его въ самые трудные моменты жизни. Теперь онъ разсчитывалъ воспользоваться ими для «шествія», разъ же устроить его оказывалось невозможнымъ, надо было спѣшить спасти единственное достояніе.

— Что же, господа, давайте репетировать,— сказала Раменская.— Гдѣ Григорій Александровичъ?

— Онъ ушелъ,— отвѣтила Перевалова.— Будемъ безъ него.

— Какъ! Безъ Телятева?

— Что дѣлать! Ему некогда.

На мѣсто уѣхавшаго Аполлоши сѣла заплаканная Лиманова. Она же громко читала реплики Телятева.

Репетиція не клеилась.

— Лучше назначимъ репетицію вечеромъ,— сказала Раменская.— А это, вѣдь, ни къ чему.

— Если у васъ есть заплатить за вечернюю репетицію, такъ

отдайте лучше маленькимъ актерамъ. Они, по крайней мѣрѣ, пообѣдаютъ,—отвѣтила ей Перевалова.

«Только десять рублей въ комодѣ!» — вспомнила Марья Николаевна и сконфузилась.

Ручкиной дали за часы двадцать пять рублей. Она не знала, сколько изъ нихъ взять. Одному хозяину квартиры надо было дать хотя пятнадцать.

Купивъ дешеваго чая, сахара и хлѣба и накормивъ сына и отца, она со всѣми остальными деньгами пошла въ театръ.

— Сколько тебѣ дали? — спросила Раменская.

Та сказала.

— Только-то! А я сейчасъ пообѣщала Ключикову съ Бѣлесовымъ. Милая, тебѣ двадцати довольно?

— Довольно, Маруся, совсѣмъ довольно.

— Ну, такъ пять я имъ отдамъ.

Ручкина, счастливая, что нѣсколько дней будетъ сыта, побѣжала домой, а Марья Николаевна, проходя мимо Ключикова, незамѣтно для другихъ, сунула ему въ руку пятирублевку.

Тогда репетиція окончательно расклеилась. Ключикову и Бѣлесову хотѣлось поскорѣе издержать деньги.

Пришлось расходиться.

— Не забудьте Холодкова! — шепнула Марья Николаевна Ключикову.

— Офелія! Дайте ручку! — сказалъ онъ съ комическимъ паѳосомъ.

Ей казалось теперь, что всѣмъ уже нечего ѣсть. «Неужели и ему тоже?» — подумала она о Луцкомъ.

Они выходили изъ сада.

— Послѣ обѣда сейчасъ же ко мнѣ,—сказала она, прощаясь съ нимъ,—опять будемъ учить роли вмѣстѣ.

Она съ усиліемъ произнесла слова «послѣ обѣда». Можетъ быть, онъ уже давно и не обѣдалъ. Хотѣла позвать его къ себѣ, но побоялась обидѣть.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ и сейчасъ же грустно прибавилъ:— ышите?...

Марья Николаевна подняла голову и прислушалась. Гдѣ-то грелъ громъ. Небо было загромождено густыми облаками.

— И никакого вѣтра!—произнесла она, качая головой.

— Ни малѣйшаго!—сказалъ онъ, вздохнувъ.

XXII.

На другой день, около двухъ часовъ дня, когда Раменская, Луцкой и Переваловъ репетировали одну изъ сценъ четвертаго дѣйствія, надъ театромъ одинъ за другимъ пронеслось нѣсколько раскатовъ грома.

Марья Николаевна вздрогнула и перекрестилась. Кто-то изъ актеровъ, стоявшихъ въ глубинѣ произнесъ:—«Ого-го!»

Репетицію пріостановили.

Раменская подошла къ выходу со сцены и выглянула на верхъ. Надъ садомъ повисла тяжелая и мрачная туча. Кругомъ было такъ тихо, какъ будто все живое пригнуло къ землѣ голову и, замирая, ждало новаго удара.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, будемъ продолжать,—сказала Раменская тихо, точно боясь разбудить кого-нибудь.

И Луцкой началъ репетировать тоже тихо и осторожно.

Вдругъ на одинъ мигъ ярко освѣтило сцену, истрепанныя кулисы, театральный залъ со стульями и скамейками. Марья Николаевна какъ-то сразу увидѣла и бѣлые билеты на стульяхъ, и фортепіано въ оркестрѣ, и суфлерскую будку, и декораціи, висѣвшія надъ головой, и деревья въ саду, точно ворвавшіяся въ театръ. А затѣмъ все это, блеснувъ, исчезло, и кругомъ стало страшно темно.

Не прошло трехъ секундъ, какъ надъ самой крышей раздался оглушительный ударъ и трескъ, точно весь театръ разсыпался въ щепки, доски его, стулья, декораціи, фортепіано—все покатилось, громыхая и стуча, и гдѣ-то далеко съ новымъ ударомъ рухнуло въ пропасть. Ударъ грома точно былъ пронизанъ отчаяннымъ воплемъ Переваловой. Многіе кинулись къ ней, думая, что ее убило молніей. Она прижалась на колѣняхъ къ досчатой стѣнкѣ мужской уборной и закрыла руками голову.

— Господи помилуй, Господи помилуй!—громко повторяла она.

— Ужасно боится грозы, нервная и такъ далѣе,—объяснилъ взволнованный мужъ.—Успокойся, голубушка, прошло уже.

— Не отходи отъ меня, не отходи, ради Создателя!—стонала она.

— Не отхожу. Успокойся. Присядь тутъ.

Онъ посадилъ ее на стулъ въ самомъ углу кулисъ. Марья Николаевна вспомнила, что на этомъ мѣстѣ Раменскій, послѣ третьяго дѣйствія «Безприданницы», держалъ ее за обѣ руки и уговаривалъ ѣхать съ нимъ.

«По рисункамъ художника Чертопханова», — вспомнила она почему-то эту фразу.

— Ключиковъ! Не въ службу, а въ дружбу принеси изъ буфета стаканчикъ воды,—попросилъ Переваловъ.

Кругленькая фигура комика быстро пронеслась по сценѣ и скатилась по лѣстницѣ въ садъ.

По крышѣ забарабанили крупныя капли и сейчасъ же прекратились, словно пробуя его прочность. Потомъ вдругъ, точно увѣрившись, что она выдержитъ всякій напоръ, онѣ застучали быстро и сильно. Разразился ливень. По всему театру поднялся такой гулъ, что актерамъ, разговаривая, приходилось кричать во весь голосъ. Черезъ громадную дверь, въ видѣ воротъ, отдѣлявшую сцену отъ сада, несся шумъ дождя, бившаго по листьямъ деревьевъ, отчего ливень казался еще сильнѣе. Потоки, бѣжавшіе съ крыши по трубамъ и минуя ихъ, хлестали и дѣлали такое впечатлѣніе, какъ будто все кругомъ уже было залито водой. Окна мужской уборной, около которой столпились всѣ актеры, дрожали и звенѣли отъ барабанившаго по нимъ дождя. Гдѣ-то очень близко зашлепали тяжелыя капли, словно безцеремонно врываясь въ самый театръ. Въ двухъ мѣстахъ въ залѣ и надъ самой серединой сцены образовалась течь. Черезъ минуту здѣсь уже были лужи. Удушливый воздухъ, пропитанный копотью, запахомъ масла и краски, наполнился теплой влагой.

Ключиковъ прибѣжалъ, осторожно держа стаканъ съ водой. Платье на немъ было совершенно мокрое.

— Ну, и влетѣло же мнѣ!—сказалъ онъ, передавая стаканъ, отряхиваясь и разсыпая кругомъ брызги.

— Ты точно собака, когда она выкупается! — сострилъ Бѣлесовъ.

Ливень продолжался минутъ двадцать и постепенно перешелъ въ мелкій дождь. Шумъ прекратился, только въ мѣстахъ, гдѣ была течь, еще грузно шлепались капли, да изъ водосточныхъ трубъ за стѣнами театра лилась вода.

Марья Николаевна стояла около выхода со сцены и смотрѣла на ольшое дерево, подъ которымъ было почти сухо, и на бѣжавшій еподалеку отъ него широкій потокъ мутной воды. Онъ огибалъ рево и съ шумомъ скатывался гдѣ-то подъ сѣрымъ досчатымъ аборомъ.

Лиманова стояла около нея и разсказывала, какъ два года надъ «у нихъ въ деревнѣ» гроза зажгла хату и какъ мужики не зволили спасать ее, говоря, что съ Богомъ спорить нельзя.

— Вотъ вамъ и «Бѣшеныя деньги!» — сказалъ, подходя, Луцкой.

— Можетъ быть, этимъ ливнемъ и кончится?—отвѣтила Марья Николаевна.

Онъ отрицательно кивнулъ нѣсколько разъ головой.

— Небо очищается,—прибавила она.

— Такъ-то такъ. Вотъ завтра утромъ... только вы еще спать будете... надо посмотрѣть, какъ солнце всходитъ. Еслибъ при этомъ небо было облачное, то дождя не будетъ. А если солнце взойдетъ ясное на совершенно чистомъ небѣ, то часа въ два или немного раньше опять будетъ ливень.

— А мы-то съ вами старались! Для чего учили и ночей не спали?

— Да. Мнѣ будетъ очень досадно, если спектакль придется отложить. Я совсѣмъ влюбился въ этого Василькова. И вы мнѣ такъ много показали.

— Слушайте, Антонъ Матвѣевичъ!

Она взяла его руку и отошла съ нимъ.

— Вы еще не знаете, гдѣ будете служить зимой?

— Нѣтъ, не рѣшилъ еще.

— А имѣете предложеніе?

— Меня зоветъ Переваловъ. Онъ говоритъ, что, вѣроятно, сниметъ театръ гдѣ-то въ западныхъ губерніяхъ. Проситъ, чтобъ я никуда не обѣщалъ. А кромѣ того, вотъ... съ Лимановой.—Онъ оглянулся и кивнулъ въ ея сторону. — Ее зовутъ товарищи по школѣ... куда-то въ Сибирь. Она рекомендовала и меня. Ждетъ отвѣта.

— Вы хотите съ нею?

Онъ помолчалъ, точно собираясь съ духомъ. Потомъ прижалъ локтемъ ея руку и сказалъ:

— Мнѣ бы такъ хотѣлось служить въ одной труппѣ съ вами. Но я объ этомъ и мечтать не смѣю,—тихо прибавилъ онъ.

— Хотите, я напишу нашему представителю товарищества?

— Да, вѣдь, у васъ и безъ меня огромная труппа!

Они медленно двигались по сценѣ, обходя лужу посрединѣ.

— Вамъ не дадутъ тамъ столько играть,—сказала она, подумавъ.—Въ маленькомъ городѣ вы сразу будете на первыхъ роляхъ. Кто бы тамъ ни былъ, вы всякаго забьете.

Луцкой слушалъ ее съ радостнымъ волненіемъ.

— Это не только мое мнѣніе. Вѣдь, вотъ тотъ же Григорій Александровичъ говорилъ, что не дастъ вамъ больше хорошихъ ро-

лей, а сейчасъ былъ разговоръ. Лизавета Ивановна хочетъ ставить въ свой бенефисъ «Горькую судьбину» и вамъ дать Ананія.

— Батюшки! Даже страшно... А сама она—Лизавету?

— Да. Я думаю, она искала пьесу, чтобъ обойтись безъ меня. Ну, это все равно! А у насъ вамъ, все-таки, не дадутъ всего этого. Не знаю, право, что для васъ лучше: сразу приготовить всѣ большія роли или, наоборотъ, сначала пріобрѣсти опытъ на маленькихъ.

— Я бы предпочелъ играть сначала маленькія въ хорошей труппѣ, съ хорошимъ режиссеромъ. Мнѣ кажется, это выравниваетъ актера.

— Конечно,—подхватила Раменская.

— Я, вѣдь, играю пока, такъ сказать, запаломъ.

— Въ томъ-то и дѣло! А у насъ вы бы развились постепенно. Это несравненно лучше. Ну, мы еще поговоримъ объ этомъ!

Она отпустила его руку и пошла къ Переваловой, которая уже успокоилась и только изрѣдка вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Будемъ репетировать?—спросила Раменская.

— Давайте. Надо же хоть разъ пройти пятый актъ и такъ далѣе! Лизанька, ты можешь?

— Могу,—отвѣтила Перевалова.

Но черезъ нѣсколько минутъ опять пошелъ дождь и хотя безъ грома и не такой сильный, однако, репетировать не было никакой возможности.

Въ саду и на улицѣ были такія лужи, что дамы останавливались, не зная, какъ ихъ перейти. Луцкой первый подхватилъ Марью Николаевну и перенесъ ее на рукахъ. Тогда Ключиковъ съ Бѣлесовымъ скрестили руки и, усадивъ Лиманову, перенесли и ее.

— Помогите Переваловой,—шепнула Марья Николаевна Луцкому.

Тотъ вернулся по лужѣ и подобралъ Лизавету Ивановну.

Визгъ, хохотъ и крики раздавались съ такою веселостью, какъ будто все обстояло благополучно и сборы были блестящіе.

— А меня, меня!—крикнулъ Жаровъ,—я тоже дама, драматическая старуха.

И когда Холодковъ взялъ его на руки, а старикъ началъ представлять даму въ истерикѣ, замахалъ руками и запищалъ, то хохотъ усилился, и бывшіе по другую сторону широкой лужи встрѣтили ихъ апплодисментами. Жаровъ кривляясь раскланялся, а Холодковъ сказалъ:

— Наконецъ-то и намъ съ вами апплодируютъ!

XXIII.

Три спектакля были отмѣнены. Каждый день шелъ одинъ или два дождя. Кругомъ театра стояла невылазная грязь. Къ вечеру погода разгуливалась, и только въ той сторонѣ, куда уходили тучи, оставались длинныя облака, точно размазанныя чернильныя пятна. Воздухъ становился особенно прозраченъ, а ночью поднимался туманъ и къ утру сгущался въ новыя облака.

«Бѣшеныя деньги» объявлялись три раза. Въ воскресенье къ началу спектакля было восемь рублей въ кассѣ. Мякинъ уговаривалъ не отмѣнять спектакля и обѣщалъ, что публика подойдетъ, когда улицы немного просохнутъ. Не начинали до девяти часовъ. Актеры, одѣтые и загримированные, бродили и по сценѣ и по саду. Къ этому времени прибавилось еще шесть рублей. Перевалов разозлился, обругалъ владѣльца театра и отмѣнилъ спектакль.

Мякинъ пришелъ на сцену.

— Въ такомъ разѣ кончимте наше дѣло!—сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь. — Никита! Какъ господа артисты выйдутъ, тащи замокъ, запирай театръ и ключъ принеси мнѣ.

Немедленно донесли Перевалову. Онъ выбѣжалъ изъ уборной безъ сюртука.

— Что такое?—крикнулъ онъ.—Кто здѣсь на сценѣ смѣетъ распоряжаться, кромѣ меня, и такъ далѣе?

— Не извольте горячиться. Это я приказалъ запирать театръ.

— А вы кто такой?

— Собственникъ-съ.

— Чего вы собственникъ? Вашего затылка и такъ далѣе? Такъ его никто не трогаетъ. А здѣсь въ театрѣ одинъ хозяинъ — я. До 25 августа и такъ далѣе.

— Пожалуйста, господинъ Перевалов, потише. Можете развлновать которыя дамы въ женской уборной. А я именно васъ нисколько не боюсь. Театра я вамъ не продавалъ-съ.

— Да контрактъ-то ты подписывалъ? Купчина!

— Контрактъ съ вашей стороны давно нарушенъ-съ, вамъ это лучше извѣстно.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ нарушенъ? Какой судья такъ далѣе?

— Да тутъ и суда никакого не нужно! Мнѣ въ срокъ не платили,—стало-быть, нарушенъ.

Мякинъ началъ тушить лампы.

— Не смѣй трогать,—остановилъ Перевалъ и дернулъ его за рукавъ.—Тутъ нѣтъ ни одной пылинки твоей и такъ далѣе.

— Да что вы, господинъ Перевалovъ, точно рехнулись.

Изъ дамской уборной вышли Надежда Алексѣевна и Ручкина съ сыномъ. Мякинъ увидѣлъ ихъ и возвысилъ голосъ:

— По-вашему, выходитъ такъ, какъ будто я и не собственникъ.

— Слушай, милѣйшій,— сказалъ Перевалovъ, взявъ его за пуговицу,—если ты глупъ, такъ лучше молчи. Все-таки люди подумаютъ, что ты уменъ. Если ты сейчасъ же отсюда не уберешься, такъ я позову полицію, и она тебя вытолкаетъ.

— Изъ моего же дома?

— Не кричи. Ты видишь, я тебя тихонько учу уму-разуму. По контракту театръ мой. А если ты находишь, что я контрактъ нарушилъ, такъ иди, жалуйся на меня въ судъ и такъ далѣе. Когда ты получишь такую бумагу, чтобъ отобрать театръ отъ меня назадъ, тогда приходи, и я самъ уйду. Понялъ?

Мякинъ простовато моргалъ, начиная догадываться.

— Уразумѣлъ теперь?

— Эге!—протянулъ Мякинъ:—вотъ она штука-то! Ловкіе вы господа, ужъ именно, что артисты!

— А ты до сихъ поръ и не понималъ? Плохо-жъ тебя учили.

— Да ужъ что говорить! Ловкачи, однимъ словомъ.

Перевалovъ хотѣлъ идти, но остановился.

— И потомъ, голубчикъ, нельзя приходить въ чужой домъ и браниться. Это неделикатно. Ступай на улицу, тамъ и ругайся.

Мякинъ расхохотался.

— Да ужъ правильно, господинъ Перевалovъ, такъ правильно, что только руками развожу.

— Ну, стало-быть и до свиданія. А если хочешь разговаривать, такъ неси бутылку водки и порцію чая.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Разговаривать-то намъ не о чемъ.

Онъ ушелъ со сцены, но въ саду остановился, хлопнулъ себя по затылку и проговорилъ:

— Ну, и ловко же! Ахъ, ты, старая лисица!

Онъ не могъ бы объяснить, злится ли онъ на Перевалова, или восхищается его юридическимъ толкованіемъ аренды театра.

Долго еще сидѣлъ онъ на галереѣ буфета и, улыбаясь, покачивалъ головой.

— Мама, я у него попрошу пирожнаго. Я ѣсть хочу,—услышалъ онъ голосъ мальчика.

— Не надо, глупенькій. Не хорошо попрошайничать, — сказала Ручкина.

Мякинъ подошелъ къ ней.

— Позвольте мнѣ парнишку на минутку.

— Онъ вамъ надоѣдаетъ.

— Нѣтъ-съ, помилуйте. Очень пріятно. Пойдемъ со мной, хлопецъ.

Въ буфетѣ, угощая его пирожнымъ, онъ началъ разспрашивать, какъ живетъ его мать. Мальчикъ откровенно разсказалъ, что они давно уже не обѣдаютъ, что теперь, кромѣ чая съ хлѣбомъ, уже дня два опять ничего не ѣдятъ.

— Ишь ты, горе какое! — восклицалъ Мякинъ. — Ну, а ты чѣмъ будешь, когда выростешь?

— Первымъ любовникомъ.

— Стало-быть, все-таки актеромъ? Поди-жъ ты, какой соблазнъ. Да, вѣдь, первые-то любовники, хлопецъ, безъ хлѣба сидятъ.

— Нѣтъ. Я буду такой, какъ Раменскій. Онъ богатый.

Мякинъ слѣдилъ изъ буфета, какъ актеры съ узелками расходились по домамъ.

Онъ позвалъ приказчика, сидѣвшаго въ кассѣ.

— Слышь, ты! Больше за театръ не вычитай. Выдашь стало-быть парикмахеру, бутафору, агенту, а остальное все — Перевалову. Скажешь: хозяинъ, молъ, не велѣлъ вычитать. Когда-нибудь, молъ, сочтетесь. На томъ свѣтѣ угольками.

— А вы уѣдете, что ли?

— Завтра ѣду. Я изъ-за этого театра тоже не мало своихъ дѣловъ разстроилъ. Будетъ съ меня! И какъ только они выѣдутъ, все имущество пущу въ распродажу, а въ театръ туда опять мѣшки съ мукой! Стало-быть не забудь. Скажи, хозяинъ жертвуетъ! А то хоть и ничего не говори. Мнѣ ихней благодарности не надо.

— Съ одного представленія или со всѣхъ такъ?

— Со всѣхъ! Не долго имъ поиграть-то осталось. Скоро совсѣмъ прикончутъ.

— До срока далеко!

— Гдѣ имъ до срока доиграть!...

Во вторникъ къ началу спектакля было шесть рублей. *Бѣшеныя деньги* отмѣнили вторично.

Наконецъ, въ четвергъ, когда и вечеромъ шелъ дождь, пришелъ чиновникъ съ женой, два приказчика и одинъ мальчикъ. Они конфузливо постояли подъ навѣсомъ входа, получили изъ кассы обратно деньги и поспѣшили уйти.

XXIV.

На воскресенье былъ объявленъ бенефисъ Переваловой—*Горькая судьбина*. Во всякой другой пьесѣ ей не во что было бы одѣться, такъ какъ всѣ ея городскія платья для сцены были заложены, а костюмы отправлены въ Москву.

Актеры сами должны были позаботиться о зипунахъ, сарафанахъ и мужицкой обуви.

Въ пятницу съ утра поднялась буря, цѣлый день раскачивавшая деревья въ саду. Къ закату солнца она стихла, небо совершенно очистилось, и наступилъ тихій и теплый вечеръ.

Въ субботу часовъ съ восьми утра вѣтеръ снова поднялся, грязь на улицахъ быстро высыхала. Только у входа въ театральный садъ стояло мутное озеро.

Переваловъ, то подпрыгивая, то высоко поднимая панталоны, за которыми были видны побурѣвшія голенища, вошелъ въ садъ. При поворотѣ къ театру онъ остановился и посмотрѣлъ въ сторону буфета. Тамъ на скамейкахъ, какъ показалось ему, спали лакеи. До репетиціи оставался еще цѣлый часъ.

Высокія деревья гнулись, шумѣли листьями и стукались сухими вѣтками. Пожелтѣвшіе листья летѣли на скамьи и столы, кое-гдѣ шуршали подъ ногами. Со сцены доносился стукъ молотка.

Переваловъ обвелъ садъ унылымъ взглядомъ и, заложивъ руки назадъ, медленно пошелъ на сцену.

Никита, ползая по полу, налаживалъ декорацію крестьянской избы. Переваловъ остановился около него и долго молча смотрѣлъ.

— Послушай, Никитушка!—сказалъ онъ.

Тотъ сѣлъ на колѣняхъ и поднялъ голову.

Переваловъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука носовой платокъ и высморкался. Ему очень трудно было заговорить.

— Что вамъ угодно, Григорій Александровичъ?

— Дай мнѣ, ради Христа, цѣлковый взаймы.

Никита снова опустился надъ декораціей и застучалъ молоткомъ. Потомъ пріостановился, опять сѣлъ на колѣняхъ и сказалъ:

— Вы думаете, Григорій Александровичъ, у меня казна? Вѣрь-совѣсти: намедни послѣднюю трешницу отдалъ вамъ.

И опять застучалъ. .

Переваловъ выждалъ, пока тотъ кончилъ вбивать гвозди.

— Я, братецъ, сегодня еще ничего не глоталъ и такъ далѣе.

Никита снялъ картузъ и почесалъ въ затылкѣ.

— Жена тоже,—продолжалъ Переваловъ,—ее послалъ къ Ра-

менской. Авось, тамъ накормятъ. А самъ вотъ побрелъ сюда, какъ голодный волкъ, отыскивающій пищу.

— Не найдете вы здѣсь пищую, Григорій Александровичъ, прямо вамъ скажу. Самъ съ матерью, окромя пустыхъ щей, ничего не ѣмъ.

— Нѣтъ ли у тебя хоть чего-нибудь?

— Ей-ей, куска хлѣба здѣсь нѣтъ. Домой нешто сходить?

— Сходи, Никита. Принеси хоть хлѣба.

Никита бросилъ молотокъ, медленно поднялся, постоялъ, посмотрѣлъ задумчиво на декорацію и вышелъ.

Переваловъ сѣлъ на суфлерскомъ стулѣ и, глядя передъ собой въ открытую дверь въ садъ, началъ тихо насвистывать.

Но ѣсть такъ хотѣлось, что трудно было усидѣть на мѣстѣ. Онъ опять вышелъ въ садъ и пошелъ къ буфету. Онъ зналъ, что тамъ ничего не получитъ, не разъ уже пробовалъ,— шелъ только потому, что надо же было двигаться куда-нибудь.

«Разбужу лакеевъ,—подумалъ онъ,—авось, чего-нибудь выпрошу.

Онъ остановился передъ спящими двумя фигурами на скамейкахъ и съ изумленіемъ узналъ въ нихъ Ключикова и Бѣлесова.

— Эй, господа, вы что тутъ дрыхнете?—крикнулъ онъ, расталкивая Ключикова.

Ключиковъ раскрылъ глаза и, увидѣвъ пріятеля, зѣвнулъ и потянулся. Подъ головой у него лежалъ узелъ.

— Чего это ты дрыхнешь здѣсь и такъ далѣе? Или уже тю-тю? Allez vous-en?

Ключиковъ повернулся на другой бокъ, стараясь укрыться воротникомъ пиджака. Переваловъ взглянулъ на другую скамью. Бѣлесовъ сидѣлъ, протирая глаза.

— Что, братъ?—обратился къ нему Переваловъ:—выгналъ?

— Выгналъ,—сказалъ тотъ, надѣвая пенснэ.

Переваловъ подсѣлъ къ нему и вздохнулъ.

— Тутъ и ночевали?

— Тутъ.—Бѣлесовъ ежился отъ холода, заложивъ руки глубоко въ карманы брюкъ.

— А «пищую», какъ говоритъ Никита, принимали?

— Гдѣ-жъ ее взять?

Переваловъ онять вздохнулъ.

— Это твои вещи?—спросилъ онъ и указалъ на узелъ, такой же, какъ и подъ головой Ключикова.—Ордена и водевили, которы стяжалъ? Папиросъ нѣтъ, конечно.

— Да и у васъ, Геннадій Демьянычъ, нѣтъ.

Перевaловъ оглянулся на дверь въ буфетъ, заставленную досками и запертую огромнымъ замкомъ.

— Выломать, что ли?—сказалъ онъ.—Кража со взломомъ. Да еще и не найдешь ничего.

Бѣлесовъ молчалъ.

— Ключиковъ, вставай и такъ далѣе!—крикнулъ Перевaловъ.

Комикъ вскочилъ быстро и сѣлъ.

— Ну, всталъ. Кормить будешь? Вѣдь, нѣтъ? Чего-жъ присталъ?

Его жидкій капулекъ рыжихъ волосъ взъерошился на кругломъ черепѣ. Маленькіе глаза, точно небольшія точки на широкомъ, расплывшемся лицѣ, смотрѣли злобно.

— Вмѣстѣ, можетъ быть, придумаемъ что-нибудь и такъ далѣе.

Ключиковъ всталъ, прошелся по террасѣ буфета, приподнялъ брюки и одернулъ жилетъ.

— Я уже придумалъ.

— Ну-ка?

— Вотъ взберусь на колокольню и брошусь. Благо хоронить близко, тутъ же на кладбищѣ.

— Надо что-нибудь поумнѣе.

— А ужъ это ты выдумай.

— Никита!—крикнулъ Перевaловъ, увидя плотника.—Я здѣсь. Сюда! Вотъ вамъ, братцы, и пищая.

— Кто? Гдѣ? Никита несетъ?—спросилъ Бѣлесовъ.

— Долженъ принести.

— Несутъ, несутъ!—протянулъ Бѣлесовъ, потирая ладони и подражая интонаціи Хлестакова.

Никита подалъ Перевaлову завернутыми въ красный платокъ краюху чернаго хлѣба и шесть печеныхъ яицъ. Въ бумажкѣ была завернута поваренная соль.

— Спасибо, Никитушка! Я тебя, уѣзжая, поблагодарю и такъ далѣе.

Никита замѣтилъ, съ какою радостью смотрѣли на хлѣбъ и яйца Ключиковъ и Бѣлесовъ и деликатно удалился.

XXV.

Жаровъ сидѣлъ на суфлерской будкѣ и, охвативъ голову руками, громко говорилъ:

— Господи, Господи! За что Ты мнѣ посылаешь такое испыта-

ніе? Всю свою жизнь я молился Тебѣ, не поминалъ, только когда торчалъ на этихъ проклятыхъ подмосткахъ! Есть же такіе, которые и вовсе забыли Тебя, а ты не испытываешь ихъ!...

Луцкой не могъ смотрѣть на него безъ боли, но въ то же время его тянуло быть близко около старика.

«Панама» лежала тутъ же на суфлерской будкѣ, жидкіе сѣдые волосы Жарова были взбиты, красноватые старческіе глаза слезились.

Ручкина плакала, прислонившись къ кулисѣ спиной, и, когда кто-либо подходилъ къ ней съ утѣшеніемъ, говорила:

— Украду́, непремѣнно украду́. Пускай меня судятъ. Если хозяинъ не накормитъ сегодня сынишку, въ первую лавку пойду и украду́ что-нибудь. Наболѣло сердце. Брошу сцену. Хоть въ горничныя пойду. По крайней мѣрѣ, малы́й сытъ будетъ!...

Лиманова была единственная въ труппѣ, пользовавшаяся у хозяйки кредитомъ на квартиру и столъ. Она стояла около Ручкиной, не зная, что дѣлать. Утѣшать — ей казалось неловко, потому что сама она была сыта. Предложить что-нибудь—не могла: у нея ничего не было. А отойти отъ нея и совсѣмъ неловко. Она рѣшила, во всякомъ случаѣ, взять сына Ручкиной съ репетиціи къ себѣ и подѣлиться съ нимъ обѣдомъ. Онъ былъ въ саду и строилъ изъ грязи и песку хату.

Но Лимановой совѣстно было даже сказать о своемъ рѣшеніи Ручкиной. Она краснѣла, плакала и совершенно терялась.

— Покойница моя, голубушка! — продолжалъ причитать Жаровъ.—Знаешь ли ты, что я, старый хрычъ, завидую тебѣ. Тебѣ уже не надо ни кушать, ни кривляться, какъ мнѣ, дураку! Помани меня къ себѣ поскорѣе. Попроси тамъ, кого слѣдуетъ, чтобы послалъ мнѣ смёртушку. Въ ножки тебѣ поклонюсь за это на томъ свѣтѣ!

Луцкой никогда до сихъ поръ не симпатизировалъ ему. Въ немъ не находилъ онъ ни привлекательнаго актера, ни добраго человѣка. Даже старость его какъ-то не внушала уваженія. Притомъ же онъ такъ непріятно грассировалъ. Теперь же точно Луцкому рвали грудь на части.

— Успокойтесь, голубчикъ! — сказалъ онъ ему въ десятый разъ.

— Батюшка! Устрой ты меня какъ-нибудь.

— Да если бы я могъ! — сказалъ Луцкой, и голосъ его глухо дрогнулъ.

Въ который разъ приходитъ уже ему въ голову мысль обра-

титься къ богатой дѣвушкѣ, его бывшей невѣстѣ! Но какъ это сдѣлать?!

Сегодня утромъ онъ послалъ Холодкова съ запиской къ брату. Холодковъ, уже недѣлю ночевавшій у Луцкого, пошелъ съ полною увѣренностью, что его поколотятъ.

Поколотить не поколотили, но смотрѣли на него въ небольшомъ дворѣ, заваленномъ ящиками, очень недружелюбно. Братъ Луцкого—«рыжій мужикъ», какъ назвалъ его Холодковъ, велѣлъ передать на словахъ, что если тотъ придетъ на порогъ лавки нищимъ и съ сумой черезъ плечо, такъ и тогда не получитъ ни мѣднаго гроша, ни куска хлѣба.

Теперь Холодковъ разсказывалъ объ этомъ товарищамъ.

«Пойти къ невѣстѣ?—думалъ Луцкой.—Она не прогонитъ, но денегъ не дастъ ни копѣйки. Это такъ вѣрно, что и пытаться не стоитъ».

Онъ придумывалъ, у кого бы изъ знакомыхъ попросить. Ему такъ не хотѣлось обращаться къ кому-нибудь, что онъ и не задумывался долго надъ этимъ. Самъ онъ жилъ въ слободкѣ, платилъ четыре рубля въ мѣсяцъ за помѣщеніе и пятнадцать конѣекъ за обѣдъ. Его хозяинъ—скупщикъ рогатаго скота, скряга и ненавистникъ людей,—уѣхалъ по дѣламъ. Оставалась семья, сама едва перебивавшаяся.

Луцкой за послѣднія три недѣли похудѣлъ и какъ бы вытянулся. Для сцены его фигура выиграла. Въ движеніяхъ—угловъ стало гораздо меньше. Онъ по цѣлымъ днямъ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы жесты его были округленнѣе и мягче, и въ этомъ отношеніи — на глаза своего судьи, Марьи Николаевны — дѣлалъ огромные успѣхи. Притомъ же старался не утратить простоты, избѣгалъ вычурности, какую замѣчалъ въ Раменскомъ.

Всѣ полтора мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ труппу, онъ думалъ только о своей сценической работѣ. Связь съ родными и знакомыми точно отрубилъ топоромъ. За все это время онъ даже ни разу не проходилъ по главной улицѣ города, гдѣ были гостиница и лавки его отца и прежнихъ друзей. Пойти теперь туда и искать у добрыхъ людей денежной помощи, хотя бы и не для себя, было бы для него униженіемъ больнѣе голода и даже самой смерти.

Ничѣмъ онъ не могъ помочь товарищамъ. Онъ мучился, заламывалъ руки, скрещивая пальцы и выдвигая ладони впередъ, а на его нервномъ лицѣ матовой бѣлизны складывались глубокія, страдальческія морщины.

Перевалова сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ во время репе-

тиціи около выхода въ садъ, закинувъ ногу на ногу. На колѣнѣ у нея лежала роль, которую она хорошо знала. Она дѣлала видъ, что читаетъ, а въ сущности прислушивалась къ плачу Ручкиной, слезамъ Лимановой и причитанію Жарова. Слезы безпрестанно набѣгали ей на глаза, и она тихо смахивала ихъ. Когда же она начинала думать о самой себѣ, то, облокотившись о спинку стула и отвернувъ лицо отъ сцены, плакала сама.

Мужъ ея не находилъ себѣ мѣста. Когда замѣчалъ, что она плачетъ, онъ подходилъ къ ней сбоку и молча клалъ руку на плечо. Это ее, повидимому, немного успокоивало. Она сморкалась, прятала платокъ и принималась читать роль. Переваловъ переходилъ на другое мѣсто, приближался къ Ручкиной.

— Ну, ну! Какъ по-вашему?... Коханая, гарная и такъ далѣе! Будетъ вамъ!

— Все изъ-за васъ! — говорила ему Ручкина и принималась плакать еще громче.

Переваловъ шелъ къ мужчинамъ.

Холодковъ распрашивалъ Ключикова и Бѣлесова, какъ они спали въ саду.

— Я сегодня тоже буду съ вами,—рѣшилъ Переваловъ.—Въ компаніи веселѣе.

Они втроемъ тихо и уныло перекидывались короткими фразами и горькими шутками.

Постоявъ молча около нихъ, Переваловъ отходилъ, наблюдалъ издали за всѣми и не рѣшался приглашать къ репетиціи.

Увидѣвъ, что жена опять отираетъ слезы, онъ нервнымъ и сдержаннымъ жестомъ повелъ по своимъ волосамъ и началъ ходить вдоль правой стороны кулисъ. Шаги его были такъ же сдержанны. Онъ кусалъ ноготь большого пальца на лѣвой рукѣ и правой сдиралъ его, не глядя. Выраженіе лица становилось все злѣе.

— Что-жъ это у тебя за люди въ городѣ, а? — спросилъ онъ, остановившись передъ Луцкимъ. Взглядъ его продолжалъ перебѣгать съ одного предмета на другой. Онъ точно старался не видѣть лицъ товарищей. Они какъ бы мѣшали ему обдумать что-то новое и важное.

— Должно-быть, не даромъ рвался я всю жизнь убѣжать отъ нихъ,—отвѣтилъ Луцкой.

И онъ сразу припомнилъ, какой гнетъ чувствовалъ среди семьи и знакомыхъ и какъ свободно вздыхалъ каждый разъ, когда покидалъ ихъ.

— Звѣри, голубчикъ, а не люди! Звѣри, поросшіе шерстью, съ

когтями, хвостами и такъ далѣе. Волки. Ихъ надо граблями да заступами!

Луцкой посмотрѣлъ на него. Такимъ онъ еще его не видѣлъ.

«Вотъ именно съ такими глазами,— подумалъ Луцкой,— убиваютъ, грабятъ, выходятъ на большую дорогу, пробираются ночью вдоль заборовъ и кустовъ».

— А такъ какъ у насъ съ тобой, голубчикъ, нѣтъ ни граблей, ни рогатинъ, такъ мы ихъ своимъ орудіемъ шарахнемъ по лбу. А ужъ шарахнемъ, шарахнемъ!

Онъ отошелъ отъ Луцкого и такъ же сдержанно, точно избѣгая шума, который бы перебилъ его мысли, пошелъ опять вдоль кулисъ.

Луцкой слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, Перевалоръ остановился, обвелъ всѣхъ помутившимся взглядомъ и громко, на всю сцену, сказалъ:

— Такъ какъ же, товарищи? Околѣваемъ?

Рѣзкій звукъ заставилъ всѣхъ оглянуться на него. Только Жаровъ, не поднимая головы, повторилъ:

— Околѣваемъ, Григорій Александровичъ.

— Околѣвать? — сказалъ Перевалоръ еще разъ. — Помощи намъ ждать не откуда, а? Неоткуда? Говорите.

Перевалова встала и двинулась къ нему.

— Гриша! Что съ тобой?—спросила она съ испугомъ.

— Погоди, Лизута! — онъ остановилъ ее движеніемъ руки.— Кто можетъ помочь намъ? Откликнись!—крикнулъ онъ.

Всѣ притихли.

— Никто? Такъ шарахнемъ же по лбу этихъ дикихъ звѣрей! Репетировать!—скомандовалъ онъ и быстро пошелъ къ суфлерскому столику.—Ступайте на мѣсто, Жаровъ! Репетировать во всю, какъ никогда еще не репетировали!—онъ снова повернулся къ товарищамъ. Тѣ медленно приближались къ нему. — Забыть, кому хочется жрать, и такъ далѣе! На два дня забыть, что для насъ существуетъ пищая! Репетировать во-всю, — повторилъ онъ. — На мѣста!

Ручкина, Лиманова, Холодковъ, даже Жаровъ суетливо задвигались, точно солдаты по командѣ «строиться». Ручкина быстро прятала въ карманъ платокъ. Лиманова развертывала томъ сочиненій Писемскаго, отыскивая «Горькую судьбину».

— Гдѣ пьеса?—крикнулъ Перевалоръ, усаживаясь за столикъ. Онъ игралъ помѣщика и самъ суфлировалъ первое дѣйствіе, въ которомъ не былъ занятъ.

— Здѣсь, здѣсь,—заторопилась Лиманова.

— Гриша! Что ты хочешь дѣлать? Объясни намъ,—робко спросила Перевалова.

Ей пришло въ голову, что мужъ ея сошелъ съ ума.

— Что я хочу сдѣлать? А вотъ увидишь и такъ далѣе.

Онъ высоко поднялъ руку, сжатую въ кулакъ, и замахалъ имъ въ воздухѣ.

— Я покажу этой публикѣ! Я имъ швырну въ глаза этимъ дикимъ звѣрямъ! Волки у меня взвоютъ завтра! Репетировать! Во-всю!!

Онъ хлопнулъ обѣими ладонями по развернутой книгѣ и расправилъ страницы.

Еслибъ онъ когда-нибудь сыгралъ хоть одну роль съ такою нервностью и силой, онъ прослылъ бы за великаго актера. Его глухой голосъ звучалъ всею грудью.

«На лицо смотрѣть страшно было», разсказывалъ потомъ Луцкой. Не послушаться его въ эту минуту—не могло придти никому въ голову.

— Давайте, давайте репетировать!—вскрикнула Ручкина, не понимая, что изъ этого выйдетъ, но увѣренная въ томъ, что усиленная работа удовлетворитъ ея возмущенное чувство.

Та же мысль блеснула у всѣхъ. Работать до изнеможенія и потомъ показать публикѣ, какъ она груба и жестока къ тѣмъ, кто трудится для нея же. Шарахнуть по лбу!—какъ это будетъ, никто не понималъ, но всѣ почувствовали, что это необходимо, что это ихъ единственная месть за испытываемое несчастье.

— Будемъ репетировать!—откликнулся Жаровъ. — Околѣю тутъ на сценѣ, на глазахъ этихъ звѣрей! Пускай почувствуютъ!

— Пожалуйте! На мѣста! Начинаемъ!—крикнулъ Перевалова.

Его не только слушались, его любили въ эту минуту, на него смотрѣли какъ на великана, явившагося спасти всѣхъ отъ бѣды, которая должна была раздавить ихъ.

Пьеса шла, конечно, съ помарками, сообразно съ количествомъ персонажей въ труппѣ. Нѣкоторые акты обѣщала суфлировать Раменская.

Ключиковъ игралъ Никашку не разъ. Роли у него не было, но онъ говорилъ, что она у него вся на слуху.

— Выучить! — крикнулъ ему Перевалова. — Наизусть выучить!

— Выучу, Гриша, не безпокойся.

— Я самъ весь день и всю ночь буду зубрить.

Бѣлесовъ, который тоже не позаботился еще о роли Чеглова,

ушелъ въ уборную и карандашомъ, на листкахъ, быстро переписывалъ ее.

— Не кривляйся!—слышалъ онъ изъ уборной голосъ Перевалова.

— Развѣ я кривляюсь?—отвѣтилъ Ключиковъ.

— Кривляешься, голубчикъ. Не надо этого. Чтобъ каждый твой мускулъ говорилъ объ уваженіи къ искусству и такъ далѣе! Ну, дальше!

«Эхъ, кабы ты раньше былъ такимъ!»—думалъ Луцкой.

И ему въ первый разъ захотѣлось, чтобъ Перевaловъ похвалилъ его.

— Уваженія, уваженія больше къ роли!—опять крикнулъ Перевaловъ.—Пусть почувствуютъ, что наше дѣло святое, что насъ нельзя морить голодомъ, какъ собакъ, и такъ далѣе!

Каждый разъ, какъ до Бѣлесова доносился голосъ Перевалова, онъ ощущалъ страхъ школьника, спѣшилъ переписывать и, громко повторяя слова роли, заучивалъ ихъ. Карандашъ былъ больше обгрызанъ, чѣмъ очиненъ, и писалъ безцвѣтно. Бѣлесовъ все время слюнявилъ его и давилъ имъ по клочкамъ бумаги, какъ звуковикъ изъ народной школы.

Нѣсколько разъ Перевaловъ вскакивалъ съ мѣста и училъ Жарова и Холодкова. Возбужденіе, охватившее всѣхъ, росло.

— Молодецъ, молодецъ Луцкой!—услыхалъ Бѣлесовъ.—Отличный тонъ!

И въ Бѣлесовѣ тоже дрогнула самолюбивая нотка.

— Онъ у насъ всегда молодецъ!—сказала Перевалова, ласково взглянувъ на Луцкого.

Репетиція затянулась, и никому не хотѣлось прерывать ее. Многія сцены Перевaловъ повторялъ по нѣсколько разъ.

Дверь въ театральной залѣ заскрипѣла. Въ ней появилось двое мужчинъ въ пиджакахъ, въ подвернутыхъ внизу брюкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ пестрыми лентами и въ шнуркахъ съ кисточками вмѣсто галстуковъ на сатинетовыхъ сорочкахъ—кто-нибудь изъ мелкихъ торговцевъ. Они остановились въ дверяхъ и смотрѣли на сцену.

Перевaловъ замѣтилъ ихъ и еще усерднѣе повелъ репетицію.

— Господа! Постороннимъ нельзя! — услыхалъ онъ голосъ Никиты.

Тотъ заправлялъ лампы въ залѣ.

— Можно!—крикнулъ Перевaловъ.

Онъ подошелъ къ рампѣ и прибавилъ:

— Можете оставаться. Мы своей честной работы ни отъ кого не прячемъ.

Посѣтители съ улыбкой переглянулись и присѣли на скамейкѣ въ глубинѣ залы. Они пробыли до конца дѣйствія и потомъ осторожно вышли.

— Не задерживайте! Продолжаемъ! — крикнулъ Перевалова товарищамъ.—Весь день, всю ночь учить роли наизусть. Я на себѣ покажу вамъ. Учить до тошноты, чтобъ потомъ ужъ ни о чемъ не думать, а повалиться, гдѣ будешь стоять, и заснуть!...

XXVI.

Марья Николаевна прижимала скрещенныя руки къ подбородку и, качая головой, ходила по гостиной.

— Что же намъ дѣлать! Что же намъ дѣлать! — говорила она.—Научите, Антонъ Матвѣевичъ.

Она остановилась передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Луцкой сидѣлъ въ креслѣ и сжималъ кулаки такъ, что ногти врѣзывались въ ладони.

— Не знаю,—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Мама! Сколько у насъ денегъ?

— Да, отдай послѣдніе гроши!—вскрикнула Надежда Алексѣевна.—Только и недостаетъ отъ тебя, чтобъ ты пожертвовала матерью!

Марья Николаевна смущенно сказала Луцкому:

— Я уже заложила всѣ свои золотыя вещи. Господи! Что-жъ намъ дѣлать!

Утромъ она не была на репетиціи. Перевалова приходила къ ней подъ предлогомъ поговорить о слѣдующемъ спектаклѣ—бенефисѣ Раменской. И Надежда Алексѣевна и Марья Николаевна догадались, что она пришла выпить у нихъ чашку кофе. Марья Николаевна изъ всѣхъ силъ старалась угощать ее. Въ теченіе дня она не выходила. Къ вечеру пришелъ Луцкой и разсказалъ все, что происходило во время репетиціи.

— Дожили!—говорила Надежда Алексѣевна.—И вотъ зачѣмъ люди на сцену идутъ!

— Ручкина говоритъ, что только бы ей добраться до Кіева, а тамъ броситъ сцену—хоть въ горничныя, говоритъ, пойду.

— И умно сдѣлаетъ.

— Только я думаю,—продолжалъ Луцкой,—что отъ сцены такъ-то легко отдѣлаться. Все это говорится только во время нуждъ

— Конечно,—вставила Марья Николаевна.

— Да что въ ней, въ сценѣ, хорошаго-то?

— Стало-быть, что-то есть,—отвѣтилъ Луцкой.

— Ничего нѣтъ и не говорите мнѣ глупостей. Одна безхарактерность.

— Ну, нѣтъ, Надежда Алексѣевна! Перевалова нельзя назвать безхарактернымъ. Да я про себя скажу. Хотя бы мнѣ пришлось всегда видѣть такую нужду, какъ...—Онъ подбиралъ слова, чтобъ не подумали, что онъ тоже нуждается,—какъ я вижу у товарищей, хоть бы самому пришлось испытать это—я, все-таки, не бросилъ бы сцены.

— Не испытали еще, вотъ и болтаете пустяки!

Надежда Алексѣевна была увѣрена, что у Луцкого есть небольшія средства. Марья Николаевна никогда не разубѣждала ее. Она знала, что благодаря этому Луцкой немного выигрываетъ въ глазахъ ея матери.

— Нѣтъ, мама, Антонъ Матвѣевичъ говоритъ правду. Я бы тоже не промѣняла сцену ни на какія блага.

— Да, а сама вотъ теперь плачешь за другихъ.

— Это ничего не значитъ. Плачутъ вездѣ, не только на сценѣ. И въ богатыхъ домахъ плачутъ.

— Да не отъ нужды.

— Тѣмъ болѣе. Тѣмъ-то и дорога намъ сцена, что если ужъ придется заплакать настоящими слезами, такъ развѣ отъ голода. А все остальное, какъ бы ни было горько, можно пережить. У насъ, по крайней мѣрѣ, всегда есть утѣшеніе—любимое дѣло.

Марья Николаевна сѣла въ кресло у окна и закинула руки за голову.

— А вотъ Василія Сергѣевича,—сказала она,—я бы позвала теперь посмотрѣть на нашихъ актеровъ. Какъ бы это онъ разводилъ свою философію.

Надежда Алексѣевна подняла брови и посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ.

— Что такое? При чемъ ты тутъ Василія Сергѣевича привела?

— А при томъ, что ничего нѣтъ легче, какъ хорошо и вкусно пообѣдать, а потомъ проповѣдовать какую-то необыкновенную нравственность.

— Да что онъ тебѣ вдругъ дался? Не правду, что ли, онъ говорилъ?

Надежда Алексѣевна забыла, что въ тотъ вечеръ сама не соглашалась съ Василіемъ Сергѣевичемъ.

На потолкѣ отъ лампы волновался кружокъ свѣта. Марья Николаевна, не мѣняя позы, смотрѣла на него.

— Можетъ быть, и правду, только не къ чему было говорить ее.—Она громко усмѣхнулась.—Поймалъ двухъ юнцовъ—меня да Антона Матвѣевича—и обрадовался, что они его слушаютъ, разиня ротъ. Зналъ, что мы не сумѣемъ отвѣтить ему. Онъ такой краснорѣчивый, гдѣ намъ за нимъ угнаться! А мы и струсили. Онъ насъ ругаетъ, и такіе-то мы и сякіе, немазанные, уроды и безнравственные, а мы молчимъ, точно провинились передъ нимъ. Забыть этого не могу.

— Никогда онъ не говорилъ про тебя, что ты безнравственная. Зачѣмъ клепать на человѣка? И не думалъ этого.

Марья Николаевна чуть приподнялась.

— Онъ не думалъ?—Она прищурилась и улыбнулась.

— Про тебя, конечно, нѣтъ.

Марья Николаевна тихо засмѣялась и опять откинулась.

— Мнѣ, мама, лучше знать, что онъ обо мнѣ думалъ, когда разводилъ тутъ свои рацеи. Еслибъ онъ не боялся, что я брошусь на шею Раменскому, такъ не изощрялся бы въ краснорѣчіи даромъ. Ему за это деньги платятъ, — сострила она и сама засмѣялась на высокихъ ноткахъ.

— Да къ чему ты его приплела, скажи пожалуйста?

— Напрасно вы за него заступаетесь, мама.

Хоть Надежда Алексѣевна и не заступалась, но мать и дочь отлично понимали другъ друга. Мать сердилась, что дочь точно выждала, наконецъ, великолѣпнаго случая, чтобъ доказать, какъ ничтоженъ женихъ, а дочь поняла, что именно при настоящихъ обстоятельствахъ Красавцевъ, какъ человѣкъ сравнительно богатый, пользуется исключительными симпатіями матери. И она рѣшила нанести образу своего жениха послѣдній ударъ.

— Напрасно вы за него заступаетесь,—повторила она, вставая.—Снимите съ меня голову,—она повела указательнымъ пальцемъ вдоль шеи,—если онъ не только меня, но и васъ не считаетъ такою же нехорошею, какъ и всѣ бѣдныя актрисы.

Надежда Алексѣевна вспомнила искаженное злобой лицо Красавцева, въ саду около театра, и подумала:

«Ну, и чутье у этой дѣвчонки!»

Марья Николаевна опять заходила по комнатѣ.

— Можетъ быть, въ его утонченномъ обществѣ, — говорил

она на этотъ разъ безъ всякой хитрости,—на десять матерей и одной не найдется такой, какъ вы, а потому что вы—мать актрисы, такъ онъ къ тѣмъ ко всѣмъ относится съ почтеніемъ, а къ вамъ чуть-чуть свысока. Тамъ подаютъ чай лакеи да горничныя, а вы сами наливали и подавали ему, такъ въ его глазахъ вы и не можете быть выше простой экономки. Женись-ка онъ на барышнѣ изъ своего общества, пришлось бы ему передъ maman ходить на заднихъ лапкахъ, а съ вами онъ всегда велъ себя безцеремонно. А мнѣ кажется, всякій порядочный человѣкъ скажетъ, что при тѣхъ отношеніяхъ, какія между нами были,—она подчеркнула «были»,—ему бы слѣдовало въ тысячу разъ почтительнѣе обращаться съ моей матерью. Другая давно или скрутила бы его, или ограбила бы.

Она остановилась передъ окномъ и смотрѣла на улицу.

Надежда Алексѣевна уже мысленно пропѣла надъ Красавцевымъ отходную и дѣлала это сейчасъ безъ всякаго сожалѣнія. Дочь сумѣла овладѣть всѣми ея мыслями. И говорила она безъ всякихъ подходовъ, искренно возмущаясь. Одно только: зачѣмъ она при чужомъ человѣкѣ такъ прямо намекаетъ на бывшія отношенія?

— Все-таки, ты могла бы найти другое время для этихъ разговоровъ,—сказала Надежда Алексѣевна и безъ стѣсненія взглянула на Луцкого.

— Моя совѣсть чиста,—откликнулась, не оборачиваясь Марья Николаевна.—Мнѣ не зачѣмъ играть комедію. А самолюбіе мое,—она повернулась,—тѣмъ болѣе удовлетворено, хотя оно и не страдало. Василій Сергѣевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Значитъ, дальнѣйшее зависитъ всецѣло отъ меня. Захочу, приму его предложеніе, а не захочу—пусть ищетъ высоко-нравственную барышню съ maman, такую вотъ, какъ въ *Бѣшеныхъ деньгахъ*. И заведутся у него въ домѣ разные Телятевы да князеньки.

— Не понимаю, зачѣмъ же ты водишь человѣка. Они тамъ, можетъ быть, устраиваютъ разводъ, бесѣдуютъ.

— Пускай побесѣдуютъ на здоровье. Да, можетъ быть, я еще г буду госпожей Красавцевой.

«Нѣтъ, не будешь!»— подумалъ Луцкой.

Онъ не спускалъ съ нея влюбленнаго взгляда. Въ первый разъ (а рѣшительно заговорила о томъ, что его такъ мучило.

Неужели онъ причиной, что она разорветъ отношенія съ Кра- (ицевымъ? Неужели когда-нибудь наступитъ такая минута, что (а будетъ принадлежать ему, Антону Луцкому? Она, та самая

Раменская, о которой онъ безпрерывно мечталъ годы въ своихъ низенькихъ комнатахъ съ окнами на дворъ, надъ огромной лавкой!

Это было бы невѣроятнымъ, сказочнымъ счастьемъ!

Онъ чувствуетъ, какъ при мысли объ этомъ у него затуманивается голова.

Съ этой самой Раменской сливалось не только его смутное пробужденіе первой любви, но и всѣ мечты о сценѣ. Всѣ самыя счастливыя упованія его сопровождались образомъ этой худенькой, прозрачной актрисы съ волосами матоваго золота и большими синими глазами.

Она ему уже стала близка. Теперь около него не одинъ образъ фантазіи, а она сама, живая, онъ видитъ постоянно эти длинныя косы, тонкіе пальцы...

Она хочетъ, чтобъ онъ сталъ хорошимъ актеромъ, работаетъ съ нимъ, волнуется за него. Словно чувствуетъ, что ей надо поднять его до себя.

Сколько усилій и труда предстоитъ ему еще!

— Да вотъ ты тутъ потѣшаешься,—сказала Надежда Алексѣевна,—а бѣдныя Ручкина да Лизавета Ивановна, пожалуй, изнываютъ теперь отъ голода.

— Ахъ, мама.

Марья Николаевна закрыла лицо руками.

— Не люблю я ее, правду сказать, а жалко,—продолжала Надежда Алексѣевна.

— Мама! Неужели нечего послать имъ?

— Что-жъ я имъ пошлю?—сердито отвѣтила марь, гнѣвансь, конечно, не на дочь, а на обстоятельства.—И то, вѣдь, надо подумать, мы-то сами завтра, послѣ завтра и потомъ—что будемъ кушать? Вѣдь, ужъ мы не роскошествуемъ. Нельзя насъ упрекнуть въ этомъ.

— Дня черезъ два у насъ будутъ деньги, сказала Марья Николаевна, глядя въ сторону.

— Откуда это? Ужъ не изъ сбора ли?

— Будутъ, я вамъ говорю. Не черезъ два, такъ черезъ три дня, навѣрное. Да, наконецъ, намъ хозяйка дастъ обѣдать, мы не голодны.

— Пойду, порою сь,—сказала Надежда Алексѣевна, подумавъ.

Она хитрила съ дочерью и это ее стѣсняло. Въ то утро, когда она отнесла Василію Сергѣевичу шкатулку съ цѣнными вещами, онъ уговорилъ ее взять на всякій случай сто рублей. Надежда Алексѣевна спрятала ихъ въ углу ящика въ коммодѣ, вмѣстѣ съ бѣл-

емъ. Когда дѣла въ театрѣ пошатнулись, она дала себѣ клятву передъ образомъ, что не размѣняетъ сто-рублевой бумажки до тѣхъ поръ, пока дочь не скажетъ: «завтра мы могли бы уѣхать, еслибъ у насъ были деньги». Тогда она признается ей во всемъ. Съ каждымъ днемъ она укрѣплялась въ своемъ рѣшеніи. Секрета своего она не откроетъ, хоть бы всѣ актеры умерли съ голода. Скоро дѣло подойдетъ къ тому, что у нихъ самихъ ничего не останется, тогда она потребуетъ, чтобъ дочь немедленно уѣзжала отсюда.

Теперь въ ея кассѣ оказалось всего три рубля съ копѣйками. Она принесла ихъ.

— Вотъ вамъ, клянусь Богомъ, все, что у насъ есть.

Марья Николаевна смутилась.

— Только-то, мама?

— Я Богомъ поклялась, Маня.

— Что же дѣлать?

— Что хочешь.

Марья Николаевна, совершенно сконфуженная, перебирала три желтенькихъ старыхъ бумажки.

— Оставьте,—сказалъ Луцкой съ испугомъ,—вы сами можете очутиться въ такомъ же положеніи.

— Мама, я отдамъ два рубля.

— Отдай, конечно. Какъ-нибудь на остальное перебьемся.

«Тѣмъ лучше, — подумала Надежда Алексѣевна, — скорѣе уѣдемъ».

— Луцкой, голубчикъ, какъ же это сдѣлать? Мнѣ самой неловко.

— Давайте я снесу.

— А какъ же вы это сдѣлаете? Не говорите, что отъ меня.

— Хорошо, не безпокойтесь.

Онъ уже взялъ фуражку.

— Вы тамъ какъ-нибудь подѣлите?

— Я думаю...—онъ хотѣлъ сказать: 75 копѣекъ Перевалову, столько же Ручкиной, а на остальныхъ троихъ мужчинъ полтинкъ, — но ему совѣстно было дѣлать громко эти разсчеты. — да ужъ вы не безп. ойтесь.

— Ну, идите скорѣе. А то, вѣдь, они съ утра ничего не ѣли!

— И чѣмъ завтра будутъ питаться, одному Богу извѣстно!

— Господи, какой ужасъ!

— До свиданья!

Луцкой протянулъ руку. Она слегка ударила по ней.

— Нѣтъ, что вы, какое тамъ до свиданья! Сами вы сейчасъ же назадъ приходите.

— Я, можетъ быть, стѣсню васъ?

— Глупости, глупости. Ступайте скорѣе.—Мы васъ ждемъ!—крикнула она ему изъ окна.

— Я скоро,—отвѣтилъ онъ.

— Мама, я буду молиться, чтобъ Богъ послалъ намъ завтра сборъ.

— Ужъ я и сама завтра хочу пойти въ церковь.

— Я съ вами.

— Только ты-то не разстраивайся, пожалуйста.

— Ахъ, мама, какъ же не разстраиваться!

— Ѣхать надо отсюда, Маня, вотъ что.

— Да, мама, надо.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Только бы завтра былъ сборъ. А потомъ не надо мнѣ и никакихъ бенефисовъ. Дня черезъ три и уѣхали бы.

— Ты откуда ждешь денегъ-то?

— Откуда?

Марья Николаевна помолчала, но сообразила, что все равно не скрыть.

— Я телеграфирова Василію Сергѣевичу, чтобъ онъ заложилъ мои вещи и прислалъ хоть сто рублей.

— А!—равнодушно протянула Надежда Алексѣевна.

«Такъ онъ тебѣ и заложитъ вещи!»—подумала она.

Это Надежда Алексѣевна предвидѣла и предупредила Василія Сергѣевича, чтобъ онъ не слушался никакихъ приказаній ея дочери.

Марья Николаевна поняла, отчего мать отнеслась къ этому равнодушно, и въ душѣ улыбнулась. На всякій случай она послала телеграмму такъ: «Ничего съ Марусей не подѣлаешь. Заложите вещи. Но пришлите только сто рублей. Своихъ не присылайте—не возьметъ». И подписалась именемъ и фамиліей матери.

XXVII.

День стоялъ тихій и безоблачный. Было около двухъ часовъ. Марья Николаевна давно вернулась изъ церкви и писала длинно письмо Красавцеву. Она получала отъ него каждый день, но ни на одно не отвѣтила. Сегодня окончательно отказывалась отъ его предложенія и высказывала все, что надумала со дня его отъѣзда.

Она дописывала уже второй листокъ, какъ услыхала звонокъ

Выглянула въ окно—Луцкой. Въ этотъ часъ онъ еще никогда не приходилъ.

— Вотъ сюрпризъ!—сказала она, улыбнувшись.

Но ея улыбка тотчасъ же тихо сползла.

Луцкой, стоя у подъѣзда, посмотрѣлъ на нее такимъ безразличнымъ взглядомъ, что она и обидѣлась и испугалась. Онъ даже не поклонился.

Пока кухарка отворяла дверь, Марья Николаевна убрала неоконченное письмо. Она встрѣтила Луцкого по срединѣ гостиной. Онъ пожалъ ей руку, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Губы у него двигались, по лицу побѣжали судороги, руки тряслись.

— Антонъ Матвѣевичъ! Милый, да что съ вами?

— Еслибъ вы знали,—началъ онъ, но голосъ у него оборвался.

— Господи, да что-жъ это такое! Садитесь.

— Еслибъ вы знали, что дѣлается у насъ въ театрѣ! Жаровъ умираетъ.

Онъ повалился въ кресло и, прислонившись лицомъ къ спинкѣ его, глухо зарыдалъ. Его трясло.

— Что такое? Боже мой, Боже мой! Да что же?

Марья Николаевна быстро прошла къ себѣ, набросила тальму и, надѣвая шляпу, вернулась въ гостиную.

— Выпейте воды,—сказала она.

Пошла было въ комнату матери, чтобы взять послѣдній, оставшійся у нихъ рубль, но вспомнила, что мать, уходя, взяла деньги съ собой. Къ хозяйкѣ,—но и хозяйки не было дома.

— Успокойтесь, милый! Пойдемте скорѣе туда.

Она погладила его по волосамъ, онъ прижался къ ея рукѣ. Тогда она не соображая, что дѣлаетъ, обхватила его голову и нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— Пойдемте, пойдемте туда!

Потомъ она пробѣжала въ кухню.

— Аксинья! Есть у тебя сколько-нибудь денегъ? Сколько-нибудь! Я тебѣ потомъ вдвое отдамъ.

Моложавая кухарка, надъ феноменальной глупостью которой Марья Николаевна не разъ смѣялась, быстро полѣзла въ сундукъ и достала оттуда два рубля съ мелочью.

— Вотъ, барыня, больше нѣту.

— Давай, спасибо. Я тебѣ вдвое отдамъ,—повторила она.

Дорогой Луцкой разсказалъ, что Перевалов хотѣлъ повести репетицію такъ же энергично, какъ вчера, но уже съ перваго дѣй-

ствія видно было, что у актеровъ не хватитъ силъ. Они произносили слова съ отчаяннымъ напряженіемъ. Жаровъ лепеталъ и къ словамъ роли примѣшивалъ какой-то бредъ. Ручкина не переставала плакать. Многіе едва волочили ноги по сценѣ. Переваловъ старался пріободрить всѣхъ. Но когда начали второе дѣйствіе, и Бѣлесовъ вдругъ, какъ мальчикъ, расплакался, у всѣхъ сразу исчезли послѣднія силы. Бѣлесовъ закричалъ: я не хочу играть, не хочу быть актеромъ, я хочу домой. А никто и не слыхалъ отъ него никогда, гдѣ его домъ. Тутъ сразу поднялся такой вопль, котораго нельзя разсказать. Всѣ шумѣли, проклинали, говорили необыкновенный вздоръ. Переваловъ одинъ сидѣлъ молча и сжималъ кулаками голову. Вдругъ онъ вскочилъ и побѣжалъ за кулису около женской уборной. Всѣ двинулись за нимъ. «Не пускай сюда женщинъ»,—крикнулъ онъ Луцкому.

— Тамъ съ Жаровымъ дѣлалось Богъ знаетъ что. Я не могу вамъ объяснять, неловко мнѣ... Мы его поддерживали, но потомъ видимъ, что онъ валится изъ нашихъ рукъ, посинѣлъ, глаза подкатились. Мы его уложили. Ручкина ворвалась. Когда я убѣгалъ къ вамъ, тамъ стоялъ неописуемый стонъ. Кто-то досталъ кусокъ хлѣба, но замѣчательно, что его никто не взялъ. Кажется, всѣмъ было противно смотрѣть на него.

Марья Николаевна отдала Луцкому рубль, чтобъ онъ зашелъ въ аптеку и спросилъ какого-нибудь средства, а сама чуть не бѣгомъ пошла къ театру.

У воротъ сада она встрѣтила двухъ мужчинъ. Они складывали только-что купленные билеты. Одинъ изъ нихъ говорилъ другому:

— А чортъ ихъ знаетъ! Перепились, должно быть, и кричатъ.

Ей хотѣлось остановиться и сказать имъ, что ея товарищъ не напился, а умираетъ отъ голода, но ее тянуло поскорѣе туда.

Первою попалась ей Лиманова. Она уводила сына Ручкиной.

— Я хочу къ мамѣ! Куда ты меня ведешь?

— Мамѣ некогда, она занята.

— Не правда. Ты мнѣ все говоришь неправду. Она плачетъ, потому что дѣдушка померъ. Пусти!

Лиманова съ раскраснѣвшимся, заплаканнымъ лицомъ, силой уводила его въ конецъ сада.

Марья Николаевна не успѣла разспросить ее. Мальчикъ все кричалъ «пусти меня къ мамѣ», и этотъ крикъ еще болѣе усилилъ ея волненіе.

На скамейкѣ подъ большимъ берестомъ, гдѣ Марья Николаев-

на репетировала съ Холодковымъ *Не искушай*, тотъ же Холодковъ ухаживалъ за Бѣлесовымъ.

— Ну, смотри, вонъ Раменская идетъ,—услыхала она его голосъ.—Какъ тебѣ не стыдно? Точно маленькій!

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Бѣлесовъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ.—Я ничего не хочу знать. И говорю вамъ, что не желаю быть актеромъ. Къ чорту!

Онъ всхлипывалъ, отиралъ слезы рукавомъ пиджака и продолжалъ голосить безъ слезъ.

— Голубчикъ, Бѣлесовъ!—сказала Марья Николаевна.—Что это съ вами? Какъ вамъ не стыдно? Вотъ такъ «жонъ премье!» Перестаньте! Сейчасъ будемъ чай пить. Гдѣ Никита?—спросила она Холодкова.

— Не знаю. Убѣжалъ куда-то. Мы ужъ искали его.

— Вотъ, Холодковъ. Вы, кажется, здѣсь самый храбрый. Купите поскорѣе чего-нибудь.

Она отдала ему всѣ деньги.

— Чего же? Я не знаю.

— Ничего я не хочу ѣсть!—съ отвращеніемъ крикнулъ Бѣлесовъ.—Отпустите меня домой, одного прошу.

Куда дѣвались его претензіи на первыя роли, любовныя нашептыванія Лимановой? Гдѣ его фанфаронство? Гдѣ пенснэ, составлявшее вмѣстѣ съ воздушными галстуками единственный предметъ щегольства? Передъ Раменской сидѣлъ мальчикъ, мечтавшій сейчасъ только о сытой и покойной жизни подъ крылышкомъ матери.

— Голову тебѣ разобью, если возьмешь хоть одинъ пятакъ!—услыхала она неистовый крикъ Перевалова на сценѣ.

— Что-жъ, намъ и въ самомъ дѣлѣ околѣвать?—отвѣтилъ визгливо Ключиковъ.

— Околѣемъ на ихъ глазахъ, а денегъ ихнихъ не тронемъ!

— Что это?—спросила Холодкова Марья Николаевна.

— Ключиковъ говоритъ, что надо взять изъ кассы, сколько тамъ есть, а Переваловъ не позволяетъ.

— Ну, бѣгите же, голубчикъ, купите чего-нибудь поскорѣе.

Холодковъ, блѣдный, съ темными кругами подъ глазами, самъ ва держался на ногахъ.

— Чего же купить?—спросилъ онъ еще разъ.

— Ахъ, Боже мой, чего-нибудь, только не тяжелаго.

— Ну, Бѣлесовъ, ты ужъ потерпи. Я сейчасъ вернусь,—сказалъ Холодковъ, уходя.

Марья Николаевна пошла на сцену.

Перевалова сидѣла въ креслѣ дожа изъ *Отелло*, закинувъ голову и закрывъ глаза. Въ то время, какъ Марья Николаевна входила, Переваловъ поцѣловалъ жену въ лобъ и прошелъ въ женскую уборную.

Ключиковъ сидѣлъ на суфлерскомъ мѣстѣ, облокотившись о столъ и подпирая голову рукой.

Марья Николаевна подошла къ Переваловой.

— Лизавета Ивановна, родная! Вамъ не хорошо?

Та открыла глаза и приподнялась.

— Нѣтъ, ничего, теперь получше. Дурно было. Жаровъ напугалъ,— проговорила она не громко, взяла съ колѣнъ платокъ и отерла лицо.

Волосы ея были смочены водой. Завитушки на лбу, которыя она тщательно оберегала, постоянно трогая ихъ, распустились. Прямые волосы торчали въ разныя стороны и открывали большой круглый лобъ. Выше они слиплись, отчего казались очень жидкими и изборожденными тонкой плѣшью. Лицо и высокій лобъ приняли землистый, пыльный цвѣтъ съ синеватымъ оттѣнкомъ.

Шляпа висѣла на ручкѣ кресла.

— Отчего вы сегодня не пришли? Я васъ поджидала,—сказала Марья Николаевна и сконфузилась, такъ какъ, во-первыхъ, она солгала, потому что была въ церкви, а, во-вторыхъ, изъ всей труппы одна Перевалова стойко и гордо не желала обнаруживать мучительнаго голода.

Лизавета Ивановна ничего не отвѣтила.

— Ахъ, Боже-жъ мій, Боже-жъ мій!—донеслось до Марьи Николаевны изъ дамской уборной.

— Лучше Жарову? — спросила она.

— Не знаю,— отвѣтила Перевалова,— нѣтъ, кажется.

Жаровъ лежалъ на нѣсколькихъ табуретахъ, соединенныхъ вмѣстѣ и приставленныхъ къ стѣнѣ. Глаза закрыты, воротъ разстегнутъ, подъ головой—сложенные его же пиджакъ и жилетъ. Изъ груди вылетали глубокіе вздохи съ сопѣніемъ и хрипомъ.

Ручкина помѣстилась на полу, на колѣняхъ, тутъ же. Она нѣжно гладила отца по щекѣ. Когда Марья Николаевна вошла, она взглянула на нее такъ, какъ бы ждала кого другого, кто долженъ былъ спасти ея отца.

— Хоть бы докторъ поскорѣе пришелъ,—сказала она.—Ахъ, Боже-жъ мій, Боже-жъ мій!

— А послали за докторомъ?—спросила Марья Николаевна Перевалова.

— Послалъ кассиръ, попросилъ кого-то изъ публики.

Перевaловъ то растиралъ бокъ Жарову, около сердца,—массажировалъ, какъ онъ объяснялъ,—то смачивалъ голову водой.

— Хоть бы вы намъ достали чего-нибудь перекусить, — сказалъ онъ тихо Раменской, проглатывая слюну.

— Сейчасъ Холодковъ принесетъ.

— Ну? Правда? Вы послали?

Онъ дѣтски обрадовался.

— Да, да. Сейчасъ онъ будетъ.

— Ну, слава Богу! Все-таки полегче станетъ и такъ далѣе. Вчера вечеромъ Луцкой помогъ чуточку, а сегодня никто еще ничего не ѣлъ.

Марья Николаевна нѣсколько разъ уже сдавливала виски. Ей казалось, что вотъ-вотъ или она сойдетъ съ ума, или треснетъ у нея черепъ.

Въ уборную точно ворвался Луцкой. Онъ принесъ нашатырнаго спирта и эвирно-валеріановыхъ капель. Кромѣ того, Ключикову на столъ бросилъ два бѣлыхъ хлѣба и нѣсколько яблокъ. А около Бѣлесова положилъ тоже хлѣба и колбасы.

— Ну-ка, барыни, уйдите отсюда! — приказалъ Перевaловъ, засучивая рукава. Онъ былъ безъ сюртука.—Уйдите, уйдите!—настаивалъ онъ,—картина можетъ выйти не эффектная и такъ далѣе.

Марья Николаевна увела Ручкину. Около кулисы стоялъ острый запахъ рвоты желчью.

— Гдѣ же мой мальчишка? — спросила Ручкина, оглядываясь.

— Я сама видѣла, какъ его увела Лиманова. Не безпокойтесь о немъ.

— Ахъ, Маруся! Какія-жъ мы несчастныя!

Она припала къ плечу Марьи Николаевны и снова заплакала.

Марья Николаевна безпомощно двигала головой. Слезъ не было, но она невыносимо страдала. Чувствовала, что всѣ близки ей, какъ родные братья и сестры.

Холодковъ пришелъ съ половымъ. Тотъ несъ на большомъ подсѣ чайники съ чаемъ и кипяткомъ и посуду. Холодковъ сначала пилъ хлѣба, какой-то мѣстной рыбы и паюсной икры кусочекъ. Почему онъ покупалъ именно соленое, онъ не могъ бы объяснить. Потомъ забѣжалъ въ трактиръ, гдѣ пили чай извозчики изъ слободы и гдѣ обыкновенно справлялись поминки по покойникамъ.

Марья Николаевна быстро принялась за хлопоты.

Теперь очень трудно было уговорить ѣсть. Бѣлесовъ отказы-

вался и оттолкнулъ отъ себя все, что ему принесъ Луцкой. Онъ говорилъ, что ему противно смотрѣть на ѣду. Ручкина махнула рукой и вернулась къ дамской уборной, гдѣ Перевалова и Луцкой приводили Жарова въ чувство. Перевалова сказала: «я послѣ, мнѣ еще не хочется». Одинъ Ключиковъ съѣлъ уже два яблока и полхлѣба и сейчасъ же подсѣлъ къ столу, какъ только Марья Николаевна начала разливать чай.

— Ахъ, Офелія, Офелія!—сказалъ онъ.—Плохо жить на свѣтѣ.

— Лизавета Ивановна, родная! Выпейте чашку чая,—сказала Марья Николаевна.

— Ахъ, Маруся! Я вовсе не такъ голодна. Раньше мнѣ хотѣлось, а теперь нѣтъ.

Перевалова выбѣжалъ изъ уборной.

— Дайте чего-нибудь, ради Бога, только не хлѣба. Жаровъ пришелъ въ себя и такъ далѣе.

Черезъ минуту всѣ столпились въ уборной. Ручкина цѣловала руки отца. Онъ уже сидѣлъ и медленно поводилъ головой, оглядывалъ товарищей и болѣзненно улыбался.

— Скушайте-ка кусочекъ икорки,— уговаривалъ его Перевалова.

Жаровъ брезгливо поморщился и отрицательно кивнулъ.

— Да вы посмотрите, какая икорка и такъ далѣе. У меня просто слюнки текутъ.

— А ты начни кушать, онъ, можетъ, и соблазнится,— сказалъ Ключиковъ стоя у дверей уборной.

— Ну, смотрите, голубчикъ, какъ я ѣмъ!—Перевалова аппетитно зажевалъ передъ самымъ лицомъ старика.

Жаровъ продолжалъ кивать головой.

— Можетъ быть, онъ не откажется отъ яблока,— сказалъ Луцкой.

— Хотите яблочка, папаша? Курскаго, антоновку? — спрашивала Ручкина.

Ея большіе сѣрые малороссійскіе глаза съ длинными верхними рѣсницами были полны слезъ.

— Вотъ посмотрите. Каково яблочко!—соблазнялъ Перевалова

Жаровъ уныло взглянулъ.

— Хотите?... Нѣтъ ли у кого ножа?

Подали ножъ, Перевалова отрѣзалъ кусокъ и, какъ ребенку вложилъ его въ ротъ старику. Тотъ началъ медленно жевать, и сейчасъ же выплюнулъ.

— Послѣ будете кушать, да?— спросила Ручкина.

— Да,— тихо отвѣтилъ онъ.— Сюда.

Онъ указалъ около себя и даже попытался подвинуться, чтобъ освободить мѣсто.

— Хорошо. Мы вамъ тутъ всего положимъ. Чего захотите, того и скушайте.

Придвинули еще табуретку и разложили на ней куски хлѣба, яблока, икры, колбасы. Старикъ долго и печально любовался всѣмъ этимъ.

Постепенно всѣ, кромѣ дочери, оставили его. Ей принесли чаю.

Марья Николаевна съ большимъ трудомъ уговорила Перевалову, а потомъ и другихъ, сѣсть къ столу. Самъ Переваловъ пошелъ къ Бѣлесову.

— Ты что это вздумалъ у меня капризничать! — крикнулъ онъ. — Изволь сейчасъ же ѣсть, что даютъ, и такъ далѣе.

— Да когда мнѣ противно! — отвѣчалъ Бѣлесовъ тономъ виноватаго.

— Сію же минуту ѣшь, а то выброшу тебя черезъ заборъ. Пропадай тамъ, какъ собака, и такъ далѣе.

— Зачѣмъ вы на него такъ кричите? — спросила Раменская сверху.

— Оставьте. Съ нимъ иначе нельзя. На, глотай!—Переваловъ сунулъ ему въ ротъ яблоко.— Ну! Глотай сію же минуту!

Тотъ покорно началъ ѣсть, но глоталъ съ большимъ усиліемъ.

— Ну, еще, еще!...

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, Марья Николаевна услыхала, какъ Переваловъ говорилъ уже.

— Ну, однако, ты, все-таки, полегче и такъ далѣе. Ишь, накинулся! Стой, стой, это мое...

Переваловъ захохоталъ.

— Посмотрите, какъ уплетаетъ нашъ маменькинъ сынокъ! — крикнулъ онъ снизу.

Марья Николаевна, Перевалова и Холодковъ подошли къ выходу со сцены и взглянули оттуда. Бѣлесовъ сжималъ въ одной рукѣ хлѣбъ, въ другой колбасу, точно боялся, что у него отнимутъ. Онъ п нялъ голову и, ожесточенно жуя, улыбнулся товарищамъ. Тѣ з мѣялись.

Докторъ, молодой человѣкъ восточнаго типа, съ глазами на вы к ѣ и лысиной не по годамъ, пришелъ только въ пятомъ часу.

— Пожалуйте, пожалуйте,—встрѣтилъ его Переваловъ.—Пол опытствуйте, какъ умираетъ актеръ съ голода въ вашемъ раст еклятомъ городишкѣ.

Докторъ испуганно посмотрѣлъ на него.

— Пожалуйте, пожалуйте! Сюда, въ женскую уборную. На табуреткахъ лежитъ. Будуаровъ у насъ не имѣется. А мягкую мебель бутафоръ убралъ. Побоялся, скотина, что мы у него украдемъ диваны.

— Ради Господа, докторъ! Спасите его!—вскрикнула Ручкина.

Тотъ принялся выстукивать и выслушивать. Жаровъ смотрѣлъ на него такъ, какъ будто если ослушается его хоть въ чемъ-нибудь, то докторъ сейчасъ же заколетъ его вотъ этой самой трубкой.

— Ну, что же? — спросила Ручкина, глядя на доктора съ мольбой.

Докторъ стоялъ въ глубинѣ уборной, морщась, чесалъ подбородокъ и смотрѣлъ на больного.

— Мужъ вашъ? — спросилъ онъ, не оборачиваясь.

— Нѣтъ, отецъ.

Докторъ сдѣлалъ жестъ головой, какъ бы говоря: «Вотъ то-то и есть! Будь онъ вашимъ мужемъ, было бы совсѣмъ другое дѣло!»

Онъ выворотилъ бѣлки въ сторону Перевалова. Больше въ уборной никого не было.

— Что, плохъ?—спросилъ Перевaловъ.

— Старъ онъ очень.

— Это-то мы и безъ васъ знаемъ. Экую новость сказали! И я старъ, и у васъ вонъ, хоть вы и молоды, а лысина съ тарелку.

Докторъ обидѣлся и взялъ шляпу и палку.

— Значитъ, и вы, и я, и мы всѣ отправимся ad patres. Кто раньше, а кто позже.

— Нѣтъ надежды?— спросила Ручкина, слушая съ напряженнымъ вниманіемъ.

— У вашего батюшки застарѣлый катарръ.

— Да, да, правда.

— И скверное питаніе.

— Какое ужъ тамъ питаніе! Говорю вамъ, съ голода пропадаемъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Пропишите лѣкарства,— сказалъ Перевaловъ,— да наг ішите въ аптеку, чтобъ выдали безплатно. У насъ ни у кого ш гроша нѣтъ.

Тотъ опять почесалъ подбородокъ и посмотрѣлъ на Жарова.

— Какое же тутъ лѣкарство. Эѳирно-валеріанъ это хоро). Бульону ему давайте куринаго.

— Такъ-съ. Шампанское, говорятъ, тоже помогаетъ?

Докторъ снова выкатилъ на него глаза.

— Да, помогаетъ.

— Такъ, такъ. Ну, а шампанское даютъ въ аптекѣ даромъ?

— Нѣтъ, не даютъ.

Докторъ началъ трусить, какъ бы его здѣсь не побили. Онъ двинулся къ двери, которую Перевалovъ заслонялъ.

— А другого лѣкарства не можете выдумать?

— Я сейчасъ самъ пришлю изъ аптеки.

— А! Ну, это благородно.

Докторъ вышелъ. Перевалovъ пошелъ за нимъ.

— Извините, что отпускаю васъ безъ гонорара.

Тотъ ничего не отвѣтилъ. Въ саду его остановила Раменская.

— Какъ вы нашли больного?—спросила она.

— Что-жъ тутъ находить, сударыня. Онъ дня не проживетъ.

Марья Николаевна вскрикнула. Онъ постоялъ около первой актрисы, которой не разъ апплодировалъ, и осмотрѣлъ ее.

— Отъ голода?—спросила она.

— Нѣтъ, госпожа Раменская, голодъ здѣсь не при чемъ. Такъ только, послѣдняя капля въ переполненной чашѣ.

— А спасти нельзя?

— Я не умѣю.

— А отчего онъ не говоритъ? Параличъ?

— Нѣтъ. Просто не хочетъ. Ему такъ покойнѣе.

Онъ любезно поклонился и ушелъ.

Марья Николаевна прошла по саду дальше и опустилась на скамейку.

XXVIII.

Надежда Алексѣевна присылала за дочерью кухарку, Марья Николаевна не пошла домой. Ей было совѣстно въ этотъ день обѣдать. Тогда мать пришла сама и захватила съ собой тартинокъ. Марья Николаевна сама съѣла двѣ, остальныя отдала товарищамъ.

Она заглядывала иногда на сцену и въ уборную, гдѣ Ручкина не отходила отъ отца. Больше же сидѣла въ саду. День, точно въ] смѣшку, былъ великолѣпный. Даже галки, противъ обыкновенія,] каркали. Ихъ гнѣзда, какъ шапки, висятъ на двухъ высокихъ (ленныхъ деревьяхъ въ концѣ сада. Птицы взлетали и возвраща- . сь безъ крика. За то цѣлый день одна какая-то пичужка плакала : двухъ нотахъ.

«Точно растеряла всѣхъ родныхъ»,—подумала Марья Нико- . евна.

Приходили городскіе жители покупать билеты, останавливались передъ афишей, безцеремонно осматривали Раменскую и уходили, нѣсколько разъ оглядываясь.

Подсаживался Луцкой, но говорить не хотѣлось обоимъ.

Прошла Лиманова съ узелкомъ своихъ вещей. Сына Ручкиной накормила и уложила спать. Принесла какіе-то остатки отъ своего обѣда. Подсѣла и она къ къ Марьѣ Николаевнѣ. Глаза ея каждую минуту готовы были наполниться слезами.

— Если и зима такъ пройдетъ, я въ монастырь пойду,— сказала она такимъ тономъ, какъ маленькіе дѣти, надувшись, говорятъ: «вы всѣ меня обижаете, я къ тетѣ уйду».

— Вы никогда не видали бѣдность такъ близко?— спросила Марья Николаевна.

— Нѣтъ. Я съ мамой жила не богато, но не такъ.

И вся она показалась Раменской такой изнѣженной и такой душевно-чистой. Въ сущности, она была даже хорошенькая, съ большими наивными глазами и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Только фигура ея не для сцены.

Приходилъ и Бѣлесовъ, опять выпустившій легкій галстукъ летѣть на воздухъ, въ пенснэ и съ высоко-поднятой головой. Пришелъ, постоялъ около Раменской, ни слова не сказалъ и ушелъ.

— Далъ бы полцарства за папиросу!—услыхала она потомъ его голосъ.

Марья Николаевна попросила мать сходить въ табачную лавку и купить дешевыхъ папиросъ, только побольше. Когда Надежда Алексѣевна отдала ихъ Ключикову и Бѣлесову, они зацѣловали ея руки.

Являлся капельмейстеръ-еврей, спросилъ въ кассѣ, будетъ ли спектакль. Ему отвѣтили, что сборъ хорошій и, вѣроятно, спектакль будетъ. Капельмейстеръ быстро пошелъ собирать по городу своихъ музыкантовъ—портныхъ и сапожниковъ.

Но парикмахера и бутафора Перевалова прогналъ. А когда они спросили: «значитъ не будете играть?»—то онъ сказалъ:

— Сегодняшній спектакль сыграемъ и безъ васъ. Ты вотъ лучше,—обратился онъ къ бутафору,—диванъ принеси. Больной человѣкъ лежитъ на садовой скамейкѣ.

Никто изъ артистовъ не уходилъ домой.

Въ восьмомъ часу публика начала прибывать.

Марья Николаевна съ матерью сидѣла на скамейкѣ близъ театра и оттуда наблюдала. Публика была праздничная, съ веселыми лицами. На дамахъ неимовѣрная пестрота.

— Посмотрите, мама, на эту,—указала Марья Николаевна,— зеленая юбка, желтая рубашечка и красная шляпа.

Она засмѣялась было, но въ вискахъ такъ застучало, что она съ легкимъ стономъ прижала къ нимъ пальцы.

Пришла и высокая, полная барыня съ сыномъ, который почтительно велъ ее подъ руку. Марья Николаевна знала эту пару. Мужчины были преимущественно изъ чиновниковъ и мелкихъ торговцевъ. Одинъ очень большого роста толстякъ въ чесунчевой парѣ и въ вышитой рубахѣ-косовороткѣ, похожій на помѣщика, ходилъ быстро, стучалъ палкой, все время пыхтѣлъ и бросалъ косые взгляды на встрѣчныхъ.

Перевалovъ нѣсколько разъ выходилъ и всматривался въ публику. Онъ былъ въ единственномъ своемъ длинномъ сюртукѣ, теперь аккуратно застегнутомъ. Разсматривая публику, онъ кусалъ ногти, отходилъ и что-то бормоталъ, точно повторяя роль.

— Должно быть, играть не будутъ,—сказала Надежда Алексѣевна.

Къ восьми часамъ публики собралось довольно много. Сборъ уже былъ за сорокъ рублей.

Пришла Перевалова и сѣла около Раменской.

— Я не знаю, что Гриша затѣваетъ,—сказала она.—Хочетъ что-то сказать публикѣ и отмѣнить спектакль. Боюсь, какъ бы не вышло скандала съ полиціей.

Марья Николаевна не разспрашивала. У нея до того болѣла голова, что ей трудно было шевельнуться.

— Я совсѣмъ не понимаю Григорія Александровича,—сказала Надежда Алексѣевна,— сборъ хорошій, все-таки, можно выручить что-нибудь.

— Я ему то же самое.

— Что-жъ онъ?

— Оставь, говоритъ, не мѣшай мнѣ. Постойте-ка. О чемъ они тамъ?

Всѣ трое прислушались. Неподалеку Перевалovъ сильнымъ полушепотомъ говорилъ Ключикову и Бѣлесову:

— Чтобъ я этимъ звѣрямъ подарилъ сегодня спектакль?! Да зажьте меня—не сдѣлаю! У насъ Жаровъ умираетъ и такъ далѣе, мы будемъ передъ ними ломаться!

— А завтра что мы будемъ дѣлать?

— Объ этомъ не безпокойся. Я васъ нынче же накормлю и такъ далѣе.

Никита куда-то съ утра исчезъ. Перевалovъ самъ освѣтилъ те-

атръ и сцену, самъ поставилъ декорацію избы. Когда онъ двигался, въ карманѣ у него вздрагивалъ колокольчикъ, которымъ Никита всегда сзывалъ публику.

Многіе замѣтили, что актеры ходятъ около театра, не загримированные. Въ публикѣ пробѣгалъ шепотъ.

— Позвольте спросить,—обратился къ Перевалову молодой брюнетъ, повидимому изъ приказчиковъ,—можетъ быть, сегодня опять не будетъ спектакля?

Перевалова не знала, что отвѣтить.

Въ это время музыканты заиграли маршъ, одинъ изъ двухъ, которые были у нихъ въ репертуарѣ.

— Ахъ, вотъ и музыка-съ! Виноватъ!—приказчикъ дотронулся до шляпы и отошелъ.

— Пойдемте отсюда,—сказала Перевалова.

Всѣ ушли въ сторону сцены.

Какъ только музыканты кончили, актеры услыхали въ саду звонокъ. Его давалъ самъ Перевалов, очень долго, пока не убѣдился, что вся публика вошла въ театръ. Буфетный лакей отбиралъ билеты.

Черезъ нѣсколько минутъ Перевалов быстро взбѣжалъ мимо актеровъ по лѣстницѣ. Всѣ, толкая другъ друга, поспѣшили за нимъ и заняли мѣста въ первыхъ кулисахъ.

— Господи! Какъ у меня сердце бьется. Дайте мнѣ стулъ!—сказала Лизавета Ивановна. Ее усадили.

У Марьи Николаевны дрожали ноги, она оперлась на Луцкого. Окно избы открыли. Черезъ него она видѣла Перевалова. Онъ былъ мертвенно блѣденъ. Нѣсколько разъ провелъ рукой по борту сюртука, справляясь, застегнутъ ли онъ на всѣ пуговицы. Онъ стоялъ у самой первой кулисы, держа одну руку на веревкѣ, которою поднимался занавѣсъ. Другою рукой далъ второй звонокъ и посмотрѣлъ въ дырочку въ кулисѣ на публику. Потомъ суетливо вышелъ на средину сцены и своими быстрыми калмыцкими глазами оглядѣлъ декорацію.

— Подальше!—шепнулъ онъ стоявшимъ у окна.

Луцкой, Марья Николаевна и Лиманова отодвинулись.

Марья Николаевна осмотрѣла кругомъ, не стоитъ ли еще кто нибудь слишкомъ на виду у публики. Ей такъ странно показалось что сцена освѣщена, декорація поставлена, а лица товарищей не загримированы.

— Господа! Что онъ затѣялъ?—прошептала надъ ея ухомъ Надежда Алексѣевна.

— Мнѣ прямо дурно дѣлается,—сказала Лиманова.—Скорѣй бы ужъ.

Но вотъ Перевaловъ далъ и третій звонокъ и осторожно поставилъ колокольчикъ около боковой лампы, ярко освѣщавшей его лицо.

Всѣ затаили дыханіе и опять чуть придвинулись къ декораціи. Теперь около Перевалова стояла Ручкина.

Его руки начали быстро перебирать веревку. Сцена сразу освѣтилась. Занавѣсъ былъ поднятъ.

Перевaловъ еще разъ осмотрѣлъ себя и ждалъ, пока въ публикѣ прекратятъ сморкаться и откашливаться. Какъ опытный актеръ, онъ зналъ, какъ заставить публику стихнуть. Такъ прошло секундъ двадцать. Наконецъ, въ залѣ наступила полная тишина.

Тогда Перевaловъ вышелъ.

— Господи! Царица Небесная! — прошепталъ кто-то около Марьи Николаевны.

У нея мутилось въ глазахъ.

— Господа!—началъ Перевaловъ во весь голосъ. Потомъ помолчалъ, чтобы сдержать волненіе и еще болѣе усилить вниманіе публики. Затѣмъ продолжалъ, подчеркивая каждое слово: — Спектакль состоятся не можетъ, потому что мы два дня ничего не ѣли. Мы честно приготовили пьесу, но всѣ едва держимся на ногахъ.

Онъ пріостановился. Публика въ ужасѣ замерла. Каждый въ залѣ боялся шелохнуться.

Перевaловъ продолжалъ еще громче:

— А нашъ товарищъ, шестидесятилѣтній старикъ Жаровъ, вотъ здѣсь,— онъ вытянулъ лѣвую руку,— въ женской уборной, на скамейкѣ, умираетъ голодною смертью!

Въ публикѣ поднялся ропотъ, послышались всхлипыванія.

— Если вамъ угодно посмотрѣть, какъ умираетъ честный артистъ, то милости прошу сюда, за сцену!

Ропотъ сталъ сильнѣе. Въ эту минуту раздался на весь театръ страшный, протяжный вопль Ручкиной. Луцкой черезъ всю сцену, сзади Перевалова, перебѣжалъ къ ней. Въ то же время въ залѣ нѣсколько дамъ вскрикнуло, одна начала истерически стонать.

— Это вы слышите, — еще возвысилъ голосъ Перевaловъ,— вопль его дочери, артистки Ручкиной!

— Довольно!—крикнули въ залѣ.

— Довольно, довольно!—подхватили другіе голоса.

— Гриша! Ради Бога, будетъ!—закричала Перевалова.

Шумъ въ залѣ быстро росъ. Многіе уже бѣжали вонъ.

— Луцкой, дайте занавѣсъ!—крикнула Марья Николаевна и замахала руками въ окнѣ избы.

Но Переваловъ кончалъ, стараясь покрыть всѣ крики и шумъ:

— Спасибо вамъ! Оцѣнили труженіковъ святого искусства!... Спасибо!

Луцкой на глазахъ публики далъ занавѣсъ въ то самое время, когда въ залѣ кричали:

— Довольно! Прекратите! Велите опустить занавѣсъ!

Многіе изо всей силы шикали и стучали палками и стульями, какъ бы вступая съ Переваловымъ въ борьбу на смерть. Объ суфлерскую будку ударился брошенный въ него бинокль. Двѣ дамы бились въ истерикѣ и оглашали залъ криками, стонами и взвизгиваніями.

Толстякъ въ чесунчовой парѣ, въ креслѣ перваго ряда, весь колыхался и плакалъ, но тоже стучалъ ногами.

Нѣсколько мужчинъ громко ругали актеровъ и требовали вмѣшательства полиціи.

— Имъ не полицію, а хлѣба и доктора нужно!—крикнула имъ полная дама, постоянная посѣтительница.

— Можетъ быть, и священника!—дрожащимъ голосомъ добавилъ ея сынъ.

— Полицію! На цѣпь! Какого имъ священника? Они въ Бога не вѣрятъ!

Особенно кричалъ маленькій, пожилой отставной военный, жена котораго билась головой о спинку стула и истерически взвизгивала.

Съ нѣсколькихъ сторонъ кричали:

— Дайте сюда скорѣе воды! Дайте воды, пожалуйста!

Лакеи побѣжали въ буфетъ за водой.

— Мерзавцы! — не переставалъ браниться отставной военный.—Комедіанты! Никогда въ жизни не пойду въ театръ. Дайте же воды, черти!... Да будетъ ужъ тебѣ ревѣть-то! — огрызнулся онъ, наконецъ, на жену.

— Какъ это полиція допускаетъ!—говорили тихо въ другомъ мѣстѣ.

— Ахъ, бѣдные, ахъ, несчастные!—раздавалось уже въ саду.

— Я ихъ понимаю, понимаю! — не унималась полная дама, продвигаясь къ выходу подъ руку съ сыномъ и постукивая по полу палкой.—Вся ихъ ошибка въ томъ, что они забрались въ такую глушь!

— Помилуйте, да такихъ актеровъ въ столицѣ не примутъ!— отвѣтилъ ей купчикъ, не знакомый.

Она повернула къ нему голову и остановилась.

— Не правда. Если вы ничего не понимаете, такъ молчите. У нихъ есть талантливые. Madame Раменская, m-eur Раменскій и Луцкой—прекрасные актеры.

— Да вотъ про этихъ вы совершенно вѣрно изволите говорить.

— Ну!—Она пошла опять.

Около выхода собралась кучка. Кто не убѣжалъ изъ театра сразу, тому ужъ и не хотѣлось выходить. Незнакомые заговаривали другъ съ другомъ и дѣлились впечатлѣніями.

Брать деньги изъ кассы рѣшались немногіе.

— Смотри-ка!—сказала полная дама.—Берутъ назадъ деньги!

— Оставьте ихъ, maman!—тихо сказалъ сынъ, видя, что мать обращаетъ на себя всеобщее вниманіе.

— Нѣтъ, мой другъ, я не могу. Пусти-ка.

Она освободила руку и подошла къ кассѣ. Ей уступили мѣсто.

— Вотъ что, голубчикъ,—сказала она громко, роясь въ портмонэ:—мнѣ совѣстно и женщина я не богатая... была когда-то... Но такъ какъ артисты, все равно, не знаютъ меня, то вотъ...—она протянула ему двѣ пятирублевыхъ,—положите это въ ихъ кассу.

Двое дожидавшихся очереди, чтобы получить деньги, конфузливо отошли.

— Ну, ихъ совсѣмъ!—сказалъ одинъ.—Пойдемъ!

Толстякъ въ чесунчѣ, все еще всхлипывавшій, ни слова не говоря, сунулъ въ окошечко кассы десятирублевую бумажку и, колыхаясь, ушелъ.

Постепенно стали расходиться. Одна дама въ истерикѣ была вынесена, но когда ее хотѣли положить на садовую скамейку, она закричала:

— Ай, ай! Ни за что! Я умру тутъ!

Жена отставного военнаго пришла въ себя. Онъ продолжалъ браниться и такъ быстро тащилъ ее подъ руку, что маленькая женщина въ припрыжку бѣжала за нимъ.

Нѣсколько человѣкъ, изъ любопытства посмотрѣть на голодныхъ людей, пошли на сцену.

Какъ только занавѣсъ опустился, Перевалов крикнулъ:

— Молодецъ Луцкой! Во-время далъ занавѣсъ. Только послѣднее мое «спасибо» покрылъ.—И, прислушиваясь къ шуму въ залѣ, онъ говорилъ:—Что? Шумите? Заревѣли ревмя? Толстолобые! Поняли?

Онъ сжималъ кулаки и упивался удовлетвореннымъ озлобленіемъ.

Изъ всѣхъ актеровъ, однако, только одинъ Бѣлесовъ сказалъ ему что-то вродѣ комплимента.

Перевалovъ вдругъ остановился, какъ пораженный. Луцкой близко подошелъ къ нему и прошепталъ:

— Отвратительно! Вы не смѣли этого дѣлать! Гнусно!

Съ другой стороны Марья Николаевна,—даже эта кроткая Раменская, говорила:

— Зачѣмъ вы такъ говорили? Зачѣмъ? Это обидно, унизительно!

Надежда Алексѣевна прямо показывала ему два кулачка и, вѣроятно, не побила только потому, что хлопотала около плакавшей дочери.

Холодковъ тоже хотѣлъ сказать что-нибудь непріятное, такъ какъ два раза приблизился къ нему, но въ это время говорили другіе, поэтому онъ оба раза только махнулъ рукой.

— Позвольте, господа! Да вы же сами одобряли меня вчера и такъ далѣе!

— Я? Я васъ одобрялъ?—спросилъ Луцкой.—Я одобрялъ вашу энергію, чтобы репетировать. Я думалъ, вы хотите доказать имъ на дѣлѣ! А это что такое?! Гнусно!

— Глупости! Вздоръ! Раскисли, размякли и такъ далѣе! Я поступилъ честно.

— Довольно, ради Бога! — вмѣшалась Перевалова. — Право, это ужъ безсовѣстно! Мужъ всю душу положилъ сегодня за васъ.

— Да, конечно,—признался первый Луцкой.—Извините меня, Григорій Александровичъ. Я вѣрю въ вашу искренность, а все-таки скажу: такъ не слѣдовало, нехорошо! Оскорбительно!

У входа на сцену показалось нѣсколько мужчинъ изъ публики. Надежда Алексѣевна налетѣла на нихъ:

— Что вамъ здѣсь нужно, господа? Ступайте, пожалуйста! Идите, идите съ Богомъ!

Она безъ церемоніи брала ихъ за плечи и поворачивала.

— Мы думали, они тутъ въ корчахъ валяются!—сказалъ одинъ изъ нихъ, уходя.—Я такъ полагаю, одинъ фокусъ, чтобъ денежки даромъ, безъ игры, получить. Пойдемъ-ка, братцы, возьмемъ свои назадъ, пока даютъ.

Луцкой слышалъ это.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—вотъ что про насъ будутъ говорить

И онъ съ чувствомъ обиды представилъ себѣ, какъ завтра будутъ разсказывать о сегодняшнемъ скандалѣ въ лавкѣ отца.

Никита такъ и не пришелъ.

Переваловъ, Ключиковъ, Бѣлесовъ и Холодковъ рѣшили ночевать на сценѣ. Чтобы не тревожить Жарова, двое изъ нихъ сбѣгали, принесли постели старика и Ручкиной и устроили ихъ въ женской уборной. Двое другіе тѣмъ временемъ погасили всѣ лампы въ театрѣ.

Изъ кассы Переваловъ взялъ только пожертвованные двадцать три рубля, остальныя же деньги,— еще болѣе тридцати,— велѣлъ приказчику Мякина сохранить до распоряженія исправника.

Актеры долго закусывали, бесѣдовали и размѣстились поближе другъ къ другу на полу около женской уборной. Одна лампа около нихъ и другая около умиравшаго Жарова горѣли со спущеннымъ свѣтомъ до самаго утра. Если кто просыпался, то слышалъ только, какъ скребутъ и пищатъ мыши въ залѣ и въ кулисахъ, да какъ сторожъ кладбищенской церкви иногда нѣтъ-нѣтъ и начнетъ отбивать въ колоколъ часы, какіе ему покажутся по движенію звѣздъ.

Поздно ночью Луцкой шелъ отъ Раменской мимо театра. Онъ оглядѣлъ его неуклюжее досчатое строеніе, выкрашенное въ дикій цвѣтъ. Окна уборной наверху были слабо освѣщены. Луцкой вспомнилъ, что тамъ лежитъ Жаровъ. Къ утру онъ уже, можетъ быть, будетъ трупомъ,—не даромъ онъ не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Сердце Луцкого на мигъ сжалось тоской, но ее сейчасъ же вытѣснило бодрое чувство прекрасныхъ надеждъ. Весь остальной вечеръ, послѣ скандала въ театрѣ, онъ былъ охваченъ этимъ чувствомъ.

Марья Николаевна, вернувшись съ нимъ къ себѣ, нашла дома двѣ телеграммы. Одну отъ Красавцева,—онъ извѣщалъ, что деньги высланы, и удивлялся молчанію невѣсты; другая—отъ представителя товарищества губернскаго города: «Могу предложить Луцкому сто марками и полубенефисъ на общихъ условіяхъ. И то на вашей отвѣтственности».

Это былъ отвѣтъ на ея письмо, къ которому она приложила и фиши.

Когда Луцкой читалъ телеграмму, лицо его было такъ залито румянцемъ, словно передъ нимъ вдругъ брызнули лучи утренняго солнца. Онъ обрадовался такъ, какъ можетъ радоваться только молодость, охваченная свѣтлыми надеждами.

«Прощай, театрикъ!—говорилъ онъ, осматривая сарай Мяки-

на:—много горькихъ минутъ испыталъ я здѣсь, за то не мало и счастливыхъ! Спасибо тебѣ!»

Возвращаясь домой, онъ хотѣлъ припомнить и обстановку семьи, большую лавку съ ситцами, банками, табакомъ, кусками мыла и воска, невѣсту съ багровыми челюстями, — но прошлое уже начало подергиваться въ его представленіи туманомъ.

XXIX.

Красавцевъ получилъ отъ Марьи Николаевны слѣдующее письмо:

«Сначала вы, вѣроятно, будете гнѣваться на меня, но надѣюсь, что мое письмо не надолго огорчитъ васъ.

«Я не могу быть вашей женой, Василій Сергѣевичъ.

«Конечно, мнѣ не слѣдовало вводить васъ въ заблужденіе. Но право, вся моя вина только въ томъ, что я не особенно умна. Другая на моемъ мѣстѣ сразу сообразила бы все, а мнѣ нужно очень много времени, чтобъ разобраться въ своихъ чувствахъ.

«Это началось съ того вечера, когда вы говорили мнѣ и Луцкому о нашихъ нравственныхъ задачахъ въ театральномъ быту. Помните? Послѣ «Безприданницы». Я тогда въ первый разъ почувствовала, что мы съ вами *совсѣмъ, совсѣмъ разные люди*. Только почувствовала, додумалась до этого я уже позже. И я приготовилась написать вамъ еще нѣсколько дней назадъ. Но въ послѣднее время мнѣ пришлось переживать такія мученія за товарищей, что право не до писемъ было. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, прошло, кажется, всего двѣ недѣли, а я пережила и передумала больше, чѣмъ за всю жизнь, какъ помню себя. Теперь мнѣ все такъ ясно, такъ ясно.

«Знаете, Василій Сергѣевичъ, что въ нашихъ отношеніяхъ самое важное: вы не любите насъ, актеровъ. Не любите, не любите. Задайте сами себѣ этотъ вопросъ, отвѣтьте на него по совѣсти и вы увидите, что я говорю самую, самую истину!

«Вы любите театръ, какъ всѣ хорошіе и умные люди любятъ умное развлеченіе. Вы цѣните талантъ, потому что знаете, что онъ отъ Бога, что онъ не всякому данъ. Вы очень щедры къ актерамъ, потому что вы добрый человѣкъ. Но *душу* актера вы не любите Если бъ вы ее любили, то поняли бы, что она не совсѣмъ такая же, какъ у всякаго другого смертнаго. Я не говорю, что она лучше, но *другая*. Вы сами же говорили не разъ, что актеръ и чувствуетъ и думаетъ быстрѣе и съ большей взволнованностью, чѣм

всѣ, даже писатели, художники и композиторы. Но сегодня вы это скажете, потому что вы умны, а завтра, когда будете бранить актеровъ за ихъ условную нравственность, забудете то, что говорили сегодня. А забудете потому, что вы ихъ не любите.

«Кромѣ того, вы имъ не вѣрите. Вы знаете очень много хорошихъ вещей, которыя принято думать объ артистахъ, но въ душѣ вы всякого считаете способнымъ сдѣлать гадость. Лучшій примѣръ—я сама.

«Я вамъ не подавала ни малѣйшаго повода къ недовѣрію. Но я—актриса и этого достаточно, по вашему, чтобы мнѣ не вѣрить.

«Пишу объ этомъ вовсе не для того, чтобы перебирать старый хламъ. Хочу только заставить васъ убѣдиться, что я права.

«Вы любите меня какъ женщину. Еще больше потому, что я, какъ актриса, имѣю возможность быть красивѣе. Тутъ помогаютъ и гримъ, и туалетъ, а больше всего—аплодисменты публики.

«Но меня, какъ актрису, то-есть, какъ товарища Перевало-выхъ, вы презираете. Иначе развѣ вы поставили бы мнѣ условіемъ не служить, а только изрѣдка играть?...

«А я хочу, Василій Сергѣевичъ, именно *служить*, быть постоянно среди своихъ товарищей, дѣлить горе и радость *съ ними*, а не съ тѣми, кто намъ аплодируетъ. Можетъ быть, я научусь такъ же видѣть ихъ пороки, какъ видите вы, и буду чувствовать это сильнѣе васъ, но не перестану оставаться съ ними, потому что люблю ихъ и только они—мои друзья.

«Этого вы, кажется, не хотите понять.

«Конечно, я не пойду къ нимъ въ сестры милосердія. Такъ же, какъ и всѣ люди, буду искать и побольше славы и побольше жалованья, буду всегда говорить, что безъ таланта нельзя идти на сцену. Я—тоже эгоистка и тоже хочу хорошо жить. Но всегда и всей душой буду среди своихъ товарищей.

«До послѣдняго времени я жила и ни о чемъ не тужила. Теперь я увидѣла настоящую нужду, настоящую *драму за сценой* и научилась болѣть душой не за свои только неудачи. И даже въ такую минуту нашлись среди насъ люди, которые не понимали, что̀ намъ обидно и что̀ пріятно. Но ихъ судить не вамъ. Мы сами сумѣемъ разобраться въ нашихъ дѣлахъ.

«Мнѣ очень трудно писать вамъ. Не скрою, что переписываю это письмо въ третій разъ. Но мнѣ хочется ясно, ясно передать вамъ все. Вы сдѣлали мнѣ много добра, я этого не забуду, такъ или сякъ любите меня—и это знаю. Поэтому не хочу на прощанье ничего сбрывать отъ васъ.

«Вотъ вамъ доказательство. Вамъ одному признаюсь, — даже мама не подозрѣваетъ,—*я въ первый разъ, дѣйствительно, начинаю любить*. И я очень дорожу своимъ новымъ чувствомъ потому, что оно пришло вмѣстѣ съ новыми мыслями. А мнѣ съ ними такъ легко жить!

«Долго думала, писать ли вамъ объ этомъ. Вы такой обидчивый. Но право же вы меня любите вовсе не такъ, чтобъ эта новость доставила вамъ серьезныя огорченія.

«Вѣроятно, вы сразу поняли, о комъ я говорю. Между мною и имъ еще *ничего* не сказано. Все это въ будущемъ. Но ни ему, ни мнѣ не тяжело ждать. Пусть наши чувства окрѣпнутъ, а потомъ... буду ли я *женой* его, нѣтъ ли, за это мы одни будемъ отвѣчать Богу, и никому до насъ нѣтъ дѣла. Я знаю, что вы подумаете обо мнѣ нехорошо, но я не стану и разувѣрять васъ. Я никогда не чувствовала себя такою чистой, какъ теперь. Актриса, все-таки, прежде всего женщина, и для нея любовь, какъ и для всякой женщины, выше всего въ мірѣ. Она ее научитъ всему хорошему лучше, чѣмъ всѣ поклонники и покровители вмѣстѣ.

«Вотъ вамъ, Василій Сергѣевичъ, моя исповѣдь.

«Мама призналась мнѣ, наконецъ, что вы оставили ей сто рублей. Зная вашу доброту, я отдала эти деньги товарищамъ. Имъ не съ чѣмъ выѣхать отсюда, и они хотѣли устраивать подписку. Это была бы новая обида. Пусть они будутъ благодарны одному вамъ.

«Помните старика Жарова? Онъ вчера умеръ. И представьте: за кулисами, въ женской уборной! На Ручкину смотрѣть жалко. Она точно обезумѣла отъ горя и нужды.

«Прощайте.

«Искренно благодарная вамъ

М. Раменская».

Вл. Немировичъ-Данченко.

ХИЩНИКЪ *).

Френсиса Дана.

Юный мистеръ Гунтингтонъ Крессвелль, владѣлецъ добропорядочнаго имени, обладатель достаточной суммы денегъ и приличнаго гардероба, человѣкъ нѣсколько романтическаго характера, одинокимъ сиротой выступилъ на житейское поприще.

Образъ его мыслей мало согласовался съ понятіемъ о доллярахъ и центахъ, почему они у него вскорѣ почти совсѣмъ изсякли. Это обстоятельство заставило юношу отнестись къ остающемуся количеству съ бо̀льшимъ уваженіемъ и озаботиться объ изысканіи способа ихъ умноженія.

Литературныя занятія всегда казались ему наиболѣе почтеннымъ, выгоднымъ и независимымъ видомъ промышленности, способнымъ, какъ онъ полагалъ, воодушевить фантазію и въ то же время вознаградить авторское ремесло.

По нѣкоторомъ размышленіи онъ рѣшилъ безъ дальнихъ околичностей сдѣлаться писателемъ-романистомъ. Онъ купилъ перьевъ, чернилъ, бумаги и весело проработалъ около двухъ лѣтъ.

«Удивительный чудакъ живетъ въ № 60, на Гибралтарской площади,—размышлялъ почтальонъ:—обыкновенно люди съ радостью принимаютъ посылки съ почты, этотъ же готовъ растерзать тебя всякій разъ, когда ему приносишь. Еще сегодня утромъ я доставилъ ему свертокъ, а онъ чуть было не швырнулъ имъ въ меня!»

Дѣло въ томъ, что Гунтингтонъ Крессвелль, убѣдясь, что не въ состояніи пріобрѣсти извѣстности писателя, такъ какъ всякое его произведеніе, брошенное въ океанъ литературы, тотчасъ выбрасывается на берегъ, нигдѣ не находя пристанища, сдѣлалъ еще

---

*) Harper's Monthly Magazine.

одно усиліе и написалъ произведеніе, стоявшее несравненно выше всѣхъ прежнихъ; въ то же время онъ поклялся, что если произведеніе это не встрѣтитъ успѣха, то будетъ послѣднимъ. Онъ ввелъ въ него массу типичныхъ характеровъ и до такой степени къ нимъ привыкъ, что они стали какъ бы товарищами и друзьями въ его одиночествѣ. Онъ даже влюбился въ одну хорошенькую пассажирку—не главную героиню: о той онъ не сталъ и мечтать. Онъ украсилъ повѣсть лучшими плодами своего вдохновенія и прекраснѣйшими образами своей фантазіи. А потому какъ только одѣтый въ сѣрую куртку посланецъ, носящій въ своей кожаной куртвѣ столько радостей и горя, принесъ ему посылку или вѣрнѣе свертокъ,—отчаянію Крессвелля не было предѣловъ. Онъ почувствовалъ, что лучшее его твореніе все еще было недостаточно хорошо. Вновь испытывать свои силы онъ уже болѣе не хотѣлъ.

«Большое количество говядины,—увѣряетъ Буртонъ,—вызываетъ меланхолію». Быть можетъ это и правда. Однако же недостатокъ говядины, какъ извѣстно, производитъ то же дѣйствіе.

Такъ было и съ Крессвеллемъ. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ теперь же отыскать способъ добывать этотъ продуктъ печальной необходимости или иное какое-либо мясо, въ противномъ же случаѣ пришлось бы вызвать расходъ на собственныя похороны и не быть въ состояніи ихъ оплатить. Онъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе. Отнынѣ имя его вмѣсто того, чтобъ украсить собою заглавные листы прекрасно переплетенныхъ книгъ и страницы критическихъ обозрѣній, должно скромно занять свое мѣсто въ полковыхъ реестрахъ, гдѣ даже непривыкшіе къ труду люди имѣютъ возможность отложить кое-что на черный день.

Мысль о военной службѣ наиболѣе соотвѣтствовала характеру Крессвелля: барабаны, трубы, солдаты и амуниція; надежды на повышенія и мечты о славѣ, но уже военной. Если изъ его литературныхъ занятій и не вышло ничего путнаго, по крайней мѣрѣ осталось воображеніе. Чѣмъ болѣе онъ думалъ о полковничьемъ чинѣ, тѣмъ болѣе лелѣялъ эту мечту, пока, наконецъ, она не овладѣла окончательно его сердцемъ.

Онъ засунулъ злополучную повѣсть въ самый отдаленный уголъ ящика стариннаго комода, стоявшаго въ его комнатѣ (у него недоставало духу уничтожить лучшее свое произведеніе), затѣмъ пріосанившись, отправился, покручивая усы, въ канцелярію рекрутскаго набора и вскорѣ сдѣлался собственностью «дяди Сама».

— Несчастные! — воскликнула однажды жена полковника (не госпожа Крессвелль, разумѣется):—какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь для нихъ сдѣлать!

Да, они были въ самомъ дѣлѣ несчастны, эти бѣдные солдаты, въ этой глухой, безлюдной степи. У нихъ не было рѣшительно ничего, чѣмъ бы можно было разсѣять утомительное однообразіе. Тѣ же обязанности, занятія, тѣ же игры изо дня въ день, и никакихъ новостей.

Изрѣдка, впрочемъ, однообразіе степной жизни нарушалось самою природой. Иногда лѣтомъ вдругъ поднимался циклонъ, а зимою метель; но всякій разъ перемѣна эта совершалась въ самомъ нежелательномъ смыслѣ. Иной разъ ждали нападенія индѣйцевъ, но они не показывались, никто особенно и не былъ заинтересованъ въ ихъ появленіи. Наконецъ и это обстоятельство не имѣло никакого серьезнаго значенія, ибо едва ли какую разницу составляло умереть со скуки отъ бездѣятельной барачной жизни, или быть подстрѣленнымъ кѣмъ-либо изъ обитателей пустыни. И то и другое имѣло преимущество другъ передъ другомъ.

— Несчастные! — еще разъ воскликнула полковница:—пошлю я имъ какихъ-нибудь старыхъ книгъ!

Такимъ-то образомъ однажды вечеромъ въ баракахъ и появился ящикъ, наполненный книгами. Уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ солдаты не имѣли подобнаго угощенія.

Они принялись за книги съ остервенѣніемъ, и впервые со дня своего появленія въ баракахъ могли спокойно вздохнуть засаленныя карты и потемнѣвшія отъ времени кости.

Одинъ изъ солдатъ принялся съ трудомъ разбирать что-то вслухъ кучкѣ товарищей, какъ вдругъ запнулся на незнакомомъ ему словѣ.

— Эй, гдѣ «академическій словарь?» — закричалъ онъ.—Тащите его сюда скорѣй; мнѣ его нужно!

Высокаго роста солдатъ, услыхавъ свое прозвище, данное ему за отличное знаніе языка, медленно подошелъ къ группѣ.

— Въ чемъ дѣло, Кованъ? — спросилъ онъ.

Непонятная фраза была ему тотчасъ указана.

— Какъ ты произносишь это слово и что оно обозначаетъ?

Толпа слушателей ждала объясненія отъ пришедшаго.

«Академическій словарь» вмѣсто отвѣта уставился глазами на раскрытую передъ нимъ страницу, лицо его поблѣднѣло, губы задрожали, и взглядъ его выразилъ крайнее негодованіе.

— Ради самого неба, Кованъ, отдай мнѣ эту книгу! — Съ этими

словами онъ почти что вырвалъ книгу изъ рукъ товарища и выбѣжалъ вонъ съ проклятіями на устахъ, чего прежде съ нимъ никогда не бывало.

Въ скоромъ времени постъ лишился «академическаго словаря», такъ какъ Крессвелль поспѣшилъ подать въ отставку и предпринялъ путешествіе въ восточные штаты.

Никто не зналъ, почему онъ бросилъ службу и что его обезпокоило.

Дѣло нисколько не разъяснилось даже послѣ того, какъ Кованъ въ подробности разсказалъ про внезапное смущеніе товарища при чтеніи непонятнаго слова и высказалъ догадку, не отправился ли тотъ въ Гарвардскую коллегію съ цѣлью выяснить точное значеніе этого слова и его произношеніе.

Съ кошелькомъ, набитымъ многолѣтними сбереженіями, и сердцемъ, исполненнымъ гнѣва, Крессвелль, имѣя чистую отставку въ карманѣ, спѣшилъ въ восточные штаты.

Въ книгѣ, данной ему Кованомъ, онъ узналъ собственную свою повѣсть, — ту самую, на которую когда-то возлагалъ большія надежды. Названіе этого превосходнаго сочиненія было прежде «Герцоги и герцогини», теперь же въ заголовкѣ стояло «Селезни и утки».

На первой страницѣ этой чудной повѣсти и въ сочувственныхъ выдержкахъ, перепечатанныхъ изъ журнальной критики, красовалось не имя «Гунтингтона Крессвелля», а имя Птоломея Бакстера.

Кто бы ни былъ этотъ Птоломей Бакстеръ, во всякомъ случаѣ Крессвелль не благословлялъ его въ душѣ.

Онъ пылалъ къ похитителю ненавистью, за которую корсиканскій дворянинъ старинной школы отдалъ бы половину своего состоянія.

Вся горечь прежнихъ разочарованій и неудачъ, ощущенія двѣнадцати-лѣтняго холода и зноя, голода и жажды во время походовъ и кровавыхъ стычекъ—все это пришло ему на память и слилось въ одномъ чувствѣ глубочайшей ненависти.

Въ изступленіи гнѣва и безсильной злобы онъ представлялъ себѣ этого Птоломея Бакстера отвратительнѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ уродовъ.

У Крессвелля было теперь одно лишь единственное желаніе—изловить Птоломея Бакстера во что бы то ни стало.

Въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству, онъ соскочилъ съ платформы станціи города, бывшаго свидѣтелемъ его прежнихъ

неудачъ и въ то же время мѣстомъ отпечатанія его книги. Преобразясь изъ военнаго въ штатскаго, онъ отправился къ издателю, съ цѣлью узнать у него адресъ господина Бакстера.

— Автора *Селезней и утокъ?*

— Да, мнѣ необходимо его видѣть по очень важному дѣлу и если вы будете настолько добры...

Издатель взглянулъ на Крессвелля поверхъ очковъ, а затѣмъ сквозь нихъ и насмѣшливо прищурился.

— Вы никогда не видали этого господина?

— Никогда.

— Адресъ Птоломея Бакстера слѣдующій: Гибралтарская Площадь, № 60 въ этомъ же городѣ.

— Моя прежняя квартира!—вырвалось у Крессвелля.

— Право? Какое однако совпаденіе!—удивился издатель. Онъ напрасно силился припомнить, гдѣ и когда видѣлъ прежде своего собесѣдника.

Какъ только Крессвелль позвонилъ у квартиры № 60 на Гибралтарской площади, ему тотчасъ отворила дверь прехорошенькая горничная въ миткалевомъ передникѣ. Ея волосы были повязаны платочкомъ, а въ рукѣ она держала половую щетку.

Крессвелль назвалъ себя и освѣдомился, дома ли мистеръ Птоломей Бакстеръ.

Дѣвушка разсмѣялась и пристально на него поглядѣла, затѣмъ произнесла:

— Разумѣется, пожалуйте! — она ввела его въ небольшую, скромно меблированную комнату, но чистенькую и уютную.—Садитесь, пожалуйста. Мистеръ Бакстеръ сейчасъ къ вамъ выйдетъ,— сказала она и скрылась.

Крессвелль, сидя въ ожиданіи мистера Бакстера, дрожалъ отъ волненія и гнѣва. Онъ надѣялся, впрочемъ, имѣть настолько самообладанія, чтобы не броситься тотчасъ же на своего грабителя, но не былъ, однако, увѣренъ, будетъ ли въ состояніи это исполнить. Минуту спустя нѣжный голосъ вывелъ его изъ задумчивости.

— Вы мистеръ Крессвелль и желаете видѣть мистера Птоломея Бакстера?

Въ дверяхъ стояла дѣвушка, та самая, которая ввела его въ комнату, минусъ миткалевый передникъ, половая щетка и платочекъ.

Граціозная живая фигурка съ темно-каштановыми волосами, кокетливо зачесанными назадъ; глубокіе темные глаза съ выраженіемъ привѣтливости; ясно очерченныя брови, нѣсколько припод-

нятия, какъ бы вслѣдствіе изумленія или любопытства; хорошенькій ротикъ, углы котораго изрѣдка вздрагивали, отчего каждый разъ образовывались двѣ прелестныя ямочки на щекахъ.

— Я... я...—забормоталъ Крессвелль, пораженный видѣніемъ, такъ мало соотвѣтствовавшимъ душевному его настроенію.

— Я именно та самая знаменитость, о которой вы спрашивали,—промолвила дѣвушка съ кокетливою улыбкой.—Ваше желаніе исполнено.

Крессвелль положительно былъ не въ состояніи перенести свою ненависть на эту симпатичную дѣвушку.

Человѣкъ, многіе годы прожившій внѣ женскаго общества и отчасти уже отъ него отвыкшій, невольно чувствуетъ къ женщинѣ какое-то особенное уваженіе. Образъ хорошенькой и симпатичной дѣвушки для него то же, что видъ посланца изъ иного, лучшаго міра, нежели тотъ, въ которомъ онъ живетъ.

Восторгъ, удивленіе, внезапное сознаніе собственнаго ничтожества и невозможность собрать свои мысли воедино — все это смѣшалось въ его головѣ,—что же удивительнаго, что онъ совершенно потерялъ подъ собою почву. Онъ отъ души пожалѣлъ, что не находится въ эту минуту среди воинственныхъ Сіу, гдѣ хотя былъ бы менѣе дружелюбно принятъ, за то чувствовалъ бы себя болѣе дома и зналъ, по крайней мѣрѣ, что̀ предпринять. Онъ стоялъ смущенный, не будучи въ силахъ произнести ни слова, и бронзовое его лицо покрылось яркимъ румянцемъ стыда.

Хищникъ глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Вы, кажется, явились по дѣлу, мистеръ Крессвелль? Что же вамъ угодно?

Несчастный Крессвелль! Онъ рѣшительно не имѣлъ силы начать разговора, ради котораго пришелъ. Не могъ онъ также придумать подходящаго предлога для бѣгства или извиненія. Онъ въ изнеможеніи опустился въ кресло и безпомощно смотрѣлъ на дѣвушку, которая почувствовала себя неловко отъ его взгляда. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ сидѣть и глядѣть.

Исполненіе невозможнаго, когда того требуютъ обстоятельства, входитъ въ число обязанностей, налагаемыхъ «дядей Самомъ» на своихъ племянниковъ. Вѣроятнѣе всего, что эта-то воинская дрессировка и помогла Крессвеллю выпутаться изъ затрудненія, внушивъ ему эту блестящую идею. Онъ примется хвалить произведеніе юной писательницы и посмотритъ, какъ она къ этому отнесется.

— Я и не воображалъ,— началъ онъ, — что книга, доставившая мнѣ столько наслажденія, была написана женщиной. Повѣрь

эта мнѣ до того понравилась, что у меня явилось непреодолимое желаніе познакомиться съ авторомъ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой я рѣшился поблагодарить васъ лично за тѣ часы удовольствія, которые вы мнѣ доставили вашимъ произведеніемъ.

— Это очень мило съ вашей стороны, — отвѣчала дѣвушка, опустивъ глаза и теребя оборку кресла.—Я очень рада, если изданіе этой книги могло доставить кому-либо удовольствіе.

«У нея есть совѣсть!»—подумалъ Крессвелль и тутъ же рѣшилъ продолжать опытъ.

— Какое это благородное произведеніе!—воскликнулъ онъ горячо. — И какое удовольствіе вы должны были испытывать въ то время, когда его писали!

Она закусила губу и холодно отвѣчала:

— Мнѣ кажется, я не заслуживаю столькихъ похвалъ за благородное произведеніе. То, что я сдѣлала — было сдѣлано исключительно ради денегъ и вслѣдствіе нужды.

— Я боюсь, не слишкомъ ли было опрометчиво съ моей стороны явиться къ вамъ, мисс... теръ Бакстеръ,—произнесъ онъ,—простите, если такъ. Я дѣйствовалъ по влеченію сердца, и если пришелъ сюда, то единственно, чтобы выразить искреннюю благодарность писателю, слова и мысли котораго воскресили мой упавшій духъ въ одинокомъ захолустьи, подарили мнѣ много свѣтлыхъ минутъ и принесли мнѣ больше пользы и добра, чѣмъ это можетъ быть выражено словами.

Онъ говорилъ такъ, какъ будто все это перечувствовалъ.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы, и выраженіе лица ея вдругъ сдѣлалось печальнымъ. Для истинно-доброй женщины пріятнѣе всего сознаніе о добромъ поступкѣ, совершенномъ по отношенію къ человѣку, дѣйствительно нуждавшемуся въ томъ, и ей захотѣлось заслужить хотя бы частью право на эту похвалу. Она обладала мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ и, чувствуя себя виновной въ присвоеніи чужой собственности, не рѣшалась принять всецѣло на свой счетъ благодарность, ей не принадлежащую.

Она нѣсколько времени молчала, а затѣмъ произнесла:

— Мистеръ Крессвелль, мы оба стоимъ на ложной почвѣ, и на мнѣ лежитъ обязанность разъяснить недоразумѣніе. Вы благодарили не того, кого слѣдуетъ. Не я сочинила книгу *Селезни и утки*. Говоря по совѣсти, я и сама не знаю кто. Кто-то былъ настолько глупъ, что озаглавилъ книгу *Герцоги и герцогини*. Я нашла рукопись наверху въ одномъ изъ ящиковъ стариннаго комода. Она покоилась тамъ, по всей вѣроятности, уже не мало времени, по край-

ней мѣрѣ жильцы, занимавшіе до насъ эту квартиру, ровно ничего о ней не знали. По почерку можно было думать, что рукопись принадлежитъ какой-нибудь дѣвчонкѣ, посѣщающей школу. Ни имени, ни фамиліи не стояло. Очевидно, рукопись была заброшена, а мы, мы въ это время сильно нуждались въ деньгахъ; я рѣшилась переписать рукопись и снести ее къ издателю. Конечно, я должна была ему тогда же все и объяснить. Если когда-либо появится настоящій авторъ, то, конечно, получитъ и славу, и всѣ свои права. Но пока я намѣрена скрыть это обстоятельство, такъ какъ пишу свое собственное произведеніе. Ну, вотъ и все. Я не вынесла вашихъ похвалъ, мистеръ Крессвелль, и вынуждена была во всемъ сознаться, и теперь мнѣ какъ-то легче на душѣ. Да, мама! Такъ гораздо лучше! — прибавила она весело, услыхавъ сверху брюзгливый и недовольный голосъ, сопровождаемый нервнымъ постукиваньемъ по полу. — Вы меня извините, мистеръ Крессвелль. Моя мать болѣзненная старушка и постоянно нуждается въ моей помощи. Очень рада вашему приходу. Надѣюсь, вы когда-нибудь найдете истиннаго автора, котораго и поблагодарите тогда за книгу. Прощайте!

Съ этими словами хищникъ исчезъ.

Внѣ себя отъ изумленія, Крессвелль вышелъ на улицу. Когда онъ, наконецъ, собрался съ мыслями, то, къ великому недоумѣнію прохожихъ, сталъ облегчать свои чувства весьма странными восклицаніями. «Селезни, утки, герцоги и герцогини, чтобъ васъ!...— и затѣмъ прибавилъ совершенно уже непослѣдовательно: — А интересно бы знать, кто она такая?»

Издатель сидѣлъ въ своемъ покойномъ креслѣ и велъ бесѣду съ хищникомъ.

— Кстати, добился ли свиданія съ вами тотъ господинъ, что недавно справлялся у меня о томъ, гдѣ вы живете, миссъ Гленъ. Кажется, это было въ среду? — спросилъ онъ.

— Господинъ?

— Да, высокій брюнетъ свирѣпаго вида, желавшій имѣть адресъ мистера Бакстера, который я ему и сообщилъ.

— Вы говорите объ оригиналѣ Крессвеллѣ?

— Гм... — воскликнулъ издатель съ видомъ человѣка, силящагося что-то припомнить. — Да, именно такъ. Я въ этомъ теперь вполнѣ убѣжденъ. Знаете ли вы, что со дня его прихода я все старался привести себѣ на память, кто онъ такой?

— Ну, кто же онъ такой? Что онъ изъ себя представляетъ?

— Онъ—господинъ, который нѣкогда носилъ ко мнѣ повѣсти, предназначавшіяся къ напечатанію. И что это были за негодныя повѣсти! Затѣмъ, къ великому моему удовольствію, онъ вдругъ исчезъ. Онъ мнѣ говорилъ когда-то, что живетъ на Гибралтарской площади въ № 60, изъ чего я заключаю, что эта мѣстность изобилуетъ писателями всевозможныхъ достоинствъ. Мнѣ кажется, миссъ Гленъ, что онъ просто хотѣлъ навязаться къ вамъ въ компаніоны, во-первыхъ, какъ прежній обитатель вашей квартиры, а во-вторыхъ, какъ собратъ по перу и черниламъ. Можетъ быть, имѣлъ даже намѣреніе просить васъ просмотрѣть его рукописи и сообщить секретъ вашего успѣха.

Въ эту минуту издателя поразило выраженіе лица хищника и онъ поспѣшилъ прибавить:

— Извините, миссъ Гленъ. Я думалъ, что вы незнакомы съ господиномъ Крессвеллемъ. Можетъ быть, онъ вашъ близкій другъ?

— Да,— промолвила она серьезно,— онъ одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей на свѣтѣ!

Ей все стало ясно теперь. Крессвелль потерялъ рукопись, пришелъ заявить о своихъ правахъ и, выслушавъ ея исторію, удалился, ничего не объяснивъ.

Имѣя въ высшей степени отзывчивую душу, она собралась было уже разсказать все въ подробности издателю и тѣмъ воздать должное Крессвеллю за его трудъ и за его деликатность. Но, будучи въ то же время достаточно разсудительной, она рѣшила принять его любезность въ томъ смыслѣ, какъ она ей была предложена, т.-е. въ смыслѣ дать ей возможность воспользоваться составленнымъ уже ею именемъ, а затѣмъ уже, если ея собственное сочиненіе будетъ имѣть успѣхъ, объявить обо всемъ во всеобщее свѣдѣніе.

Немалое безпокойство для миссъ Гленъ составляло то, что она не имѣла никакой возможности увѣдомить Крессвелля, до какой степени она ему была благодарна. Она не разъ вспоминала о немъ. Его мужественное лицо постоянно представлялось ея воображенію.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и она не только ни разу не встрѣтилась съ нимъ, но даже и не слыхала о немъ.

Она часто задавала себѣ вопросъ, какого онъ мнѣнія относительно ея литературнаго воровства, и каждый разъ принуждена была съ грустью сознаваться, что онъ навѣрное ее презираетъ. Но, припоминая въ то же время его съ ней обращеніе, она мысленно рѣшала, что не наоборотъ ли? Безъ сомнѣнія, ей было бы весьма отрадно узнать, что Крессвелль въ это самое время не иначе вспо-

миналъ о *Селезняхъ и уткахъ*, какъ съ надеждой на то, что «его писатель», какъ онъ ее называлъ, будетъ имѣть успѣхъ отъ изданія уже своего собственнаго произведенія и что онъ тогда воспользуется случаемъ поздравить ее, высказавъ при этомъ чувства своей къ ней симпатіи, и постарается узнать ее покороче.

Она ему нравилась, и въ этомъ не было ничего удивительнаго. Во-первыхъ, всякій, видѣвшій ее хоть разъ, становился уже въ нее влюбленнымъ. Во-вторыхъ, по отношенію къ нему она имѣла преимущество быть первой хорошенькой женщиной, которую онъ встрѣтилъ послѣ долгаго одиночества; послѣдующія же занятія не дали ему времени попасть въ сѣти какой-либо другой. Наконецъ, онъ сознавалъ, что имѣетъ на нее нѣкоторыя права, какъ авторъ произведенія, изданнаго подъ псевдонимомъ Бакстера. Преступленіе, покарать которое онъ явился изъ-за тысячи миль, теперь казалось ему милой шуткой, и онъ радовался тому, какъ ловко скрылъ отъ нея тайну.

Въ поискахъ за работой Крессвелль набрелъ на компанію, цѣлью которой было орошеніе и разработка мѣстности, знакомой ему по одному изъ индѣйскихъ походовъ. Его знаніе, опытность и энергія оказались весьма полезными для компаніи и дали ему возможность составить себѣ небольшое состояніе. Въ одинъ прекрасный день онъ взялъ у компаніи отпускъ и предпринялъ путешествіе въ Восточные штаты, причемъ цѣлью его было то же, что и въ первый разъ, а именно—желаніе изловить хищника.

Миссъ Нелли Гленъ успѣла уже издать свое собственное произведеніе, и общее убѣжденіе было таково, что талантъ Птоломея Бакстера сильно возросъ. Это обстоятельство дало ей возможность поселиться съ матерью (наперекоръ желанію этого деспота-страдальца, утверждавшаго, что она слишкомъ стара, чтобы жить въ глуши), въ маленькой уютной дачкѣ съ верандой, садикомъ, фруктовыми деревьями, сиренью и прочими загородными прелестями.

Однажды въ знойную полуденную пору она дремала, лежа въ гамакѣ, растянутомъ между деревьями, какъ вдругъ была разбужена звукомъ пилы; выскочивъ изъ гамака, она подошла къ сложеннымъ невдалекѣ дровамъ, съ цѣлью узнать, кто это пилитъ.

— Какъ вы поживаете, миссъ Гленъ?

— Неужели это вы, мистеръ Крессвелль?

— Я желалъ повидаться съ вами, а до тѣхъ поръ рѣшилъ провести съ пользой время, пока вы проснетесь!—отвѣчалъ онъ.

Обоими овладѣло смущеніе, и они молча глядѣли другъ на друга. Крессвелль нервно шарилъ въ карманахъ, какъ будто надѣ[illegible]ь

найти тамъ даръ слова, который внезапно потерялъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою.

— Я... я... рѣшился явиться къ вамъ, миссъ Гленъ, чтобы сообщить новость, которая навѣрное васъ заинтересуетъ. Я узналъ подробности объ авторѣ *Селезней и утокъ*. Я съ нимъ даже недавно познакомился. Онъ хохоталъ; хохоталъ страшно, когда я разсказалъ ему, что повѣсть его напечатана. Поглядѣли бы вы на него, когда онъ хохоталъ! При этомъ онъ опасался, не подъ его ли фамиліей напечатана повѣсть, ибо у него были на то особенныя причины. Онъ прибавилъ, что очень доволенъ тому, что нашелся человѣкъ, давшій ей свое имя, и безпокоился только, не вызвало ли это съ вашей стороны хлопотъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ безъ завѣщанія, не оставивъ родныхъ.

Крессвелль, выдумавшій эту исторію, чтобъ успокоить хищника, проговорилъ все сказанное однимъ духомъ съ видомъ школьника, вытвердившаго урокъ.

— А скажите, мистеръ Крессвелль, что это очень мучительно?—равнодушно обратилась къ нему дѣвушка.

— То-есть, что же именно?

— Да умирать безъ завѣщанія,—отвѣчала она, пристально глядя на него.—Неужели вы думаете, я не знаю, что книгу эту написали вы?

— Изъ чего же вы это заключаете, миссъ Гленъ?

— Я въ этомъ увѣрена. Какъ только вы заговорили о смерти писателя, мнѣ тотчасъ припомнился тотъ прелестный стиль, который отличаетъ повѣсть.

— Но миссъ Гленъ...

— А теперь, мистеръ Крессвелль, я рада случаю высказать, что ваша рукопись въ свое время спасла мою мать и меня отъ нищеты и помогла намъ выбраться изъ очень тяжелаго положенія. Я намѣрена вскорѣ признать печатно ваши авторскія права и возвратить вамъ, какъ можно скорѣе, доходъ отъ изданія, который, къ слову сказать, очень не великъ.

— Ради Бога не дѣлайте этого!—возразилъ Крессвелль:—Вы ня погубите. Вообразите только мое положеніе, если въ мои годы ня назовутъ многообѣщающимъ юнымъ писателемъ! Я потеряю сто. Моя компанія ни за что болѣе меня держать не станетъ. Я шительно не могу на это согласиться.

— Вы должны непремѣнно!—отвѣчала она.—Къ тому же это вопзведетъ извѣстную сенсацію въ публикѣ,—сенсацію, которой

я и воспользуюсь при изданіи слѣдующаго своего произведенія. Наконецъ, это моя обязанность.

— А сколько вамъ понадобится времени на окончаніе новой повѣсти?

— По всей вѣроятности, около четырехъ или пяти мѣсяцевъ.

Онъ замѣтно просіялъ.

— Хорошо, миссъ Гленъ, но только пожалуйста дайте мнѣ объ этомъ знать еще до выхода повѣсти и помните, что я на ваше предложеніе не согласенъ.

— Я обѣщаю, мистеръ Крессвелль, предупредить васъ заблаговременно.

Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ или пяти мѣсяцевъ тѣнь умершаго безъ завѣщанія автора *Селезней и утокъ* преслѣдовала хищника, что, какъ извѣстно, рѣдко кому изъ хищниковъ выпадаетъ на долю. Миссъ Гленъ привязывалась къ этой тѣни все болѣе и болѣе. Даже мистрисъ Гленъ (изъ принципа отвергавшая какія-либо достоинства у мужчинъ) однажды до того забылась, что обмолвилась о мистерѣ Крессвеллѣ, какъ о достойномъ въ своемъ родѣ молодомъ человѣкѣ.

А онъ снова пустился въ свой далекій Западъ, откуда стали доходить иногда до миссъ Гленъ письма, слогомъ напоминавшія первую повѣсть Птоломея Бакстера.

Однажды вечеромъ Крессвелль появился въ саду знакомой уже намъ дачи и нашелъ миссъ Гленъ одиноко сидящей на верандѣ. Онъ показался ей на этотъ разъ необыкновенно страннымъ. Онъ имѣлъ видъ разстроенный; такимъ она еще никогда его не видала.

Онъ быстро поднялся на лѣсенку, холодно произнесъ: «добрый вечеръ», сухо замѣтилъ ей, что впервые дѣла общества позволили ему отлучиться на нѣсколько дней для собственныхъ надобностей.

— А теперь,—промолвилъ онъ,—мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ одно предложеніе, которое благополучно разрѣшитъ затрудненіе, возникшее у насъ по поводу *Селезней и утокъ*, по крайней мѣрѣ, относительно меня.

— А относительно меня?—спросила дѣвушка, раздосадованная интонаціей его голоса.

— Насчетъ этого я не вполнѣ увѣренъ. Все зависитъ отъ того, какъ вы взглянете на мое предложеніе. Ваша третья повѣсть готова?

— Да, моя вторая повѣсть окончена.

— А хорошо она написана?

— Я думаю, она лучшая изъ всего того, что я могла бы написа

— Издайте ее подъ моей фамиліей. И мы будемъ квиты.

Она съ ужасомъ посмотрѣла на него.

— Совершенно серьезно.

Бѣдная Нелли! Ея послѣдняя повѣсть была предметомъ ея гордости. Какъ это безумно и какъ жестоко съ его стороны! Но въ концѣ-концовъ онъ требуетъ отъ нея такой же жертвы, какою и она воспользовалась въ свое время отъ него. Она знала, что *Селезни и утки* составляли для него то же, что нынѣшнее ея произведеніе составляетъ для нея. Она сознавала, что не имѣетъ права отказать ему въ этой просьбѣ, такъ какъ сама получила отъ него все, что имѣла. А, между тѣмъ, какъ это низко съ его стороны пользоваться своимъ правомъ для какого то жалкаго мщенія. Это было такъ мелочно. Ей тотчасъ же ясно представилось, что больнѣе всего для нея въ настоящемъ случаѣ то, что она разочаровалась въ этомъ человѣкѣ!

Но она не могла отказать.

— Разумѣется,—проговорила она, наконецъ,—если вы этого желаете.

— Нелли!—воскликнулъ онъ, внезапно перемѣняя свой дѣловой тонъ на болѣе нѣжный,—я счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Онъ взялъ ее за руку.

Она отшатнулась отъ него, изумленная и негодующая.

— Что съ вами?.,. Вы, кажется, забываетесь, сударь!

— Какъ! Вѣдь, вы же сказали, что намѣрены издать повѣсть подъ моей фамиліей?—замѣтилъ онъ вкрадчиво.

— Ну, да, такъ что-жъ изъ этого? (удивительно сколько оскорбленнаго величія можетъ вмѣститься въ нѣжномъ существѣ пяти съ половиною футовъ роста).

— Да, вѣдь, я радуюсь этому, какъ предварительной ступени къ послѣдующей моей просьбѣ. Развѣ вы не догадываетесь, что для того, чтобъ издать повѣсть подъ моей фамиліей...

— О!—воскликнула Нелли. А такъ какъ у нея было достаточно времени, чтобъ обсудить свое положеніе, то она ему и не препятствовала продолжать радоваться.

— Я осуществилъ мечту своей юности и добился, наконецъ, т[illegible]го, что имя мое, какъ автора, красуется на заглавной страницѣ [illegible]ги!—воскликнулъ онъ однажды, показывая книгу пріятелю.

— Однако,—замѣтилъ пріятель (человѣкъ практичный)—пе[illegible]ъ фамиліей стоитъ, кажется, слово «мистрисъ».

— Это-то и составляетъ мое счастье!—отвѣчалъ Брессвелль.

К. Б.

Прометей.

(Изъ Гёте.)

Закрой, Зевесъ, парами облаковъ
Твое разгнѣванное небо
И забавляйся, какъ мальчишка,
Сбивающій головки у волчцовъ,
Громи дубы и горныя вершины;
Моя земля
Останется за мной,
И хижина, что создалъ я, не ты,
И мой очагъ,
Чей жгучій пламень
Въ тебѣ тревожитъ зависть.

Не знаю я подъ солнцемъ ничего
Ничтожнѣй васъ, боговъ!
Дыханіемъ молитвъ
И данью жертвъ
Свое величіе питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищіе и дѣти
Въ себѣ не тѣшили безсмысленныхъ надеждъ.

Когда я былъ ребенкомъ,
Когда кругомъ не видѣлъ ясно ничего,
Тогда, въ безсиліи, блуждающіе взоры
Я къ солнцу устремлялъ,
Какъ будто тамъ, вверху,
Былъ чей-то слухъ, чтобъ внять моимъ мольбамъ,

И чье-то сердце, какъ мое,
Горѣло жалостью, тоскуя съ огорченнымъ.

Кто мнѣ помогъ
Въ борьбѣ съ надменностью титановъ?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Спасъ отъ рабства?
Не ты ли все само свершило,
Священнымъ пламенемъ пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты ли, юное, горѣло
Тому, кто дремлетъ въ небесахъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Усладилъ ли ты скорби
Утомленнаго?
Осушилъ ли ты слезы
Огорченнаго?
И развѣ меня
Не создало мужемъ
Всесильное время
И судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнилъ ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыни,
Увидя, что не всѣ исполнились надежды,
Не всѣ мечты цвѣтами расцвѣли?
Я здѣсь сижу,
Творю людей
Подобныхъ мнѣ,
Я здѣсь творю иное поколѣнье,
Что будетъ плакать и томиться,
И ликовать и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Какъ я!

К. Бальмонтъ.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Благопріятный исходъ.

Пьера Валдэнъ.

— Итакъ, что же дальше, дорогой Морисъ?

— Дальше несносная женщина не стала скрываться, и въ одинъ прекрасный день мой другъ встрѣтилъ ее въ театрѣ съ другимъ; она нарочно очень мило и любовно говорила съ своимъ кавалеромъ, прижимаясь къ нему, смотрѣла на него нѣжными глазами... своими огромными глазами, которые такъ и просятся къ вамъ въ душу... и... другъ мой страшно огорчился.

— Ты продолжаешь настаивать, что этотъ другъ не мой дорогой Морисъ?

— Да, мама.

— Вѣрно?

— Совершенно.

— Какъ поступилъ бы ты, еслибъ женщина сдѣлала тебя несчастнымъ?

— Право, не знаю.

— О, тебя-то будутъ любить!

— Мамочка, ты говоришь о томъ, чего не знаешь!

— Тебя-то?! Я въ этомъ увѣрена! Съ такою милою, ласковою мордочкой, съ такими плутовскими блестящими глазами. Впрочем, меня это не касается, но я готова держать пари, что ты уже въ этой части кое-что смыслишь.

— Нѣтъ, мама.

— Нѣтъ? Вотъ какъ!

— Я былъ влюбленъ только одинъ разъ...

— Въ кого? Я ее знаю?

— О, нѣтъ!

— Какъ непріятно, что я не могу говорить съ тобой обо всемъ. Можетъ быть, я могла бы дать тебѣ полезный совѣтъ! Но о такихъ дѣлахъ сыновья охотнѣе говорятъ съ отцомъ, чѣмъ съ матерью; и не понимаю, почему? Мы могли бы имъ быть также полезны!

М-me Ритуре чинно сидитъ въ высокомъ креслѣ, положивъ руку на голову сына, который примостился на подушкѣ у ея ногъ. Онъ не видитъ лица матери, а она съ улыбкой недовѣрія слушаетъ его увѣренія въ невѣдѣніи, вполнѣ убѣжденная, что у него не будетъ недостатка въ поклонницахъ. Тысячи мыслей осаждаютъ ее, но одна возвращается особенно навязчиво и упорно: «Счастлива та женщина, которую мой сынъ полюбитъ!» Она упрекаетъ себя за такія мысли, которыя, къ стыду ея, навѣяны пробужденіемъ въ глубинѣ души чего-то спеціально женскаго, въ чемъ ей не хочется сознаться. М-me Ритуре красивая, немного полная брюнетка, съ тонкою округлою таліей, которою она гордится. У нея черные бархатистые глаза, маленькій прямой носъ и смѣющійся цвѣтущій ротъ. Ей тридцать восемь лѣтъ. Морису девятнадцать; еслибъ около m-me Ритуре не было взрослаго сына, она смѣло могла бы отбросить пять-шесть лѣтъ. Походка у нея совсѣмъ молодая, и одѣвается она прелестно. Ея быстрый игривый умъ полонъ наивности и невѣдѣнія, что часто встрѣчается у женщинъ, мужья которыхъ гораздо старше ихъ. Жюли Ритуре вполнѣ честная женщина и съ момента рожденія Мориса жила исключительно восторженнымъ, можетъ быть, черезчуръ нервнымъ обожаніемъ ребенка.

Дверь гостиной отворилась и въ ней показался Жанъ Ритуре.

— Здравствуй, папа!

— Сидите себѣ!

— Развѣ ты не зайдешь?—спросила m-me Ритуре.

— Потомъ! Я пойду раздѣться.

Онъ съ улыбкой смотритъ на нѣжную картину, затѣмъ идетъ къ себѣ. Тамъ лицо его омрачается; онъ почти съ сердцемъ снимаетъ пальто и шляпу.

— Какъ она красива... и молода! Всякій приметъ ее скорѣе за старшую сестру Мориса!

Но m-r Ритуре вполнѣ порядочный человѣкъ. Онъ встряхиваетъ головой, точно желаетъ выкинуть всѣ опасенія, и, запустивъ руку въ густую шапку сѣдыхъ волосъ, бормочетъ:

— Ну, что-жъ, какъ можно больше доброты... и осторожности.

Жану Ритуре шестьдесятъ; въ сорокъ лѣтъ онъ женился на очаровательной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Жюли Худето, сиротѣ и безприданницѣ. Вышла прекрасная семья. Морисъ родился ровно черезъ годъ послѣ свадьбы, и Жюли считала себя счастливѣйшею изъ женщинъ. Мужъ, ведя торговлю желѣзомъ, нажилъ понемногу большое состояніе. Въ настоящее время финансовый вопросъ не безпокоилъ его; но за то все чаще и чаще появлялась мысль о годахъ, особенно при видѣ зрѣлой красоты и молодости жены, у которой съ нѣкоторыхъ поръ появилась жажда дѣятельности, желаніе на что-нибудь расходовать свои силы.

Можетъ быть, онъ ревновалъ?—Нѣтъ. Онъ отлично, насквозь видѣлъ сердце жены; наконецъ, Ритуре не былъ глупъ и понималъ, что ревность приходитъ или слишкомъ рано, что опасно, или слишкомъ поздно, что... слишкомъ поздно! Тѣмъ не менѣе, онъ былъ озабоченъ и готовъ принять всякія предосторожности. Самое опасное время миновало; Жюли приближалась къ сорока годамъ; смѣшно было бы теперь наткнуться на препятствіе. Надо было предусмотрѣть его и устранить. До сихъ поръ лучшимъ средствомъ былъ Морисъ. Пока онъ росъ, m-me Ритуре была занята исключительно имъ. Она сама за нимъ ходила и съ какимъ строгимъ педантизмомъ, съ какою радостною готовностью! Безконечныя игры съ ребенкомъ, веселый смѣхъ и восторги матери поглощали все время. Въ рѣдкія минуты, когда Жюли оставалась вдвоемъ съ мужемъ, она разсказывала ему о Морисѣ. «Какъ онъ уменъ и красивъ! И какой тяжелый: она съ трудомъ подымаетъ его! Иной разъ являлось безпокойство о здоровьѣ ребенка. Но Ритуре своимъ добрымъ, внушающимъ довѣріе голосомъ умѣлъ прогонять всѣ опасенія. По мѣрѣ того, какъ Морисъ росъ, являлись заботы о воспитаніи. Жюли была его первымъ учителемъ. Она взяла на себя музыку; выучилась латыни, немного по-гречески, химіи, физикѣ, чтобъ имѣть возможность слѣдить за уроками сына. Она становилась его другомъ, лучшимъ веселымъ товарищемъ; часто сама удивлялась, что маленькій человѣчекъ уже серьезно ведетъ ее подъ руку. Ритуре былъ покоенъ. Теперь все должно было измѣниться. Морисъ начиналъ жить своей жизнью. У него завелись друзья. Онъ цѣлыми днями пропадалъ изъ дому, увлекаясь велосипедомъ или другими удовольствіями. Жюли была слишкомъ умна, чтобы стать эгоисткой. Она, въ свою очередь, заняла въ обществѣ принадлежащее ей по праву мѣсто красивой, богатой, привлекательной женщины, которую окружаетъ толпа поклонниковъ. Она дѣлала визиты, ѣздила

по портнихамъ, посѣщала выставки, свѣтскіе five o'clock, благотворительные базары.

Угрожающій флиртъ, тѣмъ болѣе грозный, что непривычная къ нему Жюли не знала его тонкихъ и неуловимыхъ пріемовъ, возсталъ передъ глазами Ритуре. И онъ былъ очень неспокоенъ. Но больше всего его страшила дружба съ женщинами; отношенія, въ которыя ему трудно было бы вмѣшаться. Однако, надо было имѣть безпокойный и дурно направленный умъ, чтобъ осуждать невинную болтовню двухъ подругъ. Ритуре убѣжденъ былъ, что въ этомъ главная опасность. Что, если Жюли нападетъ на женщину съ развращеннымъ воображеніемъ, если подружится съ особой, которая, не задумываясь, обманываетъ мужа и находитъ это вполнѣ естественнымъ, а обратное невозможнымъ?

Сначала пойдутъ подтруниванія надъ щепетильностью честныхъ женщинъ, затѣмъ восхваленіе случайныхъ удовольствій, смущающій примѣръ и, наконецъ, развращающіе совѣты. Наивность утрачена, стыдливость убаюкана, а взамѣнъ всего пріобрѣтена привычка думать въ извѣстномъ направленіи,—достаточно одного соблазна, минуты увлеченія, и граница перейдена.

Къ великому огорченію Ритуре, за послѣднее время Жюли близко сошлась съ молодой женщиной, которую торговецъ желѣзомъ съ удовольствіемъ отправилъ бы ко всѣмъ чертямъ.

«Прелестная фигурка изъ саксонскаго фарфора»,—такъ принято было характеризовать Жермену Депреоль. И, дѣйствительно, было сходство. Молоденькая, недавно вышедшая замужъ за хлѣбнаго торговца, который находился постоянно въ разъѣздахъ, она порхала изъ салона въ салонъ, всюду показывая свою нарядную, миніатюрную фигурку. Свѣженькая, розовая блондинка съ плутовскими черными глазками, коралловыми губками, которыя часто складывались въ вызывающую, капризную гримаску. Движенія ея были граціозны, но напоминали мальчишку. За ней всюду слѣдовалъ хвостъ поклонниковъ. Никакихъ опредѣленныхъ сплетенъ на ея счетъ не было; Жермену всѣ считали страстной любительницей флирта, но до сихъ поръ никому изъ своей свиты она не отдавала предпочтенія. Въ буржуазной средѣ она вредила себѣ слишкомъ вольными разговорами, смѣлыми теоріями и своеобразными взглядами. Это была блестящая пикантная женщина, полная противорѣчій, но интересная, которой можно было все сказать, рискуя обидѣть скорѣе недостаткомъ остроумія, чѣмъ такта. Скептицизмъ дозволялъ ей много вольностей, которыя нравились окружающимъ и которыя она доводила иногда до крайнихъ предѣловъ.

Установленныя учрежденія не пользовались ея уваженіемъ: бракъ она язвила злыми шутками и уничтожала насмѣшками; что касается любви, Жермена отъ нея отказывалась, заявляя, что гораздо умнѣе обходиться безъ нея: такъ удобнѣе и легче оставаться добрыми друзьями. Люди, смотрящіе серьезно на вещи, возбуждали въ ней ужасъ. Въ любовныхъ дѣлахъ она признавала вполнѣ допустимыми самыя отчаянныя безразсудства. Однажды ее спросили, какъ поживаетъ одна изъ ея подругъ.

— У нея большая непріятность,—отвѣтила Жермена.

— Что такое?

— А вотъ что. Представьте себѣ, что во вторникъ, уходя отъ Дюфришъ, бѣдняжка позволила Марселю Мюнделла проводить себя въ каретѣ и въ передрягѣ потеряла брилліантовый гребень. Пятнадцать тысячъ франковъ по меньшей мѣрѣ!

Понятно, что слово «передряга» облетѣло всѣ салоны. Въ другой разъ, придя по дѣламъ въ судъ, она встрѣтила тамъ пріятеля своего мужа, который съ озабоченнымъ видомъ прохаживался подъ руку съ адвокатомъ.

— У васъ серьезный процессъ?—спросила m-me Депреоль.

— Я сужусь съ женой. Засталъ ее на мѣстѣ преступленія.

Жермена окинула его презрительнымъ взоромъ и бросила въ сторону изумленнаго адвоката: «милостивый государь, если мужъ замѣчаетъ подобныя вещи, значитъ онъ больше не любитъ жену!»

Итакъ, Жермена Депреоль сдружилась съ m-me Ритуре и почти не покидала ее.

Жюли, благодаря природной мягкости, скоро поддалась ей. Жермена относилась къ новой подругѣ какъ къ старшей сестрѣ: нѣжила ее, окружала тысячею заботъ, выставляла на показъ, гордясь дружбой съ такой прелестной женщиной, которая своими сдержанными манерами представляла съ ней рѣзкій контрастъ. Но она ее и поучала, желая видѣть болѣе веселой, экспансивной и самостоятельной.

— Мнѣ никогда не удастся сдѣлать изъ васъ такую сумасшедшую, какъ я сама; но хорошо было бы стряхнуть съ васъ чрезмѣрную положительность, которая такъ вредитъ живости ума. Ну-съ, милая мамочка, сынъ не держится больше за ваши юбки; позвольте мнѣ расправить ихъ элегантными складками, какъ подобаетъ нашему прелестному другу!

И пошли выдумки. Выборъ туалетовъ и украшеній, которые и правда дѣлали Жюли привлекательнѣе и заманчивѣе. Жермена приходила въ восторгъ. Въ то же время взгляды m-me Ритуре эман-

пировались. Умъ ея оказался гибкимъ и оригинальнымъ, обнаружилъ много неожиданнаго остроумія и игривости. Довольная успѣхомъ, она бросила сдержанность. Прежде, поглощенная заботами о сынѣ, она шла прямою дорогой, яснымъ взоромъ глядя на тѣхъ, которыя, увлекаясь вихремъ жизни, знали только полуобязанности. Но теперь она занимала мѣсто среди самыхъ львицъ. У нея была свита: вообще, мужчины извѣстнаго возраста, опасные своей опытностію, любители остроумной болтовни, цѣнили ея изысканныя манеры и умъ и, имѣя много досугу, часто попадались ей на глаза.

Шагъ за шагомъ опасенія Ритуре принимали реальныя формы. Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что творилось съ его женой, и справедливо обвинялъ Жермену Депреоль.

Сначала онъ думалъ порвать съ молодой женщиной всякія сношенія; для этого можно было найти тысячу причинъ: слишкомъ кричащая эксцентричность Жермены, то, что мужъ ея девять мѣсяцевъ въ году проводитъ въ путешествіи по Египту и Персіи, такъ что въ сущности m-me Депреоль можно считать одинокой женщиной. Жюли не стала бы возражать. Но, вѣдь, это деспотизмъ!

Однажды, когда, несмотря на свою сдержанность, Ритуре увлекся слишкомъ рѣзкимъ осужденіемъ новой подруги, Жюли кротко возразила ему: «Неправда, она эксцентрична, но вполнѣ честная женщина! Ея недостатокъ—чрезмѣрное остроуміе. Смѣлыя остроты сыплются у нея противъ воли; ради остраго слова она рискуетъ своей репутаціей. Я знаю ее лучше тебя, она очень хорошая женщина. Да у нея и времени нѣтъ на интриги; она всегда на виду, въ хлопотахъ, занята тысячью разныхъ дѣлъ. А, затѣмъ, посмотри, какъ она меня забавляетъ. Мнѣ съ ней веселѣе живется! Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ баловень Морисъ ускользнулъ у меня изъ рукъ, Жермена мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться ворчливой тиранкой».

Что возразишь? Все это правда. Жюли весела и, повидимому, счастлива. Имѣетъ ли онъ право мѣшать ея счастью? Жена развлекается, выѣзжаетъ, немного кокетничаетъ. Развѣ она не имѣетъ на это права?

Жюли, все-таки, нѣжная и внимательная мать; удовольствія занимаютъ второе мѣсто послѣ сына. Она не виновата, что Морисъ не нуждается больше въ заботахъ матери.

Правда также, что m-me Депреоль нельзя упрекнуть ни въ чемъ серьезномъ. Ритуре наводилъ справки: нѣсколько безразсудныхъ выходокъ, флиртъ, неумѣренное кокетство и главнымъ образомъ, какъ говорила Жюли, неумѣренныя остроты.

Ритуре предпочелъ бы худшее! Онъ изыскивалъ средство удалить Жермену; но несчастіе преслѣдовало его. M-me Депреоль нашла, что у нихъ прекрасный столъ, и, если была свободна, приходила, послѣ визитовъ, къ нимъ обѣдать. За столомъ такъ и взлеталъ цѣлый фейерверкъ парадоксовъ, на которые Жюли отвѣчала съ увлеченіемъ. Несчастный мужъ былъ въ отчаяніи.

— Если я овдовѣю, ни за что не выйду опять замужъ,—заявила однажды вечеромъ Жермена:—слишкомъ много пріобрѣтаешь близкихъ людей!

— Кого же это?—спросилъ Ритуре.

— А неизбѣжные посредники. Знаете ли вы хоть одинъ бракъ, гдѣ не фигурируетъ приторная, услужливая дама, сумѣвшая втереться въ довѣріе невѣсты и вывѣдать отъ нея всѣ тайны? А семьи! ужасныя семьи! О, если бы въ бракѣ было только двое, она и онъ!

— Положимъ,—сказала m-me Ритуре смѣясь,—если бы былъ только онъ и она, дѣло не всегда кончалось бы бракомъ! И это говорила Жюли! Ритуре желалъ бы ей поменьше остроумія.

Въ этотъ день Морисъ не приходилъ къ обѣду и вернулся, нѣсколько смущенный, только къ десяти часамъ. Онъ боялся m-me Депреоль, которая немилосердно вышучивала его и хотѣла, во что бы то ни стало, добиться отъ молодого человѣка признанія во всѣхъ любовныхъ похожденіяхъ. Морисъ конфузился, потуплялъ глаза, но, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣзко отвѣтилъ: «Чортъ возьми, эта женщина не такъ пикантна, какъ вы! Но, что же дѣлать. Всякій беретъ то, что находитъ!»

Съ приближеніемъ весны опасенія Ритуре усилились. Жюли выѣзжала одна; она замѣтно хорошѣла красотою вполнѣ распустившагося цвѣтка; Жермена не покидала ея ни на минуту; результатомъ всего этого явился открытый поклонникъ, къ великому смущенію самой m-me Ритуре. Она сдѣлала ошибку, посвятивъ въ тайну Жермену, которая не могла успокоиться, пока не вмѣшалась въ дѣло.

Ритуре не зналъ въ точности, что случилось, но онъ могъ замѣтить возбужденное состояніе Жермены, небольшое смущеніе жены и постоянныя совѣщанія двухъ женщинъ. Онъ не сомнѣвался, что произошло нѣчто новое, но не могъ ничего узнать; его остерегались.

Первой мыслью было, что у m-me Депреоль завелась интрига. Иначе и быть не могло. Нельзя безнаказанно жить парадоксами, глумиться надъ всѣмъ, что принято честными людьми. Допуская, что до сихъ поръ m-me Депреоль оставалась безупречно честной,

онъ убѣжденъ былъ, что рано или поздно этому будетъ конецъ. Хотя дѣло касалось только Жермены, тѣмъ не менѣе такая гипотеза ему не улыбалась. Женщина, у которой есть любовникъ, не можетъ быть желательной подругой для другой. Ритуре видѣлъ, какъ грозившая ему опасность все увеличивалась. Но положеніе еще ухудшилось, когда путемъ наблюденій онъ пришелъ къ убѣжденію, что интрига касается его жены. И тысячи фактовъ подтверждали это. Жермена, всегда веселая, изобрѣтательная на удовольствія, оставалась беззаботной. Напротивъ m-me Ритуре казалась взволнованной, нервной, озабоченной. Наконецъ, всѣ разговоры вертѣлись около одного: говорили о влюбленныхъ, о признаніяхъ въ любви, о флиртѣ, о томъ, какъ мужчины ведутъ себя съ женщинами и какъ женщины должны отвѣчать имъ. Все это говорилось при Ритуре; но насколько свободнѣе должны быть разговоры, когда пріятельницы остаются однѣ!

Жермена классифицировала вздыхателей, давала имъ смѣшныя прозвища, передразнивала ихъ, издѣвалась надъ ними и, наконецъ, успокоивалась на выводѣ, что они исполняютъ назначеніе мужчинъ, что вполнѣ естественно.

— Да, но они несносны,—сказала однажды Жюли. Говорить такъ могла женщина, испытавшая на себѣ посягательство. И вотъ Ритуре воображаетъ свою жену въ борьбѣ съ какимъ-нибудь смѣлымъ вздыхателемъ. Очевидно, Жюли грозитъ опасность! Онъ убѣжденъ въ этомъ! А m-me Депреоль находила такое положеніе дѣлъ милымъ и въ высшей степени забавнымъ. Такая сумасбродка и насмѣшница скорѣе способна натолкнуть на опасность, чѣмъ удержать отъ нея. О чемъ говорили онѣ, когда онъ не могъ ихъ слышать? Вѣроятно, обсуждали съ разныхъ сторонъ возможныя рѣшенія.

Ритуре ревновалъ. Онъ волновался, поступалъ безтактно, грубо; сдѣлался мрачнымъ, строилъ самыя невѣроятныя предположенія. Онъ не выносилъ Жермены, почти ненавидѣлъ ее. Она одна была виною его страданій. Если бы Жермена не привязалась такъ къ его женѣ, если бы не вынуждала ее вести открытый образъ жизни, если бы не извратила ея взглядовъ своими смѣлыми выводами и разрушающими всѣ принципы идеями,—Жюли, конечно, не встрѣтила бы опаснаго человѣка, не допустила бы его ухаживаній, грозящихъ ей гибелью. Жермена развратила ее. Благодаря ей, испытываетъ онъ гнетущую тоску. Ритуре припоминалъ всѣ жесты Жюли, ея отлучки, слова, взгляды: его мучила жестокая ревность; онъ понималъ это, но не могъ съ собой справиться. Онъ боялся

опоздать и рѣшилъ дѣйствовать. Наступилъ май. Ритуре назначилъ день отъѣзда въ имѣніе.

Жюли тотчасъ же согласилась. Ритуре былъ такъ подозрителенъ, что счелъ эту готовность признакомъ нечистой совѣсти, неувѣренностью въ себѣ. Она, очевидно, торопилась избѣжать опасности. Какова же должна быть опасность!

Онъ подстерегалъ, какъ отразится на лицѣ Жермены извѣстіе о ихъ отъѣздѣ въ деревню; Жермена показалась ему загадочной и замкнутой. Что касается Мориса, онъ сдѣлалъ гримасу: молодой человѣкъ только-что поставилъ первыя вѣхи любовной интрижки; отъѣздъ разрушалъ всѣ его планы.

Но Ритуре выразилъ рѣшительно свою волю, и семья уѣхала.

Погода стояла исключительно теплая; розы распускались, птицы пѣли; куча дѣлъ въ саду и огородѣ; фантазія Мориса учить мать ѣздѣ на велосипедѣ; тихіе, мирные вечера вокругъ лампы... все это дѣлало жизнь въ деревнѣ прелестной! Жюли въ Парижѣ нервная, безпокойно мечтательная, безъ причины разсѣянная, здѣсь становилась понемногу покойной и веселой. Сынъ не оставлялъ ея ни на минуту. Она была еще такъ хороша, что Морисъ гордился ей, кокетничалъ молодой, интересной мамашей. Ритуре скоро позабылъ всѣ опасенія и рѣшилъ, что деревня имѣетъ много хорошихъ сторонъ.

Было, однако, нѣчто тревожившее его: m-me Депреоль слишкомъ часто писала Жюли, и Жюли никогда не показывала ему этихъ писемъ. Онъ не зналъ также, отвѣчала ли ей жена. Вѣроятно. О чемъ онѣ переписываются? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ ихъ интересовать кромѣ поклонника, оставленнаго въ Парижѣ; о немъ, конечно, m-me Депреоль сообщаетъ самыя точныя свѣдѣнія. Какова дружба! Каково постоянство!

Ритуре старался какъ можно меньше думать объ этой перепискѣ, употребляя всю силу воли, чтобъ убѣдить себя, что въ ней нѣтъ ничего серьезнаго. Однажды случайно, благодаря разсѣянности жены, онъ нашелъ въ гостиной на каминѣ развернутое письмо m-e Депреоль. Надо было обладать нечеловѣческою силой воли, чтобы не поддаться искушенію. Письмо начиналось очень шаблонно, но общій духъ перескакиванья отъ одной мысли къ другой, ироническое освѣщеніе фактовъ, парадоксы оставались тѣ же. Затѣмъ Жермена переходила къ парижскимъ сплетнямъ, разсказывала объ одномъ иностранцѣ, которымъ заинтересована m-e de Б..., о высокомъ блондинѣ въ стилѣ 1830 г.; оба, очевидно были извѣстны m-e Ритуре, но онъ ихъ совершенно не зналъ. Наконецъ Ритуре

ре дошелъ до такого мѣста, которое перечелъ нѣсколько разъ: «Что касается Р., онъ повидимому очень огорченъ отъѣздомъ одной особы, къ которой очень неравнодушенъ. Его отчаяніе проявляется съ нѣкоторыхъ поръ въ усиленномъ ухаживаніи за миной. Признаться, я его поощряю! Одно изъ двухъ: или та особа устоитъ въ своемъ жестокомъ упорствѣ, и я помогу несчастному вздыхателю перенести первыя минуты горя, или, если она окажется менѣе упорной, то, по добротѣ сердечной, я стушуюсь и уступлю ей мѣсто». Ритуре не сомнѣвался, что дѣло идетъ о Жюли. Дальше слѣдовало: «Еслибъ моя подруга еще разъ попросила у меня совѣта, какъ прежде, я затруднилась бы отвѣтить ей. Р. при близкомъ знакомствѣ кажется мнѣ еще лучше и изящнѣе! Боже мой, Боже! Зачѣмъ изъ любви дѣлаютъ важное дѣло? На нее смотрятъ какъ на что-то серьезное, и понятно, что робкіе умы боятся ея!»

Хорошо еще, что m-e Депреоль выдавала Жюли аттестатъ «робкаго ума».

Это письмо въ одно время обезпокоило и утѣшило Ритуре. Лучше было знать истину. Теперь его подозрѣнія имѣли реальную почву. Онъ зналъ первую букву фамиліи того, кто грозилъ опасностью Жюли; при нѣкоторой ловкости можно было узнать полное имя. Затѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что у жены дѣло не пошло дальше флирта. М-me Ритуре оказала, по словамъ пріятельницы, «жестокое упорство». Все-таки былъ выигрышъ. Наконецъ, поклонникъ не былъ увлеченъ серьезно, такъ какъ ухаживалъ за другой. Но что за нравы, Боже мой! Какое направленіе ума!

Да, онъ не скоро возвратится въ этотъ міръ праздности, франтовъ всѣхъ возрастовъ, кутилъ всѣхъ сортовъ! Нѣтъ, ни за что! Онъ придумаетъ занятіе въ деревнѣ; хотя бы для того пришлось строить цѣлый заводъ! Но Морисъ начиналъ сильно скучать, и не скрывалъ этого. Что же, его можно отправить одного въ Парижъ! Вотъ и все! Важнѣе всего было прекратить сношенія Жюли съ Жерменой.

Нѣкоторое время m-me Дюпреоль не писала. Все шло прекрасно. Ритуре видѣлъ въ этомъ признакъ утомленія капризнаго ума молодой женщины. Она занялась чѣмъ-нибудь другимъ. Можетъ быть поняла, что не можетъ быть подходящею подругой для Жюли. У Ритуре явилась надежда.

Почти всегда случается, что когда несчастіе близко, люди считаютъ себя внѣ опасности.

Однажды, когда Ритуре спокойно прогуливался по дорогѣ къ станціи, его обогналъ экипажъ, весь загроможденный чемоданами.

Когда они поровнялись, оттуда послышался звонкій, смѣющійся, радостный голосъ:

— Здравствуйте, m-r Ритуре! Вы не можете сказать, что я не сдѣлала вамъ сюрприза! Пожалуйста, продолжайте прогулку, мы увидимся у васъ.

Онъ стоялъ пригвожденный къ землѣ и не спускалъ глазъ съ окликнувшей его женщины; она повернула къ нему лицо и махала свѣтлымъ зонтикомъ—это была Жермена: свѣжая, розовая, веселая, утопающая въ безчисленныхъ картонахъ, сундукахъ, пакетахъ. Итакъ, она все-таки настигла его! Это переходило всякія границы. Его охватила страшная злоба; онъ ускорилъ шагъ и поклялся устроить такую встрѣчу, что гостья принуждена будетъ немедленно возвратиться въ Парижъ.

Придя домой, Ритуре нашелъ всѣхъ въ веселомъ настроеніи: Жюли нѣжно цѣловала подругу; Морисъ, нагруженный картонками, напѣвая, взбѣгалъ по лѣстницѣ; прислуга для достойнаго пріема гостьи приготовила большую комнату въ нижнемъ этажѣ. Пріѣздъ Жермены былъ праздникомъ для всѣхъ, кромѣ ворчуна мужа.

Она принесла съ собой смѣхъ и веселье, что такъ дорого въ деревнѣ.

Что было дѣлать Ритуре? Возможно ли было обойтись невѣжливо или нанести оскорбленіе? Принять дурно m-me Депреоль равнялось оскорбленію. И онъ спасовалъ,—побоялся показаться смѣшнымъ въ глазахъ жены. Надо было дѣйствовать осторожно. Впрочемъ, дѣло было не къ спѣху и при первомъ удобномъ случаѣ онъ сумѣетъ показать отчаянной кокеткѣ, что ея фокусы ему не по вкусу. Случай не заставилъ себя ждать. Уже на слѣдующій день начали придумывать прогулки. Въ деревнѣ Морисъ былъ всегда дома; поэтому онъ явился главнымъ организаторомъ всевозможныхъ увеселеній. Одѣтый съ утра въ костюмъ спортсмена: короткіе штаны, бѣлое трико, открывавшее загорѣлую шею и молодыя мускулистыя руки, онъ проявлялъ необычайную дѣятельность, представлявшую рѣзкій контрастъ съ апатіей послѣднихъ дней. Обѣды проходили весело, оживленно, со смѣхомъ. Жермена сіяла. Она по-парижски начала свои издѣвательства надъ людьми и [illegible] поступками. Морисъ поддерживалъ разговоръ. Жюли улыбалась [illegible], несмотря на дурное настроеніе хозяина, молодежь расцвѣтала, [illegible] обращая на него вниманія.

Ритуре съ горечью почувствовалъ, что былъ неправъ; о[illegible] слишкомъ старъ; вокругъ него ключомъ бьетъ молодая жизнь; е[illegible] лучше было бы исчезнуть, бросить борьбу; довѣриться честно[illegible]

жены, предоставить ей самой бороться съ увлеченіями и не поддаваться легкомысленнымъ совѣтамъ. Но у него не хватило рѣшимости прекратить борьбу. Такъ какъ главную опасность представляла m-me Депреоль и до сихъ поръ она одна,—зачѣмъ же опускать руки и не постараться избавиться отъ нея.

Все свободное время Жюли проводила въ болтовнѣ съ Жерменой. Онѣ навѣрное говорили о злосчастномъ Р., который угрожалъ чести молодой женщины! И какіе совѣты могла давать Жермена Жюли! Ритуре рѣшилъ подождать нѣсколько дней, прійти въ себя и ожидать вдохновенія.

Какъ только m-me Депреоль узнала, что Морисъ учитъ мать ѣздить на велосипедѣ, она пришла въ восторгъ и также захотѣла учиться. Морисъ преподавалъ по утрамъ.

Въ Парижѣ заказали велосипедъ; его должны были скоро прислать, между тѣмъ очень ловкая и граціозная Жермена дѣлала быстрые успѣхи. У Ритуре было только два велосипеда—для жены и для сына. M-me Депреоль скоро такъ усовершенствовалась, что могла рискнуть на болѣе далекую прогулку по дорогамъ; въ одинъ прекрасный день, въ пять часовъ, когда жара спала, они отправились съ Морисомъ въ экскурсію.

Опытъ удался; на слѣдующій день его повторили. Оба ѣздили съ увлеченіемъ; одно было жаль, что велосипеда m-me Депреоль не присылали, и мать Мориса не могла принимать участія въ прогулкахъ. Ритуре былъ въ восторгѣ. Жюли оставалась дома, и онъ чувствовалъ ее своей. А затѣмъ, хотя онъ и не былъ золъ, но мечталъ, что m-me Депреоль по своему легкомыслію и необузданности не пожелаетъ отстать отъ головорѣза Мориса и въ погонѣ за нимъ вывихнетъ себѣ какой-нибудь суставъ, что заставитъ ее уѣхать въ Парижъ.

Однажды за завтракомъ, когда велосипедисты вернулись съ продолжительной прогулки, Ритуре замѣтилъ, что Жермена потеряла аппетитъ и способность болтать. Она показалась ему блѣдной и озабоченной. Морисъ, напротивъ, болталъ безъ умолку, разсказывалъ о прогулкѣ и по временамъ украдкой взглядывалъ на m-me Депреоль, которая едва отщипывала краемъ губъ кусочки [illegible] ы и сидѣла, потупивъ глаза.

Въ это время m-me Ритуре разсказывала происшествіе, прочитанное ею утромъ въ разныхъ разностяхъ: свѣтскій скандалъ, убійство женщины мужемъ изъ ревности. M-me Ритуре, очевидно, надѣялась вызвать обычное остроуміе своей подруги и услыхать рядъ парадоксовъ о добродѣтели женщинъ. Но она не достигла же-

ланной цѣли. Жермена, вѣроятно, утомленная продолжительной ѣздой, потеряла остроуміе. Больше того: она объявила, что жалѣетъ мужа, такъ какъ его поступокъ обнаруживаетъ сильную любовь къ женѣ.

Такія рѣчи въ устахъ m-me Депреоль заставили Ритуре насторожиться. Какъ, она жалѣла мужа? Она не заступилась за виновную? Странно! Она не воспользовалась случаемъ, чтобы развить теорію о нелѣпости брака! Было чему подивиться. Она пожалѣла обманутаго мужа? Ужъ не ослышался ли Ритуре?

Еще страннѣе было то, что съ этой минуты Жермена становилась день ото дня все благоразумнѣе; она смѣялась, но безъ нервныхъ, дикихъ порывовъ. Теперь она держала себя мило, просто; имѣла положительный видъ, скромный и застѣнчивый. Мало-помалу она бросила парадоксы и стала думать, какъ всѣ. Прежде, говоря о себѣ, она допускала недомолвки, заставлявшія подозрѣвать кое-что (это было своего рода невинное кокетство, которое Ритуре находилъ непозволительнымъ), теперь же она употребляла всѣ усилія, чтобы доказать, что всегда была самой честной женщиной въ мірѣ; старалась оправдать свои сумасбродства и восхваляла прямыя, неиспорченныя натуры. Метаморфоза произошла такъ быстро и открыто, что Ритуре заинтересовался и не желалъ болѣе отъѣзда Жермены. Ему хотѣлось узнать, что произошло въ этой сумасбродной головкѣ?

Размышляя, Ритуре пришелъ къ слѣдующему выводу: всѣ свѣдѣнія, собранныя о m-me Депреоль, показали, что, несмотря на свое удальство (опасное само по себѣ), она, тѣмъ не менѣе, оставалась честной женщиной. И тогда у нея были развязныя манеры, смѣлыя, задорныя рѣчи.

Теперь она благоразумна и мила; стыдится своихъ прежнихъ теорій и превозноситъ добродѣтель; не издѣвается надъ истинною любовью; чувствительный вздоръ приводитъ ее въ умиленіе; еще немного,—и она запоетъ романсы. Не значитъ ли это, что она перестала быть честной женщиной?...

Превращеніе совершилось разомъ, у него на глазахъ, въ деревнѣ, въ его домѣ. Кто былъ ея сообщникомъ? Какъ только Ритуре напалъ на этотъ слѣдъ, ему не пришлось долго искать. Достаточно было внимательно приглядѣться къ Морису, чтобъ убѣдиться, что онъ безумно влюбленъ въ Жермену и уже объяснился съ ней. Куча подробностей припомнилась тогда Ритуре. Такъ, напримѣръ, велосипедъ m-me Депреоль уже прибылъ, и m-me Ритуре сопровождала на прогулки молодыхъ людей, но не проходило

дня, чтобы Жюли, слишкомъ медлительная, не отставала отъ нихъ и не оставалась одна, потерявъ ихъ изъ виду. Бѣдная Жюли! Она переходила понемногу на роль мамаши, которая стѣсняетъ дѣтей. Если это такъ, Ритуре отъ души радъ! Жермена не могла болѣе быть другомъ его жены: она не могла повѣрять ей своихъ тайнъ, и дурное вліяніе, котораго онъ боялся, само собой прекращалось. Скоро m-me Депреоль покинетъ ихъ. Одно изъ двухъ: или она отвергнетъ Мориса и не останется около него въ тѣсномъ деревенскомъ кругу, или не отвергнетъ (право, Морисъ молодецъ хоть куда!), тогда ей придется покинуть ихъ домъ, чтобы не нарушать приличія.

Ритуре, увлекаясь своей гипотезой, предоставлялъ влюбленнымъ выпутываться изъ затрудненія; во всякомъ случаѣ, его успокоивала мысль, что Жюли не часто будетъ видаться съ Жерменою, что̀ выводило его изъ затрудненія.

Онъ хотѣлъ получить полную увѣренность и искалъ средствъ убѣдиться.

Гдѣ могли встрѣчаться влюбленные? Кромѣ короткихъ прогулокъ на велосипедѣ, менѣе удобныхъ съ тѣхъ поръ, какъ m-me Ритуре принимала въ нихъ участіе, когда и гдѣ Морисъ ухаживалъ за Жерменой? Когда? Конечно, вечеромъ, когда всѣ спали. Гдѣ? Внѣ дома. Въ саду; въ эти чудныя лѣтнія ночи, когда все небо усѣяно звѣздами. Гдѣ же еще? Всего скорѣе на террасѣ въ глубинѣ парка: мѣсто уединенное и располагающее къ безконечнымъ мечтаніямъ. Ритуре приказалъ садовнику тщательно вычистить всѣ аллеи, ведущія къ этой террасѣ: никто не ходилъ туда въ теченіе дня, и слѣды, если таковые окажутся, будутъ отчетливо видны.

На слѣдующее утро тамъ оказались слѣды. Въ пять часовъ утра Ритуре пришелъ справиться. Двѣ мужскія ноги, а рядомъ, такъ близко, что по временамъ слѣды перемѣшивались, двѣ маленькія женскія ножки. И лучше того: большіе слѣды были исчерчены глубокими поперечными и продольными линіями. Ритуре легко узналъ въ нихъ слѣды гуттаперчевыхъ подошвъ Мориса, отъ его полотняныхъ башмаковъ «bains de mer», которые носилъ только онъ одинъ во всемъ домѣ.

Два дня продолжалъ Ритуре свое слѣдствіе: результатъ былъ все тотъ же; онъ могъ шагъ за шагомъ прослѣдить ночную прогулку влюбленныхъ, какъ будто присутствовалъ при ней. На террасѣ легко было замѣтить, что они садились на большую каменную скамейку, такъ какъ около нея земля была притоптана. Домой возвращались по большой круговой алеѣ.

Ритуре еще не зналъ, какъ далеко зашло у нихъ дѣло, а это было важно!

У Жермены сохранялось новое настроеніе. За столомъ или во время послѣобѣденныхъ разговоровъ она разсказывала свою невеселую жизнь, свое ложное положеніе замужней женщины, мужъ которой всегда въ отсутствіи. Впрочемъ, онъ никогда не заботился о ея счастьи. Какъ пуста была свѣтская жизнь, всегда праздная, съ обязательными однообразными визитами. Какъ хорошо ей здѣсь, въ деревнѣ у друзей! Какой чудный отдыхъ и покой. Какъ надоѣлъ ей модный блескъ остроумія въ салонахъ! Она мечтаетъ только о тихомъ уголкѣ, гдѣ царила бы нѣжная, успокоивающая дружба!

— Какъ вы счастливы, Жюли, — говорила она m-me Ритуре.—Какъ хорошо вамъ съ мужемъ и сыномъ!

Какая перемѣна! Теперь Жермена способна была скорѣе остановить, чѣмъ вовлечь его жену.

Въ тотъ же вечеръ Ритуре спрятался въ чащѣ кустовъ, откуда могъ все видѣть, не возбуждая ничьего подозрѣнія. Ему пришлось ждать до полуночи; тогда онъ увидалъ трогательную картину.

Нѣжно обнявшись, глядя другъ другу въ глаза и нашептывая любовныя рѣчи, приближались Морисъ (негодный мальчишка Морисъ!) и m-me Депреоль. Дойдя до каменной скамейки, они сѣли рядомъ.

— Что, если мама заподозритъ насъ?—шептала Жермена.

— Она спитъ,—сказалъ Морисъ.

— А отецъ, котораго я такъ боюсь?

— Онъ храпитъ!

— Мнѣ кажется, что онъ меня терпѣть не можетъ.

— Вы слишкомъ остроумны, вотъ и все!

— У меня нѣтъ больше остроумія. Ваша любовь, Морисъ, переродила меня. Я потеряла голову. Я люблю васъ!

— Да, не позволяйте за собой ухаживать, какъ прежде. Я теперь страшно ревнивъ!

— Я забавлялась. Я многое преувеличивала!

— Вы такъ хороши! Я безумно люблю васъ!

Затѣмъ молчаніе. Продолжительное молчаніе. Морисъ умолялъ Жермену остаться у нихъ долго, долго... Онъ не могъ допустить мысли о разлукѣ. M-me Депреоль обѣщала остаться. Она была кротка, проста, нѣжна. Видно было, что она счастлива и, какъ сама говорила, переродилась.

Съ этихъ поръ Жермена перестала быть опасной для Ритуре. Мѣсто безпокойнаго, смѣлаго чертенка заняла женщина строгая,

сосредоточенная и сдержанная, тѣмъ болѣе, что ей было что скрывать. Она должна была нравиться отцу и не возмущать его парадоксами и смѣлыми теоріями, которые онъ рѣдко принималъ спокойно. Въ глазахъ матери ей нужно было оставаться непогрѣшимой, чтобы не возбуждать ни малѣйшихъ подозрѣній. А такъ какъ съ m-me Ритуре Жермена была всегда откровенна и допускала интимныя признанія, то теперь ей приходилось завоевывать утраченную почву, относиться къ себѣ наиболѣе строго. M-me Ритуре — мать Мориса! Теперь она для нея мать, и только мать! Ритуре главнымъ образомъ думалъ о женѣ. Онъ замѣтилъ, что въ данный моментъ Жюли не была болѣе подругой m-me Депреоль. Жермена не могла быть ея другомъ. Она боялась ея, была при ней всегда настороже. Жюли не услышить больше признаній друга; для нея миновала опасность дружбы съ этою женщиной.

M-me Депреоль обратилась въ обыкновенную буржуазку, наивность которой повергала въ восторгъ Мориса. Она вела мирный образъ жизни, превозносила истину и любовь, увѣряла, что предпочитаетъ всему покой и уединеніе. Жермена стала образцовою женщиной. Жюли, увлекавшаяся прошлою зимой, благодаря ея вліянію, кокетствомъ, теперь, подъ этимъ же вліяніемъ, снова приняла видъ степенной мамаши, которая, несмотря на сохранившуюся красоту, мирится съ своей ролью.

Ритуре не раздумывалъ, долго ли будетъ длиться метаморфоза и насколько прочна любовь Мориса. Сколько бы времени она ни продолжалась, для него это хорошее время. Оставался щекотливый вопросъ нравственности. Можетъ ли отецъ терпѣть у себя въ домѣ такое положеніе дѣлъ? Морисъ и Жермена, повидимому, объ этомъ не думали. Стоило ли огорчать влюбленныхъ, которые никому не мѣшали? У него не хватило на это духу и, не справляясь съ совѣстью, онъ самъ сталъ ихъ покровителемъ. Довольный легкимъ и неожиданнымъ рѣшеніемъ вопроса, Ритуре употреблялъ всѣ усилія, чтобъ у жены не возникло никакихъ подозрѣній, которыя могли бы повредить дѣлу.

Онъ не боялся больше m-me Депреоль. Напротивъ, она помогала ему, подавая Жюли примѣръ безукоризненнаго поведенія. Всѣ въ домѣ нѣжили и ласкали Жермену. M-me Ритуре увлекалась вареньемъ. Морисъ, сіяющій, смѣялся и пѣлъ цѣлыми днями.

Весь домъ благоденствовалъ.

— Видишь ли, ты самъ въ концѣ-концовъ полюбилъ ее,— сказала разъ вечеромъ Жюли мужу, — она побѣдила твои глупые предразсудки!

— Да, — сознался Ритуре, нѣжно цѣлуя жену, — я радъ, что она пріѣхала къ намъ.

— Въ такомъ случаѣ,— таинственно прибавила Жюли, — я скажу тебѣ все: ты знаешь, что Жермена знакома со всѣмъ Парижемъ... Такъ вотъ она мечтаетъ выставить тебя правительственнымъ кандидатомъ на слѣдующихъ выборахъ. Конечно, твое положеніе говоритъ само за себя, но связи Жермены будутъ также полезны. А потомъ...

— Что потомъ?

— Все говорить?

— Говори.

— Она думаетъ устроить блестящій бракъ Мориса...

— Вотъ какъ!!

— Блестящій, другъ мой... (конечно, черезъ нѣсколько лѣтъ, молодой дѣвушкѣ едва минуло шестнадцать лѣтъ), но она хочетъ устроить это сама и заранѣе подготовить. Только просила не говорить ничего Морису. Когда время настанетъ, она первая сообщитъ ему все.

— Не глупо!—пробормоталъ Ритуре.

II.

Плащъ

(Поля Маргеритта).

— Возьми его!—сказала m-me Реннъ мужу.

Маленькая, черноватая, съ длинной вытянутою физіономіей, она походила на ворчливую комнатную собачонку.

М-г Реннъ, крупный, здоровый мужчина, коммиссіонеръ по торговымъ дѣламъ, взглянулъ на толстый драповый плащъ, который жена снимала съ вѣшалки. У него былъ растерянный видъ. Онъ надѣялся до послѣдней минуты, что его забудутъ нагрузить тяжеловѣснымъ одѣяніемъ, неудобнымъ при ѣздѣ на велосипедѣ.

— Можетъ пойти дождь! Я вовсе не желаю, чтобы ты простужался. Лѣченіе дорого! Нашъ докторъ неучъ. Онъ даже простуды не сумѣетъ вылѣчить! Что будетъ со мной, если ты умрешь? Твои родители не согласятся содержать меня. Замужъ вторично я не выйду. Придется просить милостыню. Ужъ лучше теперь же развести жаровню и умереть отъ угара.

Все это говорилось быстро, между тѣмъ какъ плащъ свертывался и перевязывался веревкой; оставалось только привязать его къ велосипеду.

— И чѣмъ онъ тебѣ мѣшаетъ, желала бы я знать? Конечно, это не красиво! Это не элегантно! Тебѣ хочется плѣнять велосипедистокъ! Тебѣ неприлично ѣздить съ поклажей! И какъ я глупа, что пускаю тебя одного. Кто тебя знаетъ, куда ты ѣздишь! Потомъ легко разсказать все, что угодно! Ничего не стоитъ и наврать!

Реннъ терпѣливо стоялъ, понуривъ голову, подобно ребенку, выслушивающему нотацію. Онъ зналъ, что малѣйшее сопротивленіе, самое слабое возраженіе привело бы жену въ ярость, и тогда сценѣ не будетъ конца. Сегодня она была въ сносномъ настроеніи духа. Онъ воздержался отъ возраженій.

— Смотри, чтобы плащъ не спустился на колесо,—его легко протереть. Если будешь свертывать, складывай изнанкой кверху. Не потеряй веревки, какъ прошлый разъ. Что ты смотришь по сторонамъ? Не мѣшало бы послушать, что я говорю!

Реннъ невозмутимо созерцалъ безупречно-голубое небо, вдохновляясь его ясностью.

— Ну, чего же ты ждешь? Ахъ, цѣлуешь меня! Не безпокойся, не одурачишь! Какія нѣжности! Довольно! Не разгорячайся! Чего же ты ждешь?

Реннъ предпочиталъ пантомиму, какъ болѣе благоразумное и вѣрное средство. Онъ беззаботно улыбнулся и, ударяя большимъ пальцемъ объ указательный, смотрѣлъ на жену.

— Денегъ? Чтобъ пить холодное на сквозномъ вѣтру? Смотри, чтобы не дали сдачи фальшивыхъ монетъ! Вотъ тебѣ пять франковъ. Ты мнѣ дашь о нихъ отчетъ.

М-г Реннъ спряталъ деньги въ портмоне, еще разъ поцѣловалъ жену и съ серьезнымъ видомъ (малѣйшее выраженіе радости могло навлечь жестокіе упреки) сошелъ, не торопясь, съ лѣстницы и съ той же благоразумною медлительностью пошелъ по двору въ чуланчикъ дворника, гдѣ сохранялся велосипедъ. Онъ чувствовалъ, укрѣпляя на велосипедѣ плащъ, что съ высоты четвертаго этажа на него устремленъ взоръ m-me Реннъ, который, какъ острая стрѣла, пронизывалъ его спину. Выбравшись на волю, онъ вдохнулъ столько воздуху, что покраснѣлъ, какъ ракъ; ротъ округлился, глаза выкатились, щеки надулись; затѣмъ, опустивъ вѣки, онъ медленно выдохнулъ весь воздухъ.

Солнце стояло высоко надъ головой; пыльная дорога быстро развертывалась, какъ нитка механической катушки; мелкій лѣсокъ, домики, поля, тополи—все бѣжало навстрѣчу Ренну, который въ опьяненіи, нагнувшись надъ рулемъ, разставивъ руки, быстро

двигалъ ногами; ему казалось, что горизонтъ надвигается на него, кусты и рощицы вырастаютъ на глазахъ. Километры таяли, какъ кусочки сахару. Велосипедъ пожиралъ склоны и одолѣвалъ подъемы; на ровномъ мѣстѣ онъ летѣлъ. Реннъ напѣвалъ бравурную арію. Какая дивная минута! Не то, что идти пѣшкомъ, попирая ногами непріятности лишенія, горечь повседневной жизни; такъ онъ бѣжалъ имъ навстрѣчу, настигалъ, обгонялъ, далеко оставлялъ ихъ за собою. Не догнать имъ велосипеда! Чувствуя ихъ позади себя, хотя и увѣренный въ своемъ преимуществѣ, онъ несся, несся впередъ по пыли, и капли пота падали съ его лица на землю. Онъ мчался такъ быстро, что не замѣтилъ, какъ веревка, прикрѣплявшая плащъ, развязывалась потихоньку, точно хотѣла сыграть съ нимъ злую шутку и навлечь на его голову упреки. Въ то время, какъ онъ разсѣкалъ пространство, безъ мысли въ головѣ, опьяненный радостью жизни, желаніемъ летѣть все быстрѣе и быстрѣе, коварная веревочка раскручивала понемногу свою змѣиную спираль; одинъ край развернулся, уголъ плаща выскочилъ и, надуваясь, трепался по воздуху. Вдругъ, въ тотъ моментъ, когда Реннъ побѣдоносно привѣтствовалъ новый верстовой столбъ, плащъ отвязался и полетѣлъ въ пыль. Вотъ онъ уже на разстояніи десяти метровъ, ста, тысячи! Распростершись на землѣ, онъ лежитъ подобно черному животному, подобно мертвецу!

Реннъ мчался на облегченномъ велосипедѣ, въ опьяненіи убѣгая впередъ!

Ужасное пробужденіе! Реннъ сидѣлъ въ кабачкѣ подъ навѣсомъ и пилъ бѣлое вино съ сельтерской водой. Его забавляла бронзовая жаба, придѣланная къ краю бочки; она широко раскрыла ротъ, но туда не попадало ни капли вина. Въ минуту самаго полнаго наслажденія отдыхомъ, Реннъ съ законною гордостью взглянулъ на велосипедъ, прислоненный къ столбу, и замѣтилъ, что на немъ недоставало чего-то существеннаго. Предчувствіе несчастія предшествовало его сознанію.

«Плащъ!»—вырвался отчаянный стонъ.

Весь міръ мгновенно преобразился. Подъ навѣсомъ подулъ рѣзкій вѣтеръ, вино потеряло вкусъ, на велосипедѣ обнаружились потертыя мѣста, жаба на бочкѣ сардонически улыбалась. Вся энергія, вся сила воли, все мужество, которыя помогали Ренну добывать ежедневно насущный хлѣбъ, разомъ ослабли и растаяли.

Печальный путь, печальное возвращеніе! М-me Реннъ съ перваго взгляда откроетъ случившееся. И тогда польются іереміады,

горе упрековъ, жалобъ, возгласы; въ такія трагическія минуты на маленькую женщину нападаетъ невѣроятная ярость и погружаетъ ее въ волны—не воды, а горькой, ѣдкой желчи.

Холодный потъ выступилъ у него на спинѣ. Онъ расплатился, сѣлъ на велосипедъ и съ дрожащими ногами, уничтоженный, поѣхалъ назадъ по тому пути, который только что прошелъ побѣдителемъ. Онъ встрѣтилъ телѣжку мясника, дальше толстую женщину, потомъ повозку цыгана, которой правилъ лохматый человѣкъ; тотъ остановилъ на немъ свой блестящій, насмѣшливый и въ то же время безпокойный взоръ. Реннъ хотѣлъ было спросить, не находилъ ли онъ плаща; но уваженіе къ человѣческому достоинству помѣшало ему заговорить.

Однако, онъ еще надѣялся! Теперь его возмущалъ не только гнѣвъ жены,—его охватывалъ глухой, внутренній протестъ, къ которому примѣшивался сарказмъ. Зимній плащъ весной, подъ палящими лучами солнца! Къ чорту его! Пусть его потеряется или будетъ украденъ, въ концѣ-концовъ наплевать. Ему припомнился смущенный видъ цыгана. А, вѣдь, онъ нашелъ плащъ, чортъ возьми. По тому, какъ онъ смотрѣлъ на велосипедиста, вглядывался въ его лицо, Реннъ былъ убѣжденъ, что это такъ.

Какъ поступить? Броситься въ погоню за цыганомъ, осмотрѣть его вещи, заставить возвратить плащъ? А если это не такъ? Вдругъ гнѣвъ его на злосчастный плащъ прошелъ, досада улеглась; внезапно прерванное веселіе вернулось, захватило его всецѣло: ему хотѣлось бѣжать, хохотать, кататься по травѣ. Въ этой радости, въ желаніи разразиться гомерическимъ хохотомъ — сказывалась месть за цѣлые годы гнета, расплата за прошлое угнетеніе. М-me Реннъ представилась ему не грозной, а грубой. Онъ насмѣется ей въ глаза. Ей не удастся больше давить его въ теплые дни четырехпудовымъ прессомъ.

Потомъ практическія соображенія взяли верхъ. Если жена принудила взять плащъ, то сдѣлала это хотя и не основательно, но, все-таки, изъ расположенія къ нему. Плащъ былъ новый, стоитъ двадцать девять франковъ; терять его было глупо. Въ немъ властно пробудился инстинктъ собственности. Онъ погрозилъ кулакомъ по тому направленію, гдѣ скрылся цыганъ.

— А гдѣ же плащъ?—вскричала m-me Реннъ прерывающимся голосомъ.

— Плащъ? — сказалъ онъ небрежно. — Мнѣ было слишкомъ жарко. Онъ мнѣ мѣшалъ. Я его продалъ.

— Гмм...—пробормотала маленькая женщина, окаменѣвъ. Она пристально глядѣла ему въ глаза, точно желая убѣдиться, не сошелъ ли онъ съ ума.

Онъ вынулъ изъ кармана тридцать пять франковъ и подалъ ихъ женѣ.

— Не правда ли, я обдѣлалъ хорошее дѣльце? Шесть франковъ прибыли. Ты можешь купить себѣ на нихъ подарочекъ.

Она стояла обезоруженная. Лицо ея выражало тревогу и недовѣріе.

— Но кто же, кто купилъ его у тебя?

— Трактирщикъ. У него упорный бронхитъ. Онъ съ завистью посматривалъ на мой плащъ, кашляя безъ передышки. Мы разговорились,—ну, и понятно...

Онъ испытывалъ сатанинскую радость отъ этой невинной лжи; ему не жаль было тридцати пяти франковъ, которые онъ скрывалъ три мѣсяца, дрожа ежеминутно, что ихъ откроютъ. Теперь, избавляясь отъ этой опасности, онъ вдвойнѣ радовался освобожденію отъ ненавистнаго плаща.

Но m-me Реннъ заявила рѣшительно:

— Завтра, дружокъ, я куплю тебѣ новый плащъ!

III.

Старушка.

M-lle Митенъ положила книгу на колѣни, сняла очки и, мирно сидя на стулѣ, смотрѣла, какъ шли мимо люди, какъ плавали утки въ прелестномъ уголкѣ люксембургскаго сада, гдѣ зеленоватое озеро окружаетъ миніатюрный островокъ. Солнце сѣло, надвигались сумерки; матери уводили дѣтей; наступило затишье, нарушаемое только стукомъ колесъ по мостовой. Бѣлая статуя еще виднѣлась во мракѣ; небо было голубовато-сѣрое, деревья, которыя осень украсила золотомъ, роняли время отъ времени сухіе листья.

M-lle Митенъ забылась въ этой мирной средѣ, тихой, какъ ея душа старой дѣвы, которая много любила и много страдала, мало-по-малу потеряла всѣхъ родныхъ, почти все состояніе, обреченная на полное одиночество и бѣдность, что выдаетъ ея черное, изношенное, хотя очень опрятное платье, и тѣмъ не менѣе не озлобилась на жизнь, терпѣливо и безропотно переноситъ старость. Сентябрскій вечеръ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовалъ ея неопредѣленному настроенію; конецъ яснаго дня гармонировалъ съ п

кой нымъ выраженіемъ ея лица, съ сѣдыми волосами, скрытыми подъ большою черною шляпой, съ потухшими глазами, въ которыхъ по временамъ оживалъ проблескъ былой красоты.

M lle Митенъ до того забылась при слабомъ свѣтѣ умирающаго дня, что только голосъ сторожа, будившаго какого-то бѣдняка, который нечаянно уснулъ неподалеку на скамейкѣ, привелъ ее въ себя. Грубый, съ рѣзкимъ голосомъ старой женщины сторожъ произносилъ неопредѣленныя угрозы; тесакъ билъ его по ногамъ, онъ сильно махалъ руками, между тѣмъ какъ бѣднякъ, пожимая плечами, безъ возраженій удалялся, шмыгая подошвами, цѣпляясь худыми ногами одна за другую. Тогда сторожъ обратился къ m-lle Митенъ и закричалъ строго:

— Запираютъ!

Во всѣхъ концахъ большого сада раздавалось: Запираютъ!

До нея отчетливо донесся звукъ барабана, отбивавшаго вечернюю зарю. Въ смущеніи старая женщина ускорила шагъ; она машинально направилась къ тѣмъ воротамъ, куда пошелъ бѣднякъ.

Тотъ шелъ, оглядываясь, пожимая плечами, точно хотѣлъ посчитаться съ ушедшимъ сторожемъ.

Онъ имѣлъ видъ затравленнаго волка, обтрепавшаго по кустамъ свою шкуру. Край его грязныхъ, измятыхъ панталонъ висѣлъ бахромой. Видъ его былъ такъ жалокъ, что m-lle Митенъ почувствовала состраданіе, вынула изъ портмоне серебряную монету въ пятьдесятъ сантимовъ и опустила ее въ руку бѣдняка. Не глядя на него и не дожидаясь благодарности, она скрылась по направленію къ улицѣ Суффло, спѣша въ ресторанъ, гдѣ обѣдала по субботамъ. Аккуратно каждую субботу m-lle Митенъ доставляла себѣ это невинное удовольствіе. У m-me Алегри кормили хорошо и дешево. Студенты, обѣдавшіе за table d'hôte, шутили, острили, разсказывали анекдоты; за дессертомъ забавлялись, дѣлая «свиныя головы». Они надѣвали себѣ на носъ пустой стаканъ, обертывали его сверху салфеткой, распуская концы ея на подобіе свиныхъ ушей.

Ей было весело въ углу за маленькимъ столикомъ, и, когда студенты приводили съ собой подругъ, она этимъ не шокировалась, все прощая молодости.

Служанка подошла поставить приборъ и подала карту.

— Кружку пива по обыкновенію, не правда ли?

— Нѣтъ, пива не надо; я буду пить воду, пиво мнѣ вредно,— сказала m lle Митенъ, жалѣя слегка о стаканѣ янтарнаго, искристаго пива, но она была слишкомъ экономна и слишкомъ благоразумна, чтобы не принудить себя искупить недавнюю щедрость. Де-

сять су, отданныя бѣдному, равнялись кружкѣ пива. За то она можетъ заказать маленькую жареную рыбку.

— У васъ есть свѣжія соль?

— О, совершенно свѣжія, — отвѣтила прислуга. — Жареную соль? Хорошо. А къ ней? Бобы? Хорошо.

M-lle Митенъ, довольная собою, съ кокетливой гордостью посмотрѣлась въ висячее зеркало, помѣщавшееся противъ нея. Ей хотѣлось подмигнуть глазомъ своему двойнику, той благородной дамѣ въ черномъ, съ сѣдыми буклями, которая отражалась въ зеркалѣ и сказать: Ну-съ, кто это будетъ сейчасъ ѣсть жареную соль съ бобами? Кажется, Софи!

Затѣмъ она налила полный стаканъ воды и медленно стала отпивать по глотку, какъ бы говоря: Я пью воду для удовольствія, я бы могла пить вино съ красной этикеткой! Не разъ приходилось!

Вѣдь, человѣку въ истрепанныхъ панталонахъ не придется ѣсть жареную соль съ бобами! А старая лакомка смѣетъ жалѣть о стаканѣ пива! Фи, въ такіе-то годы! А, вотъ и соль, съ небольшимъ кусочкомъ лимона. Гмм!... Какъ хорошо пахнетъ! У m-me Алегри знаешь, что ѣшь; тутъ дѣло ведется на совѣсть! И m-lle Митенъ аккуратно поставила солонку справа, а перечницу слѣва, взяла вилку и ножикъ и принялась за дѣло. Несмотря на шестьдесятъ пять лѣтъ, у нея прекрасные зубы; дантистъ, ручавшійся за нихъ, не обманулъ ее.

Послѣ бобовъ и сухого печенья (съ нимъ выпитъ полный графинъ воды), уплативъ по счету и завязавъ передъ зеркаломъ ленты шляпы, m-lle Митенъ съ достоинствомъ выходитъ на улицу и направляется къ себѣ на пятый этажъ, гдѣ ее ждетъ бѣлый котъ, Снѣжокъ. Улицы полны народу, студенты подъ руку съ хорошенькими дѣвушками проходятъ, напѣвая. M-lle Митенъ выбираетъ тихія улицы; она побаивается возбужденной толпы. Иногда прохожіе нашептываютъ ей на ухо, не замѣчая подъ большою шляпой сѣдыхъ волосъ, сбитые съ толку стройною фигурой и легкою походкой. Когда преслѣдующій обгонитъ ее и оглянется, онъ или бормочетъ въ смущеніи:—Pardon, madame, или нахально смѣется.

Однажды вечеромъ ее преслѣдовалъ студентъ: сначала издали, затѣмъ приблизился, робко, смущенный обаяніемъ граціознаго женскаго силуэта, онъ настойчиво шелъ далѣе; на старую дѣву это преслѣдованіе производило неизъяснимо грустное и обидное, хотя пріятное впечатлѣніе; да, неясное, невинно тщеславное удовольствіе! Бѣдный юноша, онъ считаетъ ее молодой, красивой и доступной! Она не рѣшилась разочаровать его, остановившись на

секунду подъ фонаремъ, чтобы показать старое морщинистое лицо. Быстро, быстро шла она къ дому и, позвонясь, исчезла за дверью, оставивъ на улицѣ юношу съ его нескромными желаніями.

М-lle Митенъ вспомнила этотъ эпизодъ у дверей дома; она позвонилась и быстро взбѣжала по лѣстницѣ на пятый этажъ. Котъ, услыхавъ ея шаги, замяукалъ и сталъ царапаться когтями въ дверь. Онъ любовно терся объ ея юбки; m-lle Митенъ, поглаживая кота, шептала: Что, дрянной, тебѣ хочется побѣгать? Иди, повеселись, сегодня суббота. Поди, шалунъ, и тебѣ нуженъ праздникъ!

Снѣжокъ съ мяуканьемъ бросается на лѣстницу и направляется къ чердакамъ. M-lle Митенъ кричитъ ему въ догонку: «Постарайся быть завтра къ восьми часамъ утра дома, а то я оставлю тебя безъ молока!»—Какъ же, такъ онъ тебя и послушалъ! Она улыбается, вздыхаетъ и запираетъ двери.

IV.

Простая исторія.

Вотъ что разсказалъ мнѣ Пьеръ Дюгемъ:

Зимняя вилла, которую мы нанимаемъ близъ Ниццы, огорожена только со стороны дороги. По сосѣдству съ ними находится только ферма Катлановъ и домъ, устроенный на подобіе стариннаго замка, закрывающійся огромными дверями, которыя почти никогда не открываются. Заборъ, ограждающій нашъ садъ, съ одной стороны примыкаетъ къ стѣнѣ этого дома. Небольшой въѣздъ раздѣляетъ обѣ виллы и соединяетъ ихъ съ большой дорогой.

По этой дорогѣ ходитъ масса нищихъ, и такъ какъ наша прислуга рѣдко запираетъ ворота, то прохожіе завертываютъ къ намъ въ садъ, звонятъ у подъѣзда или прикладываютъ свои блѣдныя лица къ стекламъ кухоннаго окна. Жена этого не любитъ. Охотники за воробьями нерѣдко проходятъ по той части сада, которая ведетъ въ поле. Иногда пройдетъ фермеръ, а то и бродяга. Кто проситъ милостыню, тому даютъ хлѣба или денегъ. Мы не позволяемъ своимъ дѣвчуркамъ, Жаннѣ и Рейнеттѣ, удаляться отъ площадки, усыпанной гравіемъ; мать хочетъ, чтобы голоса ихъ были слышны изъ оконъ. Это насъ стѣсняетъ: живешь точно не дома.

Однажды, около шести часовъ вечера, я сидѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ на мягкомъ креслѣ, спиною къ лампѣ, положивъ ноги на рѣшотку камина. Ко мнѣ поспѣшно вбѣжали запыхавшись Жанна и Рейнетта:

— Батистина тамъ на лѣстницѣ. Ей страшно одной въ кухнѣ. Она говоритъ, что слышала, какъ кричалъ какой-то человѣкъ.

Это сообщила мнѣ моя бѣленькая пташка Рейнетта, глядя на меня большими глазами, въ которыхъ свѣтились страхъ и довѣріе. Но толстушка Жанна, пожавъ плечами, замѣтила съ ироническою увѣренностью десятилѣтняго ребенка: Это дѣти шалятъ, а Батистина боится! Кричала внучка фермера. Кому же кромѣ нея?

Объясненіе вполнѣ правдоподобное. Въ это время сосѣдній фермеръ Катланъ даетъ кормъ своимъ лошадямъ. Не изъ-за чего было безпокоиться. Послѣ долгаго молчанія Рейнетта сказала:

— Какъ долго не возвращается мама!

Жена отправилась на концертъ въ Монте-Карло, чтобы повидаться со знакомыми. Кухарка Роза, худая, высокая, расторопная женщина, отправилась ей навстрѣчу на вокзалъ. Онѣ должны были скоро вернуться, хотя я не слыхалъ еще свистка паровоза.

— Она намъ привезетъ чего-нибудь,—сказала Жанна.

Обѣ прижались ко мнѣ и задумались. Я представлялъ себѣ кухарку сидящею на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, и, хотя считалъ ее очень глупой и сознавалъ, что ей лучше было бы чистить въ кухнѣ шпинатъ, однако, рѣшилъ позвать ее въ комнаты, сидѣть вмѣстѣ съ нами. Она была кроткое созданіе, съ приплюснутымъ носомъ, скромная на видъ, почти ребенокъ; за глаза мы съ женой называли ее «дѣвчонка».

— Вотъ мама!—вскричали обѣ дѣвочки разомъ, вскочивъ съ мѣста!—На лѣстницѣ раздавались шаги. Вошла перепуганная Батистина.

— Баринъ, подите взглянуть! Я три раза слышала крики... Барыня испугается, если увидитъ... Человѣкъ загораживаетъ входъ... онъ тамъ у воротъ!

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ дѣлаетъ вотъ такъ... (она разставила руки и стала разгребать ими). Онъ лежитъ на землѣ и катается по ней! Катланъ подошелъ посмотрѣть, но сейчасъ же пошелъ прочь. Онъ говоритъ: «можетъ быть, это бѣшеный; онъ меня укуситъ!» Мнѣ пришло въ голову, что это могъ быть припадокъ падучей болѣзни. Я сошелъ внизъ, оставивъ въ кухнѣ дѣтей, которыя кричали мнѣ въ слѣдъ: «возвращайся скорѣе, папа!»

Я спустился къ воротамъ въ сопровожденіи Батистины, которая несла маленькую лампочку съ рефлекторомъ. Катланъ изъ предосторожности приперъ ворота. Ночь была темная: зги не видать; на небѣ искрились звѣзды; было свѣжо.

— Видите, баринъ?—спросила «дѣвчонка».

— Нѣтъ, ничего не вижу.

За воротами былъ непроглядный мракъ.

— Вонъ, сказала она,—подымая лампу насколько могла выше. Наконецъ, за свѣтлымъ кругомъ я увидалъ корчащуюся фигуру, утопавшую во мракѣ. Фигура была огромная; она шевелилась, уткнувъ лицо въ камни; это было что-то странное, точно раненое животное, которое издавало глухіе звуки. Батистина настойчиво повторяла: «Какъ барыня испугается, если пріѣдетъ теперь!»

Слышались слабые стоны, охи, точно изъ тѣла тянули душу. Черное существо продолжало конвульсивно вздрагивать. Ворота какъ будто защищали насъ отъ страшнаго животнаго.

— А гдѣ же Катланъ?

— Въ конюшнѣ.

Я побѣжалъ туда, завязывая по дорогѣ шею носовымъ платкомъ. Батистина, какъ тѣнь, слѣдовала за мной по пятамъ. Лампа трепетнымъ свѣтомъ освѣщала кустарникъ. Катланъ показался на порогѣ конюшни; мой старый Блакъ повернулъ морду и поглядѣлъ на меня глазами доброй старой лошади. Я сказалъ фермеру:

— Катланъ, надо бы позвать кого-нибудь. У прохожаго припадокъ эпилепсіи. Его нельзя оставлять здѣсь. Пойдемъ къ нему,—это не опасно.—Мои слова не убѣдили фермера; онъ пробормоталъ только:—Да... да... это падучая болѣзнь!

— Пойдемте скорѣе!

Мы подошли къ воротамъ. Катланъ откинулъ цѣпь.

Теперь животное ползло бокомъ, стараясь достигнуть откоса, окаймляющаго въѣздъ.

Барыня ужасно испугается,—повторяла кухарка. Катланъ замѣтилъ:—Ему лучше; онъ старается встать!—Фермеръ окликнулъ несчастнаго на патуа. Въ отвѣтъ послышалось только:—Охъ! Боже мой!—Человѣкъ упирался руками, дѣлалъ усиліе головой, стараясь оторваться отъ земли, къ которой его приковывала какая-то тайная сила. Онъ тащился, какъ калѣка; въ груди у него клокотало, точно кузнечный мѣхъ, наконецъ, онъ оторвался отъ земли и, какъ подкошенный, упалъ на откосъ, прижимая руки къ сердцу.

— Охъ, охъ!—стоналъ онъ;—со мной сдѣлался припадокъ... Охъ, охъ! Сегодня уже въ третій разъ. Я провелъ (онъ перевелъ дыханіе) недѣлю въ больницѣ въ Каннахъ, но тамъ не держатъ съ такой болѣзнью.—Онъ въ первый разъ взглянулъ на насъ.

— Если бы можно было немного воды; послѣ припадка ужасно

хочется пить, третьяго дня вечеромъ у меня было семь приступовъ. На пристани, гдѣ я работалъ, меня никто не хочетъ держать.

Лампой, взятой у Батистины, я освѣтилъ на мгновеніе человѣка и увидалъ его лицо; затѣмъ быстро повернулъ рефлекторъ изъ опасенія, чтобъ потокъ свѣта не ослѣпилъ его, отчасти же, стѣсняясь пристально смотрѣть ему въ глаза; при видѣ освѣщеннаго лица у меня мучительно сжалось сердце. Въ полусвѣтѣ я хорошо различалъ его плотное, коренастое тѣло, большую лохматую голову съ сѣдой бородой, красную, голую шею, которую душилъ воротъ шерстяной рубашки. Одежда была невозможная, истасканная и грязная.

Батистина принесла стаканъ воды. Она протянула его Катлану, но тотъ не взялъ. Мнѣ пришлось самому всунуть стаканъ въ руку несчастнаго. Онъ съ жадностью проглотилъ воду, руки его дрожали.

— Нельзя ли еще? Мнѣ такъ хочется пить!

Я передалъ стаканъ Батистинѣ, она снова побѣжала за водой. Несчастный съ прежней жадностью проглотилъ второй стаканъ.

— Хотите ѣсть?—спросилъ я.

Онъ сосредоточенно теръ себѣ локоть. Вѣроятно, во время припадка расшибъ его о камень и теперь только почувствовалъ боль. Я повторилъ:

— Хотите ѣсть?

Онъ отвѣтилъ:—До припадка я былъ голоденъ, но теперь мнѣ такъ стянуло желудокъ, что туда ничего не войдетъ. Если вы дадите мнѣ кусочекъ хлѣба, я съѣмъ его передъ сномъ.

Онъ говорилъ звучнымъ голосомъ, слишкомъ мягкимъ для его грубой наружности,—почти дѣтскимъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы. Несчастный, гдѣ проведетъ онъ ночь? Кто приметъ его, кто пріютитъ, узнавъ о его болѣзни?—объ этомъ ниспосланномъ на него проклятіи! Я пробормоталъ:

— Подождите, я сейчасъ вернусь!

Войдя къ Батистинѣ въ кухню, я спросилъ: нѣтъ ли у насъ говядины?

Она указала мнѣ на остатки цыпленка и подала большой хлѣбъ. Я разрѣзалъ его пополамъ и всунулъ туда мясо.

— Барыня увезла ключъ отъ шкафа,— бормоталъ я,— нѣтъ ли у васъ немного денегъ?

— Нѣтъ, баринъ. У Розы нашлись бы деньги, да она ждетъ барыню на станціи.

Дѣвочки, заинтересованныя происшествіемъ, съ робкими, блестящими глазами стояли у плиты, гдѣ закипалъ супъ, издавая пріятное, нѣжное шипѣнье.

— Нѣтъ ли у васъ, дѣтки?

Жанна и Рейнетта поспѣшно вытащили свои портмоне, польщенныя, что могутъ оказать услугу.

— Сколько тебѣ, папа?

Я взялъ у каждой по франку и понесъ больному хлѣбъ. Онъ сидѣлъ, сгорбившись, на откосѣ и молчалъ; его поза выражала безропотную покорность судьбѣ, безысходную скорбь. Онъ попытался засунуть хлѣбъ въ карманъ, не смогъ; взялъ его подъ мышку и снова застылъ въ той же надрывающей сердце позѣ. На него больно было смотрѣть,—до того больно, что голосъ мой измѣнился, точно мнѣ было стыдно:

— Вотъ, возьмите, — я сунулъ ему деньги, — къ сожалѣнію, такую малость!

Онъ сказалъ кротко:

— Спасибо, баринъ! Меня гонятъ изъ больницъ, не держатъ на пристаняхъ, вотъ я и брожу по деревнямъ; захватитъ дорогой припадокъ,— ну, и упаду.

И тѣмъ же чистымъ голосомъ, тонкимъ, не соотвѣтствующимъ его наружности, онъ прибавилъ, тяжело вздыхая:

— Пора идти (онъ понималъ, что тутъ нельзя оставаться). Добреду до города и тамъ переночую. Если бы только... еслибъ у меня была палочка, чтобъ опереться.

Катланъ вошелъ во владѣнія сосѣда и срѣзалъ тамъ вѣтку орѣшника. Я смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на незнакомаго человѣка, освѣщеннаго лампой, которую высоко держала Батистина. Мое сердце переполнялось жалостью; досада на себя и на другихъ сжимала горло. Я думалъ: «Какъ странно: пока онъ, подобно животному, валялся на землѣ, я не чувствовалъ къ нему жалости! Только при видѣ человѣческаго лица во мнѣ пробудилось состраданіе; только при видѣ человѣческаго лица,— я не смѣлъ сказать лица христіанина,— подобнаго моему, во мнѣ пробудился человѣкъ». И я снова смотрѣлъ на него и не могъ оторвать глазъ отъ сорбленной фигуры, отъ несчастнаго лица. Все мое существо прочикалось тяжелой, гнетущею скорбью!

Катланъ, обчистивъ сучокъ, сказалъ:

— Палка готова!

Бѣднякъ взялъ палку и съ трудомъ поднялся съ мѣста.

— Прощайте,— сказалъ онъ.— Спасибо за помощь.

Мы поспѣшили отвѣтить:

— Прощайте, прощайте!

Онъ ушелъ и исчезъ за поворотомъ.

Я вернулся въ садъ. Я чувствовалъ себя ужасно несчастнымъ, одинокимъ въ своемъ безсиліи и эгоизмѣ. «Каково общество, гдѣ человѣка гонятъ изъ больницъ и съ пристаней! Бѣднякъ не можетъ найти убѣжища и, подобно вѣчному жиду, долженъ скитаться по дорогамъ!» Сердце больно сжалось; стиснувъ зубы, я старался подавить въ себѣ волненіе; но плотина прорвалась, слезы рѣкой полились у меня изъ глазъ; я тихо рыдалъ, и рыданія облегчали мнѣ сердце. Въ то же время я думалъ: «Какъ глупо, что подумаетъ Батистина?» Она все шла за мной съ лампой въ рукахъ. Я провелъ рукой по глазамъ и сказалъ не своимъ голосомъ:

— Батистина, что если несчастный опять упадетъ на дорогѣ!... Подите съ Катланомъ навстрѣчу къ барынѣ. Возьмите съ собой лампу.

Она ушла съ фермеромъ. Я возвратился въ кухню, гдѣ меня ждали малютки.

— Папа, что съ тобой? О чемъ ты плачешь?—вскричали онѣ.

Я разсказалъ имъ, что видѣлъ. Разсказалъ о нищетѣ безъ крова, объ умирающихъ безъ пристанища. Рейнетта вытащила свой платочекъ и заплакала. Жанна, болѣе разсудительная, оставила ножикъ, которымъ обрѣзала шпинатъ, и уставилась на меня большими, проницательными глазами. Я вытиралъ слезы платкомъ Рейнетты и повторялъ про себя: «Какая нелѣпость! Завтра же я буду ѣсть, какъ всегда! Это нервы; глупая, безплодная чувствительность!» Я прекрасно зналъ, что человѣческій образъ, скорбный силуэтъ несчастнаго неизгладимо врѣзался въ моей памяти и будетъ постоянно смущать мое относительное благополучіе. И точно видя передъ собой грозный призракъ человѣческаго горя, я крѣпко прижалъ къ себѣ дѣтей и неподвижно сидѣлъ въ теплой кухнѣ, гдѣ шипѣлъ въ котелкѣ горячій супъ.

V.

Собака.

Старикъ Дешаппъ сидѣлъ въ глубинѣ коляски, прислонясь спиною къ шитой подушкѣ; по временамъ лицо его, напоминавшее мордочку бѣлаго кролика, судорожно вздрагивало, и онъ бормоталъ:

— Лошади... слишкомъ... скоро ѣдутъ!

Зять его, m-r де-Фёль взглянулъ на жену и, подавляя усмѣшку, сказалъ:

— Да, да, онѣ прекрасно ѣдутъ! И дорога здѣсь превосходная,— заключилъ онъ немного громче.

Увѣренный тонъ и звучавшая въ немъ иронія не успокоили старика; въ его мутныхъ сѣрыхъ глазахъ по временамъ мелькало безпокойство. Тщательно вымытый, причесанный и одѣтый, со сложенными руками въ перчаткахъ, онъ имѣлъ видъ стараго ребенка. У него сохранились нѣкоторые недостатки дѣтскаго возраста: любовь къ лакомствамъ, трусливость, наивное тщеславіе, мелочная хитрость. Онъ больше всего дорожилъ своимъ личнымъ спокойствіемъ. Охотникъ до почестей, Дешаппъ легко поддавался лести. Его дочь, хорошенькое существо съ птичьей головкой, была такой же эгоисткой, какъ отецъ; полненькая, цвѣтущая, съ обворожительно нѣжною кожей, она лѣниво покоилась рядомъ съ отцомъ, одѣтая въ роскошный элегантный туалетъ.

Молодая женщина улыбалась мужу, гордая сознаніемъ, что благодаря ему носитъ титулъ графини и принята въ высшемъ обществѣ. M-r Дешаппъ былъ прежде сахарнымъ заводчикомъ; теперь, благодаря солидному капиталу, имѣлъ возможность купить себѣ въ зятья капитана кавалеріи, промотавшагося графа.

— Какая чудная погода!—сказалъ m-r де-Фёль, взглянувъ на m-e де-Фёль.

Высокій, съ энергичною головой спортсмена, съ роскошными усами и маленькою бородкой, которую отпустилъ, выдя въ отставку, m-r де-Фёль былъ всегда изысканно любезенъ съ женою, какъ подобаетъ мужу, который сознаетъ за собой амурные грѣшки и неумѣренную трату денегъ; она держала его въ рукахъ, благодаря деньгамъ, которыми безъ скупости, но съ твердостію распоряжалась сама, отказывая или соглашаясь иногда за улыбку. Такъ, чтобы доставить удовольствіе мужу, она разрѣшила ему купить себѣ дога, любимца князя Вершакова, и наслаждалась теперь прыжками прекраснаго животнаго, бѣжавшаго передъ лошадьми. Догъ то бѣжалъ впередъ, то возвращался, точно желая броситься подъ ноги лошадямъ, хваталъ ихъ за уздечки, къ величайшему негодованію кучера, который едва сдерживалъ лошадей и мечталъ, какъ хорошо было бы угостить Драгга вилами; на это, впрочемъ, онъ едва ли бы рѣшился, такъ какъ собака прокусила разъ руку дѣлому конюху.

— Со-бака... раз-дра-жаетъ лошадей! — пробормоталъ Дешаппъ. Старикъ боялся всего: дорожныхъ происшествій съ ихъ

послѣдствіями, воровъ, при одной мысли о которыхъ онъ дрожалъ отъ страху цѣлыя ночи напролетъ; покушенія анархистовъ пошатнули его здоровье. Онъ не могъ ѣздить безъ страха въ экипажѣ; его огорчало, когда трещали дрова въ каминѣ; онъ съ болѣзненнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за охотой, вздрагивая при каждомъ выстрѣлѣ.

На этотъ разъ m-r де-Фёль не соблаговолилъ отвѣтить; но на лицѣ жены онъ прочелъ внезапное безпокойство, что̀ принудило его взглянуть на дорогу въ ту минуту, когда отчаянный лай Драгга и безъ того привлекъ бы его вниманіе. Кучеръ, предчувствуя катастрофу, сдержалъ лошадей.

— Драггъ!—кричалъ m-r де-Фёль. Догъ не слушался. Несмотря на жестокую дрессировку, онъ оставался дикимъ звѣремъ. Недѣлями онъ бывалъ кротокъ, какъ ягненокъ, а то вдругъ накидывался на курятникъ и поѣдалъ всю живность. Главными его врагами были оборванцы; они приводили его въ ярость.

— Драггъ!— повторялъ графъ громовымъ голосомъ. Потомъ закричалъ изъ всѣхъ силъ:—Не замахивайся палкой, не замахивайся, а то онъ на тебя бросится! Драггъ, ісі! Лошади остановились; всѣхъ присутствующихъ объялъ ужасъ! Ярость собаки возбудилъ старый нищій, поднявшійся на краю дороги, при приближеніи экипажа. Оскаливъ зубы, съ налитыми кровью глазами, изогнувъ тѣло, точно готовясь прыгнуть на жертву, животное злобно рычало. M-r де-Фёль выпрыгнулъ изъ экипажа и занесъ палку надъ головою собаки. Блѣдный, какъ полотно, старикъ нищій весь дрожалъ отъ страху. Онъ неловко размахивалъ палкою, тщетно пытаясь защитить себя, и что-то невнятно бормоталъ; сѣдая борода его ритмически вздрагивала на груди. Драггъ почуялъ, что у него хотятъ вырвать добычу; когда конецъ палки задѣлъ его, онъ бросился на оборванца и впился ему въ горло.

M-r де-Фёль нагнулся и схватилъ собаку за ошейникъ, крича:

— Жозефъ, Жозефъ!

Кучеръ боялся, что разгоряченныя лошади, понесутъ, если онъ сойдетъ съ козелъ; растерявшись, онъ не двигался съ мѣста. Между тѣмъ Драггъ, не чувствуя ударовъ свинцовымъ набалдашникомъ, подмялъ подъ себя нищаго и рвалъ его клыками. Несчастный лежалъ съ выкаченными глазами, не смѣя дышать, съ ужасомъ агоніи на лицѣ. Графъ, весь запыхавшись, неистово трясъ Драгга. Смущенный криками жены, пронзительными взвизгиваніями тестя, борьбою Жозефа съ испуганными лошадьми, графъ внѣ себя въ послѣдній разъ вскрикнулъ громовымъ голосомъ: Драггъ!

Въ эту минуту старикъ, чувствуя близкую гибель, закатилъ глаза. Видя неподвижные бѣлки, де-Фёль счелъ его умершимъ; его охватило бѣшенство; онъ вспомнилъ, что въ палкѣ есть стилетъ, вытащилъ его и, ударъ за ударомъ, закололъ животное. Обезумѣвъ отъ ужасающихъ стоновъ дога, онъ билъ его съ ожесточеніемъ; кровь лилась на неподвижно лежащаго старика; руки, ноги графа были въ крови.

Шумъ затихъ; его смѣнила гробовая тишина. Лошади успокоились. Жозефъ подошелъ къ графу и, остолбенѣвъ, безсмысленно смотрѣлъ на случившееся.

Въ экипажѣ лежала m-e де-Фёль: запрокинувшись назадъ, вся вытянувшись, бѣлая, какъ бумага, съ широко раскрытымъ ртомъ и глазами, она, казалось, близка была къ обмороку. Дешаппъ весь посинѣлъ, уставилъ глаза въ одну точку, точно его разбилъ параличъ. М-г де-Фёль взглянулъ на окровавленный стилетъ и, не зная, какъ его вытереть, протянулъ Жозефу; тотъ сорвалъ пучокъ травы и обтеръ лезвіе.

Нищій открылъ глаза и, не двигаясь съ мѣста, наблюдалъ сцену. Въ эту минуту догъ въ послѣдній разъ конвульсивно вздрогнулъ, вытянулся и повалился мертвый.

Увидавъ это, де-Фёль снова разсвирѣпѣлъ и накинулся на нищаго.

— Это ты, паршивый, раздразнилъ своей палкой собаку. Подлая тварь! Какъ, нѣтъ? Точно я не видѣлъ. Подожди, скотина, вотъ, я отправлю тебя къ жандарму! Эта собака во сто разъ дороже твоей мерзкой жизни... да, мерзской жизни! Старый дуракъ! Безмозглый дармоѣдъ!—Но раздраженіе стихло, когда графъ увидалъ потокъ крови, струившійся изъ раны.

— Твое счастье, что онъ не съѣлъ тебя живьемъ!—закричалъ графъ. Онъ въ одинъ глотокъ могъ бы проглотить тебя со всѣми потрохами! Тебѣ больно? Оглохъ ты, что ли? Я тебя спрашиваю, больно ли тебѣ?

Старикъ колебался между желаніемъ пожаловаться на боль и опасеніемъ новой брани. Его стращали жандармами; штука не особенно пріятная! Но, вѣдь, онъ право былъ не виноватъ. На него бросилась собака, онъ ничего не требовалъ отъ нихъ за это.

Де-Фёль, подойдя къ экипажу, съ горечью говорилъ: «Такая собака, за подобную дрянь!

М-г Дешаппъ не могъ произнести ни одного звука. М-е де-Фёль, сострадательная и мечтавшая о депутатскомъ креслѣ для мужа, старалась устранять всѣ преграды, которыя могли воздвигнуть

недоброжелательные торговцы виномъ, избиратели-ремесленники и крестьяне.

— Кажется, несчастный раненъ,— прошептала она!—Надо взять его въ замокъ и тамъ походить за нимъ.

— Этого недоставало!—вскричалъ въ негодованіи графъ.

— Непремѣнно, сказала она, повѣрьте мнѣ, это въ вашихъ... въ нашихъ интересахъ!—поправилась графиня. Она прибавила еще нѣсколько убѣдительныхъ и вѣскихъ словъ, на что Дешаппъ утвердительно мотнулъ головой. Но де-Фёль не могъ утѣшиться, что пожертвовалъ догомъ за такое ничтожество, за эту «гнусную сволочь», какъ онъ выражался.

— Предоставьте это мнѣ,— сказала m-e де-Фель. По ея приказанію нищаго убѣдили, хотя не безъ труда, влѣзть на козлы; между тѣмъ, какъ Жозефъ и m-r де-Фёль оттащили въ сторонку трупъ Драгга и уложили его на травѣ, прикрывъ вѣтками, въ намѣреніи прислать за нимъ телѣгу. Лошади быстро тронулись по большой дорогѣ, залитой солнечными лучами. Пріѣздъ экипажа въ замокъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

M-me де-Фёль велѣла ухаживать за старикомъ; по всей округѣ распространился слухъ, что де-Фёль, рискуя жизнью, спасъ нищаго отъ взбѣсившагося Драгга; ему пришлось отчаянно бороться съ собакой, и защищаясь, онъ убилъ ее стилетомъ отъ трости. Репортеры пріѣзжали интервьювировать графа; изъ него сдѣлали героя. Старикъ, питаясь на кухнѣ въ замкѣ, растолстѣлъ и поправился; онъ способствовалъ распространенію легенды, свидѣтельствуя своимъ видомъ о великодушіи де-Фёлей. Это дало графу сто лишнихъ голосовъ на выборахъ, благодаря чему онъ побѣдилъ соперника, доктора-радикала, который разорился, раздавая всѣмъ своимъ сторонникамъ въ видѣ панацеи облатки антипирина.

Драггу воздвигли въ паркѣ замка могилу.

M-r Дешаппъ никогда больше не ѣздитъ въ экипажѣ.

Н. К.

СЕРГѢЙ ШУМОВЪ.

Повѣсть.

I.

Была суббота. По коридору гимназіи радостно проносились пансіонеры, отпускаемые до понедѣльника домой. Сергѣй Шумовъ, гимназистъ 7-го класса, мрачно слонялся по длинному коридору, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда его отпустятъ. Классы давно кончились, половина пансіона разошлась въ отпускъ, а за Шумовымъ все не приходили изъ дому. Онъ хмурился, дѣлая концы по опостылѣвшему коридору, и съ отвращеніемъ смотрѣлъ на казенныя стѣны, на сѣрыя куртки пансіонеровъ, казавшихся ему арестантами, на вицъ-мундиры надзирателей, которые представлялись ему въ эти минуты тюремщиками. И весь пансіонъ, съ его унылыми коридорами, желто-коричневою краской на стѣнахъ, чугунными лѣстницами и солдатами-сторожами, былъ въ его глазахъ тюрьмой, откуда онъ рвался всѣми силами своей безпокойной души.

Кругомъ слышалось жужжанье голосовъ. Сѣрыя куртки, отдѣльно и группами, сновали по всѣмъ направленіямъ, мелькали по лѣстницамъ, въ залахъ, гардеробной. Веселые возгласы идущихъ домой смѣшивались съ плачемъ маленькихъ, оставляемыхъ безъ отпуска. Дежурный воспитатель, Масловъ, выкрикивалъ фамиліи пансіонеровъ, за которыми пришли изъ дому. Кто-то, всхлипывая, просилъ прощенья; кто-то ругался, грозя кулакомъ въ пространство. «Иванъ Ивановичъ», крохотный приготовишка, прошелъ въ волненіи по коридору, бормоча что-то безпокойное и поминутно оглядываясь пугливо по сторонамъ. Эта привычка развилась у него въ пансіонѣ, представляя неистощимый источникъ для потѣхи сѣрыхъ куртокъ. Вотъ Лысковъ, большой, грубый, съ тупымъ, нахальнымъ лицомъ, подбѣжалъ къ «Ивану Ивановичу» и сгребъ его

сзади за волосы: Лысковъ оставленъ безъ отпуска и хочетъ на комъ-нибудь сорвать свою злость. «Иванъ Ивановичъ» испуганно закричалъ и шарахнулся въ сторону, а Лысковъ, захохотавъ, побѣжалъ курить. Второклассникъ Фокинъ, тщедушный, съ проплѣшинами на головѣ, которыми украсилъ его казенный цирюльникъ, сидитъ въ уголкѣ коридора съ латинской грамматикой въ рукахъ и зубритъ. Обильныя слезы капаютъ изъ его глазъ на страницы роковой для него книги, изъ-за которой онъ уже полтора мѣсяца сидитъ безъ отпуска; носикъ Фокина покраснѣлъ и какъ будто распухъ; слабая грудь его нервно поднимается подъ казеннымъ нагрудникомъ; потныя и мокрыя отъ слезъ руки судорожно гнутъ и отрываютъ краешки страницъ. «Зачѣмъ ты рвешь казенную книгу, дуракъ?»—замѣчаетъ проходящій мимо воспитатель, Павловичъ, и Фокинъ съеживается подъ тяжелымъ и недобрымъ взглядомъ.

Въ концѣ коридора показался Плошкинъ, отставной солдатъ, низенькій, нескладный, красноносый, съ подкрашенными усами, съ мутно-веселыми глазами, въ которыхъ виднѣлся юморъ, всегда спрыснутый для крѣпости сивухой. Плошкинъ шелъ, не торопясь и раскачиваясь, точно на рессорахъ; въ рукахъ у него было нѣсколько, только что принесенныхъ, отпускныхъ билетовъ. Толпа сѣрыхъ куртокъ, большихъ и маленькихъ, быстро окружила его, чуть не вырывая изъ рукъ билеты.

— Мой принесли? Мой есть? А мой, а мой?—раздавались на перебой голоса.

— Нѣтъ ли моего?—спросилъ Шумовъ, стремительно подходя къ солдату.

Плошкинъ, смѣшно прищурившись, медленно перебралъ корявыми пальцами билеты, на которыхъ значились фамиліи гимназистовъ.

— Васъ, знать, не принесли,—сказалъ онъ своимъ добродушно-сиплымъ голосомъ.

Былъ *Шаховъ*, былъ *Шатерниковъ*, но *Шумова* не было.

— А, чортъ!—выругался Шумовъ и опять пошелъ слоняться по коридору. —«Сдѣлаю двадцать концовъ: авось, за это время принесутъ билетъ,—рѣшалъ онъ и принимался отсчитывать концы. Онъ переносился въ мысляхъ домой и живо представлялъ себѣ всѣхъ домашнихъ. — Отецъ, можетъ быть, пьянъ теперь... нѣтъ: онъ только навеселѣ, остритъ и разсказываетъ анекдоты, говоритъ и смѣется добродушно... вообще очень милъ. Мать вздыхаетъ, жалуется на нервы... а, можетъ быть, сидитъ за роялью и играетъ Шумана. Елена—ледышка, но, все-таки, есть же въ ней

какое-нибудь чувство. Она предубѣждена противъ меня, но если я поговорю съ ней по-братски, разскажу ей, какъ мнѣ скверно живется, она навѣрное пойметъ и станетъ дружна со мной. Ахъ, только бы попасть скорѣй домой,— и я сейчасъ же успокоюсь, перестану злиться, буду ласковъ со всѣми. Увижу Познякову (она навѣрно сидитъ теперь у Елены), буду глядѣть, какъ она улыбается, заговорю съ ней, разскажу ей, какъ я томился здѣсь, какъ рвался домой. Разскажу про «Ивана Ивановича», про Фокина. Буду все время смотрѣть ей въ глаза... такое наслажденіе!»

Онъ останавливался, зажмуривалъ глаза и представлялъ себѣ, какъ хороша Познякова, какъ она ходитъ, садится, улыбается. Потомъ открывалъ глаза, видѣлъ передъ собой казенныя стѣны и, вздохнувъ, снова пускался по коридору. Онъ сдѣлалъ двадцать концовъ, еще и еще двадцать, а билета не приносили. Шумовъ заглянулъ на большіе часы, висѣвшіе въ рекреаціонной залѣ. Было половина четвертаго: оставалось только полчаса до обѣда. Онъ сморщился и пошелъ къ чугунной лѣстницѣ, которая вела внизъ; тамъ онъ облокотился локтями о перила и, смотря на нижнюю площадку лѣстницы, съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда опять появится Плошкинъ съ билетами. Мимо него то и дѣло пробѣгали по лѣстницѣ гимназисты въ шинеляхъ и съ веселыми лицами; онъ провожалъ ихъ завистливымъ взглядомъ.

— Прощайте, Шумовъ!—крикнулъ первоклассникъ Шаховъ, хорошенькій, розовый мальчикъ, съ ясными глазами и ямочками на щекахъ, любимецъ Шумова.

Шумовъ посмотрѣлъ на его веселую припрыжку, на его сіяющее лицо и угрюмо промолчалъ. Проковылялъ по лѣстницѣ второклассникъ Шатерниковъ, сутуловатый, старообразный, апатичный. Онъ учился скверно и отвѣчалъ уроки такъ вяло, что учителя теряли терпѣніе и ставили ему двойки; больной, малокровный, мрачный, вслѣдствіе жестокаго катарра желудка, онъ былъ страшно разсѣянъ и сидѣлъ за это вѣчно безъ отпуска, принимая наказаніе съ тупой покорностью. На этотъ разъ его какимъ-то чудомъ отпустили домой.

«Даже Шатерниковъ идетъ въ отпускъ!»—съ досадой подумалъ Шумовъ, провожая глазами сгорбленную фигурку «россомахи» (прозвище Шатерникова).

— Шумовъ, до свиданья!—крикнулъ толстякъ Жмаковскій, одноклассникъ Шумова.—Иду въ отпускъ: фридрихъ хераусъ! Нынче буду на именинахъ: имѣю намѣреніе нализаться. Пожелай успѣха... Addio! Знаешь свѣжій куплетъ Чурилова:

Я сидѣлъ надъ Цицерономъ,
Этимъ старымъ хвастуномъ:
Все во мнѣ стояло стономъ,
Все пошло въ башкѣ вверхъ дномъ!
Переводишь, переводишь,—
И безсмыслица всегда!
Многихъ словъ, вѣдь, не находишь
Въ словарѣ-то иногда.

Здорово, а? Хлестко? Точно про меня писалъ. Ну, прощай. Утону въ горькомъ питіи!

«Экая довольная рожа!»—процѣдилъ сквозь зубы Шумовъ, провожая толстяка завистливымъ взглядомъ.

— Шумовъ, объясните мнѣ, пожалуйста, Пиѳагоровы штаны,— попросилъ невзначай угреватый Снегиревъ, вѣчно хромавшій по математикѣ.

— Убирайтесь отъ меня къ чорту съ своими дурацкими штанами!—огрызнулся Шумовъ.

Впрочемъ, ему сейчасъ же стало жаль этого мученика геометріи; но Снегиревъ успѣлъ уже обратиться съ той же просьбой къ восьмикласснику Андрееву, который снисходительно объяснялъ ему теорему.

Плошкинъ явился съ пустыми руками и занялъ свое мѣсто около двери. Группа старшихъ окружила его. Пансіонеры любили отъ скуки послушать его росказни о турецкой кампаніи, объ усмиреніи поляковъ, побесѣдовать съ нимъ ради смѣха о разныхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Эти бесѣды они называли «Тускуланскими».

— Вотъ ученые люди пишутъ, будто луна землю притягиваетъ,—говорилъ Плошкинъ медленно и серьезно, между тѣмъ какъ въ глазахъ его прыгалъ юмористическій бѣсенокъ. — Правда это, господа гимназисты?

— Правда, генералиссимусъ, правда.

— То-то, замѣчаю я, какъ мѣсяцъ взойдетъ, такъ меня словно все потягиваетъ.

— Куда-жъ тебя потягиваетъ, Діогенъ красноносый? — спросилъ длинный восьмиклассникъ Вознесенскій, прозванный «трехполѣннымъ».

— Да извѣстное дѣло—къ чарочкѣ.

Сѣрыя куртки хохотали, а Плошкинъ самодовольно погладилъ свои смѣшные усы.

— Ты разскажи-ка намъ про полекъ, какъ ты съ ними хо-

одился, — сказалъ шестиклассникъ Семеновъ, озорникъ и безобразникъ, одержимый непонятнымъ тяготѣніемъ ко всякой грязи.— У тебя сколько любовницъ-то было?

Куртки хохотали, предвкушая нѣчто пикантное. Плошкинъ лукаво прищурилъ глазъ.

— Полька—это, я вамъ скажу, самая что ни на есть...—тутъ онъ, къ удовольствію сѣрыхъ куртокъ, ввернулъ очень крѣпкое слово...

Раздался громкій звонокъ, призывающій къ обѣду. Шумовъ, скрѣпя сердце, пошелъ вмѣстѣ съ другими въ пансіонную столовую. Онъ былъ раздраженъ и ничего не ѣлъ, удивляясь, какъ могутъ уплетать за обѣ щеки Лысковъ, Снегиревъ, Семеновъ и другіе, оставленные безъ отпуска. Буркинъ, одноклассникъ Шумова, великовозрастный парень, одичавшій за свое долголѣтнее пребываніе въ пансіонѣ, держалъ пари, что съѣстъ восемь котлетъ,—и съѣлъ при громкой ругани тѣхъ, кто отдалъ ему изъ любознательности свои порціи. Шумову это казалось противнымъ. Онъ представлялъ себѣ, что въ это самое время обѣдаютъ его домашніе, и злился, что онъ принужденъ сидѣть здѣсь, въ казенной столовой, среди такихъ болвановъ, какъ Лысковъ, Семеновъ, Буркинъ, слушать пошлые разговоры, видѣть все тѣ же сѣрыя куртки и вицъ-мундиры.

Подъ конецъ обѣда произошелъ эпизодъ, насмѣшившій пансіонеровъ. Къ одному карапузику, прозванному «Инфузоріей», пришла мать съ его маленькою сестрой и сѣла въ швейцарской, ожидая, когда кончится обѣдъ. Шустрая дѣвочка не утерпѣла, шмыгнула изъ швейцарской, проникла въ столовую и, увидавъ брата, радостно воскликнула:

— Левочка, вотъ я!

Столовая огласилась дружнымъ хохотомъ. Левочка побагровѣлъ, поперхнулся и посмотрѣлъ на сестру совершеннымъ звѣремъ.

— Уйди, уйди! — шипѣлъ онъ на нее, отмахиваясь отъ крошечной, веселой дѣвочки, какъ отъ привидѣнія.

Павловичъ пугнулъ ее, и она, заплакавъ отъ испуга, выбѣжала при громкомъ смѣхѣ сѣрыхъ куртокъ.

— Левочка, вотъ я, Левочка, вотъ я! — кричали на всѣ лады пансіонеры, а бѣдная «Инфозорія» не знала, куда дѣваться отъ стыда. Левочка чувствовалъ, что онъ непоправимо осрамился.

Эта сцена еще больше раздражила Шумова. Онъ смотрѣлъ на покатывающихся со смѣху пансіонеровъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ; ему хотѣлось крикнуть имъ, что они—«свиньи и больше ничего».

— У Шумова животъ болитъ, — сказалъ нахалъ Семеновъ съ насмѣшкой. — Положимъ ему припарки!

Шумовъ хотѣлъ было запустить въ Семенова горбушкой, но въ эту минуту раздался звонокъ, возвѣстившій конецъ обѣда. Пока пѣли «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ», Буркинъ уписывалъ инспекторскія пробныя порціи, а Лысковъ и Семеновъ колотили его слегка по загорбку.

Послѣ обѣда ушли въ отпускъ еще нѣсколько человѣкъ. За Афросимовымъ пріѣхала мать въ коляскѣ на парѣ кровныхъ рысаковъ, и пансіонеры бросились къ окну посмотрѣть, какъ поѣдетъ «жирная бестія Афросимовъ». За Лукинымъ пришелъ отецъ, военный генералъ, и Шумовъ видѣлъ въ окно, какъ швейцаръ вытянулся передъ нимъ въ струнку.

«Скоро пять! — думалъ въ отчаяніи Шумовъ, глядя на неумолимые часы. — Я ужъ два съ половиной часа могъ бы быть на свободѣ, а я торчу здѣсь, за этими проклятыми стѣнами! А время-то идетъ да идетъ... Ждешь, ждешь субботы — и вдругъ... Злость разбираетъ!... Навѣрное, просто-на-просто забыли послать съ билетомъ дворника... Они и не думаютъ, каково мнѣ тутъ... Эгоисты! Посадилъ бы я ихъ сюда!... Только о себѣ и думаютъ, а я хоть пропади... Я имъ припомню это, припомню!»

Онъ смотрѣлъ въ окно, и всѣ люди, идущіе и ѣдущіе по улицѣ, казались ему самодовольными эгоистами, беззаботными, счастливыми своею свободой, равнодушными къ горю другихъ.

— Господа, смотрите, смотрите! — раздался голосъ Буркина.

— Что такое, что такое? — говорили гимназисты, бросаясь къ окну.

— За Черепановымъ горничная пришла! — возгласилъ Буркинъ. — Это — метреса его... Го-го!

— Го-го-го! — грохотали сѣрыя куртки. Они знали, что Буркинъ безбожно лжетъ, но его шутовское, курносое лицо и тотъ апломбъ, съ которымъ онъ несъ свою галиматью, были такъ уморительны, что всегда заставляли гимназистовъ покатываться со смѣху.

— Смотрите, за «патріархомъ» годовалый ребенокъ пришелъ! Это его внукъ, — ей-Богу! — говорилъ Буркинъ, указывая на п[illegible]ствовавшаго по гимназическому саду Угрюмова, самаго стараго [illegible]ъ всѣхъ гимназистовъ. Даже Шумовъ невольно усмѣхнулся, ув[illegible]я почтеннаго восьмиклассника, провожаемаго девятилѣтнимъ п[illegible]мянникомъ.

— Эй, папаша! — кричалъ Буркинъ въ окно Угрюмову. — [illegible]е

забудь гостинчика купить внучкамъ! Да просѣкай, просѣкай ихъ хорошенько, чтобы не баловались!

— Го-го-го!—надрывались гимназисты.

— Вниманіе, господа, вниманіе!—кричалъ Чуриловъ, помахивая бумажкой, на которой онъ только что написалъ стихи.—Премудрость, вонмемъ: новые куплеты, съ пылу, съ жару, пятачокъ за пару!

— Браво!—раздались голоса.—Читай!... Слушайте, господа, слушайте!

Чуриловъ сталъ въ позу и продекламировалъ по бумажкѣ:

За Афросимовымъ заѣхала маманчикъ,
И важно покатилъ въ коляскѣ нашъ болванчикъ...

— Ха, ха, ха!... Браво!

Къ Угрюмову пришелъ его племяша,
И съ помощью его затрюхалъ нашъ папаша...

— Здорово!

За мной же, грѣшнымъ, кто зайдетъ?
Меня къ себѣ самъ дьяволъ не возьметъ!

Гимназисты громко апплодировали. Шумовъ глядѣлъ сочувственно на крупную фигуру Чурилова, на его калмыцкое лицо съ маленькими проницательными глазами; ему нравилась своеобразная грація его размашисто-спокойныхъ движеній, его широкая улыбка, его беззвучный смѣхъ; нравились даже вѣчныя прорѣхи подъ мышками на сѣрой курткѣ, изъ которой какъ будто рвались его широкія плечи. Шумовъ зналъ, что у Чурилова не было никого близкихъ людей; кто-то платилъ за него въ гимназію, но платилъ неаккуратно: каждый годъ Чурилова собирались исключить за неплатежъ, каждый годъ сносились съ его таинственнымъ благодѣтелемъ и чуть не насильно вырывали у него деньги. Такимъ образомъ Чуриловъ дошелъ до восьмого класса. Онъ презиралъ гимназическіе учебники, отмѣтки, пересадки, но учился отлично, благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Онъ никогда не ходилъ въ отпускъ и, томясь среди казенныхъ стѣнъ, отводилъ душу въ сатирическимъ куплетахъ.

— Меня къ себѣ самъ дьяволъ не возьметъ!—повторилъ Шумовъ съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ, примѣняя эту фразу къ себѣ.—Браво, Чуриловъ!

Буркинъ, раззадоренный примѣромъ Чурилова, началъ въ свою очередь импровизировать какіе-то куплеты, но это было такъ по-

шло, что Шумовъ почувствовалъ отвращеніе и поспѣшилъ отой
Часы пробили пять: каждый ударъ болѣзненно отзывался въ се
цѣ Шумова.

— Шу... Шурагинъ! — крикнулъ Масловъ голосомъ молод
пѣтуха.

У Шумова при звукахъ *Шу*... ёкнуло сердце; но, услыха
чужую фамилію, онъ сердито взглянулъ на Шурагина, отошелъ
окну и прижался лбомъ къ холодному стеклу.

— Что же, состоится завтра нашъ литературный вечеръ?
спросилъ его Шурагинъ съ своей обычной насмѣшливой улыбк

Стройный, красивый Шурагинъ замѣтно важничалъ и держа
особнякомъ. Отецъ его, очень вліятельный человѣкъ, уѣхалъ
годъ за границу и помѣстилъ на это время сына въ пансіонъ,
Шурагинъ чувствовалъ себя, какъ путешественникъ на постояло
дворѣ. Онъ ходилъ по праздникамъ къ теткѣ, важной баронес
и относился къ пансіонерамъ и всему пансіонскому нѣсколь
свысока.

— Почемъ я знаю, состоится ли вечеръ,— отвѣтилъ Шумо
съ досадой.— Вы видите, я въ клѣткѣ.

— Ну-съ, до свиданья!—усмѣхнулся Шурагинъ, подавая Ш
мову руку «дощечкой» и смотря, по своему обыкновенію, не
глаза собесѣднику, а между глазъ.

— Сто, Сумовъ, скусненько? — прокартавилъ Масловъ, п
ходя на своихъ «пѣтушьихъ» ногахъ.

Шумовъ посмотрѣлъ на его бѣлокурое лицо, съ жиденьким
прилизанными волосами и расплывчатыми, мягкими чертами,
его золотые очки, подъ которыми суетливо бѣгали близорукіе, б
цвѣтные глаза, и произнесъ, слегка передразнивая его:

— Да, скусненько.

Масловъ не притѣснялъ гимназистовъ, не жаловался на ни
начальству, заигрывалъ со старшими, но почему-то всѣ отно
лись къ нему пренебрежительно и даже съ оттѣнкомъ непріязн
Онъ поступилъ недавно воспитателемъ и получилъ урокъ геог
фіи во 2-мъ классѣ. На первомъ же урокѣ отношенія учениковъ
нему сразу и надолго опредѣлились. Онъ вошелъ въ классъ т
жественно, въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговиц
въ высокомъ стоячемъ воротничкѣ, въ золотыхъ очкахъ, серь
ный и важный. Оглянувъ всѣхъ задумчивымъ взглядомъ, онъ п
осанился и началъ говорить рѣчь:

— Дѣти! Господа! Мы еще съ вами незнакомы, но я впеле

знаю, сто вы — дѣти холосыя... и я надѣюсь, сто мы будемъ съ вами холосыми длузьями... Поэтому, господа, я плосу васъ...

Ловко пущенная кѣмъ-то жеваная бумага попала ему въ лобъ и прервала его рѣчь. Классъ огласился фырканьемъ. Масловъ замеръ съ открытымъ ртомъ, потомъ смѣшно затоптался на мѣстѣ и крикнулъ голосомъ молодого пѣтуха:

— Мелзавцы!

— Ку-ку-ре-ку! — послышались голоса.

Тогда Масловъ въ ярости схватилъ Шатерникова, самаго скромнаго изъ всѣхъ, за шиворотъ и вышвырнулъ за дверь. Долго послѣ этого онъ ходилъ по классу, съ красными пятнами на щекахъ, и вытиралъ дрожащими руками очки; но не могъ уже попасть ни въ какой тонъ и тутъ же получилъ дружное прозвище «дрызглаго». Престижъ его сразу рухнулъ.

Теперь «дрызглый» стоялъ передъ Шумовымъ, моргая не то растерянно, не то сердито и, наконецъ, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ передразниванья.

— Плидется вамъ помолиться у насъ, плидется,— прокартавилъ онъ съ плохо скрытой язвительностью, мстя Шумову за насмѣшку, и, повернувшись на каблукахъ, заковылялъ по коридору своей торопливой, сѣменящей походкой.

«Помолиться...—думалъ Шумовъ, стискивая зубы.—Въ 6 часовъ всенощная: поведутъ въ церковь; а послѣ всенощной ни въ какомъ случаѣ не отпустятъ...»

«Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя...» — доносилось изъ отдаленнаго класса, гдѣ происходила передъ всенощною спѣвка.

«Вотъ принесли бы сейчасъ билетъ: теперь еще можно уйти, можно вырваться!» — съ тоскою думалъ Шумовъ.

«Свѣте тихій святыя славы...» — слышалось пѣніе, и острая, щемящая грусть заползала въ душу Шумова. Подъ стройные, протяжные звуки хора что-то плакало внутри Шумова, что-то росло и подступало къ горлу.

— Шумовъ, почему за вами не пришли? — спросилъ съ улыбочкой Павловичъ, неслышно подходя на своихъ толстыхъ пробковыхъ подошвахъ.

Гимназисты терпѣть не могли этого поляка съ грубымъ лицомъ, іезуитскими глазами, скверной улыбочкой на тонкихъ губахъ и кошачьей походкой. Онъ былъ по натурѣ соглядатаемъ и отдавался этому занятію съ какимъ-то сладострастіемъ: подглядывалъ, подслушивалъ, шарилъ потихоньку въ столахъ и вѣчно нашептывалъ

что-то директору. Чуриловъ почтилъ его слѣдующимъ куплетом въ своей поэмѣ *Гимназіада:*

Кури теперь съ оглядкой,—
Иначе не моги:
Завелъ Павловичъ гадкій
На пробкахъ сапоги!...

— Почему не пришли, а? — повторилъ свой вопросъ Павло вичъ. — Что-то странно... Почему васъ не хотятъ брать?

— Почемъ же я знаю? — угрюмо возразилъ Шумовъ, отвора чиваясь отъ Павловича.

— Хе, хе! Да ужъ вы не скрывайте, — продолжалъ Павловичъ вонзая въ Шумова сверкающій злорадствомъ взглядъ. — Что у васъ дома дѣлается, а? Здоровы ли ваши родители, а?

Павловичу хотѣлось выслѣдить не только гимназистовъ, но да же ихъ родственниковъ до седьмого колѣна. До гимназіи дошли тем ные слухи о неурядицѣ въ семействѣ Шумова, изъ-за которой Шу мовъ два года назадъ былъ отданъ въ пансіонъ. Раньше онъ былъ приходящимъ и жилъ у родителей; помѣщеніе его въ пансіонъ воз будило въ гимназіи разные толки и сплетни, порядкомъ измучив шіе Шумова. Одни говорили, что мать Шумова развелась съ от цомъ, который пьетъ горькую и подъ пьяную руку хочетъ всѣх перерѣзать; другіе шептали, что отецъ Шумова засталъ жену с любовникомъ и избилъ ее до полусмерти, а любовника ранилъ из пистолета; третьи высказывали предположеніе, что Шумовъ — не законнорожденный и что поэтому ему неудобно жить въ семьѣ, хо у него есть взрослыя сестры, къ которымъ сватаются женихи. Вс эти сплетни оскорбляли Шумова и заставляли его вѣчно держаться настороже. Въ немъ развилось недовѣріе къ товарищамъ, болѣз ненное самолюбіе, стремленіе уйти въ себя и замкнуться отъ окру жающихъ. Когда сплетни умолкали и никто не дотрогивался до ег больного мѣста, Шумовъ понемногу успокоивался и становился об щительнѣе. Теперь Павловичъ опять задѣлъ его больную струну, Шумовъ насторожился, ощетинясь, какъ ежъ...

— У меня дома ничего не дѣлается, — глухо сказалъ онъ.

— А зачѣмъ же васъ отдали въ пансіонъ? — возразилъ Павло вичъ тономъ слѣдователя, который ловитъ преступника неожидан нымъ вопросомъ.

— А зачѣмъ вамъ это знать? — рѣзко спросилъ Шумовъ.

— Хе, хе! — ехидно усмѣхнулся Павловичъ, наслаждаясь ег смущеніемъ.

Шумовъ молча повернулъ къ нему спину и вышелъ въ коридоръ. Тамъ его нагнала толпа пансіонеровъ.

— Шумовъ, Шумовъ!—кричали смѣющіеся голоса.—Буркинъ сейчасъ наплевалъ въ карманъ инспектору... Ха, ха, ха!

«Глупые, пошлые!»—говорилъ самъ съ собой Шумовъ, презрительно глядя на ватагу: все, заключенное въ стѣнахъ гимназіи, казалось ему скучнымъ, назойливо тоскливымъ, и самъ онъ себѣ представлялся жалкимъ, глупымъ и непріятнымъ.

Буркинъ, зажавъ носъ отъ смѣха, выбѣжалъ въ коридоръ и, завидя «дрызглаго», бросился къ нему.

— Петръ Ивановичъ, вы нынче ночной?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Масловъ, пугливо озираясь по сторонамъ, какъ заяцъ.

— Такъ позвольте мнѣ слопать вашъ вечерній чай и булку.

— Нѣтъ, мнѣ! Нѣтъ, мнѣ!—раздались голоса подоспѣвшихъ пансіонеровъ.

Масловъ, окруженный «старшими», краснѣлъ и смущенно моргалъ, не зная, что ему дѣлать.

— Сто это, господа, точно дѣти?—говорилъ онъ, неловко усмѣхаясь.—Плаво, смѣсно... Ну, холосо... Ну, пусть Булкинъ возьметъ булку.

— Его кукурекутство обѣщалъ мнѣ!—возгласилъ Буркинъ и захрюкалъ при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

— Ш...Шумовъ... х...хотите с...слона дѣлать?—спросилъ шестиклассникъ Малевинскій, силачъ и заика, съ мозгами пятилѣтняго ребенка.

— Слона! слона!—закричали Семеновъ, Лысковъ, Воскресенскій и еще нѣсколько дюжихъ парней, которыхъ давно уже брилъ казенный цирульникъ.

Они подхватили Шумова. Тотъ сердито рванулся и отошелъ въ сторону. «Господи, скоро ли я уйду отсюда?»—простоналъ онъ про себя.

— На пошехонцевъ любуетесь?—спросилъ Чуриловъ, указывая на устроителей «слона».

Прозвище «пошехонцевъ» получилъ, съ легкой руки Чурилова, особый разрядъ пансіонеровъ; тутъ были и тамбовскіе, и калужскіе, были изъ Серпухова, Каширы, Моршанска, но всѣхъ «пошехонцевъ» связывала какая-то общая черта, какое-то сродство натуръ, взглядовъ, интересовъ: всѣ они обладали громаднымъ аппетитомъ, туповатыми лицами и веревочными нервами. «Пошехонцы» дивленно расширяли глаза и хихикали, если при нихъ заходила

рѣчь о литературѣ, наукѣ, общественныхъ дѣлахъ, и сами больш всего интересовались вопросомъ, какое за обѣдомъ пирожное и вы дадутъ ли имъ, при отпускѣ домой, новые мундиры? Чуриловъ во спѣлъ ихъ въ своей «Гимназіадѣ»:

Могутъ спать они хоть сутки,
Вѣчно чавкаютъ ихъ рты,
Вѣчно полны ихъ желудки,
Вѣчно головы пусты.

—

Какъ невинны ихъ забавы!
То «Стрѣлочка» запоютъ,
То, не мудрствуя лукаво,
Стѣнки строятъ, масло жмутъ.

—

То слона по классу водятъ.
И стою я изумленъ:
Изъ шестиословъ выходитъ
Настоящій цѣлый слонъ!

— Какова наша любезная Пошехонія?—говорилъ Чуриловъ Шумову, указывая на «слона», торжественно двигающагося по коридору. — Эй, головоняты, Маѳусаилъ идетъ!—закричалъ онъ завидя дряхлую фигуру надзирателя-нѣмца, Блюма.

«Слонъ» мгновенно разсыпался. Маленькіе, сопровождавшіе его, шарахнулись во всѣ стороны.

— Шо?—закричалъ Блюмъ, хватая неповинную «инфузорію».—Та фотъ арэстъ фъ нишній кариторъ, на фистафку!

— За что, Антонъ Иванычъ? Это не я, право не я!

— Та фотъ на фистафку!... Я фсе снаю... фсе...

И поволокъ «Инфузорію» внизъ.

— У-тю-тю!!—кричали вслѣдъ Лысковъ и Семеновъ.

Въ коридорѣ появился инспекторъ, русскій нѣмецъ, съ оловянными глазами на выкатѣ и самодовольнымъ лицомъ.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ инспекторъ, ковыряя по привычкѣ пальцами въ ушахъ.

— Та фотъ шумѣлъ.

— Ей-Богу, не я!—слезливо оправдывалась «Инфузорія».

— Что?... Безъ чаю нынче... Что?... Кланяйся бабушкѣ!... Что?...

И, не дожидаясь отвѣта, обратился къ Шумову:

— Ты безъ отпуска сидишь? Что? (По примѣру директора, онъ говорилъ всѣмъ *ты*).

— Нѣтъ, я не оставленъ безъ отпуска.

— Что?... Ну, вотъ и сиди. Кланяйся бабушкѣ,—повторилъ онъ свою любимую остроту.

— Я не оставленъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Какъ?... Что?... Охъ, какой ты!...

Онъ стоялъ передъ Шумовымъ, уставя на него свои большіе, выпуклые глаза и роясь, по своему обыкновенію, въ глубокихъ карманахъ брюкъ.

— Охъ, какой ты безобразный!—произнесъ онъ, не зная, что сказать, повернулся и ушелъ.

«Хорошо сдѣлалъ Буркинъ, что наплевалъ ему въ карманъ»,—подумалъ Шумовъ.

— Сумовъ, васъ билетъ!—торжественно возвѣстилъ Масловъ и пошелъ къ конторкѣ, стараясь на ходу важно покачиваться, какъ это дѣлалъ директоръ.

Шумовъ со всѣхъ ногъ бросился за нимъ, и Масловъ въ эту минуту казался ему не дрызглымъ, а необыкновенно добрымъ и милымъ; даже на Лыскова, который попался ему навстрѣчу, онъ взглянулъ примирительно и ласково.

— До свиданія, Петръ Ивановичъ!—почтительно раскланялся Шумовъ, получивъ отъ Маслова отпускъ и захлебываясь отъ удовольствія.

Масловъ надменно кивнулъ ему головой, что̀ очень не шло къ его мизерной фигурѣ.

«Эхъ ты, дрызгунъ!»—весело воскликнулъ Шумовъ, очутившись въ коридорѣ.

Раздался рѣзкій звонокъ, призывающій въ церковь. «Врешь, теперь меня не воротишь!»—сказалъ Шумовъ, сбѣгая въ радостномъ волненіи по лѣстницѣ.

II.

Шумовъ готовился увидѣть въ швейцарской дворника, но вмѣсто этого увидалъ сгорбленную фигуру отца, который разговаривалъ съ швейцаромъ. Въ сердцѣ Сергѣя вспыхнула горячая любовь къ отцу; но когда онъ увидалъ его грязную, оборванную шубу, услыхалъ его не совсѣмъ твердую рѣчь, доброе чувство смѣнилось въ немъ стыдомъ и досадой. Онъ остановился на серединѣ лѣстницы и оглянулся съ безпокойствомъ. Сверху доносился топотъ ногъ и смѣшанный звукъ голосовъ: это гимназисты шли въ церковь.

— Катались и мы въ коляскахъ,—говорилъ человѣкъ въ шубѣ швейцару, который разсматривалъ его съ нахальнымъ любопытствомъ:—такимъ холуямъ, какъ ты, по зелененькой на чай давали... А, узникъ!—привѣтствовалъ онъ сына и, пошатываясь, устремился къ нему навстрѣчу.

Сергѣй покраснѣлъ отъ стыда: надъ лѣстницей проходили попарно гимназисты и черезъ перила засматривали въ швейцарскую.

— Здравствуйте,—пробормоталъ онъ отцу, торопясь къ выходу.

— Такъ-то ты здороваешься съ отцомъ?—произнесъ Павелъ Петровичъ, путаясь въ шубѣ, и затѣмъ, обращаясь къ швейцару, прибавилъ:—нынѣче пятая заповѣдь читается по новому: «Чти сына твоего и дочь твою»... Вотъ оно какъ!

Швейцаръ ухмыльнулся. Наверху кто-то фыркнулъ.

— Съ мухой!—послышался голосъ Буркина.

Павловичъ перевѣсился черезъ перила и смотрѣлъ внизъ.

— Пойдемте же!—проскрежеталъ Сергѣй.

Швейцаръ нехотя и съ возмутительной медленностью пріотворилъ дверь. Павелъ Петровичъ, сердито бормоча что-то, бокомъ пролѣзъ въ дверь вслѣдъ за сыномъ и, выйдя на подъѣздъ, сильно качнулся.

— Зачѣмъ вы пришли за мной въ такомъ видѣ?—раздражительно сказалъ Сергѣй, которому казалось, что вся гимназія смотритъ на нихъ.

— Свинья ты!—отозвался Павелъ Петровичъ, неловко запахивая на ходу свою мизерную шубу.—Я одинъ вспомнилъ о тебѣ, и ты вотъ какъ благодаришь меня за это.

У Сергѣя кольнуло въ сердцѣ. Но онъ вспомнилъ, что на нихъ, можетъ быть, смотрятъ съ насмѣшкой, и гнѣвно отвернулся отъ отца. Павелъ Петровичъ, едва поспѣвая, слѣдовалъ за нимъ и при этомъ страшно стучалъ полуразвалившимися ботиками. Было начало марта; въ воздухѣ носилось первое дыханіе весны; снѣгъ только-что начиналъ таять, и вдоль тротуаровъ текли грязные ручьи. Въ шубѣ, конечно, было жарко, и Павелъ Петровичъ поминутно вытиралъ потное лицо какимъ-то грязнымъ комочкомъ, изображавшимъ носовой платокъ.

«Ну кто теперь ходитъ въ шубѣ,—кто, кто?»—съ ожесточеніемъ твердилъ про себя Сергѣй, косясь на сердитое и вмѣстѣ жалкое лицо отца. Онъ старался вызвать въ себѣ добрыя чувства, но этому поминутно мѣшалъ грязный комочекъ и стоптанные ботики.

— Отца стыдишься?—говорилъ, тяжело дыша, Павелъ Петро

вичъ.—Глупо, подло... Ты проживи сначала съ мое, выпей чашу... Молокососъ! Погоди, умру,—вспомнишь отца... впомнишь Бога.

Сергѣй, не оборачиваясь, слушалъ его, и радость свободы, только-что наполнявшая всю его душу, быстро исчезала: отецъ, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, посылалъ ему въ догонку свои жалкія слова, точно отравленныя стрѣлы, и Сергѣй, самъ не замѣчая, прибавлялъ шагу, какъ будто спасаясь отъ преслѣдованія. Тоска гимназическая уступала мѣсто домашней тоскѣ, столь знакомой Сергѣю, и онъ не зналъ, которая изъ двухъ хуже. Укоры отца, его скрежетаніе ботиками по тротуару, его припухшее, землистаго цвѣта лицо съ налипшими на потномъ лбу волосами—все это возбуждало въ Сергѣе глухую вражду, смѣшанную съ жгучей болью. Вырвавшись изъ-за казенныхъ стѣнъ, онъ мечталъ насладиться свободой, беззаботностью, разнообразіемъ впечатлѣній, стряхнуть съ себя гнетущую скуку,—и вотъ, вмѣсто всего этого, его встрѣчаютъ жалкія слова, жалкія впечатлѣнія, монотонные, ноющіе звуки! «Другіе выходятъ къ своимъ роднымъ смѣло, спокойно, гордятся ими,—думалъ Сергѣй подъ аккомпаниментъ отцовскихъ попрековъ,—а я вѣчно долженъ бояться стыда, скандала, униженія. Отовсюду только и жди гадостей!»

И онъ въ эту минуту желалъ, чтобъ отецъ умеръ, скрылся бы куда-нибудь, пропалъ безъ вѣсти. Подъ гнетомъ накипѣвшихъ въ немъ злыхъ, горькихъ и жалкихъ чувствъ, онъ обернулся къ отцу и, прерывая его брюзгливо-жалобный монологъ, сказалъ дрожащимъ отъ гнѣва и боли голосомъ:

— Вы только срамите меня передъ товарищами... передъ этимъ животнымъ, Павловичемъ... передъ швейцаромъ. Какой-нибудь идіотъ Буркинъ позволяетъ себѣ насмѣхаться... Всегда только однѣ непріятности отъ васъ, всегда, всегда!

— Скотина ты!—выругался Павелъ Петровичъ и, плюнувъ, круто повернулъ въ сторону отъ сына.

Сергѣй стоялъ, какъ прикованный, и глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ что-то гадкое: «Теперь отецъ съ горя пойдетъ въ трактиръ и напьется, а я могъ бы удержать его отъ этого; отецъ много выстрадалъ, онъ больной и несчастный, у него никого нѣтъ на старости лѣтъ, кромѣ меня: вѣдь, всѣ остальные пренебрегаютъ имъ». Сергѣй смотрѣлъ, какъ Павелъ Петровичъ, сгорбившись и понуривъ голову, шелъ неровными шагами, а шуба какъ-то смѣшно заплеталась около его ногъ. Видно было, что онъ усталъ и шагаетъ черезъ силу. У Сергѣя болѣзненно заныло сердце. Когда онъ шелъ рядомъ съ отцомъ, смѣшная шуба вызывала

въ немъ раздраженіе; а когда отецъ удалился отъ него, та
смѣшная шуба переворачивала въ немъ душу, и чѣмъ смѣшн
казался отецъ, тѣмъ больнѣе дѣлалось за него сыну. Сергѣй по
чувствовалъ, что любитъ этого сгорбленнаго человѣка,—любит
больною, мучительною любовью. «Вернитесь, папа!»—хотѣлъ он
крикнуть, но вдругъ его остановила мысль, что какъ только он
пойдутъ рядомъ, такъ сейчасъ же опять начнутъ мучить и ос
корблять другъ друга.

Павелъ Петровичъ скрылся за угломъ, а Сергѣй, точно по
терявъ что-то очень нужное, растерянно побрелъ дальше. Пол
часа назадъ, онъ смотрѣлъ изъ оконъ гимназіи на улицу, и ем
казалось, что стоитъ только покинуть гимназическія стѣны, по
чуять свободу,—и сразу станешь добрымъ, счастливымъ, вели
кодушнымъ; теперь же онъ не ощущалъ сладости свободы, как
будто унесъ съ собой изъ гимназіи все, что такъ угнетало его
раздраженіе, тоску, больное самолюбіе. На свѣжемъ воздухѣ, сред
зарождающейся весенней жизни, онъ чувствовалъ себя по прежн
нему связаннымъ чѣмъ-то, что давитъ ему грудь, и ему вспо
мнилась сказка о *Стромъ горѣ*, которое привязалось къ человѣ
ку и всюду сопровождало его, какъ тѣнь.

III.

Въ передней Сергѣя встрѣтила пожилая женщина, худенькая
вертлявая, юркая, съ крайне-подвижнымъ, смуглымъ лицомъ. Эт
была Евгенія Петровна, тетка Сергѣя по отцу.

— Сережа!—воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто н
видала его цѣлую вѣчность, и звонко чмокнула племянника в
щеку.—Что это, какъ ты поздно? Ужъ мы ждали, ждали тебя
конечно, не *они* (она кивнула по направленію гостиной), а я с
Павломъ... Катишь тоже дожидалась себя... Павелъ Петровичъ захо
дилъ три раза, справлялся о тебѣ. Что, хорошо нынче на дворѣ?..
Ну, вотъ и отлично, что ты пришелъ! *Имъ*, конечно, что? (он
понизила голосъ и мотнула головой въ сторону гостиной). Имъ на
плевать, ты самъ знаешь. А кстати: кто же ходилъ за тобой?—
вдругъ спохватилась она.—Дворника услали на товарную станцію
Я сама хотѣла идти за тобой, да замоталась тутъ съ ними. Ме
чешься весь день, какъ угорѣлая!

— За мной отецъ пришелъ.

— Ну? Вотъ такъ штука!... Трезвый?

— Не совсѣмъ.

— Ай, ай, ай! Да ты обѣдалъ?

— Нѣтъ, не хотѣлось.

— Неужели? До сихъ поръ? Ну, да постой, я тебѣ сейчасъ приготовлю: велю биточки разогрѣть, вафли... Мы съ тобой вотъ какъ кутнемъ! (она удальски подмигнула). *Имъ*, конечно, и въ голову не придетъ, обѣдалъ ли ты: сытый голоднаго не разумѣетъ. Ну, да мы и безъ нихъ обойдемся... Я тебѣ въ угловой соберу: въ столовой скоро чай будетъ. А дѣлишки твои какъ? Гимназія, чай, до смерти опостылѣла? Сидишь, чай, тамъ да думаешь: «провалиться бы вамъ всѣмъ, окаяннымъ!» А? Ха, ха, ха! Папиросочку!

Она протянула ему портсигаръ и сама закурила, затягиваясь взасосъ.

— Ты выкури уже здѣсь. Ну ихъ! (Она кивнула на гостиную). Не стоитъ связываться. Табакъ-то хорошій, крѣпкій: безъ бандероли покупаю. Люблю изрѣдка курнуть. Не даромъ говорится: «Папироска, другъ мой тайный»...

— Евгенія Петровна!—послышался болѣзненный и какъ будто вѣчно недовольный голосъ, хорошо знакомый Сергѣю.

— Иду, иду, Людмила Степановна!—крикнула въ отвѣтъ Евгенія Петровна, наскоро затянулась, потушила папироску и стремглавъ бросилась въ гостиную.

Сергѣй пошелъ за ней, но въ маленькой комнатѣ рядомъ съ гостиной увидалъ старшую сестру, Елену.

— Здравствуй,—сказалъ онъ и присѣлъ на подоконникъ.

Елена рылась на этажеркѣ въ грудѣ тетрадокъ и, не оборачиваясь, поздоровалась съ братомъ. Ей было не до него: она кончала гимназію и усердно готовилась къ экзаменамъ. Съ перваго же взгляда бросалось въ глаза отсутствіе всякаго фамильнаго сходства между братомъ и сестрой. У Сергѣя были, какъ у отца, большія руки и ноги, широкія плечи, сутуловатая отцовская спина, сѣрые угрюмые глаза въ глубокихъ впадинахъ и рѣзкія, неловкія манеры; у Елены—тонкая, стройная фигура, маленькія, красивыя руки, на которыхъ никогда не было чернильныхъ пятенъ, хотя Еленѣ приходилось писать очень много,—холодные голубые, съ зеленоватымъ отливомъ глаза, въ которыхъ застыло разъ навсегда выраженіе сухой спокойной дѣловитости и самодовольства, неторопливыя, граціозныя движенія и тонкія губы, на которыхъ изрѣдка появлялась легкая, холодная усмѣшка. У Сергѣя голосъ звучалъ глухо и часто обрывался; у Елены онъ звучалъ всегда ровно и металлически отчетливо. Все въ ней, начиная съ гладкой, тщательно сдѣланной прически и кончая безукоризненно чистымъ воротнич-

комъ, краснорѣчиво говорили, что ее никогда нельзя застать вра плохъ. Въ Сергѣѣ отразился отецъ, въ Еленѣ—мать. Можетъ бы эта органическая противоположность натуръ и была главной пр чиной той глухой вражды, которая чувствовалась между брато и сестрой.

— Все зубришь? — спросилъ насмѣшливо Сергѣй, уколот небрежнымъ привѣтствіемъ сестры.

— Не у всѣхъ же такія геніальныя способности, какъ у т бя,—отвѣтила Елена съ той ироніей, которою она всегда бѣси брата.

— Ты роешься въ своихъ тетрадкахъ съ такимъ видомъ, ка будто спасаешь отечество,—насмѣхался Сергѣй.

— А у тебя, кажется, все двойки пошли? Это очень похвал но. Продолжай въ томъ же духѣ.

— Вѣдь, что всего смѣшнѣе, — говорилъ съ раздраженіе Сергѣй: — мы если зубримъ, такъ по крайней мѣрѣ знаемъ, ч это—идіотское занятіе; а вы, гимназистки, не просто зубрите: священнодѣйствуете! Вокабулы надо выписать — священнодѣйс віе; затвердить глупую страничку изъ вашей дурацкой педагог ки—опять священнодѣйствіе; разсмотрѣть ножки у козявки—то священнодѣйствіе! И во всемъ такъ... Какое-то козявочное св щеннодѣйствіе!...

Елена не обращала на него вниманія: она подбирала листк записокъ по русской словесности.

— Я увѣренъ,—продолжалъ Сергѣй злымъ голосомъ, — ч загорись сейчасъ домъ, провались крыша, умри на твоихъ глаза человѣкъ,—ты, все-таки, не оторвешься отъ своихъ жалкихъ т традокъ.

Елена презрительно молчала.

— Ты можешь годъ проносить рукавчики и, все-таки, н нихъ пятнышка не будетъ. Какъ это ты ухитряешься?—спросил Сергѣй, которому почему-то рукавчики сестры сдѣлались вдру ненавистными.

Елена слегка повела плечомъ и молча приподняла брови, как бы изумляясь пошлости брата. Она давно составила себѣ вполн опредѣленные взгляды на все въ мірѣ и даже за предѣлами его такъ упорно застыла въ этихъ взглядахъ, что всѣ слова, поступк мысли, противорѣчащіе имъ, заранѣе осуждались ею, какъ ничтож ныя и вредныя глупости, не заслуживающія ни малѣйшаго вним нія. Она давно рѣшила, что надо кончить курсъ съ медалью, чт воротничокъ долженъ быть безукоризненно чистымъ, талія затяну

га въ корсетъ, волосы тщательно причесаны, что, сидя, не слѣдуетъ класть ногу на ногу, что ходить по вечерамъ одной—неприлично, вмѣшиваться въ чужія дѣла—безтактно, что отъ отца надо держаться подальше, что тетка—болтунья, а Сергѣй—вздорный мальчишка, съ которымъ лучше не связываться. Заковавшись въ такіе взгляды, какъ въ броню, она сдѣлалась неуязвима и всегда отлично знала, что надо говорить, дѣлать, какъ вести себя.

— Ты мнѣ напоминаешь весталку, которая поддерживаетъ священный огонь въ храмѣ, — сказалъ Сергѣй, возмущенный ея невозмутимостью.—У вашего дѣвичьяго племени и безъ того мозговъ мало, а вы и послѣдніе изсушите зубрежкой. Эхъ, вы!

— Какой надоѣдливый мальчишка!—сказала Елена съ видомъ человѣка, отмахивающагося отъ мухи, взяла тетради и вышла.

— Это бабьё всегда страшно важничаетъ, — замѣтилъ ей вслѣдъ Сергѣй.

Но едва она вышла, лицо его изъ грубо - насмѣшливаго сдѣлалось тоскливымъ. «Эхъ, какъ все мерзко»!— пронеслось у него въ головѣ. Вспомнивъ, что онъ еще не поздоровался съ матерью, Сергѣй направился въ гостиную, откуда слышались голоса матери и тетки:

— Такъ это Павелъ Петровичъ изволилъ придти за нимъ?

— Онъ, онъ... Взялъ билетъ и пошелъ. Я ужъ удерживала его, Людмила Степановна, да развѣ онъ кого-нибудь послушается? Вѣдь, онъ упрямъ, какъ волъ.

— Онъ, конечно, пошелъ только для того, чтобы показать, какой онъ примѣрный отецъ, — сказала Людмила Степановна съ злою ноткой въ голосѣ.

— Какой уже примѣрный! Одинъ грѣхъ съ нимъ. Какъ выпьетъ, такъ и пойдетъ колобродить.

— Значитъ, онъ въ гимназію явился въ пьяномъ видѣ? Прелестно!... Скоро изъ-за него нельзя будетъ никуда глазъ показать. Боже, когда ты меня избавишь отъ этого человѣка?

— Да ужъ истинная правда!—подхватила тетка съ одушевленіемъ (она всегда говорила съ одушевленіемъ).—Добрый онъ человѣкъ, да ужъ и несносный! Твержу, твержу ему: «не ходи, не компрометируй семью, вѣдь, у тебя дочь-невѣста»,—такъ вотъ нѣтъ же! Ну, ужъ пилъ бы у себя дома, въ своей норьѣ, если слабость такая,—а то, вѣдь, охмѣлѣетъ и пойдетъ чудить, и пойдетъ, и пойдетъ! Ужъ такой безпокойный человѣкъ, такой неглижеръ, что, хоть кого ни возьми, изъ терпѣнья выведетъ!

— Переметная сума! — прошепталъ Сергѣй. — Здравству
мама, — прибавилъ онъ, вступая въ гостиную.

— Здравствуй, — кивнула ему мать.

Она не любила цѣловаться, а Сергѣй не хотѣлъ цѣловат
нея руку; поэтому ихъ встрѣчи ограничивались сухими: «Здр
ствуйте». «Добраго утра» и т. п. Тетка, увидавъ Сергѣя, сму
лась, но сейчасъ же оправилась.

— Такъ я пойду, Людмила Степановна, приготовлю бар
нямъ чай? Вонъ, ужъ онѣ, кажется, пришли, — прибавила она,
слышавъ на антресоляхъ говоръ и смѣхъ гимназистокъ.

— Да, да, приготовьте имъ, пожалуйста, все сразу, чт
потомъ не мѣшать ихъ занятіямъ.

— Знаю я ихъ занятія! Соберутся: «хи, хи, хи» да «ха,
ха»! А потомъ всю ночь до утра сидятъ за книгами.

Она торопливо вышла изъ комнаты, подмигнувъ мимоход
Сергѣю, какъ своему заговорщику; Сергѣй взглянулъ на нее
сумрачнымъ недоумѣніемъ. Черезъ минуту наверху уже слыша
ея пронзительный хохотъ и веселыя восклицанія гимназистокъ.

Сергѣй остался вдвоемъ съ матерью. Оба молчали. Людм
Степановна вздохнула и въ изнеможеніи закрыла глаза. Сергѣй
отрываясь, смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ проникнут
мыслью, что эта женщина — его родная мать. Онъ помнилъ,
когда-то давно она ласкала его, но послѣ этого прошелъ рядъ
лодныхъ, неласковыхъ лѣтъ, и въ его сердцѣ не осталось никак
слѣда отъ этихъ ласкъ. «Вотъ Елена лѣтъ черезъ пятнадцать с
лается точно такой», — думалъ Сергѣй, разсматривая мать.

И правда: тѣ же правильныя, красивыя, холодныя черты ли
тѣ же маленькія, бѣлыя руки, съ длинными, точно выточенны
изъ слоновой кости ногтями, та же тонкая, стройная фигура,
же свѣтлые, равнодушные глаза; только у Елены нѣтъ тонки
морщинокъ и выраженія усталости въ лицѣ. Сергѣю мать все
казазалась какимъ-то сфинксомъ, котораго онъ не могъ разгада
что она чувствуетъ? какъ чувствуетъ? о чемъ мечтаетъ, о че
думаетъ, да и думаетъ ли?

— Что ты такъ уставился на меня? — съ неудовольствіемъ
мѣтила Людмила Степановна, взглянувъ мелкомъ на сына.

— Ничего... такъ.

— Это дурная манера: вытаращить глаза и смотрѣть на ко
нибудь въ упоръ.

Она опять вздохнула и, откинувшись на спинку покойн
кресла, закрыла глаза. Лицо ея какъ будто говорило: «Какъ

не надоѣло! Какъ все тяжело и скучно!»...—«Вотъ я и въ родной семьѣ!—съ горечью думалъ Сергѣй.—Нечего сказать, хороши родительскія объятія!»

— Въ какомъ видѣ отецъ приходилъ сегодня за тобой въ гимназію?—спросила слабымъ голосомъ мать.

— Да ничего... въ обыкновенномъ.

— То-есть въ пьяномъ? Кажется, это его обычный видъ.

— Нѣтъ, онъ ничего...

Что-то побуждало Сергѣя защищать отца передъ матерью. Людмила Степановна брезгливо сморщилась.

— Да, вѣдь, я и забыла, что отъ тебя правды не добьешься,—произнесла она и откинулась на спинку кресла съ такимъ видомъ, точно объявляла аудіенцію оконченной.

Вошелъ господинъ лѣтъ сорока, гладко стриженный, чисто выбритый, прямой, какъ палка, съ желчнымъ лицомъ, низкимъ лбомъ и холодными умными глазами. Это былъ старинный другъ дома, присяжный повѣренный Владиміръ Николаевичъ Виржиновъ.

— Здравствуй, Сергѣй,—процѣдилъ онъ.

Сергѣй молча поклонился. Онъ никогда не любилъ Виржинова, но съ тѣхъ поръ, какъ, по его настоянію, мать отдала Сергѣя въ пансіонъ, онъ возненавидѣлъ Виржинова. Сергѣй былъ увѣренъ, что изъ-за него пошелъ разладъ между матерью и отцомъ, что изъ-за него запилъ отецъ. Онъ ненавидѣлъ его за то, что тотъ распоряжался въ его семьѣ, какъ хозяинъ, ненавидѣлъ его за диктаторскій тонъ, за его желчный смѣхъ, за его манеру рѣзко отчеканивать слова... даже за его гладко стриженый затылокъ.

Виржиновъ поцѣловалъ у Людмилы Степановны руку, лѣниво опустился въ кресло, лѣниво протянулъ ноги и, высоко поднявъ брови, занялся оттачиваніемъ ногтей. Въ его лицѣ застыло какое-то умышленное выраженіе, какъ у человѣка, который знаетъ про тебя что-то очень скверное и только ждетъ случая, чтобы накрыть тебя. По профессіи своей онъ защищалъ подсудимаго, но по наружности казалось, что онъ готовитъ противъ него тяжкое обвиненіе.

— Вы знаете, какъ отличился сегодня Павелъ Петровичъ?—сказала Людмила Степановна и продолжала затѣмъ въ полголоса по-французски.

Виржиновъ слушалъ, презрительно оттопыривъ губы.

— Пора вамъ привыкнуть къ выходкамъ Павла Петровича,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Чего можно ждать отъ человѣка, сдѣлавшагося забулдыгой?

Сергѣй слушалъ, и ему было обидно за отца, въ которомъ онъ

видѣлъ теперь добраго и несчастнаго человѣка, жертву этихъ дв заговорщиковъ, не стѣсняющихся позорить его въ присутствіи на. И Сергѣю казалось теперь, что отецъ для него—родной, бл кій, а мать—чужая... Вслушиваясь въ шепотъ Виржинова съ терью, онъ уловилъ слова: «ты» и «ma chère» и бросилъ на В жинова взглядъ, полный ненависти.

— Ты бы хоть остригся, Сергѣй: что это за лохмы у тебя т чатъ?—сказалъ Виржиновъ, замѣтивъ его взглядъ.—На вотъ д гривенный: ступай, остригись.

— Не намѣренъ.

— Что ты дерзишь!

— У насъ въ гимназіи очень заботятся объ этомъ, значи ваши заботы излишни,—отрѣзалъ Сергѣй и хотѣлъ встать, вдругъ услыхалъ изъ передней голосъ, отъ котораго у него мерло сердце.

— Познякова пришла,—замѣтила Людмила Степановна.

— А!— промолвилъ Виржиновъ и обернулся.

По лѣстницѣ затопали ноги, и раздались голоса гимназисто сбѣгавшихъ внизъ:

— Познякова, мы думали, ты не придешь!—Вотъ милочка это!—Какая ты прелесть!... Душка!

Передняя огласилась пронзительными поцѣлуями. Сергѣй кр ко сжималъ ручку кресла и сидѣлъ, не двигаясь, съ сильно бь щимся сердцемъ: въ гостиную входила Познякова въ сопровожде Елены и трехъ гимназистокъ. Она была удивительно хороша: ч ные бархатные глаза, необыкновенно изящный овалъ лица и бе на жизни въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи. Она вездѣ ч ствовала себя царицей и относилась ко всѣмъ съ едва уловимы добродушнымъ пренебреженіемъ. Гимназистки видимо обожали только Елена по-прежнему смотрѣла невозмутимо.

Виржиновъ, при появленіи Позняковой, засуетился въ крес поспѣшно вынулъ пенснэ и приставилъ его къ глазамъ; сухое л его сдѣлалось сладкимъ.

— Здравствуйте, Людмила Степановна! — сказала Позняк грудным контральто, протягивая руку; потомъ, отвѣчая на л безный поклонъ Виржинова, граціозно наклонила свою античн голову.

Сергѣю казалось, что какъ только вошла Познякова, всѣ точ полиняли, и не хотѣлось ни на кого смотрѣть. Въ то же время в исключая Елены, были такъ или иначе возбуждены: вмѣстѣ съ

ковой въ гостиную хлынула волна какой-то яркой, приподнятой жизни, что-то тревожное и вмѣстѣ праздничное.

— А, мой философъ!—сказала съ ласковою усмѣшкой Познякова.—Вы все занимаетесь высокими матеріями?

Сергѣй вспыхнулъ, растерялся и, здороваясь съ ней, наступилъ на ногу Виржинову.

— Этакій обломъ!—выругался тотъ, морщась отъ боли.

Всѣ засмѣялись. Сергѣй готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Всѣ великіе люди разсѣянны,—сказала шутливо Познякова.

Сергѣй глядѣлъ на нее, восхищался ея улыбкой, повторялъ мысленно звуки ея голоса. Смотря на ея блестящіе, смѣющіеся глаза, видя передъ собой ея мелкіе, ослѣпительно-бѣлые зубы, онъ моргалъ, какъ отъ слишкомъ яркаго свѣта, и не умно улыбался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что онъ передъ нею не болѣе какъ глупый, нескладный мальчишка. Онъ зналъ, что она смотритъ на него какъ на мальчика, и если позволяетъ себѣ съ нимъ иногда невинное кокетство, то потому только, что онъ—не настоящій мужчина. Онъ смутно понималъ, что Позняковой нравится не самъ онъ, угрюмый гимназистъ, застѣнчивый и грубоватый, а его чувство, его слѣпое обожаніе. Онъ никогда не разсчитывалъ на взаимность и только по временамъ, слоняясь до изнеможенія по скучнымъ коридорамъ гимназіи, одурялъ себя сладкими мечтами до того, что переставалъ отличать иллюзію отъ дѣйствительности.

Вдругъ онъ вспомнилъ слова Виржинова: «Что это за лохмы у тебя торчатъ?»—и торопливо провелъ рукой по волосамъ. Въ немъ ныло что-то тревожное и мучительно-сладкое. Гимназистки, изъ которыхъ двѣ—Бакина и Токмакова—были знакомы Сергѣю, затараторили что-то быстро-быстро объ экзаменахъ. Комната наполнилась шумомъ звонкихъ голосовъ. Разгорячившись, гимназистки стрекотали вперебой; поминутно слышалось: «физика», «педагогика», «страшно трудный билетъ», «батюшка», «хронологія», «сочиненіе» и т. п. Третья гимназистка, Клара Шумахеръ, маленькая, черненькая, крайне нервная, то ахала при мысли объ экзаменахъ, то необузданно восхищалась Позняковой. Елена своимъ ровнымъ, металлическимъ тономъ распредѣляла сроки на подготовку и высчитывала дни. Познякова говорила меньше всѣхъ, но послѣ каждой фразы ея Сергѣй долго не понималъ, что говорили другія, и все прислушивался къ звукамъ ея контральто. Виржиновъ, съ несвойственною ему приторною улыбкой, все старался заговорить съ Позняковой, не обращая вниманія на ревнивые взгляды, бросаемые на него Людмилой Степановной.

— Счастливая вы!—твердилъ онъ.—Навѣрное, ничего не лаете, а получаете по всѣмъ предметамъ двѣнадцать... Хе-хе!..

Онъ засмѣялся своимъ деревяннымъ смѣхомъ, показавъ этомъ скверные зубы.

— Въ самомъ дѣлѣ, Валентина, ты совсѣмъ излѣнтяйнич лась,—замѣтила Елена.

Сергѣй подумалъ при этомъ, что такая красавица не може не лѣниться и что вообще лѣнь—очень завидное качество.

— Тебя надо присадить, Валентина,—прибавила Елена.

— Да, да, будемъ зубрить,—разсѣянно согласилась Познякова.—Елена у насъ классной дамой: мы надѣемся на нее, какъ каменную стѣну.

— Главное, это—алгебраическія задачи!—воскликнула Бакина, худенькая, востроносая.—Боюсь ихъ до смерти! А ты, Елена? Я выпишу всѣ формулы на манжетахъ. А ты?... А ты? совала она ко всѣмъ, точно собираясь уколоть ихъ своимъ острымъ носкомъ.

— Алгебра—это ужасъ что такое! — отозвалась Шумахер тончайшимъ голоскомъ.—Провалюсь, провалюсь!

— А ужъ я-то навѣрное!—засмѣялась Познякова.

— Ты, милочка?... Ты, ты?...

И Шумахеръ, не находя достаточно сильныхъ словъ, оглуш тельно поцѣловала ее.

— Хорошо, если бы Александръ Дмитріевичъ пришелъ,—ска зала Бакина:—онъ бы помогъ намъ въ задачахъ. Эти уравнен хоть кого съ ума сведутъ!

— Дай-то Богъ, чтобъ Александръ Дмитріевичъ пришелъ!— подхватила Токмакова, пухлая, поминутно краснѣющая блондин ка, вся сотканная изъ добродушія.—Съ нимъ такъ весело зани маться!—пояснила она и вдругъ вся побагровѣла, какъ клюква.

— Придетъ онъ сегодня?—спросила Бакъ будто вскользь Поз някова у Елены, но Сергѣю показалась, что это—первая фраза которую она сказала здѣсь вполнѣ серьезно,—и его что-то укололо

— Онъ былъ здѣсь передъ обѣдомъ, давалъ урокъ Катѣ, вечеромъ едва ли будетъ,—отвѣтила Елена.—Завтра днемъ обѣ щалъ. Приходите задачи дѣлать; а теперь пойдемте учить словес ность: тамъ страшно много. Пойдемте, пойдемте, — будетъ бол тать!...

— Лѣнь, голубчикъ!—капризно протянула Познякова.

— Глупости!—отрѣзала Елена.—Пойдемте: тамъ объ одномъ Ломоносовѣ пятнадцать страницъ.

Гимназистки съ шумомъ ушли наверхъ, и Сергѣю показалось, что вся жизнь ушла изъ гостиной вмѣстѣ съ Позняковой на антресоли. Лицо Виржинова сдѣлалось опять кисло-желчнымъ, а Людмила Степановна въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Чего ты торчишь здѣсь, Сергѣй?—сказала она.—Пошелъ бы, занялся чѣмъ-нибудь... Или сходилъ бы постригся.

Трескотня гимназистокъ утомила ее, а заигрываніе Виржинова съ Позняковой разстроило ей нервы.

— Вѣдь, самому же тебѣ скучно такъ сидѣть, — прибавила она, чтобы смягчить рѣзкость своего замѣчанія.

Сергѣй всталъ и машинально направился въ свою прежнюю комнату, гдѣ онъ занимался, когда былъ приходящимъ. Теперь эта комната, получившая названіе «классной», была отведена для занятій Кати съ учителемъ,—тѣмъ самымъ, съ которымъ, по словамъ Токмаковой, «такъ весело заниматься». Цицеронъ и Саллюстій уступили на столѣ свое мѣсто Кирпичникову и Гилярову, Малинину и Буренину, этимъ грамматическимъ и ариѳметическимъ близнецамъ; тутъ же красовался изрѣзанный перочиннымъ ножомъ, знакомый Сергѣю, географическій глобусъ, висѣла аспидная доска, вездѣ валялись тетрадки, разрисованныя рожами, деревьями, домами, исписанныя каракулями Кати и обильно усѣянныя кляксами. Сергѣю вдругъ захотѣлось увидать и расцѣловать свою маленькую сестру.

— А гдѣ Катя?—спросилъ онъ, увидя въ столовой черезъ открытую дверь свою вездѣсущую тетку, которая суетилась около самовара.

— Катишь отправилась въ гости къ Мартыновымъ. Теперь скоро придетъ: няня сейчасъ пошла за ней.

Она вдругъ ахнула и всплеснула руками:

— Батюшки, я и забыла собрать тебѣ поѣсть! Вотъ шальная-то!

— Я не хочу ѣсть,—сухо сказалъ Сергѣй.

— Какъ не хочешь? Что ты!—воскликнула Евгенія Петровна, в этая въ классную.—Ты ужъ не сердись на меня Христа ради: с всѣмъ замоталась! То тѣ, то эти тормошатъ: бѣгаешь, какъ у рѣлая кошка. А пуще всего эта дѣвичья орда: измучили!... Ма ленька-то вонъ пальцемъ не пошевельнетъ: лежитъ день-день с и въ креслѣ, да вздыхаетъ, да переливаетъ изъ пустого въ по рожнее съ этимъ своимъ, прости Господи, ненаглядныхъ... Охъ, о ъ, охъ! Глядишь, глядишь,—инда тошно станетъ! Я первая за т а бы на мѣстѣ Павла горькую... Ахъ, батюшки, брусничное

варенье забыла: любить его ненаглядный-то... Сейчасъ, Серёж сейчасъ! Сію секундочку! Одна нога здѣсь, другая тамъ...

Она понеслась куда-то, похихикала съ кѣмъ-то и вернулась банкой варенья.

— Ты не хочешь ли стаканчикъ чайку съ ромкомъ?—таи ственно спросила она, молодецки щелкая себя по горлу.

— Нѣтъ,—по-прежнему сухо отвѣчалъ Сергѣй.

— Да,—вѣдь, я и забыла, что ты натощакъ. Вотъ полоумна то!... Сейчасъ, въ одну минуточку! Прости Христа ради!

Она ринулась вонъ, но Сергѣй остановилъ ее:

— Я сказалъ, что не хочу ѣсть.

— Какъ не хочешь?

— Такъ не хочу.

— Да отчего же?

— Такъ... Аппетитъ пропалъ.

— Да ужъ и вправду, какой тутъ аппетитъ!—подхватила он съ какимъ-то ожесточеннымъ сочувствіемъ.—Въ такую семейк попадешь,—кусокъ въ горло не пойдетъ!—продолжала Евгені Петровна, накладывая въ вазу варенье и ожесточенно облизыва края банки.—Я понимаю тебя: и самому скверно, и за отца оби но. И что она нашла въ этомъ «Желткѣ»? прибавила тетка энер гическимъ шепотомъ, кивая на гостиную.—Павелъ въ милліон разъ умнѣе его, и душа у него добрая, а этотъ «Желтокъ»—вот что. (Она постучала по стулу.) Другъ на друга только тоску на гоняютъ, а разстаться не могутъ!... Деревянные какіе-то! Ил развинченные, что ли?...

Сергѣй съ нетерпѣніемъ отвернулся и бѣшено вертѣлъ гл бусъ.

— Эхъ, кажется, взяла бы ихъ да... Папиросочку!

Онъ хотѣлъ отказаться, но лицо тетки такъ ласково свѣти лось, глаза прыгали такъ задорно, что онъ невольно потянулся взялъ папиросу. Евгенія Петровна сѣла на диванъ, закинула ног на ногу и, попыхивая папироской, стала передразнивать Вирж нова, что составляло ея любимое занятіе:

— Придетъ этотъ «Желтокъ»,—сейчасъ къ ручкѣ приложи ся: «здравствуй, ma chère»; потомъ сядетъ и сидитъ, точно л монъ проглотилъ (она сдѣлала кислую физіономію). А ужъ важн сти-то сколько: на трехъ возахъ не увезешь! Фу ты, ну ты, «в дураки, всѣ—мерзавцы, одинъ я—молодецъ!» (Она стала ко ниться, изображая важничанье.) А коли засмѣется,—не дай Бо такъ и оскалится весь, такъ зубищи и выворотитъ! (Она преде

вила и это...) У! Тьфу!... А Людмила Степановна сидитъ, откинувшись, такъ томно, и все вздыхаетъ: «охъ, охъ, охъ»! Умора! Сидятъ и молчатъ. Да я бы, кажется, на ея мѣстѣ. Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: «Полюбится сатана пуще яснаго сокола».

Сергѣя раздражала эта болтовня такъ же, какъ раздражаетъ иныхъ скрипъ дверей, назойливое мяуканье кошки или звукъ хрустящихъ пальцевъ. Онъ старался не смотрѣть на тетку, не слушать ее, но это было невозможно: она, какъ мельчайшая пыль, лѣзла въ ротъ, въ уши, не давая покоя ни на секунду. Особенно раздражала Сергѣя манера тетки поминутно облизывать свои красныя губы тонкимъ, длиннымъ и необыкновенно подвижнымъ языкомъ.

— Ну, еслибъ они еще были влюблены другъ въ друга,—продолжала тетка,—тогда было бы на что-нибудь похоже: вѣдь, всякій сумасшествуетъ по-своему, по себѣ знаю... А то, вѣдь, и этого нѣтъ. Придетъ эта «Желтушка» съ самаго утра, сидитъ весь день какъ пень, да цѣдитъ сквозь зубы. Вотъ только развѣ аккуратностью и беретъ: какъ только десять часовъ, ужъ онъ тутъ какъ тутъ! Точно на службу ходитъ!... Ха, ха, ха!... Людмила Степановна говоритъ, что онъ одинъ понимаетъ ее и умѣетъ успокоить. Интересно знать, чѣмъ успокаиваетъ ее этотъ рыцарь желтаго образа: вѣдь, онъ только и дѣлаетъ, что язвитъ всѣхъ! Нѣтъ, женское сердце глупо, Сережа! Всѣ мы—дуры, всѣ—полоумныя. Нашу сестру хоть въ трехъ щелокахъ вари, а этой дурости изъ насъ не вываришь! «Виржиновъ,—говоритъ,—преданъ мнѣ больше дѣтей родныхъ»... Да, вѣдь, и Жучка, дворняжка, предана Аксиньѣ... Ха, ха, ха!

Ея смѣхъ, ея выразительная мимика, ея безпрерывная жестикуляція вызывали въ Сергѣѣ ощущеніе физической муки: онъ чувствовалъ какое-то непріятное замираніе, какъ человѣкъ, у котораго начинается морская болѣзнь. Смотря невольно на отчаянные жесты тетки, онъ ощущалъ желаніе связать ей руки, спеленать ее, чтобъ она не раздражала его своими манипуляціями.

— Какъ оглянешься на прошлое,— продолжала неумолимая т ка,— такъ только руками разведешь. Чудно все дѣлается на с тѣ! Вѣдь, Людмила Степановна вышла за Павла по страстной л бви: никто ее не неволилъ. Положимъ, она еще молоденькая бы л, только-что изъ института, а Павлу было сорокъ съ хвостиком. Ну, все-таки, онъ былъ тогда виднымъ мужчиной, чинъ и былъ порядочный и водки не пилъ... развѣ изрѣдка. А главное— у лица былъ, начитанный и со всякимъ поговорить умѣлъ, вся-

кого обворожить... Хоть кого обойдетъ! Вѣдь, сватались тогда
Людмиму Степановну женихи: богатая невѣста, хороша собо
вдобавокъ сирота,— всякому лестно! Однако она всѣмъ молодым
женихамъ носъ: «Хочу выйти за Шумова, потому что онъ умн
всѣхъ», — и шабашъ! Ну, Павелъ-то не то чтобъ очень любил
ее,—онъ очень-то никого не любитъ,—а такъ... видитъ, дѣло по
ходящее: невѣста съ состояніемъ и собой красива,—отчего не же
ниться, благо время пришло? Я же тогда все это и устроила: то
дѣло, бывало, летаю отъ него къ ней, отъ нея къ нему... Женн
лись они. Сначала жили хорошо, согласно: Людмила Степановна
помню, все хвасталась, какой у нея мужъ умный. А потомъ, год
не прошло, вижу, что у нихъ что-то неладно: Людмила Степановн
все больше въ возвышенность ударяется, а Павелъ норовитъ в
трактиръ; та ему про любовь, а онъ ей въ отвѣтъ: «терпѣть н
могу бабиться!...» Дальше да больше... Пошли дѣти. Людмила Сте
пановна мудритъ надъ дѣтьми, хочетъ воспитать по книжкѣ, а Па
велъ насмѣхается надъ ней. Признаться, онъ не любилъ-таки во
зиться съ вами: «Пусть растутъ, какъ грибы!...» Ко всему этом
прибавились разныя неудачи: пустился Павелъ играть на биржѣ,—
вѣдь, онъ страхъ какой рискунъ! — ну, и просадилъ денежки,
просадивши, сталъ попивать съ горя. За это, конечно, на служб
его не похвалили и мѣстомъ обошли. Онъ еще пуще запилъ.
тутъ на бѣду подвернулся этотъ «Желтокъ». Павелъ сталъ ревно
вать, скандальничать... мѣста лишился, образъ человѣческій по
терялъ... Такъ и пошло подъ гору... А Людмила Степановна уж
если не взлюбитъ кого или разлюбитъ, такъ прощай: тотъ чело
вѣкъ считается для нея погибшимъ, какъ каторжникъ какой, хот
въ лепешку передъ ней расшибись, хоть ангеломъ сдѣлайся,—вс
ты въ ея глазахъ останешься хуже окаяннаго. Положимъ, у Павл
характерецъ безпутный, безобразный: не всякій тоже понравит
ся,—ну, а все же онъ не отчаянный какой. Сколько разъ онъ хо
тѣлъ вернуться на путь истинный, сколько разъ я всячески ста
ралась помирить ихъ,— не тутъ-то было: Людмила Степановн
точно закостенѣла! Охъ, и характерецъ же у нея! Я вотъ мог
двадцать разъ на-дню разругаться и помириться, а она... Не да
Богъ имѣть такой характерецъ!

Теперь Сергѣй слушалъ тетку очень внимательно, и вѣсы пер
вѣшивались для него то въ пользу матери, то въ пользу отца, а в
душѣ накоплялась тяжелая и тревожная муть. Евгенія Петров
бурно вздохнула и произнесла, зачѣмъ-то причмокнувъ съ уда
скимъ видомъ губами:

— Половину-то приданаго Павелъ растранжирилъ,—тю-тю! А другую половину Людмила Степановна хочетъ сберечь... не то для дѣтей, не то для своей «Желтушки»,— ужъ не знаю. Теперь выдаетъ Павлу помѣсячно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы жить врозь. Хлопочутъ они съ этимъ Уксусомъ Иванычемъ о разводѣ, а Павелъ упирается: вотъ за это-то всего больше они и возненавидѣли его. А Павлу, что ни дай, хоть милліонъ, онъ все спуститъ: безобразникъ порядочный, хоть и добрякъ. Эти широкія натуры кого угодно со свѣту сживутъ своими размахами да выкрутасами. А все-таки я никогда не промѣняла бы его на какую-нибудь прокислую «Желтушку»...

— Тетя! — послышался сверху голосъ Елены.

— Иду, Леночка, иду! — крикнула Евгенія Петровна и черезъ секунду уже взвилась по лѣстницѣ.

Сергѣй остался съ тяжелымъ недоумѣніемъ на душѣ. Безсвязные монологи тетки только разбередили въ немъ тупую боль, которую онъ всегда ощущалъ, попадая въ родную семью. Домашняя тоска вступала въ свои права. «Зачѣмъ я такъ рвался изъ гимназіи?» — съ горечью твердилъ себѣ Сергѣй, и опять рядомъ съ тупою болью въ сердцѣ его закипала обида и злость при мысли, что на него валятся отовсюду непріятности и нѣтъ ни одного свѣтлаго впечатлѣнія.

Сверху раздавались женскіе голоса, смѣхъ. Это волновало и дразнило его: тамъ чудилась ему капризная, возбуждающая жизнь, къ которой тянуло его молодую, безпокойную душу. «Пойду туда, поболтаю; можетъ быть повеселѣе будетъ, — думалъ онъ, представляя себѣ Познякову. — Отчего тетка можетъ войти туда, разговаривать, хохотать съ ними,— а я не могу? Глупо!»

Онъ сдѣлалъ шагъ и остановился. «А не пойти ли лучше къ отцу? Я сегодня обошелся съ нимъ грубо,— надо загладить». Но онъ вспомнилъ раздражительно-жалобный голосъ отца, его упреки, его нетвердую походку. «Опять непріятности, опять это убожество, безобразіе, опять мучиться, тосковать, злиться... — подумалъ онъ.—Нѣтъ, лучше наверхъ».

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ лѣстницѣ; но здѣсь имъ овладело смущеніе: зачѣмъ онъ войдетъ туда? что скажетъ? «Елена непремѣнно забрюзжитъ... Это такая несносная брюзга!» Онъ заранѣе разсердился на сестру, а кстати ужъ и на всѣхъ остальныхъ.

— Ну ихъ!—сказалъ онъ самъ себѣ, отходя отъ лѣстницы.— Пойду лучше къ отцу: съ нимъ можно иногда отвести душу. Онъ теперь, навѣрное, протрезвился.

IV.

У воротъ, обрадовавшись первому теплому вечеру, собрались бѣлошвейки, горничныя, кучера и разный мастеровой людъ. Мужчина лѣтъ тридцати, въ сѣромъ пальто и ухарски сдвинутомъ на затылокъ картузѣ, галантно раскланялся съ Сергѣемъ, который зналъ только, что это—Поляковъ, наборщикъ изъ сосѣдней типографіи. Почему Поляковъ кланялся и заговаривалъ съ нимъ, этого Сергѣй не понималъ, но каждый разъ отдавалъ ему поклоны и изрѣдка перекидывался съ нимъ нѣсколькими словами.

— Наслаждаемся благорастворенiемъ воздуховъ,—сказалъ Поляковъ, подходя къ Сергѣю.—Какъ ваше драгоцѣнное?

— Ничего, благодарю васъ.

— Гимназисты страдаютъ двумя недугами: отвращенiемъ къ Цицерону и пристрастiемъ къ табельнымъ днямъ. Такъ?...А, между прочимъ, оглянитесь, здѣсь есть недурные сюжеты.

Сергѣй бросилъ застѣнчивый взглядъ на группу бѣлошвеекъ; тамъ также, какъ и на антресоляхъ, чудилась ему веселая, возбуждающая жизнь.

— Или вы превалируете больше насчетъ гимназисточекъ и тому подобныхъ безешекъ?—спросилъ Поляковъ.

— Съ гимназистками тоска одна,—отвѣчалъ съ напускной развязностью Сергѣй.

— Такъ пойдемте, я васъ познакомлю,—сказалъ Поляковъ съ какой-то загадочной улыбкой, игравшей въ его рыжеватыхъ закрученныхъ усахъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—мнѣ некогда,—возразилъ, краснѣя, Сергѣй; его коробило отъ нахальной усмѣшки на измятомъ лицѣ наборщика.

— На это время всегда найдется,—приставалъ Поляковъ:—вы теперь въ самой порѣ, чтобы склонять глаголъ «люблю». Ей, Дуня?

Сергѣй пробормоталъ что-то и хотѣлъ уйти. Поляковъ удержалъ его за рукавъ.

— Живая душа калачика проситъ,—сказалъ онъ.—Я самъ учился и проклялъ латынь. Варварская штука: переутомленiе мозга, искривленiе позвоночника и тому подобное. Нервные узлы окончательно атрофируются. Надо соединять пріятное съ полезнымъ коллега... Пойдемъ, выпьемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пью,—испугался Сергѣй.

— При нашихъ ненормальностяхъ организмъ требуетъ алк

голя,—сказалъ Поляковъ, точно обсасывая съ удовольствіемъ каждое слово.—Мы съ вами въ качествѣ рабочей интеллигенціи... Дунечка, да никакъ вы въ корсетѣ? Что вы надъ собой дѣлаете: вѣдь, это вредно для грудной конституціи! Ай, ай, ай, какая неосторожность въ обращеніи съ собственной личностью!

Поднялась возня. Воспользовавшись этимъ, Сергѣй, смущенный и взволнованный, поспѣшно ушелъ отъ веселой компаніи, на которую ему очень хотѣлось оглянуться.

Пройдя нѣсколько улицъ, онъ очутился въ глухой части города, гдѣ тротуары были кривые, изрытые, мѣстами не мощены, дома деревянные, старые, почернѣвшіе, съ маленькими окнами, грязными дворами и грязными лѣстницами. Взобравшись по одной изъ такихъ лѣстницъ на третій этажъ, Сергѣй отворилъ не запертую, обитую войлокомъ дверь и вошелъ въ сырую, вонючую комнату, которую тускло освѣщала жестяная лампочка съ закоптѣлымъ стекломъ, криво висѣвшая на стѣнѣ.

— Кто-й-то тамъ?—послышался изъ-за перегородки женскій голосъ.—Ты, что ли, Петровичъ? Гдѣ тебя черти до этихъ поръ носили?

Изъ-за перегородки, пронзительно скрипя козловыми башмаками, вышла дебелая, мощная женщина въ шерстяномъ платьѣ. Сергѣй рѣдко бывалъ у отца и видѣлъ эту женщину только мелькомъ; но за то много наслышался о ней дома и испытывалъ къ ней гадливое чувство, смѣшанное съ какимъ-то паническимъ страхомъ. Теперь отъ ея вопросовъ вся кровь хлынула ему въ голову. «Неужели это она объ отцѣ говоритъ такъ?»—подумалъ онъ и сердито спросилъ:

— Отецъ дома?

Еще чья-то голова въ чепцѣ выглянула изъ-за перегородки и уставилась на Сергѣя. Между тѣмъ шерстяная женщина сняла со стѣны лампу и при свѣтѣ ея разглядывала вошедшаго.

— Сыночекъ?—сказала она, смягчая голосъ.—А я было не признала... Ну-ка, посмотрю хорошенько на сыночка-то... Женихъ, какъ есть женихъ!

— Отца нѣтъ?—хмуро повторилъ онъ и брезгливо отодвинулся отъ покрытаго воснушками лица, которое черезчуръ приблизилось къ нему.

— Съ утра глазъ не кажетъ папашенька-то вашъ: опять, значитъ, закурилъ, замутилъ. Онъ вѣдь, путаный. Бѣда съ нимъ.

— Его не придавило ли гдѣ-нибудь?—сказалъ чепецъ почти мужскимъ басомъ.

— Молчи, дурында, экъ вывезла!—строго замѣтила шерста
ная женщина; потомъ, поднеся лампу къ лицу Сергѣя, она прива
вила, глядя на него съ какой-то шалой усмѣшкой и обдавая его за
пахомъ селедки.

— А Петровичъ все говоритъ: «мальчикъ, мальчикъ». А ка
кой тутъ мальчикъ? Цѣльный мужчина во всемъ составѣ. Смотри
вонъ ужъ и усики есть.

Чепецъ не то засмѣялся, не то закашлялъ. Сергѣй вспых
нулъ, круто повернулся и вышелъ.

«Тьфу, мерзость!—говорилъ онъ въ негодованіи, шагая п
улицѣ и подбадривая себя разными энергическими словами. Гряз
ная волна, неожиданно хлынувшая на него, оглушила и испугал
Сергѣя. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, которы
разсчитывалъ прыгнуть на твердую землю, а вмѣсто этого ушел
по поясъ въ болото. Образъ отца, который только-что началъ бы
свѣтлѣть передъ нимъ, опять потемнѣлъ и исказился въ его гла
захъ.—Зачѣмъ я рвался изъ гимназіи?— въ десятый разъ по
вторилъ Сергѣй. Жизнь покрывалась передъ нимъ какою-то мут
ной пеленою, и этому какъ нельзя больше соотвѣтствовала т
глухая, мрачная улица, по которой онъ шелъ, окна съ разбитым
стеклами, пьяная брань, оглашавшая улицу, унылые звуки гарм
ники, назойливо лѣзущіе въ уши, и вечерній полумракъ, спустив
шійся на эту непривѣтливую сторону.—Зачѣмъ я рвался изъ ги
назіи?...»

Подходя къ дому, Сергѣй еще издали заслышалъ хохотъ
взвизгиванья.

«Разсохся, потекъ,—
Подставь черепокъ!»

выкрикивалъ при общемъ смѣхѣ Поляковъ, дѣлая ногами замысло
ватые пируэты. Увидя Сергѣя, онъ подошелъ къ нему танцующе
походкой и, взявъ его подъ руку, предложилъ «посидѣть въ весе
лой компаніи, гдѣ Бахусъ и Амуръ свили себѣ гнѣздо».

Сергѣй вырвалъ свою руку: Поляковъ съ компаніей напомнил
ему женщину въ веснушкахъ и вызвали въ немъ гадливое чувство
Онъ проскользнулъ на крыльцо и хотѣлъ позвонить, но вдругъ
думалъ: «Что за тосчища дома!»—присѣлъ на ступеньку и ста
прислушиваться къ вознѣ у воротъ—сначала съ брезгливостью
страхомъ, потомъ съ волненіемъ. Мало-по-малу онъ началъ чу
ствовать, что компанія Полякова притягиваетъ его къ себѣ чѣм
то грубо-соблазнительнымъ.

«Что, если выпить для храбрости?—подумалъ онъ, но тотчасъ же застыдился и испугался:—Неужели я буду пьянствовать, какъ отецъ? Неужели и во мнѣ сидитъ тотъ же червякъ?»

Онъ хотѣлъ встать и уйти отъ грѣха въ комнаты, но въ это время женскій голосъ запѣлъ «Мандолинату», и онъ сталъ слушать. Пѣніе прервалось взрывомъ хохота и бранью: кто-то посылалъ кого-то къ лѣшему... Затѣмъ другой голосъ затянулъ:

«Мой милый,
Что ты сдѣлалъ надо мной?
Ты оставилъ меня горькой сиротой»...

и опять возня, визгъ, затрещины...

Въ первый разъ почувствовалъ Сергѣй всѣмъ существомъ своимъ, какъ втягиваетъ его эта атмосфера чего-то разнузданнаго, безшабашнаго, какъ заползаетъ въ его душу и засасываетъ ее то самое, отъ чего его такъ коробило въ квартирѣ отца. Нѣсколько разъ онъ, растерянный, мучимый стыдомъ, брался за ручку звонка, но каждый разъ его останавливалъ вопросъ: что встрѣтитъ его дома? Опять онъ увидитъ холодное, вѣчно недовольное всѣмъ лицо матери, опять передъ нимъ замелькаетъ противный затылокъ Виржинова, опять будетъ трещать и «лебезить» тетка, производя въ немъ впечатлѣніе какой-то обидной, назойливой пестроты, опять та же мертвящая скука, и холодъ, и душевная пустота!

Онъ отдергивалъ руку отъ звонка, предвидя домашнюю тоску во всей ея черствой силѣ, и чѣмъ безжизненнѣе казалась ему домашняя атмосфера, тѣмъ настойчивѣе преслѣдовалъ его вопросъ:

— А не посидѣть ли у воротъ? Вѣдь, темно...

Вдругъ кто-то съ хихиканьемъ подбѣжалъ къ крыльцу. Сергѣй въ испугѣ судорожно дернулъ за звонокъ.

Н. Тимковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАСТЕЛИ.

Яна Лады.

Переводъ съ польскаго.

I.

Прогулка.

(Изъ записной книжки учителя).

Когда вчера утромъ я вошелъ въ свой классъ,—я веду его в
уже четвертый годъ, начиная съ перваго класса,—то сейчасъ
замѣтилъ, что «что-то есть». Для стараго учителя въ лицѣ реб
ка, какъ въ зеркалѣ, видно каждое движеніе души. Если даже л
скроетъ игру чувствъ, то ее выдадутъ глаза. Правда, въ кла
царила тишина, обязательная послѣ звонка. Мальчики сидѣли р
но и спокойно, съ руками лежащими на партахъ, съ глазами об
щенными на каѳедру, но сегодня въ этихъ глазахъ горѣлъ та
огонь, столько голосовъ вырывалось изъ нихъ: посмотри, посмо
же на насъ, спроси насъ! Намъ нужно сказать тебѣ что-то оч
важное, очень спѣшное!

Я улыбался въ душѣ, съ наружнымъ равнодушіемъ раскры
журналъ и просматривая предыдущія отмѣтки. Сорокъ паръ гл
все настойчивѣе и безпокойнѣе перебѣгали съ меня на доску,
конецъ, легкій шумъ въ заднихъ лавкахъ далъ мнѣ знать, что
терпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ.

— Что тамъ?—сухо спросилъ я.

Тишина и молчаніе.

— Видлякъ, чего вамъ не сидится на мѣстѣ?

Видлякъ — старшій ученикъ, восемнадцатилѣтній мальчи
серьезнаго характера. Въ наукахъ онъ преуспѣваетъ, у товари
пользуется уваженіемъ, поэтому и является истолкователемъ
желаній и интересовъ.

— Извините, господинъ преподаватель, у насъ къ вамъ росьба.

— Какая?

— Она написана на доскѣ.

Я отлично видѣлъ, что написано на доскѣ,—въ теченіе тридцати лѣтъ болѣе четырехъ поколѣній учениковъ прошли черезъ мои руки съ такими же точно особенностями, съ такою же гаммой мыслей и чувствъ. Тѣмъ не менѣе, я повернулся къ доскѣ. На ней виднѣлись слова, выведенныя скернымъ гимназическимъ мѣломъ, во время десятиминутной перемѣны, но по всѣмъ правиламъ каллиграфіи и окруженныя вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ: «Просимъ вспомнить объ обѣщанной прогулкѣ!».

Май врывался въ открытыя окна благоуханіемъ сирени, жасмина, ароматомъ травъ сада упраздненнаго монастыря и скошеннаго сѣна. Солнце теплымъ свѣтомъ золотило темныя стѣны стараго зданія, въ густыхъ кустахъ иволга торопилась высказать что-то, а на мой столъ то и дѣло падали бѣлые, еще не обсохшіе отъ утренней росы лепестки черешни, заглядывающей въ окно.

Царица-весна улыбалась и манила къ себѣ въ раздолье полей. Смѣхъ ея отражался въ молодыхъ глазахъ и молодыхъ сердцахъ, рвущихся изъ школьныхъ стѣнъ, и, какъ старое вино, кровь начинала разливаться по моимъ жиламъ и согрѣвать старое, изсохшее сердце.

Громче кричите, иволги! Соловьи, не жалѣйте своего горлышка! Теплѣе, яснѣе свѣти солнце, сильнѣе благоухайте цвѣты и травы! Разступитесь промзглыя и сырыя стѣны, свидѣтели зимнихъ мученій и скуки, завидуйте всѣ классы отъ перваго до восьмого! Въ четвертомъ классѣ завтра праздникъ,— четвертый классъ завтра отправляется на прогулку!

Но что будетъ съ сегодняшнимъ порядкомъ дня, что будетъ съ сегодняшнимъ урокомъ? Для всѣхъ сорока молодыхъ головъ «сегодня» уже не существуетъ,—они живутъ только однимъ завтрашнимъ днемъ. Хорошая ли будетъ погода? Куда пойдутъ? Что скажутъ другіе классы,—они не пользовались никакою прогулкой? Въ особенности, что скажетъ параллельное отдѣленіе, съ которымъ мы съ перваго класса находимся въ соперничествѣ и соблюдаемъ вооруженный миръ, иногда переходящій въ открытую войну? Можно ли тутъ сидѣть спокойно и переводить Цезаря? Что же удивительнаго, что маленькій Стоекъ, котораго, если не ошибаюсь, называютъ Бѣлкой, вертится, точно на булавкахъ, что Стахъ Рожнецкій обернулся назадъ и что-то, горячо жестикулируя, объясняетъ од-

ному товарищу, что даже спокойный Браунеръ ведетъ съ примѣрнымъ Видлякомъ оживленную бесѣду.

Ничего не подѣлаешь. Нужно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, къ великимъ угрозамъ и возвышенному голосу. Милые мои! когда-нибудь вы поймете эту старую, какъ міръ, педагогическую комедію и скажете обо мнѣ, когда я уйду отъ васъ: «онъ былъ добрый, хотя притворялся злымъ!»

Снова тишина, однообразно плыветъ искалѣченный Цезарь,—губы съ запинкой произносятъ латинскія слова, а въ глазахъ, какъ майское солнце, свѣтится одно слово: прогулка! прогулка!

Сборный пунктъ далеко,—на площадкѣ передъ костеломъ одного изъ предмѣстій. На фонѣ муравы и липъ церковнаго двора, словно полевой макъ, виднѣются красныя кракýски. Движеніе, говоръ и смѣхъ. Прохожіе останавливаются, смотрятъ съ любопытствомъ и дружественно. Всякому мила молодость, какъ всякому мила весна.

Всѣ ли собрались? Конечно, всѣ... но при провѣркѣ оказывается, что только сорокъ восемь. Ахъ, да, бѣдный Белакъ цѣлый мѣсяцъ хвораетъ, мы уже отвыкли считать его. Такъ, значитъ, одного не хватаетъ? А вотъ и онъ бѣжитъ, задыхается, издали махаетъ красною шапочкой, чтобы не трогались безъ него. Онъ живетъ далеко, на другомъ концѣ города. Его задержали дома съ завтракомъ. Теперь мы можемъ двинуться.

Строятся четверки,—меньшіе впереди, позади нѣсколько кавалеровъ съ замѣтнымъ пушкомъ надъ верхнею губой. Шутки, восклицанія, пожалуй, и безъ толчка дѣло не обойдется... но для чего же тогда свобода прогулки? Лучше смотрѣть сквозь пальцы. Мы минуемъ заставу и сворачиваемъ въ чистое поле,—зеленое, благоухающее богородицыной травою. Здѣсь ряды разстраиваются,—то и дѣло какой-нибудь дезертиръ бѣжитъ въ сторону то за цвѣткомъ, то за растеніемъ для гербарія, то за бабочкой или жукомъ для гимназической зоологической коллекціи. Такъ тутъ хорошо, такъ тихо. Трава высокая, мягкая...

Браунеръ убѣжалъ дальше всѣхъ и возвращается поспѣшно, поглядывая на свои сложенныя руки. Все бѣжитъ къ нему.

— Что поймалъ? Бабочку? Покажи, покажи!

Браунеръ, видимо, не въ духѣ и расталкиваетъ всѣхъ огромными красными лапами.

— Чего мнѣ ловить? Убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ!

Стоекъ заходитъ сзади и хватаетъ его за руку.

— Я скажу тебѣ, что ты поймалъ. Urtica urens, то-есть ж-

ая крапива. Поймалъ и, видно, сильно зажалъ въ руку, — вопъ какъ она тебя разукрасила.

Всеобщій смѣхъ.

— Браунеръ думалъ, что это бабочка!—кричатъ одни.

— Или земляника.

Въ заднихъ рядахъ разговоръ идетъ о вопросѣ жгучемъ и болѣе насущномъ,—о переходѣ въ слѣдующій классъ.

— Я тебѣ говорю, что у Вуйцика будетъ двойка изъ латыни.

— А я говорю, что нѣтъ. Семь хорошихъ отмѣтокъ и шесть двоекъ,—отчего не перейти?

— Потому что на экзаменѣ онъ ничего не зналъ.

— А Рожнецкій лучше зналъ? А директоръ говорилъ его отцу, что Рожнецкій перейдетъ.

— Э, Рожнецкій—барчукъ. Такимъ все съ рукъ сходитъ.

Впереди то и дѣло раздается взрывъ сдержаннаго смѣха. Разговоръ ведется тихо, почти шепотомъ,—видимо, онъ не предназначается для учительскаго уха. Къ несчастію, слухъ у меня хорошій. Я все знаю. Они говорятъ о послѣдней шалости шестиклассниковъ съ снисходительнымъ учителемъ физики, который самъ же ходатайствовалъ, чтобъ виновные не подверглись исключенію.

— Знаешь, Марбургъ, ну, тотъ, высокій, черный, досталъ имъ пороху. Насыпали его въ трубочку, положили на окно и ждутъ. Опасности быть не могло,—Марбургъ во время вакацій стрѣлялъ изъ ружья. Онъ непремѣнно пойдетъ въ артиллерію, какъ только сдастъ экзаменъ. Нужно только было поджечь. Но Марбургъ не хочетъ, говоритъ: меня выгонятъ и свѣтъ для меня клиномъ сойдется. А они ему объясняютъ: ты все устроилъ, а теперь боишься? Не боюсь,— говоритъ,— только пусть подожжетъ тотъ, съ которымъ ничего не сдѣлаютъ, даже если все и откроется. А у нихъ учится сынъ Шейблера, того, что учитъ греческому въ высшихъ параллельныхъ. Знаешь,—кудрявый такой. Говорятъ ему: подожги, тебѣ ничего не будетъ. Онъ не хочетъ: меня,— говоритъ, — отецъ убьетъ. Но на него такъ насѣли, такъ стали уговаривать, угрожать, что онъ согласился. Приходитъ старикъ, положилъ красный платокъ на журналъ, на носъ нацѣпилъ очки, вдругъ—трахъ! какъ изъ пушки, а старикъ—со стула на земь.

— Такъ испугался?

— Да вѣдь и ударъ же былъ! Въ сосѣднихъ классахъ стекла въ рамахъ задрожали.

— А имъ что?

— Ничего. Шестнадцать часовъ карцера. Добрый старикъ, все

охлопоталъ. Обѣщали, что въ классѣ никогда не будетъ ни
шутки.

Рядомъ со мной спокойно идутъ двое болѣе старшихъ и с
ныхъ учениковъ и разговариваютъ о книжкахъ, которыя я
обыкновеніе давать имъ, когда они, въ воскресенье, послѣ полу
приходятъ ко мнѣ на квартиру. Видлякъ разсказываетъ мнѣ
крестовые походы, — онъ недавно прочелъ большое сочине
нихъ. Говоритъ онъ, какъ обыкновенно, ясно, связно и споко
Его сужденія, можетъ быть, не особенно оригинальны, но само
ятельны и обнаруживаютъ постоянныя и глубокія убѣжденія.

— Значитъ, крестовые походы ничего не говорятъ ва
сердцу?

— Можетъ быть, я недостаточно ихъ понимаю, можетъ б
они были полезны и пріятны Богу, какъ бы то ни было, люди
вовали жизнью во имя Его. Но мнѣ по сердцу пришлась бы
жертва. Это не хитрость — рубить непріятеля; я предпочелъ
просвѣщать ихъ,—идти къ нимъ не съ мечомъ, а съ крестомъ

— Всѣмъ извѣстно, что Видлякъ будетъ миссіонеромъ,—
звался Стахъ Рожнецкій, который отсталъ отъ переднихъ ряд
присоединился къ намъ и дѣлаетъ величайшія усилія настрои
на нашъ солидный ладъ.— Онъ будетъ до тѣхъ поръ просвѣ
готтентотовъ, пока они не съѣдятъ его.

— Не бойся,—послышался сзади тонкій голосъ Стойка,—
умный: почти ничего не ѣстъ, постится и худѣетъ, чтобы гот
тоны не хотѣли поломать объ него зубы.

— А ты, Стахъ, пошелъ бы въ Іерусалимъ съ Готфридом
Танкредомъ?—спросилъ я у Рожнецкаго, чтобъ обратить разго
въ другую сторону, и сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ дерзкаго з
чанія Стойка.

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня сверкающими глазами.

— Я? Да съ какимъ бы удовольствіемъ! Освобождать бра
громить враговъ, овладѣвать городами, крѣпостями,—Боже, к
это было бы наслажденіе!

Лицо его горѣло. То былъ красивый мальчикъ, стройны
сильный, какъ молодая сосенка, съ большими черными глаз
полными свѣжести и веселья.

Я очень любилъ его и держалъ подъ особеннымъ надзор
Годъ тому назадъ, по моему ходатайству и за моею отвѣтст
ностью, приняли его въ нашу школу. Рожнецкій уже былъ вы
ченъ изъ одной гимназіи за непослушаніе и дерзость. Онъ самъ

знался въ этомъ, безъ обиняковъ, прямо смотря мнѣ въ глаза, хотя и покраснѣлъ отъ стыда.

Вотъ эти-то его прямые, искренніе глаза и рѣшили его судьбу.

Директоръ,—добрая душа, но осторожный человѣкъ, не особенно хотѣлъ «взваливать себѣ на плечи новую бѣду», какъ онъ выражался.

— Какое намъ до него дѣло? Что у насъ исправительный пріютъ, что ли? Онъ можетъ испортить репутацію нашего заведенія.

А теперь онъ сказалъ мнѣ на послѣднемъ совѣтѣ:

— Вы были правы, коллега. Рожнецкій ведетъ себя, какъ слѣдуетъ. Порохъ, — это вѣрно, но бойкій мальчикъ, чистое золото. Изъ такихъ-то и выходятъ люди.

Да, да,—изъ Стаха Рожнецкаго выйдетъ человѣкъ. Его плохо воспитывали въ дѣтствѣ; мальчикъ бездѣльничалъ, не зналъ ни узды, ни удержу, портился и стоялъ на дорогѣ къ паденію. Въ школѣ отсутствіе разумнаго направленія раздуло его старые недостатки и прибавило еще новые. Нужно было не мало труда, чтобы выпрямить этотъ неподатливый характеръ, не ломая и не калѣча его, чтобы тщеславіе обратить въ благородную гордость, упрямство въ твердость воли, чтобъ избытокъ силъ этой богатой и полной жизни направить на надлежащую дорогу. Мнѣ удалось. Избалованный ребенокъ мало-по-малу таялъ, барчукъ, нетерпимый товарищами, становился ихъ любимцемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣромъ.

Я велъ его твердою рукой, но теплымъ сердцемъ. Теперь онъ былъ дорогъ мнѣ, потому что я видѣлъ въ немъ плодъ моихъ трудовъ.

— Ахъ, — продолжалъ онъ, весь взволнованный, — какъ бы хорошо пойти на такую рыцарскую войну! Сердце такъ и рвется! Что за жизнь у насъ? Съ утра до вечера долби только греческія склоненія и геометрическія формулы,—долби, пока голова не лопнетъ,—а потомъ что? Одинъ день такой же, что другой, человѣкъ, какъ улитка въ раковинѣ, да... а на войнѣ?

— На войнѣ лучше разбивать чужія головы, чѣмъ наполнять свою знаніями, не такъ ли?

— Не совсѣмъ такъ, но тамъ съ меньшимъ трудомъ можно дѣлать столько добра, совершить столько великихъ дѣлъ, вознаградить за столько несправедливостей...

— Милый Стахъ, какъ видно, у тебя въ головѣ начинаетъ кружиться; на вакаціи я долженъ дать тебѣ прочитать Донъ-Кихота. А тебѣ не приходило въ голову, что каждый хорошо приготовленный урокъ—это одинъ кирпичъ зданія, которое ты возводишь сво-

ею жизнью для Бога, отчизны и человѣчества, что всякій хор
проведенный тобой день — лишній плюсъ въ книгѣ обществен
достоянія? Трудъ тебѣ скученъ, тебѣ хочется рыцарскихъ
ключеній?

Мальчикъ покраснѣлъ, опустилъ глаза и молча шелъ ряд
со мною.

— Прежде всего побѣди себя, раньше, чѣмъ вступить въ бо
бу съ другими, иначе тебя сарацины побьютъ при первой стыч

Мы дошли до лѣса. Большая полянка, точно нарочно создан
для игръ и бѣготни. Солнце начинало уже заходить. Сквозь вѣ
деревьевъ просвѣчивали золотые лучи, осыпая дрожащими капл
мураву и огненною волной разливаясь на полянкѣ.

Мальчики разбѣжались по всѣмъ сторонамъ. Зеленый лѣсъ
вѣтно шумѣлъ надъ ихъ головой и казалось шепталъ: играй
играйте, молодые друзья мои,—только и вашего, что весна...
вѣтвяхъ щебетали птицы, встревоженныя неожиданнымъ шум
и говоромъ.

Я поднялъ руку, разсыпавшаяся кучка окружила меня т
нымъ кольцомъ и сняла красныя шапочки. Смѣхъ и разгов
смолкъ. Раздалось пѣніе. Прекрасная мелодія широкою волной
плыла по лѣсу, точно высоко-высоко поднимаясь кверху. А теп
игры.

Царь раздѣляетъ всю кучку на двѣ половины, которыя ста
вятся другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ полянки. Са
испытанные силачи съ той и съ другой стороны нападаютъ на
жескій отрядъ, стараясь прорвать его цѣпь и увести въ плѣнъ ча
противниковъ. Какъ всегда, распоряжается Стахъ Рожнецкій;
ленькій пылкій Стоекъ играетъ роль его адъютанта.

Здѣсь—поле состязанія и жатва лавровъ для Браунера и В
мяньскаго. Браунеръ, серьезный, флегматичный, возмущающій
классѣ своею нѣмецкою аккуратностью, — здѣсь становится
всѣмъ другимъ человѣкомъ. Его круглое и немного безсмысле
лицо, на которомъ застыла одна и та же улыбка, теперь вспы
ваетъ и оживляется. Плотный, плечистый, онъ, какъ бомба,
вается въ непріятельскіе ряды, ничѣмъ не удержимый, разрыва
ихъ и половину враговъ уводитъ съ собой въ качествѣ плѣнник

Выдмяньскій самый рослый и самый старшій въ классѣ.
кимъ случаемъ или чудомъ онъ добрался до четвертаго? Он
самъ не сумѣлъ бы объяснить этого. Сидитъ онъ въ немъ вотъ
третій годъ и этимъ закончитъ свою школьную карьеру. Несм
на то, съ какою ловкостью и силой, съ какимъ сознаніемъ онъ

зводилъ свои вылазки. Я въ первый разъ начинаю жалѣть, что еланная минута разлуки съ нимъ такъ близка. Школа обнаружиаетъ только частицу человѣка, — во всей цѣлости его обнаруживаетъ только жизнь.

Послѣ долгаго колебанія счастья, Выдмяньскій рѣшаетъ участь боя, разбивая остатки непріятеля. На минуту мальчики остаются, чтобъ отдохнуть и поиграть въ кошку и мышку,—игра старая, какъ міръ, и пріятная для всѣхъ тѣхъ, кому даетъ возможность расплачиваться жгутомъ за старые долги. Вскорѣ всѣ разбѣгаются въ лѣсъ... Жандармы и разбойники! Чудная игра—прятаться въ зелени, дурачить жандармовъ, оставлять ихъ съ носомъ! Но за то какая радость, когда жандармъ поймаетъ разбойника, какой тріумфъ, когда онъ приведетъ его на сборное мѣсто и заключитъ въ темницу посерединѣ полянки.

Маленькіе тѣмъ временемъ играютъ въ мячъ на другомъ концѣ луга.

Вдругъ слышатся какіе-то крики, угрозы, шумъ.

Что такое случилось?

Стоекъ, задыхающійся, красный, дрожащій отъ гнѣва, первый прилетаетъ ко мнѣ. Онъ кричитъ что-то невнятное прерывающимся голосомъ. Я могу разобрать только: Шницбуберъ... Рожнецкій... Яскульскій. Шницбуберъ, — навѣрное, какая-нибудь исторія. Небольшая дрянь, а зубастая, скверная, оболтусъ. Всѣмъ товарищамъ насолилъ. Но что онъ устроилъ теперь?

— Господинъ преподаватель, онъ хотѣлъ бить Яскульскаго (это самый слабый и самый маленькій мальчикъ въ классѣ). Рожнецкій не позволилъ. Тогда онъ началъ бранить Рожнецкаго. Рожнецкій ничего, только отвернулся. Тогда онъ ударилъ Рожнецкаго.

— А Рожнецкій?

— Схватилъ Шницбубера за руку,—я думалъ, разорветъ его, но потомъ только оттолкнулъ и сказалъ, что ничего не хочетъ сдѣлать съ нимъ, потому что вдвое сильнѣе его. И вы думаете, на этомъ конецъ? Мы накинулись на Шницбубера, а Рожнецкій заслонилъ его и говоритъ, что кто хочетъ быть его другомъ, такъ нусть не вмѣшивается въ это дѣло.

Тѣмъ временемъ вся кучка приблизилась ко мнѣ. Впереди шелъ Стахъ, блѣдный, но спокойный, а рядомъ съ нимъ худой, рыжій и косой Шницбуберъ, безпокойно оглядывающійся по сторонамъ. Пять или шесть мальчиковъ шли позади, размахивая руками, и посматривали на своего рыжаго товарища такъ, какъ борзая гончая на сворѣ смотритъ на спугнутаго звѣря.

— Что тамъ было между вами, Стахъ?—спросилъ я.

— Ничего, немного повздорили. Товарищи ни съ того, ни сего вмѣшались... Можетъ быть, вы позволите Шницбуберу остаться здѣсь, а то они могутъ поколотить его въ лѣсу.

Милый, добрый Стахъ! Теперь я знаю, ты что будешь человѣкомъ, да еще однимъ изъ тѣхъ немногихъ, въ присутствіи которыхъ забываешь о людскихъ порокахъ и слабостяхъ, о лохмотьяхъ и грязи жизни.

Уже вечеръ. Роса осѣдаетъ на лугъ, серебрится на листьяхъ. Изъ-за луга, съ лѣснаго болотца, поднимается сырой туманъ. Заходящее солнце краснѣется изъ-за деревьевъ, какъ зарево пожара. Кукушки перекликаются другъ съ другомъ; гдѣ-то въ болотѣ затрещалъ коростель. Воздухъ полонъ острой, влажной свѣжести, весь насыщенъ смолою, запахомъ травъ и цвѣтовъ.

На фонѣ темнѣющей зелени мигаютъ красныя шапочки, небрежно наброшенныя на растрепанныя головы. Вокругъ смѣхъ говоръ, несмотря на утомленіе и ускоренное дыханіе. Всѣ веселы и счастливы. Одинъ Шницбуберъ тащится молчаливый и оставленный всѣми и старается держаться поближе ко мнѣ и къ Стаху.

Тамъ и здѣсь раздается пѣсня и расплывается въ сѣромъ вечернемъ воздухѣ, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, съ шумомъ деревьевъ, со щебетомъ птицъ и съ далекимъ стономъ городскихъ колоколовъ, призывающихъ къ вечерней молитвѣ...

Чудесная прогулка!...

II.

Кто онъ?

I.

Безъ излишней скромности я могу сказать, что женщинъ и ихъ характеръ я знаю основательно,—почти такъ же основательно, какъ ассирійскую и мексиканскую архитектуру. Съ того момента, какъ я началъ заниматься археологіей, я преимущественно изучаю древнюю женщину и пишу только о ней. Умалчивая о множествѣ статей, брошюръ и однотомныхъ сочиненій, которыя по узости своихъ рамокъ не могутъ претендовать на какое-нибудь научное значеніе, я упомяну только о своей «Богинѣ Астартѣ и ея значеніи въ сравнительной миѳологіи» (4 тома in 4° у Котты въ Страсбургѣ), «Женскихъ типахъ въ искусствѣ и миѳологіи ацтековъ (3 тома in 8° у Брокгауза въ Лейпцигѣ), о «Женщинахъ у финикіянъ и древнихъ мексиканцевъ» (до сихъ поръ вышло 8 томовъ у Гердера

рейбургѣ) и, наконецъ, объ «Общихъ признакахъ культуры арій-ой и ацтекской, выясненныхъ на основаніи славянскихъ и аме-иканскихъ раскопокъ, въ особенности на металлическихъ орна-ентахъ женской одежды» (бюллетени Краковской академіи наукъ, омы CCLXXXVII, CCLXXXVIII, CCLXXXIX). Итакъ, что я знаю жен-инъ, объ этомъ не можетъ быть разговора, а изъ женщинъ, оче-идно, знаю ту, съ которой ознакомился больше, чѣмъ съ ка-ой-нибудь другой, и поэтому долженъ знать лучше кого бы то и было свою кузину Ванду. А несмотря на то, порою, мнѣ кажет-я, что я ее какъ будто бы совсѣмъ не знаю.

И это уже началось съиздавна.

Въ дѣтствѣ, правда, мы отлично понимали другъ друга. Наше оложеніе было такъ похоже, а условія жизни такъ сближали насъ! ой отецъ и мать умерли, когда я былъ еще въ колыбели, у нея осталась только мать, больная, какъ я запомню, и неспособная за-иматься не только своимъ племянникомъ, но даже и своей соб-твенною дочерью (Ванда была моложе меня на два года). Но нашъ огромный дворецъ въ Боратычахъ былъ такъ пустъ, такъ угрюмъ, преисполненъ такимъ количествомъ воспоминаній и страховъ, а я, подъ покровительствомъ гувернеровъ и боннъ, былъ такъ забро-шенъ и несчастенъ. Мой опекунъ, дядя со стороны отца, старый холостякъ, лишь изрѣдка навѣдывался въ Боратычи, и вотъ тетка Анеля взяла меня къ себѣ со всею ватагой учителей и прислуги. Для нашего исключительнаго пользованія кое-какъ приспособили лѣвое крыло Шидловецкаго дома, и у меня въ памяти навсегда остался этотъ рядъ большихъ залъ съ незакрывающимися окнами и дымящими каминами, обитель скучнѣйшихъ людей и еще болѣе скучной математики. Тамъ я спалъ, ѣлъ, учился, прозябалъ, — а жилъ, въ правомъ крылѣ...

Тамъ были двѣ небольшія комнатки, заставленныя старинною мебелью рококо и множествомъ бездѣлушекъ и фарфоровыхъ фигу-рокъ временъ Августа Саксонскаго. Эти комнаты были самыя отда-ленныя отъ комнаты тетки, куда намъ, дѣтямъ, рѣдко позволялось являться, и мимо которой всѣ проходили тихо и на цыпочкахъ. Дверь выходила въ садъ,—не такая парадная, огромная, какъ та, что вела изъ голубой гостиной на террасу, а маленькая, стеклян-ная, съ сотнею разноцвѣтныхъ стеколъ, какъ разъ для насъ, дѣ-тей. Англичанка дремала въ углу надъ Теннисономъ, французъ по обыкновенію отправлялся къ управляющему играть въ карты или на бильіардѣ, а мы съ Вандзей прятались другъ отъ друга за япон-скіе экраны или потихоньку, на цыночкахъ, убѣгали въ паркъ.

Теперь онъ не кажется мнѣ такимъ большимъ,—обыкновен деревенскій подольскій садъ (у меня въ Боратычахъ вдвое б ше),—но тогда! Тогда мы съ Вандзей прямо воображали, что дѣвственный американскій лѣсъ. Ручей, отдѣляющій его отъ сѣдняго лѣса, казался намъ какой-то широкой рѣкой, а лѣсъ н воображеніе населяло медвѣдями и тиграми, хотя въ немъ водил только зайцы и серны. Еслибъ кто-нибудь изъ краснокожихъ новъ, нашихъ добрыхъ знакомыхъ по Куперу и Майнъ-Риду, скочилъ изъ-за кустовъ, потрясая перьями на головѣ и та гаукомъ, мы, конечно, испугались бы, но это ничуть не удив бы насъ.

Разъ, помню, мы бѣгали по заросшимъ дорожкамъ (паркъ при зни тетки Анели былъ въ полномъ небреженіи) и показалось намъ, мы заблудились. Правда, сквозь вѣтви деревьевъ была видна св кающая на солнцѣ сажалка, а отъ нея до дома рукой подать,— намъ такъ пріятно было пугаться и испытывать чувство заблуд шихся у береговъ Ріо-Гранде или у подножія Скалистыхъ горъ. прижались другъ къ другу подъ тѣнью огромнаго каштана и минуту простояли дрожа, съ широко раскрытыми глазами, ожид чего-нибудь неожиданнаго.

— Слушай Тадзя, а если мы не найдемъ нашего лагеря? спросила Вандзя, сильнѣе прижимаясь ко мнѣ и заглядывая м въ глаза.

— Мы построимъ себѣ хижину и будемъ жить, какъ Робинзо съ Пятницей,—отвѣтилъ я, подумавъ немного.—Я буду ходить охоту, буду приносить тебѣ дичь и бить медвѣдей, а ты тѣмъ вр менемъ наберешь много, много земляники. А потомъ придутъ дик

— О, Тадзя, не говори такъ, я боюсь.

— Не бойся. Я разгоню ихъ. Мы будемъ защищаться, одни я убью, другихъ мы возьмемъ въ плѣнъ.

— Но, вѣдь, они что-нибудь сдѣлаютъ съ тобой... ранятъ, п жалуй.

Она, дѣйствительно, дрожала, въ глазахъ ея виднѣлись слез

— Хоть бы и ранили. Ну, что-жъ? А капитана Гарри не ран ли команши?

Она обвилась рученками вокругъ моей шеи и расплакалась вз правду.

— Я не хочу, не хочу, не хочу, чтобъ тебя ранили. Тебѣ б детъ больно! Пусть лучше меня ранятъ.

— Тебя? Ты дѣвочка, ты не можешь вмѣшиваться въ битву.

— Тогда и ты не вмѣшивайся и не дозволяй себя ранить.

Мы вовсе не играли комедіи и все больше и больше проникались нашею ролью. Вандзя громко рыдала, да и я, несмотря на свой рыцарскій духъ, испытывалъ желаніе послѣдовать ея примѣру. Вдругъ возлѣ насъ послышался пискливый крикъ. Миссъ Томпсонъ, красная, запыхавшаяся, ворвалась въ наше убѣжище.

— Гдѣ вы! Что за несносныя дѣти! Я ищу васъ четверть часа по всему парку. Графъ Августъ пріѣхалъ и хочетъ видѣть васъ.

То былъ мой дядя, опекунъ.

По дорогѣ домой англичанка изливала на насъ свое дурное расположеніе духа.

— И не стыдно дѣвочкѣ, хорошо воспитанной, бѣгать одной съ мальчикомъ по парку и прятаться отъ старшихъ.

При этихъ словахъ Вандзя покраснѣла, какъ піонъ.

Когда на другой день я позвалъ ее въ паркъ, она опустила глаза и сказала, что безъ миссъ Томпсонъ она не пойдетъ, потому что это нехорошо. И съ тѣхъ поръ наши американскія приключенія больше уже не повторялись.

За то мы ходили гулять съ англичанкой; а такъ какъ теперь стояла уже осень, то дѣлали долгіе привалы въ фруктовомъ саду. Миссъ Томпсонъ любила фрукты и пожирала ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что еще теперь при воспоминаніи объ этомъ я испытываю тяжесть въ желудкѣ. Прежде всего мы собирали для нея цѣлыя пирамиды яблокъ и грушъ, а потомъ уже заботились о себѣ.

Разъ, я помню, мы отряхали ренклоды. Одинъ изъ нихъ былъ необыкновенно великъ и мы вмѣстѣ кинулись къ нему. Вандзѣ удалось первой схватить его.

— Не дамъ, не дамъ!—задорно кричала она и дѣлала видъ, что хочетъ укусить сливу. Попроси получше.

— Я не буду просить, я самъ возьму,—крикнулъ я и попробовалъ схватить ртомъ сливу. Лица наши сблизились и, ужъ самъ не знаю, какъ это случилось, губы мои прижались къ ея щекѣ.

Она вдругъ отодвинулась, покраснѣла и закрыла лицо руками.

— Тадзя,—шепнула она,—не дѣлай этого... нехорошо.

Тогда я въ первый разъ не понялъ ее.

Каждый день утромъ и вечеромъ мы цѣловались при теткѣ и гувернанткахъ, и это не было нехорошо. Почему же теперь сдѣлалось?

II.

Немного спустя мы разстались. Меня отдали въ пансіонъ, а Вандзю, послѣ смерти тетки Анели, взяли родственники. Мы пи-

сали другъ другу длинныя и сердечныя письма, то-есть регуля
писала Вандзя, а я отвѣчалъ только тогда, когда у меня были вр
и охота.

Встрѣтились мы черезъ нѣсколько лѣтъ у бабушки, важной
рыни. Я едва узналъ кузину. Она выросла и казалась невѣст
Я, хоть и былъ старше, стыдно сказать, казался передъ ней
уклюжимъ школьникомъ. Я чувствовалъ это и стоялъ сконфу
ный, красный какъ ракъ, думая о томъ, какая несчастная с
чайность прицѣпила человѣку двѣ руки, съ которыми онъ не з
етъ что̀ дѣлать. Но Вандзя подбѣжала ко мнѣ, по-прежнему, и об
лась руками вокругъ моей шеи.

— Тадзя, милый, золотой!

Она смѣялась и плакала. Она очень жива и впечатлительна
красива она была должно быть тогда, какъ и теперь. Такъ,
крайней мѣрѣ, я слышалъ, потому что по своей близорукости
могъ и не могу судить объ этомъ. Наконецъ, это меня никогда
интересовало.

Мы сердечно поздоровались. Правда, лицо миссъ Томпсонъ
тянулось, но я замѣтилъ, что Вандзя перестала считаться
этимъ.

— Пойдемъ, милый въ садъ, по-старому,—крикнула она,
хватывая меня подъ руку,—знаешь, какъ въ Шидловцѣ, когда м
еще была жива.

И мы пошли. То былъ не шидловецкій паркъ, заросшій к
лѣсъ, полный тѣни и потаенныхъ уголковъ, а старомодный фр
цузскій садъ, съ низко подстриженными шпалерами, открытый,
литый солнечными лучами. Но намъ было хорошо тамъ. Ва
смѣялась, бѣгала, забавлялась сама и забавляла меня и чер
четверть часа сумѣла такъ ободрить и расшевелить меня, чт
чувствовалъ себя съ нею такъ же свободно, какъ съ какимъ-
будь своимъ коллегой изъ Кремсмюнстера. Я понималъ, что п
тенъ и необходимъ ей, а до сихъ поръ,—я это зналъ хорошо,—
былъ ни очень пріятнымъ, ни необходимымъ ни для кого. Когда
замѣчаніе англичанки, что она держитъ себя со мною черезч
фамильярно, Вандзя съ оттѣнкомъ досады отвѣтила: «But he is
brother», я почувствовалъ, что она говоритъ правду, и что я, д
ствительно, ея братъ. Потомъ въ ея отношеніи ко мнѣ было что
материнское, какая-то странная заботливость, желаніе возвыс
меня и въ своихъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, какъ будто
хотѣла придать мнѣ самоувѣренности и отваги, которую я т
часто терялъ, неустанное бдѣніе надо мной, какъ бы я не пре

шилъ чѣмъ-нибудь передъ требованіями свѣта. На прогулкѣ я зналъ, что она всегда будетъ возлѣ меня, когда мои знанія верховой ѣзды окажутся недостаточными, въ обществѣ былъ всегда увѣренъ, что ея мѣткая и смѣлая острота оградитъ меня отъ злого языка кузеновъ и выведетъ изъ смѣшного положенія, въ которое я попадалъ такъ часто по своей разсѣянности, неловкости или наивности.

Съ тѣхъ поръ я всегда услаждалъ себя надеждой провести съ Вандзей нѣсколько дней во время вакаціи, и эти дни стали для меня самыми пріятными изо всего года. И я считалъ ее сестрой и не имѣлъ отъ нея никакихъ тайнъ. Я находилъ, что всякое обстоятельство, касающееся меня, занимаетъ и ее, что каждое мое чувство и впечатлѣніе найдутъ въ ея сердцѣ отзвукъ, и что та остроумная, злая, немилосердная барышня, которой всѣ мои кузены боялись, какъ огня, хотя по очереди всѣ влюблялись въ нее,—для меня вѣчно будетъ держать въ запасѣ теплую, свѣтлую, привѣтливую улыбку сестры.

Не удивительно, что когда я (если не ошибаюсь, это было въ седьмомъ классѣ) сразу открылъ въ себѣ безграничную любовь къ златоволосой и только немного веснущатой Лизхенъ, племянницѣ содержателя трактира «Подъ Золотымъ Оленемъ» въ Кремсмюнстерѣ, то поспѣшилъ исповѣдаться передъ Вандзей въ этой любви. Всѣ старшіе ученики бенедиктинскаго пансіона, прибѣгавшіе выпить бутылку пива въ отдаленную таверну, отлично скрытую отъ ока учителей, были влюблены въ эту Лизхенъ. Я на нее не обращалъ вниманія до тѣхъ поръ, пока мои коллеги не начали меня преслѣдовать ею, да она и сама принялась дѣлать авансы «dem polnischen Grafen» (въ то время у меня карманныхъ денегъ было больше, чѣмъ у кого-нибудь изъ моихъ товарищей). Тогда я осмотрѣлся, прочиталъ въ своемъ сердцѣ великое слово: «любовь» и сказалъ себѣ: «или она, или никто». А такъ какъ я все-таки соображалъ, что въ этомъ дѣлѣ мой дядя будетъ нѣсколько иного мнѣнія, то гороскопъ будущаго рисовался передо мною въ трагическихъ формахъ всевозможныхъ смертей, при помощи которыхъ несчастные любовники съ начала вѣка искали соединенія за гробомъ, не имѣя возможности соединиться при жизни.

Понятно, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ Вандзѣ найду наперстника, полнаго сочувствія и пониманія. А на дѣлѣ вышло не то. Она снова удивила меня, и еще больше, чѣмъ въ первый разъ. Я въ моемъ повѣствованіи только что дошелъ до кульминаціоннаго пункта лирики и еще не имѣлъ времени приступить къ разработкѣ трагическихъ гороскоповъ (до нѣкоторой степени это можетъ изви-

нять поведеніе моей кузины), какъ Вандзя, вся раскраснѣвшаяс
съ блестящими глазами, со стиснутыми зубами, вскочила со стул
— И ты глупъ, и твоя швабка,—сердито проговорила она.
Тебѣ нужно бы остаться съ ней и торговать пивомъ!

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, она расплакалась и выб
жала изъ комнаты.

Что это должно было обозначать, я и до сихъ поръ не знаю.

Правда, потомъ мы помирились съ Вандзей, хотя я не пост
гаю, что ее разсердило, но одно-то я сообразилъ, что не во в
тайны моего сердца возможно посвящать ее. И съ тѣхъ поръ я
говорилъ уже ни о блондинкѣ Лизхенъ, которая, впрочемъ, въ тот
же самый годъ вышла замужъ за монастырскаго садовника, ни
брюнеткѣ Маріелѣ, которая заняла ея мѣсто за прилавкомъ и
моемъ сердцѣ.

Наконецъ, я кончилъ курсъ въ пансіонѣ, простился съ добр
ми учителями, въ особенности съ неоцѣненнымъ отцомъ Виллибал
домъ, который привилъ ко мнѣ страсть къ археологіи, и возвр
тился домой. Но Вандзи я уже не засталъ. Ее отдали въ монасты
для окончанія образованія. Какъ сейчасъ помню, какое это бы
для меня разочарованіе. Но я занялся другимъ и забылъ все. Н
ступило время университетскихъ занятій, и геніальный Липгард
приковалъ меня къ своей археологической колесницѣ. Мало-по-ма
я забывалъ о всемъ мірѣ, и не удивительно: я началъ собирать м
теріалы для своей «богини Астарты».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я провелъ ихъ по большей части
границей, а во время краткихъ наѣздовъ на родину не только
встрѣчалъ Вандзю, но даже и не слыхалъ о ней. Однако, она пр
ходила мнѣ въ голову во время созиданія моего первороднаго пр
изведенія. Какъ бы хорошо она умѣла слушать, какъ бы свобод
и основательно я могъ поговорить съ нею объ ассирійскихъ раско
кахъ и объ одеждѣ ацтековъ! Я хотѣлъ было даже писать ей,
это было бы слишкомъ обширно для простого письма. И я ост
вилъ ее въ покоѣ. Кажется, за это время она писала мнѣ разъ,
навѣрно сказать не могу. Не упомню.

III.

Я только что возвратился изъ долгой научной поѣздки въ Малу
Азію и явился въ Краковъ въ самомъ началѣ карнавала, очевидн
не имѣя о томъ никакого представленія. Подагра не дозволяла д
дюшкѣ двигаться съ мѣста,—онъ скучалъ и отъ скуки вбилъ се

въ голову женить меня. Едва мы поздоровались, онъ объявилъ мнѣ, что я обязанъ вступить въ свѣтъ, бывать на балахъ и раутахъ, что достаточно мнѣ киснуть среди разбитыхъ черепковъ и старой рухляди, что нужно перестать быть чудакомъ, мумiей и мамонтомъ, а начать быть молодымъ и такъ далѣе...

Мнѣ ужасно хотѣлось повернуться, забрать еще не распакованные чемоданы и бѣжать на вокзалъ, но воспитанъ я былъ въ традиціонномъ уваженіи къ старшимъ, а притомъ,—нечего грѣха таить,—проявленіе твердости у другихъ импонируетъ меня тѣмъ болѣе, что у меня ея немного въ характерѣ. Я и остался, проклиная судьбу, и вечеромъ, вмѣсто того, чтобъ вынимать изъ ящиковъ и приводить въ порядокъ археологическія замѣтки и книги, отправился на балъ къ Морскимъ.

Я былъ несмѣлъ, неловокъ, близорукъ,—идти со всѣмъ этимъ на балъ довольно скверно. Идти по принужденію, ругаясь и думая о чудесномъ вечерѣ, какой можно было бы провести въ туфляхъ и халатѣ, передъ каминомъ, за стаканомъ чая, и думать о богинѣ Астартѣ,— это, пожалуй, еще хуже. Но не имѣть возможности среди этого потока свѣта, цвѣтовъ, духовъ, брилліантовъ и кружевъ, забраться въ какой-нибудь темный уголокъ, быть предметомъ вниманія и замѣчаній большей части общества,—это уже почти совсѣмъ невыносимая мука. Но что-жъ дѣлать, нужно было пройти черезъ все это. Въ теченіе получаса тетушки, кузины и подруги моей покойной матери перебрасывали меня, какъ мячикъ, дѣлали вивисекціи моихъ внутреннихъ и внѣшнихъ особенностей, заводили диспуты о моемъ сходствѣ съ тѣмъ или другимъ членомъ нашей фамиліи и задавали всевозможные вопросы о моихъ путешествіяхъ, научныхъ занятіяхъ и планахъ на будущее. Наконецъ, наихудшая изо всѣхъ, пріятельница бабушки, любопытная и болтливая, какъ глухая канонисса, схватила меня за руку и, какъ жертву, повлекла въ зимній садъ, угрожая еще болѣе подробнымъ разговоромъ. Но счастливая случайность бросила на насъ цѣлую волну гостей, плывущихъ изъ главнаго салона. Волна раздѣлила насъ, и разбитый, задыхающійся, я очутился въ какомъ-то будуарѣ.

— Уфъ!—простоналъ я, отирая платкомъ лобъ.— Вотъ такъ баня!

— Что, избѣжалъ змія?—засмѣялся кто-то за моею спиной.

Я повернулся и узналъ моего кузена, Гуцю.

— Берегись, какъ бы она опять не поймала тебя, — продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку.—Цѣлый часъ всѣ мамаши и тетуш-

ки только и говорятъ, что о тебѣ. Ты—завидная партія. Вѣроятн
тебѣ предстоитъ выборъ между десятью невѣстами. Но змій,—vul
тетушка канонисса одна дѣйствуетъ безкорыстно. Тебя представ
ли княжнѣ Матильдѣ?

— Можетъ быть, не знаю навѣрно.

— Вотъ тебѣ—не знаю навѣрно! Что же ты знаешь? Долж
быть, это дѣло дяди Августа и князя Генрика, и если... но это
детъ зависѣть отъ тебя. Но княжну ты долженъ былъ видѣть.
серебряномъ газовомъ платьѣ съ незабудками... Замѣтилъ?

— Нѣтъ... не помню.

— Говори съ нимъ послѣ этого! Я готовъ ручаться, что те
представляли, но ты, вѣроятно, думалъ въ это время о своихъ ф
ліантахъ. А кузину Вандзю видѣлъ?

— Она здѣсь?

— Здѣсь ли? Цѣлый часъ на балѣ, гдѣ она царица, и спраш
ваетъ. О, simplicitas, или, вѣрнѣе, о, археологія! Она, какъ толь
пріѣхала, спрашивала о тебѣ. А ты...

— Гдѣ она?

Гуця надѣлъ пенснэ, приподнялъ портьеру и началъ огляд
вать залу.

— Тамъ ея нѣтъ,—медленно сказалъ онъ и, сдѣлавъ два ш
га, заглянулъ въ сосѣднюю гостиную.—Она вышла въ оранжере
Поди, повидайся съ ней. Только какъ бы это не повредило прое
тамъ князя Генрика,—добавилъ онъ, смѣясь.

Въ концѣ стеклянной оранжереи, полной пальмъ и цвѣтущи
камелій, стояла молодая женщина, вся въ бѣломъ, съ брилліан
вою звѣздой въ волосахъ. Глаза ея были опущены на букетъ пар
скихъ фіалокъ, которыя она разсѣянно обрывала цвѣтокъ
цвѣтку.

— Я веду за собою твое несчастіе, кузина,—заговорилъ
ця, входя въ оранжерею.—Вообрази, Тадзя не зналъ, что ты здѣ
Молодая женщина вздохнула, и фіалки дождемъ посыпались
полъ.

— Какая жалость,—сказалъ одинъ изъ мужчинъ, слегка
клоняясь къ ея рукѣ,—вы сломали вѣеръ.

— Правда,—подтвердилъ Гуця,—такой прелестный вѣе
Смотри, Тадзя, что ты надѣлалъ.

— Я?—пробормоталъ я, сконфуженный до послѣдней сте
ни,—почему же я?

Но Вандзя подошла ко мнѣ въ эту минуту и положила мнѣ р
на плечо.

— Какъ поживаешь, Тадзя? — сказала она. — Пройдемся не-ого. Ты разскажешь мнѣ о себѣ.

Въ первую минуту я не могъ рѣшиться. Неужели это дѣйстви-льно она, та Вандзя, съ которою мы играли въ Робинзона и Пят-цу, которой я позже разсказывалъ свои пансіонскія приключе-я. Она,—это королевская красота, передъ которой почтительно зступалась толпа, за которой слѣдовалъ шепотъ удивленія?

Да, то была Вандзя. Ослѣпительная и величественная на видъ, а по-прежнему была спокойна и добра. Ей достаточно было од-й минуты, чтобъ убѣдить меня въ этомъ. Мы сѣли въ углу на зкомъ диванчикѣ, окруженномъ померанцевыми деревьями, она -старому слушала меня со своею ласковою, поощряющею улыб-й, а я разсказывалъ ей о богинѣ Астартѣ и ея значеніи въ срав-ительной миѳологіи.

Насъ прерывали довольно часто, но мы не обращали вниманія. слышалъ какія-то напоминанія объ обѣщанной кадрили, надъ ами склонялись подвитыя головы съ симметричнымъ проборомъ серединѣ, и всегда съ нашего диванчика шелъ одинаково вѣж-ивый и холодный отвѣтъ:

— Простите, пожалуйста. Я очень утомлена и не буду танцо-ать ни съ кѣмъ.

Эту ночь я прожилъ, какъ во снѣ. Ахъ, никто не умѣлъ такъ лушать о финикійской археологіи, какъ она! Наконецъ, гости на-али разъѣзжаться. Вандзя поднялась съ мѣста, шепнула, пожимая нѣ руку: до завтра, да?—и поплыла по гостиной. Я стоялъ, по быкновенію, сконфуженный, хорошенько не понимая, что мнѣ дѣ-ать съ собою. Вдругъ кто-то ударилъ меня по плечу. Я обернул-: очевидно, Гуця.

— Ну, поздравляю, поздравляю!—засмѣялся онъ.—По край-ей мѣрѣ, поднеси ей новый вѣеръ.

— Опять! Отстань ты отъ меня съ этимъ вѣеромъ.

— Ну, ну, хорошо. Въ сорочкѣ ты родился. А что княжна Ма-льда будетъ злиться, такъ это вѣрно.

IV.

На слѣдующій день я пошелъ къ Вандзѣ, какъ обѣщалъ. На-онецъ, меня самого тянуло къ ней. Мнѣ хотѣлось показать ей ин-ересныя вещи, привезенныя мною изъ Памфиліи и Финикіи, и усло-иться, когда мы начнемъ читать мою *Астарту*. Помнится, у ме-я уже были готовы три первые тома.

Моя кузина занимала цѣлый домъ на Плантахъ, очень изящ меблированный. Позже я узналъ, что среди невѣстъ она наход лась въ такомъ же матеріальномъ положеніи, какъ и я среди ж ниховъ. Кажется, ея состояніе было даже вдвое болѣе моего, н смотря на то, что Боратычи стоятъ милліонъ. Бабушка завѣща ей все, но, повидимому, она къ этому относилась равнодушно, ка и я, имя котораго не было упомянуто въ завѣщаніи. Среди бол великолѣпной рамки она была прежнею, милою Вандзей.

При моемъ появленіи она встала и протянула мнѣ обѣ руки.

— Милый, — сказала она, — какъ это хорошо, что ты пр шелъ. Вчера въ этомъ шумѣ и тѣснотѣ мнѣ такъ непріятно бы встрѣтиться съ тобой послѣ стольких лѣтъ разлуки.

Теперь намъ никто не мѣшалъ. Миссъ Томпсонъ почивала в могилѣ, благодаря неимовѣрному количеству поглощенныхъ з одинъ пріемъ персиковъ. Старая, разорившаяся графиня, занима щая ея мѣсто, играла свою роль совершенно пассивно: молча в зала сѣтку. А мы болтали.

Хотя я давно кончилъ курсъ въ университетѣ и не былъ у юношей, этотъ карнавалъ былъ какъ бы моимъ первымъ выходо въ свѣтъ, котораго мнѣ до сихъ поръ удавалось избѣгать. Я до женъ былъ дѣлать визиты, бывать въ театрѣ, который мнѣ н доѣдалъ, и на балахъ, которые положительно убивали меня. Един ственнымъ утѣшеніемъ для меня была мысль, что и тамъ, и там я найду Вандзю, и, разговаривая съ нею, забуду о томъ, что д лается на сценѣ и въ бальной залѣ.

Одинъ разъ я сказалъ ей это. Мы сидѣли уже въ маленько будуарѣ. Графиня пошла къ вечернѣ. Свѣчей еще не подавали, — сквозь открытыя двери виденъ былъ только свѣтъ лампы въ ст ловой, гдѣ накрывали обѣденный столъ.

Вандзя съ минуту молчала.

— Такъ, значитъ, я дѣйствительно нужна тебѣ для чего-н будь? — наконецъ шепнула она. — А я думала — нѣтъ. Такъ дол ты не подавалъ никакого признака жизни, не отвѣчалъ мнѣ. столько лѣтъ. Мнѣ казалось, что ты совсѣмъ забылъ меня.

Я началъ оправдываться. Она положила руку на мое плечо перебила меня:

— Оставь, Тадзя. Мнѣ и въ голову не приходило обвинять т бя. Развѣ я не знаю, какъ ты былъ занятъ, какъ дорого твое вр мя. Я понимаю такъ мало, — что новаго могла дать тебѣ перепис со мною?

— Да нѣтъ же, напротивъ. Я хотѣлъ писать тебѣ, обдум

валъ длинное, обстоятельное письмо и, должно быть, потому и не написалъ. Откладывалъ со дня на день, такъ дѣло и сошло ни на что.

Она повернулась на креслѣ.

— Правда? — спросила она. — Ты не шутишь?

— Что ты! Я хотѣлъ набросать тебѣ весь планъ моей *Астарты*.

— А... да.

— Ты не повѣришь, какія у тебя способности къ археологіи, какъ ты ее понимаешь, какъ умѣешь слушать о ней. Между профессіональными археологами я не встрѣчалъ никого, подобнаго тебѣ. И откуда у тебя это взялось?

— Ты хорошій учитель, Тадзя...— она тихо разсмѣялась и, наконецъ, прибавила серьезно: — Развѣ ты не знаешь, что если кого... если кто-нибудь насъ близко интересуетъ, то мы не можемъ быть равнодушны къ тому, что дорого ему. А для тебя на свѣтѣ что ближе и дороже археологіи?

— Конечно, ничего,— съ убѣжденіемъ сказалъ я.

Разговоръ нашъ какъ-то оборвался. Послѣ минутнаго молчанія Вандзя заговорила о чемъ-то другомъ, но меня черезчуръ тяготила привязанность къ своей кузинѣ, чтобъ я могъ не высказаться.

— Знаешь, Вандзя,— сказалъ я,— меня просто пугаютъ мои отношенія къ тебѣ.

Струя свѣта, плывущая изъ столовой, бросала блѣдный отблескъ на кресло, на которомъ сидѣла Вандзя. Вдругъ она откатила его назадъ не свойственнымъ ей рѣзкимъ и нервнымъ движеніемъ и только тогда отвѣтила мнѣ:

— Почему ты такъ думаешь?

— Черезчуръ уже много мѣста ты занимаешь въ моихъ мысляхъ, въ моихъ чувствахъ, во всей моей жизни. Ты стала для меня необходимою, и я не понимаю, какъ бы могъ теперь существовать безъ тебя, вращаться въ свѣтѣ, работать.

— Столько лѣтъ ты обходился же безъ меня.

— Потому что не встрѣтилъ тебя, по крайней мѣрѣ такою ты стала теперь. А теперь... Нѣтъ, вѣрь мнѣ, меня положительно охватываетъ страхъ при мысли, что раньше или позже отношенія наши измѣнятся, что я утрачу тебя.

— Почему же отношенія наши должны измѣниться? — тихо спросила она.

— Почему? Да по очень простой причинѣ. Еще вчера Гуця говорилъ мнѣ, что твоей руки добивается чуть не полдюжины человѣкъ и давалъ мнѣ понять, что ты уже сдѣлала выборъ. Онъ даже

говорилъ, что твоего избранника я отлично знаю, хотя, говоря с кровенно, я положительно не догадываюсь, кто бы это могъ быт Можетъ быть, ты сама скажешь мнѣ?

Вандзя съ минуту молчала, потомъ отвѣтила какимъ-то сда леннымъ голосомъ, какъ будто ей не хватало дыханія:

— Гуця, какъ всегда, дозволилъ себѣ глупо шутить. Ты долженъ былъ серьезно принимать это.

— Мнѣ и самому такъ же казалось. Я радъ, что сказалъ те это и добился правды,— у меня камень съ сердца свалился. Но че нѣтъ сегодня, можетъ быть завтра. Ты выйдешь замужъ, а я...

— Да у меня вовсе нѣтъ намѣренія выходить замужъ...

— Но, все-таки, ты можешь выйти, а тогда кому я буду ч тать мои археологическіе труды, кто захочетъ ихъ слушать так какъ слушаешь ты?

Она встала и медленно подошла ко мнѣ, потомъ, по-старом когда я, бывало, жаловался на разныя пансіонскія невзгоды, одно рукой оперлась о поручень моего кресла, а другою легко прове по моимъ волосамъ, отстраняя ихъ со лба.

— Будь спокоенъ, Тадзя,— неторопливо сказала она,— я з мужъ не выйду. Я всегда буду для тебя доброю сестрой, готов смягчать твои непріятности, подкрѣплять твой духъ и... слуша исторію богини Астарты.

Слуга принесъ въ будуаръ канделябры, а въ гостиной зажег лампу. Я взялъ въ руки раскрытую тетрадь, лежащую на куч книжекъ.

— Мы собственно остановились на восемьдесятъ четверт главѣ,— сказалъ я, пересматривая исписанныя страницы.

— Нѣтъ, отложимъ это до вечера,— сказала тихо Вандзя сѣла въ темный уголокъ, за китайскій экранъ.— Скоро подадут обѣдъ, а мнѣ не хотѣлось бы прерывать твое чтеніе. Лучше пр чти мнѣ что-нибудь изъ Словацкаго. Онъ у тебя подъ рукой, р домъ съ твоими манускриптами.

Признаюсь, я не люблю поэзіи. Она безъ всякой пользы отн маетъ у человѣка время, которое можно было бы посвятить чем нибудь болѣе важному. Подумайте только, еслибъ Словацкій н правилъ свой талантъ и свои силы на археологію! Насколько бол ше онъ прославилъ бы свою родину, насколько больше принесъ б пользы наукѣ! Но тѣмъ, кто, какъ Вандзя, обладаетъ способност къ сравнительной миѳологіи, пожалуй, можно простить ихъ сл бость къ Словацкому.

Я съ подавленнымъ вздохомъ отложилъ свою рукопись и ра

крылъ маленькую книжку въ изящномъ переплетѣ. Мнѣ попался Анелли.

Графиня все не возвращалась, мы были одни. Въ домѣ было тихо и пусто, снаружи доходили слабые отголоски городского шума и движенія, отдаленный стукъ колесъ, отрывокъ пѣсни рабочихъ, возвращающихся домой, да заунывный, протяжный стонъ весенняго вѣтра, шелестящаго вѣтвями деревьевъ. Вандзя сидѣла не подвижно, съ лицомъ закрытымъ руками.

Я дошелъ до Элленаи и ея разлуки съ Анелли и съ жизнью:

«Обративъ къ Анелли глаза, полные слезъ, Элленаи сказала: я возлюбила тебя, братъ мой, и покидаю.

«И, сказавъ, гдѣ онъ долженъ похоронить ее,— подъ сосной, которая росла въ унылomъ оврагѣ, она добавила: чѣмъ я буду послѣ смерти?

«Я бы хотѣла быть чѣмъ-нибудь живущимъ возлѣ тебя, Анелли,—хотя бы паукомъ, который такъ милъ узнику и по золотому солнечному лучу спускается ѣсть изъ его рукъ.

«Я привязалась къ тебѣ, какъ сестра, и какъ твоя мать, и еще больше...»

На этомъ мѣстѣ я долженъ былъ остановиться. Изъ-за экрана слышалось сдержанное рыданіе, мучительно вырывающееся изъ груди Вандзи.

Я подбѣжалъ къ ней. Она была вся охвачена спазматической дрожью и крѣпко прижимала ко рту платокъ.

— Вандзя,— испуганно крикнулъ я,— что съ тобой?

Она собрала всѣ усилія, нервнымъ движеніемъ отерла глаза и попыталась улыбнуться.

— Ничего,—шепнула она.—Женскіе нервы. Не обращай вниманія. Читай дальше.

Но я уже рѣшилъ не читать ей Словацкаго.

V.

Дядя Августъ съ обвязанными ногами лежалъ у камина, въ которомъ, несмотря на теплое апрѣльское солнце, горѣлъ яркій огонь. Его бархатный халатъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, воротъ безукоризненно бѣлой рубашки повязанъ правильнымъ бантомъ. На столикѣ не было ни одного пузырька съ лѣкарствомъ,—на немъ стояли только вазы съ цвѣтами и лежали новыя книжки и газеты. Въ комнатѣ больного, который цѣлый годъ не поднимался съ механическаго кресла, все дышало изяществомъ и роскошью боль-

шого свѣта. Даже тяжко-больной дядя былъ тѣмъ же, чѣмъ всег да,—джентльменомъ.

Когда я вошелъ, онъ указалъ мнѣ кресло напротивъ себя, от кашлялся и взялъ изъ золотой бонбоньерки двѣ пастильки. То был несомнѣнный знакъ, что конференція будетъ длиться долго.

— Ого, моя женитьба стоитъ на порядкѣ дня!—подумалъ я н не ошибся.

— Тебѣ двадцать шесть лѣтъ, милый Тадзя. Пять лѣтъ ты кончилъ курсъ...

Обыкновенное предисловіе къ разговорамъ подобнаго рода. Дя дя былъ очень систематиченъ и привычекъ своихъ не мѣнялъ. Я зналъ по опыту, что вступленіе продлится десять минутъ, потом наступитъ очередь аргументаціи, которая можетъ растянуться на полчаса, и что до того времени никакіе аргументы и замѣчанія с моей стороны не допускаются.

Я закурилъ папиросу,—я держу ихъ въ резервѣ, для того чтобы въ такую торжественную минуту сохранить ясность мысли обыкновенно я не курю,—и слушалъ терпѣливо. Черезъ четверт часа наступило то, что я предвидѣлъ. Доказавши мнѣ, какъ дваж ды два четыре, что я долженъ жениться, и жениться скоро, дя выставилъ на первый планъ матримоніальную кандидатуру кня ны Матильды.

Дѣвушка она была красивая, милая, добрая и т. д., какъ вообщ всѣ барышни, которыми меня угощали. Правда, приданое неболь шое, но общественное положеніе отмѣнное, блескъ имени, связи. «Ты самъ знаешь, у насъ нѣтъ титула. Мы неблагоразумно отвергл его, когда намъ предлагали его послѣ раздѣла Польши, а потомъ когда сыновья нашихъ управляющихъ сдѣлались баронами и гра фами, хлопотать о томъ было уже неприлично, притомъ и твой отецъ и я вѣчно хворали, не могли принимать участія въ обще ственной жизни, двигаться впередъ, и о насъ немного забыли. Наш имя стушевалось. Союзъ съ князьями, да еще съ такими, внов воскреситъ его. Притомъ, въ этомъ союзѣ заключаются для теб всѣ условія счастья».

Въ такомъ же духѣ дядя говорилъ еще съ четверть часа, убѣ дительно, но очень спокойно. Меня даже удивило,—гораздо спо койнѣй и радушнѣй, чѣмъ обыкновенно. Казалось, онъ исполнял какую-то обязанность, не влагая своего сердца.

Наконецъ, онъ кончилъ и снова открылъ бонбоньерку. То был знакъ, что я могу отвѣчать.

Я отвѣчалъ дядѣ кратко, что всѣ его замѣчанія считаю спра

едливыми, но жениться на княжнѣ не могу, потому что она мнѣ е нравится.

Къ моему великому изумленію, онъ принялъ этотъ отвѣтъ такъ, акъ будто былъ подготовленъ къ нему. Онъ, правда, заявилъ свое еудовольствіе, но какъ бы для того, чтобъ развязаться съ подня-ымъ имъ вопросомъ, наконецъ, поднялъ на меня свои стальные лаза и спросилъ:

— Можетъ быть, ты имѣешь въ виду еще кого-нибудь?

— Никого.

Онъ съ минуту посмотрѣлъ на меня холоднымъ, проницатель-ымъ взглядомъ.

— Даже и Вандзю?—спросилъ онъ послѣ молчанія.

— Вандзю?

Сначала я не могъ собрать своихъ мыслей. Я положительно столбенѣлъ. Чтобъ я могъ являться претендентомъ на руку Ванд-и? Я и она... Могло ли что-нибудь подобное прійти кому-нибудь ъ голову!

— Скажи откровенно,—допрашивалъ далѣе дядя,—ты не ду-алъ о ней?

— Но, дядюшка,—пробормоталъ я,—мы съ Вандзей родные.

Старикъ нетерпѣливо повернулся въ креслѣ.

— Какія глупости ты говоришь,—разгорячился онъ,—покой-ица Апеля была сводною сестрой твоей матери. Хорошо родство! Да, наконецъ, можно выхлопотать разрѣшеніе. Притомъ скажу те-ѣ откровенно, эта партія была бы еще лучше, чѣмъ бракъ съ княжною, гораздо лучше. Если я предложилъ тебѣ сначала ту, то олько потому, что должны исполнить относительно князя Генри-а... гм... кой-какія обязательства,—понимаешь par acquit de con-cience. Но я не ожидалъ такого результата. Я знаю, что происхо-итъ, слышу о Вандзѣ и о тебѣ...

— Даю вамъ слово, что ни Вандзѣ, ни мнѣ въ голову не при-ходило.

Дядюшка еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ пожалъ плечами.

— Не будь же ребенкомъ и не играй со мной комедіи... Весь ородъ говоритъ о васъ и о томъ, что вы заняты другъ другомъ. Ты вѣчно при ней, не выходишь изъ ея дома, она перестала танцо-ать, потому что ты не умѣешь.

— Но клянусь вамъ, дядюшка, что между нами нѣтъ ничего одобнаго... Если я бываю у Вандзи, то только потому, что читаю ей мою богиню Астарту, надъ которой вы постоянно смѣетесь и ко-торая интересуетъ Вандзю.

Дядя засмѣялся.

— Я не докторъ философіи,—сказалъ онъ,—и не знаю как ухаживаютъ молодые люди вашего ученаго поколѣнія. Может быть, теперь такая мода, чтобы дѣлать предложеніе при помощ скучныхъ тетрадокъ... Но что касается Вандзи, то ее должно бы болѣе интересуетъ авторъ Астарты, чѣмъ сама Астарта.

Я чувствовалъ, что нужно разъ навсегда вывести дядю из заблужденія, въ которомъ онъ находился.

— Чтобъ убѣдить васъ въ томъ, какъ вы ошибаетесь, я по вторю вамъ то, что я слышалъ изъ ея устъ нѣсколько дней том назадъ.

Дядя снова поднялъ на меня свой испытующій взглядъ.

— Вандзя увѣряла,—говорилъ я далѣе, торжественнымъ то номъ,—что никогда и ни за кого не пойдетъ замужъ.

Дядя повернулся на креслѣ такъ рѣзко, что разбередилъ ногу застоналъ отъ боли.

— Не можетъ быть,—сказалъ онъ наконецъ.—Тебѣ такъ по слышалось. Ты не понялъ.

— Спросите у нея самой.

— Но, вѣдь, я знаю, у меня есть доказательства, по крайне мѣрѣ признаки... Нѣтъ, это невозможно.

Я передалъ ему нашъ послѣдній разговоръ. Дядя сначала по жималъ плечами, иронически улыбался, потомъ началъ гнѣвно те ребить свои сѣдыя бакенбарды.

— Не понимаю я васъ,—шепнулъ онъ въ концѣ.—Vous cher chez midi à quatorze heures,—а это было такъ легко.

Мы больше не возвращались къ этому вопросу, но я замѣтилъ когда въ разговорѣ наступала пауза, дядя смотрѣлъ на меня, взды халъ и тихо пожималъ плечами.

Два дня спустя былъ раутъ у князя Генрика, на который дядя приказалъ мнѣ отправиться собственно потому, что матримоніаль ные переговоры не привели ни къ чему. Вандзи не было,—она со слалась на утомленіе, что, какъ я замѣтилъ, случалось все чаще Тѣмъ скучнѣй для меня была эта барщина.

Я стоялъ въ углу, закрытый большой вѣеровидной пальмой, и прислушивался къ музыкѣ. Вдругъ до моихъ ушей достигло имя Вандзи.

Я оглянулся. Трое молодыхъ людей, развалившись на оттом нѣ, курили папиросы и вели оживленную бесѣду.

— Объясните мнѣ, что она могла въ немъ найти?—закончи свои слова тотъ, кто упомянулъ имя Вандзи.—Она, такая ц

асная, умная, полная жизни, настоящее солнце среди нашихъ
никосвѣтскихъ звѣздъ, а онъ, этотъ книжный червякъ.

Я началъ прислушиваться внимательнѣй. Не обо мнѣ ли шла
чь? И, опять-таки, въ соединеніи съ ея именемъ.

— Кажется, Фредзя, объ это солнце ты обжогъ себѣ крылья,—
озвался другой,—поэтому ты такъ золъ и суровъ въ своихъ
жденіяхъ.

— Если я пострадалъ, то въ хорошей компаніи. Признайтесь
ми, кому изъ васъ она не вскружила головы?

— Не мнѣ...

— Несомнѣнно, потому что твое сердце взяла въ аренду Фанни.
ромѣ цирка и вольтовъ своей избранницы ты ни на что не обра-
аешь вниманія.

— Пусть такъ,—заговорилъ третій, который до сихъ поръ
ранилъ молчаніе.—Моя прекрасная кузина нравится Фредзѣ, нра-
тся и мнѣ. Но, чортъ возьми, головы я себѣ не разбилъ и не
зобью, когда вижу, что изъ такой муки хлѣба не испечешь. Вещь
ень простая, что она не можетъ выдти за всѣхъ насъ замужъ.
о крайней мѣрѣ, хоть сдѣлала бы разумный выборъ, не было бы
къ жаль. Но подумать только, что, при наличности всѣхъ насъ,
на забила себѣ голову этимъ олухомъ.

— Что тамъ, олухомъ, скажи: совершеннѣйшимъ дуракомъ,
діотомъ.

Я вздохнулъ съ чувствомъ успокоенія. Очевидно, рѣчь шла не
бо мнѣ, коль скоро избранника Вандзи называли идіотомъ. Но кто
е это могъ быть? Напрасно я ломалъ голову. И мнѣ сдѣлалось
кверно. Такъ она, моя умная, добрая, моя сестра, была въ со-
тояніи отдать сердце такому человѣку?

Нѣсколько разъ, бывая у Вандзи, я пробовалъ завести объ этомъ
азговоръ. Я дѣлалъ довольно прозрачные намеки. Ничего не по-
могало. Она смѣялась, перебивала меня, или обращала мои слова
ь шутку. Такъ я ничего и не узналъ.

Прошелъ зеленый карнавалъ, еще болѣе скучный, чѣмъ бѣлый,
отому что прелесть баловъ, концертовъ и раутовъ еще осложни-
ась необходимостью выслушивать диспуты о тренированіи, о жо-
еяхъ, лошадяхъ и пари. Наконецъ, я вырвался изъ этого ада и
бѣжалъ въ деревню. Вандзя поѣхала на воды.

Встрѣтился я съ нею только осенью. Воды не помогли ей. Она
ыла блѣднѣе обыкновеннаго, менѣе оживлена и весела.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда мы прогуливались
о длинной каштановой алеѣ, тянущейся вдоль пруда шидловецкаго

парка. Солнце заходило, бросая красный отблескъ на воду, со с
роны лѣса доносился теплый, влажный вѣтерокъ,—пахло сыр
травой. Въ полѣ пѣли бабы, окончившія работу, и глухо погром
хивали телѣги, нагруженныя снопами.

Мы говорили о чемъ-то неважномъ, но разговоръ нашъ час
обрывался. Нѣсколько разъ я начиналъ говорить о финикійских
карѳагенскихъ женщинахъ (въ то время я собиралъ матеріалы д
сочиненія, которое вышло черезъ два года у Брокгауза), но,
преки обычаю, моя кузина не выказывала никакого интереса.
подозрѣваю, что она даже не слышала меня, отвѣчала односложн
ми словами и часто невпопадъ. Я обидѣлся, замолчалъ, и мы д
вольно долго шли, не проронивъ ни слова.

— Ты знаешь, Тадзя,—наконецъ, сказала Вандзя тихимъ
лосомъ, не поднимая глазъ,—что панъ Мстиславъ сдѣлалъ м
предложеніе въ Киссингенѣ?

— Графъ Мстиславъ?—удивился я,—самый крупный магна
въ Галиціи и самая блестящая партія во всей Польшѣ? Не може
быть! Говорили, что онъ женится на Браницкой.

— Оказывается нѣтъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Онъ не отх
дилъ отъ насъ во время нашего пребыванія въ Киссингенѣ, а п
редъ отъѣздомъ...

— А ты что отвѣчала ему?—безпокойно перебилъ я,—пр
няла его предложеніе?

Она посмотрѣла на меня широко раскрытыми глазами, кот
рые,—не знаю почему,—въ эту минуту показались очень грус
ными.

— Я ему... отказала,—медленно сказала она.

— Побойся же ты Бога!—испуганно крикнулъ я,—да, вѣд
это безуміе! Другой подобной партіи ты не встрѣтишь. На тво
долю выпало великое счастье.

— Можетъ быть,—шепнула она,—но что же дѣлать, если м
сердце не лежитъ къ этому великому счастью.

— Да ты, должно быть, не знаешь, кто такой графъ Мст
славъ? Мало того, что онъ богатъ, какъ никто въ Галиціи, кр
сивъ, превосходно образованъ,—онъ чистъ, какъ кристаллъ,
твердъ, какъ мраморъ. Наконецъ, я лично знаю его и много о не
слышалъ. Спроси кого угодно.

Она низко опустила голову.

— Можетъ быть,—повторила она,—тетя Фелиція повторя
мнѣ это слово въ слово, и дядя Викторъ, и Мариня. Шесть недѣ
и утромъ, и вечеромъ я ничего другого не слыхала.

— И, несмотря на то, отказала ему?

— Отказала... Но ты не тревожься. Панъ Мстиславъ пошелъ къ тетѣ Фелиціи, какъ самой ближайшей моей родственницѣ,—та начала меня осаждать и вынудила...

— То, что ты дала согласіе?

— Нѣтъ, но... я отложила отвѣтъ.

— Надолго?

Она опять подняла на меня свои глаза, тѣ прекрасные, большіе сѣрые глаза, что были глубоки, какъ море. И снова мнѣ показалось, будто въ нихъ кроется какая-то жалоба, какое-то безбрежное, хотя и тихое горе.

— До тѣхъ поръ пока я не увижусь съ тобой и... не спрошу твоего совѣта.

Ея голосъ былъ какъ-то глухъ и беззвученъ. Но я, обрадованный ея словами, не обратилъ на это вниманія.

— Милая моя!—воскликнулъ я и пожалъ ея руку,—ты думала обо мнѣ, не хотѣла рѣшить свою участь безъ меня! Благодарю тебя, благодарю отъ всего сердца. Правда, это трудный отвѣтъ, трудная обязанность.

— Не давай совѣтъ сразу,—быстро перебила она,—подумай, взвѣсь...

— Да чего же тутъ думать?—я былъ бы безумцемъ, еслибъ не посовѣтовалъ тебѣ...

Она снова перебила меня слабымъ, какъ бы измученнымъ голосомъ:

— Прошу тебя, подожди. Не отвѣчай мнѣ,—до завтра, по крайней мѣрѣ. И подумай прежде, чѣмъ отвѣтить...

Вандзя остановилась на минуту, и мнѣ показалось, что будто она борется съ собою.

— Подумай только, что будетъ съ тобою, Тадзя,—закончила она, почти шепотомъ, какъ будто слова не хотѣли сходить съ ея языка.—Вспомни, ты самъ говорилъ мнѣ когда-то, что такъ боишься моего... моего замужства, что оно сдѣлаетъ тебя одинокимъ. Вспомни, какъ ты радовался, когда я сказала тебѣ, что никѣмъ... никѣмъ изъ нихъ, о комъ ты думалъ, я не интересуюсь, что замужъ не пойду, и, по-прежнему, буду твоей доброй, вѣрной сестрой...

— Да, вѣдь, это дѣло совсѣмъ другого рода,—крикнулъ я, воспламеняясь собственными словами,—Мстиславъ не изъ числа тѣхъ салонныхъ франтовъ, которые ухаживали за тобой въ Краковѣ. Я былъ бы безчестнымъ эгоистомъ, еслибъ захотѣлъ лишить тебя такого мужа.

— Ты не спросилъ, люблю ли я его или, по крайней мѣр сумѣю ли полюбить?

— Непремѣнно сумѣешь. Вѣрь мнѣ,—у него есть все, чтоб возбудить любовь. И въ особенности... Я забылъ упомянуть о е важнѣйшемъ пристрастіи.

— Къ чему?

— Къ археологіи,—представь себѣ, къ археологіи! Да еще к какой,—къ ассирійской, финикійской, карѳагенской,—именно к тому самому, что составляетъ предметъ и моей спеціальности. К тому же, этотъ человѣкъ не мѣшаетъ мнѣ,—напротивъ, оказыв етъ помощь. Развѣ ты забыла, что онъ ѣздилъ со мной въ Тар и въ Тиръ, что мы вмѣстѣ съ нимъ производили раскопки въ Па филіи и въ Сиріи? Правда, онъ дѣйствуетъ изъ любви къ искусств а можетъ-быть ищетъ впечатлѣній туриста. Правда, онъ скор любитель, чѣмъ ученый, но онъ понимаетъ, интересуется... О Астартѣ онъ написалъ статью въ *Обозрѣніи*, и это была един ственная цѣнная критика, какая появилась до сихъ поръ. Если выдамъ тебя за него замужъ, то вовсе не утрачу тебя...

Я уже рисовалъ у себя въ головѣ, какъ я буду читать имъ об имъ свою *Финикійскую женщину*, какъ вмѣстѣ съ ними бу предпринимать археологическія экскурсіи и собирать древности.

Право, какъ чудесно было бы это! Я не потерялъ бы Вандзи еслибъ она вышла за Мстислава,—напротивъ, болѣе сблизился б съ нимъ, а это, несомнѣнно, благотворно повліяло бы на мои з нятія.

Я говорилъ въ этомъ смыслѣ довольно долго. Вандзя не отв чала мнѣ ничего и не поднимала глазъ. Я былъ увѣренъ, что уб дилъ ее. Пошелъ я спать въ самомъ розовомъ настроеніи духа снилось мнѣ, что мы втроемъ откапываемъ среди развалинъ Ка ѳагена сокровищницу царицы Дидоны, въ сравненіи съ которой в открытія Шлимана—дѣтская игрушка.

На другой день утромъ слуга, вмѣстѣ съ завтракомъ, принес мнѣ записку отъ Вандзи.

«Пишу тебѣ, чтобы сообщить о моемъ рѣшеніи по извѣстном дѣлу. Сейчасъ я посылаю верхового къ графу съ окончательны отвѣтомъ,—отрицательнымъ. Прости,—твои аргументы, хотя о были очень краснорѣчивы,— не убѣдили меня. Ты по-прежне долженъ будешь ограничиться только одною слушательницею твои произведеній. Прошу тебя, не упоминай никогда объ этомъ пре метѣ. Зачѣмъ отравлять наши бесѣды, когда мы расходимся во мн ніяхъ? Поэтому я пишу тебѣ».

Потрудитесь мнѣ отвѣтить, не правъ ли я въ своемъ мнѣніи о
андзѣ и не справедливо ли я утверждаю, что, зная хорошо всѣхъ
енщинъ вообще, а ее лучше чѣмъ кого-либо, — по временамъ я
лженъ сказать, что не знаю ее, не понимаю ее?...

VI.

Два часа тому назадъ Вандзя пріѣхала ко мнѣ прощаться. Мы
азстаемся на долгое время. Члены большой ученой экспедиціи,
оторая снаряжается по моей иниціативѣ и направляется въ сред-
юю и южную Америку съ цѣлью собиранія матеріаловъ для сочи-
енія *О вліяніи финикіянъ на культуру ацтековъ*, уже въ
ондонѣ или ждутъ меня въ Вѣнѣ. Я выѣзжаю туда сегодня вече-
омъ, а возвращусь... Экспедиція разсчитана на три года, но мо-
етъ продлиться четыре года, пять... кто знаетъ?

И вотъ, я пожалъ руку моей доброй Вандзи, смотрѣлъ, какъ
лезы двумя ручейками катились по ея щекамъ, слышалъ ея по-
слѣднія слова: «Да сохранитъ тебя Богъ!» И все это, можетъ быть,
ъ послѣдній разъ. Она была такъ блѣдна, такъ прозрачна и во-
бще, въ послѣднее время, кажется такою слабой. Неужели, со-
храни Боже... Но нѣтъ. Не будемъ думать о грустныхъ вещахъ и
отравлять первыхъ впечатлѣній путешествія, о которомъ мечта-
лось такъ долго и такъ страстно и которое осуществляется только
ейчасъ.

Однако, я не знаю, почему не могу думать о немъ и радовать-
ся. Вандзя все стоитъ у меня передъ глазами, ея послѣднія слова
неустанно звучатъ въ моихъ ушахъ.

Когда вчера вечеромъ мы прощались съ ней на террасѣ шидло-
вецкаго дома, она сошла внизъ, къ моему экипажу, и пожимая мнѣ
руку, шепнула:

— До свиданія. Еще увидимся передъ твоимъ отъѣздомъ, Тад-
зя. Я завтра пріѣду на минутку въ Боратычъ, чтобъ... чтобъ пе-
рекрестить тебя въ послѣдній разъ.

Она пріѣхала. Я повелъ ее въ лѣвый павильонъ, въ которомъ
помѣщаются мои археологическія коллекціи. Я оставляю ихъ на ея
попеченіи и хотѣлъ передъ отъѣздомъ дать нѣсколько указаній.
Вандзя слушала меня въ молчаніи, съ опущенными глазами, съ
нервно стиснутыми губами.

— Тадзя,— сказала она, наконецъ, положивъ свою руку на
мою ладонь, — все, что ты сказалъ и что хочешь сказать, я уже
слышала отъ тебя нѣсколько разъ. И вѣрь мнѣ, я всегда слушаю

внимательно и запоминаю хорошо. Твои коллекціи, которыя ты такъ любишь, я буду охранять днемъ и ночью, потому, что ты вложилъ въ нихъ свое сердце, потому что онѣ — часть твоей души, что-то такое, что будетъ меня связывать съ тобою, когда ты уѣдешь отсюда. Мой глазъ, моя мысль вѣчно будетъ здѣсь, пока хватитъ моихъ силъ и жизни. Такъ не опасайся же... И... не говори сегодня объ этомъ. Сегодня мнѣ хочется, чтобы ты принадлежалъ мнѣ, чтобъ я о тебѣ только могла думать и говорить.

Она тяжело дышала, держась рукой за алебастровую колонну, которую я привезъ изъ Бальбека. Я взглянулъ на нее и испугался.

— Вандзя, ты нездорова!

Она была очень блѣдна, почти такъ же блѣдна и прозрачна, какъ алебастръ. Я въ первый разъ пристальнѣе всмотрѣлся въ нее и испугался еще больше. Что сталось съ этою царственною красотой, передъ которой, десять лѣтъ тому назадъ, весь Краковъ преклонялъ колѣна! Одна только тѣнь, правда, идеально прекрасная, но какая-то неземная, лишенная плоти, какъ ангелы Фра Анджелико, съ серебряными нитями въ роскошныхъ черныхъ волосахъ.

И тогда мнѣ пришло въ голову, что, вернувшись, я, можетъ-быть, уже не застану ее, можетъ-быть, замкнутся на вѣки глаза, которые съ тѣхъ поръ, какъ я запомню, смотрѣли на меня такъ любовно, съ такимъ тихимъ и горячимъ чувствомъ. И мнѣ сдѣлалось страшно и противно, почти такъ же страшно и противно, какъ тогда, когда безцѣнное сокровище, жемчужина моихъ азіатскихъ раскопокъ, статуя богини Астарты, разбилась въ куски въ Тріестѣ при выгрузкѣ съ парохода.

— Вандзя, — простоналъ я, обнимая рукою ея гибкій станъ, — Вандзя, дорогая моя, единственная!

Она прижалась ко мнѣ и склонила на мою грудь свою бѣдную головку, какъ смертельно измученная птица.

— Теперь мнѣ хорошо, — шепнула она тихо, — не бойся, все прошло.

Но должно быть прошло, да не все, потому что колѣна ея подгибались и, еслибъ я не поддерживалъ ее, она навѣрно бы упала.

— Ты положительно нездорова, — безпокойно сказалъ я, — я не могу оставить тебя такъ, я...

Я прервалъ свою рѣчь. У меня на языкѣ вертѣлись слова: «я не могу ѣхать въ эту минуту», но, очевидно, объ отсрочкѣ моего отъѣзда не могло быть и рѣчи. Вандзя поняла меня.

— Еслибъ дѣло не зашло такъ далеко и товарищи моего путешествія не ожидали бы меня въ Лондонѣ...

Она улыбнулась и шутя зажала мнѣ ротъ.

— Не стыдно ли говорить такія ребяческія рѣчи члену академіи наукъ?— сказала та.— Ты думаешь, я позволила бы тебѣ отложить твой отъѣздъ, разрушить твои планы и нанести неисчислимый вредъ наукѣ и тебѣ? Еслибъ я умирала, то послѣднимъ напряженіемъ силъ заставила бы тебя ѣхать. Да, впрочемъ, о чемъ тутъ говорить? Я здорова, совершенно здорова. Твой отъѣздъ немного разстроилъ мои нервы, но эта временная слабость скоро пройдетъ безслѣдно.

Я посмотрѣлъ на нее съ благодарностью и уже меньшимъ безпокойствомъ.

— Какая ты добрая, Вандзя, какая добрая!—сказалъ я.

— Оставь...—Вандзя попыталась улыбнуться,—я только искренна и не хочу тебя огорчать безъ всякаго повода. Дай мнѣ руку и пойдемъ въ садъ,—здѣсь спертый воздухъ, тяжело дышать.

Мы тихо шли по алеѣ, но разговоръ нашъ не клеился. У меня въ головѣ все стояла моя бѣдная, разбитая Астарта, съ чертами лица Вандзи. А Вандзя вспоминала прошедшее время, которое мы проводили вмѣстѣ и вдругъ, нѣтъ, нѣтъ, да остановится.

— Вѣришь ли,—сказалъ я, послѣ одной изъ такихъ паузъ,—что Мстиславъ будетъ сопутствовать мнѣ въ одной части моего путешествія?

— Да?—равнодушно переспросила она,—ты не говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Онъ только на-дняхъ написалъ мнѣ о своемъ намѣреніи, а я, за своими дорожными приготовленіями, совсѣмъ забылъ объ этомъ. Планъ нашего путешествія заинтересовалъ его, и онъ на время хочетъ присоединиться къ нему.

— Я очень рада,—отвѣтила Вандзя,—у тебя будетъ хорошій товарищъ; признаюсь, и я буду спокойна, когда буду знать, что вы поѣдете вмѣстѣ.

— Если дѣло пошло на откровенность,—отвѣтилъ я, улыбаясь,—я предпочелъ бы оставить васъ вдвоемъ.

Она слегка пожала плечами.

— Вѣдь, ты знаешь, Тадзя, что я его не любила, изъ насъ никогда не могла бы составиться пара.

— Можетъ быть полюбила бы когда-нибудь.

— Я никогда не могла бы полюбить,—отвѣтила она съ удареніемъ, подавленнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Знаешь ли, Вандзя, мнѣ иногда приходитъ въ голову, не правда ли то, что я слышалъ о тебѣ когда-то. Иначе я не могу

объяснить, почему ты отказывала всѣмъ, кто за тебя сватался, в томъ числѣ и Мстиславу.

Она подняла голову и мягко, но спокойно, прямо заглянула мнѣ въ глаза.

— Тебѣ говорили, что я интересуюсь кѣмъ-то? Я помню, ты спрашивалъ меня, вѣрно ли это.

— Я былъ неправъ?

Она улыбнулась какъ-то неопредѣленно и отвернула отъ меня голову.

— Можетъ быть, ты и былъ правъ,—шепнула она.

— Такъ это была правда,—воскликнулъ я,—а я думалъ... Но, по крайней мѣрѣ, теперь-то, скажи мнѣ, кто это былъ... Ты должна мнѣ сказать.

Она слегка отстранилась, избѣгая моего взгляда, и молча покачала головой. Стыдилась, что ли, она своей любви? Такъ это правда, о чемъ говорили когда-то? Такъ, значитъ, онъ не былъ достоинъ ея, и до такой степени, что въ теченіе столькихъ лѣтъ мнѣ, своему ближайшему другу, брату, она не осмѣливалась открыть его имени?

А, можетъ быть, она и до сихъ поръ еще любила его?

Мысли, сталкиваясь и путаясь, клубились у меня въ головѣ. Мнѣ сдѣлалось неимовѣрно тяжко и скверно.

— Вандзя,—сказалъ я, прижимая ее къ себѣ,—Вандзя моя, я имѣю право знать все, я ближе всѣхъ къ тебѣ, я братъ твой. Кто же больше любитъ тебя, чѣмъ я? Кому же ты скажешь, если не мнѣ?

Она вырвалась изъ моихъ рукъ и невѣрнымъ шагомъ пошла одна по другой сторонѣ аллеи.

— Никому, никому,—наконецъ сказала она, не глядя на меня.

— А еслибъ я просилъ тебя, какъ испытанный другъ, еслибъ желалъ услышать отъ тебя правду, какъ братъ, ты и тогда не сказала бы?

— Никогда.

Мнѣ дѣлалось все хуже.

— Извѣстно ли тебѣ, Вандзя, что твое молчаніе можетъ породить странное подозрѣніе... можетъ подтвердить людскую болтовню... странную болтовню.

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, съ горящими глазами.

— Что говорили тебѣ люди?

— Называли его недостойнымъ тебя.

Она вздрогнула.

— Это неправда,—стремительно сказала она.—Это человѣкъ честный, достойный и справедливый, какихъ мало на свѣтѣ.

«И за то слава Богу!»—подумалъ я про себя и прибавилъ
ухъ:
— Но были обвиненія и другого рода.
— Именно?
— Если вѣрить имъ, то былъ книжный червякъ, олухъ и...
— И? Говори правду.
— Извини меня, но ты требуешь сама: идіотъ!
Къ моему не малому изумленію, кончики губъ Вандзи, до сихъ
ь нервно стиснутыхъ, начали подергиваться, какъ будто ей хо-
ось разсмѣяться. По всей вѣроятности,—какая-нибудь особен-
ть спазмодическаго припадка.
— Ты дѣйствительно слышалъ это?
— Увы!
— Ты слышалъ совершенную неправду, Тадзя. Тотъ, котора-
. о которомъ ты слышалъ, дѣйствительно немного... немного
центриченъ, немного одностороненъ, можетъ быть, немного...
аненъ.
— Ну, вотъ, видишь! И такому ты могла отдать сердце?
Она снова грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то загадочно улыб-
ась.
— Подожди,—закончила она,—онъ, дѣйствительно, таковъ,
только потому, что онъ—человѣкъ великой мысли, исключи-
льнаго таланта, исключительнаго трудолюбія. Его сердце возлю-
о возвышенный и лучезарный идеалъ, его глаза, обращенные
солнце, не обращаютъ вниманія на мелочи жизни,—не удиви-
льно, что иногда его нога спотыкается о какое-нибудь свѣтское
ловіе, не мудрено, что его не понимаютъ и не цѣнятъ тѣ, кото-
е мельче и хуже его.
Она говорила восторженно, вся разгоралась и дрожала. Вся ея
ша заключалась въ этихъ словахъ. Я слушалъ съ удивленіемъ,
ти съ испугомъ.
— Но, милая Вандзя, ты до сихъ поръ еще любишь его?—
залъ я.
Она посмотрѣла на меня своими мягкими, бархатистыми гла-
ми и медленно наклонила голову.
Не знаю почему, въ эту минуту я почувствовалъ злобу къ это-
незнакомому человѣку, который сумѣлъ такъ завладѣть этимъ
дцемъ, а я считалъ, что оно всецѣло отдано мнѣ.
— Такъ ты любишь его больше всѣхъ? Больше, чѣмъ меня?
Она снова улыбнулась.

— Больше, чѣмъ тебя? Нѣтъ, милый Тадзя... Такъ же, какъ тебя.

— Но, ради Бога, почему же... такое чувство, столько лѣтъ... ты, ты прекрасная, чарующая и... почему же?

Съ минуту она не отвѣчала мнѣ ничего.

— Богу не было угодно, — наконецъ тихо сказала она.

— Но онъ-то зналъ объ этомъ?

Вандзя отрицательно покачала головой.

— Но, въ такомъ случаѣ, отчего же ты не открылась ему?... Можетъ быть, онъ не смѣлъ, можетъ быть, стоитъ ниже тебя, — мало ли какія могутъ быть препятствія... Можетъ быть, нужно мое посредничество, чтобъ устроить твое счастье...

— Сохрани Богъ, — серьезно сказала она. — Кто знаетъ, дала ли бы мнѣ счастье эта любовь? Наконецъ, онъ не любилъ меня — по крайней мѣрѣ, любилъ да не такъ. Ты думаешь, моя гордость позволила бы мнѣ вступить въ союзъ при такихъ условіяхъ? Притомъ, онъ и такъ счастливъ, въ теперешнемъ своемъ положеніи.

— А ты?

— Я? Я радуюсь его счастью, живу и буду жить мыслью о немъ, молитвой за него, — такъ, какъ живу молитвой за тебя и мыслью о тебѣ, Тадзя.

Съ минуту мы шли молча. Я испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы передо мной разверзлась пропасть. Жалость къ бѣдной женщинѣ, моему лучшему другу и товарищу положительно разрывали мою грудь.

— Значитъ, онъ никогда не узнаетъ, значитъ ты съ нимъ никогда, никогда...

Она подняла руку кверху и мягко улыбнулась.

— Да кто же это можетъ быть? — крикнулъ я, чуть не съ отчаяніемъ. — Вѣдь, я знаю почти всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты знаешь и можешь знать. А теперь я ломаю голову, комбинирую, ищу и ничего подобнаго, ничего...

Она положила мнѣ руку на плечо.

— Не ищи и не мучь себя напрасно. Не нападешь на его слѣдъ. Да и на что тебѣ?

— По крайней мѣрѣ, знаю я его?

Она снова улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

— Оставимъ это, — сказала она, погодя немного, ты напрасно огорчался этимъ. То былъ сонъ моихъ молодыхъ лѣтъ, золотой сонъ... но сны обыкновенно не сбываются. Отъ него мнѣ осталось

ольше, чѣмъ остается отъ обыкновенныхъ сновъ: нѣсколько яс-
ыхъ воспоминаній и спокойное чувство, измѣнить которое ничто
е измѣнитъ и которое кончится только со смертью.

Потомъ мы разстались. Она уже уѣхала, а я все стою и думаю
ея послѣднихъ словахъ, и все въ моемъ мозгу бьется вопросъ,
то же этотъ человѣкъ, котораго она любитъ такъ горячо, такъ
авно, и такъ тщательно скрываетъ отъ меня? Я хожу по заламъ
воего музея, по галлереямъ, наполненнымъ чемоданами, разсѣян-
о отвѣчаю на вопросы прислуги, а въ мысли у меня одно и тоже:

— Кто онъ?

В. Л.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ.

(Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго *).

Письма знаменитаго русскаго писателя Ивана Сергѣевича Тургенева къ его французскимъ литературнымъ друзьямъ представляютъ двойной интересъ: они цѣнны, во-первыхъ, по своему литературному достоинству, какъ все, что ни выходило изъ-подъ пера этого великаго стилиста, и, во-вторыхъ, они открываютъ неизвѣстную до сихъ поръ сторону его литературной жизни.

Русскіе часто упрекаютъ своего великаго поэта за то, что онъ провелъ бо́льшую часть своей жизни за границей и поэтому не могъ находиться въ непосредственномъ соприкосновеніи съ людьми и событіями, о которыхъ онъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣкоторые изъ его русскихъ біографовъ утверждаютъ даже, что среда, въ которой онъ такъ долго жилъ, окончательно оторвала его отъ Русской земли, не давъ ему взамѣнъ ни семьи, ни глубокихъ дружескихъ связей на этой французской землѣ, гдѣ онъ оставался всегда, говорятъ они, нравственно одинокимъ. «Поѣздка заграницу,—говоритъ одинъ изъ нихъ г. Ивановъ,—не принесла Ивану Сергѣевичу нравственнаго удовлетворенія со стороны чужихъ, а свои отдалялись отъ него все больше съ каждымъ годомъ».

Этотъ біографъ, издавшій недавно о Тургеневѣ большую работу, въ которой онъ соединилъ всѣ извѣстные до сихъ поръ русскому обществу матеріалы, основывается на нихъ въ своихъ обвиненіяхъ французскихъ друзей русскаго писателя и доказываетъ, что ихъ вліяніе на него ограничивалось застольной пріятельской бесѣдой, которая вертѣлась обыкновенно около женщинъ и любви; и это потому, что Эдм. Гонкуръ говоритъ гдѣ-то въ своемъ *Дневникѣ:* «Женщина, любовь—вотъ обычная тема разговора умныхъ людей, когда они ѣдятъ и пьютъ. Разговоръ сначала нѣсколько игривъ, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ удивленіемъ и даже съ нѣ-

---

*) По соглашенію съ редакціей *Cosmopolis*, переводъ этихъ писемъ будетъ напечатанъ единовременно съ появленіемъ французскаго подлинника.—*Ред.*

которымъ *ужасомъ*, какъ варваръ, который любитъ самымъ естественнымъ образомъ».

По мнѣнію г. Иванова, судьба, связавшая Тургенева съ французскою семьей и французскимъ обществомъ, проявила мало материнскихъ попеченій о талантѣ и нравственномъ мірѣ русскаго писателя. Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—въ чемъ состояло для Тургенева «семейное счастье» подъ кровлей Віардо. Это въ сущности было долголѣтнее *недоразумѣніе*, породившее въ его душѣ горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли теперь, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей по дѣятельности: дружба съ ними не болѣе какъ условно фамильярное, ресторанно-пріятное компанейство; и на виллѣ Фрэнъ (villa des Fresnes *), и въ Café Riche, Тургеневъ одинаково былъ чужимъ.

Ужъ если г. Ивановъ перелисталъ *Дневникъ Гонкуровъ*, то онъ могъ бы также убѣдиться, что даже когда завсегдатаи обѣда Маньи или Café Riche (носившаго также названіе «Обѣда пятерыхъ»: Тургеневъ, Гонкуръ, Флоберъ, Золя и Доде) говорили о женщинѣ и о любви, то они говорили какъ психологи и литераторы, и что чтеніе этого *Дневника* и находящіяся въ немъ замѣчанія относительно писателей представляютъ несомнѣнный литературный интересъ и послужили самому г. Иванову для его критической оцѣнки нравственной личности Тургенева.

Изъ писемъ, издаваемыхъ нами теперь, можно видѣть, что отношенія Тургенева къ его французскимъ друзьямъ носили, главнымъ образомъ, интеллектуальный характеръ и что многіе изъ этихъ друзей,—такъ г. и г-жа Віардо сначала, Флоберъ потомъ,—имѣли благотворное вліяніе на развитіе его таланта; и, конечно, этому вліянію слѣдуетъ приписать его ясный, сдержанный слогъ, его простую форму, достигающую совершенства именно благодаря своей простотѣ,—качество столь рѣдкое у русскихъ писателей, даже у лучшихъ.

Когда, въ 1843 году, Тургеневъ познакомился съ семействомъ Віардо, ему только-что исполнилось двадцать пять лѣтъ и имя его было совершенно неизвѣстно въ русской литературѣ. Онъ страстно увлекался тогда только охотой и на одной изъ охотъ его познакомили съ г. Віардо,—съ Віардо, который уже живалъ въ Россіи, зналъ русскій языкъ и собирался познакомить Францію, посредствомъ переводовъ, съ лучшими произведеніями русской литературы. Онъ уже былъ извѣстенъ своими учеными работами по искусству и иностранной литературѣ. Г-жа Віардо, тогда еще очень молодая, — двадцати двухъ лѣтъ, — уже была знаменитой пѣвицей, соединявшей съ безпримѣрною виртуозностью внутренній огонь, глубокое чувство, изящный вкусъ, такъ волнующіе душу. Эта чета артистовъ должна была произвести сильное и прочное впечатлѣніе на эстетическую натуру Тургенева.

И въ самомъ дѣлѣ, дружба, которую онъ съ тѣхъ поръ навсегда со-

*) Помѣстье Віардо въ Буживалѣ.

хранилъ къ семейству Віардо, носила въ продолженіе сорока лѣтъ, до самой его смерти, характеръ артистической и интеллектуальной симпатіи.

«Чужбина давала ему то, чего не доставало ему въ родномъ обществѣ,—говоритъ другой изъ русскихъ біографовъ Тургенева, г-жа Андреева.— Тѣ потребности его художнически-изящной натуры, которыя у насъ находили мало оцѣнки и поддержки, нашли удовлетвореніе въ средѣ, которую онъ создалъ въ семьѣ Віардо...» И она говоритъ въ заключеніе, такъ же хорошо отзываясь о Віардо, какъ и о другихъ французскихъ друзьяхъ Тургенева: «Своей симпатіей къ его литературности, своей преданностью искусству, свободой и искренностью своихъ взглядовъ на вещи они дали Тургеневу среду наиболѣе сродную его характеру...

«Эта семья и эта дружба поддержали его бодрость въ служеніи той родинѣ, которой онъ никогда не забывалъ».

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сказалъ самъ Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ:* «Я, конечно, не написалъ бы *Записокъ охотника,* еслибъ остался въ Россіи» *).

Откуда же эта меланхолія, которой, дѣйствительно, проникнуты его интимныя письма? Причина ея лежитъ, быть можетъ, въ его нравственномъ одиночествѣ, какъ утверждаетъ г. Ивановъ? Нѣтъ, конечно, и самъ Тургеневъ даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ:

«Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ,—полоса помѣщичья и крѣпостная,—не представляли ничего такого, что бы могло удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно брести общею колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ...» (*Литературныя и житейскія воспоминанія.* Вмѣсто вступленія).

Но въ очень интересномъ и очень подробномъ письмѣ, которое я получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ извѣстнаго русскаго поэта Полонскаго, самаго стариннаго и самаго вѣрнаго друга Тургенева, я читаю между прочимъ:

«При его средствахъ, онъ могъ бы побывать и на Кавказѣ, и въ Крыму, и на Уралѣ, и даже въ Сибири, а не ограничить своего художественнаго кругозора только Московской, Тамбовской да Орловской губерніями. Какъ бы тогда расширились предѣлы его наблюдательности, сколько бы новыхъ типовъ вышло изъ-подъ пера его!

«Судьба рѣшила иначе».

И г. Полонскій перечисляетъ длинную серію причинъ, которыя помѣшали Тургеневу лучше познакомиться съ его огромной страной и которыя

---

*) *Литературныя и житейскія воспоминанія.* Вмѣсто вступленія.

неизмѣнно сводятся все къ одной и той же причинѣ,—къ глубокой дружбѣ, связывавшей русскаго писателя съ семействомъ Віардо.

Здѣсь скрывается, можетъ быть, свойственное всѣмъ поэтамъ преувеличиваніе, или, еще вѣрнѣе, ревность дружеской любви и патріотическаго чувства. Для того, чтобы чувствовать, что вашъ пульсъ бьется въ унисонъ съ великимъ анонимнымъ сердцемъ, нѣтъ надобности непремѣнно посѣтить всѣ области обширной имперіи.

Родиться въ одномъ изъ уголковъ, всецѣло проникнутыхъ національнымъ духомъ, прожить тамъ до того времени, когда люди вступаютъ въ разумъ, образоваться тамъ подъ воздѣйствіемъ молодыхъ впечатлѣній и въ продолженіе всего своего существованія внимательно слѣдить, иногда вблизи, чаще изъ ясной, прозрачной дали, за всѣми проявленіями національной жизни,—всего этого вполнѣ достаточно для темперамента избранниковъ для того, чтобъ угадать и разсказать радости и страданія цѣлой націи, чтобы безпристрастно судить о характерѣ и нравахъ цѣлой эпохи.

У Тургенева былъ такой темпераментъ; Орловская губернія, гдѣ онъ родился, принадлежала къ одному изъ такихъ уголковъ. Вотъ почему онъ могъ написать самое русское и самое гуманное изъ произведеній—*Записки охотника*—въ глубинѣ Иль-де-Франсъ и дать вѣрную картину общественной жизни своей родины за тридцатилѣтній періодъ въ серіи работъ, историческое значеніе которыхъ не уступаетъ артистическому, только изрѣдка отправляясь подышать воздухомъ родной земли. Онъ не могъ и не долженъ былъ ограничить свою богатую красками кисть изображеніемъ отечественныхъ фигуръ опредѣленнаго района; онъ могъ и долженъ былъ стремиться создать вѣчныя, всемірныя творенія. (Il ne devait borner sa palette aux riches couleurs à la peinture des figures ethniques des régions limitées; il a pu et a dû avoir l'ambition de nous donner des créations éternelles et universelles).

Но жизнь вдали отъ родины только еще больше усилила его привязанность къ ней, и онъ былъ Русскій до мозга костей. Его французскіе друзья хорошо понимали это. Въ моментъ, когда его смертельные останки должны были навсегда покинуть Францію, которую онъ такъ любилъ и которая такъ любила его, Эдмондъ Абу сказалъ:

«— Вы не просто любили Францію, но вы ее любили изящно, именно такой любовью, какую она вправѣ требовать для себя! Она съ гордостью усыновила бы васъ, еслибы вы того пожелали, но вы всегда оставались вѣрнымъ Россіи, и хорошо поступили, ибо тотъ, кто не любитъ своего отечества всецѣло, слѣпо, до глупости (bêtement), останется всегда человѣкомъ только на половину. Вы не были бы столь популярны въ странѣ, гдѣ васъ ждутъ теперь, если бы не были хорошимъ патріотомъ. Я прочелъ въ газетѣ, что нѣкто изъ самой многочисленной и самой сильной касты, изъ касты глупцовъ, сказалъ: «Я не знаю Тургенева, это—европеецъ, а я—русскій купецъ». Этотъ простакъ помѣстилъ васъ въ черезчуръ тѣсные предѣлы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человѣчеству. Но Россія занимала первое мѣсто въ вашихъ привязанностяхъ».

Въ 1849 г. Луи Віардо издалъ въ Парижѣ переводы нѣкоторыхъ произведеній Гоголя, между прочимъ: *Тарасъ Бульба*, *Записки сумасшедшаго*, *Коляска*, *Старосвѣтскія помѣщики*, *Вій*. Величайшій изъ русскихъ критиковъ Бѣлинскій съ большой похвалой отозвался объ этихъ переводахъ, говоря, что они были очень близки къ подлиннику и отличались легкимъ и изящнымъ слогомъ. Г. Віардо перевелъ потомъ въ 1853 г. *Капитанскую дочку* Пушкина и въ 1858 г. *Записки охотника* Тургенева. Впрочемъ, почти всѣ произведенія послѣдняго были переведены Луи Віардо или его женой, которой помогалъ самъ Тургеневъ. Но въ 1847 г., когда Тургеневъ поѣхалъ проводить въ Берлинъ семейство Віардо, онъ только что напечаталъ первый изъ своихъ разсказовъ въ серіи *Записокъ охотника* (*Хорь и Калинычъ*), и его новые друзья были далеки отъ мысли, что его ожидаетъ такая славная будущность. Въ томъ же году онъ уѣхалъ къ Віардо въ Парижъ.

Какъ разсказывалъ позднѣе самъ Тургеневъ, онъ въ то время былъ совершенно безъ средствъ, такъ какъ мать его, недовольная его отъѣздомъ и оскорбленная тѣмъ, что онъ, дворянинъ стариннаго русскаго рода, посвятилъ себя литературѣ, отказалась высылать ему деньги. Но онъ нашелъ у Віардо самое широкое гостепріимство, и Куртавенель, ихъ помѣстье въ Rosay-en-Brie, сдѣлалось, по его собственному выраженію, его литературной колыбелью. «Не имѣя средствъ жить въ Парижѣ,—говорилъ онъ своему другу Фету,—я провелъ здѣсь зиму въ полномъ одиночествѣ, питаясь бульономъ изъ полукурицы и яичницей, которые мнѣ готовила старая служанка. Здѣсь, чтобы заработать себѣ денегъ, я написалъ большую часть изъ моихъ *Записокъ охотника*, и здѣсь также, какъ вы это видѣли, жила моя дочь изъ Спасскаго» *). Дѣло идетъ о ребенкѣ Тургенева, котораго онъ въ молодости, еще студентомъ, имѣлъ отъ крѣпостной своей матери. Маленькой дѣвочкѣ очень дурно жилось въ Россіи; Тургеневъ открылся во всемъ г-жѣ Віардо, она посовѣтовала ему привезти ребенка и взялась воспитывать его со своими собственными дѣтьми.

Въ 1850 г. смерть матери Ивана Сергѣевича вынудила его пріѣхать въ Россію, и лишь въ 1855 г. онъ снова возвратился къ своимъ друзьямъ. Онъ сопровождалъ ихъ въ поѣздкѣ по всей Европѣ, а потомъ поселился съ ними въ Баденѣ. Война 1870 г. заставила ихъ отправиться въ Парижъ, гдѣ жилъ съ ними Тургеневъ, уѣзжая только на время то въ Петербургъ, то въ Спасское, принадлежавшее ему имѣніе Орловской губерніи.

Черезъ семейство Віардо Тургеневъ познакомился съ артистическимъ и литературнымъ міромъ французовъ того времени. Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1847 году, онъ встрѣтилъ у нихъ въ первый разъ Жоржъ-Зандъ, старинную пріятельницу Луи Віардо, съ которымъ она основала въ 1841 году *Revue Indépendante*. Но болѣе прочныя отношенія между ними установились только впослѣдствіи, благодаря Флоберу.

---

*) *Фетъ*: „Воспоминанія". Т. I, стр. 158.

Около этого же времени онъ познакомился съ Мериме, уже извѣстнымъ своими переводами лучшихъ произведеній русской литературы; ближе сошелся съ Шарлемъ Эдмондомъ, съ которымъ онъ познакомился въ Берлинѣ и котораго снова встрѣтилъ въ Парижѣ въ домѣ одной изъ своихъ соотечественницъ, г-жи Языковой, гдѣ бывали также извѣстный революціонеръ Бакунинъ и русскій писатель-изгнанникъ Герценъ.

Шарль Эдмондъ ввелъ Тургенева въ избранный литературный міръ того времени: Сэнтъ-Бёвъ, Теофиль Готье, Флоберъ, оба Гонкура, Тэнъ, Бертело, Ренанъ, Гаверни, Поль де-Сэнтъ-Викторъ, Шереръ, Шарль Бланъ, Андріанъ Гебраръ и т. д.,—однимъ словомъ, всѣ посѣтители знаменитыхъ обѣдовъ ресторана Маньи. За исключеніемъ Флобера, котораго онъ зналъ съ 1858 г., Тургеневъ видѣлъ всѣхъ въ первый разъ. И, въ самомъ дѣлѣ, въ *Дневникѣ Гонкура* мы читаемъ замѣтку отъ 23 января 1863 года:

«Обѣдъ у Маньи. Шарль Эдмондъ приводитъ намъ Тургенева, этого иностраннаго писателя съ такимъ изящнымъ талантомъ, автора *Mémoires d'un Seigneur russe* и *Hamlet russe*. Это прелестный гигантъ, кроткій великанъ съ сѣдыми волосами, съ благодушнымъ видомъ горнаго или лѣсного духа. Онъ красивъ, величественно красивъ, безпредѣльно красивъ, съ синевой неба въ глазахъ, съ чудной пѣвучестью русскаго акцента, съ пѣвучестью, напоминающей немного не то ребенка, не то негра. Тронутый, ободренный сдѣланной ему нами оваціей, онъ разсказываетъ намъ много любопытнаго о русской литературѣ, и говоритъ, что вся она отъ романа до театра стоитъ на широкомъ пути реалистическаго изученія».

Гизо уже выражалъ желаніе познакомиться съ авторомъ *Дневника лишняго человѣка*, чтеніе котораго поразило его, а Ламартинъ съ восторгомъ разсказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ Тургеневымъ.

Русскій писатель находился также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Жюль Симономъ, Эдмондомъ Абу, Гуно, Ожье, Максимомъ дю-Канъ (du Camp), съ Викторомъ Гюго, Жюль Жанэномъ, Франсискомъ Сарсе, Жюлемъ Кларети, а позднѣе Флоберъ познакомилъ его съ молодою натуралистическою школой: Золя, Додэ, которые вмѣстѣ съ Эдмондомъ Гонкуромъ, Флоберомъ и Тургеневымъ образовали маленькое *Общество пятерыхъ, Société des cinq*, собиравшихся ежемѣсячно на обѣдъ или у Флобера, или у Гонкура. Наконецъ, черезъ Золя Тургеневъ познакомился съ молодыми писателями, сотрудниками *Меданскихъ вечеровъ* (Soirées de Medan), и, главнымъ образомъ, съ Гюи де-Мопассаномъ.

Мы уже сказали нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое имѣло на талантъ Тургенева знакомство съ французскими литераторами. Надо прибавить также, что и онъ долженъ былъ съ своей стороны оказывать нѣкоторое воздѣйствіе на молодую натуралистическую школу. Надо замѣтить, что натурализмъ или скорѣе реализмъ, ставшій *школой* во Франціи только съ Флобера, составлялъ характерную черту русской литературы еще со временъ Пушкина и Гоголя.

Тургеневъ, послѣдователь этихъ двухъ великихъ писателей, часто въ бесѣдахъ со своими французскими друзьями говорилъ о необходимости бросить старыя романтическія формы съ ихъ сложною интригой, съ ихъ искусственными героями, и заняться изображеніемъ дѣйствительной жизни и простыхъ людей. И сами романисты новой школы не отрицаютъ этого вліянія Тургеневскихъ мнѣній и произведеній.

Мериме, познакомившійся еще задолго до пріѣзда Тургенева во Францію съ сочиненіями Пушкина и Гоголя, и даже видѣвшій Гоголя въ 1837 г. въ Парижѣ у г-жи Смирновой *), сказалъ какъ-то Тургеневу: «Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собой; наши поэты, напротивъ, идутъ совершенно противоположною дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу... У Пушкина, — прибавилъ онъ,—поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собой изъ самой трезвой правды» **).

Въ послѣдніе годы своей жизни авторъ *Colomba* въ письмѣ къ одной русской дамѣ ***) (не изданномъ во Франціи) снова возвращается къ этому мнѣнію: «Уступая желанію и настоянію нѣкоторыхъ русскихъ знакомыхъ, я прочелъ *Преступленіе и наказаніе*, романъ г. Достоевскаго; мнѣ говорили, что это лучшее изъ его произведеній. Скажу вамъ откровенно, несмотря на большой талантъ автора, романъ мнѣ не нравится; въ немъ какая-то напряженность и экзальтація чувства, а это вредитъ ясности художественнаго созерцанія. Онъ скорѣе послѣдователь Виктора Гюго, чѣмъ Пушкина. Достойно ли русскаго писателя, имѣющаго такой высокій образецъ, слѣдовать по стопамъ Гюго и вдохновляться имъ?»

Знакомство Тургенева съ французскимъ литературнымъ міромъ вызвало, во время его переѣздовъ, очень интересную переписку. Къ сожалѣнію, не вся она сохранилась или не вся еще найдена. Такъ письма Тургенева къ Мериме потеряны навсегда: они были сожжены во время коммуны, въ улицѣ Лиль, вмѣстѣ съ другими бумагами автора *Colomba*. Огюстенъ Филонъ, авторъ весьма интересной книги: ***Мериме и его друзья*** *(Mérimé et les Amis)*, имѣвшій въ рукахъ всѣ біографическіе матеріалы, касающіеся Мериме, употребилъ много старанія, чтобы разыскать эту переписку, но безуспѣшно.

Неизвѣстно также въ настоящее время, гдѣ находятся письма Тургенева къ Виктору Гюго, такъ какъ Поль Мёрисъ (Paul Meurice) не нашелъ ихъ въ бумагахъ своего знаменитаго друга. Такая же судьба постигла письма къ Шарлю Эдмонду. Благодаря любезности Жюля Кларети, который самъ

---

*) Въ С.-Петербургскомъ салонѣ г-жи Смирновой, воспѣтой Пушкинымъ и названной Вяземскимъ Notre-Dame de la littérature russe собирались самые знаменитые писатели Россіи.

**) Изъ рѣчи Тургенева о Пушкинѣ.

***) Къ г-жѣ А. Д. Л-вой, нап. г. Матвѣевымъ въ *Новомъ Времени*, № 6702, въ его ст. *Просперъ Мериме и его отношенія къ русской литературѣ*.

никогда не состоялъ въ перепискѣ съ Тургеневымъ, мнѣ сообщили два письма Тургенева къ Шарлю Эдмонду и одно письмо къ Ф. Бёрти (Ph. Burty).

Жюль Симонъ отвѣчалъ на мою просьбу, что онъ, правда, «много зналъ и много любилъ Тургенева. Но мы слишкомъ часто видѣлись,—прибавляетъ онъ,—для того, чтобы между нами могла возникнуть литературная переписка, а кромѣ того, мои папки подверглись страшному разграбленію». То же самое говоритъ и Франсискъ Сарсе, съ тою только разницей, что онъ добровольно роздалъ «любителямъ автографовъ» нѣсколько незначительныхъ записокъ, полученныхъ имъ отъ Тургенева.

Одинъ тяжелый инцидентъ, о которомъ мы скажемъ позднѣе, когда начнется печатаніе писемъ Тургенева къ Золя, не допустилъ Альфонса Додэ сообщить мнѣ письма Тургенева. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самого же Додэ, письма эти прелестны и сердечны. Будемъ надѣяться, что, ознакомившись съ издаваемой нами перепиской, авторъ *Набаба* снова вернется къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ питалъ къ Тургеневу при его жизни, и будетъ меньше придавать вѣры разнаго рода бабьимъ сплетнямъ. Наконецъ, Эдмондъ Гонкуръ увѣрялъ меня, что у него нѣтъ ни одного интереснаго письма отъ Тургенева, такъ какъ они видѣлись слишкомъ часто. Но я опасаюсь, что за этимъ отвѣтомъ скрывается такое же раздраженіе противъ Тургенева, какъ и у Додэ, вызванное равнымъ образомъ такъ называемыми *Воспоминаніями о Тургеневѣ* лжесвидѣтеля.

Однимъ словомъ, въ настоящее время мы имѣемъ письма Тургенева къ г-жѣ Віардо, къ Жоржъ-Зандъ, къ Сэнтъ-Бёву, къ Теофилю Готье, къ Флоберу и его племянницѣ, г-жѣ Комманвиль, къ Тэну, Ренану, Шарлю Эдмонду, Золя, Гюи де-Мопассану, къ Андрэ Тёрье и къ Ф. Бёрти. Письма къ Флоберу и къ Золя всѣ на-лицо, въ полномъ составѣ, но и вся остальная переписка представляетъ большой біографическій интересъ. Она начинается вмѣстѣ съ литературнымъ дебютомъ Тургенева и кончается только съ его смертью.

Существуютъ, навѣрное, еще письма, намъ неизвѣстныя. Мы были бы весьма благодарны всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы сообщить намъ ихъ, въ интересахъ многочисленныхъ почитателей великаго русскаго писателя *).

Мы рѣшили печатать переписку Тургенева въ хронологическомъ порядкѣ и начинаемъ съ писемъ къ Віардо, къ Флоберу и къ г-жѣ Комманвиль.

И. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ г-жѣ Віардо.

I.

16 мая 1850 г.

«Я въ Куртавенелѣ. Признаюсь, я счастливъ, какъ ребенокъ, что опять нахожусь здѣсь. Я пошелъ поздороваться со всѣми мѣстами,

---

*) Всѣ сообщенія должны быть адресованы г. Гальперину-Каминскому, въ контору *Космополисъ* (M-r Halpérine-Caminsky, au bureau de la *Revue Cosmopolis*).

съ которыми я уже прощался передъ отъѣздомъ. Россія подождетъ, эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и загадочная, какъ сфинксъ Эдипа. Она проглотитъ меня позднѣе. Мнѣ кажется, я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ холоднымъ вниманіемъ, какъ это подобаетъ каменнымъ глазамъ. Будь спокоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и тогда ты можешь сожрать меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки! Оставь меня въ покоѣ еще на нѣкоторое время. Я вернусь къ твоимъ степямъ!

«Сегодня стояла прекрасная погода. Гуно весь день прогулялъ въ лѣсу Б*** въ погонѣ за идеей; но, капризное, какъ женщина, вдохновеніе не пришло, и онъ ничего не нашелъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ сказалъ мнѣ. Завтра онъ нагонитъ потерянное время. Въ данную минуту онъ лежитъ на медвѣжьей шкурѣ въ мукахъ творчества. Его настойчивость и упорство въ работѣ приводятъ меня въ восхищеніе. Пустота сегодняшняго дня превратила его въ совершенно несчастнаго человѣка. Онъ тяжко вздыхаетъ *) и ничѣмъ не можетъ разсѣять своей думы. Съ отчаянія онъ начинаетъ придираться къ тексту. Я постарался приподнять его настроеніе и, кажется, мнѣ это удалось. Очень опасно становиться на такую наклонную плоскость: кончаешь тѣмъ, что складываешь руки на животѣ и говоришь себѣ: «вѣдь, все это отвратительно!» Мнѣ было немного смѣшно слушать его сѣтованія, такъ какъ я знаю, что всѣ эти небольшія тучки разсѣются при первомъ дуновеніи; и я очень польщенъ, что мнѣ пришлось быть повѣреннымъ этихъ маленькихъ мученій творчества...» **).

II.

С.-Петербургъ, 21 февраля 1852 г.

. . . . . .

«... Я не могу продолжать этого письма такъ, какъ я его началъ. Насъ поразило великое несчастье: Гоголь умеръ въ Москвѣ,—умеръ, предавъ все сожженію,—все—2-й томъ *Мертвыхъ душъ*, массы законченныхъ или начатыхъ вещей,—однимъ сло-

*) Il pousse des soupirs gros comme le bras.

**) Тургеневъ познакомился съ Гуно въ домѣ Віардо и сохранялъ отношенія съ нимъ въ продолженіе всей своей жизни; но переписки никакой не осталось. Г-жа Шарль Гуно пишетъ мнѣ: „... Гуно былъ большимъ поклонникомъ этого знаменитаго поэта. Онъ часто встрѣчался съ нимъ у друзей; но мнѣ кажется, что ихъ близкія отношенія ограничились только этими встрѣчами, такъ какъ въ огромной перепискѣ Гуно, которую я недавно только привела въ порядокъ, мнѣ не попалось ни одной подписи Тургенева.

вомъ, все. Вамъ трудно будетъ оцѣнить, какъ велика эта жестокая, безвозвратная потеря. Нѣтъ русскаго, сердце котораго не обливалось бы кровью въ настоящую минуту. Для насъ это былъ болѣе чѣмъ простой писатель: онъ открылъ намъ насъ самихъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ для насъ продолжателемъ (continuateur) Петра Великаго. Вамъ можетъ показаться, что слова эти написаны подъ вліяніемъ горя, преувеличены. Но вы не знаете его; вамъ извѣстны только самыя незначительныя изъ его произведеній; но еслибъ даже вы знали ихъ всѣ, вамъ трудно было бы понять, чѣмъ онъ былъ для насъ. Надо быть русскимъ, чтобы чувствовать это. Самые проницательные умы среди иностранцевъ,— какъ Мериме, напримѣръ,—видѣли въ Гоголѣ только юмориста на англійскій ладъ. Его историческое значеніе совершенно ускользаетъ отъ нихъ. Повторяю, надо быть русскимъ, чтобы знать, что мы потеряли».

Г-ну и г-жѣ Віардо.

III.

Петербургъ, 1 (13) мая 1852 г.

«Дорогіе друзья мои!

«Это письмо вамъ передастъ одна особа, которая выѣзжаетъ отсюда черезъ нѣсколько дней,— или же она перешлетъ вамъ его въ Парижъ, какъ только переѣдетъ границу, такъ что я могу поговорить съ вами немного по душѣ, не боясь любопытства полиціи. Прежде всего скажу вамъ, что если я не оставилъ Петербурга еще мѣсяцъ тому назадъ, то, конечно, не по своей волѣ. Я посаженъ подъ арестъ въ полицейскую часть, по повелѣнію императора, за то, что напечаталъ въ одной московской газетѣ нѣсколько строкъ о Гоголѣ. Это послужило только предлогомъ,— статья сама по себѣ совершенно незначительна. Но на меня уже давно косятся и прицѣпились къ первому подвернувшемуся случаю. Я не жалуюсь на императора; дѣло было представлено ему въ такомъ искаженномъ видѣ, что онъ не могъ поступить иначе. Хотѣли положить конецъ всему, что говорилось по поводу смерти Гоголя, и были рады случаю подвергнуть въ то же время запрещенію и мою литературную дѣятельность.

«Черезъ двѣ недѣли меня отправятъ въ деревню, гдѣ я долженъ буду жить до новаго распоряженія. Все это далеко не весело, какъ вы видите; тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что со мной обращаются весьма по-человѣчески; у меня хорошая комната, книги, я могу писать; первые дни я могъ видѣться со знакомыми, но

потомъ это запретили, такъ какъ ихъ приходило слишкомъ много. Несчастіе не обращаетъ въ бѣгство друзей,—даже въ Россіи. *Несчастіе,* правду сказать, не слишкомъ велико: 1852 годъ будетъ для меня безъ весны, вотъ и все. Самое печальное здѣсь только одно: надо окончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ, я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ; покидая васъ, я хорошо зналъ, что это надолго, если только не навсегда. Теперь у меня только одно желаніе, чтобы мнѣ позволили странствовать по Россіи. Надѣюсь, что въ этомъ мнѣ не будетъ отказано. Наслѣдникъ *) очень добръ. Я написалъ ему письмо, отъ котораго ожидаю нѣкотораго блага. Вы знаете, что императоръ уѣхалъ.

«Наложили также печать на мои бумаги или, скорѣе, запечатали двери моей квартиры, а десять дней спустя сняли печать, ничего не осмотрѣвъ. По всему вѣроятію, имъ было извѣстно, что тамъ не находилось ничего запрещеннаго.

«Надо сознаться, что я достаточно скучаю въ этой дырѣ. Я пользуюсь этимъ вынужденнымъ досугомъ для изученія польскаго языка, заниматься которымъ началъ шесть недѣль тому назадъ. Мнѣ предстоитъ еще четырнадцать дней заключенія! И ужъ считаю же я ихъ!

«Вотъ, дорогіе друзья мои, мало пріятныя новости, которыя я могу сообщить вамъ. Надѣюсь, что вы скажете мнѣ что-нибудь болѣе пріятное. Здоровье мое хорошо, но я постарѣлъ до смѣшного: я могъ бы послать вамъ прядь *сѣдыхъ* волосъ—безъ всякаго преувеличенія. Все же я не теряю мужества. Въ деревнѣ меня ждетъ охота! Потомъ я постараюсь привести въ порядокъ мои дѣла. Я снова примусь за свои очерки изъ быта русскаго народа, самаго страннаго и самаго удивительнаго народа во всемъ мірѣ. Я буду работать надъ своимъ романомъ съ тѣмъ большею свободой мысли, что мнѣ не придется пропускать его черезъ цензорскіе когти. Мой арестъ сдѣлаетъ, вѣроятно, невозможнымъ печатаніе моего произведенія въ Москвѣ. Очень жаль, но что же дѣлать!

«Я прошу васъ чаще писать мнѣ, дорогіе друзья мои; ваши письма поддержатъ мое мужество въ эти дни испытаній: ваши письма и воспоминанія о прошедшихъ дняхъ, о Куртавенелѣ, — вотъ все мое богатство. Я не останавливаюсь долго на этомъ, боюсь расчувствоваться. Вы хорошо знаете, что мое сердце съ вами, и я могу сказать это, теперь въ особенности... моя жизнь кончена, въ ней нѣтъ больше очарованія; я съѣлъ весь свой бѣлый хлѣбъ: бу-

*) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II.

демъ жевать оставшійся черный и просить небо, чтобъ оно было помилостивѣе, какъ говорилъ Вивье (J'ai mangé tout mon pain blanc: mâchons ce qui reste de pain bis et prions le ciel qu'il soit bien bon, comme disait Vivier).

«Мнѣ не зачѣмъ говорить вамъ, что все это должно остаться въ глубокой тайнѣ; малѣйшей замѣтки, малѣйшаго намека въ какой-нибудь газетѣ будетъ довольно, чтобъ окончательно погубить меня.

«Прощайте, дорогіе друзья мои; будьте счастливы, и я буду радоваться вашему счастью насколько могу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мнѣ часто, и будьте увѣрены, что моя мысль всегда съ вами. Цѣлую васъ всѣхъ и посылаю вамъ тысячу благословеній. Милый Куртавенель, тебѣ также мой привѣтъ! — Прощайте, прощайте; пишите мнѣ часто. Еще разъ цѣлую васъ. Прощайте *)!

Ив. Тургеневъ.

IV.

Спасское, 7 іюля (25 іюня) 1858 г.

Дорогой другъ,

Я возвращаюсь въ Спасское послѣ четырехдневнаго отсутствія и нахожу ваше письмо съ грустнымъ извѣстіемъ! Я не смѣлъ говорить вамъ о своихъ предчувствіяхъ, я старался убѣждать самого себя, что все могло еще хорошо кончиться,— и вотъ его нѣтъ больше! Я очень сожалѣю о немъ самомъ; я очень сожалѣю обо всемъ, что онъ унесъ съ собой; я глубоко чувствую, какое жестокое горе должна была принести вамъ эта потеря и какую пустоту, — вамъ будетъ трудно заполнить ее. Онъ васъ такъ любилъ! Віардо и Луи-

*) Въ своихъ *Литературныхъ воспоминаніяхъ* Тургеневъ подробно разсказываетъ всѣ обстоятельства своего ареста. Въ маленькой статьѣ, написанной имъ по поводу смерти Гоголя и помѣщенной также въ *Воспоминаніяхъ*, не было ничего злонамѣреннаго; она была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ мартѣ 1852 г. съ разрѣшенія цензуры. Но это послужило предлогомъ для того, чтобы заставить молодого автора поплатиться за смѣлость его *Записокъ Охотника*. Тургеневъ былъ посаженъ на одинъ мѣсяцъ. Къ счастью, обѣ дочери надзирателя были большими поклонницами его таланта; по ихъ настоянію, Тургеневу отвели для заключенія частное помѣщеніе ихъ отца. Тамъ, пользуясь вынужденнымъ досугомъ, онъ написалъ свой знаменитый разсказъ *Муму*, о которомъ Карлейль говорилъ, что онъ никогда не читалъ ничего болѣе трогательнаго. По всему вѣроятію, на этотъ разсказъ и намекаетъ Тургеневъ въ вышеприведенномъ письмѣ.

По окончаніи ареста Тургеневъ „административнымъ порядкомъ“ былъ отправленъ въ свое имѣніе Спасское безъ права выѣзда. Это заключеніе въ деревнѣ продолжалось до конца 1854 г. И только благодаря графу Алексѣю Толстому, автору *Смерти Іоанна Грознаго* и г-жѣ Смирновой, о которой мы уже говорили, обратившихся съ просьбой о его помилованіи къ наслѣднику цесаревичу, Тургеневу была возвращена свобода. И онъ поспѣшилъ воспользоваться ею, чтобы вернуться во Францію.

за *) должны быть также очень огорчены. Когда смерть поражаетъ нашихъ рядахъ, оставшіеся друзья должны сближаться еще тѣсн не утѣшеніе предлагаю я вамъ, я протягиваю вамъ дружескую р ку; глубоко преданное вамъ сердце говоритъ, что вы можете по житься на него, какъ на то, которое уже перестало биться.

«Я не могу не думать о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Ше феромъ; у него былъ такой хорошій видъ, что мнѣ никакъ не мог придти на мысль, что я вижу его въ послѣдній разъ. Онъ писа Христа съ Самаритянкой; я сѣлъ позади него, и мы долго раз варивали: я разсказывалъ ему о своемъ путешествіи по Итал (это было въ первыхъ числахъ мая). Никогда я не видѣлъ его т кимъ привѣтливымъ, въ такомъ хорошемъ настроеніи. Какой уж ный ударъ для его дочери!

Меня слишкомъ поразило это печальное извѣстіе для того, чтоб я могъ много говорить о себѣ. Скажу въ двухъ словахъ, что я пр велъ очень пріятно три дня у друзей **): двухъ братьевъ и сестры прекрасной, но очень несчастной женщины. Она была принужден разстаться съ мужемъ: своего рода деревенскимъ Генрихомъ VIII весьма отвратительнымъ; у нея трое дѣтей, которые растут очень хорошо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ отца. Он очень сурово обращался съ ними, изъ принципа; ему достав ляло удовольствіе воспитывать ихъ по спартански и вести самом какъ разъ противоположный образъ жизни. Подобныя вещи част встрѣчаются: такимъ образомъ можно пользоваться пріятными сто ронами и порока, и добродѣтели,—добродѣтели по довѣренности.

«Изъ двухъ братьевъ одинъ довольно безцвѣтенъ, другой—пре лестный малый, лѣнивый, флегматичный, неразговорчивый и, въ то же время, очень добрый, нѣжный, съ тонкимъ вкусомъ и тон кими чувствами, существо по-истинѣ оригинальное. Третій братъ (графъ Л. Толстой, о которомъ я вамъ говорилъ, какъ объ *одном изъ лучшихъ нашихъ писателей,* вы улыбаетесь, вы вспоминает Фета, къ которому я ѣду завтра, такъ какъ онъ мой сосѣдъ; но Толстой, дѣйствительно и безъ всякихъ оговорокъ, изъ ряду вон выходящій талантъ, и я надѣюсь какъ-нибудь убѣдить васъ в этомъ, переведя вамъ его *Дѣтство* ***). Я закрываю здѣсь мои без конечныя скобки). Третій братъ, говорю я, долженъ былъ пріѣхат и не пріѣхалъ. Сестра довольно хорошая музыкантша; *мы* играл Бетховена, Моцарта и т. д.».

---

*) Дочь г-жи Віардо.

**) Въ имѣніи гр. Толстыхъ „Ясная Поляна", кот. находится недалеко отъ Спа

***) *Histoire d'une enfance.*

V.

Спасское, 21 іюля 1858 г.

Дорогая и хорошая m-me Віардо,

Начинаю свое письмо съ горестнаго для всѣхъ русскихъ извѣстія. Художникъ Ивановъ, о которомъ я, кажется, говорилъ вамъ въ моемъ письмѣ изъ Рима, скончался отъ холеры въ С.-Петербургѣ.

«Бѣдный человѣкъ! Послѣ двадцатипятилѣтней работы, послѣ лишеній, нищеты, добровольнаго заключенія, въ ту минуту, когда его картина была наконецъ выставлена, прежде чѣмъ онъ успѣлъ получить какую-нибудь награду, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣдиться въ успѣхѣ своего произведенія, которому посвятилъ всю жизнь,—смерть, смерть внезапная, какъ апоплексическій ударъ, но болѣе ужасная, такъ какъ она начинается не съ головы! Плохонькая газетная статья, полная оскорбленій, недомолвокъ, разсчитаннаго пренебреженія—вотъ все, что дала ему родина за короткое время между его возвращеніемъ и смертью. Что касается его картины *), то она несомнѣнно принадлежитъ къ той эпохѣ искусства, въ которую мы вступили уже болѣе вѣка тому назадъ, и которая есть, надо же въ этомъ сознаться, эпоха упадка (une époque de décadence). Это уже не просто живопись, это философія, поэзія, исторія, религія. Есть плачевные недостатки, и тѣмъ не менѣе это великая вещь, серьезное возвышенное произведеніе, и надо желать, чтобъ оно имѣло вліяніе въ Россіи, хотя бы для того только, чтобы создать реакцію противъ школы Брюллова» **)...

VI.

Спасское, 30 іюля 1858 г.

...Вотъ что я дѣлалъ въ продолженіе истекшихъ девяти дней. Я много работалъ надъ романомъ ***), который я началъ и который надѣюсь кончить къ началу зимы; потомъ я былъ на охотѣ за 150 верстъ отсюда и напрасно потерялъ пять дней,—болота пустовали, такъ какъ время перелета дупелей и бекасовъ еще не наступило.

Я занимаюсь также вмѣстѣ съ дядей упорядоченіемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ: начиная съ осени они всѣ будутъ переведены на *оброкъ*, то-есть я уступлю имъ половину своихъ зе-

*) Знаменитое *Явленіе Христа*, надъ которымъ Ивановъ работалъ четверть вѣка и которая главнымъ образомъ и создала его славу.

**) Представитель академическаго оффиціальнаго искусства.

***) *Накануне*, переведенное на франц. языкъ подъ заглавіемъ *Un Bulgare*.

мель за извѣстную годовую плату, а для обработки своей зе
буду нанимать рабочихъ. Это будетъ переходное состояніе въ о
даніи рѣшенія комитетовъ; а пока еще нельзя сдѣлать ничего об
чательнаго.

«Я упомянулъ вамъ о романѣ, который пишу. Какъ я былъ
счастливъ познакомить васъ съ его планомъ, изложить характер
намѣченную мною цѣль и т. д.; съ какимъ вниманіемъ выслуша
бы всѣ ваши замѣчанія! На этотъ разъ я долго обдумывалъ с
жетъ, и надѣюсь избѣжать нетерпѣливыхъ и неожиданныхъ вы
довъ, которые такъ справедливо шокировали васъ. Я чувств
себя въ ударѣ работать, но горячность молодости уже далеко о
меня; я пишу съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое удивля
меня: только бы это не отразилось на моемъ произведеніи! Qui
froid, dit médiocre» *).

. . . . . .

VII.

Парижъ, 16 февраля 1865 г.

. . . . . .

«.... Я не былъ ни въ одномъ театрѣ. Нѣтъ, рѣшительно мнѣ
доставляетъ удовольствіе бывать тамъ... одному. Вчера я присут
ствовалъ на открытіи палатъ въ большой salle des Etats въ Лувр
Мы были набиты какъ сельди въ боченкѣ. Три вещи поразили м
ня: исключительно *военный* характеръ этой церемоніи (аплодир
вали только въ одномъ мѣстѣ, когда рѣчь зашла о сооруженіи н
вой тріумфальной арки), полное и рѣшительное отсутствіе хор
шенькихъ женскихъ лицъ и тэмбръ голоса императора. Если
можно было записывать голоса такъ же, какъ рисуютъ лица, т
всякій сказалъ бы, что это говоритъ швейцарскій профессоръ,—
профессоръ ботаники или нумизматики. Рѣчь сама по себѣ очен
безцвѣтная, очень миролюбивая—и запутанная, это ужъ само со
бою разумѣется.

На императрицѣ было очень безобразное платье, но у нея мног
граціи и достоинства. У наслѣдника видъ очень хилый и совершен
но безжизненный. У принца Наполеона настоящая осанка Тибери
или Домиціана. Вчера я долженъ былъ обѣдать съ нимъ у Бикс
(Bixio), но я отказался отъ этой чести. Мнѣ онъ совсѣмъ не нравит
ся, и къ тому же онъ съ слишкомъ большимъ презрѣніемъ говорил

*) Кто говоритъ холодно, тотъ говоритъ посредственныя вещи.

о моихъ бѣдныхъ русскихъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе нѣкоторыхъ фигуръ, разряженныхъ въ парадныя формы: красные, желтые, пестрые, золоченые токи адвокатовъ и судей имѣли такой забавно-восточный видъ, что можно было умереть отъ смѣха. Сколько лентъ, звѣздъ, каскъ, султановъ, позолоты! Великій Боже! и подумать только, что весь этотъ хламъ производитъ эффектъ!... Да что я говорю? Онъ управляетъ міромъ...»

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Спасское, 1 іюля 1865 г.

Дорогая и хорошая m-me Віардо!

«Я въ восторгѣ отъ того, что сказалъ вамъ Ріецъ (Rietz) (я очень сожалѣю, что не познакомился съ нимъ). Его слова должны придать вамъ крылья. Это не чета тому, что говорили вамъ мы, *дилетантики* (dilettantillons), — и если вы не примитесь писать сонаты, если я по возвращеніи не найду какого-нибудь прекраснаго, почти законченнаго *adagio*, мнѣ придется побранить васъ. Мнѣ кажется, правда, что музыкальная идея должна развиваться съ большей свободой, съ бо́льшимъ просторомъ, когда нѣтъ заранѣе намѣченныхъ рамокъ, съ опредѣленными уже заранѣе красками и формами, и опредѣленными другимъ.

«Смѣло, за работу! Я особенно восхищаюсь ею и подвигаю на нее другихъ—съ тѣхъ поръ, какъ я самъ ничего не дѣлаю».

Такъ нѣтъ же! Даю вамъ честное слово, что если вы начнете писать сонаты, я примусь за свою литературную работу. «Passez moi la casse, je vous passerez la séné». Романъ за сонату: идетъ? Боже! что за перспектива лихорадочной дѣятельности открывается передо мной. Хватитъ на цѣлую зиму...»

Ив. Тургеневъ.

---

* * *

Пусть сумракъ стелется по дремлющимъ долинамъ,
Предъ нами яркимъ днемъ снѣга озарены...
Все выше мысль несетъ насъ розмахомъ орлинымъ,
Все выше манятъ насъ уступы крутизны.

И мнится, страшный путь избрали мы не сами,
И насъ, отъ алчныхъ безднъ спасая и храня,
Незримая рука безвѣстными стезями
Ведетъ въ святую высь немеркнущаго дня.

В. Полтавцевъ.

Шведская война 1788—90 гг. *).

(По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).

IV. Военныя дѣйствія 1789 года.

Успѣхъ кампаніи 1789 года зависѣлъ главнымъ образомъ отъ удачнаго совмѣстнаго дѣйствія галернаго флота и сухопутныхъ войскъ. Значитъ Мусинъ-Пушкинъ и принцъ Нассау должны были дѣйствовать за-одно. Однако, галерный флотъ, благодаря разстройству, въ которомъ засталъ его принцъ Нассау весною 1789 года, не былъ готовъ къ отплытію. 15 мая графъ Мусинъ-Пушкинъ далъ знать въ Петербургъ, что въ 15 верстахъ отъ Фридрихсгама видны шведскія галеры. Русская флотилія находилась еще въ Кронштадтѣ. Екатерина была недовольна; съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ она замѣтила: «Шведы прежде насъ въ морѣ» [1]). Замедленіе русскаго гребного флота дало шведскимъ галерамъ возможность безпокоить прибрежныхъ жителей русской Финляндіи и въ особенности затруднить сообщеніе по дорогѣ изъ Фридрихсгама въ Вильманстрандъ и Выборгъ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ тѣмъ временемъ оставался въ бездѣйствіи. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить Густава и шведское войско на границѣ, т.-е. на берегахъ рѣки Кюмене съ сосредоточенными тамъ силами, главнокомандующій, какъ и въ 1788 году, находился между Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, надѣясь, послѣ приближенія къ берегамъ Финляндіи русскаго галернаго флота, начать рѣшительныя дѣйствія противъ шведскаго войска.

Съ большимъ удовольствіемъ императрица узнала, что 6 іюня въ 11 часу вечера принцъ Нассау-Зигенъ вышелъ изъ Кронштадта, но затѣмъ онъ былъ задержанъ противнымъ вѣтромъ. Скоро послѣ этого Мусинъ-Пушкинъ требовалъ отъ принца высадки съ галернаго флота 6,000 человѣкъ; принцъ повиновался очень неохотно, потому что этимъ онъ лишался возможности атаковать шведовъ [2]). Однако, Мусинъ-Пушкинъ послалъ принцу скоро послѣ этого приказаніе взять обратно на суда эти войска. Д'Арагонъ,

*) *Русская Мысль*, кн. V.

[1]) Записки Храповицкаго.

[2]) „J'enrage de me trouver sur la défensive",—писалъ принцъ къ своей женѣ 20 іюня. *Д'Арагонъ*, стр. 309.

сообщая объ этомъ, считаетъ вѣроятнымъ, что проектъ принца отрѣзать путь къ границѣ шведамъ, вступившимъ въ русскую Финляндію, былъ одобренъ Екатериной и что поэтому Мусинъ-Пушкинъ долженъ былъ дать просторъ дѣйствіямъ своего соперника. Въ первыхъ числахъ іюля оба военачальника имѣли свиданіе при Фридрихсгамѣ. Тутъ они условились, «чтобы принцъ, разбивъ шведовъ на водѣ, сдѣлалъ десантъ между Ловизой и Борго (въ Шведской Финляндіи), Дабы чрезъ то отвлечь непріятеля изъ границъ нашихъ и Пушкину дать способъ, перейдя Кьюмень, впасть въ его границы» [1]). Но послѣ этого прошло нѣсколько недѣль до серьезной встрѣчи принца со шведами. Въ замѣткѣ Храповицкаго: «Принцъ Нассау въ инаціи», выражается досада императрицы по этому поводу. Изъ писемъ принца къ женѣ видно, что онъ ласкалъ себя надеждой высадиться на берегъ, атаковать шведовъ и взять въ плѣнъ короля. «Боже мой!—писалъ онъ,—какъ было бы мило отправить короля въ С.-Петербургъ! Императрица его приняла бы весьма благосклонно!» [2]).

26 іюля н. с. происходило при Эландѣ между двумя корабельными флотами сраженіе, которое не могло считаться ни побѣдою шведовъ, ни побѣдою русскихъ. Императрица была недовольна, какъ видно изъ дневника Храповицкаго. Она жаловалась на недостаточную смѣлость Чичагова, на бездѣйствіе принца Нассау и Мусина-Пушкина [3]).

Дѣло въ томъ, что принцъ Нассау ожидалъ эскадры адмирала Круза, которая должна была дѣйствовать за одно съ нимъ и которая не являлась. Къ тому же принцъ не переставалъ жаловаться на неудовлетворительное состояніе флотиліи вслѣдствіе упущеній Чернышева. «Мы теряемъ драгоцѣнное время», писалъ онъ въ то время. И далѣе: «Я чрезвычайно разстроенъ. Адмирала Крузе нѣтъ какъ нѣтъ. Пушкинъ не сдѣлалъ того, чего я ожидалъ, и требуетъ, чтобъ я измѣнилъ мой планъ дѣйствій». Эти жалобы повторяются и въ слѣдующихъ письмахъ принца. Отсутствіе эскадры Крузе приводило его въ отчаяніе. Когда, наконецъ, Крузе приблизился со своею эскадрой къ галерному флоту, между обоими начальниками происходила непріятная переписка, о которой принцъ далъ знать Екатеринѣ [4]).

---

[1]) Записки Храповицкаго.

[2]) *Д'Аранжъ*, стр. 311.

[3]) „Je crois que tout le monde est d'accord avec le roi de Suède. Le prince de Nassau n'a presque rien fait. Pouchkine est dans l'inaction". „Досада, почти слезы на глазахъ",—прибавляетъ Храповицкій въ объясненіе этихъ словъ Екатерины.

[4]) Вотъ нѣкоторыя замѣчанія изъ писемъ принца къ женѣ. 7 августа: „J'envoie un courrier pour me plaindre de m-r Kruse qui fait tout ce qu'il peut pour faire manquer mon plan. C'est le diable. J'envoie à l'impératrice ce qu'il m'écrit et ce que je lui réponds. Elle trouvera mon style positif". „L'impératrice est bien convaincue que tout ce qui a dépendu de moi a été fait. Si tout le monde la servait avec la même ardeur, nous ferions de bonne besogne". 9 авг. „Oh! que l'on a de peine à faire de bonnes choses, et qu'il est cruel d'avoir affaire à des gens de mauvaise foi. Mais l'impératrice est instruite de tout". 11 авг.: „Ce diable de Kruse me fait perdre la tête. Il fait tout ce qu'il peut pour faire manquer mon projet, mais il ne réussira pas". „Kruse a fini par m'écrire une lettre impertinente" и проч., и проч.

Благодаря письмамъ принца Нассау къ императрицѣ, адмиралъ Крузе былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. По приказанію императрицы часть эскадры Крузе подъ начальствомъ генералъ-маіора Балэ (Balay) должна была дѣйствовать вмѣстѣ съ галернымъ флотомъ [1]). Судя по письмамъ принца къ его женѣ, императрица этою мѣрой доставила принцу возможность, наконецъ, приступить къ важнымъ дѣйствіямъ, и Балэ находился подъ вліяніемъ принца.

24 августа н. с. происходила битва при Свенскзундѣ, въ которой принцъ одержалъ побѣду надъ шведами и захватилъ шведскій адмиральскій корабль съ 40 пушками и разныя другія суда. Въ сочиненіи д'Арагона о принцѣ сообщены письма Варяжа къ императрицѣ объ этомъ событіи, а также письма принца къ женѣ, въ которыхъ заключаются нѣкоторыя подробности битвы. Такъ какъ въ моемъ сочиненіи, *Война Россіи со Швеціей*, разсказъ объ этой битвѣ основанъ на весьма важныхъ русскихъ и шведскихъ источникахъ, то нѣтъ надобности указывать на частности этого факта. Однако, въ письмахъ принца къ его женѣ, писанныхъ тотчасъ же послѣ побѣды, заключаются нѣкоторыя данныя о трудномъ положеніи принца, о нерасположеніи къ нему русскихъ генераловъ и о сравнительно неважныхъ послѣдствіяхъ одержанной при Свенскзундѣ побѣды. Принцъ намѣревался было отрѣзать шведамъ путь къ границѣ и окружить со всѣхъ сторонъ шведское войско. Взятіемъ въ плѣнъ Густава III можно было положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ и принудить Швецію къ заключенію мира. Вотъ почему принцъ Нассау хотѣлъ высадить свои войска, между тѣмъ какъ сухопутное войско должно было задержать шведовъ. При этомъ случаѣ, однако, вновь обнаруживались пагубныя послѣдствія разлада между военачальниками и, въ особенности, нерасположеніе русскихъ генераловъ къ принцу. Въ письмѣ сего послѣдняго къ его женѣ сказано: «Чортъ намъ мѣшаетъ! Опять являются затрудненія! Мнѣ стоитъ болѣе труда привести все въ движеніе, чѣмъ одержать побѣду надъ непріятелемъ, который, впрочемъ, сражался храбро. Я просилъ одного генерала сдѣлать движеніе съ цѣлью показать видъ, будто онъ намѣренъ атаковать непріятеля, который иначе могъ бы помѣшать моей высадкѣ, а въ отвѣтъ на мое предложеніе генералъ заявилъ, что онъ можетъ быть лишь свидѣтелемъ событій. Значитъ, я долженъ ждать приказаній отъ графа Пушкина, отъ котораго я не получилъ ни одной строки въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней! Я послалъ императрицѣ письмо генерала и жалуюсь ей на всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ приходится бороться... Какъ досадно, что я не могу воспользоваться нынѣшнею минутой!» На другой день принцъ писалъ: «Я нахожусь въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Побѣдивъ сначала Крузе,

[1]) Въ письмѣ принца Нассау къ женѣ 11 августа сказано: „Sur ma première lettre Kruse est rappelé à Pétersbourg, et son commandement est donné à m-r Balay que je proposais. Je lui ai donné ses instructions, et il est parti. Je suis certain actuellement que je ne trouverai plus de mauvaise volonté, mais, au contraire, je commande à un homme qui me doit de la reconnaissance".

затѣмъ шведовъ, я вижу, что Пушкинъ дѣлаетъ то самое, что дѣлалъ Крузе! Пушкинъ писалъ мнѣ, что, одобряя мой планъ, онъ отправитъ войска для поддержанія моихъ дѣйствій. Я готовъ отправиться въ путь; вдруг я получаю другое письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщаетъ, что не можетъ поддерживать меня, но что, несмотря на это, если я захочу, я могу привести въ исполненіе свой проектъ. Какъ видно, онъ желаетъ, чтобъ я один взялъ на себя всю отвѣтственность [1]). Я же не хочу этого сдѣлать и требую положительныхъ приказаній. Боже мой! Какъ трудно сражаться [2]). А, между тѣмъ, очень пріятно одержать побѣду».

Недоразумѣнія, происходившія между принцемъ Нассау и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, впрочемъ, были устранены, благодаря свиданію между обоими военачальниками, происходившему въ Фридрихсгамѣ. Принцъ писалъ къ женѣ 18 августа, что, переговоривъ съ главнокомандующимъ, онъ надѣется атаковать шведовъ на сушѣ и считаетъ все еще возможнымъ взять въ плѣнъ Густава [3]). Для исполненія этого проекта было необходимо дѣйствовать быстро, дружно. Благодаря нежеланію русскихъ генераловъ содѣйствовать исполненію предположеній принца Нассау, удобное время было упущено: Густавъ III, понявъ, наконецъ, что его положеніе становилось очень опаснымъ, принялъ мѣры къ отступленію [4]).

Такимъ образомъ, принцъ могъ лишь преслѣдовать спасавшагося въ направленіи къ шведской границѣ шведскаго короля. Въ крайнемъ раздраженіи онъ писалъ къ женѣ: «Какое несчастіе, что мой проектъ, какъ я желалъ этого, не былъ приведенъ въ исполненіе на другой день послѣ побѣды (при Свенскзундѣ). Густавъ едва ли бы спасся: батарей, сооруженныхъ имъ, тогда еще не существовало, и онъ не чаялъ моего приближенія».

Немного позже, 28 августа, принцъ писалъ къ женѣ: «Я надѣюсь, что мои послѣднія дѣйствія доставятъ удовольствіе императрицѣ. Я имѣлъ бы еще болѣе успѣха, еслибъ былъ главнокомандующимъ. Задержка восьми дней измѣнила положеніе дѣлъ; безъ сомнѣнія, императрица пойметъ, что все приняло бы иной оборотъ, еслибъ я, поддерживаемый тотчасъ же, могъ атаковать шведовъ. Я очень радъ, что ею было рѣшительно приказано исполнить мой планъ, потому что другіе не считали вѣроятнымъ удачный исходъ дѣла, между тѣмъ какъ въ немъ нельзя было сомнѣваться. Страшно имѣть дѣло съ невѣждами или съ людьми недобросовѣстными. Я оказалъ императрицѣ бо̀льшую услугу, сообщая ей всю правду, нежели одержанными мною побѣдами, которыя, впрочемъ, оказались возможными

---

[1]) „L'on voit un homme qui veut mettre tout sur mon compte". *Д'Аракчеевъ*, 330.

[2]) „Mon Dieu! que l'on a de la peine à se battre".

[3]) „Il serait assez joli de gagner une bataille sur terre et de vous mener le roi. Cela est encore possible, mais... s'il attend".

[4]) Любопытно слѣдующее письмо принца къ женѣ отъ 21 августа: „Je suis à attendre un maudit général qui n'a pas autant d'envie que moi de battre les Suédois. Il sait que c'est mon plan qu'il faut exécuter, et je ne crois pas qu'il en ait envie. Je lui ai énvoyé Tourtchaninow qui le mettra au pied du mur. Ou il viendra ou il faudra qu'il m'envoie ses forces, et j'en aurai assez". *Д'Аракчеевъ*, 332.

лишь благодаря моимъ непосредственнымъ сношеніемъ съ нею. Я хорошо понимаю, какъ ты тревожилась, видя удаленіе Крузе по моей иниціативѣ. Но я не могъ дѣйствовать иначе. Крузе обнаруживалъ явную строптивость; я же былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ, лишь бы въ моемъ распоряженіи находились бо́льшія средства. Я умѣлъ цѣнить всѣ затрудненія и считалъ необходимымъ содѣйствіе эскадры Крузе» [1]).

Современники отдавали полную справедливость принцу Нассау-Зигену въ отношеніи къ битвѣ при Свенскзундѣ. Екатерина сравнивала это сраженіе съ чесменскою битвой. Въ ея письмахъ къ принцу обнаруживается полная признательность [2]). Сегюръ замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что принцъ Нассау, одержавъ блистательную побѣду надъ шведами въ Балтійскомъ морѣ, покрылъ себя не меньшею славой, чѣмъ въ Черномъ, гдѣ онъ нѣсколько разъ побѣдилъ турокъ [3]).

О затрудненіяхъ, съ которыми боролся принцъ Нассау тотчасъ же послѣ битвы при Свенскзундѣ, и о сравнительно неважныхъ результатахъ одержанной имъ побѣды вслѣдствіе непріятностей, происходившихъ между принцемъ и русскими военачальниками, пока ничего не было извѣстно. Въ этомъ отношеніи письма принца къ его женѣ могутъ считаться источникомъ, проливающимъ новый свѣтъ на эти событія.

Изъ другихъ источниковъ о высадкѣ принца, происходившей 21 августа, извѣстно слѣдующее. Военныя дѣйствія должны были сосредоточиться около Гёгфорса и Кюильгорда. Цѣлью русскихъ было вытѣснить шведовъ изъ этихъ двухъ мѣстъ. Было намѣреніе отрѣзать непріятелю дорогу къ отступленію въ Абберфорсъ, однако принцъ не успѣлъ этого сдѣлать, и шведы поспѣшно удалились вверхъ по рѣкѣ Кюмене [4]).

24 августа въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Пріѣхалъ курьеръ, что принцъ Нассау не засталъ шведовъ, но только нѣсколько человѣкъ на острову; они съ королемъ, всего 6.000, ушли. La vérité est, что не на тотъ берегъ взлѣзли и шведовъ упустили». Изъ послѣдняго замѣчанія, основаннаго, какъ кажется, на донесеніяхъ Мусина-Пушкина, можно заключить, что въ Петербургѣ обвиняли принца въ ошибкѣ, сдѣланной при высадкѣ. Однако, получивъ болѣе подробныя извѣстія, Екатерина была очень довольна. Она послала принцу 2-го сентября богатую шубу на подобіе той, которую подарила Потемкину во время осады Очакова. Въ разговорѣ съ приближенными лицами она 25 августа сказала съ радостью: «Король шведскій спасся бѣгствомъ, какъ собака, которую прогнали изъ кухни, опустивъ уши и прижимая хвостъ». О томъ, что можно было, приводя въ исполненіе проектъ принца Нассау безъ замедленія, отрѣзать шведамъ путь въ шведскую Финляндію, принудить ихъ сдаться и этимъ кончить войну, въ Петербургѣ не говорили.

---

1) *Д Аранжъ*, стр. 334 и 335.

2) *Сб. Ист. Общ.*, т. I, стр. 209.

3) *Mémoires*, III, 511.

4) См. подробности въ моемъ сочиненіи о *Войнѣ Россіи со Швеціей*, стр. 206—208.

Мы не беремся рѣшить вопросъ о вѣроятности успѣха принца Нассау въ случаѣ энергичной поддержки со стороны его сослуживцевъ. Во всякомъ случаѣ его замѣчанія въ письмахъ къ женѣ заключаютъ въ себѣ довольно любопытныя черты для характеристики нравственной атмосферы въ русскомъ лагерѣ. Нельзя отрицать возможности окончательной побѣды русскихъ войскъ въ случаѣ дружнаго и быстраго совмѣстнаго дѣйствія сухопутнаго войска съ галернымъ флотомъ. Не даромъ Екатерина, восхваляя заслуги принца Нассау, въ крайнемъ раздраженіи говорила и писала объ интригахъ русскихъ генераловъ и о неспособности графа Мусина-Пушкина.

Принцъ Нассау намѣревался было преслѣдовать короля до самаго города Ловизы. Однако страшная буря, продолжавшаяся отъ 31 августа по 2 сентября, воспрепятствовала исполненію этого намѣренія и причинила галерному флоту значительныя поврежденія. Нассау писалъ 3 сентября графу Мусину-Пушкину, что послѣ этой бури, причинившей флоту болѣе вреда, чѣмъ сраженіе 13 (24) августа, нельзя думать о важныхъ дѣйствіяхъ на морѣ [1]). Позаботившись объ укрѣпленіи береговъ около границы, принцъ Нассау отправился въ Петербургъ. Кампанія кончилась.

V. Походъ 1790 г.

Героемъ похода 1789 года былъ принцъ Нассау, и замѣчательнѣйшимъ событіемъ этого года въ войнѣ со Швеціей была битва при Свенскзундѣ, имѣвшая слѣдствіемъ изгнаніе шведовъ изъ русскихъ предѣловъ. Понятно, принцу въ Петербургѣ былъ оказанъ благопріятный пріемъ. Онъ съ императрицею наединѣ бесѣдовалъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи; для него въ театрѣ Эрмитажа играли оперу «Горе Богатырь» [2]), шведскій полководецъ баронъ Стединкъ писалъ королю 10 декабря 1789 года: «Со времени битвы 24 августа Нассау въ большой милости въ Петербургѣ» [3]). Французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене доносилъ своему правительству въ шифрованной депешѣ: «Принцъ Нассау пользуется безпредѣльнымъ довѣріемъ императрицы. Она ему поручила полное управленіе дѣлами галернаго флота и безъ разбора доставляетъ ему все, что онъ считаетъ нужнымъ. Нынѣ же она ему назначила пенсію въ размѣрѣ 3,000 рублей, которую Петръ Великій опредѣлилъ давать иностраннымъ принцамъ, находящимся въ русской службѣ» [4]). Тотчасъ же послѣ пріѣзда принца въ столицу, Екатерина, имѣвъ съ нимъ разговоръ, съ похвалой отозвалась о немъ [5]).

---

[1]) 6-го сентября принцъ писалъ къ женѣ: „Je suis à Frédérihsham et j'y fais débarquer mes troupes. Une tempête a mis la plupart de mes bâtiments dans le plus grand danger. Nous nous en sommes heureusement tirés; pas un n'a péri, mais tous ont souffert". *Д'Арагонъ*, стр. 338.

[2]) *Зап. Храповицкаго*, 12-го сентября.

[3]) Mémoires du baron Stedingt, I, стр. 225.

[4]) *Д'Арагонъ*, стр. 341—342.

[5]) „Sa tête va avec la mienne", сказала она. *Зап. Храповицкаго*.

Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ это время императрица вмѣстѣ съ принцемъ трудилась надъ составленіемъ полемической брошюры по поводу появленія въ *Гамбургской Газетѣ* офиціальнаго шведскаго разсказа о сраженіи при Свенскзундѣ. Въ немъ заключалось искаженіе истины, и принцъ Нассау не могъ не указать на это обстоятельство. Объ участіи императрицы въ составленіи этой брошюры самъ Нассау сообщилъ годомъ позже барону Стединку довольно любопытныя данныя [1]).

Такъ какъ принцесса Нассау-Зигенъ въ это время находилась въ Петербургѣ, нѣтъ болѣе писемъ къ ней ея мужа. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ были писаны къ ней письма и въ позднѣйшее время, по случаю похода 1790 года, однако эти письма не были найдены, и поэтому разсказъ д'Арагона объ этихъ событіяхъ, о послѣднихъ фазисахъ военной карьеры принца Нассау, о битвѣ въ Выборгской бухтѣ и о второй битвѣ при Свенскзундѣ или Роченсальмѣ въ сочиненіи д'Арагона оказывается неважнымъ и отрывочнымъ. Очевидно, не владѣя русскимъ языкомъ и не зная о моемъ сочиненіи, онъ не могъ пользоваться литературою предмета.

За то записки Ланжерона заключаютъ въ себѣ чрезвычайно любопытный источникъ исторіи событій 1790 года. Ланжеронъ познакомился съ принцемъ Нассау въ Парижѣ въ 1789 году. Ланжеронъ въ то время былъ выбранъ членомъ собранія «états généraux» [2]) и отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему принцемъ, вступить въ русскую службу. Такъ какъ, однако, послѣ этого направленіе преній національнаго собранія и вообще событія французской революціи не согласовались съ убѣжденіями молодого графа Ланжерона, онъ въ началѣ 1790 года изъявилъ въ письмѣ къ принцу готовность отправиться въ Россію. Нассау показалъ письмо Ланжерона императрицѣ, которая сказала ему: «Напишите Ланжерону, что всѣмъ людямъ знатнаго происхожденія и представителямъ чести [3]), желающимъ служить въ моей арміи, будетъ оказанъ благопріятный пріемъ». Ланжеронъ покинулъ Парижъ въ апрѣлѣ и вскорѣ прибылъ въ Петербургъ. Онъ послѣ этого участвовалъ въ шведской кампаніи въ Финскомъ заливѣ. Его разсказъ объ этихъ событіяхъ заключаетъ въ себѣ самыя любопытныя данныя.

Положеніе Россіи въ это время было труднымъ и даже опаснымъ. Турецкая война продолжалась, требуя большихъ средствъ; надежды на заключеніе мира со Швеціей пока не было. Пруссія и Англія каждую минуту могли въ свою очередь объявить войну Россіи. Императрица сильно безпокоилась, какъ видно, между прочимъ, изъ дневника Храповицкаго и изъ писемъ Екатерины къ князю Потемкину [4]).

---

[1]) См. частности по этому дѣлу въ моей монографіи *Война Россіи со Швеціею*, стр. 205—206.

[2]) „sécrétaire de la noblesse et député suppléant aux états généraux". Зап. Ланжерона въ парижскомъ архивѣ.

[3]) „tout homme de naissance et d'honneur".

[4]) См. мое соч. о *Войнѣ Россіи со Швеціей*, стр. 211—228, а также мою монографію *Англія, Пруссія и Россія 1787 — 1791* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, т. CXCI и CXCIII, 1887 г. октябрь и ноябрь.

И Швеція продолжала войну съ большимъ трудомъ. Россія и Швеція возобновили военныя дѣйствія въ 1890 г., надѣясь по возможности скорѣе заключить миръ.

О нѣкоторыхъ событіяхъ этой кампаніи Ланжеронъ говоритъ особенно подробно.

Густавъ III въ 1790 году открылъ военныя дѣйствія весьма рано. Онъ чуть ли еще не зимою прибылъ уже въ Финляндію и въ началѣ апрѣля въ разныхъ стычкахъ съ русскими предводительствовалъ шведскимъ войскомъ. Русскіе утратили позицію при Кернакосьи. 19 апрѣля воспослѣдовала еще неудача для русскихъ, и родственникъ императрицы, принцъ Ангальтъ, былъ убитъ. Также и въ стычкѣ при Партимеки, 23 апрѣля, русскіе потерпѣли неудачу [1]).

Шведы предполагали идти прямо на столицу. Движеніе на Петербургъ сдѣлалось главнымъ намѣреніемъ Густава III. Не взявъ ни Фридрихсгама, ни Выборга, ни Нишлота, ни Вильманстранда, онъ хотѣлъ атаковать столицу. Приближаясь къ Петербургу, онъ писалъ къ Стедингу, между прочимъ: «Я утверждаю, что теперь, главнымъ образомъ, нужно дѣйствовать не столько осторожно, сколько смѣло. Идите впередъ; взгляните на карту и сообразите, гдѣ я нахожусь; поймете, что я намѣренъ сдѣлать, и подумайте, каково будетъ затруднительное положеніе непріятеля. Однимъ словомъ, будьте генераломъ Карла XII. Бываютъ случаи, въ которыхъ смѣлость есть одно благоразуміе» [2]).

Объ этой опасности, которою грозили Петербургу, пока изъ современныхъ источниковъ мало было извѣстно. Тѣмъ важнѣе разсказъ Ланжерона, прибывшаго въ Россію какъ разъ въ то время, когда тутъ имѣли основаніе опасаться нападенія короля Густава на Петербургъ. Въ его запискахъ сказано: «Кто не былъ въ Петербургѣ въ данную минуту, не можетъ составить себѣ понятія объ отчаянномъ положеніи этой столицы и о сильномъ безпокойствѣ, въ ней господствовавшемъ» [3]).

Далѣе Ланжеронъ пишетъ: «Густавъ могъ легко высадить на берегъ конницу у Пентеле, у Біорко и у Систербека (между Выборгомъ и Петербургомъ); оттуда до Петербурга около 40 верстъ. Туда же онъ хотѣлъ направить и пѣхоту. Екатерина располагала лишь половиной того, что находилось въ распоряженіи шведскаго короля. Приблизившись къ правому берегу Невы, король, не переправясь черезъ рѣку, могъ бомбардировать дворецъ Екатерины и распространить ужасъ во всемъ городѣ. Трудно вообразить себѣ, до чего дошло бы смятеніе публики въ такомъ случаѣ. Это предпріятіе вполнѣ соотвѣтствовало бы наклонности короля къ смѣлымъ приключеніямъ, и я не понимаю, почему онъ не отважился на это дѣло.

---

[1]) См. подробности въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 230 и слѣд.

[2]) *Mémoires de Stedingt*, I, стр. 264.

[3]) „Il faut avoir été dans ce moment-là à Pétersbourg pour pouvoir juger quelle était la position cruelle de cette capitale et quelle inquiétude il devait y régner".

«Эта опасность,—продолжаетъ Ланжеронъ,—была слѣдствіемъ зависти и самолюбія фаворита (Потемкина); вся имперія очутилась на краю бездны, Россія могла въ это время лишиться всего своего флота (въ Балтійскомъ морѣ), а также и С.-Петербурга, лишь бы Густавъ и Карлъ Зюдерманландскій сдѣлали бы дружное нападеніе на столицу. Императрица въ эти минуты крайней опасности выказала замѣчательную твердость».

Не трудно понять упрекъ, сдѣланный Ланжерономъ Потемкину. Фаворитъ, сосредоточивъ всѣ войска на югѣ, не обращалъ достаточнаго вниманія на шведскую войну и отказывался отправить нѣкоторую часть войскъ на сѣверъ.

Петербургъ уцѣлѣлъ. Ланжеронъ придавалъ слишкомъ большое значеніе опасности, грозившей сѣверу. Однако не онъ одинъ считалъ положеніе критическимъ. При дворѣ не совсѣмъ надѣялись на силу русскаго флота, которому приходилось при Ревелѣ и при Кронштадтѣ сражаться со шведскимъ флотомъ. 3 мая Храповицкій писалъ: «Шведскій корабельный флотъ въ 26 парусахъ подходитъ къ Чичагову, на Ревельскомъ рейдѣ стоящему съ 10 кораблями. Великое безпокойство. Почти ночь не спали (т.-е. Екатерина не спала). Графъ Безбородко плакалъ».

На другой день было получено извѣстіе о ревельской битвѣ. Русскіе сражались успѣшно подъ защитой береговыхъ батарей, которыя сильно содѣйствовали счастливому для русскихъ исходу битвы» [1]). Еще гораздо болѣе важнымъ былъ исходъ морской битвы близъ Кронштадта, 23 мая. Непріятель находился такъ близко къ столицѣ, что тамъ легко можно было опасаться занятія ея, еслибы флотъ не удержалъ шведовъ. Занятіе шведами Кронштадта заставило бы императрицу покинуть столицу и удалиться въ Москву. Въ сочиненіяхъ шведскихъ историковъ: Горфта, Поссельта и д'Аквила, встрѣчаются любопытныя данныя о тревогѣ въ С.-Петербургѣ во время канонады близъ Кронштадта. Однако ни одинъ изъ этихъ писателей не былъ въ это время въ русской столицѣ [2]). Дневникъ Храповицкаго въ это время становится очень краткимъ и отрывочнымъ; Сегюра не было болѣе въ Россіи. Тѣмъ важнѣе замѣчанія Ланжерона о паникѣ въ С.-Петербургѣ. Изъ писемъ Екатерины къ Потемкину, писанныхъ, впрочемъ, нѣсколько позже, когда опасность миновала, не видно, чтобъ императрица сильно волновалась, слыша пушечные выстрѣлы. За то достойна вниманія замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго 25 іюня: «Въ ночь разбудили; худой курьеръ отъ Нассау, будто Круза разбили; много писанья, бѣготня; успокоились, получа увѣдомленіе, что Крузъ, бывъ атакованъ, съ утра до вечера отстрѣливался. По разсчету и извѣстіямъ, Чичаговъ скоро прійдетъ. Ввечеру сказали: я теперь спокойна».

Въ С.-Петербургѣ тревога продолжалась. 27 мая король велѣлъ сдѣлать высадку близъ Кайвисто, между Выборгомъ и Петербургомъ. Шведы тутъ

---

[1]) См. подробности объ этой битвѣ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 238 и слѣд.

[2]) См. ихъ разсказы въ моемъ сочиненіи, стр. 244.

имѣли схватку съ русскими казаками и драгунами и обратили ихъ въ бѣгство. Густавъ не переставалъ надѣяться на занятіе Петербурга, замѣчая въ письмѣ къ Стедингу, что нужно идти впередъ «à la manière de Charles XII». Высадки продолжались; однако, какъ кажется, въ столицѣ не считали положеніе опаснымъ; по крайней мѣрѣ, изъ записокъ Храповицкаго не видно особеннаго безпокойства [5]).

Оказалось, что, напротивъ, шведы находились въ крайней опасности. Ихъ старанія препятствовать соединенію эскадръ Чичагова и Крузе не имѣли успѣха. Чичаговъ взялъ верхъ надъ шведами, Крузе устоялъ противъ нихъ при Кронштадтѣ. Обѣ русскія эскадры вмѣстѣ были сильнѣе шведскаго корабельнаго флота. Къ тому же, главнокомандующій послѣняго, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, получилъ отъ короля повелѣніе отправиться съ флотомъ въ Выборгскій заливъ, чтобы принимать участіе въ дѣйствіяхъ галернаго флота.

Однако положеніе шведовъ въ Выборгскомъ заливѣ со дня на день становилось болѣе опаснымъ. Русскіе флоты, корабельный и галерный, блокировали тутъ шведовъ; русскіе далѣе принимали мѣры для того, чтобъ отрѣзать шведамъ сообщеніе съ берегомъ. Выборгскій заливъ оказался для Густава III западней, изъ которой ему приходилось спасаться во что бы то ни стало.

VI. Битвы при Выборгѣ и Роченсальмѣ.

Походъ 1790 года, какъ извѣстно, кончился двумя морскими битвами, страшнымъ пораженіемъ шведовъ у Выборгской бухты и блестящею побѣдой, одержанною Густавомъ III надъ принцемъ Нассау при Свенскзундѣ или Роченсальмѣ. Скоро послѣ этого былъ заключенъ Верельскій миръ. Эти событія извѣстны въ подробностяхъ и изложены обстоятельно въ моемъ сочиненіи о войнѣ Россіи со Швеціей.

Ланжеронъ былъ свидѣтелемъ этихъ битвъ. Въ его запискахъ встрѣчаются нѣкоторыя частности, проливающія свѣтъ на эти событія и характеризующія главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Такъ, наприм., мы узнаемъ изъ этого сочиненія Ланжерона, что принцъ Нассау въ концѣ мая отправился въ С.-Петербургъ съ цѣлью переговорить съ императрицей о планѣ кампаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ это время пользовался большимъ довѣріемъ Екатерины, нежели Чичаговъ, Крузе и другіе начальники. Ланжеронъ сопровождалъ принца въ столицу, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на галерный флотъ, блокировавшій шведовъ въ Выборгской бухтѣ.

Описывая подробно положеніе дѣлъ, Ланжеронъ замѣчаетъ, что русскій флотъ находился въ чрезвычайно неудовлетворительномъ состояніи. Настоящихъ матросовъ не было. Неопытные въ морскомъ дѣлѣ крестьяне [illegible]азы-

[5]) См. подробности положенія дѣлъ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 248 – 249.

лись матросами. На всемъ флотѣ развѣ двадцать человѣкъ могли счи-таться моряками, да и тѣ, по отзыву Ланжерона, въ Англіи считались бы новичками, новобранцами. Невѣжество и безпорядокъ, какъ замѣчаетъ Ланжеронъ, господствовали въ русскомъ флотѣ. Люди, захваченные на улицахъ Петербурга, дворники [1]), полицейскіе служители составляли экипажи русскихъ судовъ. Двѣ трети людей всего флота видѣли море въ первый разъ въ жизни. Таковъ былъ матеріалъ, находившійся въ распоряженіи принца Нассау; никто иной не отважился бы командовать флотомъ, столь плохо снаряженнымъ. Ланжеронъ отдавалъ полную справедливость необычайнымъ способностямъ принца, его энергіи, его умѣнію обращаться съ людьми. Онъ особенно ловко воспользовался ошибками, сдѣланными шведами, вездѣ самолично дѣлалъ рекогносцировки и выказывалъ необычайное мужество. Благодаря всему этому онъ успѣлъ нанести страшный ударъ шведамъ. Отъ исхода битвы въ Выборгскомъ заливѣ могла зависѣть участь Кронштадта и С.-Петербурга.

Ланжеронъ разсказываетъ, что Густавъ, запертый въ Выборской бухтѣ, намѣревался было сжечь свой флотъ и направить свое войско сухимъ путемъ къ Петербургу. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Ланжерона, Густавъ не нашелъ бы сопротивленія. Однако онъ, все-таки, не рѣшился на это отважное предпріятіе и предпочелъ воспользоваться первымъ попутнымъ вѣтромъ для того, чтобы прорваться сквозь русскій флотъ и спастись бѣгствомъ. По отзыву нѣкоторыхъ современниковъ, эта цѣль была достигнута, главнымъ образомъ, благодаря ошибкѣ Чичагова, не соорудившаго батарей на берегахъ у входа въ заливъ [2]).

Сильный попутный вѣтеръ благопріятствовалъ дѣлу шведовъ, которые выбрались изъ бухты не безъ значительной потери. Взятыхъ въ плѣнъ шведовъ было, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, 5,000, по другимъ—7,000. Самъ Густавъ находился въ крайней опасности. Онъ сидѣлъ въ шлюпкѣ, на которой пушечное ядро оторвало гребцу обѣ руки.

Страшный ударъ, нанесенный шведамъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на европейскіе кабинеты, такъ что, наприм., тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ событіи въ Лондонѣ была созвана конференція министровъ, а въ Стокгольмѣ иностранные дипломаты имѣли совѣщаніе, вслѣдствіе котораго англійскій посланникъ Робертъ Листонъ хотѣлъ было отправиться съ важнымъ порученіемъ въ Петербургъ. Но чрезъ нѣсколько дней положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Густава и Швеціи.

28 и 29 іюня принцъ Нассау былъ разбитъ Густавомъ при Свенскзундѣ или Роченсельмѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ 24 августа 1789 года одержалъ славную побѣду надъ шведами.

---

[1]) Des balayeurs des rues".

[2]) Разсказываютъ, что французскій капитанъ Пелисье совѣтовалъ Чичагову построить батареи, указывая мѣста, удобныя для этой цѣли, но что предложеніе его не было принято. Ланжеронъ пишетъ: „L'impéritie et la lenteur de Tchitchagow avaient empêché la destruction de la marine suédoise".

При составленіи разсказа объ этомъ событіи въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей* я уже указалъ на то обстоятельство, что въ русскихъ источникахъ встрѣчаются очень немногія данныя объ этой битвѣ. Въ оффиціальныхъ источникахъ почти вовсе о ней не говорится. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того времени нѣтъ, конечно, никакихъ писемъ изъ Стокгольма, относившихся къ этому предмету. Екатерина сама неохотно говорила объ этомъ печальномъ фактѣ, между тѣмъ какъ въ ея письмахъ къ Орлову и Голицыну послѣ пораженія русскаго флота при Свенскзундѣ говорится подробно о побѣдѣ, одержанной надъ шведами при входѣ въ Выборгскій заливъ. Сообщивъ Гримму всѣ частности битвы 22 іюня, Екатерина не писала затѣмъ ни слова объ уронѣ при Свенскзундѣ и только послѣ заключенія Верельскаго мира сообщила своему другу нѣкоторыя данныя объ этомъ событіи, выставляя на видъ, что пораженіе флота не имѣло особеннаго значенія и что тотчасъ же послѣ битвы при Свенскзундѣ легко можно было продолжать военныя дѣйствія и нанести страшные удары шведамъ. Тенденціозность разсказа Екатерины бросается въ глаза. Любопытно сравнить оффиціальную ложь въ письмѣ Екатерины къ Гримму послѣ заключенія мира [1]) съ ея письмомъ къ Потемкину отъ 17 іюля, въ которомъ сказано: «Послѣ сей прямо блистательной побѣды (22 іюня) шесть дней спустя послѣдовало несчастное дѣло съ гребной флотиліей, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе». Императрица продолжаетъ: «Не унывая въ семъ несчастіи и замыкая печаль горькую въ сердцѣ моемъ, я стараюсь, чтобъ общему дѣлу возвратить поверхность колико можно» [2]).

Разочарованіе было тѣмъ ужаснѣе, что до этого несчастія при Свенскзундѣ Екатерина и принцъ Нассау надѣялись на самый выгодный миръ, условія котораго можно было предписать королю въ Стокгольмѣ. Нассау разсчитывалъ на совершенное уничтоженіе шведскаго флота при этомъ случаѣ, какъ разсказываетъ Ланжеронъ; въ его запискахъ указано подробно на главныя причины страшной катастрофы. Тутъ, прежде всего, говорится о бурѣ, которая сильно содѣйствовала разрушенію многихъ русскихъ судовъ, между тѣмъ какъ направленіе вѣтра благопріятствовало шведамъ; далѣе Ланжеронъ обвиняетъ Козлянинова въ томъ, что онъ не поддержи-

---

[1]) До чего доходитъ оптимистическая прикраса въ этомъ письмѣ, видно изъ слѣдующихъ фразъ: „Ce n'est pas le roi de Suède ou bien sa flotille qui ont défait le prince de Nassau, c'est le grand vent et ses gens qui par trop d'ardeur se sont crus invincibles. Il a voulu soutenir les têtes chaudes qui s'étaient jetées en avant, et le vent s'en étant mêlé avec violence, il essuya cet échec, après lequel il resta encore une fois plus fort que les suédois, et au moment de la signature de la paix il les tenait de nouveau si bien enfermés que leur totale déconfiture était plus que sûre" и пр. См. *Сборникъ Ист. Общ.*, т. XXIII, стр. 493.

[2]) *Сб. Ист. Общ.*, т. XLII, стр. 91. Буря въ Черномъ морѣ происходила отъ 19—23 сентября 1787 г. О ея значеніи см. мою монографію *Осада Очакова* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, CLXVIII, 1873 г.

валъ дѣйствій принца Нассау и своей медленностью содѣйствовалъ урону; затѣмъ, однако, Ланжеронъ упрекаетъ самого принца Нассау въ довольно крупныхъ промахахъ. Онъ вступилъ въ бой слишкомъ рано; особенно дивизія, которою командовалъ Ланжеронъ, была вовлечена въ битву безъ надлежащаго приготовленія; Нассау, по мнѣнію Ланжерона, долженъ былъ распорядиться объ отступленіи, между тѣмъ какъ онъ, вопреки всѣмъ правиламъ благоразумія, продолжалъ сражаться при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не зная точно о средствахъ, которыми располагали шведы, и о подкрѣпленіи, подоспѣвшемъ на помощь Густаву въ послѣднюю минуту.

Порицая образъ дѣйствій принца, Ланжеронъ отдаетъ полную справедливость расторопности и хладнокровію Густава III, умѣвшаго воспользоваться всѣми выгодами своего положенія.

Цифры потери русскихъ показаны Ланжерономъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ другихъ источникахъ. Онъ говоритъ объ утраченныхъ 47 судахъ и объ убитыхъ, утонувшихъ и взятыхъ шведами въ плѣнъ 600 офицерахъ и 7,750 солдатахъ [1]).

«Побѣда при Роченсальмѣ,—пишетъ Ланжеронъ,—спасла Швецію отъ погибели, въ которую ее погрузилъ уронъ при Выборгской бухтѣ» [2]). Не даромъ Густавъ III велѣлъ выбить медаль въ память этого событія для раздачи всѣмъ въ немъ участвовавшимъ [3]).

Отчаяніе принца Нассау сначала не знало предѣловъ. Онъ обратился къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ просилъ отставки [4]). Вскорѣ, однако, онъ оправился и готовился возобновить сраженіе на другой же день. Его товарищи уговорили его отказаться отъ этого намѣренія. Было рѣшено оставаться около Фридрихсгама и защититься тамъ батареями. Туда явился въ качествѣ парламентера, но въ сущности съ цѣлью развѣдать силы русскаго войска, Сидней Смитъ. Вскорѣ узнали, какъ разсказываетъ Ланжеронъ, о смѣлыхъ проектахъ короля, который будто сказалъ: «Вотъ я и въ С.-Петербургѣ; нужно тамъ посѣтить бѣдную Екатерину». Густавъ въ это время разсчитывалъ на пріобрѣтеніе Фридрихсгама.

О томъ, какъ держала себя при этомъ случаѣ императрица, мы узна-

---

[1]) См. подробности изъ другихъ источниковъ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 260 и слѣд. По Шанцу шведы насчитывали убитыхъ и раненыхъ русскихъ до 4,000 человѣкъ и взятыхъ въ плѣнъ 279 офицеровъ и 6,200 человѣкъ солдатовъ и матросовъ. Поссельтъ говоритъ о 5,800 убитыхъ, 6,358 взятыхъ въ плѣнъ и 2,500 раненыхъ и пр. По Ланжерону взятыхъ въ плѣнъ было не болѣе 3,000.

[2]) „Par cette victoire la Suède sortait pour ainsi dire du tombeau où les combats de Rogel et de Biorgne l'avaient presque enseveli".

[3]) Ланжеронъ. Объ этой медали упомянуто и въ разсказѣ Казалеса, помѣщенномъ въ моемъ сочиненіи *Война Россіи со Швеціей*, стр. 266.

[4]) Въ запискахъ Ланжерона воспроизведено цѣликомъ это письмо: „Je n'ai pas le courage d'annoncer à V. M. la destruction de sa flotille; le général Tourtchaninow Lui en donnera le triste détail. Je me borne à supplier V. M. de retirer le commandement de ses armées à un général aussi malheureux que moi, de me permettre d'aller cacher loin de ses yeux mon malheur et mon désespoir".

емъ нѣкоторыя любопытныя подробности изъ записокъ Ланжерона. Ей сначала не сообщили о всѣхъ размѣрахъ катастрофы; мало-по-малу она узнавала о всѣхъ частностяхъ; однако, на первый случай Турчаниновъ, прибывшій въ С.-Петербургъ ночью на 1 іюля, въ бесѣдѣ съ Екатериной нѣсколько смягчилъ страшное извѣстіе объ уронѣ [1]). Изъ записокъ Храповицкаго видно, что оно, все-таки, произвело сильное впечатлѣніе. 3 іюля императрица послала къ графу Безбородкѣ записку, «чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ». Въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Шумъ великъ въ городѣ о разбитіи Нассау».

Кастера въ своемъ сочиненіи *Vie de Catherine II*, упоминая о письмѣ принца Нассау къ Екатеринѣ, замѣчаетъ, что принцъ при этомъ случаѣ жаловался на своихъ сослуживцевъ. Ланжеронъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Какъ бы то ни было, Екатерина отнеслась къ принцу какъ нельзя болѣе великодушно. Ея письмо отъ 9 іюля извѣстно [2]), она просила его оставаться въ службѣ Россіи, которой онъ доставилъ существенныя выгоды, чтобы привести въ надлежащее состояніе флотъ. Это письмо было писано тогда, когда императрицѣ были извѣстны всѣ размѣры потери битвы при Роченсальмѣ. Однако, въ то же время она въ разговорѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Кобенцелемъ, замѣтила: «Для принца Нассау этотъ урокъ не безполезенъ, дабы онъ впредь могъ соединить осторожность съ военною доблестью. Онъ привыкъ къ побѣдамъ, избаловался счастьемъ и увлекался смѣлостью. Теперь онъ въ совершенствѣ; однако, этотъ урокъ мнѣ обходится слишкомъ дорого» [3]).

Письмо Екатерины произвело сильное впечатлѣніе на принца Нассау. Онъ проливалъ слезы и обѣщалъ, отвѣчая Екатеринѣ, служить ей до гроба [4]).

Принцъ посвятилъ себя со свойственною ему энергіей продолженію похода; составленный имъ проектъ военныхъ дѣйствій оказался очень удачнымъ. Поэтому недоброжелатели его приписывали этотъ планъ Повалишв-

---

[1]) У Ланжерона сказано: „Il est vrai aussi que l'impératrice qui en qualité de souveraine était destinée à être trompée sur tout, ne sut pas d'abord toute l'étendue de sa perte; le général Tourtchaninow lui en adoucit l'amertume, elle l'apprit enfin".

[2]) Оно было напечатано впервые въ изданіи сочиненій Екатерины, Смирдина. III, 385, а далѣе въ *Сборникѣ Истор. Общества*, т. I, 210—213. См.мое сочиненіе *Война Россіи съ Швеціей*, стр. 270.

[3]) Ланжеронъ воспроизводитъ это замѣчаніе Екатерины: „Il fallait un échec à m-r de Nassau pour qu'il joignit la prudence à ses autres qualités militaires. La victoire avait toujours suivi ses pas, et la fortune l'avait rendu trop téméraire; il est parfait à présent; mais la leçon est trop chère pour moi".

[4]) Получивъ письмо Екатерины, Нассау сказалъ: „Quel est l'homme, qui ne sacrifierait pas tout à une telle femme". И Ланжеронъ въ восхищеніи отъ „esprit, bonté et énergie" императрицы. Въ письмѣ принца къ Екатеринѣ сказано: Tout mon sang ne pourrait payer les bienfaits de V. M. et la lettre qu'Elle a daigné m'adresser. Je dois sacrifier le reste de ma vie à La servir, et je m'y consacre avec transport". Записки Ланжерона.

ну [1]). Екатерина всячески поддерживала дѣятельность принца, распорядилась о постройкѣ новыхъ судовъ, въ томъ числѣ 96 канонерскихъ шлюпокъ, и приказала набирать новыхъ солдатъ. Ланжеронъ, сообщая объ этомъ, говоритъ, что все это было сдѣлано быстро, какъ бы какимъ-либо чудомъ [2]). Нассау требовалъ, чтобы составленный имъ проектъ военныхъ дѣйствій обсуждался въ созванномъ для этой цѣли военномъ совѣтѣ. Екатерина на это не соглашалась, утверждая, что планъ его одобренъ и что этого достаточно; въ Англіи и во Франціи, прибавила она, можно бы было нуждаться въ такой мѣрѣ, между тѣмъ какъ въ Россіи она должна считаться лишнею [3]).

Нассау, правда, благодаря несчастію при Свенскзундѣ, не удостоился тѣхъ наградъ, на которыя онъ могъ разсчитывать вслѣдствіе побѣды у Выборгскаго залива, однако, особенно важнымъ для него было покровительство императрицы [4]), между тѣмъ какъ его недоброжелатели твердо надѣялись было на его паденіе. Многія лица ненавидѣли его. Въ лагерѣ Потемкина извѣстіе о пораженіи при Свенскзундѣ вызвало общую радость; приверженцы Потемкина, недолюбливавшаго принца, поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ, которое было несчастіемъ для Россіи, такъ что эмигрантъ Роже де-Дама, находившійся также въ лагерѣ Потемкина, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ порицалъ бьющій въ глаза недостатокъ въ патріотизмѣ [5]).

Между недоброжелателями принца былъ и Салтыковъ, командовавшій сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи. Такъ какъ Нассау для приведенія въ исполненіе своего плана нуждался въ содѣйствіи этого войска, онъ разсчитывалъ на помощь Салтыкова, который, однако, не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ принцемъ [6]). Тогда Екатерина приказала ему двинуться къ

---

[1]) Ланжеронъ пишетъ о Потемкинѣ: „Sans talents, sans moyens, et m-r de Nassau ne fut pas longtemps à se repentir de son choix“.

[2]) Ланжеронъ говоритъ: „Les hommes se trouvèrent, je ne sais où, mais ils se trouvèrent. L'impératrice prévit tout, suffit à tout. Il semble que pour servir Catherine seconde la nature enfante des prodiges ou que la magie lui prête des secours; en un mois tout était prêt; quelques frégates de la grande flotte et deux ou trois voisseaux remplacèrent les gros bâtiments perdus“.

[3]) Ланжеронъ сообщаетъ это письмо: „Non, mon prince, non; vous n'aurez pas de conseil de guerre; je ne le veux pas. Votre plan est bon, parce que je l'ai jugé tel, et je veux qu'il soit trouvé tel et qu'on ne se permette pas d'en parler ici. Un tel langage étonnerait aux bords de la Seine et serait un crime à celle de la Tamise, mais il est nécessaire aux bords de la Néwa“. „Elle avait raison“, говоритъ Ланжеронъ.

[4]) *Ланжеронъ:* L'impératrice soutenait le prince de Nassau seule contre tout le monde“.

[5]) Онъ сказалъ этимъ людямъ („à cette tourbe de valets“, какъ выражается Ланжеронъ): „Messieurs, vous êtes Russes; l'impératrice de Russie a perdu une bataille décisive; huit mille Russes ont été tués; c'est heureux; je vous en fais mon compliment, j'en suis aussi enchanté que vous“.

[6]) Характеристика офицеровъ, окружавшихъ Салтыкова, у Ланжерона: „Quatre-vingt petits-maîtres de Pétersbourg, plus occupés de leurs toilettes que de leur instruction, de leurs frisures que du désir de se battre et de danse que de guerre“.

Фридрихсгаму, исполняя предначертанія принца. Салтыковъ послушался, хотя, обращаясь съ принцемъ съ холодною вѣжливостью [1]).

Такимъ образомъ въ русскомъ лагерѣ желали поправить неудачу при Свенскзундѣ новыми нападеніями на шведовъ. Нассау составилъ планъ атаковать шведскій флотъ и шведское войско при Броди. Храповицкій пишетъ 4 августа: «Все готово къ атакѣ шведскаго короля въ Роченсальмѣ со всѣхъ сторонъ; Повалишинъ тамъ же съ кораблями». Атака была уже назначена къ 19 августа, какъ вдругъ принцъ Нассау получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира.

VII. Верельскій миръ.

По разсказу Ланжерона, шведскій король воспользовался побѣдой, одержанною имъ при Роченсальмѣ, для открытія переговоровъ о мирѣ. Чрезъ своего друга, графа Г. М. Армфельта, онъ предложилъ генералу Игельстрёму трактовать объ окончаніи войны [2]). Изъ дневника Храповицкаго видно, что 21 іюля происходило свиданіе между Игельстрёмомъ и Армфельтомъ. Значитъ, еще до этого Екатерина дала Игельстрёму инструкціи для опредѣленія условій мира. Все это оставалось тайною для современниковъ, потому что императрица во что бы то ни стало желала избѣгнуть вмѣшательства другихъ державъ въ эти переговоры. Ланжеронъ разсказываетъ, что даже министры Екатерины не знали о переговорахъ и были крайне удивлены неожиданнымъ извѣстіемъ о Верельскомъ мирѣ [3]). Быть-можетъ это относится къ Остерманну, пожалуй и къ Моркову. О Безбородкѣ же положительно извѣстно, что онъ зналъ о частностяхъ переговоровъ [4]). Во всякомъ случаѣ дипломаты прусскій и англійскій при русскомъ дворѣ были непріятно поражены внезапнымъ объявленіемъ прекращенія войны [5]).

Объ условіяхъ мира у Ланжерона не говорится. Онъ сообщаетъ лишь слѣдующій анекдотъ. Густавъ требовалъ уступки или Роченсальма, или Фридрихсгама; Игельстрёмъ отвѣтилъ, что, придерживаясь инструкцій, онъ на это согласиться не можетъ [6]).

---

[1]) Ланжеронъ, разсказывая объ этомъ, замѣчаетъ: „On peut juger de la colère de ce chef, qui se voyait ainsi sacrifié à un subalterne et obligé, pour ainsi dire, de prendre ses ordres; mais enfin courtisan il dissimula son chagrin et fut froid, mais trop poli avec m-r de Nassau".

[2]) Уже 6 (17) іюля въ дневникѣ Храповицкаго говорится о готовности короля заключить миръ. См. мое соч. о *Войнѣ Россіи со Швеціей*, стр. 275.

[3]) „Les ministres confondus affectaient un air mistérieux pour voiler leur ignorance".

[4]) См. замѣчаніе Храповицкаго отъ 26 іюля.

[5]) *Ланжеронъ*: „Les ministres de Prusse et d'Angleterre déconcertés, désespérés, retournèrent chez eux pour faire quelques pages de chiffres pour causer à leur maître le même étonnement que celui, dont ils avaient été frappés".

[6]) Отвѣтъ Игельстрёма: „Sire, je ne suis pas ministre; j'en ignore les ruses; je suis soldat; la paix sans changement; voilà mes instructions; décidez; j'attends vos ordres".

Принцъ Нассау, по разсказу Ланжерона, о заключеніи мира узналъ отъ императрицы довольно поздно. Быть-можетъ, Екатерина медлила сообщеніемъ въ надеждѣ на какую-либо побѣду надъ шведами хотя бы и послѣ заключенія мира [1]). Такимъ образомъ принцъ узналъ о Верельскомъ мирѣ лишь чрезъ шведскаго парламентера и отвѣтилъ на это сообщеніе, что будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ императрицы. Густавъ III, считая возможнымъ, что принцъ пока станетъ продолжать военныя дѣйствія, объявилъ, что его войска въ этомъ случаѣ положатъ оружіе [2]).

Затѣмъ у Ланжерона встрѣчается занимательный разсказъ о пріемѣ, оказанномъ Густавомъ русскимъ офицерамъ. При этомъ случаѣ, какъ и до того довольно часто, король выказалъ нѣкоторую странность и мелочное тщеславіе. Его костюмъ отличался роскошью, но въ то же время походилъ на маскарадъ. Онъ былъ одѣтъ въ шведское платье, богато вышитое, покрытое кружевами, съ эполетами въ три ряда (sic) [3]). Шелковые панталоны были на половину желтаго, на другую половину голубого цвѣта. Далѣе онъ носилъ громадныя шпоры, когда-то принадлежавшія королю Карлу XII, и шпагу того же героя, висѣвшую на огромной перевязи; наконецъ, на немъ были навѣшаны разные шарфы, ленты, ордена и проч. Къ тому же на немъ была соломенная шляпа, украшенная громаднымъ голубымъ перомъ. Въ этомъ комическомъ нарядѣ онъ принялъ русскихъ офицеровъ въ наскоро-построенномъ павильонѣ, носившемъ названіе храма дружбы. На павильонѣ виднѣлся вензель, изображающій имена Густава и Екатерины. У входа сидѣли на бочкахъ шведскіе солдаты, переодѣтые въ Бахусовъ и подчивавшіе каждаго рюмочкою водки, не забывая самихъ себя, такъ что они были совершенно пьяны. Не многимъ позже эти люди зажгли нечаянно павильонъ, который сгорѣлъ.

Принимая русскихъ офицеровъ, король весьма развязно бесѣдовалъ съ ними. Особенно ему понравился казацкій генералъ Денисовъ, котораго онъ спросилъ: былъ ли онъ имъ доволенъ по случаю схватки, происходившей въ 1789 году? Денисовъ возразилъ: «я васъ не замѣтилъ вовсе, а впрочемъ, еслибъ тогда командовалъ одинъ изъ вашихъ генераловъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ выключилъ его изъ службы». Густавъ обѣщалъ подарить Денисову пару пистолетовъ, а тотъ замѣтилъ: «И только?» Король спросилъ, чего же онъ еще желалъ бы? Денисовъ сказалъ: «Одну изъ шведскихъ лентъ». «Какую же?» «Самую важную» [4]).

Побесѣдовавъ съ русскими офицерами, Густавъ произнесъ рѣчь, въ ко-

---

[1]) *Ланжеронъ*: „Elle y mit si peu d'empressement que l'on crut qu'elle n'aurait pas été fâchée d'obtenir, même après la paix, une victoire qu'elle croyait sûre".

[2]) Que dans le cas où m-r de Nassau viendrait l'attaquer, toutes ses troupes missent bas les armes".

[3]) Trois rangs d'épaulettes, dont le dernier descendait jusqu'au coude".

[4]) Екатерина писала тогда Потемкину: „Денисовъ имѣлъ съ королемъ шведскимъ разговоръ образцовый, но переводчикъ не все перевелъ, что онъ ему сказать велѣлъ". *Сб. И. О.*, т. XLII, стр. 107.

торой говорилъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Стокгольмъ: «Меня так могутъ убить,—сказалъ онъ,—но свергнуть меня съ престола невозможно». Затѣмъ онъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ [1]).

Нассау послѣ этого возвратился въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что всѣ должны были оказать ему уваженіе и никто не осмѣлился намекнуть на катастрофу при Роченсальмѣ [2]). Императрица подарила ему богато украшенную шпагу въ награду за дѣла близъ Выборгскаго залива.

Положеніе принца, благодаря его неудачѣ наканунѣ мира, было неловкимъ. Стединкъ, прибывшій въ Петербургъ послѣ мира, писалъ къ королю: «Русскіе всѣ порицаютъ принца Нассау. Онъ получилъ богатую шпагу, украшенную брилліантами, но былъ недоволенъ, ожидалъ бо́льшей награды. Говорятъ, что награды вышли бы болѣе щедрыми, еслибъ князь Потемкинъ не обратилъ вниманія императрицы на то, что, раздавая слишкомъ щедро награды теперь, она послѣ заключенія мира съ Оттоманскою Портой не будетъ въ состояніи наградить надлежащимъ образомъ офицеровъ, служившихъ на югѣ [3]).

Говоря въ другомъ мѣстѣ о послѣднемъ времени царствованія Екатерины, Ланжеронъ хвалитъ ее за принятіе энергичныхъ мѣръ для сооруженія сильныхъ укрѣпленій въ томъ мѣстѣ, гдѣ и въ 1789 и въ 1790 годахъ происходили столь важныя битвы, а именно около Роченсальма близъ тогдашней шведско-русской границы, не измѣнившейся и вслѣдствіе Верельскаго мира. Эти работы, исполненіе которыхъ императрица поручила французу Траверсэ, по мнѣнію Ланжерона, обнаруживали осмотрительность и силу воли, ознаменовавшія лучшее время царствованія Екатерины [4]). Въ особой запискѣ: «О приведеніи въ надлежащее состояніе галернаго флота въ Балтійскомъ морѣ и о выборѣ для него порта», Ланжеронъ доказываетъ, что Роченсальмъ лучше всего можетъ служить стоянкою для флотиліи. Въ позднѣйшей припискѣ, составленной въ 1824 году, Ланжеронъ замѣчаетъ, что послѣ занятія Россіей всей Финляндіи [5]), разумѣется, Роченсальмъ

---

[1]) Ланжеронъ оканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ эпизодѣ словами: „On ne peut allier plus de singularité à plus d'énergie".

[2]) „Sa conduite y fut parfaite; autant il s'était montré réservé et modeste après ses succès autant après ses malheurs il parut froid et fier la première fois qu'il parut chez l'impératrice; cette nouvelle manière d'agir en imposa tellement que personne ne s'avisa de lui faire une méchanceté, ni une question deplacée".

[3]) См. замѣчательныя письма Стединка, сообщенныя мною въ моей книгѣ *Война Россіи со Швеціей*, стр. 291—295. Ланжеронъ, впрочемъ, получившій Георгіевскій крестъ четвертаго класса, упрекаетъ Потемкина въ томъ, что онъ помѣшалъ императрицѣ наградить какъ слѣдовало моряковъ, сражавшихся въ Финскомъ заливѣ.

[4]) Ces travaux illustrent la fin de son règne; elle retrouva pour les ordonner et les faire exécuter son ancienne énergie et l'ancien grandiose de son génie créateur". Вообще же Ланжеронъ находитъ, что послѣдніе годы царствованія Екатерины обнаруживаютъ упадокъ во многихъ отношеніяхъ.

[5]) Кстати укажемъ на замѣчаніе Ланжерона въ 1824 г. о завоеваніи всей Фин-

уже не представлялъ болѣе такихъ выгодъ и что лучше всего помѣстить галерный флотъ въ Гельсингфорсѣ.

Оканчивая свой разсказъ о походѣ 1790 года, Ланжеронъ сообщаетъ слѣдующія замѣчанія объ этой кампаніи въ особенности и о шведско-русской войнѣ вообще: «Весьма лишь немногія войны изобиловали столь важными событіями и представляли собою такое разнообразіе, какъ походъ въ Финляндію 1790 года. Предначертанія принца Нассау, въ случаѣ точнаго исполненія, могли бы уничтожить шведскую монархію, однако проектъ принца рушился, благодаря интригамъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ лицъ (individus subalternes). Съ другой стороны, еслибы планъ нападенія шведовъ на Ревель имѣлъ успѣхъ, Густавъ III очутился бы въ С.-Петербургѣ. Тутъ именно Крузе оказалъ Россіи существенную услугу. Затѣмъ чрезвычайно быстро слѣдовали другъ другу: отчаянное положеніе шведовъ въ Выборгской бухтѣ, гдѣ Густавъ былъ отрѣзанъ въ продолженіе трехъ недѣль отъ сообщенія со всѣмъ остальнымъ міромъ, и блестящая побѣда, одержанная имъ, одна изъ знаменитѣйшихъ побѣдъ въ исторіи Швеціи. Нельзя не удивляться подвигамъ шведскаго войска. Благодаря вредному вліянію на дѣла князя Потемкина, русское войско стояло несравненно ниже шведскаго, между тѣмъ какъ Россія располагала несравненно бо́льшими средствами, нежели Швеція. Не случись конфедераціи въ Аньяла, Густавъ III непремѣнно дошелъ бы до Петербурга, что́ было бы страшнымъ урокомъ для Россіи. То же самое случилось бы въ 1790 году безъ крупныхъ промаховъ Карла Зюдерманландскаго».

Какъ видно, Россія, по мнѣнію Ланжерона, не играла особенно благодарной роли въ этой войнѣ съ Швеціей. И для Россіи и для Густава III исходъ борьбы легко могъ сдѣлаться роковымъ. Отсутствіе единства военной мысли въ обоихъ лагеряхъ препятствовало успѣхамъ сколько для одной, столько для другой воюющей партіи. Три кампаніи не измѣнили границы. Результатомъ войны вышло сохраненіе *status quo* въ составѣ обѣихъ державъ. Однако, говоря объ итогахъ этой борьбы, мы не можемъ не указать на слѣдующее обстоятельство.

Въ моемъ сочиненіи о войнѣ Швеціи съ Россіей я указалъ на весьма важный результатъ ея. Густавъ предпринялъ войну съ цѣлью освободить Швецію отъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи. Эта цѣль была достигнута. Въ верельскомъ трактатѣ не было упомянуто о Ништатскомъ мирѣ, дававшемъ Россіи возможность участвовать въ борьбѣ партій въ Стокгольмѣ. Швеція сохранила свою политическую самостоятельность. Въ самомъ началѣ разрыва русскій дипломатъ, графъ Андрей Разумовскій, дѣйствовалъ за одно съ противниками монархическаго начала. Такова же была и раньше дѣятельность другихъ русскихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ, Панина, Моркова и пр. Послѣ войны Екатерина, отправляя новаго дипло-

ляндіи при Александрѣ I: „La moralité de cette conquête et de la guerre qui y conduisit n'est pas au niveau de l'utilité qu'on en a retirée".

мата въ Швецію, сказала ему, «чтобъ имѣлъ глаза и уши, но самъ б
ни во что не вмѣшивался». Остерманнъ сказалъ Стедингу около этого
времени, что Россіи все равно, царствуетъ ли въ Швеціи свобода или сам
державный монархъ и пр. [1]).

Графъ Д. А. Толстой, напечатавъ въ *Русскомъ Архивѣ* [2]) статью
Верельскомъ мирѣ, объявилъ, что не можетъ согласиться съ моимъ толк
ваніемъ значенія шведской войны и окончившаго ее мира. Доводы авто
статьи не могли измѣнить результатовъ моихъ изслѣдованій. Достойна вн
манія на этотъ счетъ аргументація Даніельсона, который въ своемъ тру
Сѣверный вопросъ 1746—51 г., изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1888
въ Гельсингфорсѣ, не зная ни о моемъ воззрѣніи на этотъ вопросъ, ни
возраженіяхъ графа Д. А. Толстого, говоря о Верельскомъ мирѣ и подроб
но изучивъ историческіе источники и ходъ событій, приходитъ къ заклю
ченію, всецѣло подтверждающему мои тезисы, относящіеся къ этому предмету.

А. Брикнеръ.

---

[1]) См. главу о Верельскомъ мирѣ въ моемъ сочиненіи о войнѣ.

[2]) Декабрь 1887 г.

Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ (1861—1863 г.) *).

3.

Вопросъ о пониженіи повинностей.—Докладъ В. А. Арцимовича о поѣздкѣ его въ Жиздринскій, Мосальскій и Мещовскій уѣзды.—Соображенія губ. присутствія: государственное, экономическое и финансовое значеніе вопроса.—Толкованіе подлежащихъ статей Положенія.—Особое мнѣніе членовъ отъ дворянства.—Согласное съ нимъ рѣшеніе вопроса министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя».

«*Послѣднее*»—и для «моей лѣтописи» и для дѣятельности губернскаго присутствія въ данномъ составѣ...

4 декабря 1862 года губернскимъ присутствіемъ предпринято было дѣло, долженствовавшее увѣнчать уже воздвигнутое имъ, до сихъ поръ нерушимо въ назиданіе потомству стоящее зданіе,—дѣло, которое и теперь стоитъ на первой очереди,—великое дѣло *регулированія повинностей съ отлачиваемымъ ими поземельнымъ надѣломъ*.

Впервые вопросъ этотъ былъ поднятъ въ засѣданіи 2 октября, въ которое были приглашены всѣ мировые посредники губерніи, чтобы совмѣстно съ ними, «соборне», обсудить возникшій вопросъ.

Формулированъ этотъ вопросъ былъ такъ: останавливаетъ ли заявленіе крестьянъ о пониженіи повинностей, на основаніи 175 ст. Мѣстнаго Положенія, утвержденіе и введеніе уставной грамоты, впредь до разрѣшенія этого заявленія, или грамота должна быть введена, а вопросъ о пониженіи повинности можетъ идти особо и независимо отъ введенія грамоты? А также: имѣютъ ли крестьяне право просить о пониженіи повинности послѣ введенія уставной грамоты?

Обсудивъ этотъ вопросъ, губернское присутствіе нашло: 1) Нигдѣ въ Положеніи не сказано, что дѣла о пониженіи повинности должны быть окончены въ двухлѣтній со дня утвержденія Положенія срокъ и что крестьяне не могутъ ходатайствовать о пониженіи оброка послѣ уставной грамоты

*) *Русская Мысль*, кн. V.

составленной не по соглашенію съ ними, а по закону. Напротивъ, смыслъ 175 ст. мѣстнаго Положенія ясно показываетъ, что ходатайство крестьянъ о пониженіи повинности можетъ быть заявлено ими губернскому присутствію помимо мирового посредника и, слѣдовательно, независимо отъ уставной грамоты, составленной по закону. 2) Для того, чтобы просить о пониженіи повинности, крестьянамъ необходимо въ точности знать тотъ изъ дѣлъ, которымъ они будутъ пользоваться по уставной грамотѣ; есть случаи, когда отъ крестьянскаго надѣла производится отрѣзка; крестьяне только послѣ утвержденія грамоты мировымъ съѣздомъ узнаютъ, какія земли поступили къ нимъ, притомъ крестьяне часто не вдругъ заявляютъ о пониженіи повинности уже и потому, что, на основаніи примѣчанія къ 20-й статьѣ Мѣстнаго Положенія, въ ихъ временномъ пользованіи остается существующій у нихъ надѣлъ безъ отрѣзки. 3) Ограничивать производство дѣлъ о пониженіи повинности двухлѣтнимъ срокомъ было бы несогласно со всѣмъ ходомъ крестьянской реформы: Положеніе назначаетъ двухлѣтній срокъ только на первоначальное утвержденіе надѣла, дальнѣйшее же развитіе реформы—разверстаніе угодій къ однимъ мѣстамъ, обмѣнъ угодій, перенесеніе крестьянскихъ усадебъ,—продолжено и послѣ введенія уставныхъ грамотъ; самое Положеніе, предписываетъ оказывать крестьянамъ снисхожденіе, такъ какъ они по своей необразованности не могутъ вдругъ и въ послѣдовательности всѣхъ обстоятельствъ, встрѣчающихся въ ихъ жизни, а требовать отъ нихъ немедленно всѣхъ заявленій было бы противно духу 59-й статьи Положенія о губ. и уѣз. учреж. и 4) Кромѣ того такое важное дѣло, какъ правильное регулированіе повинностей, сопряженное съ размѣреніе ихъ съ дѣйствительными средствами крестьянъ и съ выгодами, которыми они пользуются, никоимъ образомъ не можетъ быть окончено въ 2 года. Пониженіе повинностей требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія земель и угодій, которыми пользуются крестьяне, а такое изслѣдованіе возможно только въ лѣтнее время года.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей могутъ быть принимаемы и разсматриваемы *послѣ двухлѣтняго срока,* и что изслѣдованіе до этого срока отниметъ много времени у мировыхъ посредниковъ и затруднитъ введеніе къ сроку уставныхъ грамотъ во многихъ имѣніяхъ, гдѣ возникаетъ вопросъ объ уменьшеніи повинностей, губернское присутствіе постановило: «просить гг. мировыхъ посредниковъ, чтобъ они, въ случаяхъ заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, при повѣркѣ уставной грамоты, не останавливались введеніемъ ея на законномъ основаніи, ходатайства же крестьянъ о пониженіи оброка записывали бы въ протоколъ и давали ходъ этому дѣлу особо отъ уставной грамоты, если, впрочемъ, не представится возможность тотчасъ же разрѣшить это ходатайство»

Такъ первоначально былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ: ясно, точно и строго законно. Но рѣшенію этому не суждено было сбыться.

Осложненный хроническимъ малоземельемъ и хроническими же [illegible]

жающимися голодовками, обусловленными не однимъ только недородомъ, вопросъ этотъ до сихъ поръ грозитъ будущему, ждетъ кадастра и новой системы обложенія. Онъ обостряется годъ отъ году и рѣшается пока ослабленіемъ крестьянскаго хозяйства, исчезновеніемъ крестьянскаго скота, податными недоборами, скитаніями. Было время, когда вопросъ этотъ можно было разрѣшить легче и удобнѣе, когда онъ *входилъ въ узаконенную программу*, выполняемую *такими* дѣятелями, каковы были мировые посредники перваго призыва, когда оброки, только намѣчаемые, не превратились еще въ выкупныя свидѣтельства, чтобы безслѣдно сгинуть на «теплыхъ водахъ», или въ парижскихъ ресторанахъ. Калужское губернское присутствіе хорошо понимало это, и еслибы починъ его, вмѣсто отпора, сначала въ средѣ помѣстнаго дворянства, а потомъ въ начавшейся реакціи, былъ смѣло и сочувственно поддержанъ какъ аналогичными губернскими учрежденіями, такъ и авторитетнымъ содѣйствіемъ центральнаго вѣдомства, — мы не были бы свидѣтелями нарождающагося земельнаго пролетаріата въ той угрожающей степени, какая наблюдается теперь, не были бы свидѣтелями и печальнаго исхода той упорной борьбы, которая вспыхнула въ Калугѣ съ обѣихъ сторонъ, каждая по-своему рѣшающихъ вопросъ.

Это было послѣднее генеральное сраженіе; въ немъ палъ и доблестный вождь, пала и вся армія его,—пала съ оружіемъ и знаменемъ въ рукахъ, но не сдалась на капитуляцію. Съ низменныхъ равнинъ и вплоть до укрѣпленныхъ высотъ—все ринулось на врага, чтобы вырвать изъ его рукъ готовую побѣду, засѣять трупами бранное поле и застлать его густымъ, непроницаемымъ дымомъ софизмовъ и лжетолкованій.

Диспозиція, задуманная осаждаемымъ, была такъ безупречна, что оставалось только поставить его въ *физическую* невозможность выполнить свой планъ. Такъ и сдѣлали: необходимое для выполненія этого плана время было насильственно, вопреки ясному и точному смыслу *закона*, укорочено *произвольно* измышленнымъ срокомъ. Но это не помѣшало губернскому присутствію, подобно предыдущему побѣдоносному его рѣшенію, высказать рядъ поучительныхъ, до сихъ поръ образцовыхъ, исполненныхъ государственнаго интереса истинъ о существѣ и значеніи защищаемаго вопроса.

Застрѣльщиками въ наружной цѣпи явились на этотъ разъ члены присутствія по выбору дворянства и и. д. губернскаго предводителя. Въ особомъ мнѣніи своемъ они оспариваютъ вышеприведенное постановленіе присутствія такими доводами:

Уставныя грамоты должны быть *окончательно* введены въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ со времени утвержденія Положенія (ст. 22 пр. о пор. прив. въ дѣйств. Пол.).

Главное существо грамоты — *количество земли*, предоставляемое въ постоянное пользованіе крестьянъ и размѣръ *повинностей*, причитающихся за оное въ пользу помѣщика, а потому по грамотамъ, въ имѣніяхъ оставшихся на издѣльной повинности, долженъ быть опредѣленъ и размѣръ об-

рока, на случай перехода крестьянъ на эту повинность (8 п. 35 ст. и о пор. прив. въ дѣйств. Пол.).

Всѣ грамоты, составленныя безъ участія крестьянъ, разсматриваются и повѣряются на мѣстѣ мировыми посредниками (ст. 44 пр. о пор. прив. въ дѣйств. Полож.). При таковой повѣркѣ мировой посредникъ прочитываетъ грамоту отъ слова до слова, и крестьянамъ предоставляется полная возможность входить во всѣ объясненія и высказывать свои возраженія.

Всѣ вообще грамоты утверждаетъ самъ посредникъ, вводитъ ихъ въ дѣйствіе и *оконченныя* препровождаетъ для *храненія* въ губернское присутствіе (ст. 63, 64 пр. о пор. прив. въ дѣйств. Пол.), и только въ случаяхъ указанныхъ въ ст. 65 и 66 того же Пол. посредникъ, по разсмотрѣніи уставныхъ грамотъ (въ томъ числѣ по заявленіямъ о пониженіи повинностей), представляетъ оныя на утвержденіе губернскаго присутствія или мирового съѣзда.

По грамотамъ составленнымъ по закону, безъ участія крестьянъ, они получаютъ непремѣнно тотъ самый надѣлъ, которымъ прежде постоянно пользовались; слѣдовательно, всѣ выгоды и невыгоды какъ самаго надѣла, такъ и предполагаемой отрѣзки, имъ близко и коротко извѣстны, а потому и предполагать невозможно, чтобъ они при повѣркѣ грамоты не заявили того, что имъ на самомъ дѣлѣ невыгодно.

Только *на неправильныя* по утвержденіи и введеніи грамоты *дѣйствія* мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ, предоставляется право приносить жалобы губернскому присутствію въ трехмѣсячный срокъ (ст. 77 того же Полож.).

Такимъ образомъ *опредѣленный* по уставнымъ грамотамъ *оброкъ* остается неизмѣннымъ въ продолженіе 20 лѣтъ (ст. 85 Мѣст. Полож.). Что же касается до надѣла, то законъ по уставнымъ грамотамъ опредѣляетъ только *первоначальное утвержденіе размѣра и качества* онаго, и затѣмъ *видоизмѣненіе* надѣла допускается посредствомъ *переселенія* усадьбъ, *обмѣна* и *разверстанія* угодій порядкомъ, указаннымъ въ Мѣстномъ Положеніи (ст. 64 до 97).

Путемъ вышеизложенныхъ доводовъ, особое мнѣніе приходитъ къ заключенію, во-первыхъ, что уставныя грамоты не могутъ быть утверждены и введены въ дѣйствіе *до окончательнаго* разрѣшенія вопроса о *повинностяхъ* крестьянъ въ пользу помѣщика и, во-вторыхъ, что послѣ утвержденія грамотъ ходатайства какъ помѣщика о возвышеніи, такъ и крестьянъ о *пониженіи повинностей*, допущены быть не могутъ.

Въ слѣдующемъ за симъ засѣданіи 19 октября предсѣдатель присутствія, возвратясь изъ своей поѣздки въ Мосальскій уѣздъ, гдѣ онъ посѣтилъ 16 волостей, заявилъ присутствію, что болѣе близкое ознакомленіе со многими мѣстностями этого уѣзда указываетъ на особенную важность вопроса о регулированіи тамъ повинностей крестьянъ. Почва земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Ельнинскимъ и Рославльскимъ уѣздами, Смоленской губ., весьма низкаго качества и мало производи-

на; она состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, тяжелой, вязкой глины, или изъ мокраго хрящевого песка, или камня. Въ этихъ мѣстностяхъ землевладѣльцы извлекали доходъ не съ земли, а съ личнаго труда ихъ бывшихъ крѣпостныхъ. При бѣдности и неразвитости населенія отхожіе промыслы, столь значительные въ другихъ уѣздахъ губерніи, здѣсь почти не существовали, и сами крестьяне къ нимъ мало склонны, а, между тѣмъ, личный трудъ, рабочая сила крестьянъ для нѣкоторыхъ помѣщиковъ составляли главный доходъ. Они отдавали своихъ крестьянъ въ рогожныя заведенія, гдѣ работы, по самому ихъ свойству, вредны для здоровья и по малоцѣнности издѣлій даютъ крайне скудную выручку, или отдавали по условіямъ съ рядчиками землекоповъ и камнебойщиковъ при устройствѣ и ремонтѣ варшавскаго шоссе, или посылали къ лѣсопромышленникамъ для рубки и пилки лѣса, жженія смолы, угля и т. п. Эта система хозяйства привела населеніе въ такое положеніе, которое не можетъ не обратить на себя вниманія и заботы правительства. Изъ этой-то мѣстности и возникли первыя заявленія о пониженіи повинностей. Кромѣ того, что крестьяне заявляли мировымъ учрежденіямъ о малой производительности земель, они подавали о томъ прошенія въ губернское присутствіе и при настоящемъ обзорѣ вновь заявили о своемъ затруднительномъ положеніи и убѣдительно ходатайствовали о пониженіи повинностей. Хотя въ журналѣ 28 августа установленъ порядокъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при разборѣ ходатайствъ крестьянъ о пониженіи повинностей, но, видѣвши на самомъ дѣлѣ трудность этой задачи въ практическомъ примѣненіи, предсѣдатель присутствія проситъ обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе, такъ какъ правильное и соотвѣтственное разнообразнымъ почвеннымъ условіямъ регулированіе повинностей требуетъ строгихъ и точныхъ пріемовъ. Этотъ вопросъ столь важенъ, что не можетъ выработаться вдругъ; опредѣленіе цифры пониженія оброка въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Мосальскаго уѣзда необходимо потребуетъ не мало времени, и хотя мировые посредники надѣются окончить къ положенному сроку введеніе уставныхъ грамотъ, но пониженіе повинностей въ большей части случаевъ можетъ быть опредѣлено не ранѣе будущаго года. Въ такихъ мѣстностяхъ уѣзда, гдѣ почва малопроизводительна, гдѣ повинности по уставнымъ грамотамъ не соотвѣтствуютъ способамъ крестьянъ, предсѣдатель, принимая ихъ ходатайства о пониженіи повинностей, объявлялъ крестьянамъ, что просьбы ихъ будутъ разсмотрѣны и, по изслѣдованіи правильности показаній, будутъ разрѣшены.

Выслушавъ заявленія предсѣдателя и принимая во вниманіе, что отсрочка точнаго опредѣленія размѣровъ оброка происходитъ вслѣдствіе невозможности окончить это дѣло одновременно съ введеніемъ уставныхъ грамотъ, губернское присутствіе находитъ, что общая норма оброка, опредѣленная Положеніемъ для Мосальскаго уѣзда, должна временно остаться въ своей силѣ и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянами заявлено о пониженіи повинности, впредь до опредѣленія цифры, до которой она можетъ быть впослѣдствіи понижена по ходатайству крестьянъ. Затѣмъ, утвержденный

губернскимъ присутствіемъ по представленіямъ мировыхъ посредниковъ въ каждомъ данномъ случаѣ отдѣльно пониженный оброкъ долженъ считаться *со дня введенія уставной грамоты*, и переплаченныя крестьянами деньги должны быть зачтены въ счетъ ихъ будущихъ платежей, о чемъ просить мировыхъ посредниковъ объявить крестьянамъ и тамъ, гдѣ грамоты введены въ дѣйствіе и вопросъ о пониженіи опредѣленнаго оброка возбужденъ уже послѣ этого. Затѣмъ губернское присутствіе постановило: журналъ 5 октября привести въ исполненіе и довести до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что тѣ начала, на которыхъ будетъ основано пониженіе повинностей соотвѣтственно способамъ крестьянъ и степени производительности почвы, будутъ также представлены въ министерство послѣ разрѣшенія этого вопроса самою практикой.

Особыя мнѣнія членовъ-дворянъ, заявленныя ими и противъ этого постановленія, развиваютъ уже знакомыя намъ ихъ общія соображенія и положенія, занесенныя въ журналъ предшествовавшаго засѣданія, и, съ своей стороны, также полагаютъ представить вопросъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ (мнѣнія подписаны и. д. губ. предв. Ергольскимъ, Зыбинымъ и фонъ-Ренне).

Журналъ присутствія былъ представленъ въ министерство предсѣдателемъ 7 ноября при отзывѣ, въ которомъ, между прочимъ, указывалась *невозможность* прекратить производство дѣлъ по пониженію повинностей съ истеченіемъ двухъ лѣтъ со дня обнародованія Положеній, такъ какъ разрѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ регулированіе повинностей, требуетъ много времени, и *только правильный и тщательный разборъ* заявленій крестьянъ о пониженіи повинностей можетъ предупредить въ будущемъ тѣ затрудненія, которыя *неизбѣжны*, если крестьяне, поселенные на безплодной почвѣ, будутъ подчинены одинаковымъ условіямъ съ крестьянами, пользующимися землею лучшаго качества.

Времени на исполненіе задуманнаго, прекрасно поставленнаго и въ высшей степени необходимаго дѣла дано не было: предложеніемъ отъ 21 ноября за № 9623 министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ присутствіе, что онъ согласился съ мнѣніемъ г. фонъ-Ренне объ ограниченіи принятія заявленій крестьянъ о пониженіи оброка окончательнымъ введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и съ своей стороны находитъ, что, согласно 77 ст. пр. о пор. пр. въ дѣйств. Пол., на обжалованіе утвержденной и введенной въ дѣйствіе уставной грамоты установленъ 3-хъ мѣсячный срокъ, послѣ чего она не можетъ подлежать измѣненію по ходатайству одной изъ сторонъ; съ принятіемъ же предположенія большинства членовъ о пониженіи повинностей необжалованная въ опредѣленный срокъ и потому окончательно утвержденная уставная грамота «утратила бы придаваемое ей Положеніемъ значеніе основного документа, опредѣляющаго поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщику, и такимъ образомъ могла бы подлежать безпрерывнымъ (?) измѣненіямъ то по просьбамъ помѣщиковъ о повышеніи, то по просьбамъ крестьянъ о пониженіи повинностей».

Чѣмъ инымъ, какъ не весьма плохо замаскированнымъ стремленіемъ поставить начинаніямъ губернскаго присутствія физическую преграду и сохранить норму высокихъ, не соотвѣтствующихъ земельному надѣлу, обложеній возможно объяснить себѣ и эти особыя мнѣнія оппозиціоннаго дворянства, и этотъ петербургскій, согласный съ ними, отвѣтъ?

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, требовалось объединить въ жестоко-урѣзанномъ срокѣ двѣ, *по закону* разъединенныя, задачи—введеніе уставныхъ грамотъ и регулированіе повинностей; зачѣмъ *ходатайству* придавать характеръ срочнаго *обжалованія*; зачѣмъ, ради сохраненія «значенія основнаго *документа*», яко бы угрожаемаго какими-то миѳическими «безпрерывными измѣненіями», приносить въ жертву насущнѣйшій интересъ *живыхъ людей*; зачѣмъ, наконецъ, требовать этой изумительной, непостижимой поспѣшности, не согласной уступить защитникамъ этого интереса годъ-другой времени, необходимаго для обстоятельнаго и безобиднаго рѣшенія вопроса государственной важности, послѣдствія котораго должны измѣряться вѣками?...

Озабоченное, вѣроятно, подобными же горькими помыслами, взволнованное обманомъ завѣтнѣйшихъ надеждъ своихъ, губернское присутствіе рѣшило попытать счастья во второй разъ и внести въ министерство нижеизлагаемое представленіе. Яркимъ, прометеевымъ огнемъ горитъ между строкъ его «святая ревность гражданина», а соображенія и выводы блещутъ броненосными доспѣхами по-истинѣ рыцарскаго, полнаго вооруженія.

Вотъ это представленіе:

«По выслушаніи предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, губернское присутствіе нашло необходимымъ обсудить настоящій вопросъ съ новой точки зрѣнія, которую губернское присутствіе не имѣло прежде въ виду, а именно—относительно срока, съ истеченіемъ котораго должны прекращаться всякія заявленія крестьянъ о несоразмѣрности надѣла съ повинностями за пользованіе имъ. Разработку этого вопроса приняли на себя члены присутствія Свистуновъ, кн. Оболенскій и губернскій прокуроръ Кишкинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское присутствіе признало необходимымъ пригласить въ засѣданіе и предсѣдателя казенной палаты, такъ какъ съ подлежащимъ обсужденію вопросомъ тѣсно связаны сдѣлки по выкупнымъ операціямъ.

Для уясненія вопроса избранная коммиссія, какъ это изложено въ ея докладѣ, нашла необходимымъ предварительно обратиться къ тому порядку, который установился въ присутствіи вслѣдствіе постепенныхъ пріемовъ, выработавшихся практикою по Калужской губерніи, и высказать тотъ взглядъ, который имѣли мировые посредники и губернское присутствіе на заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, и на чемъ основывалось воззрѣніе на этотъ предметъ.

Многіе мировые посредники, при заявленіяхъ о пониженіи оброковъ, дѣлаемыхъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, поступали различнымъ обра-

зомъ: они или предоставляли крестьянамъ право ходатайствовать въ губернскомъ присутствіи о пониженіи повинностей, на основаніи 175 ст. мѣст. Полож., или сами представляли присутствію о необходимости этого пониженія; грамоты же утверждали и вводили въ дѣйствіе.

Такимъ образомъ, многіе мировые посредники давали вопросу о пониженіи повинности крестьянъ ходъ независимо отъ введенія грамотъ, составленныхъ помѣщиками безъ участія крестьянъ или самими посредниками по закону. Этотъ взглядъ свой мировые посредники основывали на томъ, что, руководствуясь 49 ст. прав. о поряд. прив. въ дѣйств. Полож., они вносили въ акты о повѣркѣ грамотъ тѣ заявленія крестьянъ, которыя непосредственно относились къ условіямъ надѣла по закону, какъ-то: возраженія противъ количества и границъ надѣла, мѣстъ отрѣзокъ, исчисленія повинностей, особенно при признаніи повинности смѣшанною и т. п. Заявленія же крестьянъ о пониженіи повинностей, названныя 175 стат. мѣст. Полож. ходатайствами, мировые посредники считали просьбами, основанными не на прямыхъ указаніяхъ закона, а на мѣстныхъ, случайныхъ условіяхъ имѣнія, требующихъ подробнаго, нерѣдко по времени невозможнаго, при повѣркѣ грамотъ, изслѣдованія.

Тѣмъ же взглядомъ руководствовалось и губернское присутствіе. Всѣ члены его единогласно, не исключая и 3-хъ, подавшихъ по журналамъ 5 и 19 октября отдѣльныя мнѣнія, были согласны относительно отдѣленія вопроса о ходатайствѣ крестьянъ о пониженіи повинности отъ введенія грамотъ. Доказательствомъ этому могутъ служить многія постановленія губернскаго присутствія, которыми оно поручало мировымъ посредникамъ произвести мѣстныя изслѣдованія по заявленіямъ крестьянъ о пониженіи оброковъ въ имѣніяхъ, въ которыхъ уставныя грамоты были уже введены и хранились въ губернскомъ присутствіи.

До настоящаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 21 ноября за № 2623,—губернское присутствіе, не имѣя указанія въ законѣ, не могло само опредѣлить срока на ходатайство о повышеніи и пониженіи повинностей, потому: во-1-хъ, что, по его мнѣнію, всякое такое ходатайство можетъ быть изслѣдуемо только однажды, и во-2-хъ, что поводы къ измѣненію нормальнаго оброка строго опредѣлены 173—175 ст. мѣст. Полож. Условія, въ нихъ означенныя, не подлежатъ измѣненію и не зависятъ отъ времени, такъ какъ всегда останутся на дѣлѣ существующими, естественными возраженіями противъ размѣра повинностей, а потому и не требуютъ особенно быстрой и срочной повѣрки. и отдаленность угодій, ни значительность отрѣзки, ни лишеніе топлива и лѣсного матеріала, ни свойства почвы—не измѣняемы и всегда на дѣлѣ могутъ служить подтвержденіями въ справедливости или неосновательности ходатайствъ объ измѣненіи оброковъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ такія ходатайства могутъ возникнуть и гдѣ грамоты введены безъ соглашенія съ крестьянами, или по закону самими мировыми посредниками.

Что же касается до неизмѣняемости грамоты, какъ акта, то гу[illegible]ра-

ское присутствіе признавало не подлежащими, безъ соглашенія обѣихъ сторонъ, никакому измѣненію только тѣ грамоты, которыя составлены по обоюдному соглашенію, потому что всѣ остальныя могутъ быть измѣняемы: а) вслѣдствіе права, даннаго помѣщикамъ на *разверстаніе угодій и перенесеніе* крестьянскихъ усадьбъ въ теченіе 6 лѣтъ (65 и 77 ст. мѣст. Полож.); б) *обмѣна угодій* во всякое время (93 ст. мѣст. Полож.); в) въ случаѣ *оспариванія крестьянами количества надѣла* въ 6-тилѣтній срокъ (52, 73 и 74 ст. прав. о пор. привед. въ дѣйст. Полож.); г) *вслѣдствіе составленія грамоты, по ст. 38 правилъ и 63 ст. мѣст. Полож., съ правомъ на будущую отрѣзку*; д) вслѣдствіе того, что, по закону, утвержденіе за крестьянами надѣла по грамотѣ, въ 2-хъ лѣтній срокъ, *есть первоначальное, а не окончательное* (стат. 50, 51 и 52 мѣст. Полож.); е) вслѣдствіе *признанія собственностью крестьянъ земель, отведенныхъ въ надѣлъ*; ж) вслѣдствіе *отказа крестьянъ отъ надѣла,* по истеченіи 9-ти лѣтъ, стат. 134 мѣст. Полож. 3). Вслѣдствіе заявленнаго желанія обѣихъ сторонъ *); і) въ случаяхъ ходатайствъ крестьянъ о пониженіи повинностей, заявленныхъ послѣ введенія уставной грамоты (ст. 175 мѣст. Полож.); тѣмъ болѣе, что въ формѣ грамоты, установленной закономъ, нѣтъ § о пониженіи повинности.

3-й пунктъ 65 ст. правилъ, по мнѣнію членовъ, нисколько не стѣсняетъ права, предоставленнаго 173—175 ст. Всѣ эти статьи указываютъ только на два различные пути: въ 3-мъ пунктѣ 66 ст. правилъ предоставляется дѣлать заявленія при повѣркѣ уставныхъ грамотъ мировымъ посредникамъ, а ст. 173—175 предоставляется обращаться съ ходатайствомъ и помимо мировыхъ посредниковъ непосредственно въ губернское присутствіе.

Члены присутствія, съ своей стороны, считаютъ, что ограниченіе права ходатайства о повышеніи и пониженіи оброковъ кратко-временнымъ срокомъ было бы обременительно *относительно помѣщиковъ* тѣмъ: во-1-хъ, что тамъ, гдѣ владѣльцы, за отсутствіемъ, не участвовали сами въ составленіи уставныхъ грамотъ и гдѣ онѣ были составлены мировыми посредниками, они лишатся права возвысить оброки, противъ опредѣленныхъ грамотами, каковое возвышеніе для нѣкоторыхъ имѣній, сравнительно съ предоставленными крестьянамъ выгодами, было бы вполнѣ справедливо,— и во-2-хъ, хотя лишеніе землевладѣльцевъ этого права имѣло бы своимъ результатомъ не безвыходность положенія, а только уменьшеніе ихъ имущественныхъ выгодъ, тѣмъ не менѣе кратковременность срока была бы въ сущности для нихъ тягостна.

Относительно крестьянъ члены губернскаго присутствія считаютъ необходимымъ высказать слѣдующія соображенія:

---

*) По отзыву мирового посредника Калужскаго уѣзда Лаврентьева, послѣ введенія уставныхъ грамотъ, составленныхъ безъ участія крестьянъ, вслѣдствіе соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, измѣнено до 7-ми грамотъ.

1. Нельзя не обратить вниманія на малую развитость крестьянъ и на неумѣнье ихъ разомъ и послѣдовательно высказывать встрѣчаемыя ими недоумѣнія и возраженія. Это выражено въ предложеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 21 ноября: «что, единственно лишь во вниманіе къ недостаточному знакомству крестьянъ съ дарованными имъ правами, Высочайшимъ повелѣніемъ 1 марта сего года (общ. цирк. № 4) пояснено, что примѣненіе стат. 175 мѣст. Полож. (также какъ и 24) можетъ имѣть мѣсто и безъ положительнаго ходатайства о томъ крестьянъ, но по общему ихъ заявленію, что съ установленіемъ предположенныхъ по грамотѣ надѣла и повинностей матеріальный ихъ бытъ значительно ухудшится».

2. Обращаясь къ самому порядку повѣрки и утвержденія уставныхъ грамотъ, члены присутствія находятъ, что невнесеніе мировымъ посредникомъ въ актъ и протоколъ всѣхъ словесныхъ заявленій, дѣлаемыхъ крестьянами, если только заявленія эти не относятся до статей въ грамотѣ помѣщенныхъ, не составляетъ въ себѣ неправильныхъ дѣйствій мирового посредника, на которыя могутъ быть приносимы жалобы на основаніи 77 ст. правилъ. Часто заявленія крестьянъ о тяжести для нихъ повинностей бываютъ приносимы и объясняемы въ такой неопредѣленной формѣ, что трудно уловить, составляютъ ли эти заявленія жалобу, или сомнѣніе, или простой, не имѣющій значенія разговоръ, возникшій въ толпѣ между ея членами.

3. Если бы даже крестьяне словесно заявили мировому посреднику объ обременительности для нихъ назначеннаго по уставной грамотѣ оброка и мировой посредникъ не внесъ этого заявленія въ актъ, то это обстоятельство, въ случаѣ принесенной жалобы, могло бы обнаружиться только слѣдственнымъ порядкомъ. Производство такого рода слѣдствій, кромѣ того, что при бездоказательности обвиненій и оправданій не повело бы къ обнаруженію истины, уронило бы званіе мирового посредника, затруднило бы губернское присутствіе и усложнило бы ходъ самого дѣла.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что губернское присутствіе не считало себя въ правѣ, по закону, ограничивать право ходатайства, по силѣ 173—175 стат. Мѣстн. Полож., какимъ-либо срокомъ и отдѣляло вопросъ о повышеніи или пониженіи оброковъ отъ введенія уставныхъ грамотъ.

Во всякомъ случаѣ члены присутствія полагаютъ, что 77 ст. прав. о порядкѣ привед. въ дѣйств. Полож. относится только до жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ по утвержденію и введенію уставныхъ грамотъ. Въ этомъ направленіи состоялось въ губернскомъ присутствіи единогласно постановленіе 5 октября сего года (прил. къ № 41 *Губ. Вѣд.*) о помѣщеніи въ актахъ объ утвержденіи и введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ 77 ст. правилъ, которая предоставляетъ какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ право приносить губернскому присутствію жалобы на неправильныя дѣйствія мирового посредника и мирового съѣзда въ 3-хъ-мѣсячный срокъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому постановленію послужила мысль, что крестьяне, какъ мало развитые, не могли еще уяснить себѣ понятіе о дарованныхъ имъ правахъ, положительно выражен-

ныхъ въ законѣ, и понятія о срокахъ, ограничивающихъ и, въ случаѣ пропущенія ихъ, уничтожающихъ эти права.

Слѣдовательно, если 77 ст. правилъ, установленную для принесенія жалобъ, распространить на ходатайства, означенныя въ 173—175 ст. Мѣстн. Полож., то безъ объявленія сего срока установленнымъ закономъ порядкомъ какъ помѣщики, такъ и крестьяне, не будучи предупреждены положительнымъ закономъ, что за пропускомъ 3-хъ-мѣсячнаго срока они потеряютъ навсегда право ходатайствъ, могутъ, независимо отъ ихъ воли, лишиться одного изъ важныхъ правъ, дарованныхъ имъ Положеніемъ.

При семъ члены губернскаго присутствія считаютъ необходимымъ напомнить о томъ, какъ возникъ вопросъ о пониженіи повинности, гдѣ и какое имѣлъ значеніе.

Сначала случаи такихъ ходатайствъ были весьма рѣдки, что объясняется самымъ ходомъ уставныхъ грамотъ въ первый годъ по обнародованіи положеній. Въ первую половину 1861 г. образовывались мировыя учрежденія и крестьянское общественное управленіе; приведеніе въ дѣйствіе новаго закона требовало изученія его лицами, поставленными исполнителями Положеній 19 февраля. Только со 2-й половины 1861 года стали вводиться уставныя грамоты, и естественно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ сами посредники встрѣчали затрудненія, которыя увеличивались неимѣніемъ въ первый моментъ времени землемѣрныхъ средствъ; а потому прежде всего составлялись уставныя грамоты въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ были добровольныя соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, гдѣ сами землевладѣльцы помогали мировымъ посредникамъ, гдѣ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ были не сложны и не предстояло отъ существовавшаго надѣла крестьянъ производить отрѣзки, т.-е. гдѣ крестьяне большею частью оставались при существовавшемъ пользованіи землею. Когда окончился годовой срокъ, опредѣленный 21 ст., и составленіе уставныхъ грамотъ было возложено на мировыхъ посредниковъ, стали встрѣчаться имѣнія, гдѣ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ были сложны, гдѣ прежнее пользованіе землей было часто вдвое болѣе опредѣляемаго положеніями, гдѣ вслѣдствіе сего предстояли значительныя отрѣзки; наконецъ, стали постепенно обозначаться мѣстности, въ которыхъ, кромѣ того, что предстояли значительныя отрѣзки, почва земли малопроизводительна и именно скудностью ея обусловливалась многоземельность крестьянскихъ надѣловъ *).

*) Чтобы судить о томъ, какъ постепенно усложнялись занятія мировыхъ посредниковъ по введенію уставныхъ грамотъ, стоитъ обратить вниманіе на слѣдующую таблицу:

	Число всѣхъ грамотъ.	По соглашенію.	Безъ соглашенія.	Процентное содержаніе грамотъ по соглашенію къ общему числу грамотъ.
Къ январю 1862 года . . .	187	158	29	85%
„ апрѣлю	387	330	57	85%
„ августу	1,015	732	283	72%
„ декабрю.	1,801	1,076	723	57%

Губернское присутствіе не могло не обратить вниманія на всѣ эти обстоятельства, и потому самъ собою возникъ вопросъ о пониженіи оброковъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ.

Вопросъ, возбужденный по сему предмету, былъ представленъ предсѣдателемъ присутствія на благоусмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 мая за № 1719, причемъ предсѣдатель присутствія довелъ до свѣдѣнія г. министра слѣдующее:

«Во время ревизіи Жиздринскаго и Мосальскаго уѣздовъ ему, предсѣдателю, было сдѣлано нѣсколько заявленій о томъ, что въ этихъ уѣздахъ есть цѣлыя мѣстности, рѣзко отличающіяся качествомъ почвы отъ прочихъ мѣстностей губерніи.

«Для повѣрки этихъ заявленій предсѣдатель обратился къ слѣдующимъ даннымъ:

«По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ хозяйственно-статистическихъ описаній губерніи, изъ матеріаловъ кадастровой коммиссіи министерства государственныхъ имуществъ и изъ свѣдѣній по департаменту сельскаго хозяйства, оказывается, что почва земли во многихъ мѣстахъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, преимущественно пограничныхъ съ Брянскимъ, Елнинскимъ и Рославльскимъ уѣздами Орловской и Смоленской губерній, весьма низкаго качества и малопроизводительна. Въ Мосальскомъ уѣздѣ она состоитъ изъ торфяныхъ болотъ, тяжелой, вязкой глины и мѣстами попадается мокрый, хрящеватый песокъ. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ пространство къ югу отъ г. Жиздры представляетъ сыпучіе пески, съ попадающимися въ нихъ голышами, а къ сѣверо-западу отъ города много болотистыхъ, неудобныхъ для хлѣбопашества земель. Всѣ эти пространства имѣютъ весьма низкую продажную цѣну. По свѣдѣніямъ департамента сельскаго хозяйства, средняя продажная цѣна пахатной десятины въ Мосальскомъ уѣздѣ равняется 11 руб. сер., тогда какъ въ сосѣдственномъ съ нимъ Мещовскомъ уѣздѣ она стоитъ 25 руб. сер. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ, по отзыву бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по причинѣ сыпучаго песка съ мелкимъ камнемъ, а въ другихъ по причинѣ болотистой, поросшей мохомъ почвы, пустопорожнія земли не имѣютъ почти никакой цѣнности («О среднихъ цѣнахъ на земли», прилож. къ Мат. рес. коми.). По свѣдѣніямъ кадастровой коммиссіи министерства государственныхъ имуществъ, урожай въ этихъ мѣстахъ не бываетъ свыше сам-друг или самъ съ четвертью. Такая малая производительность почвы составляетъ главную причину того, что, во-первыхъ, взысканіе оброчной повинности съ временно-обязанныхъ крестьянъ, состоявшихъ до обнародованія положеній или перешедшихъ на оброкъ въ послѣднее время, представляетъ въ означенныхъ уѣздахъ много затрудненій, и, во-вторыхъ, что тамъ, гдѣ помѣщики не соглашаются понижать оброки противъ указанныхъ Положеніями, переходъ съ барщины на оброкъ встрѣчаетъ препятствія со стороны самихъ крестьянъ. Лучшимъ доказательствомъ тому, что назначаемые

законами 19 февраля за полный душевой надѣлъ 9-рублевый оброкъ высокъ для означенныхъ мѣстностей Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, можетъ служить то, что для сосѣднихъ съ ними уѣздовъ Смоленской и Орловской губерній, имѣющихъ совершенно одинаковую почву и производительность земли, установленъ 168 ст. Мѣстн. Полож. 8-рублевый оброкъ.

«Самое населеніе этого края рѣзко отличается отъ прочаго населенія губерніи, чисто-великороссійскаго, бойкаго и промышленнаго. Оно составляетъ крайній предѣлъ того населенія Полѣсья, которое начинается въ Пинскихъ болотахъ (Гродн. губ.) и оканчивается близъ Жиздры.

«Въ Мосальскомъ уѣздѣ сверхъ того населеніе это было особенно порабощено при крѣпостномъ правѣ; большія и постоянныя недоимки, происходившія отъ бѣдности крестьянъ и неспособности ихъ къ заработкамъ, были поводомъ къ тому, что помѣщики отдавали крестьянъ въ кабалу на разныя фабрики и преимущественно въ рогожныя заведенія, гдѣ положеніе рабочихъ было крайне бѣдственно. Также и въ Жиздринскомъ уѣздѣ, не смотря на то, что оброки были во многихъ имѣніяхъ малы сравнительно съ надѣломъ крестьянъ (часто отъ 10 до 20 десят. на тягло), недоимки были значительны и возрастали съ каждымъ годомъ, такъ что во многихъ мѣстахъ превышали весь годовой доходъ съ имѣнія. Въ этомъ уѣздѣ промыслы крестьянъ большею частью лѣсные, мало вознаграждающіе трудъ. Въ настоящее время нельзя еще сдѣлать положительныхъ выводовъ о томъ, какой послѣдуетъ общій ходъ выкупныхъ сдѣлокъ въ Калужской губерніи; но, судя по многимъ отзывамъ и сужденіямъ, нельзя не опасаться до нѣкоторой степени, что выкупъ совершится преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ сравнительно почва земли хуже. Въ лучшихъ мѣстностяхъ помѣщики всегда болѣе гарантированы въ исправномъ взносѣ оброковъ; въ мѣстахъ же, гдѣ почва земли не вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, помѣщики, опасаясь неисправнаго платежа оброковъ, стараются прекратить съ крестьянами всякія обязательныя отношенія посредствомъ выкупныхъ сдѣлокъ, съ уступкою 20%. Крестьяне, имѣя въ виду уменьшеніе повинности съ 9 руб. на 7 руб. 20 коп., охотно соглашаются на выкупъ своихъ угодій. Правительство, выдавъ выкупную ссуду, будетъ имѣть своими должниками крестьянъ малоразвитыхъ, непромышленныхъ и рѣшительно не имѣющихъ возможности исправно уплачивать слѣдуемый съ нихъ оброкъ. Правительство необходимо должно будетъ или отказаться отъ возвращенія выданнаго помѣщику капитала, или употреблять полицейскія мѣры взысканій, которыя во всякомъ случаѣ возможны только до извѣстной степени.

«Видя такимъ образомъ крайнюю необходимость пониженія оброковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, предсѣдатель присутствія заявилъ объ этомъ губернскому присутствію въ отзывѣ его послѣ ревизіи означенныхъ уѣздовъ, предпринятой имъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ. Губернское присутствіе журналомъ 4 апрѣля, по большинству голосовъ, постановило: просить мировыхъ посредниковъ тѣхъ участковъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, которые прилегаютъ къ

Смоленской и Орловской губерніямъ, обратить вниманіе на 175 ст. Мѣстн. Полож. и на высочайшее повелѣніе, выраженное въ общемъ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ № 4. Болѣе рѣшительной и общей мѣры онъ, предсѣдатель, не могъ предпринять, потому что пространство означенныхъ мѣстностей и положеніе населяющихъ ихъ крестьянъ требуютъ подробнаго и тщательнаго изученія и повѣрки.

«Объяснивъ все это, предсѣдатель присутствія просилъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить губернскому присутствію, изучивъ подробно описанныя мѣстности и условія быта крестьянъ, возбудить вопросъ о примѣненіи къ этимъ мѣстностямъ оброка, опредѣленнаго для сосѣдственныхъ уѣздовъ Орловской и Смоленской губерній.

«Хотя циркуляромъ № 4 и дано мировымъ посредникамъ право представлять губернскому присутствію о несоразмѣрности между собою надѣловъ и повинностей, но мѣра эта не можетъ въ описанныхъ мѣстностяхъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ вполнѣ достигнуть своего назначенія, такъ какъ циркуляръ № 4 имѣетъ въ виду исключительное положеніе нѣкоторыхъ только имѣній, а не цѣлыя мѣстности, рѣзко отличающіяся отъ общаго характера губерніи».

(На настоящее представленіе послѣдовало предложеніе г. министра, сообщенное въ постановленіи губернскаго присутствія 14 августа, объ уменьшеніи повинностей вслѣдствіе малой производительности земли (прилож. къ № 35 *Губ. Вѣд.* 1862 г.)

При практическомъ примѣненіи вопроса о повышеніи или пониженіи повинностей созналась необходимость въ установленіи прочныхъ правилъ, чтобы какъ повышеніе, такъ и пониженіе оброковъ не зависѣли отъ личнаго взгляда и чтобы объясненіе причинъ измѣненія нормальнаго оброка основывалось на тщательныхъ изслѣдованіяхъ почвенныхъ и хозяйственныхъ условій имѣній, потому что размѣръ пониженія повинностей прямо не опредѣленъ закономъ. Постановленіемъ губернскаго присутствія 28 августа (прил. къ № 36 *Губ. Вѣд.* 1862 г.) указанъ порядокъ, которымъ должны руководствоваться мировые посредники при разборѣ ходатайствъ о пониженіи повинностей. Вслѣдствіе сего нѣкоторые мировые посредники, не утверждая и не вводя грамотъ, по которымъ встрѣтились ходатайства крестьянъ о пониженіи оброковъ, представили тѣ грамоты предварительно на разсмотрѣніе губернскаго присутствія; но какъ изслѣдованіе причинъ измѣненія нормальныхъ, установленныхъ закономъ оброковъ требуетъ строгой повѣрки и осмотровъ надѣла, то окончательное утвержденіе такихъ грамотъ не можетъ послѣдовать въ настоящее время, такъ какъ требуемое 176 ст. Мѣстн. Полож. «надлежащее изслѣдованіе» не можетъ быть начато ранѣе весны будущаго 1863 года.

Необходимость регулированія повинностей ясно обнаружилась и созналась только въ настоящемъ году, и слѣдовательно производство изслѣдованій почвенныхъ условій отрѣзокъ, отдаленности угодій могло быть съ апрѣля до половины октября, т.-е. въ теченіе съ небольшимъ 6-ти мѣся-

цевъ текущаго года; но такъ какъ въ то же самое время предстояло мировымъ посредникамъ, кромѣ прочихъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ Положеніями, составлять, повѣрять, утверждать и вводить уставныя грамоты, то, принимая во вниманіе краткость времени, конечно, изслѣдованія по ходатайствамъ о повышеніи и пониженіи повинностей, на основаніи 176 ст. Мѣстн. Полож., не могли быть окончены вмѣстѣ съ введеніемъ грамотъ.

Признавая особенную важность въ правѣ ходатайствъ о повышеніи или пониженіи повинностей, губернское присутствіе постоянно сознавало въ такихъ ходатайствахъ не личныя выгоды той или другой стороны, а правильное, на непреложныхъ данныхъ основанное регулированіе повинностей, имѣя въ виду государственное значеніе этого вопроса: а) со стороны административной—сохраненіе порядка; б) со стороны финансовой—обезпеченіе средствъ къ успѣшному исходу выкупной операціи и в) чтобы высочайшая воля—введеніе уставныхъ грамотъ къ сроку—была исполнена.

Члены присутствія считаютъ долгомъ при семъ высказать слѣдующія соображенія:

а) *Въ отношеніи административномъ*: высокіе оброки, несоразмѣрные со средствами крестьянъ и предоставляемымъ имъ по уставнымъ грамотамъ надѣломъ, будутъ имѣть послѣдствіемъ накопленіе недоимокъ, взысканіе которыхъ встрѣтитъ затрудненія. Настоянія, принятіе побудительныхъ мѣръ, опись и продажа имущества въ имѣніяхъ, гдѣ почва земли непроизводительна, сдѣлаются постоянными пріемами земской полиціи при взысканіи оброковъ и недоимокъ въ такихъ имѣніяхъ. Хотя въ настоящее время продажа съ публичнаго торга крестьянскаго имущества оказываетъ свое дѣйствіе, но пріемъ этотъ, часто повторяемый, можетъ вредно подѣйствовать на бѣдныхъ и разоренныхъ крестьянъ какъ со стороны нравственнаго вліянія, такъ и со стороны разстройства крестьянскихъ хозяйствъ. Въ первомъ случаѣ,—въ томъ отношеніи, что крестьяне станутъ уступать не нравственному убѣжденію и не уваженію къ закону, а силѣ, и будутъ смотрѣть на законное требованіе взысканія съ нихъ повинностей какъ на вымогательство. Съ другой стороны, періодическая продажа крестьянскаго имущества можетъ послужить къ разстройству хозяйства крестьянъ, такъ что они лишатся не только возможности и въ будущемъ исправно платить оброки, но и средствъ къ собственному существованію. Уже и въ настоящее время, усиленная по нѣкоторымъ мѣстнымъ соображеніямъ, земская полиція Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ почти исключительно занята содѣйствіемъ мировымъ учрежденіямъ и взысканіями недоимокъ, вслѣдствіе чего могутъ происходить упущенія по общему управленію въ губерніи. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что затрудненія, встрѣчаемыя по введенію уставныхъ грамотъ преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, вслѣдствіе значительныхъ отрѣзокъ и малой производительности почвы, соотвѣтствуютъ ходу исполненія крестьянами ихъ повинностей къ помѣщикамъ. Тогда какъ въ другихъ

уѣздахъ, гдѣ отрѣзки земель менѣе значительны и гдѣ почва въ боль части имѣній производительнѣе, исполненіе крестьянами повинностей во ще идетъ удовлетворительно, — изъ Жиздринскаго и Мосальскаго уѣзд продолжаютъ поступать жалобы на неисправный платежъ оброковъ. Д устраненія этихъ затрудненій приняты, какъ выше указано, мѣры для ус ленія состава земской полиціи командированіемъ особыхъ чиновниковъ Изъ нихъ одинъ, назначенный въ Мосальскій уѣздъ, цѣлый мѣсяцъ пр велъ въ имѣніи гг. Нарышкиныхъ по взысканію оброковъ, а другой, н значенный въ Жиздринскій уѣздъ, почти исключительно занятъ взыска ями оброковъ по имѣніямъ г. Каньшина.

При семъ члены губернскаго присутствія не могутъ не обратить в манія на недоимки значительныхъ размѣровъ, накопившіяся во многи имѣніяхъ при существовавшемъ крѣпостномъ правѣ. Теперь, когда, по уста нымъ грамотамъ, за исправное отбываніе повинностей отвѣтствуетъ крестьянское общество круговою порукой, заслуживаютъ особеннаго вн манія не тѣ оброки, которые были предназначаемы помѣщиками при кр постномъ правѣ, а дѣйствительно бывшіе платежи крестьянъ, за вычето недоимокъ. Члены присутствія полагаютъ, что для устраненія вопроса дѣйствительно поступившихъ оброкахъ, Положенія 19 февраля прим 175 ст. Мѣст. Великор. Полож. широкій размѣръ, не стѣсняя ходатайст крестьянъ сроками, и именно сдѣлали различіе между жалобою, какъ пр вомъ предъявлять высшему мѣсту о нарушеніи общаго закона, и ходата ствомъ въ губернскомъ присутствіи, *какъ правомъ просить объ изъят изъ общаго закона.*

б) *Соображенія финансовыя.* Относительно финансовой стороны в проса члены присутствія считали долгомъ своимъ не терять изъ виду собл денія казеннаго интереса, тѣсно связаннаго съ регулированіемъ крестья скихъ повинностей, вслѣдствіе предоставленнаго помѣщикамъ права тр бовать *обязательнаго выкупа.* Для осуществленія выкупа необходим чтобы повинности, налагаемыя на временно-обязанныхъ крестьянъ, сораз мѣрялись съ ихъ способами, т.-е. соотвѣтствовали условіямъ ихъ хозя ственнаго быта; иначе можетъ случиться, что къ обязательному выку охотно приступятъ (какъ это и замѣчено) преимущественно владѣльцы им ній, не пользующихся выгодными условіями хозяйства. Если крестьяне бу дутъ стѣснены въ правѣ ходатайства о пониженіи оброковъ, предоставле наго имъ 175 ст. Мѣстн. Полож., обязанностью заявлять о томъ тол при повѣркѣ уставной грамоты, подъ опасеніемъ лишиться навсегда этог права, то нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній будутъ обл жены повинностями, не соотвѣтствующими условіямъ мѣстности. Такія им нія прежде другихъ приступятъ къ выкупу, и крестьяне, оказавшись короткое время несостоятельными въ платежѣ оброка, подвергнутся взыск нію путемъ аукціонной продажи ихъ имущества, что неминуемо приве ихъ въ худшее состояніе, которое повлечетъ за собою новую продажу; п слѣдствіемъ такого хода дѣлъ будетъ окончательное разстройство кр

скаго быта и несостоятельность къ платежу, отчего выкупная касса потерпитъ ущербъ. Кромѣ того, молва о такихъ затрудненіяхъ въ платежѣ повинностей, быстро распространяясь, неминуемо поколеблетъ курсъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Пониженіе же ихъ курса возбудитъ къ нимъ недовѣріе и устранитъ отъ выкупныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ, владѣющихъ хорошими землями. Итакъ, всякое ограниченіе, затрудняющее обстоятельное регулированіе повинностей, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, можетъ имѣть весьма пагубныя послѣдствія: съ одной стороны причинитъ значительный ущербъ государственной казнѣ, съ другой—пріостановитъ выкупъ крестьянскаго надѣла, къ чему стремится правительство, какъ къ самому надежному исходу крестьянскаго дѣла. По этимъ соображеніямъ члены присутствія взираютъ на пониженіе повинностей не только со стороны законнаго права, предоставленнаго крестьянамъ при извѣстныхъ условіяхъ, но считаютъ, что на обязанности губернскаго присутствія лежитъ тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы право это не могло быть обойдено, потому что въ полномъ удовлетвореніи его заключается одно изъ главныхъ условій успѣха выкупной операціи.

Признавая возлагаемую на него въ настоящемъ дѣлѣ отвѣтственность, члены губернскаго присутствія остаются вполнѣ убѣжденными, что пониженіе, по 175 ст. Мѣстн. Полож., повинностей крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, должно быть признано мѣрою крайне необходимою.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ распоряженій, правительство, распространивъ на крестьянъ, состоящихъ на издѣльной повинности, содѣйствіе свое къ выкупу ими поземельнаго надѣла, пунктомъ *а* § 1-го возложило на мировыхъ посредниковъ обязанность «входить въ обсужденіе состоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей и, въ случаѣ встрѣченнаго въ семъ отношеніи сомнѣнія, представлять мировому съѣзду, который вноситъ дѣло, со своимъ заключеніемъ, въ губернское присутствіе, разрѣшающее окончательно возникшее сомнѣніе.

Этимъ самымъ правительство обезпечило въ издѣльныхъ имѣніяхъ исправный взносъ крестьянами выкупныхъ платежей. Въ отношеніи же крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, единственнымъ обезпеченіемъ правительству служитъ 175 ст. Мѣстн. Полож.

в) 22 ст. Прав. о пор. прив. въ дѣйств. Полож. обязываетъ совершить введеніе уставныхъ грамотъ въ 2-лѣтній срокъ, и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ предложеніи отъ 24 сентября за № 329, по журналу главнаго комитета, поручилъ присутствію изыскать мѣры, какія необходимо принять для исполненія 22 ст. Правилъ. Губернское присутствіе признавало отдѣленіе вопроса о ходатайствахъ по повышенію и пониженію повинностей отъ введенія уставныхъ грамотъ одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ къ этому мѣръ, потому что въ противномъ случаѣ, для исполненія 22 ст., пришлось бы или нарушить право, предоставленное статьями 173—175 Мѣстн. Полож., осуществленіе котораго къ 19 февраля 1863 года по свой-

ству своему невозможно, или остановить введеніе грамотъ, вопреки 22 с
и высочайшаго повелѣнія, чего присутствіе не можетъ принять на сво
отвѣтственность.

Къ сему члены присутствія находятъ нужнымъ присовокупить, что г
бернское присутствіе можетъ считать себя въ правѣ разрѣшить ввоз
уставныя грамоты, несмотря на заявленія о пониженіи или возвыше
оброковъ, потому что вопросъ о пониженіи никакимъ образомъ не мину
утвержденія губернскаго присутствія, на точномъ основаніи 176 ст. Мѣст
Полож. и 3 п. 65 ст. Прав. о пор. прив. въ дѣйств. Полож. Это утвержд
ніе только отсрочивается до необходимаго изслѣдованія справедливости з
явленій о соразмѣреніи повинностей.

Изъ всего вышеизложеннаго видно:

1. Что въ законѣ не установлено срока на ходатайства о повышен
или пониженіи оброковъ, на основаніи 173—175 ст. Мѣстн. Полож.

2. Если въ настоящее время не отдѣлить вопроса о ходатайствахъ
повышеніи и пониженіи повинностей отъ введенія грамотъ, то встрѣчается
рѣшительная невозможность исполнить 22 ст. Прав. о прив. въ дѣйств.
Пол. относительно своевременнаго введенія грамотъ.

3. Помѣщики лишатся предоставленнаго имъ права на возвышеніе обр
ковъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ ихъ имѣній, а крестьяне, въ н
которыхъ случаяхъ будутъ обложены оброками выше средствъ и, вслѣд
ствіе строгихъ мѣръ взысканія, будутъ лишены средствъ къ существова
нію, чѣмъ правительство будетъ поставлено въ затрудненіе въ отношеніяхъ
какъ административномъ, такъ и въ финансовомъ.

Затѣмъ члены губернскаго присутствія полагаютъ всѣ эти соображенія
представить, на основаніи 325 ст. I тома учрежд. министерствъ, на благ
усмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ и ожидать разрѣшенія.

По выслушаніи вышеизложенныхъ соображеній, губернское присутствіе,
сознавая важность настоящаго дѣла, полагаетъ, что оно не можетъ при
нять на себя отвѣтственности въ разрѣшеніи возникшихъ по сему пред
мету недоумѣній, а потому, прежде исполненія предъявленнаго предсѣда
телемъ присутствія предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21 но
ября за № 9623, постановило: подробныя соображенія по этому предмету
представить г. министру внутреннихъ дѣлъ на его благоусмотрѣніе и раз
рѣшеніе. Причемъ присутствіе считаетъ нужнымъ присовокупить, что оно
всегда сознавало всю отвѣтственность, которая могла произойти отъ слу
чайнаго и поспѣшнаго примѣненія 175 ст. Мѣстн. Полож. и потому дѣй
ствовало съ крайнею осмотрительностью. До сихъ поръ, кромѣ одного слу
чая пониженія оброка крестьянъ, оно удержало разсмотрѣніе и утвержде
ніе отдѣльныхъ представленій мировыхъ посредниковъ, впредь до возмож
ности полнаго уясненія той системы, которой слѣдуетъ держаться при
регулированіи повинностей и которая должна привести къ тому, чтобы
тамъ, гдѣ пониженіе оброка крестьянъ необходимо по закону, оно непро

нно осуществилось, но не иначе какъ по *надлежащемъ изслѣдованіи*, на точномъ основаніи 176 ст. Мѣстн. Полож.

Вслѣдствіе словеснаго заявленія гг. предсѣдателя казенной палаты и губернскаго прокурора, выдать имъ засвидѣтельствованныя копіи съ сего постановленія.

Подлинное подписали: Викторъ Арцимовичъ, Е. Кудрявцевъ, Павелъ Черняевъ, Григорій Кишкинъ, кн. Андрей Оболенскій, Петръ Свистуновъ; при особомъ мнѣніи Алексѣй Зыбинъ.

На представленіе послѣдовало два отвѣтныхъ предложенія министра отъ 19 декабря 1862 г. и 22 января 1863 г. Въ первомъ изъ нихъ онъ увѣдомилъ присутствіе, что по вопросу о срокѣ, съ истеченіемъ котораго должны прекращаться заявленія крестьянъ о пониженіи повинностей, онъ остается при мнѣніи, выраженномъ въ отношеніи отъ 21 прошлаго ноября за № 9623, а во второмъ сообщилъ, что 1) крестьяне по силѣ 77 ст. имѣютъ право просить о пониженіи повинностей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ введенія въ дѣйствіе уставной грамоты, и 2) если заявленіе о несоразмѣрности оброка съ надѣломъ послѣдуетъ при самомъ введеніи грамоты и мировой посредникъ признаетъ невозможнымъ рѣшить ихъ просьбу безъ осмотра надѣла, что по настоящему зимнему времени неудобоисполнимо, то грамота должна быть немедленно введена, а разрѣшеніе вопроса о пониженіи оброка отложено, и 3) всѣ частные случаи заявленій крестьянъ о пониженіи повинностей, по коимъ уже состоялось рѣшеніе, должны получить направленіе согласно съ изложеннымъ въ предыдущихъ двухъ пунктахъ порядкомъ.

Такимъ *разъясненіемъ* создавалось слѣдующее положеніе: 1) по всѣмъ необжалованнымъ, вслѣдствіе *«недостаточнаго знакомства крестьянъ съ дарованными имъ правами»* (предл. того же мин. вн. дѣлъ отъ 21 ноября), уставнымъ грамотамъ въ положенный 3-мѣсячный срокъ *крестьяне навсегда лишались права* заявлять ходатайства о пониженіи повинностей, 2) всѣ прежнія рѣшенія (а слѣдовательно *и по ходатайствамъ уже уваженнымъ*) утрачивали свою силу при несоотвѣтствіи ихъ съ указаннымъ въ «разъясненіи» порядкомъ, и 3) *безсрочное по закону* право ограничивалось *срокомъ*, установленнымъ для обжалованія дѣйствій *совсѣмъ иной категоріи!*

Въ этомъ «короткомъ и ясномъ»,—*ясномъ* до ужаса,—отвѣтѣ стремленіе вырвать изъ рукъ крестьянъ ихъ законное право и сохранить въ рукахъ помѣщиковъ ихъ высокіе оброки,—стремленіе, прежде хотя и плохо, но замаскированное, является въ обнаженномъ до неприличія, еле закрытомъ обрывками прежняго одѣянія видѣ. И въ *такомъ-то* отвѣтѣ поглощены были всѣ доводы, всѣ вразумленія, вся неопровержимая правда, вся животворящая сила апеллировавшаго ими постановленія губернскаго присутствія! Утробныя тенденціи въ союзѣ съ молчалинскими добродѣтелями одержали верхъ, низвергли Арцимовича, низвергли законъ...

Но правда была, все-таки, высказана! Это было знаменитое «e pur si

muovo», отъ котораго не могъ воздержаться Галилей, проговоривъ навязанную папою формулу отреченія. Галилея заключили въ темницу, Викторъ Антоновичъ былъ назначенъ въ сенатъ,—*«въ видахъ успокоенія обезумѣвшихъ отъ страха корыстолюбивыхъ калужскихъ крѣпостниковъ»*, какъ значится въ книгѣ Г. А. Джаншіева *Эпоха великихъ реформъ* (стр. 643 по 6-му изд.).

Отвѣтное предложеніе министра внутр. дѣлъ уже не застало В. А. Арцимовича въ Калугѣ. 5 февраля 1863 года губернское присутствіе, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Юркевича, постановило: «предложеніе это сообщить мировымъ посредникамъ для свѣдѣнія и руководства и всю имѣющуюся по сему предмету переписку припечатать въ приложеніи къ *Губ. Вѣдом. для всеобщаго свѣдѣнія*».

ЭПИЛОГЪ.

1 февраля 1863 г. въ губернскомъ присутствіи подъ новымъ предсѣдательствомъ разсматривалось прошеніе помѣщика Калужскаго уѣзда, гвардіи штабсъ-капитана князя Несвицкаго, «недовольнаго мировыми учрежденіями и губернскимъ присутствіемъ» (такъ гласилъ заголовокъ дѣла).

«Въ теченіе полутора года,— пишетъ кн. Несвицкій,— сколько разъ я ни обращался съ просьбою, куда слѣдуетъ, о понужденіи временно мнѣ обязанныхъ крестьянъ въ д. Григоровкѣ, Старой и Новой Ильинкахъ къ уплатѣ мнѣ оброка за прошлый 1862 годъ, но до сихъ поръ не получалъ никакого удовлетворенія; а такъ какъ при прежнемъ составѣ губернскаго присутствія подобное невниманіе къ справедливымъ и законнымъ заявленіямъ гг. помѣщиковъ оставалось всегда безъ всякихъ послѣдствій, то позвольте мнѣ имѣть надежду, что въ настоящее время, при нѣкоторыхъ перемѣнахъ, прежнее неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дѣла въ губерніи, измѣнится къ лучшему и что во всѣхъ дѣйствіяхъ, вмѣсто произвола или собственныхъ воззрѣній, проявится точное исполненіе правилъ, предписанныхъ закономъ. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу калужское присутствіе сдѣлать зависящее распоряженіе о понужденіи крестьянъ къ точному исполненію ихъ обязанностей, изъясненныхъ въ уставныхъ грамотахъ, введенныхъ уже въ дѣйствіе въ моемъ имѣніи, и о послѣдовавшемъ не оставить меня увѣдомленіемъ».

Имѣя въ виду, что прошеніе кн. Несвицкаго «исполнено укорительныхъ намековъ на незаконное, будто бы, направленіе присутствія при его прежнемъ составѣ», губернское присутствіе постановило прошеніе это согласно 321 ст. XV т. Св. Зак., передать на законное распоряженіе губернскаго правленія и при этомъ *«сочло необходимымъ высказать, что и въ настоящее время, оставаясь въ томъ же составѣ, какъ было и прежде, за исключеніемъ происшедшей перемѣны въ лицѣ предсѣдателя, оно дѣйствовало и дѣйствуетъ въ духѣ законности и дѣйствія свои выражало всегда гласно, такъ что ихъ не могли не знать—ни вы[illegible]*

правительство, ни общество; а потому, *продолжая и на будущее время слѣдовать тому же законному направленію*, губернское присутствіе и въ настоящемъ случаѣ считаетъ полезнымъ обратиться къ справкѣ для того, чтобы голословные, ни на чемъ не основанные извѣты могли обнаружиться вполнѣ, и тѣмъ оградить достоинство губернскаго присутствія отъ незаслуженныхъ обвиненій на будущее время. Изъ приведенной справки оказывается, что собственно по жалобѣ кн. Несвицкаго было одно дѣло, и что онъ, не выждавъ просимыхъ присутствіемъ свѣдѣній отъ мирового посредника, совершенно напрасно усомнился въ томъ, что губернское присутствіе только въ настоящее время сдѣлаетъ законное распоряженіе по заявленію владѣльца, и совершенно неумѣстно выразилъ надежду, что «прежнее неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дѣла въ губерніи, измѣнится къ лучшему». Оспаривать эту рѣзкую выходку кн. Несвицкаго присутствіе не находитъ нужнымъ» (Подписали Н. Юркевичъ, П. Черняевъ, Г. Кишкинъ, П. Свистуновъ, кн. А. Оболенскій; *при особомъ мнѣніи*: Ѳ. Щукинъ, В. ф.-Ренне и А. Зыбинъ).

Гласно высказанному здѣсь обѣту «и на будуще время слѣдовать прежнему законному направленію» не суждено было сбыться: пріѣхалъ новый губернаторъ, чтобы, купно съ авторами «особыхъ мнѣній», образовать большинство, весьма удобное для всѣхъ «недовольныхъ гвардіи штабсъ-капитановъ» губерніи, и вышеизложенныя pia desiderata присутствія оказались лишь предсмертными, инертными содроганіями могучаго, только что обезглавленнаго тѣла, послѣднимъ вздохомъ отлетавшей въ небо души.

Насталъ «праздникъ и на дворянской улицѣ». Но на нее мы не поведемъ читателя: она *и сейчасъ* у него передъ глазами—это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, каждый изъ нашихъ городовъ, какъ это извѣстно, одну изъ своихъ улицъ непремѣнно называетъ «Дворянскою»,—дѣло, стало быть, вполнѣ знакомое. Мы лучше вернемся не надолго назадъ и сконцентрируемъ вниманіе читателя на общихъ тезисахъ и основныхъ положеніяхъ, выработанныхъ практикою калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и извлеченныхъ нами изъ его постановленій, затѣмъ подведемъ общіе итоги и выводы изъ всего предшествующаго изложенія въ сравнительной его параллели съ явленіями нашихъ дней.

IV.

Итоги, контрасты и заключеніе.

Общіе тезисы и основныя положенія, выработанныя практикою губернскаго присутствія.—Характеристика направленія и свойствъ его дѣятельности.—Ихъ первоисточники.—Школа прежде и теперь.—„Дѣятели“ и „дѣльцы“.—Заключеніе.

1.

Вотъ краткій перечень общихъ тезисовъ и основныхъ положеній, выработанныхъ практикою калужскаго губернскаго присутствія.

Въ области служебной этики и политики.

1. Отклоняя тотъ или иной законопроектъ, то или иное мнѣніе, недостаточно ограничиться указаніемъ его *формальныхъ* погрѣшностей,—надо *убѣдить* предъявителя въ неосновательности предложенія по существу и тѣмъ предотвратить возможность его новаго воплощенія.

2. Должностныя лица, на которыхъ возложено мировое судебное разбирательство, должны особенно заботиться пріобрѣтеніемъ довѣрія мѣстнаго населенія, дѣйствовать не по одной буквѣ, но по общему духу закона, и являть собою въ собственныхъ дѣлахъ примѣръ гражданской безупречности.

3. Сохраненіе добрыхъ отношеній между двумя сословіями должно лежать въ основѣ дѣятельности мировыхъ учрежденій.

4. Обнародованные законы должны быть всѣмъ и каждому извѣстны, исполненіе ихъ для всѣхъ равно обязательно, и потому соглашеніе сторонъ должно происходить при полномъ сознаніи ими своихъ правъ и обязанностей по закону.

5. Въ этой цѣли мировые посредники, дѣйствуя по возможности примирительно, вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны ограждать права и пользы обѣихъ сторонъ и непремѣнно, пользуясь всякимъ случаемъ, внушать и разъяснять крестьянамъ, какъ преимущественно въ томъ нуждающимся, всѣ права и обязанности ихъ по Положенію.

6. Только тогда взаимныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами будутъ прочны, когда въ послѣднихъ разовьются истинныя понятія о правахъ собственности, и, конечно, примѣръ тому должны показать землевладѣльцы. Частныя неудобства, возможныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не могутъ быть поставлены выше общественной и нравственной пользы.

7. Разрѣшая ходатайства крестьянъ, необходимо принимать во вниманіе ихъ неразвитость и неумѣніе разомъ и послѣдовательно высказывать свои недоумѣнія и возраженія.

8. Охрана самостоятельности мѣстныхъ учрежденій должна согласоваться съ отмѣною ихъ неправильныхъ распоряженій.

9. Необходимо объяснять крестьянамъ значеніе ихъ общественнаго управленія и суда, стараясь внушать имъ понятія о законности, какъ главномъ основаніи дѣйствій, какъ частныхъ лицъ, такъ и учрежденій.

10. Мировые посредники должны быть ограждены въ своей независимости отъ контроля и вліянія предводителей дворянства,—вліянія, которое не можетъ не имѣть сословнаго характера.

11. Размѣръ поземельныхъ повинностей долженъ строго соотвѣтствовать почвеннымъ условіямъ каждой данной мѣстности. Частая принудительная продажа крестьянскаго имущества вредна потому, что крестьяне уступаютъ въ этомъ случаѣ не нравственному убѣжденію и не уваженію къ закону, а силѣ, и въ законныхъ требованіяхъ видятъ лишь вымогательство *).

*) Въ то время недоимки еще не „выколачивались" розгами и истязаніями

По государственному праву.

12. Государственное значеніе неприкосновенности выборнаго начала дороже искусственнаго престижа коронной власти.

13. Упрощеніе сословныхъ отношеній и свободное развитіе труда—два необходимыхъ условія нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія государства.

14. Дарованная сельскимъ и волостнымъ сходамъ автономія въ расходахъ на общественныя ихъ потребности не подлежитъ ничьему вмѣшательству и никакой регламентаціи.

15. Въ дѣлахъ объ увольненіи и отрѣшеніи избираемыхъ крестьянами должностныхъ лицъ должна быть соблюдаема особенная осмотрительность, такъ какъ для успѣшнаго развитія общественнаго управленія необходимо, чтобы должности эти пользовались уваженіемъ, а поспѣшная смѣна ихъ уронитъ ихъ значеніе въ глазахъ и избирателей и избираемыхъ.

16. Въ тѣхъ случаяхъ, когда полномочія сельскаго схода угнетаютъ интересы личности, приговоръ схода не можетъ признаваться дѣйствительнымъ.

По судоустройству и судопроизводству.

17. Нѣтъ никакого повода не допускать постороннихъ лицъ къ присутствованію при совѣщаніяхъ мирового съѣзда о дѣлахъ распорядительныхъ.

18. Совѣщанія членовъ мирового съѣзда предъ постановленіемъ судебнаго рѣшенія могутъ происходить публично, если никто изъ сихъ членовъ не встрѣтитъ къ тому препятствія.

19. Въ цѣляхъ охраненія независимости волостныхъ судовъ, ни мировые посредники, ни старшины не должны вмѣшиваться въ производство подвѣдомыхъ этимъ судамъ дѣлъ. Мировой посредникъ—не начальникъ надъ судомъ, который не можетъ быть зависимымъ отъ власти административной. Противный образъ дѣйствій поколеблетъ въ крестьянахъ довѣріе къ своему общественному управленію.

По гражданскому праву.

20. Неисполненіе свободнымъ человѣкомъ своихъ поземельныхъ обязательствъ къ владѣльцу, отличаясь исключительно гражданскимъ характеромъ, не можетъ подлежать какому бы то ни было уголовному взысканію.

21. Сдѣлка не дѣйствительна и добровольное соглашеніе не добровольно, если одна изъ сторонъ не обладаетъ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ и, вслѣдствіе этого, поступается ими. Въ такомъ случаѣ договоръ не можетъ подлежать утвержденію, хотя бы противъ него и не было сдѣлано никакихъ возраженій.

22. Доказанная давность безспорнаго и безмезднаго владѣнія, какъ особое охраняемое закономъ право, даетъ перевѣсъ въ спорѣ передъ формальнымъ письменнымъ и даже крѣпостнымъ актомъ, какъ подтверждающимъ не полное право собственности, а лишь право на владѣніе ею, въ дѣйствительности еще не осуществленное.

По истолкованію смысла законовъ.

23. Положительному закону слѣдуетъ давать возможно широкое примѣненіе и указаніями практики и толкованіемъ по духу и разуму преподанныхъ имъ общихъ началъ восполнять пробѣлы кодификаціонныхъ, не всегда удачныхъ нормъ.

24. Истолкованіе закона въ тѣхъ случаяхъ, когда его буква стоитъ въ видимомъ противорѣчіи съ его общимъ духомъ, должно покоиться не на этой буквѣ, а на общемъ духѣ, выраженномъ какъ въ основной цѣли примѣняемаго закона, такъ и въ аналогичныхъ съ даннымъ случаемъ другихъ его статьяхъ.

25. Примѣненіе закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ выясняться только практикою, причемъ одинъ и тотъ же вопросъ, отъ совокупности разныхъ дополнительныхъ обстоятельствъ, можетъ получать различный исходъ. Поэтому высшая инстанція не можетъ принимать на себя разрѣшенія того или иного случая внѣ порядка обжалованія на общемъ основаніи.

26. Оффиціально-юридическому разрѣшенію могутъ подлежать лишь тѣ вопросы, которые возникаютъ на фактической, а не на умозрительной почвѣ.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ открылось это богатое наслѣдство, и до сихъ поръ еще нѣтъ ему правомочнаго наслѣдника,—оттого ли, что до сихъ поръ еще идетъ споръ чуть не по каждому изъ пунктовъ «духовнаго завѣщанія», оттого ли, что состояніе завѣщано малолѣтнимъ, состоящимъ подъ опекою, оттого ли, что бездѣйствуютъ душеприкащики—рѣшить пока трудно. Несомнѣнно одно, что *такое* имущество «вымороченнымъ» оставаться не можетъ.

2.

Говоря о рѣшеніяхъ и постановленіяхъ калужскаго губернскаго присутствія, мы уже не разъ имѣли случай указывать на то противоположеніе, которое, бросаясь въ глаза, отграничиваетъ начало крестьянскаго дѣла отъ его современнаго «довершенія». Мы видѣли, что наблюдаемыя теперь явленія были не только чужды этому началу, но и *невозможны* въ то время, благодаря основаніямъ, на которыхъ совершилось практическое преобразованіе быта, и условіямъ, которыми оно обставилось. Установить эти основанія, выработать эти условія—всецѣло выпадало на долю губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—руководителей въ новомъ, безпримѣрномъ дѣлѣ введенія Положеній 19 февраля. Эти положенія представляли тогда небольшую тоненькую книжку, уже много спустя послѣ того начавшую обрастать тѣмъ дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ циркуляровъ, дополненій, поясненій, примѣчаній и измѣненій, какой такъ жестоко затрудняетъ пользованіе ими въ наши дни.

Надлежало, такимъ образомъ, «слово» сдѣлать «плотью», *творить*, *созидать*. Задача столько же трудная, заманчивая и отвѣтственная, сколько обоюдоострая и скользкая. Предшествовавшее изложеніе, полагаемъ, достаточно выяснило, *какъ* задача эта была выполнена калужскимъ губернскимъ присутствіемъ.

На рубежѣ двухъ противоположныхъ эпохъ, въ томъ предразсвѣтномъ сумракѣ, когда едва занявшаяся заря, постепенно разгараясь, гонитъ тѣни убѣгающей ночи, мы видимъ правительственное учрежденіе, беззавѣтно преданное освободительной и гуманной идеѣ, *сразу* ставшее въ уровень своей задачѣ, сразу охваченное всѣми лучами этой едва занимавшейся, долинамъ еще не видимой, но уже освѣтившей горныя вершины, зари.

Если теперь, покончивъ съ детальной обработкой предмета, мы бросимъ общій взглядъ на широкое, залитое этими вешними лучами, поле дѣятельности губернскаго присутствія, мы найдемъ въ основныхъ чертахъ ея слѣдующія характерныя свойства.

Мѣткость и глубину юридическаго мышленія, посвященнаго служенію гуманнымъ цѣлямъ вводимаго въ жизнь закона, т.-е. крайне рѣдкое сочетаніе высшихъ, благороднѣйшихъ свойствъ разума и сердца.

Безусловную самостоятельность въ разрѣшеніи встрѣчающихся на практикѣ вопросовъ, затрудненій и такъ называемыхъ «недоразумѣній» и «представленія на благоусмотрѣніе» лишь въ крайнихъ случаяхъ пробѣла въ законѣ, не восполнимаго толкованіемъ его по общему духу.

Спокойствіе и самообладаніе—до того, что, читая сборникъ рѣшеній присутствія, забываешь, что это не журналы обычнаго коллегіальнаго учрежденія, мирно вершающаго свои дѣла, а реляціи съ поля битвы, распоряженія, даваемыя подъ непріятельскимъ огнемъ, когда нужно было спѣшить укрѣпленіемъ занятыхъ позицій въ виду быстро наступавшей реакціи и укорачиваемыхъ ею сроковъ на дѣйствія, требовавшія по важности своей такъ много времени и такъ много кропотливаго, тяжелаго труда.

Отсутствіе, несмотря на то, въ этомъ сборникѣ всякихъ слѣдовъ какого-либо раздраженія, постоянно замѣтнаго въ нападающей сторонѣ, и сколько любви, сколько предусмотрительной заботливости въ охранѣ дарованныхъ правъ, кому бы они ни принадлежали—цѣлому ли населенію нѣсколькихъ уѣздовъ, или беззащитному ребенку, обиженной вдовѣ, гонимому бродягѣ.

Отеческое вниманіе къ нуждамъ и потребностямъ освобожденныхъ отъ крѣпостного ига, не перечисленнымъ даже въ «предметахъ вѣдомства» губернскихъ присутствій по буквѣ закона, но тѣсно, органически съ его духомъ связаннымъ (таковы, наприм., устройство теплыхъ помѣщеній для арестуемыхъ, страхованіе отъ огня крестьянскихъ построекъ, устраненіе формальныхъ, по старой памяти, препятствій къ заключенію браковъ, упорядоченіе семейныхъ раздѣловъ, мѣры противъ пьянства, содѣйствіе къ открытію школъ и т. д.: всѣмъ этимъ мѣрамъ предшествовало обстоятельное изслѣдованіе по даннымъ, собиравшимся мировыми посредниками и обработывавшимся затѣмъ въ губернскомъ присутствіи).

Глубокую и заботливую осмотрительность въ принятіи и оцѣнкѣ той или другой мѣры, не ограничиваемыхъ безотносительнымъ только ихъ значеніемъ, но направленныхъ къ опредѣленію и того, какъ рекомендуемая или отвергаемая мѣра должна отразиться въ правосознаніи народа, въ его чувствахъ и понятіяхъ, въ его общечеловѣческихъ свойствахъ, впечатлѣніяхъ и сужденіяхъ,—стремленіе *воспитать* въ освобожденномъ рабѣ полезнаго отечеству гражданина, *сознательно и добровольно* несущаго свои обязанности и *свободно* пользующагося своими законными правами.

3.

Откуда же взялась эта богатырская, *въ наши дни изумительная*, и по качеству и по количеству, дѣятельность? Чѣмъ создалась эта глубокая пропасть между былымъ и теперешнимъ? Гдѣ первоисточникъ этой духовной мощи, этой гармоніи слова и дѣла, этой стойкой, гибкой и созидающей мысли, этой сердечной отзывчивости на всѣ робкіе, неумѣлые и смутные запросы освобожденнаго раба?

Вотъ вопросы, которые несомнѣнно задастъ себѣ читатель, ознакомившись съ дѣятельностью калужскаго губернскаго присутствія,—вопросы настолько интересные, что ихъ нельзя оставить безъ отвѣта, въ особенности тогда, когда этотъ отвѣтъ можетъ быть данъ не съ чужихъ словъ, а по собственному опыту, по показанію свидѣтеля-очевидца.

Дѣятельность эта, конечно, обусловливалась въ извѣстной степени вѣяніями современной ей великой преобразовательной эпохи, но далеко не ими только можетъ быть объяснена: крестьянская реформа только что *начинала* эту эпоху, предшествуя слѣдовавшимъ за нею прочимъ реформамъ, *открывала* собою ихъ свѣтлый циклъ. Вѣяніямъ, общественному настроенію могло въ этомъ случаѣ принадлежать лишь второстепенное, воспособляющее значеніе: благодаря имъ эта дѣятельность могла лишь свободно развиваться,—да и то, какъ это мы видѣли, въ теченіе весьма недолгаго срока—всего два года съ небольшимъ, но *не ими* она созидалась, *не въ нихъ* получила зачатіе свое, а, наоборотъ, *сама созидала и эти вѣянія, и это настроеніе*; и тѣ и другія были *ровесники*, слѣдовательно, задатки успѣха первой были къ началу реформы *уже на-лицо*. Гдѣ же и въ чемъ коренились они? Не въ общественномъ служеніи, до реформы немыслимомъ, и не на государственной, конечно, службѣ тѣхъ же пресловутыхъ «дореформенныхъ» временъ. Да и калужскіе дѣятели реформы, начиная съ В. А. Арцимовича, были люди совсѣмъ молодые, вышедшіе на арену общественной дѣятельности не задолго до объявленія воли или одновременно съ нимъ. Надо, стало быть, слѣдуя очевидному указанію простой хронологіи, идти дальше и искать первоисточника *въ условіяхъ тогдашняго воспитанія*.

Тогдашнія среднія учебныя заведенія не грѣшили противъ евангельской заповѣди—*не угашали духа* переутомленіемъ. Тогдашняя школа оставляла ученику (неумышленно, конечно) много свободныхъ часовъ для самор-

тія чтеніемъ и бесѣдами, для синтеза и анализа, для вдумчивости, для оцѣнки и наблюденій при свободной помощи не придавленныхъ, не извращенныхъ природныхъ способностей ума и сердца.

«Какъ бы то ни было,—говоритъ Н. Н. Тернигоревъ въ своихъ школьныхъ *Воспоминаніяхъ* *),—а мы жили, развивались, и развились въ то, что мы теперь представляемъ, *поучительнымъ и удивительнымъ путемъ*. По настоящему, по тому, что дѣлалось для нашего развитія начальствомъ, по тому, что оно внушало намъ, по тому, какіе мы видѣли примѣры,—изъ насъ изо всѣхъ должны бы обязательно выдти подлецы. Если что спасло насъ, такъ это—недостатокъ педагогическихъ на насъ воздѣйствій, слишкомъ большой примѣръ живой жизни, которую педагоги своими системами и методами еще не успѣли въ школахъ того времени задавить. Этотъ примѣръ живой жизни спасъ насъ, не далъ намъ задохнуться и сдѣлаться тѣми жалкими, несчастными, блѣдными, съ искривленными спинами, близорукими, *какихъ сколько угодно въ теперешнихъ школахъ*, устроенныхъ и ведомыхъ чиновниками-педагогами съ изсохшими мозгами и сердцемъ. Мы были предоставлены въ довольно значительной степени самимъ себѣ. Только двумъ учителямъ мы обязаны были всѣмъ, что только пробудила чистаго, живого и человѣческаго въ насъ гимназія. Чѣмъ-то новымъ, живымъ, свѣжимъ, бодрящимъ вѣяло отъ нихъ. Въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ гимназіи къ этимъ двумъ свѣтлымъ личностямъ прибавились еще двѣ такихъ же. *Жажда чтенія доходила у насъ въ кружкахъ до степени какого-то запоя*. Мы читали вечерами, ночами, утромъ, для чего вставали за часъ и больше до положеннаго по расписанію времени, а зимой читали при свѣтѣ топившейся печки. И читали не вздоръ какой, а все серьезныя вещи: Соловьева, Бѣлинскаго, который тогда только что вышелъ, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только что проявившагося тогда Добролюбова. *И я, и всѣ мы—можемъ прямо сказать, что этому чтенію*, или этой охотѣ къ чтенію, развитой въ насъ этими учителями, *мы обязаны всѣмъ нашимъ развитіемъ*».

Массу подобныхъ же *единогласныхъ* отзывовъ можно найти въ печатныхъ и устныхъ школьныхъ воспоминаніяхъ той эпохи. Тотъ же отзывъ можетъ повторить и пишущій эти строки—современникъ ея.

Такова была средняя школа, таковъ былъ и университетъ 50-хъ годовъ съ незабвенною плеядою своихъ профессоровъ; таковъ былъ и студенческій тогдашній бытъ.

Въ составѣ дѣятелей по освобожденію въ Калужской губерніи было особенно много университетскихъ воспитанниковъ. Въ нашемъ, наприм., мировомъ съѣздѣ на 6 членовъ 4 окончили курсъ университета и 1—въ школѣ правовѣдѣнія. Подобный же процентъ наблюдался и въ другихъ уѣздахъ. Это обстоятельство наиболѣе близко разрѣшаетъ вышепоставленные вопросы о первоисточникѣ и контрастѣ, и потому на немъ нельзя не оста-

*) *Историческій Вѣстникъ*, январь 1896 г.

новить вниманія молодого читателя, а его-то, прежде всего, мы и имѣ
въ виду.

Приступая къ изложенію этой любопытнѣйшей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, об
нѣйшей стороны дѣла, намъ необходимо предупредить недоумѣніе, котор
можетъ возникнуть въ читателѣ, болѣе или менѣе скептически настро
номъ: отчего же, подумаетъ онъ, если такъ благотворно было вліяніе тогда
ней средней и высшей школы, не отразилось оно тѣмъ же воздѣйствіе
и на меньшинствѣ членовъ губернскаго присутствія, и на стоящей за ни
дворянской оппозиціи? Но вопросъ падаетъ самъ собою въ виду того, ч
и это меньшинство, и эта оппозиція въ сплошную состояли изъ озлоб
ныхъ старцевъ, пережившихъ вліяніе какой бы то ни было школы, а
большинствѣ членовъ и присутствія, и мировыхъ учрежденій—единств
нымъ пожилымъ человѣкомъ былъ П. Н. Свистуновъ, оплатившій с
убѣжденія почти пожизненною каторгой: не *ему*, понятно, было мѣ
ихъ, когда они стали закономъ, когда онъ проводилъ въ жизнь и эти убѣ
денія, и этотъ отождествленный съ ними законъ, дѣйствуя въ качест
члена «по назначенію отъ правительства».

Еще одно предварительное замѣчаніе. Въ *общей* характеристикѣ руко
дящей дѣятельности калужскаго губернскаго присутствія чрезвычайно тру
обособить ее отъ параллельной, исполнительной дѣятельности мировы
посредниковъ и ихъ съѣздовъ. Это было одно цѣлое, многочисленная груп
лицъ, сплоченныхъ одною освободительною миссіей, сообща исполняем
безъ всякаго различія возрастовъ, чиновъ, положеній, — нѣчто вродѣ д
ховной артели, съ общиннымъ трудомъ, общиннымъ умственнымъ капи
ломъ и съ общиннымъ же «старостою», но отнюдь не начальникомъ. П
этому все, что будетъ сказано далѣе, можетъ быть одинаково отнесено к
къ той и къ другой фракціи этого коллективнаго, живого организма, и
живой задачѣ упразднившаго и іерархію, и инстанціи.

Теперь къ дѣлу.

Университетскій человѣкъ въ мировомъ посредникѣ перваго призы
или въ піонерѣ судебнаго преобразованія—совершенно не тотъ человѣк
который наблюдается, напримѣръ, въ современномъ кандидатѣ на судебны
должности, помощникѣ присяжнаго повѣреннаго, земскомъ начальник
Это—два антипода. Какая-то печальная эволюція не оставила ни одно
черты, ни одного признака, по которымъ послѣдній напоминалъ бы пер
перваго. Тамъ, гдѣ нѣкогда мы восхищались идейнымъ отношеніемъ к
задачѣ, душевнымъ интересомъ къ своему дѣлу, мы впослѣдствіи набл
дали лишь холодное, entre-autre, «прохожденіе службы», узкую, карье
ную цѣль, а полученное университетское, «высшее» образованіе распозн
валось только по формулярному списку. Когда прокурору, напримѣръ, п
ходилось указывать *такую* задачу, взывать къ *такому* интересу, руков
димый имъ университетскій человѣкъ новой формаціи почтительно выс
шивалъ «указанія» начальства, но для того только, чтобы потомъ, в
пріятельскомъ кружкѣ, посмѣяться надъ «неисправимымъ идеалистомъ»

бы эти указанія сводились къ защитѣ законныхъ правъ изувѣченнаго машиною рабочаго, къ возстановленію чести обманутой дѣвушки, къ охранѣ истязуемаго ребенка и къ тому подобнымъ, совсѣмъ уже не мечтательнымъ цѣлямъ. Если же дѣло касалось выясненія личной, индивидуальной, бытовой, или соціальной обстановки событія, то университетскій человѣкъ далеко уступалъ семинаристу или воспитаннику военно-учебныхъ заведеній.

Все измѣнилось въ этой печальной эволюціи: и профессора, и студенты, и программы преподаванія. Профессорамъ приходилось уходить на заграничныя кафедры, въ адвокатскую корпорацію, или въ литературу. Увеличеніе платы за слушаніе лекцій наполнило университеты переутомленными сыновьями зажиточныхъ классовъ общества. Ихъ традиціи проникли въ стѣны университета, разобщили студентовъ и, не встрѣчая уже отпора въ аборигенахъ деревни и причта, дали преобладающій тонъ остальному студенчеству. Ихъ нѣтъ теперь, этихъ аборигеновъ; имъ близка и дорога была родная крестьянская изба, близокъ и дорогъ былъ ветхій домикъ сельскаго дьякона, обвѣянный святыми воспоминаніями скорбнаго дѣтства; въ нихъ жила и съ ними же ушла та «непочатая, черноземная сила», которая всегда такъ благотворно-освѣжительна въ застоявшихся культурныхъ центрахъ,—сила, заставлявшая товарищей-аристократовъ краснѣть за свои роскошныя палаты, за свои веселыя ночи, за свою глупую болтовню и убогіе интересы. Въ этомъ оздоровительномъ всесословномъ общеніи исчезали кастовые инстинкты, оживлялись умы потомковъ захудалыхъ дворянскихъ родовъ, росло и крѣпло альтруистическое чувство. Князья и графы щеголяли своими «карнаухими» трехуголками и протертыми на локтяхъ сюртуками, пили вмѣстѣ съ дьяконскими сыновьями жиденькій «кружковой чай», зачитывались и заговаривались до бѣла-свѣта. Объединяющимъ началомъ, вмѣсто винта и скачекъ, являлась выслушанная утромъ лекція, прочитанная книга, общественные идеалы.

Понятно, что подобные кадры не могли одѣлять государственную службу покладливыми Молчалиными, а свободную адвокатуру—темными гешефтмахерами. Понятно, что ни одинъ изъ выпущенниковъ этихъ кадръ не могъ бы унизиться до собственноручнаго «мордобитія» подвѣдомыхъ обывателей и не далъ бы своей подписи подъ приговоромъ, назначающимъ розги за недоимку.

Все измѣнилось,—и современный «дѣлецъ» смѣнилъ былого «дѣятеля».

Въ обиліи поставляемый университетами позднѣйшихъ лѣтъ, дѣлецъ этотъ крайне ограниченъ въ своемъ умственномъ кругозорѣ; всякая маломальски серьезная бесѣда видимо тяготитъ его. Такъ же относится онъ и къ серьезной работѣ; въ ней онъ тупъ и неповоротливъ и можетъ двигаться лишь въ рамкахъ усвоеннаго шаблона. Сознательно-критическое отношеніе къ исполняемому закону ему совсѣмъ уже чуждо, да это нисколько и не интересуетъ его, разъ дѣло переходитъ за предѣлы личной выгоды или разсчета. Руководится онъ, главнымъ образомъ, при помощи того не хитраго механизма, который зовется «житейскою сметкой», и здѣсь, разу-

мѣется, ошибокъ не дѣлаетъ; книгъ не выноситъ, чтеніе ненавидитъ,— опротивило ему съ гимназіи. Узнавши его поближе, вы непремѣнно кликнете: «Боже мой! Да неужели же этотъ человѣкъ четыре года был въ университетѣ и вышелъ кандидатомъ?... О направленіи и говор нечего. Его зачастую и не распознаешь: это и излишне, и стѣснитель Явственнѣе прочаго сказываются принципы ретроградnаго оттѣнка; даже любятъ нерѣдко и бравировать: съ видимымъ удовольствіемъ «ки дидатъ юридическихъ наукъ» разскажетъ, напримѣръ, какъ онъ приказа волостному суду выпороть такого-то мерзавца или какъ онъ утѣсни такую-то школу,—особенно, если въ собесѣдованіи участвуетъ кто-нибу изъ старичковъ - шестидесятниковъ. Для народа, кромѣ ежовыхъ руковиц онъ ничего не желаетъ, престижъ дворянства обязателенъ во что бы ни стало и,—уже само собою разумѣется, «благо меньшого брата», борь за право и справедливость и т. п. «направленство» открыто зачислит въ область «пустяковины» и «сантиментовъ».

Понятное дѣло, что подобные питомцы «высшаго образованія», хот бы оно ставилось обязательнымъ цензомъ, не будутъ желанными дѣятел на поприщѣ государственнаго или общественнаго служенія. Въ должнос земскаго начальника, вмѣсто указанныхъ въ законѣ цѣлей,—«блага сельск обывателя» и «довершенія крестьянскаго дѣла», они будутъ лишь «стоя на стражѣ», въ финансовыхъ учрежденіяхъ будутъ преслѣдовать чис фискальныя цѣли, въ судѣ—репрессивныя, адвокатскую функцію перен нуть въ коммерческое предпріятіе и, въ благопріятнѣйшемъ случаѣ, ни чѣмъ не выдадутся, ничего по себѣ не оставятъ.

Мы отмѣтили лишь два пункта печальной эволюціи: исходный и ко нечный, чтобы короче и точнѣе демонстрировать читателю характеръ из лученнаго въ общемъ итогѣ контраста,—переходъ же съ начала къ конц совершался, разумѣется, постепенно. Исподволь, мало-по-малу, въ борьб старыхъ университетскихъ традицій съ новыми вѣяніями (*«вѣяній»*, впро чемъ, не было — было, скорѣе, затишье), дорогая сердцу alma mater пр вращалась въ злую мачиху. Цѣною горькаго искуса, многолѣтняго и пр рокаго, пріобрѣли мы скорбное и, увы, неотъемлемое право сказать эт жосткія слова: процессъ превращенія пришлось намъ наблюдать *съ самаго ближайшаго разстоянія и во всѣхъ его сравнительныхъ и послѣдова тельныхъ трехъ стадіяхъ*—въ студентахъ-сверстникахъ, въ студентах сослуживцахъ и въ студентахъ-подчиненныхъ. Наблюденія начались с *1855* г. въ стѣнахъ университета и завершились въ концѣ *80* годов на службѣ въ прокурорскомъ надзорѣ. Они обнимали собою *три большихъ су дебныхъ округа* и *свыше двадцати университетскихъ выпусковъ, ежегод* поставлявшихъ нашему руководительству *по нѣскольку* кандидатовъ на судебныя должности, командируемыхъ въ помощь слѣдователямъ, лицам прокурорскаго надзора или для занятій въ канцеляріи прокурора суд или палаты. Наблюдательный постъ оказывался, такимъ образомъ, обстав леннымъ самыми счастливыми для полноты и безгрѣшности вывод усл

віями. Онъ давалъ, кромѣ того, возможность и сравнительныхъ сопоставленій съ воспитанниками не только разныхъ выпусковъ по годамъ, но и иныхъ учебныхъ заведеній. Различіе между первою и второю категоріями, очень рѣзкое и ощутительное въ началѣ 60-хъ годовъ, мало-по-малу сглаживалось, переходя къ 80-мъ годамъ, и подъ конецъ выразилось отрицательнымъ—о. Между лицами второй категоріи приходилось встрѣчать многихъ, выдававшихся не однимъ только «усердіемъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей»; приходилось встрѣчать такихъ даже, которые въ это исполненіе служебныхъ обязанностей, вмѣсто общихъ, шаблонныхъ пріемовъ, вносили много новаго, своего, живого и научнаго. Университетскіе сослуживцы подымали на смѣхъ подобныхъ новаторовъ, называя ихъ романистами и поэтами.

4.

Вотъ почему такъ рѣзокъ контрастъ между началомъ и концомъ нашего очерка. Вотъ почему такъ страстно хочется вспомненное имъ *прошлое* видѣть не только *настоящимъ*, но и *будущимъ*. Вотъ почему, помимо субъективныхъ свойствъ калужскихъ дѣятелей освобожденія,—выдающагося ума, сердечной отзывчивости и сильнаго характера, которыми такъ богато было это прошлое и такъ бѣдно это настоящее,—были и иныя, болѣе общія причины, *спеціально* выясняющія намъ поражающій всѣхъ изслѣдователей минувшаго и современнаго контрастъ. Вотъ почему А. Ф. Кони, такъ много и мѣтко наблюдавшій съ высоты своего служебнаго поста, долженъ былъ начать свой превосходный очеркъ, посвященный памяти знаменитаго дѣятеля эпохи реформъ, Д. А. Ровинскаго, такими словами: «Наше время упрекаютъ,—и не безъ основанія,—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою, и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще и чаще умаляется, стушевывается... Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо бо́льшимъ богатствомъ по части знаній, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкой. Но, на-ряду съ этою возможностью и съ этими удобствами, въ немъ нерѣдко замѣчается *недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части, мелкихъ интересовъ*».

Вотъ какою дорогою,—страшно дорогою,—цѣной покупаются эти знанія и эти удобства! Прежняя школа, прежняя жизнь не давала ихъ, но тогда было на-лицо сокровище болѣе драгоцѣнное,—была возможность *внѣшкольнаго*, хотя бы и въ стѣнахъ школы, общаго развитія. Многимъ обязана наша служебная и общественная дѣятельность этому внѣшкольному развитію, которому школа, какъ учрежденіе, помогала только двумя спо-

собами: активно—обученіемъ чтенію и письму,—и пассивно—недосмотр наставниковъ. Современная школа давно уже не знаетъ этого великаго д гателя, формировавшаго въ «отцахъ и дѣдахъ» нравственную силу и «д тельное отношеніе къ жизни»; лишь въ самое послѣднее время появи попытки восполнить этотъ пробѣлъ «программами домашняго чтенія»... ожиданіи чтецовъ. Въ прежней школѣ не было *системы*, но было *вос таніе*, въ теперешней—системъ не оберешься, но нѣтъ воспитанія. сравнимо шире, чище и свѣжѣе былъ въ ней и читаемый юношами ма ріалъ. Какъ ни круты были тогдашніе цензурные порядки, но за то было органовъ печатнаго слова, признающихъ за гражданиномъ одну толь правовую альтернативу—безмолствовать или славословить, не было «пер довицъ», защищающихъ произволъ, ратующихъ противъ законности, зач ляющихъ невиннѣйшее гуманное стремленіе въ преступную область опасн «либерализма» и изъ всѣхъ свободъ допускающихъ только одну—«свобод повиновенія».

Первымъ политическимъ впечатлѣніемъ прошедшаго «преобразованну школу молодого, нынѣ дѣйствующаго поколѣнія было событіе 1-го мар 1881 г., потрясшее ужасомъ весь міръ. Враги освободительныхъ реформ законченнаго этою катастрофой царствованія «воспользовались моментом чтобы взвалить на нихъ отвѣтственность за событіе. Какъ ни дико бы подобное сближеніе, но въ моментъ испуга, парализовавшаго общественн самосознаніе, оно было принято на вѣру, и молодому, обезсиленному шкал пою системой уму нечего было противупоставить суевѣрному заблужденію. Если не отвращеніе, то недовѣріе, охлажденіе къ этимъ реформамъ, з ними и ко всѣмъ идейнымъ задачамъ, сдѣлалось чуть ли не общимъ по стояніемъ. Ударъ грома былъ оглушителенъ и раскаты его слышны и до сихъ поръ. Въ спорахъ о законодательномъ направленіи 60-хъ годовъ ар гументъ этотъ фигурируетъ и теперь, хотя давно пора «исключить его, как завѣдомо-подложный, изъ числа доказательствъ».

Всѣхъ, напримѣръ, возмущали въ свое время народныя легенды о «п лерной шмарѣ, пускаемой господами изъ подзорной трубы», какъ причин эпидеміи, и вызванныя ею избіенія, между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ, между причиной и ея слѣдствіемъ одна и та же логическая связь, одно и то же избіеніе своихъ благодѣтелей. Возмутительно-нелѣпая интеллигентная легенда, оклеветавшая эпоху великихъ реформъ, теперь мало-по-мал разсѣивается, *но ея не должно существовать вовсе*, и на помощь всеисцѣляющему времени, всегда крайне замедляемую, долженъ прійти спокойный и разумный анализъ вопроса, объективно и детально освѣщеннаго. Гд же найти его?—въ ближайшемъ, *документальномъ* ознакомленіи съ исторіей этихъ реформъ, съ цѣлями, одушевлявшими ихъ дѣятелей, съ результатами, ими достигнутыми.

На долю калужской администраціи 1861—63 гг. выпало особенно много обвиненій подобнаго сорта. Всѣ обычныя средства были тутъ пущены въ

къ—до ябеды и извѣтовъ включительно. Поперемѣнно передъ нами дефилировали и «неблагонамѣренное направленіе, данное исходу крестьянскаго дѣла», и «соціалическія убѣжденія гг. мировыхъ посредниковъ», и «подстрекательства къ неповиновенію властямъ», и «превратныя толкованія», даже таинственная «желтая книжка». Если таковы были обвиненія въ *официально-подаваемыхъ* бумагахъ, то легко себѣ представить, что говорилось въ частной бесѣдѣ и писалось въ доносахъ, адресуемыхъ «въ собственныя руки».

И между тѣмъ читатель могъ *документально* убѣдиться, что *обнародованный законъ*, *дарованныя имъ права и миролюбивое соглашеніе сословно-аграрныхъ интересовъ* были единственными руководящими началами какъ и губернскаго присутствія, такъ и для всѣхъ мировыхъ учрежденій этой *красной губерніи*», вѣрноподданнически стремившейся къ исполненію воли верховнаго законодателя—«чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ».

Пройдутъ года, очнутся умы, умягчатся сердца, и въ отвергнутыхъ нѣкогда завѣтахъ великой эпохи люди снова найдутъ методъ и средства къ врачеванію своихъ золъ.

П. Обнинскій.

Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ.

(По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева) *).

Въ изслѣдованіи моемъ *Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета* (часть I «Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта»), мнѣ пришлось коснуться также исторіи образованія и развитія дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта (въ главѣ I), причемъ общіе выводы, къ какимъ я пришелъ на основаніи изученія первоисточниковъ, я уже имѣлъ случай въ краткихъ чертахъ изложить на страницахъ *Русской Мысли*. Заканчивая первую главу, посвященную верховному тайному совѣту, я напомнилъ читателямъ моей книги, что я, согласно плану моей работы, разсматриваю эту главу «какъ общее вступленіе къ моей задачѣ—*Исторіи сената* въ изучаемую эпоху,—вступленіе, имѣющее своею цѣлію, главнымъ образомъ, представить образъ того учрежденія, при которомъ пришлось дѣйствовать сенату; поэтому всѣ вопросы, касающіеся организаціи совѣта, его дѣятельности и проч., были затронуты мною лишь постольку, поскольку они служатъ этой цѣли». Появившіеся досель разборы моего труда направлены были, однако, по преимуществу, не на *основную тему* моего изслѣдованія—*Исторія сената*, а на указанное выше вступленіе къ изслѣдованію, касавшееся исторіи образованія и развитія дѣятельности совѣта, причемъ наиболѣе обширный разборъ этого вступленія, принадлежащій перу проф. Алексѣева, имѣетъ своею цѣлію опровергнуть едва ли не всѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ какъ я, такъ частію и другіе изслѣдователи, имѣвшіе случай касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ моей книгѣ. Послѣдующее изложеніе, имѣя въ виду защитить тѣ мои выводы, которыхъ касается рецензія проф. Алексѣева, является также и нѣкоторою попыткою болѣе подробнаго развитія тѣхъ мыслей и положеній, какихъ мнѣ пришлось, согласно плану моей работы,

---

*) Подъ означеннымъ названіемъ рецензія проф. Алексѣева была впервые напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1896 г., № 1—4); нынѣ она вышла отдѣльною брошюрою; въ нашей статьѣ мы цитируемъ страницы этой послѣдней.

коснуться въ моемъ изслѣдованіи лишь кратко и какъ бы мимоходомъ. Значительная принципіальная важность вопросовъ, связанная съ судьбою такого учрежденія, какъ верховный тайный совѣтъ съ одной стороны, необходимость коснуться всѣхъ главныхъ возраженій обширной, по объему, рецензіи г. Алексѣева—съ другой, вызываетъ и меня на нѣсколько длинный отвѣтъ почтенному ученому. Замѣчу при этомъ, что, въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія моихъ возраженій съ возраженіями г. Алексѣева, я излагаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ возраженія самого автора рецензіи. Прослѣдивъ затѣмъ шагъ за шагомъ ходъ аргументаціи автора противъ моихъ общихъ выводовъ, я сдѣлаю заключеніе, которое дастъ возможность читателямъ составить себѣ тотъ или иной взглядъ на роль и значеніе верховнаго тайнаго совѣта.

I.

Первое возраженіе, какое дѣлаетъ мнѣ проф. Алексѣевъ, сгруппировавъ вмѣстѣ отдѣльныя мѣста моего изслѣдованія (иногда, кстати замѣтить, приводя ихъ въ совершенно-невѣрномъ видѣ) *), касается крайности и рѣзкости моихъ воззрѣній на верховный тайный совѣтъ. По мнѣнію автора рецензіи, я будто бы «не хочу видѣть *въ дѣятельности* верховнаго тайнаго совѣта *никакихъ* свѣтлыхъ сторонъ», на которыя указываютъ другіе изслѣдователи, а въ моей книгѣ «находитъ откликъ *только* то, что можетъ набросить тѣнь на верховный тайный совѣтъ», и «поэтому тотъ, кто хотѣлъ

*) Такъ, наприм., проф. Алексѣевъ говоритъ, что я утверждаю, что верховный тайный совѣтъ „учрежденіе неюридическое, *неруководившееся какими-либо строго-установленными формами*“, и ссылается при этомъ на стран. 122 моего изслѣдованія. Между тѣмъ на этой страницѣ, указавъ на то, что совѣту приходилось вести обширные и важные *политическіе* процессы, я въ заключеніе замѣчаю слѣдующее: „какъ учрежденіе не юридическое, совѣтъ не руководился *здѣсь* какими-либо строго-установленными и *одинаково* ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частію это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній“ и проч. Какъ ясно для всякаго, я утверждаю, что *здѣсь*, т.-е. при политическихъ *только* процессахъ, совѣтъ не руководился какими-либо строго-установленными формами и пр., но *вовсе* не обобщаю этого утвержденія,—какъ это дѣлаетъ произвольно уже самъ г. Алексѣевъ,—на *всю* цѣликомъ дѣятельность совѣта (стр. 5 рецензіи). Или, наприм., проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что, по моимъ словамъ, „въ новомъ учрежденіи (совѣтѣ) открывалась для этого боярства возможность играть политическую роль“ и ссылается на стран. 28 и 29 моей книги; на страницѣ 28 такой фразы, однако, нѣтъ вовсе, а на страницѣ 29 *я* говорю слѣдующее: „въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль, *что оно и попыталось сдѣлать позднѣе*“. Конецъ фразы, подчеркнутый мною, почему-то отброшенъ г. Алексѣевымъ; между тѣмъ, въ немъ-то и заключается самое существенное, что я хотѣлъ сказать и противъ чего нельзя спорить; *безъ этого конца* фраза имѣетъ мало смысла, такъ какъ при основаніи верховнаго тайнаго совѣта боярство было представлено въ немъ лишь *однимъ* Д. М. Голицынымъ и только позднѣе оно вошло туда въ лицѣ нѣсколькихъ представителей двухъ фамилій, попытавшихся, при воцареніи Анны Іоанновны, сыграть въ совѣтѣ политическую роль.

бы ознакомиться съ отрицательными взглядами нашей литературы на в
ховный тайный совѣтъ, можетъ взять смѣло за руководство» мою кн
и т. д. (стр. 7). Прежде чѣмъ отвѣтить на все вышесказанное по су
ству, замѣчу, что для полноты литературныхъ мнѣній, *отрицательно* от
сившихся къ совѣту, было бы справедливо указать еще на одно мнѣн
авторъ коего смотритъ гораздо мрачнѣе меня на дѣятельность совѣта. Какъ э
ни странно, авторъ этотъ не кто иной, какъ самъ проф. А. С. Алексѣев
такъ вооружившійся нынѣ противъ «легенды объ олигархическихъ тенд
ціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I». В
своемъ печатномъ курсѣ лекцій *Русское государственное право* (М., 1895 г.
3-е исправленное изданіе) онъ говоритъ о верховномъ тайномъ совѣ
буквально слѣдующее: «верховный тайный совѣтъ, учрежденный въ 1726 г.
Екатериною I, состоялъ изъ семи важнѣйшихъ особъ, подъ предсѣдатель
ствомъ императрицы. Онъ долженъ былъ завѣдывать важнѣйшими дѣлам
не ограничиваясь опредѣленною дѣятельностью. Но *созданный властолю
біемъ немногихъ лицъ*, желавшихъ захватить власть въ свои руки и вы
тѣснить сенатъ изъ того положенія, которое было указано послѣдне
Петромъ, онъ сдѣлался силою, прибиравшею къ своимъ рукамъ *все*, чт
онъ могъ вторгаться авторитетно во вліятельнѣйшія сферы государственн
жизни, *все*, что давало ему возможность парализировать независимост
другихъ высшихъ органовъ, *все*, что позволяло ему *безконтрольно* расп
ряжаться казною, мѣстами и почестями. *Онъ пошелъ дальше и хотѣ
узурпировать и верховныя права и обрѣсти самостоятельность и н
зависимость по отношенію къ власти верховной*. Эта тенденція выра
лась наглядным образомъ въ тѣхъ условіяхъ объ ограниченіи монархи
ческой власти въ Россіи, которыя онъ предложилъ Аннѣ Іоанновнѣ пр
вступленіи ея на престолъ. *Но эта тенденція и погубила его*. Въ 1730 г.
совѣтъ былъ упраздненъ и сенатъ возстановленъ на прежнихъ основаніяхъ»
(стр. 320 и сл.; курсивъ вездѣ нашъ). Въ этомъ, хотя и краткомъ, но весьм
рѣшительномъ приговорѣ, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ свѣтлыхъ сторонъ
въ дѣятельности совѣта и картинно указано все, что набрасываетъ тѣнь
на него. Что же касается моего изслѣдованія, то указанная выше характе-
ристика проф. Алексѣева къ нему весьма мало относится. Я, правда, смотр
весьма отрицательно на верховный тайный совѣтъ, *какъ учрежденіе*, вы
ходя, что въ основѣ его лежали не столько правовыя начала, сколько оли-
гархическо-политическія тенденціи, но по отношенію къ его *дѣятельности*
я вовсе не скрывалъ тѣхъ *свѣтлыхъ* сторонъ ея, какія я, по силѣ моего
разумѣнія, нашелъ въ ней. Что это такъ, достаточно, хотя мелькомъ, про-
глядѣть тѣ мѣста моей книги, которыя касаются именно *дѣятельности*
совѣта, какъ въ цѣломъ, такъ и въ ея частностяхъ *)...

*) Такъ, наприм., я указываю на тотъ фактъ, что совѣтъ въ своей повседневной
дѣятельности отдавалъ много вниманія дѣламъ *иностраннымъ*, и при этомъ зам
чаю, что, хотя совѣту „приходилось дѣлать *опыт* разрѣшенія *новой* задачи уп
нія,—такъ какъ то учрежденіе, преемникомъ коего являлся частію совѣтъ (т. е.

Вообще я строго различаю,—какъ это и должно быть, конечно,—мѣропріятія совѣта, направленныя къ укрѣпленію и развитію его *собственной* власти и значенія, и мѣропріятія, не имѣвшія прямого отношенія къ этой его задачѣ. Поскольку *первыя* были проникнуты *олигархическими* тенденціями, отмѣченными какъ современниками ихъ *), такъ и безпристрастными

тровскій сенатъ), вовсе не было мѣстомъ, созданнымъ для руководительства въ дѣлахъ иностранныхъ,—„нельзя, кажется, не признать, что, *въ общемъ*, этотъ *опытъ* (совѣтской дѣятельности) *былъ довольно удаченъ*“ (стр. 66—70). Затѣмъ, обозрѣвая дѣятельность совѣта по внутреннему управленію, я хотя и прихожу къ выводу „о незначительности ея *общихъ* результатовъ“, но въ то же время объясняю, что „причины этого были довольно сложны“, и вовсе не утверждаю, какъ, повидимому, думаетъ проф. Алексѣевъ, что одни „политическія тенденціи мѣшали совѣту быть дѣловымъ учрежденіемъ и парализировали его законодательную и правительственную дѣятельность“. Я, правда, признаю, что „политическія цѣли, которыя лежали въ его основаніи и которыя онъ постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли, прежде всего, не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его *дѣлового* значенія“, но затѣмъ добавляю слѣдующее: „оцѣнивая *дѣятельность* совѣта по ея результатамъ, нельзя не принять во вниманіе и того важнаго обстоятельства, что совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ той напряженной дѣятельной эпохи, когда реформа слѣдовала за реформою, когда во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи *реакціи*, что и надо имѣть въ виду, оцѣнивая результаты его дѣятельности: совѣтъ долженъ былъ разбираться въ сложныхъ задачахъ петровской реформы, оставшихся для послѣдующихъ эпохъ далеко не въ разрѣшенномъ видѣ. Такая дѣятельность, *уже по самому существу*, не могла быть *слишкомъ* видной, замѣтной, *хотя и она, конечно, имѣла свое значеніе* въ общемъ движеніи XVIII вѣка, такъ какъ показывала ясно, что въ петровской эпохѣ выдерживало испытаніе времени и что должно было быть оставлено. *Совѣтъ*, какъ учрежденіе, принимавшее непосредственное и живое участіе во всѣхъ дѣлахъ верховнаго управленія, *могъ, конечно, вносить свои поправки въ законодательство предшествующаго царствованія*, на основаніи богатаго опыта своей правительственной дѣятельности; *онъ и дѣлалъ это, поскольку этому не мѣшали его политическія задачи*“ (стр. 136 и сл.). Или, наприм., говоря о дѣятельности совѣта по развитію торговли и промышленности, я прихожу къ выводу, что „совѣтъ проявилъ здѣсь *большую энергію*, частію, впрочемъ, въ фискальныхъ цѣляхъ“. Или, обозрѣвая дѣятельность совѣта относительно флота и арміи, *я*, между прочимъ, подчеркиваю, что нельзя не отмѣтить одной *общей* мысли, какая сказывалась *не разъ* въ этой области совѣтскаго управленія, а именно: *мысли объ облегченіи народа и сокращеніи расходовъ* (стр. 89 и сл.). Не умножая этихъ ссылокъ рядомъ другихъ, имъ подобныхъ, спросимъ безпристрастнаго читателя, неужели справедливо заключеніе проф. Алексѣева, что я не вижу „*никакихъ* свѣтлыхъ сторонъ *въ дѣятельности* совѣта“ и тенденціозно собираю все, что „можетъ набросить тѣнь“ на него?

*) Вотъ, наприм., какъ смотрѣли на событія изучаемой эпохи австрійскіе дипломаты, коихъ донесенія подробно изслѣдованы нынѣ проф. Брикнеромъ: „въ бумагахъ вѣнскаго архива, въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Москвѣ и Петербургѣ,—говоритъ онъ,—мы находимъ *множество* данныхъ, доказывающихъ, что мысль объ ограниченіи монархическаго начала, минутное осуществленіе которой состоялось, какъ извѣстно, въ началѣ 1730 г., при воцареніи Анны, появилась *гораздо ранѣе* и созрѣвала именно во время упорной борьбы противъ чрезмѣрнаго авторитета и несноснаго для вельможъ произвола Меншикова. Рабутинъ, Гогенп-

историками *), постольку же *вторыя* могли быть (да и дѣйствительно были) проникнуты началами *общаго* блага, разъ совѣтъ, предпринимая ту или иныя мѣры, не вводилъ въ нихъ заботъ *о самомъ себѣ*, какъ учрежденіи **). Оцѣнка мѣропріятій совѣта можетъ быть, конечно, различна въ отдѣльныхъ случаяхъ; едва ли, однако, можно оспаривать мысль объ олигархическихъ тенденціяхъ совѣта, какъ такового, такъ какъ, несомнѣнно, что, пытаясь захватить въ свои руки всю власть и значеніе и предлагая затѣмъ ограничительныя условія Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтъ добывалъ все это лишь въ пользу *немногихъ*. Но всякому извѣстно, что (говоря словами одного изъ современниковъ) «владѣнія образъ *въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ* не можетъ нарещися владѣтельство избранныхъ, гречески *аристократія*, но развѣ сковическое тиранство, или насильство, которое *олигархія* у еллиновъ именуется»... Правда, тотъ же современникъ разсказываетъ, что верховники, предлагая въ извѣстныхъ «кондиціяхъ» закрѣпленіе власти за совѣтомъ, потомъ стали «первѣйшихъ» изъ противной компаніи (т.-е. нѣкоторыхъ изъ противниковъ ихъ плановъ) принимать съ ласкосердіемъ и къ общему сословію преклонять, *ротяся и присягая, что они за собственнымъ интересомъ не гонятся*, и жаловались, что *напрасно* то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего *всѣмъ прочимъ* не сообщили»... Но уже одна необходимость оправданія показываетъ, что современники обвиняли верховниковъ въ заботахъ лишь «о собственномъ своемъ

гольцъ и Вратиславъ, постоянно возвращаясь къ этому вопросу о такой перемѣнѣ въ Россіи, въ связи съ этимъ обсуждаютъ тѣ послѣдствія, которыя будутъ сопряжены *съ водвореніемъ олигархическихъ порядковъ въ Россіи*. Австрійскіе дипломаты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что сохраненіе чисто-монархическаго начала въ Россіи должно считаться важнѣйшимъ условіемъ поддержанія той важной роли, которую Россія разыгрывала въ Европѣ, благодаря реформамъ Петра В., тогда какъ отмѣна абсолютизма и *олигархія нѣкотрыхъ вельможъ* непремѣнно должны были лишить Россію того значенія, которымъ она пользовалась въ общей политической системѣ... *Замѣнить самодержавіе олигархіей*, по мнѣнію австрійскихъ дипломатовъ, *значило-лишить Россію важнѣйшей доли результатовъ реформы Петра В.*"... (*Русскій дворъ при Петрѣ II. Вѣстникъ Европы* 1896 г., № 2, стр. 582; курсивъ нашъ). Указанное свидѣтельство австрійскихъ дипломатовъ показываетъ, что, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, современники отмѣтили какъ олигархическія тенденціи вельможъ, такъ и появленіе идеи ограниченія самодержавія еще задолго до извѣстныхъ кондицій Аннѣ Іоанновнѣ.

*) См., наприм., изображеніе дѣятельности совѣта и ея послѣдствій у Соловьева—*Исторія Россіи*, тт. XVIII и XIX, соотвѣтственныя главы. Между прочимъ, не кто иной, какъ знаменитый историкъ нашъ утверждалъ, что „по смерти Петра II дворянство и генералитетъ, *раздраженные олигархическими стремленіями верховниковъ*, выдаютъ ихъ новому правительству" (ibid., XIX, стр. 321); но эти стремленія не могли явиться сразу, безъ всякой связи съ предшествующею дѣятельностью совѣта, какъ думаетъ г. Алексѣевъ; наоборотъ, какъ я доказываю въ своей книгѣ, зародились они съ возникновеніемъ совѣта и, будучи сначала слабы, все болѣе и болѣе развивались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій царствованія Петра II.

**) Такія мѣры не разъ отмѣчаются въ моей *Исторіи сената* (см., наприм., стр. 82 и сл., 92 и сл., и мн. др.).

интересѣ», т.-е., иначе говоря, объ интересахъ *немногихъ*. Указанныя слова Феофана Прокоповича относятся къ послѣднему моменту дѣятельности совѣта, но едва ли было бы научно совершенно отдѣлять этотъ моментъ отъ всего предшествующаго и думать, что замыслы верховниковъ, выразившіеся въ кондиціяхъ Аннѣ, не имѣютъ *ничего* общаго съ исторіей совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Историкъ, столь плодотворно потрудившійся надъ изученіемъ вопроса о воцареніи Анны Іоанновны, вполнѣ справедливо настаиваетъ *на связи* событій ея воцаренія съ предшествующими царствованіями *). Если проф. Алексѣевъ думаетъ иначе и считаетъ, что «кондиціи» Аннѣ въ ихъ основной *ограничительной* тенденціи не имѣютъ никакого отношенія къ царствованію Екатерины I, когда будто бы *и не зарождалось* идеи объ ограниченіи самодержавія **), то ему надо было бы доказать свою мысль и, не ограничиваясь простымъ пересказомъ извѣстій Кампредона, Лефорта и Мардефельда, посчитаться съ цѣлымъ рядомъ мнѣній современниковъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, говорившихъ о совѣтѣ, какъ *объ олигархическомъ учрежденіи* и боявшихся, «чтобы не сдѣлалось, вмѣсто *одного* самодержавнаго государя, *десяти* самовластныхъ и сильныхъ фамилій» и т. д. Если, какъ вѣрно замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, «среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвала попытка верховниковъ, этотъ проектъ (о «кондиціяхъ») быстро былъ заклейменъ кличкой *олигархическаго* и тираническаго»; если на событія времени, начиная уже съ воцаренія Екатерины I и до уничтоженія в. т. совѣта, современники смотрѣли какъ на *олигархическія* затѣи (см., наприм., указанныя выше въ примѣчаніи донесенія австрійскихъ диплома-

*) Именно, указавъ на событія царствованій, предшествующихъ воцаренію Анны Іоанновны, проф. Д. А. Корсаковъ справедливо замѣчаетъ, что „исчисленныя явленія и *подготовили тѣ замыслы*, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны. Замыслы эти были логическимъ результатомъ *предыдущаго*, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ человѣка“ (*Воцареніе Анны Іоанновны*, стр. XIII). Иначе думаетъ г. Алексѣевъ, ничѣмъ, однако, не доказывая своей мысли.

**) См., кромѣ приведеннаго выше свидѣтельства австрійскихъ дипломатовъ, еще статью проф. Брикнера *Императрица Екатерина I* (*Вѣстникъ Европы* 1894 г., №№ 1 и 2), гдѣ не разъ отмѣчаются указанія иностранцевъ на попытки *ограниченія* власти Екатерины I. Замѣтимъ, что и С. М. Соловьевъ, при всей своей осторожности, находитъ также необходимымъ указать на существованіе мысли объ ограниченіи императрицы при ея возведеніи на престолъ и отмѣчаетъ обстоятельства, которыя помѣшали ея осуществленію въ царствованіе Екатерины I (Ibid., т. XVIII, стр. 264 и сл., стр. 272 и сл.). Давая характеристику кн. Д. М. Голицына, бывшаго, какъ извѣстно, членомъ совѣта съ перваго дня его существованія до его уничтоженія, не кто иной какъ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: „вспомнивъ судьбу Голицына, мы поймемъ, какимъ образомъ въ его головѣ *созрѣла мысль объ ограниченіи императорской власти*“ и проч. (XIX, стр. 238 и сл.). А проф. Алексѣевъ думаетъ, что эта мысль „вычитана“ у современниковъ разбираемыми имъ авторами (стр. 39 и друг.); однако эту мысль находили у современниковъ самые осторожные и почтенные изслѣдователи.

товъ), то надо бы было разобраться во всѣхъ этихъ отзывахъ и мнѣніяхъ прежде, чѣмъ называть ихъ только «легендой»; надо бы было подробнѣе изслѣдовать, что въ этихъ отзывахъ справедливаго и несправедливаго. Мнѣнія современниковъ о событіяхъ всегда почти носятъ на себѣ печать нѣкотораго субъективизма, но въ нихъ всегда можно попытаться найти и долю правды, провѣряя ихъ на основаніи какихъ-либо непререкаемыхъ данныхъ. Такія данныя для сужденія о в. т. совѣтѣ и его стремленіяхъ заключаются въ документахъ самого совѣта, изъ коихъ узнаемъ о его составѣ, устройствѣ, постепенномъ ростѣ его силы и значенія, попыткахъ захватить всю власть въ свои руки, т.-е., иначе говоря, въ руки тѣхъ *немногихъ*, которымъ удалось войти въ составъ его членовъ. Не въ пользу же «всенародныхъ человѣкъ» и даже не въ пользу болѣе широкаго круга шляхетства, высшаго или средняго, работали, конечно, верховники, подрывая значеніе сената или св. синода, дѣлая совѣтъ сосредоточеніемъ всей власти и проч.,—по крайней мѣрѣ до момента посылки «кондицій» Аннѣ, когда они встрѣтились съ довольно сильнымъ дворянскимъ движеніемъ, вожди коего потребовали, чтобы верховники подѣлились властію *и съ другими*, коихъ олигархическое устройство совѣта не вмѣщало въ его составъ. Проф. Алексѣевъ отвергаетъ существованіе въ изучаемую эпоху у насъ партіи худородныхъ и партіи родовитыхъ вельможъ, а затѣмъ, пересказывая Кампредона, Лефорта и Мардефельда, приходитъ къ выводу, что дѣло созданія совѣта есть результатъ дѣятельности *нѣсколькихъ лицъ*, наиболѣе близкихъ къ императрицѣ (герцога Голштинскаго, гр. Толстого, Меншикова), но самъ, однако, при этомъ совершенно не замѣчаетъ, что этимъ онъ не только не опровергаетъ, но еще болѣе подтверждаетъ «легенду объ олигархическомъ происхожденіи в. т. совѣта», такъ какъ суживаетъ до *minimum*'а кругъ лицъ, принимавшихъ участіе въ учрежденіи совѣта, и сводитъ все ихъ значеніе къ фавору, приближенію, родству и т. п., тогда какъ партіи,—поскольку ихъ вліяніе отражалось въ совѣтѣ,—представляли собою, конечно, нѣчто болѣе значительное (количественно и качественно), чѣмъ тѣ *немногіе*, кои, по толкованію проф. Алексѣева, создали совѣтъ; партіи, наконецъ, не закрывали совершенно пути для борьбы за власть въ совѣтѣ, что̀ и сказалось ясно при воцареніи Анны.

Не можемъ, наконецъ, не отмѣтить слѣдующаго. Отрицательно относясь къ олигархическо-политическимъ тенденціямъ совѣта, какъ такового, я разсматриваю *всю* его исторію въ цѣломъ, отъ момента его созданія до поднесенія «кондицій» Аннѣ. Поэтому мои сужденія о немъ касаются *всего* періода его недолгаго существованія, и такъ какъ совѣтъ свои стремленія въ указанномъ выше смыслѣ, вслѣдствіе *особыхъ* условій царствованія Петра II, проявляетъ *всего рѣзче* во второй половинѣ своей дѣятельности, то и значительная часть тѣхъ «отрицательныхъ взглядовъ», какихъ я держусь по отношенію къ совѣту, касается его положенія въ царствованіе Петра II. Проф. Алексѣевъ беретъ темою для своей статьи дѣятельность совѣта лишь въ царствованіе Екатерины I, оговариваясь, что не бу[illegible]

«заглядывать въ ту эпоху, когда съ воцареніемъ малолѣтняго императора наступили въ нашей государственной жизни *чрезвычайныя условія, исказившія первоначальный характеръ* в. т. совѣта и измѣнившія его *личный составъ*, выдвинувъ, взамѣнъ птенцовъ Петра, любимцевъ царя-отрока» (стр. 7). Не говоря уже о нѣкоторой фактической невѣрности послѣдняго утвержденія *), замѣтимъ лишь, что и проф. Алексѣевъ, какъ надобно заключить изъ приведенныхъ словъ, *отрицательно* относится къ совѣту *царствованія Петра II*, что, конечно, не представляетъ новости, хотя бы въ виду характеристики, даваемой совѣту этого времени С. М. Соловьевымъ; но если это такъ, то совершенно непонятно, почему проф. Алексѣевъ *не выдѣляетъ* тѣхъ сужденій моихъ о совѣтѣ, которыя то частью, то вполнѣ относятся къ царствованію Петра II и которыя совершенно умѣстны по отношенію къ учрежденію, *исказившему*—даже по взгляду самого автора рецензіи—*свой первоначальный характеръ* въ силу чрезвычайныхъ условій царствованія Петра II. Такое выдѣленіе было уже необходимо потому, что, изслѣдуя въ своей статьѣ *только* судьбы учрежденія при Екатеринѣ I и не касаясь царствованія Петра II, проф. Алексѣевъ не могъ бы (еслибъ и хотѣлъ) доказать, *въ чемъ* былъ я правъ или неправъ, характеризуя *отрицательно* совѣтъ царствованія Петра II. Наприм., проф. Алексѣевъ насмѣшливо замѣчаетъ, что я «совершенно серьезно доказываю, что кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, не вносили ничего новаго въ дѣятельность совѣта, который уже и раньше, *отчасти уже при Екатеринѣ I*, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны» (стр. 6). Да я это, дѣйствительно, доказываю «совершенно серьезно», но, какъ видно изъ приводимой самимъ г. Алексѣевымъ цитаты изъ моей книги, утвержденіе это относится къ дѣятельности совѣта *въ цѣломъ*. Вѣрно или нѣтъ оно по существу (мнѣ легко доказать, что вѣрно **), но во всякомъ случаѣ для его опроверже-

---

*) Какъ извѣстно, личный составъ совѣта и съ воцареніемъ Петра II оставался *первоначально* неизмѣннымъ и только лишь въ сентябрѣ 1727 г. изъ него выбылъ кн. Меншиковъ, а 9 ноября 1728 г. скончался графъ Апраксинъ; правда, въ февралѣ 1728 г. въ него вошли кн. Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе; но изъ нихъ первый, будучи знаменитымъ дипломатомъ петровскаго царствованія, принадлежалъ самъ къ „птенцамъ Петра“, и лишь *второй*, — *одинъ* изъ всѣхъ членовъ совѣта, — „всѣмъ былъ обязанъ фавору, приближенію“, какъ о немъ выражается С. М. Соловьевъ; затѣмъ кн. М. М. Голицынъ, какъ и кн. В. Вл. и М. Вл. Долгорукіе вошли въ совѣтъ *уже послѣ смерти* Петра II. Едва ли возможно поэтому утверждать, что въ совѣтѣ еще при Петрѣ II „взамѣнъ птенцовъ Петра В. выдвинулись любимцы царя-отрока.“

**) Мною уже было указано на страницахъ *Русской Мысли*, что, сравнивая *содержаніе* отдѣльныхъ пунктовъ кондицій съ указами и распоряженіями совѣта, можно замѣтить, что послѣдніе *повторяются* въ этихъ пунктахъ (*Русская Мысль* 1894 г., кн. VIII, стр. 10 и сл., статьи моей *Правительствующая олигархія* и пр.). Приведу здѣсь для наглядности лишь одинъ примѣръ: 4-й пунктъ „кондицій“ гласилъ, что императрица обѣщалась безъ согласія верх. тайн. совѣта „въ знатные чины, какъ

нія необходимо изслѣдовать дѣятельность совѣта и при Петрѣ II; г. Алексѣевъ этого не дѣлаетъ, а потому ему и не слѣдовало бы касаться безъ доказательно этого моего утвержденія, какъ далеко заходящаго за предѣлы его изслѣдованія. Другой примѣръ. Говоря о степени участія отдѣльныхъ членовъ совѣта въ его засѣданіяхъ, я вездѣ имѣю въ виду оба періода его дѣятельности (царствованіе Екатерины I и царствованіе Петра II); проф. Алексѣевъ сосчитываетъ число совѣтскихъ засѣданій *перваго* царствованія, отмѣчаетъ, сколько разъ тотъ или другой членъ посѣтилъ ихъ, а затѣмъ утверждаетъ, что мои выводы о степени участія отдѣльныхъ членовъ въ засѣданіяхъ съѣзда «страдаютъ неточностью» (стр. 77 рецензіи; срав. стр. 36 и сл. моей книги). Точенъ или нѣтъ былъ я въ данномъ случаѣ, судить можно, взявъ за предѣлы изслѣдованія *оба* царствованія, такъ какъ мои выводы въ данномъ случаѣ относятся къ тому и другому вмѣстѣ. Итакъ, въ однихъ случаяхъ г. Алексѣевъ относитъ къ характеристикѣ совѣта Екатерины I то, что у меня относится то цѣликомъ, то въ значительной части къ совѣту обоихъ царствованій; въ другихъ—онъ мало обращаетъ вниманія на то, что мною различается совѣтъ одного царствованія отъ совѣта другого царствованія (тамъ, конечно, гдѣ это различіе можетъ быть отмѣчено). Едва ли такой пріемъ научной критики можетъ способствовать правильности сужденія о моихъ выводахъ съ одной стороны, а съ другой — едва ли такой пріемъ можетъ опровергнуть эти выводы...

II.

Касаясь извѣстій иностранцевъ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, я говорю въ моемъ изслѣдованіи, что они довольно вѣрно передаютъ борьбу «между старо-русскою партіей родовитыхъ вельможъ, хотѣвшихъ создать *политическое* учрежденіе, ограничивающее власть императрицы, и партіей вельможъ худородныхъ, выдвинутыхъ реформою и искавшихъ себѣ опоры въ императрицѣ, именемъ которой они хотѣли управлять», а затѣмъ прихожу къ выводу, что вновь созданный совѣтъ давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго, родовитаго, и новаго, худороднаго дворянства, такъ какъ то и другое теперь *могло*,—что затѣмъ и случилось (при вопреніи Анны, конечно), — вступить въ борьбу за власть въ самомъ вер-

---

въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, *выше полковничья ранга* не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять". Этотъ пунктъ „конціи", имѣя соотвѣтствіе въ своемъ шведскомъ образцѣ, повторялъ почти буквально указы совѣта еще отъ 1727 г. Такъ, указъ совѣта отъ 2 октября повелѣвалъ военной коллегіи „*полковниковъ и выше того ранга* той коллегіи отставливать собою и *чинами не повышать, а докладывать о томъ въ в. т. совѣтѣ*", который фактически при Петрѣ II и производилъ въ чины самъ; такъ, далѣе, еще указъ 11 сентября того же года отнималъ у адмиралтействъ-коллегіи право производства въ чины *капитана* безъ доклада совѣту. Что касается назначенія на высшія должности, то они при Петрѣ II дѣлались также совѣтомъ, иногда даже безъ доклада мона-

тайн. совѣтѣ (стр. 26, 28 и сл.); наконецъ, соглашаясь съ мнѣніемъ П. Н. Милюкова, что «устройство в. т. совѣта было *уступкою* той боярской партіи, которая примиряла его съ воцареніемъ Екатерины I», я добавлю, что, по моему мнѣнію, уступка эта, не будучи значительной для даннаго момента, была важна для стараго боярства въ будущемъ: въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть *политическую* роль, что̀ оно и попыталось сдѣлать *позднѣе*» (опять-таки, конечно, при воцареніи Анны). Проф. Алексѣевъ, хотя и не дѣлая ссылки на указанныя мѣста моего изслѣдованія, но, конечно, имѣя ихъ въ виду (такъ какъ въ другихъ я этого вопроса вовсе не касаюсь), замѣчаетъ, что «никакой партіи худородныхъ дворянъ, *способной дѣйствовать солидарно*, у насъ въ эту эпоху не было и быть не могло», что для всякаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ эпохой, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ говорить о нихъ (худородныхъ дворянахъ), «*какъ объ объединенномъ въ цѣлое политическомъ факторѣ*», и что не менѣе странно говорить о родовитыхъ вельможахъ, «какъ о партіи, стремившейся къ политической самостоятельности и нашедшей въ в. т. совѣтѣ выходъ этимъ стремленіямъ» (стр. 260 и сл.). Какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ моей книги, я, дѣйствительно, говорю о 2-хъ партіяхъ — о партіи родовитыхъ вельможъ и партіи вельможъ худородныхъ; но я, однако, *нигдѣ* не представляю этой послѣдней партіи (какъ, впрочемъ, и первой), какъ какого-то «объединеннаго въ цѣлое политическаго фактора», какъ партіи, «способной дѣйствовать солидарно». Такая характеристика — измышленіе самого проф. Алексѣева, и я за него отвѣчать, конечно, не могу. Что же касается стараго боярства, стремившагося къ политической самостоятельности, то я утверждаю лишь, что въ новомъ учрежденіи (т.-е. въ совѣтѣ) для этого боярства открывалась возможность играть политическую роль, что̀ оно и попыталось сдѣлать *позднѣе*, т.-е. при воцареніи Анны, когда оно, въ лицѣ 2-хъ первѣйшихъ фамилій, предлагало свои «кондиціи» Аннѣ и когда оно вступало въ переговоры съ шляхетствомъ и пр. «Страннаго» въ этомъ учрежденіи ничего нѣтъ и во всякомъ случаѣ проф. Алексѣевъ, разсматривающій роль совѣта *только* въ царствованіе Екатерины I, ничѣмъ не доказалъ, да и не могъ бы доказать, что попытка боярства сыграть политическую роль не имѣла мѣста *позднѣе*, какъ я говорю, подразумѣвая ясно здѣсь конецъ дѣятельности совѣта. Но, можетъ быть, «худородные дворяне» при Екатеринѣ I не составляли *вообще*, какъ выражается проф. Алексѣевъ, «ни партіи», «ни элемента», а «родовитые вельможи» не были партіей, стремившеюся къ политической самостоятельности, такъ что и всякій разговоръ о партіяхъ въ изучаемую эпоху излишенъ и не можетъ вестись серьезно людьми «сколько-нибудь знакомыми съ эпохою»? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, «партія худородныхъ съ Меншиковымъ во главѣ и партія родовитыхъ бояръ съ Голицынымъ во главѣ» есть не что иное, какъ изобрѣтеніе П. Н. Милюкова и мое, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ? Мы склонны, однако, утверждать, что, говоря стилемъ самого проф. Алексѣе-

ва,—«звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ» отрицать су
ствованіе указанныхъ партій въ изучаемую эпоху, когда и сказанія
временниковъ, своихъ и чужихъ, и соображенія историковъ, не тол
«сколько-нибудь знакомыхъ съ эпохою», но прямо-таки прославивши
своими изслѣдованіями по ея исторіи, постоянно говорятъ о «партіяхъ
«фракціяхъ», «сторонахъ», обозначившихся у насъ на политическомъ
ризонтѣ въ началѣ XVIII вѣка. Такъ, наприм., не кто иной, какъ С. М.
ловьевъ, постоянно и неуклонно противопоставляетъ «худородныхъ выс
чекъ» родовитымъ вельможамъ, говоритъ о ихъ борьбѣ между собою, п
мо-таки и называя послѣднихъ «*партіей* родовитыхъ вельможъ» и утв
ждая, что наиболѣе выдающійся между ними Д. М. Голицынъ думалъ
томъ, что «надобно дать *вельможеству* самостоятельное значеніе, при
торомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ» *). Или,
примѣръ, тотъ же ученый, указавъ, что Екатерина I должна была сд
живать «алчность» Меншикова, добавляетъ, что «сдерживать было не
ходимо: враждебная ей *сторона* родовитыхъ вельможъ потерпѣла пора
ніе, не могла возвести на престолъ великаго князя, *но она существова
и была сильна*, тронуть ее, пренебречь ею было *очень опасно*, а гл
нымъ виновникомъ неудовольствія *этой партіи* былъ Меншиковъ, вс
болѣе оскорбляло громадное подавляющее значеніе этого выскочки...» (с
272). Или, въ другомъ мѣстѣ, говоря «о новости, затѣянной въ верх.
совѣтѣ» (т.-е. ограниченіи Анны), и разбирая составъ совѣта, С. М. С
ловьевъ говоритъ, что въ него вошло 4 Долгорукихъ, 2 Голицыныхъ, Г
ловнинъ и Остерманнъ: «шестеро принадлежали къ 2-мъ знатнымъ фами
ямъ, двое къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразованія», и доба
ляетъ, что здѣсь «*нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозн
чившимися по смерти Петра Великаго*» (XIX, изд. 3, стр. 242 и сл.
Конечно, было бы странно представлять эти «стороны» или «парті
чѣмъ-либо строго организованнымъ, неизмѣннымъ; но *различіе интерес*
съ одной стороны, возможность играть при слабыхъ преемникахъ Петра
политическую роль—съ другой (то возводя на престолъ однихъ, то уст
няя другихъ, то преобразуя, по-своему, составъ и компетенцію верховны
учрежденій и проч.), несомнѣнно давали этимъ партіямъ или сторонам

*) *Исторія Россіи*, т. XVIII, изд. 3, стр. 263 и сл., 273 и мн. др.; т. XIX, с
239, *О партіи, противной Екатерин I*, говоритъ и Арсеньевъ въ своемъ *Ц
ствованіи Екатерины I*, стр. 176. Замѣчу кстати, что я здѣсь не разъ ссыла
какъ на свѣдѣнія, такъ и выводы, указываемые С. М. Соловьевымъ въ его *Исто
Россіи*; дѣлаю я это какъ потому, что, въ виду общедоступности его сочиненія, р
таты мои легко могутъ быть провѣрены любознательными читателями, такъ и потом
что С. М. Соловьевъ извѣстенъ и своею крайнею осторожностью въ выводахъ
высокою добросовѣстностью въ чтеніи памятниковъ; поэтому, если и онъ „вычитал
въ нихъ *то же*, на что указываю я, разрабатывая совершенно новый, по больш
части, матеріалъ, то оспариваніе моихъ выводовъ проф. Алексѣевымъ пріобрѣтае
нѣсколько странный видъ борьбы противъ того, что подтверждается историко—ъ, с
лично знающимъ дѣло и глубоко изучившимъ вопросъ во всей его широтѣ...

извѣстное право на существованіе. Разбираемые проф. Алексѣевымъ авторы говоря о партіяхъ и ихъ стремленіяхъ, конечно, не понимали подъ ними того, что̀ подъ этимъ выраженіемъ разумѣется на современномъ парламентскомъ языкѣ, но опредѣленно обозначившееся послѣ Петра В. и само собою слагавшееся *представительство* интересовъ, защищаемыхъ одною группой лицъ и оспариваемыхъ другою, позволяло обозначать эти группы, какъ партіи. Существованіе этихъ группъ обозначилось уже при вступленіи Екатерины I на престолъ, оно давало знать себя и позднѣе, особенно при воцареніи Анны, въ тѣхъ кругахъ, на которыя разбилось тогдашнее шляхетство и о которыхъ столь обстоятельныя данныя находимъ мы въ изслѣдованіи проф. Д. А. Корсакова. Было бы совершенно ненаучно допустить, что эти «группы» или «партіи», столь энергично заявившія о своемъ существованіи и о своихъ политическихъ взглядахъ въ 1730 г., *вовсе* не существовали еще въ 1725 г., почему и являются досужимъ изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ авторовъ, обвиняемыхъ проф. Алексѣевымъ «въ вычитываніи» въ документахъ того, чего въ нихъ нѣтъ, въ угоду своимъ тенденціямъ.

Перейду теперь къ тѣмъ обвиненіямъ, какія возводитъ на меня проф. Алексѣевъ по невѣрному или прямо тенденціозному чтенію документовъ эпохи.

По поводу письма Кампредона отъ 3 января 1726 г., цитируемаго какъ П. Н. Милюковымъ, такъ и мною, г. Алексѣевъ замѣчаетъ слѣдующее: «Наши авторы, въ подтвержденіе своего тезиса о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства, приводятъ только тѣ строки изъ этой выдержки, которыя *подчеркнуты нами* *). Все остальное, очевидно, не представляетъ

*) Приведемъ здѣсь цѣликомъ ту часть письма Кампредона, которая указывается проф. Алексѣевымъ для оправданія его возраженія противъ П. Н. Милюкова и меня, подчеркивая въ этой части тѣ слова, которыя подчеркиваетъ самъ авторъ статьи: „Не подлежитъ сомнѣнію,— пишетъ Кампредонъ,— какъ я уже разъ имѣлъ честь докладывать, что если царица разъ предастся австрійскому двору, она станетъ безсознательно помогать ему во всемъ. Государыню увлекаютъ на этотъ путь сторонники великаго князя. Весьма многіе русскіе вельможи, втайнѣ враждебные герцогу Голштинскому и оскорбленные тѣмъ, что ему удалось своимъ вліяніемъ привести ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ понимаютъ и знаютъ ихъ опасность, но они хранятъ мертвое молчаніе, въ надеждѣ, что послѣдуетъ какое-либо пораженіе, которое позволитъ имъ выступить впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда *они уничтожатъ невыносимую власть князя Меншикова, возвратятъ себѣ прежнюю свободу и установятъ форму правленія, подобную существующей въ Швеціи или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи.* Таковы, государь, желанія и стремленія большей части бояръ. Весьма вѣроятно, что они воспользовались бы первыми же внутренними смутами, могущими возникнуть въ обширныхъ русскихъ земляхъ, для выполненія этого плана, къ чему голштинцы не разъ подали бы поводъ, еслибъ имъ предоставили дѣйствовать по всей ихъ волѣ. Но, надо полагать, императоръ, какъ скоро ему удастся овладѣть довѣріемъ здѣшняго двора и помѣстить при немъ вліятельнаго министра, позаботится о томъ, чтобы сохранить во всемъ ихъ объемѣ права самодержавной власти, дабы передать ее въ цѣлости своему племяннику и сдѣлать ее орудіемъ своихъ обширныхъ плановъ“ (*Сборн. Р. Ист. Общ.*, т. 64, стр. 186; рецензія г. Алексѣева, стр. 48 и сл.).

для нихъ интереса. Въ самомъ дѣлѣ, приведенное мѣсто, взятое въ цѣломъ, не только не подтверждаетъ ихъ взгляда, а, напротивъ, опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ, который они хотятъ вложить въ него. Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ которые противодѣйствуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія.* Приведенное мѣсто отнюдь поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ воззрѣній гг. Милюкова и Филиппова, противопоставляющихъ худородныхъ вельможъ, съ Меншиковымъ во главѣ, родовитымъ боярамъ, съ Голицынымъ во главѣ, и утверждающихъ, что эти послѣдніе, непосредственно по смерти Петра, стали мечтать о политической самостоятельности» (стр. 49). Прежде всего замѣчу, что хотя изъ указанной выше выдержки изъ письма Кампредона мною, дѣйствительно, взято только нѣсколько словъ *), но взято, во-первыхъ, потому, что слова эти, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, вовсе не опровергаются общимъ смысломъ *всего* письма въ цѣломъ, а находятся, какъ увидимъ ниже, въ полномъ съ нимъ соотвѣтствіи; во-вторыхъ эти слова взяты мною изъ письма потому, что они вполнѣ точно и опредѣленно говорятъ какъ о враждѣ старо-русскихъ вельможъ къ кн. Меншикову, такъ и о стремленіи ихъ вернуть себѣ прежнюю свободу, причемъ это извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ эпохи. Нѣтъ ничего легче поэтому, какъ доказать, что проф. Алексѣевъ совершенно неправъ, утверждая, что приведенное мѣсто письма не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія П. Н. Милюкова и моего «о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства» и пр. и что, наоборотъ, оно «опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ», какой будто бы мы хотимъ вложить въ него. Каковъ же *истинный* смыслъ письма, столь превратно толкуемаго нами? По объясненію г. Алексѣева, «Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ, которые противодѣйствуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе,* а *не* родовитые вельможи, сторонники великаго князя, *мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія*» (курсивъ нашъ). Итакъ, по толкованію проф. Алексѣева, Кампредонъ будто бы приписываетъ мечту о перемѣнѣ формы правленія *не* ро-

*) На стр. 29 моего изслѣдованія я привожу одну только фразу изъ указанной выше выдержки письма Кампредона, выражаясь такъ: „Стараніе старо-русскихъ вельможъ „de ruiner l'autorité insupportable de prince Menschikoff, de reconvrer leur ancienne liberté", о чемъ говоритъ Кампредонъ"... но и только (дальнѣйшее не относится къ вопросу). Какъ видно изъ самой выдержки письма, Кампредонъ, дѣйствительно, говоритъ это, причемъ слова его не могутъ относиться ни къ кому, кромѣ *бояръ* или старо-русскихъ вельможъ; иначе говоря, я беру у Кампредона то, что представляется неоспоримымъ.

довитымъ вельможамъ, какъ обыкновенно думаютъ, далеко не безъ основаній, наши историки, а какимъ-то другимъ! Весьма жаль, что г. Алексѣевъ не назвалъ этихъ послѣднихъ, доселѣ никому неизвѣстныхъ вельможъ; во всякомъ случаѣ, пока не подлежитъ сомнѣнію, что Кампредонъ-то именно и разумѣетъ подъ этими «мечтателями» не кого иного, какъ старо-русскихъ вельможъ или «бояръ», какъ онъ ихъ называетъ, а не другихъ какихъ-то вельможъ, какъ полагаетъ г. Алексѣевъ. Доказательства въ пользу такого пониманія словъ Кампредона слѣдующія: въ этомъ же письмѣ отъ 3 января Кампредонъ указываетъ на сторонниковъ великаго князя, увлекающихъ Екатерину въ союзъ съ Австріей, и говоритъ о многихъ русскихъ вельможахъ, втайнѣ враждебныхъ герцогу Голштинскому, хранящихъ пока молчаніе и ждущихъ случая, чтобъ уничтожить невыносимую власть князя Меншикова и установить новую форму правленія, прямо заключая свои разсужденія словами: «таковы, государь, желанія и стремленія *большей части бояръ*» («*C'est là*, Sir, où sont tournés les voeux de la *plus grande partie des boyards*», какъ гласитъ французскій текстъ письма). Еслибъ намъ не было изъ учебниковъ русской исторіи извѣстно, что сторонниками великаго князя Петра Алексѣевича были, главнымъ образомъ, *старо-русскіе вельможи* и что они же частію были враждебны герцогу Голштинскому, то, сопоставляя отдѣльныя мѣста письма Кампредона съ приведеннымъ выше его заключеніемъ о «мечтахъ» именно *бояръ*, можно ясно видѣть, что здѣсь рѣчь идетъ не о комъ другомъ, какъ только о старо-русскихъ вельможахъ, такъ какъ Кампредонъ не могъ назвать *боярами* вельможъ худородныхъ... Обращаясь далѣе къ письму Кампредона отъ 15 января (письму, притомъ, прямо и непосредственно слѣдующему за разбираемымъ письмомъ отъ 3 января 1726 г.), мы видимъ, что Кампредонъ повторяетъ сказанное раньше и, притомъ, повторяетъ въ такомъ видѣ, что еще болѣе подтверждаетъ наше утвержденіе, что бояре именно, а вовсе не какіе-то другіе вельможи, думаютъ о перемѣнѣ формы правленія, политической роли и пр. Онъ пишетъ здѣсь слѣдующее: «Я имѣлъ уже честь докладывать вамъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей («une grande partie des principaux de cette nation-ci») думаютъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую власть своей государыни... Если они будутъ ждать, пока царевичъ возмужаетъ и, взойдя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страною, то попытаться имъ достичь успѣха станетъ уже поздно. Поэтому есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную власть, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго и что они, главнымъ образомъ, поэтому не противятся ни исполненію голштинскихъ затѣй, ни союзу съ Вѣною, въ которые голштинцы же вовлекаютъ царицу. *Бояре* (въ подлинномъ текстѣ этого выраженія нѣтъ, но все время, сказавъ въ началѣ письма о «principaux de cette nation-ci», Кампредонъ говоритъ «ils»; переводчикъ письма, однако, вполнѣ основательно замѣнилъ это мѣстоименіе словомъ «бояре», такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь именно о нихъ) надѣятся, что послѣдствіемъ этихъ

событій явятся такія обстоятельства, которыя позволятъ имъ добиться своей цѣли. Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему кн. Голицыну въ Украйну...; князь же этотъ имѣетъ сношенія съ Вѣною, чрезъ генерала Вейсбаха, нѣмца, преданнаго императору. Оба они ревностные сторонники царевича» (*Сб. И. Об.*, т. 64, стр. 196 и сл.). Въ этомъ письмѣ сторонникомъ царевича и союза съ Вѣною названъ кн. М. М. Голицынъ (безспорно, одинъ изъ представителей старо-русскаго боярства), подобно тому, какъ въ письмѣ отъ 3 января сторонниками великаго князя и союза съ Вѣною названы *бояре*. Во французскомъ текстѣ *второго* письма *)

*) Касаясь письма отъ 15 января, проф. Алексѣевъ говоритъ еще слѣдующее: „Въ этомъ письмѣ прежде всего неясно, о какихъ именитыхъ людяхъ идетъ рѣчь. Эти именитые люди и не одобряютъ союза съ австрійскимъ императоромъ, стремящимся обезпечить престолъ великому князю, и вмѣстѣ съ тѣмъ они и союзники этого императора и при его содѣйствіи и при помощи украинской арміи замышляютъ государственный переворотъ, имѣющій цѣлію посадить царевича на русскій престолъ“ (стр. 50). При этомъ проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что это письмо стоитъ въ противорѣчіи съ письмомъ Кампредона отъ 3 января, гдѣ „Кампредонъ продолжаетъ думать, что императоръ *не намѣренъ вмѣшиваться* во внутреннія дѣла Россіи, *а хочетъ сохранить* въ цѣлости не только русскія земли, *но и русское самодержавіе, чтобы передать ихъ неприкосновенными своему племяннику*“ (курсивъ нашъ), между тѣмъ какъ въ письмѣ отъ 15 января Кампредонъ „уже другого мнѣнія и видитъ австрійскаго императора въ союзѣ съ кн. Голицынымъ, который во главѣ украинской арміи *наноситъ ударъ Россіи!* (стр. 49). Вотъ ужъ, по-истинѣ, „совершенно-произвольное толкованіе цитатъ!“—могли бы воскликнуть словами самого г. Алексѣева. Кампредонъ будто бы продолжаетъ думать, что „императоръ *не намѣренъ* вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, *а хочетъ* сохранить въ цѣлости не только русскія земли, но и русское самодержавіе“, тогда какъ Кампредонъ, въ дѣйствительности, говоритъ лишь, что австрійскій императоръ, *надо полагать*, позаботится о сохраненіи самодержавія, да и то, если ему удастся овладѣть довѣріемъ русскаго двора и проч., т.-е., иначе говоря, Кампредонъ (какъ извѣстно, французскій полномочный министръ при русскомъ дворѣ) просто выражаетъ здѣсь свои *desiderata* о направленіи политики *иноземнаго* двора; затѣмъ Кампредонъ нигдѣ не приписываетъ австрійскому императору столь противорѣчивыхъ другъ другу дѣйствій: съ одной стороны, политики невмѣшательства въ русскія дѣла, съ другой—стремленія сохранить русскія земли и самодержавіе и проч., а говоритъ лишь о второмъ (ibid.). М. М. Голицынъ „во главѣ украинской арміи *наноситъ ударъ Россіи*“, тогда какъ изъ писемъ того же Кампредона, не говоря уже о другихъ источникахъ, извѣстно, что все, на что могъ бы рѣшиться Голицынъ, сводилось къ возведенію на престолъ в. кн. Петра Алексѣевича! Но неужели возвести на престолъ единственнаго внука Петра Великаго значило „нанести ударъ Россіи?“ Едва ли согласились бы съ такимъ взглядомъ на вопросъ современники... Далѣе, что касается существа дѣла, то мы не видимъ никакого противорѣчія между разбираемыми письмами Кампредона. Наоборотъ, внимательно вчитавшись въ нихъ, видно, во-первыхъ, вполнѣ ясно, о какихъ именно именитыхъ людяхъ говоритъ Кампредонъ, а во-вторыхъ, не подлежитъ, на нашъ взглядъ, сомнѣнію, что Кампредонъ вовсе не думалъ (какъ полагаетъ это г. Алексѣевъ) заставлять этихъ людей въ одно и то же время *искать* союза съ императоромъ и *не одобрять* его, что было бы черезчуръ странно. Несомнѣнно, что ищутъ союза тѣ же люди, которые не одобряютъ „голштинскихъ затѣй“ и вмѣстѣ не противятся заключенію этого союза самою Екатериною, такъ какъ союзъ этотъ былъ въ ихъ видахъ.

этого термина нѣтъ, но едва ли подъ выраженіемъ «les principaux de cette nation-ci» можно разумѣть вельможъ худородныхъ, стремящихся притомъ ограничить власть Екатерины, думающихъ объ учрежденіи «правленія на подобіе англійскаго» и не мѣшающихъ исполненію «голштинскихъ затѣй», которыя невольно вовлекаютъ императрицу въ союзъ съ Вѣною, заставляя ее предаться австрійскому дому, о чемъ говоритъ Кампредонъ въ письмѣ отъ 3 января. Какъ это письмо само по себѣ, такъ и сопоставленіе его съ письмомъ отъ 15 января заставляютъ придти къ выводу, что, вопреки проф. Алексѣеву, *не* родовитые, а какіе-то другіе (имъ не называемые) вельможи «мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія» и проч., по Кампредону—именно бояре и являются такими мечтателями; слѣдовательно, можно говорить, на основаніи свѣдѣній названнаго лица, о стремленіи ихъ къ *политической* роли, а, слѣдовательно, въ свою очередь, увѣреніе г. Алексѣева, что П. Н. Милюковъ и я *хотимъ* вложить въ слова Кампредона «не тотъ смыслъ», совершенно несправедливо. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ тѣхъ наиболѣе важныхъ словахъ, какія цитируются нами изъ этихъ писемъ, видно ясно одно только: дѣло идетъ, по Кампредону, о боярахъ и ихъ мечтаніяхъ («les voeux de la plus grande partie des boyards») и не о чемъ другомъ. Предлагая свое толкованіе указанныхъ писемъ и оспаривая наше, проф. Алексѣевъ не далъ убѣдительныхъ данныхъ въ пользу перваго и не опровергъ второго... При этомъ, цитируя почти цѣликомъ обширныя письма Кампредона, почтенный ученый ставитъ намъ въ упрекъ, что, «минуя все остальное содержаніе, не исключая и злобныхъ выходокъ противъ Россіи», мы выписываемъ «только тѣ фразы, въ которыхъ *упоминается* о стремленіи вельможъ вернуть прежнюю свободу, установить новую форму правленія и ограничить деспотическую власть государыни» (стр. 48). Трудно понять, въ чемъ здѣсь погрѣшили мы противъ научной правды. Да, мы взяли у Кампредона то, что касалось поставленныхъ у насъ въ изслѣдованіи вопросовъ, то, что при этомъ вовсе не стояло въ противорѣчіи съ общею связью событій, разсказанныхъ какъ Кампредономъ, такъ и другими современниками. Да, мы исключили «злобныя выходки противъ Россіи», такъ какъ писали вовсе не объ отношеніи иностранцевъ къ Россіи; наконецъ, мы не коснулись подробно длинныхъ разсказовъ Кампредона о личныхъ счетахъ борющихся сторонъ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, хотя бы просто потому, что все это давно изложено, въ общемъ, у Соловьева, Брикнера и др. Было бы странно, однако, еслибы мы выкинули приведенныя выше слова Кампредона изъ общей связи извѣстій изучаемой эпохи...

Нельзя, наконецъ, не коснуться еще одного обвиненія, направленнаго противъ меня почтеннымъ рецензентомъ и также касающагося толкованія источниковъ. Такъ, въ своемъ изслѣдованіи я, между прочимъ, указываю на то, что слухи о возникновеніи верховнаго тайнаго совѣта стали ходить въ обществѣ *ранѣе* созданія этого учрежденія, и въ доказательство ссылаюсь на свидѣтельство Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая 1725 года, затѣмъ на письмо Кампредона отъ *15 января 1726* г., приводя въ

заключеніе его же письмо отъ 23 февраля того же года, гдѣ Кампредонъ, уже послѣ созданія совѣта, повторяя свой разсказъ объ *ограничительномъ* характерѣ новаго учрежденія, сообщаетъ свѣдѣнія объ отношеніи его къ сенату и проч. (стр. 22—25 моей книги). Проф. Алексѣевъ по поводу этого говоритъ слѣдующее: «и вотъ, чтобъ установить эту *несуществующую* въ дѣйствительности связь приведенныхъ свидѣтельствъ съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта, проф. Филипповъ прибѣгаетъ *къ совершенно-необычайному въ научномъ изслѣдованіи пріему*. Приведя извѣстія Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая о предположеніи учредить верховный тайный совѣтъ, г. Филипповъ продолжаетъ: «въ донесеніи отъ 15 января 1726 г. Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: иниціатива учрежденія, по его новому разсказу, исходитъ уже не отъ государыни, а отъ именитѣйшихъ русскихъ людей, которые думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни». «*Читатель имѣетъ передъ глазами письмо отъ 15 января* (оно приведено проф. Алексѣевымъ въ его рецензіи); *въ немъ ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ; утвержденіе г. Филиппова поэтому является совершенно-произвольнымъ истолкованіемъ приведенной имъ цитаты*» (стр. 51). Итакъ, какъ ясно изъ приведенныхъ словъ проф. Алексѣева, я обвиняюсь имъ въ тяжкомъ промахѣ, а именно—я включилъ письмо Кампредона *отъ 15 января* въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи—учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта,—тогда какъ въ немъ *ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ*, почему оно и не можетъ быть поставлено въ связь съ письмами Кампредона отъ 3 мая 1725 г. и 23 февраля 1726 г., гдѣ и по мнѣнію г. Алексѣева объ этомъ учрежденіи упоминается. Съ перваго раза, прочтя письмо Кампредона отъ 15 января, можно подумать, что обвиненіе проф. Алексѣева вполнѣ основательно, такъ какъ въ письмѣ этомъ *верховный тайный совѣтъ вовсе не называется*. Тѣмъ не менѣе, включая письмо это въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи, я имѣлъ на это цѣлый рядъ важныхъ соображеній, которыя мною и будутъ теперь изложены. Именно, сравнивая письмо Кампредона отъ 15 января съ его же письмомъ отъ 23 февраля 1726 г., т.-е., иначе говоря съ письмомъ, написаннымъ тотчасъ *послѣ* учрежденія совѣта,—я замѣтилъ, что Кампредонъ характеризуетъ это новое учрежденіе тѣми же почти чертами, какъ и тотъ проектъ новой формы правленія («projet de la nouvelle forme de gouvernement»), о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ *отъ 15 января*, т.-е. въ письмѣ, написанномъ *незадолго* до созданія совѣта *). Именно, въ письмѣ отъ 15 января онъ говоритъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей («grande partie des principaux de cette

*) Совѣтъ учрежденъ 8 февраля 1726 г. (или 20 февраля по новому стилю): *первое* (изъ разбираемыхъ) письмо Кампредона написано 15 января 1726 г., или 3 января по нашему стилю, *второе*—23 февраля, или 11 февраля по тому же стилю, т.-е. спустя три дня по учрежденіи совѣта. Между первымъ и вторымъ письмомъ прошло, слѣдовательно, всего *пять* недѣль.

nation-ci») думаетъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую власть своей государыни, что «есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются *учредить правленіе на подобіе англійскаго*, и что, наконецъ, онъ слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ *проектъ новой формы правленія* и посланъ къ главнокомандующему *князю Голицыну* въ Украйну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ» (*Сб. И. Об.*, 64, стр. 199 и сл.; ср. у пр. Алексѣева стр. 50). Мнѣ представлялось вполнѣ вѣроятнымъ предположить, что подчеркнутыя слова Кампредона о *новомъ* учрежденіи «на подобіе англійскаго» или о «новой формѣ правленія», имѣющей своею цѣлью *ограничить* власть императрицы, относятся *именно* къ верховному тайному совѣту. Данныя эти, какъ сказано, лежатъ прежде всего въ письмѣ Кампредона отъ 23 февраля 1726 г. Въ этомъ письмѣ (написанномъ уже *послѣ* учрежденія совѣта) Кампредонъ описываетъ обстоятельства учрежденія совѣта, личный его составъ и даетъ *характеристику* совѣта, *повторяя* частью то, что онъ сказалъ въ письмѣ 15 января того же года, т.-е. всего за *пять* недѣль, *о новомъ, не названномъ имъ по имени, учрежденіи*. Такъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 23 февраля, что даетъ своему правительству отчетъ о событіи, тѣмъ болѣе важномъ, что, *подъ внѣшнимъ видомъ желанія укрѣпить власть* и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ первый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленія ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами здѣшней страны», т.-е., иначе говоря, онъ подчеркиваетъ вновь *ограничительный* характеръ верховнаго тайнаго совѣта, какъ подчеркивалъ раньше *ограничительный* характеръ того *новаго* учрежденія, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января 1726 г. Затѣмъ далѣе онъ находитъ, что верховный тайный совѣтъ «по существу своему представляетъ первый шагъ къ *перемѣнѣ формы правленія*», добавляя, что «русскіе стремятся сдѣлать его менѣе деспотичнымъ», что «многихъ удерживало въ этомъ стремленіи только малолѣтство великаго князя и то, что у нихъ не было вождя, способнаго вести и поддерживать ихъ. Теперь, когда наступитъ благопріятный моментъ, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и *незамѣтно ограничить* самодержавную власть, заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность *учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому*. Весьма вѣроятно, что учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта именно въ этихъ-то видахъ и послѣдовало». Что же касается самихъ переговоровъ объ учрежденіи совѣта, то, разсказавъ о нихъ, Кампредонъ заключаетъ свое описаніе такими словами: «вотъ къ чему привели, наконецъ, тайныя совѣщанія Толстого съ кн. Меншиковымъ и *Голицынымъ* и съ адмираломъ Апраксинымъ» (*Сб. И. Об.* LXIV, стр. 253 и сл.; ср. у проф. Алексѣева стр. 51 и сл.). Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ, вскорѣ послѣ его созданія, представляется Кампредону не только

учрежденіемъ, могущимъ *ограничить* самодержавную власть (какъ то новое учрежденіе *x*, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января), не учрежденіемъ, которое создастъ у насъ *правленіе подобное англійскому* (опять-таки, какъ и новая форма правленія, упоминаемая въ письмѣ от 15 января). Наконецъ, какъ это предполагаемое созданіе совѣта не был скрыто отъ одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи—кн. Д. М. Голицына, так и проектъ новой формы правленія былъ посланъ другому дѣятелю, брат перваго, кн. М. М. Голицыну, дѣйствовавшему, какъ это извѣстно, за одно с нимъ. Какъ это сходство (по описанію Кампредона) основныхъ чертъ вер ховнаго тайнаго совѣта съ тою *новою формою правленія*, о которой он говоритъ въ письмѣ 15 января, такъ и то обстоятельство, что письмо эт было послано *всею* за пять недѣль до учрежденія совѣта и что у нас нѣтъ никакихъ свѣдѣній о какомъ-либо *другомъ* проектѣ реформы, которы стоялъ бы внѣ связи «съ тайными совѣщаніями» указанныхъ выше глав ныхъ дѣятелей событія,—неизбѣжно заставили насъ предположить, что в письмѣ отъ 15 января не могло идти рѣчи ни о какомъ другомъ учреж денія, кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно, явившагося на свѣтъ. Упоминаніе въ письмѣ 15 января, какъ и въ пис мѣ 23 февраля, фамиліи Голицыныхъ также представлялось для насъ ха рактернымъ. Именно, въ письмѣ отъ 15 января говорится, что проект новой формы правленія былъ посланъ кн. М. М. Голицыну въ Украйну Знаменитый фельдмаршалъ, какъ извѣстно, «въ общественныхъ дѣлах всецѣло подчинялся старшему брату своему, князю Дмитрію Михайловичу» (Д. А. Корсаковъ: *Воцареніе Анны*, стр. 39); извѣстна также близкая связ кн. Дмитрія Михайловича съ Генрихомъ Фикомъ, задумавшимъ уже давн учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта *). Въ письмѣ отъ 23 февраля Кам предонъ также указываетъ на кн. Дмит. Мих. какъ на одного изъ лиц принимавшихъ участіе въ созданіи совѣта. Намъ поэтому казалось, чт *новая форма правленія*, посланная къ М. М. Голицыну незадолго до учреж денія совѣта, имѣетъ, въ виду указанныхъ соображеній, прямое отношені именно къ этому новому учрежденію. Для всякаго безпристрастнаго читател очевидно, что, включая письмо 15 января въ число свидѣтельствъ о гото вящемся событіи, мы вовсе не примѣнили какого-то «необычайнаго въ на учномъ изслѣдованіи пріема», какъ думаетъ г. Алексѣевъ. Правда, повто ряемъ, письмо отъ 15 января *не называетъ прямо в. т. совѣта*, когд говоритъ о какой-то «новой формѣ правленія», но, однако, оно характе ризуетъ эту «новую форму» чертами, которыя очень подходятъ подъ оп саніе верховнаго тайнаго совѣта, даваемаго тѣмъ же Кампредономъ. Зд

*) На эту связь кн. Д. М. Голицына съ Г. Фикомъ указалъ уже П. Н. Ми ковъ въ его сочиненіи *Государственное хозяйство Россіи* и пр. стр. 678 сл. Позди уже по напечатаніи въ 1893 г. первой главы моего изслѣдованія *Исторія сенат* П. Н. Милюковъ, въ извѣстной статьѣ своей—„попытка государственной рефор при воцареніи Анны Іоанновны“ (*Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ*)—еще подр нѣе развилъ эту мысль, подтвердивъ ее рядомъ новыхъ доводовъ.

мною допускается вполнѣ вѣроятная,—по моему соображенію,—гипотеза, и если она представляется пр. Алексѣеву неосновательной, то съ его стороны было бы гораздо проще и лучше *прямо* указать (вмѣсто голословныхъ обвиненій въ «необычайномъ пріемѣ» и «произвольномъ истолкованіи» указанной цитаты изъ письма 15 января), *къ чему же* именно, если не къ проекту будущаго верховнаго тайнаго совѣта (какъ думаю я), *относятся* слова этого письма «объ учрежденіи правленія на подобіе англійскаго, о проектѣ новой формы правленія, о Голицынѣ и пр.; тогда бы вопросъ разрѣшился самъ собою, и я, можетъ быть, отказался бы отъ своего предположенія, которое пока остается для меня вполнѣ вѣроятнымъ... Замѣчу кстати, что если слѣдовать методу проф. Алексѣева и брать при изученіи исторіи учрежденія только тѣ документы, гдѣ это учрежденіе *прямо* названо, то дѣло изученія, конечно, весьма облегчится для изслѣдователя, такъ какъ послѣдній обратится тогда въ простого собирателя *очевиднаго*. Но, кажется, изслѣдователь можетъ идти дальше, онъ можетъ *попытаться* привлечь къ изученію матеріалъ, гдѣ даются *косвенныя*, но важныя указанія о предметѣ. Мнѣ представляется, что было бы съ моей стороны болѣе «необычно», еслибъ я умолчалъ о такихъ данныхъ и не включилъ бы ихъ въ кругъ своихъ выводовъ, пока научная критика не доказала бы, что они къ данному вопросу не относятся.

Но не только то или иное толкованіе первоисточниковъ оспаривается проф. Алексѣевымъ въ его разборѣ моего изслѣдованія, оспариваются имъ также и тѣ выводы, къ которымъ я прихожу здѣсь. Попытаемся теперь коснуться и этой части разбора проф. Алексѣева.

III.

Разбирая прежде всего мои выводы, касающіеся отношеній Екатерины I къ совѣту, проф. Алексѣевъ пытается съ одной стороны найти между ними противорѣчіе, легко, однако, устранимое при болѣе внимательномъ чтеніи моей книги *), съ другой—приписываетъ моимъ словамъ совершен-

*) Такъ по поводу моихъ словъ о близости императрицы къ совѣту („*если судить только по этимъ внѣшнимъ формамъ сношеній съ императорскою властію*, то совѣтъ былъ, конечно, совѣтомъ *при* особѣ государя, или при дворѣ его. Дѣйствительно, императрица близко стояла къ совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ совѣта лично, то, наконецъ, сообщая ему къ исполненію свои именные указы“ и проч.), проф. Алексѣевъ замѣчаетъ (стр. 59) иронически слѣдующее: „хотя это было „дѣйствительно“ такъ, „но въ дѣйствительности,—продолжаетъ г. Филипповъ,—роль в. т. совѣта *шла гораздо дальше*, мы вообще можемъ указать мало случаевъ, когда императрица дѣйствовала самостоятельно по отношенію къ совѣту, когда бы она давала не только одну свою подпись подъ указы, составленные въ совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія“ и пр. (стр. 59). Внимательно прочтя какъ указанныя, такъ и другія, относящіяся къ вопросу, мѣста моей книги, легко замѣтить, что я пытаюсь (стр. 47—66) дать характеристику отношеній Екатерины къ совѣту какъ по *внѣшней* формѣ, такъ и по *внутреннему* ихъ содержанію, причемъ доказываю, что если *по формѣ* этихъ отношеній и можно счи-

но невѣроятный смыслъ. Такъ, характеризуя дѣятельность совѣта, я, между прочимъ, замѣчаю слѣдующее: «до конца царствованія (Екатерины), почти всегда не въ полномъ составѣ, совѣтъ дѣлаетъ тѣ или иныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ именныхъ указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ» (стр. 58 моей книги). «Это утвержденіе,—категорически замѣчаетъ г. Алексѣевъ,—переведенное на языкъ юриста, можетъ имѣть лишь *тотъ смыслъ*, что указы, объявляемые изъ в. т. совѣта, въ большинствѣ случаевъ издавались безъ утвержденія императрицы, т.-е. *съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ*. Г. Филипповъ, другими словами, утверждаетъ, что *большинство законовъ*, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ за періодъ времени отъ 8 февраля 1726 по 6 мая 1727 г., *никакой юридической силы не имѣютъ*, а являются не чѣмъ инымъ, какъ голыми фактами, лишь по недоразумѣнію попавшими въ нашъ сборникъ законовъ» (стр. 60 рецензіи). Конечно, отрицать «юридическую силу» законовъ, какъ напечатанныхъ, такъ и не напечатанныхъ въ П. С. Законовъ, совершенно безсмысленно, и едва ли найдется юристъ, которому могло бы придти въ голову нѣчто подобное. Неужели же я повиненъ въ такой безсмыслицѣ? И не слишкомъ ли ужъ вольно «переводитъ на языкъ юриста» проф. Алексѣевъ приведенное выше мое утвержденіе? Достаточно указать здѣсь на тѣ данныя, на которыхъ я основалъ свой выводъ, чтобъ убѣдиться, что «переводъ» проф. Алексѣева не имѣетъ ничего общаго съ подлиннымъ смысломъ моихъ словъ. Какъ видно изъ сказаннаго выше, совѣтъ дѣлалъ тѣ или иныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ *именныхъ* указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ. Значитъ ли, однако, что эти указы издавались *съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ?* Конечно, нѣтъ, такъ какъ такихъ «основныхъ законовъ», которые требовали, чтобы *всѣ* указы совѣта непремѣнно утверждались императрицею, не было, а, наоборотъ, былъ именной указъ, отправленный изъ совѣта сенату, «по всемилостивѣйшему соизволенію и апробаціи» его Екатериною, который между прочимъ, гласилъ слѣдующее: «въ в. т. совѣтѣ, хотя при присутствіи ея имп. величества, *хотя и во отсутствіи*, крѣпятъ, что о чемъ опредѣлено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ в. т. совѣта. *А съ того надлежащіе куда указы посылать за закрѣпою*, въ верховномъ же тайномъ совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, д. ст. с. В. Степанова» (VII, № 4830). Въ другомъ указѣ, данномъ въ дополненіе къ первому, Екатерина категорически говоритъ, что «нынѣ мы

тать совѣтъ учрежденіемъ, состоящимъ *при* особѣ монарха, или при дворѣ его (какъ обыкновенно думаютъ), то разборъ *внутренняго* содержанія дѣятельности совѣта заставляетъ придти къ выводу, что роль совѣта шла дальше, и онъ не былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ противорѣчія въ выводѣ, а есть указаніе на *двѣ* стороны отношеній—по формѣ и по сущности—на стороны, въ данномъ случаѣ между собою не совпадающія.

указали изъ нашего в. т. совѣта, въ которомъ мы сами присутствуемъ и президенство имѣемъ, *отправлять наши указы* въ сенатъ и въ другія всѣ мѣста, куда потребно будетъ, *именемъ нашимъ*, а именно: въ началѣ писать «Божіею милостію, мы Екатерина, императрица и самодержица всероссійская, и проч., и проч., и проч.». Въ серединѣ, гдѣ пристойно и къ сенсу будетъ (гдѣ, т.-е., необходимо по смыслу)—«повелѣваемъ». А во окончаніи: данъ въ нашемъ в. т. совѣтѣ. *И которые не будутъ за собственною нашею рукой* и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано «по нашему указу» (ibid., № 4862), или, какъ я указываю въ моей книгѣ, въ указахъ второго рода «по датумѣ» ставится обычно «ея имп. величество указала» (стр. 31, пр. 14). Итакъ, *всѣ* указы, идущіе изъ совѣта, суть указы *именные* *), состоялись ли они въ присутствіи, или *въ отсутствіи* Екатерины, причемъ подписанные императрицею указы выходили въ свѣтъ по одной формѣ, не подписанные же—по другой. Затѣмъ вовсе не требовалось непремѣнно, чтобы *всѣ* эти именные, прошедшіе черезъ совѣтъ, указы утверждались императрицею, а, слѣдовательно, тѣ изъ нихъ, которые не шли на ея утвержденіе, не имѣли бы—по «переводу» г. Алексѣева—«никакой юридической силы». Въ третьемъ пунктѣ извѣстнаго «мнѣнія не въ указъ», въ утвержденной Екатериною редакціи, прямо сказано слѣдующее: «чтобы *о важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы и на мѣрѣ, и не подписавъ напередъ *для апробаціи къ ея имп. величеству взносить* одной (персонѣ), по случаю смотря, по важности дѣла, и двумъ персонамъ, присутствующимъ отъ того в. т. совѣта, *и какъ уже ея имп. величество изволитъ апробовать, тогда подписывались и въ дѣйство производить*» (*Сб. Ист. Общ.*, т. 55, стр. 96 и сл.). Итакъ, несмотря на то, что всѣ указы совѣта *именные*, даже держась буквальнаго смысла этого постановленія, надо признать, что лишь протоколы *о важныхъ дѣлахъ* должны были взноситься на апробацію государыни, затѣмъ подписываться членами совѣта и «производиться въ дѣйство», т.-е. содержащіеся въ протоколахъ проекты указовъ, по утвержденіи ихъ императрицею, должны были затѣмъ установленнымъ порядкомъ разсылаться «куда надлежало». Такъ какъ, однако, законъ не опредѣлялъ точно, что надо было разумѣть подъ «важными дѣлами», то на практикѣ могло случаться (да и дѣйствительно случалось) **), что дѣла, казавшіяся императрицѣ важными, могли не поступать къ ней «на апробацію», по тѣмъ или инымъ причинамъ. Основываясь на томъ, что въ журналахъ совѣта *отмѣчаются* случаи восхожденія отдѣльныхъ протоколовъ на утверж-

---

*) Уже по полному собранію законовъ видно, что всѣ указы, прошедшіе черезъ совѣтъ, называются „именными, объявленными изъ в. т. совѣта“ указами (VII, №№ 4836, 4837 и др.). Самъ г. Алексѣевъ считаетъ указы, объявленные изъ в. т. совѣта, *именными*, утверждая лишь при этомъ, что всѣ они имѣли „апробацію“ Екатерины (ibid, стр. 57).

**) Такъ, наприм., Екатерина узнавъ, что предполагается казнить смертною казнію *черезъ сожженіе* нѣкоего Бѣляева, потребовала у юстицъ-коллегіи объясненія, „для чего, *въ присутствіи ея въ резиденціи*, такою казнію, которая не всегда слу-

ленiе императрицы, и принимая во вниманiе, что относительно многихъ протоколовъ такихъ отмѣтокъ *нѣтъ*, я предполагаю, что указы совѣта, въ нихъ содержащiеся, не были всегда извѣстны Екатеринѣ, и въ доказательство этого привожу примѣры постановленiй совѣта, которыя вступили въ дѣйствiе *безъ доклада* императрицѣ, добавляя, что на это совѣтъ *de jure* имѣлъ право, такъ какъ, конечно, не долженъ былъ представлять императрицѣ на утвержденiе *всѣхъ* своихъ протоколовъ, содержащихъ тексты тѣхъ опредѣленiй или постановленiй совѣта. Проф. Алексѣевъ, разбирая указанные мною примѣры, долженъ былъ признать, что въ соотвѣтствующихъ журналахъ *нѣтъ* отмѣтокъ о докладѣ данныхъ дѣлъ императрицѣ, какъ нѣтъ и свѣдѣнiй объ утвержденiи ею этихъ докладовъ, но даетъ на это такое объясненiе: «если объ этомъ докладѣ и объ этомъ утвержденiи ничего не говорится въ журналахъ в. т. совѣта, то по той простой причинѣ, что въ эти журналы вносилось *только* то, что происходило въ засѣданiяхъ в. т. совѣта. Доклады же императрицѣ и утвержденiе ею мнѣнiй в. т. совѣта были актами, происходившими за стѣнами в. т. совѣта, и въ журналы не вносились и въ протоколахъ не отмѣчались. Если же о нихъ *иногда* упоминаютъ журналы, то только въ случаяхъ *исключительныхъ*, когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ *до свѣдѣнiя* в. т. совѣта. Врядъ ли такимъ исключительнымъ случаемъ могло быть увольненiе экзекутора Лукина (одинъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ). Неудивительно, что апробацiя императрицею этого увольненiя не оставила слѣдовъ въ журналахъ в. т. совѣта» (стр. 60 и сл.). Все приведенное объясненiе нисколько не согласуется съ обстоятельствами дѣла, а потому и не можетъ быть принято. Такъ, прежде всего, совершенно невѣрно, что въ журналы совѣта вносилось *только то*, что происходило на засѣданiяхъ в. т. совѣта. Уже изъ словъ самого проф. Алексѣева видно, что въ исключительныхъ случаяхъ въ нихъ помѣщалось и то, что происходило «за стѣнами в. т. совѣта»; въ дѣйствительности же въ нихъ *постоянно* отмѣчалось все, что имѣло отношенiе къ совѣту и его дѣятельности, безразлично, происходило ли это на засѣданiяхъ совѣта, или внѣ его «стѣнъ» *). Затѣмъ авторъ рецензiи думаетъ, что о докладахъ дѣлъ императрицѣ и объ утвержденiи ею мнѣнiй в. т. совѣта упоминалось только въ случаяхъ исключительныхъ, *когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ до*

чается, человѣка хотятъ отъ коллегiи сжечь, *не объявя*“ ей; затѣмъ послѣдовалъ указъ, коимъ повелѣвалось „о винахъ“ лицъ, присужденныхъ къ смертной казни или политической смерти, „подавать ея имп. величеству въ в. т. совѣтѣ краткiе экстракты, *не чиня экзекуцiи*“ (*Исторiя сената*, стр. 114 и слѣд.).

*) Это не значитъ, конечно, что въ журналахъ совѣта всегда помѣщалось бы полностью все то, что говорилось или дѣлалось въ совѣтѣ; наоборотъ, и въ моей книгѣ отмѣчена излишняя краткость журнальныхъ отмѣтокъ и умолчанiе ихъ о множествѣ важныхъ подробностей; но это значитъ, что отмѣчалось все, что признавалось нужнымъ отмѣтить, безъ всякаго отношенiя къ тому, происходило ли отмѣчаемое въ самомъ совѣтѣ, или внѣ его.

сенатскія в. т. совѣта. Едва ли требуетъ доказательствъ то соображеніе, что совѣту,—какъ и всякому учрежденію, докладывающему о своемъ рѣшеніи высшей инстанціи,—*всегда*, а не въ исключительныхъ только случахъ, *надо было знать* «объ аппробаціи» или отклоненіи своихъ мнѣній императрицей, такъ какъ иначе совѣтъ не зналъ бы, приводить ли ему въ исполненіе свое постановленіе, или нѣтъ. Авторъ рецензіи думаетъ, что «врядъ ли» аппробація императрицей увольненія экзекутора Лукина (коего совѣтъ постановилъ уволить *), должна была быть доведена до свѣдѣнія совѣта. Но въ такомъ случаѣ, какъ же совѣтъ узналъ бы объ утвержденіи его постановленія императрицею, и не въ правѣ ли мы предполагать, что совѣтъ привелъ въ исполненіе свое постановленіе *безъ* утвержденія императрицы, которое, по мнѣнію г. Алексѣева, даже «не было необходимости сообщать совѣту». Не проще ли, однако, предположить, не прибѣгая ко всѣмъ этимъ хитросплетеніямъ, что совѣтъ здѣсь (какъ и въ другихъ случаяхъ) вовсе и не ждалъ утвержденія императрицы, такъ какъ имѣлъ самъ право посылать указы, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ доклада о нихъ государынѣ? Да и почему бы не допустить уже *a priori* такого права у верховнаго учрежденія, какъ совѣтъ, когда правомъ посылки указовъ, безъ утвержденія ихъ всякій разъ императрицею, пользовались, наприм., сенатъ, синодъ? Правда,

*) Относительно увольненія Лукина читаемъ въ протоколѣ совѣта отъ 28 марта 1727 г. слѣдующее: „Ея и. величество пожаловала, по челобитью майора и синодскаго экзекутора Б. Лукина, въ городѣ Орлѣ съ воеводою, подполковникомъ Гр. Трепецкимъ въ товарищахъ *не быть*“; къ протоколу приложена челобитная Лукина на высочайшее имя, поданная по обычаю въ совѣтъ. Можно бы было предположить, судя по тексту указа, что императрица сама уволила Лукина или, по крайней мѣрѣ, утвердила рѣшеніе совѣта; но о послѣднемъ нѣтъ отмѣтокъ въ журналахъ совѣта, а первому предположенію противорѣчитъ запись журнала, свидѣтельствующая, что челобитье Лукина удовлетворено *самимъ* совѣтомъ „*согласно рѣшено* его, Лукина..., *отрѣшить*“ (*Сб. Р. Ист. Общ.*, т. LXIII, стр. 436, 426). Допустимъ предположеніе, что императрица *утвердила* это постановленіе совѣта, хотя объ этомъ и нѣтъ отмѣтки въ журналахъ. Но, по толкованію проф. Алексѣева, не было и необходимости доводить объ этомъ утвержденіи до совѣта, по незначительности случая! Что же, однако, это за утвержденіе рѣшенія, о которомъ рѣшающая дѣла инстанція даже и не извѣщается и для чего должно было служить такое утвержденіе? Не проще ли предположить, что, именно вслѣдствіе незначительности разбираемаго случая, совѣтъ могъ (на основаніи 3-го пункта „мнѣнія не въ указъ“) не доводить дѣла до свѣдѣнія императрицы и разрѣшилъ его поэтому самъ. Не останавливаемся пока на объясненіи другого случая, давшаго поводъ къ указу 10 апрѣля 1727 г. (VII, № 5057) и также состоявшагося, по нашему мнѣнію, *безъ* доклада императрицѣ (*Исторія сената*, стр. 58), такъ какъ г. Алексѣевъ, опровергая наше мнѣніе, не приводитъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу того положенія, что дѣло было *доложено* Екатеринѣ, а ограничивается лишь простымъ предположеніемъ, которое не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія (см. ibid., стр. 61). Замѣтимъ кстати, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, для рѣшенія вопроса автору спеціальнаго изслѣдованія о верховномъ тайномъ совѣтѣ слѣдовало бы обратиться къ архивнымъ документамъ совѣта и личнаго кабинета Екатерины I, чего г. Алексѣевъ, однако, не дѣлаетъ, почему его возраженія не всегда основаны на положительныхъ данныхъ.

всѣ указы совѣта были *именные*, но это объяснялось *положеніемъ* совѣта, категорическимъ предписаніемъ закона, что такъ какъ «мы сами (т.-е. императрица) присутствуемъ и президенство (въ совѣтѣ) имѣемъ» то и указы изъ совѣта отправляются «куда потребно будетъ—*именемъ нашимъ*» (VII, № 4862). Протоколы совѣта, содержащіе тѣ или иные его постановленія, *могли* не поступать на утвержденіе императрицы, но это, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, конечно, не лишало ихъ юридической силы и значенія, такъ какъ такое утвержденіе предполагалось само собою подобно тому, какъ предполагалось, что императрица «присутствуетъ и президенство имѣетъ» въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, это случалось весьма рѣдко. Проф. Алексѣевъ предполагаетъ, что *всѣ* указы совѣта непремѣнно утверждались Екатериною (стр. 57), хотя объ этомъ и *нѣтъ* отмѣтокъ въ журналахъ. Но это предположеніе надо еще *доказать* какими-либо положительными данными; пока же такого доказательства имъ не предетавлено *), оно остается лишь гипотезою, и мы можемъ не отказываться отъ нашего утвержденія, находящаго подтвержденіе въ журналахъ совѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать за доказательство того соображенія г. Алексѣева, что хотя мнѣнія совѣта и подлежали всегда обязатель-

*) Мы не можемъ считать за такое доказательство ссылки на тѣ указы Екатерины и опредѣленія совѣта, какіе приводятся авторомъ реценвіи (стр. 56), такъ какъ всѣ они могутъ толковаться, да и дѣйствительно толкуются, совершенно иначе, чѣмъ толкуетъ ихъ г. Алексѣевъ; лишь изученіе по архивнымъ даннымъ *практики* дѣлопроизводства совѣта и особенно кабинета императрицы могло бы документально доказать, дѣйствительно ли, какъ думаетъ г. Алексѣевъ, *всѣ* постановленія совѣта докладывались для утвержденія императрицѣ; пока авторомъ реценціи такого изученія не сдѣлано, его мнѣніе остается простою гипотезой. Что же касается тѣхъ указовъ и опредѣленій совѣта, на которыхъ строитъ нынѣ г. Алексѣевъ свою гипотезу, то изъ этихъ указовъ указъ 8 февраля 1726 г., даже по мнѣнію самого г. Алексѣева, *могъ* „по своей лаконичности, дать поводъ нашимъ изслѣдователямъ къ ложнымъ толкованіямъ“ (почему-то эта „лаконичность“ не помѣшала самому моему рецензенту установить *истинное* толкованіе указа!), а потому, естественно, можетъ не идти въ счетъ. Затѣмъ, январьскій указъ 1727 г. выражаетъ, какъ это доказывается и моей книгѣ (стр. 56 и сл.), лишь *desiderata* Екатерины, а потому также не можетъ считаться показателемъ дѣйствительнаго порядка утвержденія указовъ; 3-й пунктъ „имѣть не въ указъ“, въ измѣненной Екатериною редакціи, толкуется г. Алексѣевымъ безъ всякаго вниманія къ его важному отличію отъ первоначальнаго текста, почему онъ и не придаетъ значенія словамъ „*о важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы“ и пр., коихъ не было въ первоначальномъ текстѣ; наконецъ, журналъ 18 февраля 1726 г., въ которомъ говорится, что „*всѣ* резолюціи во оном *ко аппробаціи* ея и. величества слѣдовать имѣютъ“, или еще иначе, что „во оном в. т. совѣтѣ ея и. величество сама присутствовать изволитъ и *всѣ* указы *по аппробаціи* ея и. величества отправлять имѣютъ“, не можетъ служить доказательствомъ, что *такъ* всегда и было въ дѣйствительности; притомъ же это *опредѣленіе* совѣта было сдѣлано еще *до* „мнѣнія не о указѣ“, въ которомъ требовалось представлять для аппробаціи императрицѣ лишь протоколы „о важныхъ дѣлахъ“, а вовсе не *всѣ*. Что опредѣленіе совѣта не можетъ служить доказательствомъ, что указанный въ немъ порядокъ всегда соблюдался, ясно видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что, хотя журналъ совѣта и говоритъ о присутствіи въ его засѣданіяхъ императрицы, какъ о чемъ-то необходи-

утвержденію Екатерины, но объ утвержденіи этомъ совѣтъ извѣщался только въ *исключительныхъ* случаяхъ, почему-де и нѣтъ въ журналахъ и протоколахъ совѣта отмѣтокъ объ этомъ (стр. 61). Если согласиться съ мнѣніемъ проф. Алексѣева, то передъ нами будетъ удивительный въ исторіи учрежденій примѣръ санкціи постановленій верховною властію, о которой рѣшающая дѣло инстанція узнаетъ лишь изрѣдка *), хотя на ней лежитъ обязанность дѣлать соотвѣтствующія распоряженія о приведеніи въ исполненіе этихъ постановленій лишь послѣ «апробаціи» ихъ верховною властью!...

А. Филиппевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

предполагаемомъ, въ дѣйствительности, Екатерина весьма рѣдко бывала въ засѣданіяхъ совѣта. Замѣчу еще кстати, что вышеприведенное *опредѣленіе* совѣта было ошибочно названо въ моей книгѣ *указомъ* (стр. 58). Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло касалось *сущности* постановленія совѣта, а не его *формы*,— какъ въ этомъ легко убѣдиться всякому,—то ошибка въ наименованіи акта не могла, конечно, отразиться на самомъ моемъ выводѣ; проф. Алексѣевъ пытается, однако, изобразить дѣло иначе и опровергнуть тѣмъ самый выводъ (стр. 58, примѣч. 1 и 2).

*) Самъ проф. Алексѣевъ соглашается, что журналы совѣта лишь „иногда“ упоминаютъ о докладѣ и объ утвержденіи мнѣній совѣта императрицею (стр. 61); по поводу же моихъ словъ, что въ любомъ журналѣ совѣта можно найти постановленія совѣта, не доложенныя императрицѣ (что я предполагаю, между прочимъ, на основаніи того, что въ нихъ *нѣтъ* отмѣтокъ объ этихъ докладахъ), онъ замѣчаетъ, что не могъ „найти *ни одного* такого примѣра“ (стр. 60).

Городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

Давно возбуждавшійся и чуть было совсѣмъ не заглохшій вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе московскаго городскаго общественнаго управленія призрѣнія бѣдныхъ разрѣшился въ 1894 году въ благопріятномъ смыслѣ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года Москва обогатилась новыми благотворительными учрежденіями подъ названіемъ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Эти чрезвычайно симпатичныя и жизненныя учрежденія, полныя глубокаго общественнаго значенія, являются для Россіи дѣломъ совершенно новымъ и по тѣмъ принципамъ, которые положены въ основу ихъ организаціи, стоятъ неизмѣримо выше какого бы то ни было изъ существующихъ у насъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій. Къ сожалѣнію, попечительства, кромѣ изданія сухихъ отчетовъ, не дѣлаютъ почти никакихъ попытокъ для возможно болѣе широкаго распространенія среди общества свѣдѣній о своей организаціи, дѣятельности и о своихъ нуждахъ, между тѣмъ какъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, успѣхъ ихъ процвѣтанія вполнѣ зависитъ отъ участія и поддержки возможно большаго количества сочувствующихъ лицъ, что можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, когда общество достаточно близко узнаетъ характеръ дѣятельности попечительствъ и вполнѣ увѣруетъ въ цѣлесообразное назначеніе жертвуемыхъ имъ средствъ. Отдавать извѣстному дѣлу свое время, нести для него часто нелегкій трудъ и, наконецъ, вносить въ него свои средства можетъ только тотъ, кто глубоко вѣруетъ въ это дѣло, кто захваченъ его жизненною правдой и несомнѣнно приносимой имъ пользой.

Подводить итоги тому, что сдѣлали попечительства въ короткій періодъ своего существованія, далеко еще не настало время. Въ теченіе этого перваго года на обязанности попечительствъ лежала громадная и отвѣтственная задача изучить нуждающееся населеніе своего района, опредѣлить характеръ и способъ помощи, выработать свою наиболѣе цѣлесообразную организацію, и кромѣ того при скудныхъ средствахъ все-таки сдѣлать что-нибудь несомнѣнно полезное, чтобы не явиться въ глазахъ населенія недостаточно дѣятельными учрежденіями. Попытаться же хоть сколь-

будь ознакомить общество съ этими новыми органами благотворительности является, безъ сомнѣнія, дѣломъ неотложной необходимости.

Забота о бѣднымъ сосредоточивалась до недавняго сравнительно времени главнымъ образомъ въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, разнообразныхъ благотворительныхъ обществъ и частію духовенства. Отличаясь полнымъ отсутствіемъ всякаго единства и руководящаго начала, такая благотворительность не приносила желательныхъ результатовъ въ борьбѣ съ бѣдностью, и потому на помощь частной благотворительности вынуждено было прійти правительство и создать какіе-либо болѣе устойчивые и дѣйствующіе въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи органы. Однимъ изъ такихъ правительственныхъ органовъ въ Москвѣ въ теченіе полвѣка функціонировалъ комитетъ по разбору прошеній нищихъ. Но комитетъ этотъ, являясь вполнѣ бюрократическимъ учрежденіемъ, несмотря на свое многолѣтнее существованіе, приносилъ весьма сомнительную пользу, и потому въ правительственныхъ сферахъ вновь стали возникать вопросы объ организаціи помощи бѣдствующему населенію. Въ частности это особенно было важно для Москвы, какъ громаднаго центральнаго города, укрывавшаго въ себѣ тысячи пролетаріата, безпрерывно обновлявшагося пришельцами изъ деревень, ищущими или лучшей жизни, или не нашедшими возможности продолжать свое существованіе дома. Московское городское управленіе ясно представляло себѣ всю необходимость организаціи призрѣнія бѣдныхъ. Горячимъ поборникомъ идеи сосредоченія благотворительности въ рукахъ городского управленія явился бывшій городской голова Третьяковъ, которому, однако, не удалось осуществить свою идею, облекшуюся въ реальную форму только въ концѣ 1894 года.

Такимъ образомъ явились городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ, возникшія на развалинахъ комитета по разбору прошеній нищихъ. Организація участковыхъ попечительствъ, какъ и самое названіе ихъ, не являются чѣмъ-либо новымъ,—они открыты, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, по образцу такихъ же учрежденій, съ громаднымъ успѣхомъ дѣйствующихъ въ Германіи, а именно въ Эльберфельдѣ, гдѣ они родились, окрѣпли и завоевали самое широкое сочувствіе общества.

Чтобы судить о московскихъ попечительствахъ, необходимо хоть въ самыхъ существенныхъ чертахъ ознакомиться съ эльберфельдскою системой, которая заключается въ слѣдующемъ. Городъ разбитъ на крайне мелкіе участки, имѣющіе не болѣе 4-хъ бѣдныхъ, одиночекъ или семействъ, безразлично. Каждые 14 такихъ участковъ составляютъ округъ; каждымъ участкомъ завѣдуетъ попечитель, имѣющій въ дѣлѣ призрѣнія главную роль; во главѣ округа стоитъ окружной предсѣдатель. Главнымъ и объединяющимъ органомъ для всѣхъ округовъ является главное управленіе, состоящее изъ городского головы или уполномоченнаго имъ лица, 4-хъ гласныхъ и 4-хъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Одинъ разъ въ двѣ недѣли собираются попечители каждаго округа подъ руководствомъ окружного предсѣдателя для общаго обсужденія поступившихъ просьбъ; въ это

собраніе являются не только тѣ попечители, у которыхъ имѣются дѣла, но и всѣ остальные попечители округа. На обязанности участковаго попечителя лежитъ самое широкое знакомство съ положеніемъ бѣдныхъ его участка, нравственное воздѣйствіе на нихъ,—словомъ, полная забота объ ихъ нуждахъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ; съ одной стороны онъ является другомъ и совѣтчикомъ бѣдняка, съ другой—строгимъ карателемъ, чрезъ посредство обращенія къ полицейскому преслѣдованію лѣни и порока. Въ случаяхъ острой нужды попечитель можетъ разрѣшать пособія немедленно, не дожидаясь общаго собранія, причемъ однако уставъ рекомендуетъ предварительно посовѣтоваться съ окружнымъ предсѣдателемъ. На главномъ управленіи лежитъ только общее руководство, разрѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ призрѣнія, контроль надъ дѣйствіями округовъ, утвержденіе постановленій собранія попечителей и рѣшенія о пріемѣ бѣднаго въ какое-либо изъ городскихъ заведеній общественнаго призрѣнія. Такимъ образомъ въ основу эльберфельдской системы легли три главные принципа: индивидуализація призрѣнія, достигающаяся раздѣленіемъ города на мелкіе участки, полное участіе попечителей въ рѣшеніи вопроса о пособіи и децентрализація, выражающаяся въ разрѣшеніи вопросовъ пособія участковыми попечителями, причемъ на долю главнаго управленія остается лишь общая руководящая роль.

Теперь взглянемъ, какъ организованы наши московскія попечительства. Согласно временному положенію, утвержденному г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, участковое попечительство составляется изъ лицъ обоего пола, принявшихъ на себя обязанность содѣйствовать дѣлу призрѣнія бѣдныхъ опредѣленными ими самими ежегодными денежными взносами или личнымъ трудомъ. Число такихъ лицъ неограничено. Въ болѣе тѣсномъ значеніи попечительство состоитъ изъ предсѣдателя или участковаго попечителя и товарища его, избираемыхъ думою на 4 года, членовъ совѣта въ количествѣ отъ 5 до 10 лицъ, утверждаемыхъ думою по представленію попечителя, и необходимаго числа сотрудниковъ, утверждаемыхъ совѣтомъ попечительства. Кромѣ того попечители приглашаютъ находящихся въ участкѣ предсѣдателей церковно-приходскихъ попечительствъ съ правомъ голоса въ собраніяхъ попечительства; засѣданія совѣта считаются состоявшимися, если въ нихъ присутствовали, кромѣ попечителя или замѣняющаго его товарища, не менѣе двухъ членовъ совѣта. Сотрудники могутъ быть приглашаемы попечителемъ по мѣрѣ надобности въ засѣданія совѣта съ правомъ голоса по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе. Территоріальной единицей для попечительства является обыкновенно полицейскій участокъ, а иногда и цѣлая часть.

Изъ приведеннаго въ короткихъ чертахъ временнаго положенія мы видимъ, что къ служенію высокому дѣлу подачи братской помощи нуждающемуся и обездоленному судьбой человѣку призванъ каждый, безъ различія пола, національности и религіи, кто обладаетъ достаточно дѣятельною любовью къ ближнему, кто скорбитъ за его нищету и убожество,—словомъ,

кто умѣетъ сознавать, кромѣ личныхъ побужденій, и общественный долгъ. Для каждаго, кто стремился посвятить свой досугъ какому-либо хорошему общественному дѣлу, явилась возможность прійти въ попечительство и, не стѣсняясь ни матеріальнымъ или общественнымъ своимъ положеніемъ, не принимая на себя никакихъ непосильныхъ обязательствъ, а только по мѣрѣ охоты и возможности, предложить свой трудъ или денежную помощь. Въ этомъ московскія и эльберфельдскія попечительства совершенно сходны и достигаютъ одинаковой высоты, но, къ сожалѣнію, на этомъ и оканчивается ихъ сходство. Далѣе мы видимъ, что московская дума допустила значительное уклоненіе отъ основныхъ принциповъ эльберфельдской системы. § 5 временнаго положенія говоритъ о приглашеніи сотрудниковъ (по эльберфельдской системѣ попечителей) въ засѣданія совѣта попечительства лишь по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса только по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ проявилось ихъ личное участіе, рѣшающее же значеніе по всѣмъ случаямъ оказанія помощи принадлежитъ всецѣло совѣту.

Такимъ образомъ на сотрудника возложена самая черная и трудная работа, а самостоятельности въ дѣйствіяхъ не дано никакой. Наши члены совѣта, совершенно неизвѣстные въ эльберфельдской системѣ, при отсутствіи въ большинствѣ случаевъ непосредственныхъ сношеній съ бѣдными, являются главными судьями во всѣхъ вопросахъ призрѣнія какъ частныхъ, такъ и принципіальныхъ; при обсужденіи вопросовъ послѣдней категоріи сотрудники даже вовсе не присутствуютъ.

Несомнѣнно, сотрудникъ можетъ быть не достаточно опытенъ, можетъ быть легко обманутъ изощрившейся во всемъ бѣднотой, наконецъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнной и дѣйствительно часто поражающей непривычный глазъ обстановки обитателей подваловъ, можетъ слишкомъ увлекаться, почему при обсужденіи вопросовъ объ оказаніи бѣдному той или другой помощи весьма полезенъ здравый и сдерживающій излишнее усердіе голосъ, но, вѣдь, это могло бы вполнѣ достигаться безпристрастіемъ и опытностью взявшаго на себя руководящую роль предсѣдателя, а также участіемъ въ обсужденіи вопроса остальныхъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ московская дума, учредивъ должности членовъ совѣта, не только не внесла улучшеній въ эльберфельдскую систему, но рѣзко нарушила два основныхъ ея принципа, достигнутыхъ только послѣ ряда неудачныхъ попытокъ и многолѣтняго опыта и, наконецъ, признанныхъ краеугольнымъ камнемъ системы: это—индивидуализація въ призрѣніи и полное участіе попечителей (сотрудниковъ) въ рѣшеніи вопросовъ о помощи.

До сихъ поръ мы разсуждали о попечительствахъ съ точки зрѣнія ихъ временнаго положенія, теперь посмотримъ, какъ въ теченіе года, приспособляясь по указаніямъ опыта, они организовались въ дѣйствительности.

Городскія попечительства являются широкимъ полемъ для удовлетворенія нравственныхъ потребностей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что ряды ихъ при первомъ же призывѣ заполнились лучшими силами москов-

ского общества. И только благодаря этимъ силамъ и дружной, вполнѣ безкорыстной работѣ ихъ попечительства, располагая въ большинствѣ случаевъ самыми скудными средствами, успѣли уже сдѣлать сравнительно довольно много.

Временное положеніе о городскихъ попечительствахъ, указывающее только въ короткихъ чертахъ основныя правила и характеръ дѣятельности, очевидно составлено съ цѣлью не стѣснять попечительства строго опредѣленною программой и дать имъ возможность устраивать свою внутреннюю организацію соотвѣтственно требованіямъ мѣстныхъ условій и по мѣрѣ накопленія опыта. И дѣйствительно, попечительства, пользуясь предоставленной имъ свободой, организовались въ самыя разнообразныя формы. Я не буду разсматривать каждое изъ нихъ въ отдѣльности, а остановлюсь только на трехъ, состоящихъ другъ съ другомъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и выработавшихъ наиболѣе характерныя формы организаціи.

Пречистенское попечительство, охватывающее собой громадный и густо населенный районъ цѣлой полицейской части, раздѣлено на 43 участка, переданныхъ въ завѣдываніе такого же количества членовъ-сотрудниковъ. Эти завѣдующіе, на которыхъ возложена забота о бѣдныхъ своего участка, являются совершенно самостоятельными и отвѣтственными лицами и несутъ на себѣ всю тяжесть возложенной на нихъ благотворительной миссіи. Одинъ разъ въ мѣсяцъ они собираются въ общее засѣданіе попечительства и докладываютъ свои текущія дѣла совѣту, который и постановляетъ по нимъ соотвѣтственныя рѣшенія. Это—тѣ же попечители по эльберфельдской системѣ, и не будь здѣсь рѣшающаго органа—совѣта, функціонирующаго кромѣ того и помимо общихъ собраній, организація пречистенскаго попечительства была бы вполнѣ однородна съ эльберфельдской системой.

Хамовническое попечительство 1-го участка мѣняло нѣсколько разъ свою внутреннюю организацію, изыскивая наиболѣе соотвѣтствующую форму и, наконецъ, остановилось на слѣдующей системѣ: районъ попечительства разбитъ на 8 участковъ и соотвѣтственно этому все количество сотрудниковъ, за исключеніемъ лицъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе, организовалось для завѣдыванія этими участками въ такое же число группъ, въ количествѣ отъ 4 до 9 лицъ, подъ руководствомъ выбраннаго изъ своей среды предсѣдателя.

Дѣленіе этихъ 8-ми участковъ, для удобства наблюденія за бѣдными, на болѣе мелкіе подучастки вполнѣ предоставлено усмотрѣнію группы. Всѣ вопросы о помощи бѣднымъ обсуждаются предварительно группой и постановленныя ею по большинству голосовъ рѣшенія почти никогда не отмѣняются при разсмотрѣніи ихъ въ общемъ собраніи совѣтомъ попечительства. Въ случаяхъ крупнаго разногласія кого-либо съ остальными членами группы, оставшееся при своемъ мнѣніи лицо вноситъ вопросъ на обсужденіе совѣта, и тогда этотъ вопросъ уже разсматривается всесторонне. Такая организація 1-го хамовническаго попечительства установлена въ виду стѣ-

ленія предоставить сотрудникамъ возможно большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ. Насколько совершенна такая система, покажетъ будущее, но въ настоящее время нельзя не замѣтить, что совѣтъ попечительства вполнѣ оцѣнилъ достоинства эльберфельдской системы и что при такихъ условіяхъ работа всѣхъ активныхъ членовъ этого попечительства, умѣло заинтересованныхъ дѣломъ и чувствующихъ подъ ногами твердую почву, несомнѣнно пойдетъ дружно и производительно, что, впрочемъ, уже достаточно обнаружилось и въ настоящее время. Слѣдующая затѣмъ и, кажется, наиболѣе всего распространенная организація заключается въ буквальномъ примѣненіи временнаго положенія. Районъ попечительства дѣлится на нѣсколько крупныхъ участковъ, находящихся въ полномъ завѣдываніи членовъ совѣта, у каждаго изъ которыхъ имѣется своя группа сотрудниковъ. Всѣ вопросы по призрѣнію бѣдныхъ обсуждаются въ собраніяхъ сотрудниковъ подъ предсѣдательствомъ ихъ члена совѣта, которымъ затѣмъ и вносится въ засѣданіе совѣта, гдѣ уже сотрудники не присутствуютъ или приглашаются только по мѣрѣ необходимости. Такая организація, рѣзко отличающаяся отъ двухъ предшествовавшихъ, въ виду ея распространенности, требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Настоящая система можетъ приносить хорошіе результаты только въ томъ случаѣ, если сдѣланъ вполнѣ удачный подборъ членовъ совѣта. Но такъ какъ составъ ихъ далеко не устойчивъ и на мѣсто одного вполнѣ дѣятельнаго и преданнаго своему дѣлу человѣка можетъ явиться другой, обладающій противоположными качествами, то состояніе участковъ получится крайне неравномѣрное, что въ цѣляхъ единства дѣйствій едва ли можетъ быть желательно. Такая разнохарактерная дѣятельность въ одномъ и томъ же попечительствѣ является тѣмъ болѣе неумѣстной въ виду того, что въ настоящее время уже разрабатывается вопросъ объ объединеніи дѣятельности не только попечительствъ, но и вообще всѣхъ имѣющихся въ Москвѣ благотворительныхъ учрежденій. Дѣятельность сотрудника, имѣющаго въ попечительствѣ самое скромное положеніе, уже въ теченіе перваго года обрисовалась съ совершенной ясностью и можетъ быть признана не только вполнѣ почтенной и заслуживающей всякаго уваженія, но и такой, безъ чего попечительство являлось бы пустымъ звукомъ. И это вполнѣ понятно, такъ какъ попечительство можетъ дѣйствовать достаточно успѣшно только при значительномъ количествѣ дѣятельныхъ членовъ. Сотрудники, въ большинствѣ случаевъ обладающіе только единственнымъ желаніемъ принести обществу посильную пользу, а также въ той или другой степени удовлетворить свои нравственныя потребности, конечно, легко будутъ мириться со своимъ скромнымъ положеніемъ въ попечительствѣ, но только при извѣстныхъ условіяхъ, которымъ попечительства съ разсматриваемой организаціей удовлетворить не могутъ. Всякій сотрудникъ, горячо охраняя интересы своихъ бѣдныхъ, непремѣнно долженъ стремиться къ нѣкоторой самостоятельности, къ праву энергично защищать эти интересы, и потому полное подчиненіе сотрудника одному лицу не можетъ быть признано желательнымъ. Затѣмъ многія лица идутъ

въ сотрудники попечительства, разсчитывая на дѣятельность, полную разнообразныхъ интересовъ, на возможно широкое знакомство съ безконечно разнообразными проявленіями нужды, и такія лица, конечно, не найдутъ удовлетворенія въ дѣятельности незначительной группы, оторванной отъ цѣлаго попечительства и лишенной всѣхъ его общихъ интересовъ. Изъ всего этого можно съ очевидностью заключить, что попечительства при условіяхъ данной организаціи никогда не будутъ обезпечены достаточными силами, такъ какъ сотрудники, не найдя удовлетворенія своимъ запросамъ, начнутъ переходить въ другія попечительства, гдѣ дѣятельность объединена и вслѣдствіе этого интересы значительно шире, гдѣ стараются сдѣлать работу сотрудника возможно продуктивной и признаютъ его право на извѣстную долю самостоятельности. Но и въ интересахъ самаго дѣла несомнѣнно полезнѣе работать при полной солидарности и общемъ участіи членовъ попечительства. Въ разнообразныхъ проявленіяхъ нужды и всевозможныхъ видахъ оказанія помощи бываетъ не мало случаевъ, когда попечительство не въ состояніи что-либо сдѣлать или за недостаткомъ средствъ, или по основнымъ требованіямъ временнаго положенія о попечительствахъ, а между тѣмъ въ оказаніи помощи является настоятельная потребность. Въ такихъ случаяхъ многіе изъ сотрудниковъ или членовъ совѣта, имѣющіе обширныя знакомства и связи, являются на помощь просителю, который вполнѣ ея заслуживаетъ, но попечительствомъ почему-либо удовлетворенъ быть не можетъ, какъ частныя лица, и часто дѣлаютъ для него гораздо больше, чѣмъ можетъ сдѣлать попечительство. Очевидно, что такіе случаи могутъ быть часты только при обсужденіи вопросовъ призрѣнія въ людныхъ собраніяхъ, при участіи всѣхъ членовъ попечительства, а не въ маленькихъ группахъ, не имѣющихъ между собой никакой связи.

Недостатки той или иной организаціи попечительствъ, конечно, легко устранимы и нисколько не могутъ умалять ихъ общаго значенія, какъ несомнѣнно самыхъ лучшихъ въ настоящее время органовъ благотворительности, но и обходить ихъ совсѣмъ молчаніемъ тоже нельзя, такъ какъ это есть всегда свойственное намъ переживанье того, что другими давно уже пережито и оставлено какъ негодное.

Въ первый годъ своего существованія попечительства, въ виду недостаточности средствъ и новизны дѣла, едва ли могли сдѣлать что-либо особенно существенное, но, все-таки, дѣятельность ихъ выразилась въ крайне разнообразныхъ проявленіяхъ, и уже не мало бѣдныхъ искренно привѣтствуютъ ихъ появленіе. Теперь, вѣроятно, всякій дѣйствительно нуждающійся уже узналъ, что существуетъ такое учрежденіе, куда онъ свободно, не боясь быть недопущеннымъ, безъ всякой протекціи можетъ явиться и просить помощи, и что эта помощь, хоть въ небольшомъ размѣрѣ, но непремѣнно будетъ ему оказана; и уже одно это сознаніе, что теперь совсѣмъ не пропадешь, имѣетъ громадное значеніе.

Самымъ основнымъ видомъ помощи во всѣхъ попечительствахъ является помощь на дому деньгами, платой за квартиру или необходимыми жизн-

ными припасами, хотя многія попечительства имѣютъ уже и различныя учрежденія, какъ ясли, дѣтскіе пріюты, пріюты для стариковъ и старухъ, школы и проч. Однимъ изъ самыхъ благоразумныхъ учрежденій попечительствъ являются пріюты для престарѣлыхъ женщинъ. Это очень скромнаго типа квартира, снабженная такой же скромной обстановкой и заселенная 20—30 старухами. Живутъ эти старухи свободно, безъ всякаго режима, подъ надзоромъ только одной «старостихи», выбранной изъ своей же среды, и дѣлаютъ для себя все сами, за исключеніемъ совершенно неспособныхъ къ труду, за которыхъ обязаны дѣлать болѣе бодрыя; вся необходимая провизія обыкновенно отпускается ежедневными порціями на весь пріютъ сразу, и живутъ себѣ старухи, ведутъ свое несложное хозяйство и благодарятъ своихъ попечителей и попечительницъ. Здѣсь я вижу большую заслугу попечительствъ, создавшихъ такой упрощенный типъ общежитія, почти ничего общаго не имѣющій съ богадѣльнями, сооруженными на частныя средства и помѣщающимися въ роскошныхъ домахъ съ паркетными полами. Это въ особенности грустно, если посмотрѣть на массу дѣтей, нашихъ будущихъ гражданъ, въ то же самое время гніющихъ въ подвалахъ.

Нѣкоторыя попечительства колеблются въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго направленія дѣятельности и начинаютъ склоняться въ пользу развитія учрежденій за счетъ оказанія помощи на дому. Не думаю, чтобъ это было правильно. Учрежденія требуютъ постояннаго и большого надзора, что при крайне неустойчивомъ составѣ попечительствъ весьма затруднительно; затѣмъ при развитіи учрежденій придется прибѣгнуть къ наемнымъ лицамъ, такъ какъ среди сотрудниковъ едва ли найдется много охотниковъ отдать свое время и вовсе не легкій трудъ на хлопотливую возню со старухами. При значительномъ же развитіи учрежденій за счетъ оказанія помощи на дому дѣятельность попечительства потеряетъ свой живой интересъ, привлекающій лучшія силы, и можетъ легко свестись на обычный шаблонъ филантропическихъ обществъ.

Не менѣе важною задачей, чѣмъ помощь на дому, является организація труда. Собственно эту послѣднюю задачу *я безъ всякаго колебанія поставилъ бы на первое мѣсто*, такъ какъ дать возможность человѣку существовать своимъ трудомъ несомнѣнно цѣлесообразнѣе всякой денежной помощи. Но организація труда требуетъ очень значительныхъ средствъ и можетъ быть съ успѣхомъ выполнена лишь при условіи полнаго объединенія въ этомъ дѣлѣ всѣхъ участковыхъ попечительствъ, возможно большей солидарности ихъ дѣйствій, учрежденія для этого спеціальнаго центральнаго органа и при весьма дружной поддержкѣ общества, въ особенности лицъ, профессіонально близкихъ этому дѣлу.

Первую попытку по организаціи труда сдѣлало пречистенское попечительство совмѣстно съ 1-мъ хамовническимъ, открывъ отдѣленіе для безплатнаго пріисканія жителямъ своихъ участковъ различнаго рода мѣстъ и занятій. Попытка эта до сихъ поръ не дала никакихъ особенно выдаю-

щихся результатовъ, такъ какъ попечительства не имѣли возможности снабдить отдѣленія необходимыми силами и достаточными средствами; кромѣ того спросъ существуетъ до сихъ поръ только почти на одну женскую прислугу, но эта попытка чрезвычайно интересна, какъ первый опытъ, уже и теперь вполнѣ показавшій, что эта задача совершенно не по силамъ отдѣльнымъ попечительствамъ и можетъ быть выполнена или совмѣстными усиліями ихъ всѣхъ или, еще лучше, городскимъ управленіемъ, кажется уже давно сознавшимъ необходимость борьбы съ частными конторами, преслѣдующими только личную наживу. Это тѣмъ болѣе было бы теперь кстати, такъ какъ явилось бы дополненіемъ къ борьбѣ съ ростовщичествомъ.

Многіе упрекаютъ попечительства въ томъ, что съ ихъ появленіемъ нисколько не уменьшается нищенство. Это одинъ изъ самыхъ неосновательныхъ упрековъ. Мнѣ кажется, что здѣсь, прежде всего, виновата сама же московская публика, тароватая тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, и искусственно плодящая своими подачками, значительно въ общемъ превышающими всякую единичную помощь попечительствъ, цѣлыя толпы совершенно способныхъ къ труду профессіональныхъ нищихъ. Если не ошибаюсь, въ печати уже сообщалось, что пречистенское попечительство предлагало своимъ нищимъ денежную помощь въ размѣрѣ 6 руб. на каждаго человѣка съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы нищенство было безусловно оставлено. Нѣкоторые согласились на это и были потомъ уличены въ нищенствѣ, другіе же чистосердечно и довольно цинично заявили, что такая помощь составитъ только незначительную часть ихъ сбора и что поэтому имъ нѣтъ никакого разсчета согласиться на предложеніе попечительства. Позволю себѣ привести крайне характерный случай, имѣвшій мѣсто лично со мной. Нѣкто К., молодая вдова съ четырьмя маленькими дѣтьми, обратилась въ попечительство съ просьбой о помощи. Отправившись провѣрить опросный листъ, я нашелъ слѣдующее: К. съ двумя дѣтьми (двое временно призрѣвались сестрой К.) занимала койку въ комнатѣ, высотой не болѣе 2 арш. 5 вер., т.-е. ниже средняго роста человѣка, въ которой, кромѣ того, помѣщалась еще одна семья и одинокій жилецъ. Видъ этого помѣщенія даже на меня, побывавшаго во всевозможныхъ подвалахъ, произвелъ самое удручающее впечатлѣніе. Первое, что пришло мнѣ въ голову, для оказанія разумной помощи К., это—найти ей комнату, поселить съ ней вмѣстѣ одну старуху, пользующуюся нашимъ пособіемъ, для присмотра за дѣтьми, и дать, такимъ образомъ, К. возможность работать. По докладѣ объ этомъ въ совѣтѣ попечительства оказалось, что К. знаютъ хорошо, такъ какъ она уже давно обращалась въ попечительство и что она существуетъ только нищенствомъ, отъ котораго отказаться рѣшительно не желаетъ. На первыхъ порахъ она возбудила такое сочувствіе, что ей предложили помѣщеніе въ богадѣльнѣ для старухъ въ видѣ отдѣльной небольшой комнаты съ полнымъ содержаніемъ какъ самой, такъ и всѣхъ дѣтей. Отъ этого предложенія К. отказалась. Затѣмъ, когда въ попечительствѣ открылся пріютъ для дѣтей, К. предложили пойти туда въ качествѣ кухарки съ извѣстнымъ жалованьемъ, гдѣ-

чемъ опять всѣ дѣти ея были бы помѣщены въ пріютѣ на полномъ содержаніи. К. испугалась, что въ пріютѣ 25 дѣтей и что на нее возложатъ слишкомъ большой трудъ, и отъ поступленія въ пріютъ тоже отказалась. Кто не подастъ милостыню хотя бы и такой молодой женщинѣ, какъ К., когда она стоитъ на улицѣ, держа на каждой рукѣ по ребенку, и взываетъ къ вашему милосердію? А, между тѣмъ, эта женщина за какой-нибудь годъ (со времени смерти мужа) уже вполнѣ вкусила сладость легкаго заработка и самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплоатируетъ общество.

Если бы всѣ подачки, раздаваемые Москвой нищимъ, были отданы въ попечительства, какія крупныя у нихъ явились бы средства и какъ безконечно разумнѣй онѣ были бы распредѣлены!

Какими же средствами обладаютъ попечительства для выполненія возложенной на нихъ громадной задачи призрѣнія бѣдныхъ? Основнымъ капиталомъ является городская субсидія въ приблизительномъ размѣрѣ 1,500 рублей на каждое попечительство. Остальныя средства образуются изъ членскихъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій и сборовъ съ концертовъ, лекцій и т. п. Въ общемъ средства попечительствъ распредѣляются крайне неравномѣрно и колеблются отъ 4-хъ до десятковъ тысячъ, причемъ наиболѣе богатыя центральныя попечительства имѣютъ меньше всего бѣдныхъ, и наоборотъ попечительства, находящіяся на окраинахъ города, обладаютъ самыми скудными средствами и имѣютъ наибольшее количество бѣдныхъ. Деньги обыкновенно собираются путемъ обхода сотрудниками попечительства, снабженными квитанціонными книжками, болѣе зажиточныхъ жителей своего участка съ приглашеніемъ внести посильную лепту. Это одна изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ исторіи попечительствъ. Труда на это кладется масса, а деньги собираются грошами, по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ попечительствахъ, не говоря уже о томъ, сколько непріятностей, а часто и дерзостей получаютъ сборщики.

Судя по результатамъ сбора пожертвованій, я не могу сказать, чтобы общество относилось къ попечительствамъ достаточно сочувственно, что можетъ быть объясняется новизной дѣла, неувѣренностью въ разумное назначеніе жертвуемыхъ денегъ и, вѣроятно, во многихъ случаяхъ полнымъ незнаніемъ, что такое попечительство. Но, съ другой стороны, если принять во вниманіе, что общество и не хочетъ ознакомиться съ дѣятельностью попечительствъ, что достаточно подтверждается полнымъ отсутствіемъ посторонней публики въ собраніяхъ попечительствъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что тѣ условія, въ которыхъ находятся попечительства относительно денежныхъ средствъ, совершенно ненормальны и должны быть признаны лишь вполнѣ неудавшимся опытомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли попечительство развиваться и крѣпнуть, когда оно само вынуждено нищенствовать, когда оно никогда не увѣрено въ завтрашнемъ днѣ и должно со страхомъ думать, что въ одно прекрасное время можетъ явиться необходимость въ закрытіи учрежденій и въ сокращеніи пособій? Вѣдь, никакъ нельзя поручиться, что попечительство,

набравшее въ одномъ году, положимъ, 5 тысячъ рублей, въ слѣдующемъ году можетъ не собрать и половины; а въ такомъ случаѣ ничего другого не останется сдѣлать, какъ выпустить старухъ на улицу и закрыть богадѣльню или прекратить выдачу пособій на дому, что едва ли лучше, такъ какъ эти пособія, по крайней мѣрѣ въ попечительствахъ небогатыхъ, выдаются только въ случахъ совершенно наглядной нужды.

И такъ, въ отношеніи денежныхъ средствъ попечительства являются такими же нищими, какимъ они призваны помогать. Открывая попечительства, мнѣ кажется, городъ долженъ былъ сразу поставить ихъ на твердую почву, а не пускать по ложной и избитой дорогѣ добыванія средствъ благотворительными концертами, которые давно уже надоѣли публикѣ.

Разъ городъ сознался необходимость взять призрѣніе бѣдныхъ въ свое вѣдѣніе и нашелъ, что выполнить эту задачу наилучшимъ образомъ можно только чрезъ посредство городскихъ попечительствъ, то едва ли слѣдовало останавливаться предъ вопросомъ объ обезпеченіи ихъ необходимыми средствами. Единственнымъ же и разумнымъ источникомъ для этого является налогъ въ пользу бѣдныхъ, къ которому прибѣгаютъ и заграничные города. Если же городъ по какимъ-либо соображеніямъ нашелъ необходимымъ повременить съ введеніемъ налога, или даже вовсе къ нему не прибѣгать, надѣясь можетъ быть, что съ теченіемъ времени въ пользу попечительствъ можетъ образоваться крупный неприкосновенный капиталъ изъ частныхъ пожертвованій, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало предоставлять попечительствамъ заботиться самимъ о своихъ средствахъ, дѣлая обходы своего участка для сбора пожертвованій. Эти сборы должны были бы производиться отъ имени городской управы или городского головы и поступать непосредственно въ кассу управы для послѣдующаго распредѣленія между попечительствами пропорціонально тому количеству бѣдныхъ, которое въ каждомъ изъ нихъ обнаружено. Этого требуетъ самая элементарная справедливость, такъ какъ попечительство, имѣющее въ своемъ районѣ, напримѣръ, Кузнецкій мостъ и подобныя мѣстности, несомнѣнно соберетъ во много разъ больше, чѣмъ рогожское или хамовническое попечительства; а такъ какъ, кромѣ этого, въ первомъ попечительствѣ бѣдныхъ гораздо меньше, чѣмъ въ послѣднихъ, то слѣдствіемъ этого является, что извѣстное бѣдное семейство, живущее въ первомъ попечительствѣ, получитъ, положимъ, 30 р. ежемѣсячнаго пособія, а семейство находящееся въ такихъ же условіяхъ, но живущее въ какомъ-либо изъ послѣднихъ попечительствъ, едва ли получитъ и 5 руб. Это не только несправедливость, а даже прямая несообразность.

Итакъ, въ концѣ-концовъ, каковы же результаты дѣятельности городскихъ попечительствъ и достигаютъ ли они своей цѣли? Я не имѣю подъ руками всѣхъ отчетовъ попечительствъ и не могу цифровыми данными показать, какую пользу принесли они московской бѣднотѣ, да и можно ли требовать существенной пользы за первый годъ существованія попечительствъ, находящихся при этомъ въ отношеніи денежныхъ средствъ въ

такихъ ненормальныхъ условіяхъ, но, какъ человѣкъ, практически знакомый съ дѣятельностью нѣсколькихъ попечительствъ, существенно различныхъ между собой и по средствамъ, и по своей организаціи, я могу съ полной увѣренностью утверждать, что польза, приносимая ими, не подлежитъ никакому сомнѣнію и что учрежденія эти, какъ основанныя на лучшихъ и гуманнѣйшихъ принципахъ, оставляютъ далеко за собой всѣ существующіе у насъ органы благотворительности и имѣютъ широкую будущность.

Если попечительства до сихъ поръ не освободились отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, если выдаваемыя ими вспомоществованія не всегда попадаютъ въ достойныя руки, то всѣ эти ошибки и недочеты легко устранимы съ теченіемъ времени и по мѣрѣ накопленія опыта. Если, наконецъ, городъ не нашелъ возможнымъ на первыхъ порахъ сдѣлать для попечительствъ больше того, что онъ сдѣлалъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не остановится на этихъ первоначальныхъ мѣрахъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее для надлежащаго развитія и возможно большей продуктивности этихъ высоко симпатичныхъ учрежденій, имѣющихъ всѣ шансы не только на завоеваніе сочувствія и поддержки московскаго общества, но и на то, чтобы считаться наилучшимъ проявленіемъ общественнаго сознанія.

В. Вонлярлярскій.

О введеніи общедоступнаго начальнаго обученія въ Московской губерніи.

Вопросъ о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Московской губерніи близокъ къ практическому разрѣшенію. Московское губернское земское собраніе экстренной сессіи въ засѣданіи 9 апрѣля сего года цѣликомъ приняло докладъ управы «о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію губерніи». Постановленіе это встрѣчено въ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ. Губернская земская управа на другой уже день послѣ состоявшагося постановленія стала получать письма съ выраженіемъ признательности московскому земству за совершеніе столь крупнаго культурнаго шага. Не можемъ не привести здѣсь одного письма, отличающагося особенною искренностью. Письмо принадлежитъ крестьянину Бронницкаго уѣзда, состоящему попечителемъ мѣстной церковно-приходской школы. Обращаясь къ гласнымъ чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, крестьянинъ пишетъ: «Милостивые государи! Вы своимъ постановленіемъ отъ 9 апрѣля окончательно рѣшили дать всеобщее начальное образованіе всему сельскому населенію губерніи. Эта данная вами умственная пища утолитъ такой сильный голодъ, какой ощущался въ образованіи за послѣднее время. Кто останется неблагодарнымъ передъ такими честными и энергичными тружениками за мѣстную братію, какъ вы! Вы своимъ поступкомъ пробудите въ нашемъ дорогомъ отечествѣ тѣхъ невозмутимыхъ взяться, по примѣру вашему, за это же благое дѣло образованія, а у тѣхъ энергичныхъ людей — зависть и подражаніе вашему гуманнѣйшему взгляду. За это ваше благое дѣло населеніе постоянно будетъ сохранять добрую память объ именахъ вашихъ, какъ о тѣхъ борцахъ за свободу крестьянъ 1861 года. Теперь пройдетъ вѣсть по всей губерніи, порадуются родители за своихъ дѣтей, что они получатъ то, чего много лѣтъ ждали. Но я, какъ крестьянинъ Бронницкаго уѣзда, дер. Ильинки, за себя лично и другихъ крестьянъ губерніи душевно благодарю васъ и желаю вамъ отъ Бога всякаго благополучія и съ тою же энергіей трудиться на пользу нашей дорогой Московской области».

Газеты точно также горячо привѣтствовали постановленіе московскаго губернскаго земства.

Такъ какъ въ настоящій моментъ разрѣшеніемъ вопроса о введеніи общедоступнаго начальнаго обученія заняты большинство губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, постановленіе московскаго земства имѣетъ дѣйствительно самое серьезное значеніе. Очень возможно, что примѣръ московскаго земства найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ земствахъ, и тѣмъ самымъ ускорится приближеніе давно ожидаемаго всѣми момента, когда начальное обученіе широкою волной разольется по всему громадному пространству нашей милой родины. Въ виду такого особаго практическаго значенія постановленія московскаго земства объ осуществленіи общедоступности начальнаго обученія, представляется, безспорно, крайне интереснымъ хотя въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ исторіей этого вопроса въ московскомъ земствѣ, а также и съ финансовымъ планомъ осуществленія разработаннаго управою проекта.

Исторія этого вопроса очень коротка. Она начинается лишь съ 1891 года. Въ этомъ году, согласно постановленію московскаго губернскаго земскаго собранія, въ управѣ впервые было организовано особое совѣщаніе по вопросамъ народнаго образованія въ составѣ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и лицъ, могущихъ своимъ совѣтомъ помочь уясненію условій дальнѣйшаго развитія дѣла народнаго образованія въ Московской губерніи. Главная задача совѣщанія, какъ выяснилось изъ преній, происходившихъ въ собраніи, должна была заключаться въ объединеніи дѣла народнаго образованія, поскольку оно касается земства, а также въ выясненіи вопроса о дальнѣйшемъ развитіи дѣла. Вотъ этому-то совѣщанію и принадлежитъ подробное обсужденіе вопроса о всеобщемъ начальномъ обученіи.

Вскорѣ была выработана подробная программа занятій вновь организованнаго совѣщанія. Въ числѣ прочихъ вопросовъ въ программу включенъ былъ и вопросъ о мѣрахъ къ увеличенію ограниченнаго числа учащихся сравнительно съ количествомъ дѣтей школьнаго возраста и къ облегченію учебнаго персонала, обремененнаго чрезмѣрнымъ числомъ учащихся въ отдѣльныхъ школахъ. Этотъ одинъ общій вопросъ былъ расчлененъ на нѣсколько частныхъ вопросовъ, а именно: 1) пересмотръ, исправленіе и пополненіе сѣти существующихъ училищъ; 2) установленіе возможной связи между земскою начальною школой и школами: церковно-приходской, фабричной, воспитательнаго дома и частной; 3) нормировка числа учащихся въ школахъ; 4) точное и твердое установленіе возраста для поступленія въ школу; 5) расширеніе нынѣ существующихъ школъ; 6) открытіе филіальныхъ отдѣленій земскихъ школъ и 7) поощреніе частныхъ лицъ при матеріальномъ содѣйствіи со стороны земства къ открытію начальныхъ училищъ.

Всѣ эти вопросы, преслѣдующіе въ сущности одну общую цѣль—сдѣлать начальное обученіе общедоступнымъ, подвергались всестороннему об-

сужденію въ совѣщаніи. Результатомъ этого обсужденія и получился тотъ въ высшей степени симпатичный проектъ, который одобренъ минувшимъ чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и который такъ сочувственно встрѣченъ въ русскомъ обществѣ.

Инициатива въ вопросѣ о всеобщемъ обученіи въ московскомъ земствѣ принадлежитъ бывшему предсѣдателю губернской земской управы, Д. А. Наумову. Народное образованіе было любимымъ дѣломъ покойнаго. Завѣтною мечтой его, было — достигнуть въ дѣлѣ народнаго образованія такой организаціи, чтобы начальная школа была доступна всему населенію губерніи. За годъ до своей смерти Д. А. Наумовъ, уже не будучи предсѣдателемъ управы, представилъ въ совѣщаніе обширный докладъ именно на эту тему. Въ докладѣ этомъ подробно выясняется настоящая постановка дѣла народнаго образованія въ губерніи, приводятся въ извѣстность выдающіеся недостатки въ немъ и затѣмъ указываются мѣры, съ помощью которыхъ возможно устранить эти недостатки. Главнѣйшія положенія доклада заключаются въ слѣдующемъ.

Прежде всего констатируется недостатокъ школъ сравнительно съ существующимъ запросомъ на нихъ. Въ 1893—4 учебномъ году въ Московской губерніи всѣхъ школъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій,—говорится въ докладѣ,—было 858, не считая школъ грамотности и городскихъ училищъ. Изъ этого числа земскихъ школъ было 546 или 63,6%. Цифра эта показываетъ, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени дѣло народнаго образованія въ Московской губерніи быстрыми шагами подвинулось впередъ. Но какъ, однако, ни велики въ этомъ отношеніи заслуги земства и другихъ устроителей школъ,—опыты и статистическія данныя и изслѣдованія показываютъ, что еще далеко не исполнено все, что нужно для того, чтобы сдѣлать обученіе доступнымъ всему населенію губерніи и что много еще остается дополнить и улучшить.

Первымъ весьма важнымъ недостаткомъ нынѣшней постановки дѣла является малое число школъ сравнительно съ числомъ дѣтей, нуждающихся въ обученіи. Статистическія изслѣдованія, произведенныя въ 1893 году по двумъ уѣздамъ—Московскому и Можайскому—показываютъ, что въ этихъ уѣздахъ на сто дѣтей въ возрастахъ отъ 9 до 12 лѣтъ включительно приходится неграмотныхъ: въ первомъ уѣздѣ—36,6, а во второмъ—60,2.

Другой существенный недостатокъ нынѣшней постановки дѣла народнаго образованія вытекаетъ изъ перваго. Стремленіе сельскаго населенія обучать своихъ дѣтей при ограниченномъ числѣ училищъ сравнительно съ предъявляемыми требованіями ведетъ къ тому, что нынѣшнія школы переполнены учащимися. Послѣдствіемъ такого переполненія являются, съ одной стороны, отказы въ пріемѣ учениковъ, съ другой стороны—чрезмѣрное число учащихся на одного учителя, что, конечно, не можетъ отзываться благопріятно на самомъ ходѣ обученія.

Существеннымъ средствомъ для устраненія указанныхъ недостатковъ, по мнѣнію докладчика, является прежде всего созданіе возможно большаго

числа новыхъ школъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Но для того, чтобы выяснить, какое именно количество новыхъ школъ необходимо открыть въ каждомъ уѣздѣ для надлежащаго удовлетворенія существующей потребности въ образованіи,—очевидно, нужно выработать нѣкоторыя нормы, которыя могли бы быть положены въ основу при созданіи новой сѣти училищъ.

Имѣя это въ виду, докладчикъ подробно останавливается на выясненіи сказанныхъ нормъ.

Прежде всего является вопросъ, какой районъ для школы слѣдуетъ считать нормальнымъ? Отвѣты на этотъ вопросъ даютъ статистическія данныя, добытыя мѣстными изслѣдованіями въ 1892—3 учебномъ году. Данныя эти показываютъ, что учащіеся изъ селеній, лежащихъ отъ школы

до 1	версты	(включительно)	составляютъ	57,3%
» 2	»	»	»	21,5%
» 3	»	»	»	15,9%
Болѣе 3	верстъ	»	»	7,3%

Отсюда ясно вытекаетъ, что нормальнымъ райономъ для школы можетъ быть признанъ только такой, который обнимаетъ собою селенія, находящіяся отъ школы не далѣе 3 верстъ. Болѣе далекое разстояніе всегда будетъ невыгодно для населенія, такъ какъ въ такомъ случаѣ школа оказывается доступною только для состоятельныхъ хозяевъ, которые, помѣщая дѣтей въ школу, могутъ безъ особаго труда и напряженія нанимать имъ квартиру, платить за харчи и т. п. Особенно невыгоднымъ онъ является для малозажиточной части населенія, которая не въ силахъ нести расходы, доступные только ихъ зажиточнымъ односельчанамъ. Итакъ, чтобы сдѣлать школы доступными всему сельскому населенію губерніи, школьные районы не должны превышать радіуса въ три версты. Такова первая норма, установленная докладомъ.

Далѣе, по вопросу о нормировкѣ числа учащихся въ земскихъ школахъ признано было желательнымъ, чтобы въ училищѣ при одномъ преподавателѣ нормальное число учениковъ опредѣлялось цифрою 45; въ крайнемъ случаѣ одинъ преподаватель можетъ заниматься безъ яснаго ущерба для дѣла не болѣе какъ съ 60 учениками. Если число учениковъ въ какомъ-либо училищѣ будетъ болѣе 60, то слѣдуетъ признать необходимымъ приглашеніе второго преподавателя для такого училища, приспособивъ для этого помѣщеніе. Таково второе положеніе доклада. Оно основано на долголѣтнемъ опытѣ преподаванія въ земскихъ школахъ губерніи и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о нормировкѣ числа учащихся въ школахъ стоитъ вопросъ о точномъ и твердомъ установленіи возраста для поступленія въ школу. Въ настоящее время школа принимаетъ всѣхъ желающихъ учиться и, какъ показали изслѣдованія, произведенныя въ 1893 г. въ Можайскомъ и Московскомъ уѣздахъ, въ школахъ встрѣчаются дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ включительно. Удовлетворить потребностямъ всѣхъ этихъ

восьми возрастовъ школа очевидно не въ состояніи. Послѣдствіемъ этого является то, что именно въ тѣхъ возрастахъ, которымъ принадлежитъ большинство учащихся въ школахъ и которые, предпочтительно предъ всѣми остальными, должны посѣщать школу,—весьма значительный процентъ не пользуется ею за невозможностью вслѣдствіе переполненія ея учащимися другихъ возрастовъ. Все вышеизложенное указываетъ на то, что строгое выполненіе требованія о пріемѣ въ училище только дѣтей, достигшихъ опредѣленнаго возраста, можетъ значительно содѣйствовать нормировкѣ числа учащихся въ школахъ и способствовать успѣшности хода учебнаго дѣла.

На основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ практики народнаго образованія въ Московской губ., возрастъ для поступленія въ школу въ докладѣ опредѣленъ девятилѣтній, т.-е. такой именно, какой установленъ въ большинствѣ уѣздовъ; тамъ же, гдѣ такого правила не установлено, признано возможнымъ, въ видѣ исключенія, принимать въ школу дѣтей, которымъ къ 1 апрѣля текущаго года исполнилось 8 лѣтъ, но только при условіи, если въ училищѣ на одного преподавателя не приходится болѣе 60 учениковъ.

Таково третье положеніе доклада. Оно представляется въ высшей степени серьезнымъ, такъ какъ указываетъ на тотъ контингентъ, который долженъ приниматься въ разсчетъ при составленіи сѣти училищъ. При трехлѣтнемъ курсѣ нормальной школы очевидно слѣдуетъ брать количество дѣтей трехъ возрастныхъ группъ, а именно—9, 10 и 11 лѣтъ.

Послѣдній вопросъ касается выясненія основаній для разсчета общаго числа дѣтей школьнаго возраста (9, 10 и 11 лѣтъ) въ предѣлахъ Московской губерніи, необходимаго при составленіи новой сѣти училищъ. Еслибы въ Московской губерніи было разрѣшено произвести подворную перепись, о чемъ ходатайствовало московское земство въ 1894 году, тогда вопросъ рѣшался бы очень просто. Но, къ сожалѣнію, разрѣшенія этого дано не было и потому теперь приходится при опредѣленіи числа дѣтей школьнаго возраста пользоваться довольно сложными вычисленіями. Изслѣдованія по народному образованію, произведенныя на мѣстахъ въ 1893 году, указываютъ на то, что въ уѣздахъ Можайскомъ и Московскомъ на каждые 100 дворовъ приходится дѣтей обоего пола въ возрастахъ 9, 10 и 11 лѣтъ около 35. Хотя эти данныя добыты только по двумъ уѣздамъ, но другія свѣдѣнія, имѣющіяся въ губернской управѣ, даютъ возможность признать приведенныя цифры нормальными и для всѣхъ остальныхъ уѣздовъ. Въ виду этого признано вполнѣ цѣлесообразнымъ при составленіи новой сѣти училищъ принимать за основаніе число дворовъ, находящихся въ селеніяхъ, относимыхъ къ тому или другому школьному району. Таково четвертое положеніе разсматриваемаго доклада.

Кромѣ указанныхъ положеній, въ докладѣ указывается на наличность еще одного условія, необходимаго для осуществленія общедоступности начальнаго обученія. Дѣло въ томъ, что сразу осуществить новую сѣть училищъ по образцу тѣхъ, которыя до сихъ поръ открывались земствомъ, для

земства и для самого населенія крайне затруднительно, такъ какъ стоимость всей сѣти обойдется сравнительно очень дорого. Вотъ для того, чтобъ облегчить практическое осуществленіе этого дѣла, въ докладѣ и предлагается установить такое правило: тамъ, гдѣ вновь образуемые школьные районы съ трехверстнымъ радіусомъ вмѣщаютъ въ себѣ такое количество дворовъ, которое дастъ возможность разсчитывать на число учащихся, вполнѣ достаточное для дѣйствія самостоятельной школы, — необходимо устраивать самостоятельную нормальную школу; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ данномъ районѣ число учащихся не достигаетъ нормальнаго числа для образованія полнаго самостоятельнаго училища, можно довольствоваться открытіемъ школъ иного, болѣе дешеваго типа, а именно земскихъ школъ второго разряда, съ однолѣтнимъ курсомъ. Эти послѣднія школы составляютъ филіальныя отдѣленія ближайшихъ къ нимъ нормальныхъ училищъ и находятся съ ними въ тѣсной связи. Основная мысль въ устройствѣ такихъ отдѣленій заключается въ слѣдующемъ. Тамъ, гдѣ наплывъ учениковъ въ школу великъ, но не настолько, чтобы давалъ возможность открыть въ школѣ параллельный классъ, тамъ, гдѣ такой параллельный классъ не можетъ быть открытъ по тѣснотѣ помѣщенія, наконецъ гдѣ, при существованіи уже параллельнаго класса, остаются дѣти, которыя не могутъ поступить въ училище вслѣдствіе его переполненія, во всѣхъ этихъ случаяхъ въ самомъ селеніи, гдѣ находится школа, или въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему селеній, устраивается особое отдѣленіе, въ которомъ всѣ тѣ ученики первой младшей группы, которые не попали въ школу, могутъ обучаться.

Для веденія обученія избираются лучшіе, наиболѣе способные ученики училища, при которомъ устраивается отдѣленіе, подготовленные учителемъ къ самостоятельному веденію дѣла. Эти ученики должны принадлежать къ кореннымъ жителямъ того селенія, гдѣ находится школа, или ближайшихъ къ нему селеній, или гдѣ устраивается филіальное отдѣленіе. Подготовка должна, главнымъ образомъ, заключаться въ усвоеніи такими учениками пріемовъ обученія, примѣняемыхъ въ школѣ въ младшей группѣ. По достаточной ихъ подготовкѣ, такимъ ученикамъ поручается веденіе дѣла въ филіальныхъ отдѣленіяхъ, или школахъ съ однолѣтнимъ курсомъ, подъ наблюденіемъ того учителя, который ихъ избралъ и подготовилъ. Для того же, чтобы такое наблюденіе было возможно и необременительно для учителя, филіальное отдѣленіе должно находиться по возможности въ селеніи, не слишкомъ отдаленномъ отъ школы. Помимо того, что устройство такихъ отдѣленій не потребуетъ со стороны земства большихъ затратъ, такъ какъ ученики, призванные вести это отдѣленіе, принадлежа къ мѣстнымъ обывателямъ, будутъ довольствоваться небольшимъ вознагражденіемъ, эта мѣра имѣетъ за себя то, что, во-первыхъ, приближая школу къ тѣмъ селеніямъ, которыя по отдаленности затрудняются посылать дѣтей въ существующее училище, открываетъ имъ доступъ къ обученію своихъ дѣтей; во-вторыхъ, она избавляетъ училище, при которомъ устраивается отдѣленіе, отъ чрез-

мѣрнаго наплыва учащихся и облегчаетъ учителю занятія при меньшемъ числѣ учениковъ; наконецъ, мѣра эта открываетъ наиболѣе способнымъ, окончившимъ съ успѣхомъ курсъ начальнаго училища, ученикамъ возможность на мѣстѣ у себя дома найти занятія, которыя для нихъ самихъ останутся не безъ пользы. Такія отдѣленія должны служить только для учениковъ первой младшей группы. Какъ скоро ученики отдѣленія или школы съ однолѣтнимъ курсомъ окажутся достаточно подготовленными для поступленія во вторую группу, они обязательно переводятся въ ту школу, въ районѣ которой находится филіальное отдѣленіе.

Стоимость содержанія каждаго филіальнаго отдѣленія исчислена въ 125 р., тогда какъ содержаніе каждой нормальной полной школы въ среднемъ по губерніи обходится въ 460 р. Разница получается довольно значительная, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при допущеніи филіальныхъ отдѣленій, земство, а равно и само населеніе должно будетъ затратить на существованіе полной сѣти училищъ значительно меньшія суммы, чѣмъ еслибы рѣшено было открывать только нормальныя школы.

Итакъ, вотъ тѣ общія основанія, которыя покойнымъ Д. А. Наумовымъ были предложены для осуществленія въ Московской губерніи общедоступности начальнаго обученія. При разработкѣ новой сѣти училищъ всѣ эти основанія были приняты во вниманіе. Въ результатѣ этой кропотливой, но въ то же время крайне цѣнной работы, выполненной статистическимъ отдѣленіемъ московскаго губернскаго земства, оказалось, что для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію губерніи, нужно вновь открыть въ 13 уѣздахъ губерніи 223 нормальныхъ школы и 101 филіальное отдѣленіе. Ежегодное содержаніе первыхъ исчислено въ 98,420 рублей, а содержаніе вторыхъ—въ 12,625 руб. Въ общемъ же вся сумма новыхъ ежегодныхъ расходовъ на народное образованіе по всей губерніи опредѣлена, такимъ образомъ, суммою въ 111,045 рублей.

Весь этотъ проектъ съ новою сѣтью училищъ разсматривался уѣздными земскими собраніями, которыя внесли въ него нѣкоторыя измѣненія и добавленія. Затѣмъ проектъ обсуждался въ особой коммиссіи, а послѣ того въ совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія и, наконецъ, въ губернскомъ земскомъ собраніи очередной сессіи 1894 года. Въ виду того, что проектъ, переходя изъ одной инстанціи въ другую, потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, собраніе признало существенно необходимымъ снова подвергнуть его разсмотрѣнію уѣздныхъ собраній.

Въ теченіе 1895 года проектъ снова прошелъ черезъ тѣ же инстанціи, что и въ предыдущемъ году, т.-е. черезъ уѣздныя земскія собранія, коммиссію, совѣщаніе и, наконецъ, черезъ губернское земское собраніе. На этотъ разъ онъ потерпѣлъ существенныя измѣненія въ той именно части, которая касается филіальныхъ отдѣленій. Нѣкоторыя уѣздныя земства, разсматривая вопросъ о филіальныхъ отдѣленіяхъ, отнеслись къ этому типу школы съ полнымъ недовѣріемъ, такъ какъ обученіе въ нихъ по проекту предполагается поручить лицамъ, не имѣющимъ для этого вполнѣ достаточ-

ной подготовки. Комиссія и совѣщаніе также высказались противъ филіальныхъ отдѣленій и рѣшили нѣсколько измѣнить предположенный типъ школы для малонаселенныхъ районовъ.

Въ настоящее время содержаніе полноправной земской школы обходится въ среднемъ по 460 рублей въ годъ. Минимальный размѣръ такой школы установленъ для 40 человѣкъ, т.-е. для района приблизительно въ 120 дворовъ. Это число дворовъ комиссія, а вмѣстѣ съ нею и совѣщаніе—признали минимальнымъ школьнымъ райономъ, на который должны производиться указанные выше расходы. Для районовъ съ числомъ дворовъ менѣе этой нормы, по мнѣнію комиссіи, слѣдовало бы точно такъ же устраивать полноправныя школы, но только съ уменьшеннымъ содержаніемъ, а именно—установивъ размѣръ вознагражденія для учителя въ 200 р. и законоучителя въ 50 р., такъ чтобы все содержаніе школы, со включеніемъ расходовъ на учебники и письменныя принадлежности, не превышало въ общемъ 300 рублей. Устанавливая такое вознагражденіе для учителя и законоучителя, комиссія исходила изъ того соображенія, что занятія съ меньшимъ числомъ учениковъ требуютъ отъ преподавателя несравненно меньшаго труда, умѣнья и опыта и потому могутъ быть оплачиваемы нѣсколько ниже, чѣмъ такія же занятія его въ школѣ съ бо́льшимъ числомъ учениковъ. Обученіе въ школахъ этого разряда предположено производить въ наемныхъ помѣщеніяхъ, что при незначительномъ числѣ учениковъ не можетъ встрѣтить особенныхъ затрудненій въ недостаткѣ подходящихъ зданій.

Что касается вопроса о томъ, какое число учениковъ должно быть признано минимальнымъ для устройства самостоятельнаго училища, то комиссія и совѣщаніе высказались въ томъ смыслѣ, что самостоятельная школа можетъ быть устроена лишь при условіи наличности не менѣе 20 учениковъ, что соотвѣтствуетъ району приблизительно въ 60 дворовъ. Затѣмъ всѣ районы, имѣющіе менѣе этого числа дворовъ, уже должны быть исключены изъ числа самостоятельныхъ школьныхъ районовъ, и грамотность для дѣтей этихъ деревень можетъ быть обезпечена только путемъ облегченія для нихъ посѣщать ближайшую земскую школу устройствомъ при ней ночлежнаго пріюта, организаціей правильныхъ мірскихъ подводъ и т. п.

Съ указанными поправками проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія апрѣльской сессіи текущаго года. Въ засѣданіи 9 апрѣля проектъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію и послѣ довольно оживленныхъ преній былъ принятъ собраніемъ, а равно были приняты и финансовыя предположенія управы объ осуществленіи означеннаго проекта. Въ окончательномъ видѣ утвержденный собраніемъ проектъ представляетъ изъ себя одиннадцать положеній, касающихся одного основного вопроса — осуществленія общедоступности начальнаго обученія. Положенія эти слѣдующія:

1. Обсужденіе вопроса объ обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется къ настоящее время преждевременнымъ.

2. Широкое распространеніе грамотности въ населеніи и удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя ярко намѣчаются въ настоящее время, достигается, во-первыхъ, открытіемъ новыхъ школъ въ дополненіе къ существующимъ уже училищамъ и, во-вторыхъ, такимъ размѣщеніемъ всѣхъ училищъ въ каждомъ уѣздѣ, которое дѣлало бы школы въ уѣздѣ доступными, по возможности, всей массѣ населенія.

3. Число потребныхъ для каждаго уѣзда новыхъ школъ должно опредѣляться:

а) Въ зависимости отъ числа нынѣ существующихъ училищъ, которыми нынѣ пользуется населеніе, не только земскихъ, но и частныхъ, церковно-приходскихъ и другихъ вѣдомствъ и учрежденій; но дальнѣйшій ростъ тѣхъ школъ, которыя не принадлежатъ къ земскимъ, не долженъ приниматься въ разсчетъ при пересмотрѣ нынѣ существующей сѣти училищъ и составленіи новой, отвѣчающей требованіямъ не только настоящаго времени, но и будущаго.

б) Въ зависимости отъ удобства для населенія пользоваться школами, какъ существующими уже, такъ и вновь открываемыми. Такъ какъ всѣ произведенныя въ губерніи изслѣдованія подтверждаютъ, что дѣйствіе каждой школы простирается на тѣ селенія, которыя находятся отъ нея не болѣе трехъ верстъ, на болѣе же далекомъ разстояніи населеніе уже съ трудомъ можетъ пользоваться училищемъ, то, въ цѣляхъ сдѣлать обученіе дѣтей доступнымъ для всего населенія, слѣдуетъ установить, что новые школьные районы не должны, по возможности, превышать радіуса въ три версты и что до этого же размѣра должны быть доводимы постепенно районы нынѣ существующихъ училищъ, имѣющихъ большій районъ.

4. Вновь устраиваемыя училища должны быть такого же типа, какъ и нынѣ существующія земскія школы—съ отдѣльнымъ законоучителемъ и учителемъ, имѣющимъ право преподаванія; но, въ зависимости отъ большаго или меньшаго многолюдства приписанныхъ къ нимъ районовъ, они должны раздѣляться на училища съ нормальнымъ содержаніемъ и уменьшеннымъ.

5. Въ школахъ съ уменьшеннымъ содержаніемъ законоучитель получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ и учитель въ размѣрѣ 200 руб. въ годъ и не имѣетъ права на добавочную приплату со стороны губернскаго земства. Общій годовой расходъ на содержаніе этихъ училищъ не долженъ превышать 300 руб. На устройство помѣщеній этихъ школъ губернское земство пособій не даетъ.

6. Школы съ нормальнымъ содержаніемъ должны устраиваться тамъ, гдѣ число учащихся въ районѣ трехверстнаго разстоянія отъ пункта, намѣченнаго для устройства школы, не менѣе установляемаго ниже нормальнаго числа, а также въ томъ случаѣ, когда въ районѣ уже существующей школы число желающихъ учиться настолько велико, что дастъ возможность устроить другую полную школу, и притомъ на каждую будетъ приходиться нормальное число учениковъ. Школы съ уменьшеннымъ

содержаніемъ устраиваются тамъ, гдѣ число школьнаго возраста менѣе нормальнаго числа.

7. Для районовъ съ числомъ дѣтей школьнаго возраста, недостаточнымъ даже для устройства школы съ пониженнымъ содержаніемъ, начальное обученіе должно быть обезпечено облегченіемъ посѣщенія ближайшей земской школы.

8. Для упорядоченія постановки школьнаго дѣла въ губерніи существенно необходимо:

а) Нормировать число учащихся, какъ въ школахъ уже существующихъ, такъ и имѣющихъ вновь открыться. Такъ какъ правильное обученіе въ училищѣ безусловно зависитъ отъ того количества учениковъ, съ которымъ приходится заниматься учителю, то, согласно указаніямъ педагогической практики, нормальнымъ числомъ признано 40 учащихся при одномъ преподавателѣ. Число это ни въ какомъ случаѣ не должно превышать цифры 60 учениковъ, при которой одинъ преподаватель, хотя съ трудомъ, еще можетъ вести обученіе въ школѣ безъ особеннаго ущерба для дѣла.

б) Точно опредѣлить возрастъ для поступленія въ школу и строго держаться этого возраста при пріемѣ дѣтей въ училище. Возрастомъ для помѣщенія дѣтей въ школу признается 9-лѣтній, установившійся уже въ большинствѣ уѣздовъ; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и теперь еще принимаются дѣти моложе 9 лѣтъ, то признается возможнымъ допустить въ этихъ уѣздахъ пріемъ въ школу тѣхъ дѣтей, которымъ къ 1 апрѣля этого года, когда происходитъ пріемъ, минуло 8 лѣтъ.

в) Съ точностью установить возрастный составъ учащихся въ школѣ. Такъ какъ наша школа въ настоящее время имѣетъ трехгодичный курсъ, то для правильной постановки дѣла слѣдуетъ признать три возрастныя группы, которыя должны приниматься въ разсчетъ при устройствѣ училищнаго помѣщенія. Возрасты эти обнимаютъ собой преимущественно 9, 10 и 11 лѣтъ, составляющихъ и въ настоящее время громадное большинство учащихся въ земскихъ школахъ.

9. Такъ какъ на основаніи статистическаго изслѣдованія выяснилось, что на каждые 100 дворовъ приходится дѣтей, требующихъ обученія, около 35, то для опредѣленія того, сколько и какихъ училищъ предстоитъ вновь открыть въ каждомъ уѣздѣ, слѣдуетъ впредь до указанія опыта принять въ разсчетъ число дворовъ, находящихся въ селеніяхъ, причисленныхъ къ каждому району.

10. Нормальнымъ райономъ для школы съ полнымъ содержаніемъ должно быть признано число дворовъ не ниже 120, для школы съ уменьшеннымъ содержаніемъ—отъ 60 до 120 дворовъ, и, наконецъ, районы съ числомъ дворовъ менѣе 60 должны быть исключены изъ числа самостоятельныхъ школьныхъ районовъ.

11. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздныя земства или черезъ посредство ихъ сельскія общества будутъ обращаться въ губернское земство

съ ходатайствами о содѣйствіи со стороны послѣдняго къ устройству новыхъ училищъ, губернская управа должна руководствоваться составленною сѣтью школьныхъ районовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздными земствами, на основаніи подробно мотивированныхъ соображеній, будутъ предлагаться тѣ или другія отступленія отъ проектированной сѣти, объ этомъ должно быть представляемо на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Одновременно съ этими основными положеніями губернскимъ земскимъ собраніемъ одобренъ былъ также и финансовый планъ осуществленія общедоступности начальнаго обученія. Планъ этотъ въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Общее число школъ, подлежащихъ открытію во всѣхъ тринадцати уѣздахъ, равно 277, изъ которыхъ 91 школа назначены для районовъ съ числомъ дворовъ отъ 60 до 120, и 186 школъ—для районовъ съ числомъ дворовъ болѣе 120. Общій расходъ по содержанію всѣхъ этихъ школъ исчисленъ въ 127,740 руб. По уѣздамъ приведенныя цифры распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

Уѣзды.	Число школъ подлежащихъ открытію.		Общій расходъ по содержанію новыхъ школъ.				
	Для район. съ числомъ двор. отъ 60 до 120.	Для районовъ съ числомъ двор. бол. 120.	Уѣздныхъ земствъ.	%	Губернскаго земства.	%	Итого.
Богородскій	7	16	7,860	74	2,880	26	10,740
Бронницкій	—	12	4,320	67	2,160	33	6,480
Верейскій	4	8	1,392	26	4,128	74	5,520
Волоколамскій	3	23	1,836	14	11,484	86	13,320
Дмитровскій	17	20	2,460	19	10,200	81	12,660
Звенигородскій	8	10	1,200	15	6,600	85	7,800
Клинскій	10	27	2,544	15	15,036	85	17,580
Коломенскій	8	5	4,200	82	900	18	5,100
Можайскій	7	17	1,644	14	9,636	86	11,280
Московскій	7	12	6,420	75	2,160	25	8,580
Подольскій	11	16	3,254	28	8,688	72	11,942
Рузскій	5	13	1,236	15	7,284	85	8,520
Серпуховской	4	7	3,720	75	1,260	25	4,980
	91	186	41,964	33	85,776	67	127,740
	277						

Изъ приведенной таблицы видно, что наименьшее число школъ предполагается открыть въ Серпуховскомъ, Бронницкомъ, Верейскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ и наибольшее число — въ Дмитровскомъ и Клинскомъ уѣздахъ. Расходы по содержанію предполагаемыхъ къ открытію школъ распредѣляется неравномѣрно между губернскимъ и уѣздными земствами. Такъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ наибольшій % расхода падаетъ на губернское земство, въ другихъ же, наоборотъ, главную тяжесть расхода

несетъ на себѣ уѣздное земство. Съ перваго взгляда такое распредѣленіе расходовъ можетъ показаться не совсѣмъ справедливымъ по отношенію къ отдѣльнымъ уѣздамъ. Но это только съ перваго взгляда; но если хорошенько познакомиться съ принципами, на основаніи которыхъ московскою губернскою управой было произведено указанное распредѣленіе расходовъ, то окажется, что принципъ справедливости сохраненъ здѣсь въ полной мѣрѣ по отношенію ко всѣмъ 13 уѣздамъ. Дѣло въ томъ, что при опредѣленіи суммы расходовъ уѣзднаго земства принималась во вниманіе съ одной стороны платежная способность населенія, т.-е. доходность имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію и самый процентъ обложенія, а съ другой—текущіе расходы уѣзднаго земства на народное образованіе. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ и выяснилось, можетъ ли уѣздное земство и въ какой мѣрѣ своими средствами осуществить общедоступность начальнаго обученія, и если не можетъ, то какая помощь требуется для этого со стороны губернскаго земства. Такъ какъ доходность имуществъ, % обложенія и текущіе расходы на народное образованіе по уѣздамъ очень разнообразны и находятся въ разныхъ соотношеніяхъ между собою, то вслѣдствіе этого и въ распредѣленіи новыхъ расходовъ замѣчается то довольно значительное колебаніе, которое отмѣчено въ приведенной выше таблицѣ.

Губернская управа въ докладѣ своемъ, говоря о причинахъ неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ по губерніи, вслѣдствіе этой и неодинаковой напряженности платежной способности населенія, между прочимъ отмѣчаетъ, что причины эти отъ земства не зависятъ и не могутъ быть имъ измѣнены. Во всякомъ случаѣ губернское земство должно быть регуляторомъ въ этомъ отношеніи. Одно оно можетъ внести въ это дѣло нѣкоторое равновѣсіе и хотя нѣсколько возстановить нарушенную сложившимися историческими условіями жизни справедливость. Въ этомъ губернская управа видитъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ губернскихъ земскихъ учрежденій, цѣль ихъ существованія въ качествѣ отдѣльныхъ земскихъ единицъ.

Итакъ, что же въ концѣ-концовъ получитъ населеніе Московской губерніи, когда проектъ земства будетъ вполнѣ осуществленъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія цифры. Въ настоящее время всѣхъ школъ въ губерніи числится 874. Въ среднемъ на одну школу приходится: селеній—61, дворовъ—234 и дѣтей школьнаго возраста (9, 10 и 11 лѣтъ)—83. Послѣ того, какъ земскій проектъ будетъ осуществленъ, отношеніе числа школъ къ населенію измѣнится такъ: всего школъ будетъ 1,152, причемъ на одну школу будетъ приходиться: селеній—47, дворовъ—177 и дѣтей школьнаго возраста—63.

Таковы результаты тридцатилѣтней дѣятельности московскаго губернскаго земства въ сферѣ народнаго образованія. Результаты, можно сказать, блестящіе. Пройдетъ еще 5—10 лѣтъ, и въ Московской губерніи не будетъ уже неграмотныхъ. Неужели и послѣ этого найдутся люди, которые не постѣснятся дѣлать злостныя нападки на русское земство?!

В. Крандіевскій.

Современный Мадагаскаръ.

— Франція хочетъ удвоиться по пространству и учетвериться по богатству,—сказалъ мнѣ мистеръ Дж. Ф—дъ, когда были получены извѣстія о прибытіи генерала Дюшена въ Тананариву и о подписаніи въ тотъ же день мадагаскарскою королевой договора о французскомъ протекторатѣ. — Не ошиблись бы французы въ разсчетѣ: хотя бы потому, что ховасы, которыхъ они подчинили теперь, не составляютъ населенія цѣлаго Мадагаскара, а только небольшую часть такового; да, кромѣ того, они сами гораздо больше протестанты, чѣмъ католики, и еще протестанты, руководимые англійскими и американскими миссіонерами.

— Ну, когда дѣло идетъ о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ европейскихъ континентальныхъ государствъ въ другихъ частяхъ свѣта, вы, британцы, всегда являетесь пессимистами, ворчунами, что заставило бы меня полагать, что это дѣлается изъ зависти, еслибы, по отношенію именно къ вамъ, я не зналъ, что вы, человѣкъ благоразумный и дальновидный, не думаете такъ, что даже на занятіе вашимъ правительствомъ Египта вы смотрите косо.

— Египетъ—другое дѣло, не то, что Мадагаскаръ. И вы ошибаетесь, когда говорите, что я противъ занятія Каира англичанами. Я противъ грубаго пріема оккупаціи силою; но я ничего не буду имѣть противъ замѣны турокъ моими соотечественниками, которыхъ правительственныя способности извѣстны: это вѣдь, вѣроятно, и ваше мнѣніе, какъ человѣка много видавшаго и продумавшаго. Ну, а скажите, что пользы человѣчеству и въ частности мальгашамъ отъ завоеванія ихъ земли французами? Размноженіе французскихъ солдатъ, офицеровъ, чиновниковъ и заѣзжихъ спекуляторовъ изъ Марселя и Парижа, никогда не сливающихъ своихъ интересовъ съ туземными и нахально эксплуатирующихъ аборигеновъ?—Немного! Да и долговѣчно ли господство французовъ на островѣ Индѣйскаго океана, по берегамъ котораго мы хозяева? Захотимъ мы, и они volens-nolens уйдутъ съ Мадагаскара, какъ ушли въ свое время изъ Канады, изъ Индіи, съ Маврикія, съ Мальты. Разумѣется, во избѣжаніе вооруженной схватки, мы выберемъ подходящій моментъ, когда французы будутъ связаны по рукамъ

на континентѣ Европы, какъ итальянцы выбрали время вторженія пруссаковъ во Францію, чтобы занять Римъ. И тогда прощай Тананарива, Таматава, Мадзёнга, Діэго-Суаресъ и прочіе лакомые куски! Да еще мадагаскарцы сами попросятъ насъ принять ихъ подъ власть англійской королевы, чтобы наслаждаться мирнымъ развитіемъ, экономическимъ и интеллектуальнымъ, какъ сосѣдніе имъ индусы, которыхъ судьбы они знаютъ. Подумайте о томъ простомъ фактѣ, что французы вотъ уже двѣсти лѣтъ ходятъ около Мадагаскара, прицѣливаются къ нему, завоевываютъ его, заключаютъ трактаты съ нимъ, а все же ихъ миссіонеры имѣютъ всего 45,000 послѣдователей на островѣ, а наши 450,000; и королева протестантка, и при дворѣ у ней тоже протестанты, а не католики. Припомните, что у насъ въ Индіи пять университетовъ для туземцевъ, а у французовъ въ Алжиріи всего двѣ гимназіи, хотя центръ цивилизаціи у нихъ подъ бокомъ, не такъ, какъ у насъ въ Индостанѣ. Наши индусы засѣдаютъ въ правительственныхъ совѣтахъ Индіи, даже въ парламентѣ, а французы въ Алжиріи дали права гражданства презрѣннымъ еврейскимъ торгашамъ и смотрятъ, какъ на илотовъ, на многочисленныхъ мусульманскихъ туземцевъ. Вы, русскіе, покоривъ туркменъ, чуть не на другой день сформировали изъ нихъ эскадронъ для русской службы; кавказскіе горцы, съ которыми вы дрались шестьдесятъ лѣтъ, теперь составляютъ у васъ полки, дерущіеся противъ турокъ. Ну, а французы? Они боятся дать оружіе въ руки алжирцевъ, которыхъ военныя качества, казалось бы, должны были изучить и признать. На Мадагаскарѣ первое, съ чего они начали, было отобраніе оружія у туземцевъ: и вы думаете, что, слѣдуя этой системѣ и водворенію въ завоеванной странѣ бюрократіи, полиціи и купеческаго хищничества, они долго продержутся во власти?

— Не думаю ничего, потому что не знаю. Полагаю, что наша русская метода подчиненія инородцевъ — наилучшая, а вамъ и французамъ предоставляю состязаться въ выборѣ и оцѣнкѣ политическихъ пріемовъ, употребляемыхъ вами для усвоенія чужихъ земель. Замѣчу, что вы, англичане, считаете прочнымъ лишь такое завоеваніе, гдѣ туземное населеніе истреблено, какъ въ Австраліи, Новой Зеландіи, Сѣверной Америкѣ; мы, русскіе, оставляемъ покоренныхъ хозяевами страны въ экономическомъ смыслѣ, а себѣ беремъ только власть, причемъ армія не свирѣпствуетъ надъ туземцами, а живетъ съ ними въ мірѣ, и переселенцы изъ Россіи, закрѣпляющіе за ней край, приходятъ мало-по-малу и умѣютъ водворяться, никого не обижая; у французовъ солдатчина все думаетъ, что она — завоевательница, и соотвѣтственно съ этимъ обращается съ «побитыми», а чиновники видятъ въ покоренныхъ народахъ матеріалъ для эксплуатаціи, своей и купеческой. Полагаю, что это ошибка.

— И очень большая. Вотъ почему мы и не мѣшали французамъ затрачивать десятки милліоновъ франковъ и многія тысячи людей! Результатъ, вѣдь, будетъ тотъ же, что былъ въ XVIII вѣкѣ въ Индіи и Канадѣ: мы придемъ и явимся избавителями туземцевъ отъ военно-полицейской дикта-

туры, водворителями правосудія, спасителями аборигеновъ. А тамъ, что будетъ дальше,—Богъ вѣсть. Во всякомъ случаѣ, не французамъ же будетъ отнять у насъ разъ нами занятое.

— Итакъ, вы полагаете, что роль французовъ—расчистить Мадагаскаръ для васъ: провести дороги, устроить гавани, а главное—надоѣсть туземцамъ настолько, чтобъ они приняли васъ, въ подходящую минуту, какъ избавителей. Едва ли это очень... какъ бы сказать?... любезно.

— О! о любезности и о нѣжностяхъ не говорятъ въ политикѣ: тамъ все — расчетъ. Даемъ мы покамѣстъ французамъ побаловаться въ одномъ уголкѣ Индѣйскаго океана, *нашего* океана; ну, а когда будетъ нужно, дадимъ имъ по шапкѣ и станемъ такими же хозяевами на Мадагаскарѣ, какъ на Маврикіѣ, тоже бывшемъ когда-то владѣніемъ Франціи. А теперь пусть тѣшатся: ради этой потѣхи они намъ не мѣшаютъ въ Египтѣ, хоть и знаютъ, что, владѣя имъ, мы командуемъ французскими владѣніями на Мадагаскарѣ, Бурбонѣ, въ Индіи, Кохинхинѣ, Тонкинѣ, Новой Каледоніи и пр.

— Я премного вамъ благодаренъ за такое правдивое изложеніе видовъ британской политики и вполнѣ бы ихъ раздѣлилъ, еслибы не одно обстоятельство. Вы говорите, что Индѣйскій океанъ—вашъ, и къ этому пріурочиваете всѣ подробности мѣстной политики, какъ вещи естественно истекающія изъ этого основного положенія; прекрасно! Но гдѣ же ручательство, что именно Индія-то не выпадетъ у васъ изъ рукъ? А тогда почему же и океанъ будетъ вашимъ, а не всемірнымъ?

— Вопросъ этотъ теперь рѣшенъ безповоротно въ нашу пользу, и именно благодаря русской дипломатіи. Мы стоимъ теперь по обѣимъ сторонамъ Гиндукуша, мы владѣемъ всѣми чрезъ него проходами, и скорѣе вы, русскіе, можете опасаться отпаденія Туркестана, чѣмъ мы—Индостана. Годы 1871, 73, 85 и 95 памятны для насъ, какъ нѣчто отрадное въ исторіи нашей русско-азіатской политики: въ первомъ мы узнали, что вашъ представитель въ Тегеранѣ, разумѣется, нѣмецъ, ведя многіе годы переговоры съ персами о Туркменіи, не зналъ, которая изъ двухъ рѣкъ сѣвернѣе: Атрекъ или Гюргень? Во второмъ, т.-е. въ 1873, мы безъ труда убѣдились, что вашъ посолъ въ Лондонѣ, ведя переговоры о Туркестанѣ, не зналъ, что Оксъ и Аму-Дарья — одно и то же... Въ третьемъ мы обошли васъ по вопросу о Зульфагарѣ и отрѣзали вамъ навсегда доступъ въ Герать. Въ четвертомъ, то-есть вчера, въ 1895, англійскій флагъ развился на сѣверной сторонѣ Гиндукуша, и не только вамъ нѣтъ доступа въ Индію, но мы можемъ тревожить васъ на Оксѣ, Памирѣ и проч. Индустанъ теперь загороженъ съ сѣвера, и мы можемъ сосѣдній ему съ юга океанъ называть своимъ. Вѣдь, надѣюсь, что вы Мысъ Доброй Надежды, Наталь, Занзибаръ, Зейлу, Аденъ, Караччи, Бомбей, Цейлонъ, Бенгалію, Бирму, Малакку, западную Австралію считаете нашими. Ну, такъ зачѣмъ же намъ терпѣть на огороженномъ ими океанѣ французовъ или вообще иностранцевъ?

— Вѣрно. Я всегда удивлялся отчетливости вашихъ политическихъ

программъ и дома не мало говорилъ о не всегда для насъ выгодныхъ послѣдствіяхъ ихъ. Но такъ какъ рѣчь у насъ идетъ не объ Индіи, а о Мадагаскарѣ, то не можете ли вы, человѣкъ тамъ бывалый, указать мнѣ на источники точныхъ, безспорныхъ о немъ свѣдѣній? Я собираюсь туда поѣхать, но на очень короткое время,—нужно будетъ имѣть хорошее руководство для осмотра, главное—объективное, точное.

— Берите наши англійскія книги, отъ Сибри и Мюлленса до Бэчесора и Шау, берите, пожалуй, нѣмецкія, въ родѣ Иды Пфейферъ и Гильдебранта, но не берите французскихъ, слишкомъ тенденціозныхъ.

— Покорно благодарю за совѣтъ!

И, припоминая завѣтъ Екатерины: «спроси мнѣніе противника и поступи прямо противоположно его совѣту»,—я налегъ на французскую литературу о Мадагаскарѣ, въ которой есть такіе классическіе труды объ этой землѣ, какъ Грандидье, и такія современныя статьи, какъ Генриха Орлеанскаго, не считая уже статей изъ журналовъ 1895 — 96 годовъ... Пойдемте, читатель, даже прежде помѣщенія въ каюту французскаго парохода, который черезъ двадцать дней перенесетъ насъ изъ Марселя въ Мадзѣнгу, которую прошу не считать Майюнкою, какъ мы дѣлаемъ, глядя на нѣмецкія карты. Messageries Maritimes держатъ теперь франко-мальгашскую почтовую линію и хорошо кормятъ въ пути. А цѣна, взадъ и впередъ, отъ Марселя до Таматавы всего 1,900 франковъ въ первомъ классѣ. Прежде было одно ежемѣсячное плаваніе, теперь два.

Мадагаскаръ есть островъ, принадлежащій къ самымъ крупнымъ на земной поверхности: Гренландія, Новая Гвинея, Борнео, Мадагаскаръ, Суматра и Новая-Зеландія, если считать ея группу за одно цѣлое,—вотъ шесть небольшихъ материковъ, которые въ суммѣ превосходятъ Австралію, а порознь—Францію или Германію. И Мадагаскаръ больше Франціи на 11%, потому что онъ занимаетъ 590,000 кв. килом., тогда какъ Франція лишь 528,000 кв. килом. Сѣверный конецъ острова, мысъ Янтарный, лежитъ подъ 11°57′30″ южной широты, южный мысъ Св. Маріи—подъ 25°38′55″ той же широты; и такъ какъ они не на одномъ меридіанѣ, то кратчайшее разстояніе между ними равно не 1,470, а 1,700 километрамъ=1,610 верстамъ. А ширина острова, подъ среднею его параллелью, 19° ю. ш., равна 530 верстамъ, подъ 18° шир. даже болѣе. Принимая въ расчетъ его естественную производительность, какъ земли, лежащей почти сполна въ жаркомъ поясѣ и въ климатѣ влажномъ, мы можемъ смѣло сказать: вотъ будущее государство съ 50.000,000 населенія, которымъ жить будетъ вовсе не тѣсно. У французовъ ушки на макушкѣ отъ мысли, что имъ удалось пріобрѣсти, довольно дешевымъ способомъ, такую крупную «колонію», съ блестящею будущностью. Имъ и въ голову не приходитъ, что когда мальгаши возрастутъ въ числѣ до 50.000,000 и цивилизуются, то вовсе не пожелаютъ оставаться подданными западо-европейской націи, отдаленной отъ нихъ даже болѣе, чѣмъ Испанія отъ Кубы, и извѣстной своими эксплуа-

таторскими наклонностями. Скажутъ: когда пройдетъ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ лѣтъ, то въ составѣ населенія Мадагаскара будетъ много природныхъ французовъ, которымъ не захочется разрывать связи съ европейскою родиной, что и туземцы къ тому времени офранцузятся. Можетъ быть, но пока на это предположеніе можно лишь отвѣчать: «гипотеза, не имѣющая опоры въ исторіи прежнихъ французскихъ колоній». Французы въ своихъ «колоніяхъ» любятъ быть помѣщиками, купцами, чиновниками, а не трудящимся классомъ. Съ туземцами они не сливаются, а если и производятъ метисовъ, то послѣдніе уже перестаютъ быть патріотами чуждой имъ Франціи. Въ видѣ исключенія, генералъ Федербъ, въ бытность сенегамбійскимъ губернаторомъ, сдѣлалъ сенегальскихъ негровъ французскими гражданами; но мѣстные французы ихъ чуждаются или прямо надъ ними смѣются, а негры, въ свою очередь, не любятъ пришельцевъ за ихъ алчность и развратъ. Французскія колоніи вообще, во мнѣніи морскихъ державъ и чисто-колонизаторскихъ націй, суть лишь будущія владѣнія англійской королевы или германскаго императора, хотя послѣднему я плохо вѣрю въ виду хотя бы теперешнихъ южно-африканскихъ колоній нѣмцевъ.

Со словомъ «колонія» отъ давнихъ временъ у европейцевъ связывается мысль о странѣ, имѣющей естественныя морскія пристани, гдѣ колонисты и водворяются, прежде всего, и откуда ведутъ систематическое поглощеніе менѣе образованныхъ туземцевъ, только ли экономическое или вмѣстѣ и политическое, даже расовое, т.-е. зоологическое. Морскія пристани—это главное дѣло для европейцевъ, собирающихся водвориться въ той или другой странѣ. Въ этомъ смыслѣ Мадагаскаръ есть островъ какъ бы самою природой предназначенный для пришельцевъ съ сѣверо-запада. Почти всѣ его бухты находятся въ сѣверо-западной части морскихъ прибрежій; тогда какъ на юго-востокѣ и юго-западѣ сносныхъ бухтъ нѣтъ, и если таковыя когда-либо существовали, то давно занесены песками или загорожены коралловыми рифами. Послѣднее явленіе особенно замѣтно на восточномъ берегу острова, гдѣ кораллы выпрямили береговую линію, скрывъ большіе заливы и обративъ ихъ въ рядъ лагунъ или озеръ, которыя, можетъ быть, со временемъ, благодаря искусству инженеровъ, сольются въ одинъ каналъ, связанный съ моремъ рядомъ искусственныхъ устьевъ. На сѣверо-западѣ открытыя бухты, начиная отъ мыса Св. Андрея, суть: Бали, Марабици, Боина, Бомбетоке (Мадзѣнга), Магажамба, Нарендри, Раманетака, Рафала, Пассандава, Бакулли, Амбаро, Фандрона, Амбаванибе и Діэго-Суарецъ. Послѣдняя имѣетъ входъ уже съ сѣверо-востока и представляетъ такія морскія удобства, что по справедливости можетъ быть названа первымъ портомъ Индійскаго океана. Опасаясь вкусовъ Англіи къ подобнымъ твореніямъ природы, французы уже давно заняли ее, т.-е. соорудили тамъ фортъ, казармы и другія зданія, которыми, по ихъ мнѣнію, характеризуется цивилизація; но торговли тамъ почти нѣтъ. Почтовый пароходъ, огибающій Мадагаскаръ съ сѣвера. между Мадзѣнгою и Таматавою, заходитъ два раза въ мѣсяцъ, сдаетъ почту, высаживаетъ или принимаетъ немногихъ пасса-

жировъ и запасается углемъ: вотъ и все. Для торговли Мадагаскара это, пока, пунктъ неважный. На восточномъ берегу Мадагаскара теперь самая замѣтная гавань есть Таматава, совсѣмъ открытая съ востока и юга, но важная потому, что изъ нея отходятъ: кратчайшій морской путь на Реюньонъ и Маврицiусъ и сравнительно сносная сухопутная тропа въ Тананариву. Затѣмъ по восточному берегу нужно спуститься къ югу на цѣлыя 700 верстъ, чтобы найти маленькій портъ у бывшаго французскаго форта Дофина. На югѣ находится бухточка Крюйзеръ, на западѣ—мелководныя бухты при устьяхъ рѣкъ Онилаги (Св. Августина), Мангоки (Ямпасилава) и др., неважныя.

Изъ собственно морскихъ бухтъ и даже изъ устьевъ рѣкъ водяной доступъ внутрь страны, однако же, рѣдкость. Причина понятна. Вслѣдствіе конфигураціи почвы рѣки Мадагаскара не длинны и въ недалекомъ уже разстояніи отъ устья распадаются на множество мелкихъ рѣчекъ, вовсе не судоходныхъ. Нельзя сказать, чтобъ эти рѣчки были маловодны; напротивъ, въ дождливое время года онѣ полны водой, но верховья ихъ, протекающія въ горахъ, быстры, а вершины этихъ горъ находятся отъ моря въ разстояніяхъ всего какихъ-нибудь 50—120 верстъ въ восточной трети Мадагаскара и 100—300 верстъ на западныхъ двухъ третяхъ: развитію судоходныхъ руслъ этимъ кладется предѣлъ, часто весьма ограниченный. Наибольшая рѣка острова есть Икопа-Бецибоне, она имѣетъ не свыше 450 верстъ длины, а судоходна какія-нибудь 130 верстъ, да и то лишь для плоскодонныхъ барокъ, а для килевыхъ судовъ и того менѣе. Французы ею пользовались при наступленіи отъ Мадзёнги къ Тананаривѣ; но нужно будетъ сдѣлать большія гидротехническія сооруженія, чтобъ утилизировать ее для торговли, постоянной и правильной. Другія рѣки западнаго берега, Магажамба, Монамболо, Цицобогина-Манія, Мангока, Онилаги, находятся въ тѣхъ же условіяхъ и тоже мало судоходны; а на восточномъ берегу судоходныхъ рѣкъ совсѣмъ нѣтъ, за малою длиной ихъ и быстрымъ паденіемъ.

Дѣло въ томъ, что Мадагаскаръ во всю длину раздѣленъ становымъ кряжемъ довольно значительной высоты, и сбѣгающія съ него рѣчки или слишкомъ быстры, или разливаются въ широкіе, но мелководные лиманы. И хребетъ этотъ лежитъ ближе къ восточному берегу, чѣмъ къ западному, именно вдвое и даже мѣстами втрое. У верховьевъ двухъ главныхъ западныхъ рѣкъ, Икопы и Цицобогины, лежитъ довольно высокое плато Имерины, этого средоточія теперешняго политическаго Мадагаскара, земли Ховасовъ: плато прислонено къ водораздѣлу и, такимъ образомъ, защищено съ востока; и это было причиною, что французы пришли съ запада, отъ Мадзёнги, а не съ востока, отъ Таматавы, несмотря на то, что таматавская дорога короче и была лучше извѣстна, чѣмъ мадзёнгская. Независимо отъ главнаго кряжа, котораго вершины достигаютъ: Амбогинирандрапа—2,350 метровъ, Анкавипуке—2,530 м., Ціафакафо—2,540 и Ціафажавона—2,590 м., есть цѣлая серія хребтовъ второстепенныхъ и почти всюду па-

раллельныхъ главному: чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ они ниже. Вообще же на Мадагаскарѣ нѣтъ вѣчно-снѣжныхъ вершинъ, и снѣгъ въ странѣ есть вещь очень рѣдкая, почти не извѣстная на большей части острова.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе положенія острова между 12 и 25° шир. и среди океана, климатъ на немъ жаркій и влажный. Однако, удовлетворительныхъ цифръ по его климатологіи привести пока нельзя. Годовыя изотермы Индійскаго океана чертятся такъ, что у сѣвернаго конца Мадагаскара предполагается средняя температура въ 27° Ц., а у южнаго около 22° Ц., но это не опытныя данныя, а выводы изъ соображеній, хотъ и не лишенныхъ нѣкоторыхъ фактическихъ основаній. На дѣлѣ лучше другихъ извѣстны измѣненія тепла и погоды въ Таматавѣ, въ Тананаривѣ и Діэго-Суаресѣ; онѣ показываютъ, что въ Таматавѣ, въ зимнія ночи, т.-е. въ іюлѣ, термометръ опускается до+15° Ц., а въ лѣтніе дни, въ декабрѣ и январѣ, онъ возвышается до 34° Ц. Въ Тананаривѣ, на высотѣ около 800 м. надъ моремъ, минимумъ теплоты бываетъ + 8° Ц., а максимумъ 28,5°: для европейцевъ лучшихъ теплородныхъ условій и желать бы нельзя. А что до влажности, то она въ высшей степени утомительна и вредна на низкихъ прибрежьяхъ Мадагаскара, но съ удаленіемъ отъ береговъ становится сносною. Дождей идетъ много; но они распредѣляются по временамъ года и соотвѣтственно вѣтрамъ. Дождливый сезонъ есть лѣто, съ октября по май, почему французы и свой походъ на Тананариву старались окончить и дѣйствительно окончили около 1 октября. Недаромъ же на министерскія совѣщанія въ Парижѣ, опредѣлявшія ходъ экспедиціи, приглашался физикъ-географъ и натуралистъ Грандидье, отлично изучившій Мадагаскаръ. Я самъ его видѣлъ, въ Елисейскомъ дворцѣ, на этихъ совѣщаніяхъ.

Климатическія условія Мадагаскара, вообще очень благопріятныя для развитія пышной растительности, совсѣмъ не то представляютъ по отношенію къ животному царству, особенно къ людямъ. Береговыя низменности суть мѣстопребываніе микробовъ, порождающихъ болотную лихорадку, и сами туземцы не могутъ освоиться съ нею, а пришельцы изъ холодныхъ и умѣренныхъ странъ положительно вымираютъ. Также и внутри страны, гдѣ разведены рисовыя поля, смерть есть явленіе обыкновенное, наприм., для европейцевъ. И можетъ быть, что размноженіе и физическое преобладаніе ховасовъ обусловливаются тѣмъ, что эти люди, вначалѣ немногочисленные и слабые, забрались на плоскогоріе Имерины, вырубили тамъ лѣса и черезъ то осушили почву. Но плоскогорія не особенно часты на Мадагаскарѣ, особенно въ сѣверной, экваторіальной его половинѣ, гдѣ хоть и не мало горъ, но низкія между ними долины отличаются ультра-влажнымъ и жаркимъ климатомъ.

Мадагаскаръ плохо обслѣдованъ въ геологическомъ отношеніи. Однако извѣстно, что основной кряжъ его сложенъ изъ породъ плутоническихъ: гранита, пегматита, діорита, или волканическихъ—трахита, базальта и проч. Много кристаллическихъ сланцевъ метаморфическаго происхожденія;

но много, даже больше, обыкновенныхъ осадочныхъ породъ, въ которыхъ палеонтологи могутъ разсчитывать на богатую добычу древнихъ растеній и животныхъ. Въ Парижѣ осенью 1895 г. была довольно разнообразная выставка произведеній Мадагаскара, составленная изъ коллекцій музея естественной исторіи, г. Грандидье и другихъ изслѣдователей острова: это представляло нѣчто высоко-интересное въ научномъ смыслѣ; но геологія и минералогія были представлены слабо. Однако многіе продукты плутоническаго происхожденія бросались въ глаза, «во-первыхъ, массы гіалина или горнаго хрусталя, уже 150 лѣтъ представляющіе важную статью торговли, по объему и чистотѣ воды штуфовъ; потомъ аметисты и желтые топазы, очень обильные на островѣ, и турмалины. Послѣдніе были найдены въ видѣ огромныхъ кристалловъ—желтыхъ, зеленоватыхъ, розовыхъ, иногда полосатыхъ. Затѣмъ слѣдовали на выставкѣ сафиры, гранаты, цирконы, спутники турмалиновъ. Много публики привлекали самородки золота съ пріисковъ Сюберби, который свое пріисковое селеніе назвалъ Сюберби-виллемъ и умѣлъ, во время экспедиціи 1895 г., привлечь туда военныя власти и врачей, основавшихъ тутъ походныя больницы и интендантскіе склады для войскъ. Коллекція Сюберби на выставкѣ въ музеѣ содержала еще многіе вышеупомянутые минералы и, между другими, куски самородной мѣди, магнита и друг. вещества, имѣющія большую практическую важность. Въ сѣверной части Мадагаскара особеннаго вниманія заслуживаетъ мѣсторожденія каменнаго угля, занимающія около 3,000 квадратныхъ километровъ и дающіе уголь разныхъ сортовъ: для топки, для приготовленія газа и проч.

По сѣверо-западному берегу эти каменноугольныя залежи были обслѣдованы инженеромъ Гильѣменомъ на протяженіи около 100 верстъ, между мысомъ св. Севастьяна и бухтой Амбаватобя. Изъ нихъ теперь добывается уголь для пароходовъ мадагаскарской почтовой линіи. Во многихъ частяхъ Мадагаскара извѣстны руды желѣза, которыя отчасти разрабатываются,—правда, очень примитивно,—наприм., въ Имеринѣ, Бецилео и Анцихіанскѣ. Эти скопленія желѣзныхъ массъ иногда оказываютъ такое вліяніе на магнитную стрѣлку компаса, что употребленіе послѣдняго для съемокъ становится невозможнымъ. Есть свѣдѣнія о нахожденіи на островѣ и другихъ полезныхъ металловъ, наприм., свинца; но все это пока ждетъ, для эксплуатаціи, капиталовъ и опытныхъ горныхъ инженеровъ.

Съ самаго открытія Мадагаскара европейцами, въ началѣ XVI столѣтія, его растительность была признана роскошною, да и есть такова доселѣ, только не вездѣ. Естествоиспытатель Грандидье, видѣвшій собственными глазами большую часть острова во второй половинѣ XIX столѣтія, справедливо замѣтилъ, что нынѣ многія мѣстности лишились лѣсовъ, т.-е. пышной зелени, а иногда даже обратились въ пустыри, песчаные или каменистые. Произошло это отъ неумѣлаго хозяйства туземцевъ, не стѣснявшихся производить лѣсные пожары ради расчистки земель подъ пашни. За всѣмъ тѣмъ, современная флора Мадагаскара есть одна изъ лучшихъ

на земномъ шарѣ. Въ общемъ можно замѣтить, что это флора густыхъ тропическихъ лѣсовъ на восточномъ склонѣ основнаго кряжа и лѣсовъ же, перемѣшанныхъ съ травянистыми равнинами и даже степями, слабо покрытыми зеленью,—на западной покатости. Но какъ рѣчное орошеніе повсюду изобильно и воздухъ влаженъ, то даже на Западѣ вдоль рѣкъ, у воды, вездѣ древесная растительность богатая, только менѣе разнообразная, чѣмъ въ горахъ. Не имѣя возможности, ни даже надобности, перечислять здѣсь массу видовъ, родовъ и даже семействъ мадагаскарскихъ растеній, остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя чѣмъ-нибудь выдаются, чѣмъ-нибудь отличаютъ страну отъ другихъ тропическихъ или введены въ разрядъ воздѣлываемыхъ человѣкомъ для его надобностей. Вотъ три или четыре вида знаменитаго растительнаго гиганта, адансоніи: нѣкоторые изъ нихъ не встрѣчаются на материкѣ Африки, ни въ Индіи, ни въ Австраліи; они спеціально мадагаскарскіе, урожденные, когда и какъ?—мы не знаемъ, но на островѣ... Вотъ домбейя, видъ бобовыхъ, съ огромными цвѣтами, а вотъ тангинія, дерево ядовитое, котораго смертоносный продуктъ употребляется у суевѣровъ Мадагаскара для пробнаго отравленія не уличенныхъ преступниковъ: умретъ, молъ,—ну, значитъ виноватъ; а останется живъ,—ну, правъ: самъ Богъ доказалъ. Ядъ похожъ по качествамъ на дигиталинъ, получаемый у насъ изъ жженыхъ ногтей и роговъ; нѣсколько миллиграммовъ его достаточно, чтобъ убить человѣка. Вотъ растеніе односѣмянодольное, увирандра, у котораго листья имѣютъ видъ кружевъ; вотъ панданы, пальмы и между ними характерныя для восточной части острова пальмы-малютки. Между культурными растеніями первое мѣсто, конечно, принадлежитъ рису, котораго поля тянутся иногда на значительное разстояніе и, какъ вездѣ, служатъ для распространенія болотныхъ лихорадокъ. Но Мадагаскаръ производитъ и кофе, сахарный тростникъ, бананы и цѣлую серію плодовъ, на сѣверѣ доходящихъ до Средиземнаго моря и столь извѣстныхъ въ Европѣ: апельсиновъ, лимоновъ, гранатовъ, персиковъ и т. п. Съ другой стороны, на немъ мѣстами разводится произведеніе самаго жаркаго пояса, именно океанической его части,—хлѣбное дерево. Давно извѣстны и кокосы, по преданію занесенные изъ Индіи моремъ, но не особенно любимые мадагаскарцами. Это стоитъ замѣтить съ ботанико-географической и этнографической точки зрѣнія, что многія культурныя, но нетуземныя, растенія хоть и водворяются людьми въ странѣ, но не имѣютъ успѣха. Такъ пшеница и кукуруза, которыми питаются люди въ южной Европѣ, мало популярны у мадагаскарцевъ; а горохъ и бобы привились очень. Не мало на островѣ красильныхъ, маслоплодныхъ и разныхъ пряностей, пока впрочемъ уступающихъ произведеніямъ Малайскаго архипелага: они ждутъ свѣдущихъ воздѣлывателей.

Животное царство очень разнообразно на островѣ; и если изъ бывшихъ звѣрей нѣтъ слона, водящагося въ сосѣдней Африкѣ, то есть гиппопотамъ,—нѣтъ льва, то есть цѣлый рядъ другихъ большихъ кошекъ. Но еслибы нужно было въ двухъ словахъ охарактеризовать зоологическую

производительность Мадагаскара, то можно бы сказать: это царство лемуровъ и черепахъ. Мадагаскарскіе лемуры—это ходячая глава изъ зоологіи, и не Кювье, а какого-нибудь современнаго дарвиниста, послѣдователя ученія о преобразованіи животныхъ формъ одной въ другую. Съ одного конца ряда вы видите почти обезьянъ, съ другого—бѣлокъ, и переходы очень постепенны и правильны. Чтобъ утѣшить зоологовъ-классиковъ и ихъ почитателей, стоило бы привести латинскую терминологію мадагаскарскихъ лемуровъ; но изъ вѣжливости передъ читателемъ я приведу лишь названія родовъ, оставляя въ сторонѣ виды: Indris, Propitecus, Ahavis, Lemour, Cheirogaleus и Cheiromys, изъ которыхъ лемуры, или маки, имѣютъ одиннадцать породъ, протопитехи, т.-е. предъобезьяны—шесть и т. д. Черепахъ классификаторы не раздѣлили на такое большое число видовъ (ради поставленія въ концѣ названія имени натуралиста), но за то отдали справедливость ихъ индивидуальной многочисленности и особенно размѣрамъ. Вѣдь, имѣются животныя столь большія, что въ черепѣ ихъ можетъ помѣщаться человѣкъ, согнувшись или вытянувшись, какъ въ *Testudo elephantina* или *T. Grandidierii*. У черепахи *Pyxis* нижняя половина черепа не спаяна съ верхнею, а движется отдѣльно; черепаха лучистая не встрѣчается нигдѣ, кромѣ Мадагаскара. Для оцѣнки этого черепашьяго царства съ научной стороны стоитъ замѣтить, что гады этого класса очень многочисленны вообще въ западной половинѣ Индійскаго океана, и напримѣръ, на Сешельскихъ островахъ жители почти одними ими и кормятся, такъ что у губернатора за обѣдомъ подаютъ супъ черепашій, черепахъ подъ соусомъ, черепахъ жареныхъ и т. д.; говядину онъ получаетъ только съ заходящихъ на острова пароходовъ.

Еще зоологическую особенность Мадагаскара составляютъ птицы, часто огромныхъ размѣровъ, но, къ сожалѣнію, нерѣдко перешедшія уже въ состояніе ископаемыхъ. Сюда относится, наприм., пресловутый *Aepyornis* въ полторы сажени высоты и имѣвшій яйца въ 148 разъ больше куриныхъ. Между живущими породами птицъ, очень многочисленными, есть также весьма крупныя и сильныя, дневныя и ночныя, водяныя и сухопутныя, хищныя и зерноядныя. Орнитологамъ тутъ предстоитъ еще много работы, несмотря на то, что нѣкоторые европейскіе музеи уже содержатъ много мадагаскарскихъ пернатыхъ.

Рыбы, разумѣется, многочисленны въ мадагаскарскихъ водахъ, какъ въ прѣсныхъ, такъ и въ соленыхъ. Про нихъ натуралистами сдѣлано замѣчаніе, что встрѣчающіяся въ рѣкахъ породы гораздо ближе къ южноамериканскимъ, чѣмъ къ африканскимъ, но, быть можетъ, это еще требуетъ повѣрки. Замѣчательно полное отсутствіе семги и чебака.

Изъ насѣкомыхъ перепончатокрылыя, водящіяся на Мадагаскарѣ, по замѣчанію г. Соссюра, больше напоминаютъ своихъ азіатскихъ собратій, чѣмъ африканскихъ. То же установилъ для жесткокрылыхъ Кункель, который видитъ у мадагаскарскихъ жуковъ больше родства съ остъ-инд-

скими и малайскими, чѣмъ съ африканскими. А чешуекрылые (бабочки), по Грандидье, напротивъ, близки къ породамъ Африки, можетъ быть потому, что вѣтру ихъ легче переносить черезъ Мозамбикскій проливъ, чѣмъ жуковъ.

Естественная исторія мадагаскарскихъ слизняковъ написана Кроссомъ и Фишеромъ; но она не представляетъ ничего выдающагося. Многочисленные кораллы и другія низшія животныя ждутъ своего описанія въ одномъ изъ томовъ изданія Грандидье; но когда оно выйдетъ, еще не извѣстно.

Между животными, прирученными человѣкомъ, первое мѣсто на Мадагаскарѣ занимаетъ быкъ (зебу), отличный отъ европейскаго тѣмъ, что имѣетъ жирный горбъ, но дающій такое же мясо. Эта говядина и рисъ составляютъ главныя питательныя вещества для людей на островѣ; часть скота даже вывозится на Реюньонъ и Маврицiусъ. Другое распространенное домашнее животное есть овца, съ некурчавою и тонкою шерстью, затѣмъ коза. Замѣчательно, что овцы имѣютъ курдюкъ, подобный жирному горбу коровъ. Лошади рѣдки и для работъ не употребляются, а только для верховой ѣзды. Такъ какъ въ странѣ экипажныхъ дорогъ, до послѣдняго времени, не было, то и запряжка въ телѣгу лошадямъ неизвѣстна. Изъ домашней птицы наиболѣе своеобразны цесарки, крупныя по росту, да и другія куриныя породы, которыхъ яйца и мясо употребляются въ пищу. Собаки и кошки обыкновенны, какъ у насъ, а пчелы едва ли не многочисленнѣе и, благодаря обилію цвѣтовъ, производительнѣе на медъ.

Отъ предметовъ домашней жизни людей вполнѣ естественный переходъ къ самимъ людямъ. Тутъ Мадагаскаръ представляетъ большой интересъ этнографическій и политическій, не говоря уже о нѣкоторыхъ бытовыхъ особенностяхъ. Начнемъ съ этнографіи.

Откуда взялись мальгаши и что это за народъ? На всемъ протяженіи Мадагаскара, отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку, люди говорятъ *однимъ* языкомъ, несомнѣнно малайскимъ, такъ что мѣстныя отличія суть не больше, какъ нарѣчія, говоры; корни же и грамматика одни. Между тѣмъ изученіе типовъ физіологическихъ и исторіи страны показываетъ, что тутъ смѣшались три расы: кафры изъ Африки, семиты изъ Азіи и малайцы съ Зондскихъ острововъ. Любопытно, что разноплеменные люди, говорящіе теперь по-малайски, вѣроятно въ силу политическаго подчиненія этой расѣ, не имѣютъ своей письменности, а прибѣгаютъ для письма къ арабскому алфавиту, въ послѣднее время къ латинскому въ его англизированной формѣ. Вотъ филологамъ и антропологамъ задача: какъ все это случилось и когда? Для поясненія господства малайскаго языка можно бы прибѣгнуть къ преданію, которое гласитъ, что нынѣшніе повелители острова, ховасы, суть не болѣе, какъ выходцы съ Малайскаго архипелага, прибывшіе на Мадагаскаръ въ началѣ XVI столѣтія. Но тутъ есть серьезныя воз-

раженія. Во-первыхъ, ховасы вовсе не отличались такимъ высокимъ уровнемъ образованія, чтобы въ какихъ-нибудь три столѣтія заставить говорить своимъ языкомъ населеніе цѣлой страны съ Германію. Во-вторыхъ, они сначала были на Мадагаскарѣ чѣмъ-то въ родѣ рабовъ, а власть пріобрѣли лишь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, послѣ ряда войнъ, которыя едва ли могли сблизить духовно разнородныя племена, разсѣянныя по горамъ и лѣсамъ. О постепенномъ наплывѣ зондскихъ малайцевъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ нѣтъ и рѣчи; какъ же могла сформироваться въ три вѣка одноязычная нація изъ мелкихъ племенъ, между которыми не было даже ни одного грамотнаго? Ясно, что языкъ установился раньше XVI столѣтія и что негритянскіе и арабскіе поселенцы на Мадагаскарѣ издавна привыкли говорить по-малайски, т.-е. на языкѣ *коренного,* туземнаго большинства. Лицъ, желающихъ вдуматься въ предметъ, отсылаю къ классической грамматикѣ этого языка, составленной пасторомъ Веберомъ, къ сходнымъ трудамъ Айллу и Марэкъ-де-Марра, и къ мадагаскарскимъ журналамъ, которыхъ есть не меньше семи, англо- или даже франко-малайскихъ.

Классификація мадагаскарскаго населенія нынѣ довольно порядочно установлена; однако, мы, все-таки, не можемъ ручаться, что въ ней нѣтъ пропусковъ или смѣшенія названій. Къ этому несовершенству этнографіи присоединяется еще большее несовершенство статистики, про которую можно сказать, что если она существуетъ, то основана на болѣе или менѣе приблизительныхъ цифрахъ миссіонеровъ. Наиболѣе многочисленнымъ племенемъ считаются ховасы: ихъ есть отъ 800,000 душъ до милліона; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе смышленые, иногда объевропеившіеся, во всякомъ случаѣ господствующіе. Ихъ королева носитъ платья отъ парижской модистки; ихъ чиновники имѣютъ мундиры съ шитыми воротниками, европейскаго покроя. Затѣмъ, по числу, слѣдуютъ сакалавы, жители западной трети острова и враги ховасовъ: ихъ тоже насчитываютъ до милліона. Ростомъ небольшіе, они, однако, хорошіе воины. Одѣваются какъ Богъ послалъ, а иногда и совсѣмъ не имѣютъ одежды, кромѣ пояса на чреслахъ. Бецилеи, на югѣ отъ ховасовъ,— 600,000 людей рослыхъ, съ толстыми губами а плоскимъ носомъ, съ кожею болѣе темною, чѣмъ у ховасовъ. Хорошіе семьяне, менѣе плутоваты, чѣмъ ховасы, и вообще болѣе честны, чѣмъ другіе туземцы Мадагаскара, но охотники до тяжбъ и процессовъ. До подчиненія ховасамъ жили въ городахъ, по вершинамъ горъ, болѣе или менѣе труднодоступнымъ; теперь живутъ по фермамъ, которыхъ защиту составляетъ густая ограда изъ колючихъ кактусовъ. Бецимисараки, сосѣди ховасовъ съ востока, у Таматавы и сѣвернѣе ея, по берегу Индійскаго океана, до 400,000 людей рослыхъ и кроткихъ нравомъ. Ихъ имя показываетъ, что они составляютъ союзъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ: общая всѣмъ имъ ненависть къ ховасамъ, такъ что французы на нихъ разсчитываютъ въ случаѣ возстанія послѣднихъ. Такъ какъ дорога изъ Тама-

тавы въ Тананариву проходитъ по ихъ землямъ, то они давно уже присмотрѣлись къ европейцамъ и выучились отъ нихъ пьянствовать. Нѣкогда въ числѣ ихъ вождей были метисы европейско-мальгашскіе, и тогда они занимались пиратствомъ по берегамъ Мадагаскара и острововъ Коморскихъ; но ховасскій король Радама I однажды зазвалъ къ себѣ ихъ вождей въ гости и всѣхъ перерѣзалъ: отсюда подчиненіе народа ховасамъ и ненависть къ нимъ. Сиганаки, сосѣди предыдущихъ съ запада, вокругъ озера Алаотры, гдѣ сѣютъ рисъ и ловятъ рыбу и раковъ. Ихъ городъ, Амбатондразака, есть одинъ изъ важныхъ торговыхъ пунктовъ Мадагаскара. Въ краѣ воздѣлывается, между прочимъ, сахарный тростникъ, въ пользу казны ховасовъ. Безанозаны или тонкаи, ближайшіе сосѣди Имерины и Тананаривы съ востока и сосѣди сиганаковъ съ юга, приготовляютъ циновки и разныя ткани; многіе занимаются переноской товара чрезъ горы. Антеморы, подъ 21—22° ю. шир., въ восточной половинѣ Мадагаскара, предполагаемые потомки мавровъ, т.-е. арабовъ. Ихъ начальники не наслѣдственные, а выборные; они воинственны и сильны тѣлосложеніемъ; ховасовъ не любятъ. Антаносы, обитатели юго-восточнаго Мадагаскара, вокругъ форта Дофина, мелкіе ростомъ, но смышленые, не очень расположены къ бѣлымъ, т.-е. къ европейцамъ, но сами болѣе свѣтлокожіе, чѣмъ остальные мальгаши. Они плотники и кузнецы, вообще народъ рабочій, годный въ любыя европейскія мастерскія. На самомъ югѣ Мадагаскара, у мыса Св. Маріи и по западному берегу до бухты Св. Августина, живутъ тандрои, машикоры и махафалы, люди *независимые* отъ ховасовъ, бѣдные, но не только воинственные, а и склонные къ торговлѣ. Часть ихъ страны составляетъ степь.

Перечисливъ, такимъ образомъ, главныя племена Мадагаскара, мы могли бы теперь, въ противоположность слишкомъ краткой характеристикѣ ихъ, остановиться подробнѣе на господствующемъ народцѣ, ховасахъ, имя котораго теперь стало извѣстно цѣлому свѣту; но тутъ современность была бы не вполнѣ понятна безъ исторіи, а потому и перейдемъ къ послѣдней, тѣмъ болѣе, что она не длинна.

Какъ выше было упомянуто, малайскіе ховасы явились на Мадагаскаръ въ началѣ XVI вѣка, то-есть когда уже у береговъ острова плавали португальскіе корабли. Это одновременное прибытіе пришельцевъ съ далекаго Востока и еще болѣе дальняго Запада могло бы имѣть крупныя послѣдствія тогда же, еслибъ европейцы заинтересовались полудикимъ, по ихъ мнѣнію, островомъ, а не пошли на материки Африки и Азіи, гдѣ уже была широкая міровая торговля; но столкновенія европейцевъ съ малайцами не случилось. Мало-по-малу, уже въ XVII столѣтіи, на Мадагаскаръ и сосѣдніе ему острова Коморскіе и Маскаренскіе нацѣлились французы «великаго короля», Людовика XIV, и основали тамъ военно-торговые посты, вродѣ форта Дофина и нѣкоторыхъ другихъ: на о-вѣ Св. Маріи, въ Фенеривѣ и

Манарѣ. Въ 1648 году французское правительство послало въ фортъ Дофинъ начальника флотиліи Этьена де-Флакура и дало ему титулъ генералъ-губернатора Мадагаскара; на какомъ основаніи?—трудно сказать. Конечно, по праву сильнаго, ибо европейскихъ соперниковъ не было, а съ туземцами французы не думали церемониться. Въ 1664 году министръ Кольберъ, по тогдашнему обычаю, создалъ, для занятія Мадагаскара, промышленное товарищество, подъ названіемъ «Восточной компаніи», и домогательства Франціи на владѣніе островомъ начались. Собственно говоря, по тогдашнимъ европейскимъ понятіямъ, тутъ не было ничего незаконнаго, наглаго, потому что африканскіе народы были внѣ международнаго права и покорять ихъ могъ всякій, у кого была охота и сила. Только у Людовика XIV были неугомонные соперники—англичане. Они рѣшились помогать туземцамъ противъ французовъ, негласно, но настойчиво; и вотъ возникновеніе могущества ховасовъ, союзниковъ Англіи, съ которой они торговали, отъ которой получали и оружіе, годное если не для борьбы съ французами, то для покоренія туземныхъ народцевъ. Теперь понятенъ основной смыслъ новѣйшихъ событій на Мадагаскарѣ. Англичане, вовсе не стремясь завоевать Мадагаскаръ оружіемъ и приравнять его, наприм., къ Цейлону и Индіи, странамъ цивилизованнымъ, стали постепенно вводить тамъ свое вліяніе, частію черезъ миссіонеровъ, частію черезъ торговцевъ. Это нравилось ховасамъ, но возбуждало ярость французовъ. Прочитайте небольшой томъ о Мадагаскарѣ Рауля Постеля, вышедшій въ 1886 году, съ предисловіемъ г. де-Маги, вице-президента французской палаты и депутата острова Реюньона: вы получите ясное понятіе объ англо-французской взаимной ненависти, напоминающей поры столѣтней и наполеоновскихъ войнъ. Съ откровенностью долженъ сказать, что, согласно съ замѣчаніемъ Дж.-Ф-а, ничего подобнаго мнѣ не случилось встрѣтить въ англійской литературѣ о Мадагаскарѣ, вообще довольно приличной, хотя и пристрастной.

Наученные Англіею и еще больше привязчивостью французовъ, ховасы давно уже старались отдѣлаться отъ послѣднихъ, которые между тѣмъ придумали какія-то права на Мадаскаръ, опертыя будто бы на документы. Никакихъ документовъ нѣтъ и не было до самаго недавняго времени. Развѣ, если считать хартію Восточной Костаніи, въ которой Людовикъ XIV былъ акціонеромъ; но это документъ вовсе не обязательный для ховасовъ и даже едва ли имъ извѣстный; онъ не имѣетъ никакой международной силы. Даже фактическіе захваты французовъ были мало-по-малу оставлены ими, и въ 1811 году на Мадаскарѣ явились было англичане, занявшіе Таматаву, Фульполитъ и портъ Лукезъ. По счастію для французовъ миръ, 1814 г. возвратилъ имъ на бумагѣ ихъ воображаемыя права на Мадаскаръ и Маскаренскіе острова; но тутъ вышло нѣчто забавное. Англійскій губернаторъ Маврицiуса (по догдашнему Иль-де-Франса) отказался исполнить постановленія дипломатовъ относительно этого острова, ставшаго уже англійскою колоніей, да приравнялъ къ Маврицію и Мадагаскаръ, какъ землю зависи-

мую. Могло бы выйти вооруженное столкновеніе между двумя большими европейскими націями, еслибы не Вѣнскій конгрессъ, по которому изъ Маскаренскихъ острововъ Бурбонъ былъ возвращенъ Франціи подъ именемъ Реюньона, Маврицiусъ остался за Англіей, а Мадагаскаръ не признанъ ни англійскимъ, ни французскимъ. Только по настоянію реставраціоннаго правительства Франціи британскій кабинетъ согласился отмѣнить заявленіе своего губернатора о томъ, что Мадагаскаръ былъ «землею зависимою» отъ Маврицiуса. Но, уступая на словахъ, англичане вовсе не думали отдавать Мадагаскаръ французамъ на дѣлѣ. Напротивъ, они рѣшили создать тамъ сильное туземное государство, которое бы охватило весь островъ и помѣшало французскому властолюбію. Три кандидата на управленіе проектированнымъ государствомъ было у англичанъ: королева сакаловъ, таматавскій правитель мулатъ Жанъ-Рене и король ховасовъ Радама. По зрѣломъ обсужденіи дѣла рѣшено было выдвинуть на первый планъ послѣдняго, какъ наиболѣе энергичнаго и стоявшаго во главѣ наиболѣе способнаго племени. Радама оправдалъ возлагавшіяся на него надежды: онъ довольно быстро покорилъ племена, сосѣднія родной Имеринѣ, при помощи войскъ, обученныхъ англійскими унтеръ-офицерами, за что и былъ признанъ оффиціально, чрезъ англійскаго губернатора о-ва Маврицiя, сэра Роберта Фаркуара, «королемъ Мадагаскара и зависимыхъ отъ него земель», вопреки протесту агента Франціи, который все говорилъ о какихъ-то древнихъ и неспорныхъ правахъ французовъ. Этотъ протестъ былъ сдѣланъ 15 августа 1823 года, и когда его прочли Радамѣ, то онъ сказалъ: «я принялъ титулъ короля Мадагаскара, потому что на островѣ я одинъ способенъ носить его». И англійскій губернаторъ Маврицiя поддержалъ своего ставленника, объявивъ, что онъ признаетъ землю мальгашей независимою, а лондонскій кабинетъ ничего не возразилъ на это.

Что французы того времени не очень вѣрили въ свои «права» на мадагаскарскія земли, видно изъ того, что въ октябрѣ 1821 года они *купили* островъ Св. Маріи, у восточнаго берега Мадагаскара. Потомъ они стали запасаться «документами» на другія части мадагаскарской территоріи, въ видѣ актовъ объ уступкѣ имъ верховной власти надъ тою или другою землицей. Безграмотный владѣлецъ подписывалъ какой-то листъ бумаги и потомъ узнавалъ, что онъ «подъ защитою и покровительствомъ, даже въ подданствѣ Франціи». Его при этомъ кормили сластями и поили шампанскимъ. Эта система практикуется французами, да и не ими одними, въ Африкѣ до настоящаго времени. Но Радама былъ не изъ такихъ простаковъ. Онъ выгналъ французовъ изъ нѣкоторыхъ, уже было захваченныхъ ими пунктовъ, нанесъ имъ пораженіе при Фультоинтѣ и овладѣлъ самымъ стариннымъ ихъ укрѣпленіемъ, фортомъ-Дофиномъ. Парижское правительство разсердилось и стало готовиться къ серьезной войнѣ; но 27 іюля 1828 года Радама умеръ, и обстоятельства измѣнились.

На мѣсто Радамы, человѣка не только военнаго, но цивилизатора, Пе-

тра Великаго въ маломъ размѣрѣ, вельможи его поставили королевою одиннадцатую его жену, Ранавало. Она и ея дворъ, видя, что вмѣшательство европейцевъ въ дѣла Мадагаскара постоянно ведетъ за собою распри и безпорядки, рѣшились оттѣснить послѣднихъ, всѣхъ вообще, не исключая и англичанъ, «вернуться къ доброй старинѣ». Старая пѣсня всѣхъ реакціонеровъ, причемъ, разумѣется, идутъ въ ходъ и старые пріемы, на Мадагаскарѣ, напримѣръ, введеніе въ уголовную юстицію условнаго отравленія подсудимыхъ, которыхъ вина не доказана. Выше уже было упомянуто о ядѣ, который при этомъ употреблялся; стоитъ прибавить, что, по словамъ французовъ, этимъ способомъ было уложено въ могилу до 150,000 душъ... допустимъ менѣе. Такую «Каллигулу въ юбкѣ» европейскіе гуманисты не могли терпѣть, и вотъ въ 1829 году французская флотилія, подъ начальствомъ капитана Гурбейра, явилась у восточныхъ береговъ Мадагаскара, чтобы... наказать, вы думаете, королеву?—нѣтъ! Взять у мальгашей Тинтинзъ, Алебатумануи, Таматаву и Пуэнтъ-Ларре. Но генералы королевы Ранавало не дали себя въ обиду и нанесли французамъ пораженіе при Фультоинтѣ, да такое, что французы не смѣли болѣе и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ и затаили обиду въ душѣ. Въ 1830 г. 27 октября, морской министръ Франціи, Себастіани, предписалъ окончить войну, сохранивъ лишь *прежде купленный* французами островъ Св. Маріи.

Король буржуа, Людовикъ-Филиппъ, былъ слишкомъ миролюбивъ, а главное—слишкомъ уважалъ Англію, чтобы изъ-за Мадагаскара разрывать установленное съ сосѣдкою «сердечное согласіе». Однако въ 1840 г. французы потеряли терпѣніе сидѣть смирно и, пользуясь разладомъ съ Англіей изъ-за Египта, отправили на Мадагаскаръ адмирала де-Хелля, съ эскадрою и солдатами. Началось снова добываніе документовъ о подданствѣ мальгашей Франціи или прямое отбираніе у нихъ земель. Іюля 14 вожди сакалавовъ и королева Буени уступили французамъ острова Носси-Бэ и Носси-Кумба и кромѣ того признали верховную власть Франціи надъ западнымъ берегомъ острова, отъ бухты Пассандава до мыса Сенъ-Винцента. Въ февралѣ 1841 года королёкъ Анкары уступилъ французамъ острова Носси-Митцю и сосѣдніе; а владѣлецъ острова Носси-Фали добровольно призналъ свою землицу собственностью Франціи. Наконецъ, 25 апрѣля 1841 г. сакалавскій «султанъ» острова Майоты подарилъ его также французамъ... Русскій читатель, можетъ быть, засмѣется надъ такою добровольною щедростью африканскихъ князьковъ; но я передаю дословно свидѣтельства французскихъ источниковъ (а не англійскихъ). При этомъ стоитъ замѣтить, что король Луи-Филиппъ, провозглашая всѣ сейчасъ названные острова французскими землями, не посмѣлъ взять ни кусочка земли на сосѣднемъ материкѣ Мадагаскара и даже отвергъ присоединеніе къ Франціи главнаго изъ Коморскихъ острововъ, Анжуана, котораго требовали военный министръ Сультъ и морской Дюперрэ.

Вражда Англіи съ Франціей, исконная, едва ли искоренимая, несмотря

на промежутки «сердечнаго согласія»,—такъ невыгодно отзывалась на мальгашахъ, что королева Ранавалона, въ маѣ 1845 г., обнародовала въ Таматавѣ указъ, которымъ повелѣвалось иностранцамъ, жившимъ въ этомъ городѣ, или оставить его въ 15-ти дневный срокъ, или безусловно подчиниться мальгашскимъ законамъ, отбывать казенную барщину, поступать въ рабы за долги, принимать очистительный ядъ при уголовныхъ процессахъ и повиноваться самомалѣйшимъ ховасскимъ начальствамъ, наконецъ, не смѣть выходить изъ Таматавы, ни подъ какимъ предлогомъ, внутрь страны. Ущербу отъ этого указа больше всего подвергались англичане, но задѣлъ онъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что на протесть европейскихъ представителей королева отвѣчала, что «ховасы здѣсь въ своей землѣ и могутъ мѣнять законы хоть ежедневно, никого не спрашивая». Отсюда volens-nolens соединеніе двухъ эскадръ, англійской и французской, и бомбардированіе ими Таматавы 15 іюля 1845 г. Но взять города неудалось по недостатку силъ и, вѣроятно, по причинѣ ужаса, который навели ховасы, перебивъ всѣхъ европейцевъ, оставшихся въ Таматавѣ, и выставивъ ихъ головы на копьяхъ внѣ стѣнъ. Въ Европѣ вѣсть о событіи вызвала общее негодованіе; въ частности французы снарядили цѣлую экспедицію, подъ начальствомъ генерала Дювивье; но пока приготовленія дѣлались, англичане помирились съ ховасами, даже сдѣлали королевѣ ихъ подарокъ въ 15,000 долларовъ, и французы остались въ дуракахъ. 5 февраля 1846 г. французская палата объявила, что «Франція не отказывается ни отъ какихъ изъ своихъ правъ; но не затѣваетъ безъ нужды отдаленныхъ, убыточныхъ экспедицій». Это была новая проглоченная обида для французовъ; мадагаскарцы же торжествовали и оставались нетронутыми цѣлыя десять лѣтъ.

Въ 1856 г. королева Ранавалона рѣшилась допустить англичанъ въ Тананариву, подъ условіемъ, что они не будутъ дѣлать никакихъ поземельныхъ пріобрѣтеній въ странѣ. Это была уступка претестантскимъ миссіонерамъ, которые и размножились очень быстро. Стѣснить Францію въ пріобрѣтеніи такой же выгоды англичане не видѣли возможности, ибо союзъ съ нею только-что кончился парижскимъ миромъ, столь выгоднымъ для Англіи и добытымъ, главнѣйше, кровью французовъ. Но что же вышло? Въ октябрѣ того же 1856 года, едва французы устроились въ Баватубе, на берегахъ бухты Тассаванды, ради каменноугольныхъ копей, какъ ховасы на нихъ напали, убили нѣкоторыхъ и захватили пушку. Королева торжествовала этотъ случай, какъ «побѣду надъ французами»; а англійскій губернаторъ Мавриція прислалъ къ ней цѣлый военный фрегатъ съ поздравленіемъ.

Было бы скучно описывать другіе факты, разыгрывавшіеся на почвѣ Мадагаскара и доказывавшіе, какъ національная вражда англичанъ и французовъ была сильна даже при бонапартовскомъ entente cordiale съ Англіей. Приведу, однако, примѣръ, гдѣ интрига достигла крайней безцеремонности. Въ 1859—60 гг. два давніе колониста на Мадагаскарѣ, французы Лабордъ

и Ламберъ, успѣли снискать расположеніе наслѣдника тананаривскаго престола, принца Ракута, научили его разнымъ либеральнымъ теоріямъ и внушили ему мысль свергнуть реакціонную королеву съ престола. Ламберъ обѣщалъ добыть для этого помощь Франціи, выпросилъ у Ракута письмо къ Людовику-Наполену, какъ къ государю, достигшему до трона тоже посредствомъ революціи, и отправился съ этимъ письмомъ въ Парижъ. Письмо было, — кто бы подумалъ? — благосклонно принято императоромъ и даже сопровождалось повелѣніемъ французскому послу въ Лондонѣ начать переговоры о дѣлѣ. Но при первомъ словѣ посла министръ иностранныхъ дѣлъ, Кларендонъ, осадилъ французовъ и затѣмъ немедленно отправилъ въ Тананариву агента, Эллиса, съ извѣщеніемъ королевы объ опасности. Докладъ Эллиса, впрочемъ, сдѣланъ былъ съ дипломатическою осторожностью и даже, возвратившійся изъ Парижа, Ламберъ былъ ласково принятъ королевой; только ему дали понять, что больше при дворѣ ему дѣлать нечего. А Эллисъ сталъ тамъ близкимъ человѣкомъ или, какъ говорятъ французы, злымъ духомъ для нихъ. Протестантскіе миссіонеры, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, были очень довольны этимъ событіемъ и стали быстро умножаться въ числѣ, въ ущербъ католическимъ.

Королева Ранавалона I умерла 18 августа 1861 года. Ей наслѣдовалъ, подъ именемъ Радамы II, тотъ самый Ракута, который былъ заговорщикомъ противъ нея. Разумѣется, французы пошли при немъ въ гору: Ламберъ былъ сдѣланъ герцогомъ Имерины, отъ имени короля, а Лагардъ—консуломъ Франціи, отъ имени Наполеона. Послѣдній призналъ Радаму, оффиціально, королемъ Мадагаскара, хоть и съ оговоркою о «правахъ Франціи». Мадагаскаръ былъ открытъ либеральнымъ королемъ *всѣмъ* иностранцамъ, а въ частности французы получили право покупать, продавать, нанимать и отдавать въ наемъ мадагаскарскія земли, о чемъ былъ подписанъ 12 сентября 1862 года формальный договоръ съ Франціей, къ большой досадѣ англичанъ. Патеры-методисты устроили заговоръ и произвели возстаніе, во время котораго, 12 мая 1863 года, либеральный Радама II былъ задушенъ, процарствовавъ всего 1 годъ 9 мѣсяцевъ. Любопытно, что, по свидѣтельству французовъ, Эллисъ, распредѣляя между заговорщиками 159,000 фр. (6,000 ф. ст.), выдавалъ ихъ французскою пятифранковою монетой.

За Радамой II на престолѣ появилась жена его, Разоагерина, и либерализмъ былъ очень стѣсненъ. Эллисъ сталъ снова могущественнымъ; но это не помѣшало Наполену III признать законность новой государыни, такъ какъ союзъ съ королевой Викторіей былъ ему дороже всякихъ мадагаскарскихъ дрязгъ. Протестантскіе миссіонеры пользовались этимъ, увеличили число своихъ миссій до 12 въ Тананаривѣ и до 86 въ провинціяхъ, съ 20,000 послѣдователей, и, какъ говорятъ, вынудили у королевы письменное обѣщаніе объявить протестантизмъ государственною религіей. По счастью, со времени Кловиса французскаго и Владиміра кіевскаго, перемѣна вѣры не дѣлается такъ быстро, какъ бы желали заинтересованные патеры, и Разоа-

герина умерла въ 1868 году, не совершивъ желаемаго акта. Ей наслѣдовала двоюродная ея сестра, Рановалона II, царствовавшая до іюля 1884 г.

Молодой королевѣ, съ первыхъ дней царствованія, было не мало важныхъ занятій. Удовлетворяя англійскихъ методистовъ, она 4 августа 1868 г. объявила протестантизмъ государственною религіей, хотя число протестантовъ едва ли составляло $^1/_{25}$ всего населенія Мадагаскара. За то въ то же время она заключила съ французскимъ уполномоченнымъ Гарнье трактатъ, гдѣ ее хоть и титуловали королевой, но обязывали поддерживать монополію французовъ на покупку мадагаскарскихъ земель и эксплуатацію ихъ. Только тутъ вышелъ курьезный случай. Едва договоръ былъ подписанъ, какъ претендентамъ на мальгашскія земли былъ предъявленъ мальгашскій законъ № 85, въ силу котораго каждый землевладѣлецъ на Мадагаскарѣ есть ipso facto подданный королевы. Даже для сыновей когда-то сильнаго Лаборда не было сдѣлано исключенія въ 1878 году, когда отецъ ихъ померъ и имъ предстояло получать наслѣдство... Франція, послѣ нѣмецкой войны 1870—71 г., считалась у мальгашей слабой, и ею пренебрегали, а англичане поддерживали тананаривское правительство и возбуждали его противъ французовъ. Дѣло устроилось въ ихъ пользу не ранѣе 1881 года.

Между тѣмъ, англійскіе миссіонеры не зѣвали. Они пригласили на Мадагаскаръ двухъ епископовъ, будто бы для ревизіи миссій, на самомъ дѣлѣ для установленія единства ихъ дѣйствій противъ французовъ. Въ 1877 г. такимъ ревизоромъ былъ епископъ Корнишъ, въ 1878 г. Пикчершиль. Они ѣздили особенно по сѣверо-западному берегу Мадагаскара и по сосѣднимъ островамъ, гдѣ французы считали себя особенно сильными и гдѣ миссіонеры-протестанты, однако, успѣвали овладѣвать умами населенія. Одна продѣлка ихъ довольно курьезна. Именно, узнавъ, что французы пріучаютъ мальгашей считать французскою всякую землю, гдѣ выставленъ французскій національный флагъ, они подучили мѣстныхъ властителей-туземцевъ съѣздить въ Тананариву для привѣтствованія королевы, а этой послѣдней внушили мысль: наградить каждаго изъ нихъ мальгашскимъ флагомъ, который и долженъ одинъ быть выставляемъ на ихъ земляхъ. Можно себѣ представить бѣшенство французовъ, столь щекотливыхъ въ «дѣлѣ» знаменъ и флаговъ! Одинъ изъ нихъ, начальникъ на островѣ Носси-Бэ, дѣлалъ цѣлую экспедицію для низверженія мальгашскихъ флаговъ; но королева противилась. Тогда французскій консулъ въ Тананаривѣ спустилъ свой флагъ и уѣхалъ въ Таматаву, гдѣ всегда находились французскіе военные корабли. Королева Ранавалона, считая себя въ этомъ случаѣ сильно обиженною, въ международномъ смыслѣ, рѣшилась принести жалобу образованному міру и съ этою цѣлью снарядила посольство, которое должно было посѣтить не только Парижъ, но Лондонъ, Берлинъ и Вашингтонъ. Но французскій министръ Дюхлеръ, въ бесѣдѣ съ посланниками, объявилъ имъ, что «сила заставитъ ховасовъ покориться». И вскорѣ затѣмъ, въ маѣ 1883 г., фран-

пузскій адмиралъ Пьеръ овладѣлъ Мадзёнгой, которая ни съ какой стати французамъ не принадлежала, но должна была впослѣдствіи служить мѣстомъ высадки французскихъ войскъ на Мадагаскаръ. Затѣмъ 11 іюня онъ же завладѣлъ Таматавой, несмотря на то, что командиръ одного англійскаго военнаго корабля сталъ было въ промежуткѣ между французскою эскадрой и городомъ. Ненависть къ французамъ въ таматавскихъ христіанахъ-методистахъ была такъ велика, что одинъ изъ нихъ отравилъ нѣсколько бутылокъ вина и потомъ пригласилъ французскихъ офицеровъ въ гости, отвѣдать жидкость... Съ своей стороны, первый министръ въ Тананаривѣ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ съ Мадагаскара всѣхъ французовъ. Это послужило поводомъ къ формальной войнѣ.

Нельзя сказать, чтобы французскіе военные и моряки особенно отличились въ ней; но мальгашамъ пришлось безусловно потерять бухту Діэго-Суаресъ съ окрестностями и нѣсколько острововъ, а главное—допустить въ Тананариву французскаго министра-резидента, чрезъ котораго должны были отнынѣ (17 декабря 1885 г.) производиться всѣ сношенія съ иностранными владѣніями, представители коихъ должны были испрашивать у французскаго агента *exequatur* на свое званіе, безъ чего не могли имѣть оффиціальнаго значенія въ Тананаривѣ. Резидентъ имѣлъ роскошное помѣщеніе и конвой изъ французскихъ солдатъ. Мальгаши сначала разсчитывали, что до такого униженія ихъ страны не допустятъ англичане, но ошиблись. Послѣдніе уже 12 августа того же 1885 г. заключили съ французами сдѣлку, по которой оставили ихъ свободно хозяйничать на Мадагаскарѣ, а себѣ взяли Занзибаръ, на который Франція имѣла нѣкоторыя права именно по отношенію къ Англіи. Въ трактатѣ, окончившемъ франко-мальгашскую войну 1884—85 гг., владѣтельница Мадагаскара имѣла титулъ ея величества королевы, хотя актъ и уничтожалъ одну изъ существеннѣйшихъ прерогативъ королевской власти, независимость сношеній съ другими странами. Этотъ порядокъ, признанный Англіей, затѣмъ и другими, назывался протекторатомъ.

Онъ продолжался не болѣе десяти лѣтъ, наполненныхъ постоянными спорами изъ-за власти между первымъ министромъ королевы и французскимъ резидентомъ. Бѣднымъ мальгашамъ ни откуда помощи не приходило; во Франціи же шовинисты громко кричали, что на Мадагаскарѣ нуженъ не протекторатъ, а полная французская власть, съ правильно образованною французскою администраціей, какъ въ недавно завоеванномъ Тонкинѣ. Эта клика одолѣла, потому что въ сущности всѣмъ французамъ хотѣлось хлѣбныхъ мѣстъ и доходныхъ статей, безъ чего, въ далекой и чужой сторонѣ, власть имъ не въ сласть. Отсюда большая военная экспедиція 1895 года, подъ начальствомъ генерала Дюшэна, и взятіе французами Тананаривы 20 сентября того же года.

Вотъ сущность договора съ королевой Рановалоной III *), сочиненнаго

*) Замѣнившею Рановалону II въ 1883 году.

въ Парижѣ министромъ Ганото и подписаннаго королевой, по предложенію Дюшэна, въ самый день взятія Тананаривы:

1. «Правительство ея величества королевы Мадагаскара признаетъ и принимаетъ протекторатъ Франціи со всѣми его послѣдствіями. 2. Правительство Французской республики будетъ представлено предъ ея величествомъ королевой Мадагаскара генеральнымъ резидентомъ. 3. Правительство Французской республики будетъ представлять Мадагаскаръ во всѣхъ его внѣшнихъ сношеніяхъ. Генеральный резидентъ будетъ уполномоченъ вести сношенія съ агентами иностранныхъ державъ, и вопросы касающіеся иностранцевъ на Мадагаскарѣ будутъ разбираться при его посредствѣ. Дипломатическіе и консульскіе агенты Франціи въ чужестранныхъ государствахъ обязаны будутъ покровительствовать подданныхъ мальгашскихъ и ихъ интересы. 4. Правительство Французской республики предоставляетъ себѣ право держать на Мадагаскарѣ военныя силы, нужныя для исполненія обязанностей своего протектората. Оно принимаетъ обязательство постоянно помогать ея величеству королевѣ мадагаскарской противъ всякой угрожающей ей опасности и въ случаяхъ нарушенія спокойствія въ ея государствѣ. 5. Генеральный резидентъ будетъ контролировать внутреннюю администрацію острова. Ея величество королева принимаетъ обязанность произвести реформы, которыя французское правительство признаетъ полезными для осуществленія своего протектората, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и для успѣховъ цивилизаціи. 6. Совокупность издержекъ на служебныя дѣла и на уплату долговъ *) будетъ обезпечена доходами съ острова. Правительство ея величества королевы отказывается отъ права дѣлать какіе-либо займы безъ дозволенія французскаго правительства. Это послѣднее не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за обязательства, долги и концессіи, которыя правительство королевы сдѣлало прежде подписанія этого трактата. Французское правительство явится на помощь правительству ея величества королевы Мадагаскара, чтобъ облегчить ему конверсію займа отъ 4 декабря 1886 года. 7. Будетъ произведено въ возможно скоромъ времени разграниченіе земель около Діэго-Суареца. Демаркаціонная линія протянется, насколько позволитъ конфигурація почвы, по параллели 12° 45′ южной». *Дополнительный протоколъ*: «1. Статья 4-я договора 8 августа 1868 г. и статья 6-я договора 17 декабря 1885 г. станутъ предметомъ позднѣйшаго пересмотра, назначеннаго на удостовѣреніе лицъ французской національности въ пріобрѣтеніи ими правъ собственности на островѣ Мадагаскарѣ. 2. Подданные иностранныхъ державъ, коихъ консульскіе суды будутъ уничтожены, получатъ право обращаться по своимъ дѣламъ въ суды французскіе, на условіяхъ одинаковыхъ съ самими французами».

---

*) Долги начали дѣлаться мальгашами именно вслѣдствіе войны 1880-хъ годовъ съ Франціею, когда деньги на уплату военной контрибуціи были заняты во французскомъ банкѣ Comptoire d'Escompte, имѣющемъ отдѣленіе въ Тананаривѣ.

Кажется, чего бы еще желать для формулированія тѣсной зависимости Мадагаскара отъ Франціи,—болѣе тѣсной, чѣмъ напримѣръ, та, въ которой находилась Россія отъ татаръ съ 1238 по 1480 годъ? Но французамъ этого показалось мало. Назначенному, изъ префектовъ, новому министру-резиденту въ Тананаривѣ, Ларошу, вмѣнено было въ обязанность, тотчасъ по прибытіи къ своему посту и по представленіи королевѣ, потребовать отъ нея подписанія уже слѣдующаго акта, низводящаго Мадагаскаръ до степени французской провинціи, наравнѣ съ Алжиромъ:

«Ея величество королева Мадагаскара, узнавъ о деклараціи французскаго правительства *о принятіи имъ во владѣніе острова* Мадагаскара, объявляетъ принятыми ею слѣдующія условія: 1. Правительство Французской республики будетъ представлено предъ ея величествомъ королевою генеральнымъ резидентомъ. 2. Оно будетъ представлять Мадагаскаръ во всѣхъ внѣшнихъ его сношеніяхъ; вопросы касающіеся иностранцевъ на Мадагаскарѣ будутъ разбираемы при посредствѣ резидента. Дипломатическіе и консульскіе агенты Франціи въ чужихъ земляхъ будутъ оказывать покровительство мальгашскимъ подданнымъ и ихъ интересамъ. 3. Правительство Французской республики сохраняетъ за собою право держать на Мадагаскарѣ военныя силы, нужныя для осуществленія его могущества *(власти)*. 4. Генеральный резидентъ будетъ контролировать внутреннюю администрацію острова. Ея величество королева обязуется произвести реформы, которыя французское правительство признаетъ полезными для экономическаго развитія острова и прогресса цивилизаціи. 5. Правительство ея величества королевы Мадагаскара *запрещаетъ себѣ* заключать займы безъ позволенія правительства Французской республики. 18 января 1896 г. Ранавало manjaka Ranjakany Madagascar».

За исключеніемъ подчеркнутыхъ словъ, это трактатъ 1 октября 1895 года; но въ подчеркнутомъ-то и сила. Франція приняла Мадагаскаръ во *владѣніе*. Съ точки зрѣнія юридическихъ крючковъ, можно бы сказать: еще *не въ собственность*; но это въ данномъ случаѣ все равно, потому что французскія войска занимаютъ столицу страны и нѣсколько важнѣйшихъ мѣстностей. Никто изъ постороннихъ, даже Англія и Америка, не возражали. Исторія Мадагаскара кончилась.

Но остается еще статистика. Любопытно, что тутъ приходится черпать свѣдѣнія не у французовъ, а у англичанъ и даже нѣмцевъ. Населеніе новаго «владѣнія» Франціи простирается отъ 6 до 7 милліоновъ душъ; но это лишь приблизительно. Главный центръ его въ Тананаривѣ, городѣ со 100,000 жителей и не малымъ числомъ европейскихъ зданій, между которыми отличаются «серебряный» на дѣлѣ каменный дворецъ королевы, большіе дома перваго министра и французскаго резидента, католическій соборъ и нѣсколько зданій миссіонеровъ. Хотя городъ построенъ на холмахъ, но

окрестныя горы командуютъ имъ, что и дало французамъ легкую возможность бомбардировать его безнаказанно для себя, въ сентябрѣ 1895 г. Къ другимъ крупнымъ средоточіямъ населенія принадлежатъ города: Амбатондразара, Таматава, Андроранга, Мананжара, Мадзёнга и др., содержащіе отъ 10 до 15,000 жителей. Французъ Сюберби построилъ нѣсколько зданій на своихъ золотыхъ пріискахъ; по совокупности ихъ еще далеко до «города», несмотря на названіе Сюбербивиль *). Большинство населенія живетъ по деревнямъ, иногда просто по отдѣльнымъ домамъ, разсѣяннымъ по странѣ и не связаннымъ между собою ничѣмъ, кромѣ лѣсныхъ тропинокъ и русла рѣчекъ, по которымъ плаваютъ челноки, выдолбленные изъ дерева. Лодки изъ досокъ уже рѣдкость. А у морскихъ береговъ, гдѣ нѣтъ европейскихъ пароходовъ, сообщенія поддерживаются арабскими дхоу. Единственная сухопутная *дорога*, очень посредственная, проложена французами, во время похода, отъ Мадзенги до Тананаривы; теперь она продолжается къ Таматавѣ. Для перевозки тяжестей по тропинкамъ употребляется вьючный скотъ, либо люди носятъ грузъ на себѣ. Почтъ нѣтъ, кромѣ европейскихъ курьеровъ, отправляемыхъ изъ Тананаривы, когда нужно, верхомъ, а потомъ пароходами. Вдоль береговъ пароходы плаваютъ: вдоль почти всего западнаго, начиная отъ Носси-Ве, къ сѣверу до Діэго Суареса, а вдоль восточнаго—отъ Суареса до Таматавы. Въ Мадзёнгѣ и Таматавѣ эти линіи выходятъ на большую морскую дорогу, ведущую изъ Африки на Маскаренскіе острова. Съ Мысомъ Доброй Надежды сообщеніе черезъ Мозамбикъ. По юго-восточному берегу Мадагаскара пароходныхъ линій пока нѣтъ; но англичане думаютъ устроить, именно до Мыса Доброй Надежды, для связи его съ Маврикіемъ и, пожалуй, Индіей, къ сѣверо-востоку. Собственно говоря, пароходы съ Мыса Доброй Надежды въ Маврикій и теперь заходятъ въ Таматаву; но они оставляютъ въ сторонѣ весь юго-восточный, коралловый берегъ Мадагаскара.

Островъ въ изобиліи производитъ тропическое сырье, т.-е. колоніальные товары, но спеціальностью его служатъ разныя породы дерева, строевого, подѣлочнаго и красильнаго. Затѣмъ слѣдуютъ: скотъ, рисъ, сахарный песокъ, кофе, хлопокъ, шелкъ (немного) и циновки всякаго рода, изъ древесной коры. Все это потребляется на мѣстѣ и идетъ за границу. Внѣшняя торговля почти вся въ рукахъ иностранцевъ: англичанъ, французовъ и арабовъ, отчасти даже американцевъ. Вотъ нѣсколько цифръ для выраженія ея размѣровъ: французская торговля была въ 1888 г. по вывозу 174,170 ф. ст.=4.354,200 фр., по привозу 162,030 ф. ст.=4.057,500; англійская въ 1890 г. по вывозу 117,391 ф. ст., по привозу 84,733 ф. ст., но она быстро растетъ и съ 1884 г. по 1892 г. увеличилась въ во-

*) Г. Сюберби недавно издалъ, при помощи инженера Лалье, хорошую карту Мадагаскара; для большинства читателей она велика и ей нужно предпочесть меньшую, но аккуратную карту Ганзена, географа, франц. мин. колоній. Всѣ прочія—стары.

семь разъ. Въ Англію вывозятъ много каучука. Для нужды европейской, въ частности французской, торговли въ Тананаривѣ и Таматавѣ существуютъ отдѣленія большого французскаго банка Comptoire d'Escompte; этотъ же банкъ снабдилъ мадагаскарское правительство 15.000,000 фр., изъ за 6% годовыхъ, для уплаты военнаго штрафа въ 1885 году, почему теперь мальгаши и удостовѣрены, что за нихъ будетъ хлопотать резидентъ, чтобъ конвертировать долгъ. Но въ то же время онъ предложитъ, конечно, другой, гораздо болѣе крупный заемъ. Ходячія деньги на Мадагаскарѣ теперь—французская пятифранковая монета; но ходитъ и англійское золото, даже остъ-индскія рупіи, съ лажемъ.

Посмотримъ, что сдѣлаетъ французское управленіе для установки порядка въ финансахъ Мадагаскара. До сихъ поръ главные доходы королевы слагались изъ таможенныхъ пошлинъ и небольшого поземельнаго сбора, отчасти, въ послѣдніе годы, изъ нѣкоторыхъ регалій и налога на золотопромышленность. Упорядоченные расходы были только—содержаніе двора королевы и перваго министра; прочіе чиновники кормились чѣмъ Богъ послалъ, т.-е. поборами, а войска получали скудное жалованье. Французы могутъ много съэкономить на мальгашской арміи; но не переведутъ ли они на содержаніе Мадагаскара собственныхъ войскъ, какъ англичане въ Египтѣ? Это было бы совершенно въ духѣ современнаго международнаго права, практикуемаго европейцами въ Азіи и Африкѣ. Таможенные доходы уже положено урегулировать помощью закона, вотированнаго *французскими* палатами; ихъ собирать будутъ французы. Но желательно, чтобы «цивилизаторы», вводя лучшіе порядки въ денежныя дѣла мальгашей, являли имъ примѣры строгаго порядка въ собственномъ хозяйствѣ. А то вотъ въ февралѣ настоящаго 1896 г. французское интендантство въ Тананаривѣ не имѣло чѣмъ кормить и одѣвать французскихъ солдатъ, тамъ находившихся. «Запасы, говорилось, имѣются въ Мадзёнгѣ и Таматавѣ, да какъ ихъ доставить оттуда въ Тананариву по грязи, покрывающей тропинки въ лѣтній сезонъ?»... Точно будто дождливое лѣтнее время въ первый разъ на Мадагаскарѣ, или французскіе ученые, руководители завоеванія, забыли о томъ, либо вовсе не знали, что ужъ невѣроятно.

Само собою разумѣется, что, «цивилизуя» Мадагаскаръ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, завоеватели, собственно, думаютъ лишь о томъ, чтобъ его офранцузить; другихъ же европейскихъ вліяній не допускать. Но гдѣ у нихъ цивилизующая сила? Не въ войскахъ же, которыхъ половину они сами поспѣшили убрать (правда, ради уменьшенія смертности). И не въ католическихъ патерахъ, которые въ самой Франціи суть реакціонеры, враждебные прогрессу. Послѣдніе, притомъ, мало значутъ по сравненію съ протестантскими пасторами, вчетверо болѣе многочисленными и имѣющими 750 туземныхъ помощниковъ, мальгашскихъ священниковъ. Недавно назначенный генеральный резидентъ, Ларошъ, едва прибывъ въ Тананариву, увидѣлъ опасность англо-американо-норвежскихъ миссій и, не находя пяти-

десяти трехъ католическихъ патеровъ арміей достаточно сильною для борьбы, обратился съ вызовомъ въ Алжиръ, къ тамошнимъ траппистамъ, которые считаются дòками въ дѣлѣ пропаганды католицизма. Но пока они прибудутъ, водворятся и утвердятъ свое вліяніе, протестанты дѣлаютъ свое дѣло, поддерживаемые единовѣрною королевой мадагаскарскою и имѣя въ виду, сзади, королеву англійскую, по договору съ которой французы не могутъ тѣснить протестантскихъ миссіонеровъ. Англійская королева, вѣдь, не позволитъ съ собою шутить, хотя, разумѣется, вмѣшается въ дѣло лишь тогда, когда это будетъ нужно для Англіи.

Протестантскіе миссіонеры въ нѣкоторыхъ своихъ школахъ преподаютъ реальныя знанія, и не только по книгамъ, а и на дѣлѣ; католическимъ это не пò-сердцу... У протестантовъ вообще 1,800 школъ и 170,000 учениковъ, изъ которыхъ иные уже стали врачами, причемъ учились на своемъ языкѣ, а католики?... Протестанты ведутъ дѣятельную книжную торговлю изданіями на мальгашскомъ языкѣ, печатаемыми въ самой Тананаривѣ, а католики?... Протестанты издаютъ шесть ежемѣсячныхъ журналовъ, три еженедѣльныхъ и одну ежедневную газету, да еще поддерживаемую туземнымъ правительствомъ, а католики?... Впрочемъ, относительно оффиціальной газеты теперь будетъ нѣчто иное: ее станутъ редактировать *французскіе* грамотеи... только, вѣроятно, не патеры, а чиновники изъ вновь пріѣзжихъ, то-есть не знающихъ края и, прибавлю отъ себя, едва ли желающихъ его знать, особенно же знать обычаи, вкусы и идеалы туземцевъ.

Собирались французы еще въ 1891 году учредить на Мадагаскарѣ свои національные суды, причемъ добивались, чтобы въ нихъ судились всѣ европейцы, но предпріятіе доселѣ не удалось. У мальгашей есть свои судьи, назначаемые королевой, у англичанъ—консулы и вице-консулы, да трибуналъ на Маврикіи. Что будетъ дальше?—невѣдомо. Пока французы заняты полученіемъ мѣстъ по полицейскому и таможенному вѣдомствамъ; ну, а юстиція?... Надо, пожалуй, будетъ изучать мѣстные законы. И хотя они съ 1881 года сведены въ кодексъ, но вѣдь ихъ не преподаютъ ни въ Ecole des Droits, ни въ Ecole des Langues Orientales vivantes, въ Парижѣ. Надобно будетъ *подумать* о дѣлѣ, иначе на Мадагаскарѣ будутъ вѣчныя недовольства туземцевъ, что такъ хорошо поняли англичане, не давая въ Индіи судебныхъ и административныхъ мѣстъ лицамъ, не знакомымъ съ туземными языками и даже нарѣчіями, что начинаетъ практиковаться и у насъ, въ Туркестанѣ.

Какія бытовыя отношенія думаютъ установить французы къ туземцамъ и европейцамъ на Мадагаскарѣ? О! на это я не берусь отвѣчать, — это слишкомъ деликатный и сложный вопросъ. Относительно туземцевъ извѣстно только, что мѣстами были уже «волненія», требовавшія употребленія войскъ. Три французскіе золотоискателя были недавно убиты мальгашами. Въ европейскомъ городѣ, Таматавѣ, въ первое время выборный муниципалитетъ составился было главнѣйше изъ англичанъ, такъ что фран-

пузская администрація поспѣшила «помочь горю» назначеніемъ своихъ чиновниковъ. Что будетъ въ другихъ городахъ, Мадзёнгѣ, Сюбербивилѣ и проч., — я не берусь гадать. Въ Діэго-Суаресѣ, какъ французской *собственности*, господствуютъ военно-морскіе порядки, да тамъ нефранцузовъ и мало. Посмотримъ, не войдутъ ли въ близкія сношенія съ народомъ вновь назначаемые «піонеры» изъ ученыхъ людей: топографовъ, инженеровъ, геологовъ, ботаниковъ и проч.,—по теоріи, это ихъ дѣло стать дѣйствительными піонерами доброжелательной цивилизаціи «неучей», но мнѣ что-то не вѣрится въ ихъ миссію. Въ Алжиріи ихъ тоже было не мало, однако, Алжирія все еще не Франція или, по крайней мѣрѣ, меньше Франція, чѣмъ Кавказъ — Россія. Любопытно, что теоретики-гуманисты поставили было вопросъ о немедленномъ уничтоженіи рабства на Мадагаскарѣ, но люди «практическіе» немедленно имъ отвѣчали: «нельзя,—земледѣліе въ жаркой странѣ станетъ невозможнымъ». Я думаю, подразумѣвалось не одно земледѣліе, а и другіе промыслы, гдѣ плантаторскіе порядки дороги капиталистамъ: имъ вѣдь нужны *дешевыя* руки.

М. Венюковъ.

Февраль—апрѣль 1896 г.

P.S. Статья эта была окончена, какъ явилось сочиненіе о Мадагаскарѣ г. Ганото, бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которымъ былъ составленъ проектъ договора о протекторатѣ и при которомъ состоялось самое занятіе Тананаривы. Оставляя въ сторонѣ его полемику противъ «присоединенія» въ пользу «протектората», съ удовольствіемъ вижу, что многія положенія г. Ганото сходятся съ моими, наприм. мнѣніе о вредѣ чиновничьяго наѣзда изъ Франціи и т. п. Только русскому читателю, если онъ захочетъ лично познакомиться съ трудомъ Ганото, не слѣдуетъ забывать, что авторъ—человѣкъ партіи, очень умный и свѣдущій, но именно въ вопросѣ о Мадагаскарѣ не всегда безусловно-авторитетный.

Статья находилась въ редакціи *Русской Мысли*, когда *Ховасская Оффиціальная Газета* (французская) въ замѣткѣ «Обзоръ рынка» помѣстила слѣдующія цифры: «Въ пятницу въ Тананаривѣ продавались: раба, маленькая дѣвочка, 175 франковъ; рабъ мальчикъ — 100 франковъ; раба взрослая—110 франковъ; рабъ взрослый мужчина — 75 франковъ». Само собою разумѣется, что либеральные журналы Парижа считаютъ это позоромъ для Франціи, *владѣющей* нынѣ Мадагаскаромъ; но не видно, чтобы правительство приняло немедленныя мѣры къ прекращенію этой торговли людьми, какъ скотомъ. И *Ховасская Оффиціальная Газета* умалчиваетъ о томъ, кто были покупатели названнаго сейчасъ «живого товара»... Не французы ли колонизаторы и насадители цивилизаціи?

Въ два послѣдніе мѣсяца событія не стояли на мѣстѣ. Слѣдующіе факты заслуживаютъ вниманія:

1. Гг. Лалье и Суберби издали хорошую карту Мадагаскара въ $^1/_{1\,000\,000}$, которая показываетъ, что̀ еще остается сдѣлать для полнаго изученія топографіи этого острова. Карта лучше всѣхъ предшествовавшихъ.

2. Литература о Мадагаскарѣ обогатилась цѣлымъ рядомъ сочиненій между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ книга Ганото, вслѣдъ за изданіемъ ея ставшаго снова министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи.

3. Ганото и вообще министерство г. Мелина, ради вывода Мадагаскара изъ двусмысленнаго положенія, въ которое островъ былъ поставленъ недавнимъ «присоединеніемъ» къ Франціи, безъ объясненія правъ и обязанностей туземнаго правительства, внесли, 30 мая, проектъ новаго закона, которымъ «островъ Мадагаскаръ и зависимые отъ него острова, мелкіе, объявляются французскою колоніей». Что выйдетъ изъ этого, т.-е. успокоятся ли чужеземныя правительства, недовольныя предыдущими заявленіями французскаго,—трудно сказать.

31 мая 1896 г.

Секретность нашего предварительнаго слѣдствія.

„Практическое примѣненіе идеи законодательства оказываетъ огромное на нее вліяніе, и всѣ уклоненія отъ нея должны быть тщательно подчеркнуты".

И. Я. Фойницкій *).

У насъ не въ обычаѣ и не въ авантажѣ поднимать въ печати тѣ мелкіе запросы судебной дѣятельности, которыми повсемѣстно и повседневно затрудняется и надъ разрѣшеніемъ которыхъ много думаетъ юристъ-практикъ, много мучится тяжущаяся масса. Правильно и систематически подбираемыхъ отчетовъ о судебныхъ процессахъ у насъ нѣтъ ни въ ежедневной прессѣ, ни въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ; если отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и печатаются, то или совершенно случайно, или лишь по *громкимъ* дѣламъ, возбуждающимъ простое любопытство и не интереснымъ въ другихъ отношеніяхъ. Судебныя мѣста и лица также ни въ своихъ реестрахъ, ни въ годовыхъ отчетахъ не ведутъ алфавита юридически-спорныхъ вопросовъ, ими разрѣшенныхъ (наприм., согласно 10 ст. Уст. гр. суд. и 13 ст. Уст. угол. суд.), или казусовъ особо интересныхъ, а если гдѣ (какъ исключеніе) подобные алфавиты есть, то о нихъ нѣтъ свѣдѣній въ печати. Не доходитъ въ печать и свѣдѣній о законодательныхъ вопросахъ, возникшихъ въ судахъ и (согласно 136 ст. Учр. суд. уст.) представленныхъ прокуратурою въ министерство юстиціи.

Такъ какъ юристы-практики мало и рѣдко прибѣгаютъ къ печатнымъ столбцамъ для формулированія своихъ недоумѣній и опубликованія случаевъ изъ жизни, то отсюда происходитъ непріятное во всѣхъ отношеніяхъ явленіе. *Теорія правовѣдѣнія*, съ большимъ трудомъ улавливая настроеніе и казусы, вѣчно опаздываетъ освѣтить ихъ научно и всесторонне, а потому въ ней преобладаютъ работы слишкомъ отвлеченныя, академическія. *Юристъ-практикъ*, не привыкшій къ печатной формулировкѣ своихъ запросовъ, лишаетъ тѣмъ самъ себя возможности и удобства получить отъ ученаго собрата своевременное и обоснованное разъясненіе злободневныхъ

*) *Журн. гр. угол. пр.* 1885 г., № 4, стр. 33.

недоумѣній, живое и цѣнное обобщеніе. *Публика* и общественное мнѣніе, видя разобщенность науки и практики юриспруденціи, впадаетъ въ преувеличеніе недостатковъ той и другой и горячо ратуетъ за ихъ оживленіе, обновленіе, а пока вымещаетъ свою досаду за единичные промахи судебныхъ органовъ огульнымъ отрицаніемъ за ними вообще чего-либо хорошаго.

Мнѣ думается, что не только для юриста ученаго, но и для большой публики, имѣютъ значеніе подведенные юристомъ-практикомъ *итоги* тѣхъ вопросовъ, надъ которыми послѣднему часто приходилось мучительно думать, и тѣхъ тормазовъ, которые затрудняютъ ровное исполненіе судебной службы.

Трактуя объ этихъ вопросахъ и тормазахъ, рискуешь иногда впасть въ банальность; но если въ наши дни излишне доказывать и разъяснять самые принципы, руководящіе процессомъ, то нельзя того же сказать о *формѣ* ихъ осуществленія, о *границахъ* примѣненія и особенно объ *измѣнѣ* имъ на практикѣ.

Едва ли, наприм., кто отвергаетъ теперь достоинство гласности и устности въ уголовномъ производствѣ; но проведеніе ихъ въ жизни, но вопросъ о колеяхъ и обочинахъ ихъ пути, о заставахъ и карантинахъ для нихъ—вопросъ въ высшей степени животрепещущій и спорный.

Если вѣрно, что практическое примѣненіе идей законодательства оказываетъ огромное вліяніе на самыя идеи, на пониманіе ихъ въ публикѣ, то всеконечно должны быть тщательно описаны и подчеркнуты всѣ уклоненія отъ идей и всѣ тормазы ихъ правильному осуществленію на дѣлѣ.

Объ одномъ изъ тормазовъ, выкованномъ жизнью вопреки всякому ожиданію создателей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, я и хочу здѣсь подѣлиться, по мѣрѣ разумѣнія, своими *наблюденіями* въ сферѣ предварительнаго слѣдствія.

I.

Первые шаги при обнаруженіи свѣдѣній о преступленіи предоставлены по закону полиціи и прокуратурѣ; отъ цѣлесообразности и успѣшности этихъ первыхъ шаговъ зависитъ часто весь исходъ дѣла, ошибка же влечетъ нерѣдко къ непоправимымъ послѣдствіямъ. Господствующее мнѣніе требуетъ, чтобы полиція дѣлала первые шаги въ уголовномъ дѣлѣ вполнѣ незамѣтно, безшумно; негласность полицейскаго дознанія, по общему убѣжденію, гарантируетъ возможность успѣха и предотвращаетъ опасность безвозвратной, неисправимой ничѣмъ ошибки.

Въ своей инструкціи полицейскимъ чинамъ прокуроръ московской судебной палаты Гончаровъ (покойный уже) въ 1881 году настаивалъ на соблюденіи «трехъ основныхъ условій дознанія», изъ которыхъ первѣйшимъ поставлена *полная негласность*. Въ инструкціи это требованіе мотивировано такими словами: «Гласность при полицейскомъ дознаніи можетъ только повредить успѣху дѣла: преступникъ сдѣлается осторожнѣе въ своемъ об-

разѣ жизни или на время измѣнить мѣсто своего пребыванія; и свидѣтели, изъ нежеланія быть прикосновенными къ дѣлу въ какомъ бы то ни было качествѣ или изъ боязни подвергнуться мести преступника, не сообщатъ нужныхъ для полиціи свѣдѣній (§ 8).

Другой прокуроръ той же судебной палаты, Н. В. Муравьевъ, въ 1885 г. въ своей инструкціи также установилъ (§ 14): «Дознаніе производится полиціей негласно; условіе это заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы при собираніи свѣдѣній не разглашались его поводъ и цѣль, и, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы собранныя свѣдѣнія не сообщались никому кромѣ лицъ, участвующихъ въ производствѣ дознанія».

Подобныя инструкціи изданы, конечно, и другими прокурорами судебныхъ палатъ, приглашенными къ тому циркулярнымъ предписаніемъ министра юстиціи (отъ 31 января 1881 г. за № 2735); инструкціи эти безусловно обязательны для полиціи, какъ это разъяснено опредѣленіемъ общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената (отъ 25 мая 1871 г.). И, однако же, порядокъ *полной* негласности довольно рѣдко осуществляется въ дѣйствительности; наша полиція не привыкла молчать и не подготовлена къ уголовному розыску, за исключеніемъ тѣхъ крупныхъ центровъ, гдѣ имѣются агенты спеціально-сыскной полиціи.

Кому случалось участвовать въ производствѣ слѣдствія или хотя близко наблюдать дѣятельность нашей полиціи *въ уѣздахъ и небольшихъ городахъ*, тотъ не могъ не обратить вниманія на полное забвеніе тамъ правилъ и соображеній, изложенныхъ въ инструкціяхъ прокуроровъ судебныхъ палатъ.

При первыхъ слухахъ о какомъ-либо *незаурядномъ* или загадочномъ злодѣяніи полиція ретиво бросается «дознавать» о признакахъ, причинахъ и виновникахъ преступленія; чтобы слѣдователь не мѣшалъ нѣкоторымъ полицейскимъ методамъ и чтобы, съ другой стороны, имѣть возможность отличиться предъ своимъ начальствомъ, а равно и по другимъ поводамъ, полиція нерѣдко пренебрегаетъ или обходитъ 250 ст. Уст. угол. суд. и посылаетъ свои сообщенія о новомъ преступленіи слѣдователю и прокуратурѣ столь неторопливо, что послѣднимъ прибыть на мѣсто изслѣдованія можно лишь съ значительнымъ опозданіемъ. А до прибытія слѣдователя уѣздные полицейскіе чины, по большей части безпечные насчетъ предполагаемаго по закону достоинства власти, начинаютъ налѣво и направо теребить народъ, соваться безъ снаровки и опаски въ допросы, выспрашивать нужное и ненужное отъ всякаго, кто подъ руку попадется. Становой (а иногда и исправникъ) принимается гонять безъ толку, т.-е. безъ опредѣленной цѣли и плана, сотскихъ и десятскихъ, давать массу приказаній уряднику; они провѣрятъ все, что придетъ въ голову, перевернутъ «на авось» всю рухлядь въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, даже запрутъ въ «холодную» того-другого изъ «подозрительныхъ». Безъ стѣсненія и оглядки выкрикиваютъ они свои догадки, умозаключенія, даже конкретныя подозрѣнія...

Среди поднятой такимъ образомъ суматохи и въ концѣ безрезультат-

наго (по причинѣ односторонняго розыска и лишней огласки) переполоха полиція, наконецъ, рада пріѣзду слѣдователя, считаетъ свою роль оконченной и удаляется на покой подъ благовиднымъ предлогомъ «массы *иныхъ* неотложныхъ занятій».

По дѣламъ менѣе «громкимъ» такой энергіи полиція, конечно, не проявляетъ, но основной тонъ, все-таки, и по заурядньмъ дѣламъ преобладаетъ тотъ же. Исправникъ, понятно, не станетъ хлопотать и безпокоиться, становой ограничится только приказаніемъ уряднику распорядиться и «пошарить», и самъ едва ли приметъ личное участіе въ дознаніи, но урядникъ-то будетъ непремѣнно дѣлать то же и такъ же (только, разумѣется, въ миніатюрѣ), что и какъ по громкимъ дѣламъ практикуютъ становой и исправникъ, т.-е. станетъ гонять нарочныхъ, безцеремонно шнырять, шумѣть...

Я говорю про полицію, которая дѣлаетъ и хочетъ дѣлать, а о *бездѣйствующей* полиціи (что тоже не рѣдкость!) говорить, понятно, не приходится,—бездѣйствіе характеристикѣ не поддается.

Итакъ, общее мнѣніе и прокурорскіе наказы, дополняющіе и поясняющіе законъ, требуютъ отъ полиціи вполнѣ осторожнаго и негласнаго дознанія, а въ дѣйствительности полиція наша въ огромномъ большинствѣ случаевъ или не даетъ никакого дознанія, или же производитъ его крикливо, безсистемно, односторонне (лишь бы что-нибудь узнать, а тамъ пусть слѣдователь добирается!), откровенно.

Легко представить себѣ положеніе слѣдователя, принимающагося за работу послѣ подобнаго безалабернаго полицейскаго розыска!

Продолжать изслѣдованіе въ начатомъ полиціей темпѣ, разумѣется, нельзя, такъ какъ допускать обходъ или нарушеніе закона, подобно нарушенію полиціей прокурорскихъ инструкцій, слѣдователь не можетъ и не станетъ, а Уставъ не уполномочиваетъ его производить работу вполнѣ гласно и откровенно. Однако, послѣ предшествующей (особенно по наиболѣе громкимъ дѣламъ) полицейской возни очень многія обстоятельства свѣжаго преступленія сдѣлались уже настолько къ пріѣзду слѣдователя общеизвѣстными далеко кругомъ, что замыкать свѣдѣнія о нихъ узкими рамками однихъ только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ представляется довольно нескладною и нелѣпою мѣрой.

Распоряженія судебнаго слѣдователя, облекаясь въ иную, противоположную полицейской, форму, вызываютъ въ населеніи (особенно сельскомъ) обыкновенно большое недоумѣніе. Почему слѣдователь «скрываетъ» свою работу послѣ общенароднаго полицейскаго «дознанія»? Почему онъ уединяется? Почему онъ не желаетъ знать, что думаетъ «міръ»? Эти и другіе вопросы смущаютъ умъ простого деревенскаго человѣка, который никогда не въ состояніи уяснить себѣ, почему «такъ должно поступать слѣдователю» и почему «иначе можно становому»... Изъ-за видимой противоположности пріемовъ полиціи и слѣдователя послѣднему нерѣдко сильно достается

въ общественномъ мнѣніи, не вдумывающемся въ причины этого различія и относящемъ порою къ личной безталанности слѣдователя отмѣну слишкомъ рьяныхъ или поспѣшныхъ полицейскихъ мѣръ.

Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди, а теперь я ограничусь лишь указаніемъ, что насколько въ полицейскомъ дознаніи практика и законъ расходятся въ смыслѣ расширенія понятія гласности, настолько же практика предварительнаго слѣдствія вытравляетъ опредѣленное въ Уставѣ содержаніе гласности къ умаленію его.

II.

Профессоръ Фойницкій въ своемъ классическомъ трудѣ *) даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію «гласность (публичность) судопроизводства»: «Право посторонних суду лицъ присутствовать при производствѣ дѣла сообщаетъ процессу качество *гласности*; при отсутствіи такого права онъ становится *негласнымъ*, тайнымъ... *Общая гласность* имѣетъ мѣсто, если присутствіе на судѣ дозволено *всѣмъ* желающимъ. *Гласность сторонъ* есть право присутствія на судѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя *участвуютъ* въ уголовномъ дѣлѣ въ качествѣ сторонъ. Въ свою очередь, *общая* гласность бываетъ посредственная и непосредственная, полная и ограниченная. При *непосредственной* гласности *каждый* гражданинъ можетъ присутствовать на судѣ; при *посредственной* это право предоставляется лишь нѣкоторымъ, особо для того *избраннымъ*, представителямъ общества».

По дѣйствующему Уставу уголовнаго судопроизводства, предварительное слѣдствіе совершенно закрыто для публики и оглашеніе его дѣйствій въ печати составляетъ уголовно наказуемое дѣяніе (1038[1] ст. Уложенія; 1213[6] ст. Уст. угол. суд.). Что же касается «гласности сторонъ», то имъ принадлежитъ право *лично* присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ судебнаго слѣдователя по касающемуся ихъ дѣлу (стт. 304, 316, 444, 446, 448, 456, 1090, 1157), но прислать вмѣсто себя или привести съ собою довѣренныхъ они не могутъ **).

Особенность «гласности сторонъ» на предварительномъ слѣдствіи состоитъ, по дѣйствующему закону, въ томъ, что на сторонѣ обвиненія имѣются многія преимущества сравнительно съ правами обвиняемыхъ, а именно:

По дѣламъ обще-уголовнымъ (т.-е. по преступленіямъ, преслѣдуемымъ независимо и даже вопреки желанію пострадавшаго), кромѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ злодѣянія, обвиненіе ex officio представлено прокуратурой, которая имѣетъ не только право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и осматривать слѣдственное производство на мѣстѣ (ст. 278, 280), но еще и получила возможность вліять на ходъ и исходъ предварительнаго слѣдствія своими предложеніями (ст. 281—286, 277, 354, 512),

---

*) *Курсъ уголовнаго судопроизводства*, т. I, § 38, изд. 2-е.

**) Угол. кассац. рѣшеніе сената 1884 г., № 11 и др.

которыя никакъ не могутъ для нашего слѣдователя почитаться однозначущими съ требованіями или жалобами сторонъ вслѣдствіе современной фактической зависимости слѣдователя отъ прокурорской рекомендаціи (ст. 407, 413, 419 Учр. суд. уст.) и права прокурора возбуждать вопросъ о переводахъ слѣдователя вопреки желанію послѣдняго (227 ст. Учр. суд. уст.).

По дѣламъ уголовно-частнымъ (т.-е. возбуждаемымъ только по жалобѣ пострадавшаго) прокуратура устранена отъ обвиненія, но за то частный обвинитель, въ силу кассаціоннаго разъясненія сената, пріобрѣлъ право вооружаться помощью адвоката *) даже на предварительномъ слѣдствіи.

Обвиняемый же ни по единому дѣлу на предварительномъ слѣдствіи не можетъ пригласить себѣ защитника и, сверхъ того, иногда можетъ быть лишенъ права присутствовать и выслушать лично первичныя показанія свидѣтелей (446 ст.).

Такимъ образомъ *по дѣйствующему закону* наше предварительное слѣдствіе не знаетъ вовсе *общей гласности* (по терминологіи г. Фойницкаго)— ни непосредственной, ни посредственной, но допускаетъ *гласность сторонъ*, и притомъ съ нѣкоторымъ ущербомъ для обвиняемыхъ. Можно бы упомянуть о «гласности на разстояніи», установляемой 475 ст. Уст. угол. суд., т.-е. о правѣ сторонъ получать для себя копіи слѣдственныхъ актовъ и по нимъ ознакомлять кого угодно о ходѣ предварительнаго слѣдствія, но, во-первыхъ, это—гласность совсѣмъ особаго рода, а во-вторыхъ, о ея результатахъ и нежелательности я уже высказался въ другомъ мѣстѣ **).

Въ дѣйствительности, на практикѣ, не существуетъ и той минимальной дозы гласности, которая отпущена на долю нашего предварительнаго слѣдствія *Уставомъ*.

Прежде всего на практикѣ ущербъ гласности для обвиняемаго усиливается еще болѣе, чѣмъ то допущено въ законѣ. Въ Уставѣ есть статья, отчасти парализующая дѣйствіе вышеупомянутыхъ; я разумѣю правило (396 ст.), обязывающее слѣдователя не привлекать въ качествѣ обвиняемаго никого до тѣхъ поръ, пока не удастся собрать основательныхъ и полныхъ доказательствъ вины. Судебная практика это прекрасное правило истолковала въ томъ смыслѣ, что «подозрѣваемое» лицо не должно и присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, доколѣ не будетъ формально привлечено въ качествѣ обвиняемаго. Въ странахъ, гдѣ слѣдователь приступаетъ къ дѣлу *послѣ* предъявленія ему прокуратурой не только доказательствъ совершенія преступленія, но и личности (или имени и адреса) виновнаго въ совершеніи его вмѣстѣ съ собранными уликами, — слѣдователь тамъ начинаетъ свою работу съ допроса обвиняемаго, который затѣмъ имѣетъ право присутствовать и давать свои объясненія при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ наравнѣ и въ состязаніи съ потерпѣвшими и

---

*) Уголовн. кассац. рѣш. 1892 г., № 59.

**) *Судебная Газета* 1896 г., № 2.

прокуратурой; безъ обвиняемаго идетъ лишь полицейскій розыскъ (дѣйствительно негласный) и прокурорское руководство имъ. У насъ же слѣдователь обязанъ самъ обнаружить обвиняемаго, ибо ни полиція, ни прокуратура не идутъ дальше удостовѣренія, что злодѣяніе дѣйствительно совершилось (да и это иногда остается у нихъ безъ доскональнаго доказательства!); большую часть дѣйствій своихъ онъ ведетъ подъ вліяніемъ потерпѣвшихъ (и прокуратуры) для обнаруженія и засимъ уличенія виновныхъ въ отсутствіи послѣднихъ. Это-то обстоятельство и позволяетъ утверждать, что 396 ст. Уст. угол. суд. (при нашихъ порядкахъ) приводитъ фактически къ устраненію отъ участія на предварительномъ слѣдствіи наиболѣе заинтересованныхъ лицъ, которыя (обвиняемые) привлекаются формально и тѣмъ ставятся въ положеніе «стороны» обыкновенно въ концѣ слѣдствія, когда все, при исполненіи чего имъ выгодно было бы присутствовать, уже сдѣлано.

Но если допустить даже, что подобныя послѣдствія 396 ст. (вовсе не предусмотрѣнныя въ 446 и 448 ст.) будутъ на практикѣ предотвращены путемъ ли иного ея толкованія, путемъ ли болѣе ранняго «привлеченія» обвиняемыхъ, т.-е. до выясненія всѣхъ *деталей* обвиненія, или инымъ какимъ путемъ, то отсюда явится, конечно, бо́льшая равноправность обвиняемаго на слѣдствіи съ другими участвующими лицами, но не больше того. Отъ наличности извѣстнаго дозволенія или права иногда весьма далеко до осуществленія ихъ, до дѣйствительнаго пользованія ими. У насъ же это замѣчаніе въ особенности вѣрно.

Отъ предотвращенія указанныхъ послѣдствій 396 ст. увеличится ли, расширится ли гласность сторонъ на предварительномъ слѣдствіи? Иногда, т.-е. по нѣкоторымъ дѣламъ, безспорно расширится. Если обвиняемый юридически свѣдущъ и если слѣдователь работаетъ въ городѣ, — со времени допроса своего такой обвиняемый обыкновенно интересуется дѣломъ и теперь; чѣмъ раньше онъ получитъ «привиллегію» стороны, т.-е. чѣмъ раньше будетъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, тѣмъ активнѣе будетъ его участіе. Но это случается лишь иногда и притомъ въ городскихъ участкахъ. Вѣдь сторона, противоборствующая обвиняемому, не лишена и теперь права присутствовать при слѣдствіи съ самаго его начала, а развѣ *на дѣлѣ* она присутствуетъ?

Ни пострадавшіе, ни частные обвинители, ни представители казны или вѣдомства, ни даже прокуратура никогда при производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій не присутствуютъ, за исключеніемъ особо громкихъ дѣлъ или вообще въ видѣ рѣдкаго исключенія. То же почти замѣчается и будетъ замѣчаться и относительно обвиняемыхъ. Иначе пока едва ли и быть можетъ.

Степень культурности нашей не соотвѣтствуетъ той, которую имѣли въ виду правила уголовнаго судопроизводства, а развитіе чувства гражданской самодѣятельности едва ли съ 1864 г. повысилось, особенно въ крестьянской и мѣщанской средѣ, доставляющей по своей численности подавляющій процентъ нашихъ потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ. Эта среда чѣмъ дальше,

тѣмъ больше подпадаетъ подъ опеку и приказы (особенно со введенія института земскихъ начальниковъ), понятно притупляющіе чувство самодѣятельности и иниціативы. Вслѣдствіе этого сами собою «стороны» къ слѣдствію не являются, ожидая (въ святомъ невѣдѣніи) себѣ вызова или увѣдомленія, а посылать имъ вызовъ или объявленіе слѣдователь не обязанъ и не имѣетъ прямо-таки физической возможности.

Слѣдственные участки у насъ настолько обширны, а дѣлъ въ нихъ возникаетъ относительно такъ много, что нашъ слѣдователь обыкновенно не можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что назначенное имъ слѣдственное дѣйствіе непремѣнно состоится, что важная случайность не отзоветъ его въ другой уголъ участка. Отправляясь туда, онъ попутно, конечно, исполнитъ по возможности и по другимъ дѣламъ тѣ дѣйствія, которыя выгодно тамъ предпринять и время исполненія которыхъ еще вчера онъ не предвидѣлъ назначить такъ скоро. Вотъ эти-то случайныя скитанія нашихъ слѣдователей въ связи съ обширностью площади ихъ дѣйствій и при работѣ въ-одиночку, т.-е. безъ возможности и права замѣнить себя кѣмъ-либо другимъ на случай внезапнаго выѣзда, приводятъ къ неизбѣжности вести каждое слѣдствіе съ болѣе или менѣе значительными перерывами и сразу нѣсколько дѣлъ параллельно.

При такомъ условіи сторонамъ нѣтъ, конечно, возможности проживать при слѣдователѣ во время производства слѣдствія, ихъ касающагося; нѣтъ возможности сопровождать его въ его странствованіяхъ. Занятому человѣку, попавшему въ бѣду, т.-е. подвергшемуся нападенію со стороны злоумышленника, трудно лично поддерживать свои интересы у слѣдователя; обвиняемому даже и при несомнѣнныхъ уликахъ тоже трудно защищаться лично въ каждую данную минуту, такъ какъ у него несомнѣнно есть и другіе интересы (семья, имущество и т. д.), которые нужно устроить въ виду близкаго можетъ быть осужденія. *Лично* нельзя или трудно присутствовать, а довѣреннаго прислать не дозволяетъ законъ.

Положеніе еще болѣе осложняется и ухудшается отъ состоянія нашихъ почтовыхъ сообщеній и нашихъ перевозочныхъ и дорожныхъ приспособленій, отъ суровости нашего климата и неудобства, а равно дороговизны, *посуточнаго* квартированія и питанія.

Почта наша въ уѣздахъ слишкомъ медленно и нерегулярно доставляетъ корреспонденцію; иногда и можно бы, и желательно было бы для слѣдователя извѣстить заинтересованное лицо о времени и мѣстѣ слѣдствія (Уставъ не обязываетъ дѣлать это, но и не запрещаетъ), однако, назначить его заблаговременно было нельзя или не удалось, а безъ этого при нашихъ почтовыхъ порядкахъ объявленіе по адресу своевременно не дойдетъ. Если же и дойдетъ даже, то состояніе дорогъ и перевозочныхъ средствъ (отсутствіе почтовыхъ лошадей на трактѣ, случайность появленія вольнонаемныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, дороговизна ямщиковъ, отсутствіе таксы за проѣздъ и т. д.) не дозволитъ поспѣть къ сроку. Наконецъ, если и почта, и путь случайно окажутся исправными, возможно

встрѣтить затрудненіе въ климатическомъ сюрпризѣ (метель, ливень и т. п.) или въ невозможности найти подходящую пищу и квартиру тамъ, гдѣ будетъ работать судебный слѣдователь (номеровъ и ресторановъ нѣтъ; иногда молока и яицъ нельзя достать, кое-гдѣ ночевать ни за какія деньги не пустятъ *) даже слѣдователя).

Я не претендую исчерпать причины абсентеизма сторонъ на предварительномъ слѣдствіи; я констатирую несомнѣнный и повсемѣстный фактъ,— въ дѣйствительности предварительное слѣдствіе проходитъ не только безъ *дѣятельнаго* участія, но даже въ отсутствіи лицъ, надѣленныхъ правомъ присутствовать тамъ и отстаивать свои интересы. Причины этого явленія такъ общи и серьезны, что сохранятъ свою силу надолго. Нужно полагать, что какъ сейчасъ слѣдователь ведетъ свое трудное и жизненное дѣло почти всегда наединѣ съ самимъ собою, безъ посторонней помощи, такъ и въ будущемъ долго еще онъ будетъ пребывать съ обманываемой на каждомъ шагу надеждой встрѣтить себѣ содѣйствіе или хоть указаніе со стороны прокуратуры, пострадавшихъ, обвиняемыхъ, т.-е. надолго еще останется фактически *одинокимъ* **).

Въ этомъ-то смыслѣ нельзя, думается мнѣ, отрицать, что наше предварительное слѣдствіе, довольно негласное и по закону, фактически стало вестись вполнѣ секретно, таинственно. А такъ какъ правила предварительнаго слѣдствія и знаніе его задачъ, формъ и границъ далеко не распространены въ нашей публикѣ, то подъ прикрытіемъ этой секретности дѣйствій создалась самая невыгодная репутація для слѣдователей; общественное мнѣніе лично въ нихъ, да въ *доктринерствѣ* создателей Судебныхъ Уставовъ 1864 г., склонно порою видѣть все зло и корень «оправдательныхъ приговоровъ». Насколько вѣрно и глубоко (qui bene distinguit, bene docet!) такое мнѣніе, надъ этимъ мало задумываются.

III.

Характеръ секретности нашего предварительнаго слѣдствія еще рельефнѣе бросается всякому непосвященному глазу на видъ, если сопоставить съ ними обычную суетливость и беззастѣнчивость предшествующаго ему полицейскаго дознанія, какъ объ этомъ упомянуто раньше.

Слѣдователь при допросѣ свидѣтелей, при осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ, освидѣтельствованіяхъ обязанъ принять мѣры, чтобъ о его дѣйствіяхъ не было извѣстно никому, кромѣ лицъ имѣющихъ право присутствовать; слѣдователь обязанъ уединиться въ свою камеру и принять мѣры, чтобы приглашенныя имъ для допроса лица не вступили между собою въ стачку и не подпали вліянію извнѣ (407, 446 ст.), чтобы двери его камеры были, такъ сказать, наглухо закрыты.

*) *Жур. мин. юст.* № 6, стр. 108, 1895 г.

**) Подробнѣе въ моей статьѣ: *Сборникъ правовѣдѣнія и обществ. знаній* 1896 г., т. VI.

Судебный слѣдователь не долженъ посвящать въ содержаніе своихъ занятій никого, кромѣ поименованныхъ въ Уставѣ лицъ; онъ не долженъ дѣлиться своими сомнѣніями и планами ни съ кѣмъ; предварительное слѣдствіе должно въ сущности вестись секретно и келейно (419 — 423, 426, 1038[1] ст. Улож.).

Не все, разумѣется, бываетъ такъ, какъ ему быть должно; не всякое правило ведетъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно имѣетъ въ виду. Такъ и секретность слѣдственныхъ дѣйствій—совсѣмъ особаго рода, относительна, односторонняя. Предварительное слѣдствіе дѣло слишкомъ живое, слишкомъ много интересовъ захватываетъ оно, чтобы закрытыя двери могли удержать отъ огласки.

Прежде всего, какъ было упомянуто, полиція наша не умѣетъ, да и не особенно старается быть скромною, и ея первоначальный розыскъ остается негласнымъ только на бумагѣ и по имени, а не по формѣ и существу; черезъ полицію позднѣе идутъ слѣдовательскія повѣстки, черезъ нее требуются для слѣдствія разныя справки и свѣдѣнія, ей, наконецъ, оффиціально сообщаются слѣдователемъ нѣкоторыя данныя предварительнаго слѣдствія для провѣрки и развѣдокъ. Все это изъ полицейскихъ канцелярій имѣетъ свойство быстро испаряться и расходиться наружу. Затѣмъ нельзя утаить того, что слѣдователь осмотрѣлъ или что обнаружилъ при обыскѣ, кто являлся къ допросу и т. д. Но точно и доподлинно содержаніе слѣдственныхъ актовъ никому неизвѣстно кромѣ тѣхъ, кто подъ ними подписался; поэтому мнѣніе о слѣдствіи и о распоряженіяхъ слѣдователя составляется мѣстнымъ населеніемъ по слухамъ, превратно. Отсюда проистекаетъ много вреда для успѣха слѣдствія.

Кому нужно узнать о содержаніи слѣдственныхъ протоколовъ и кто не смущается *способомъ* узнать нужныя свѣдѣнія, тотъ найдетъ средства и путь къ тому и противъ того уберечься едва ли можно. Но кто хотя весьма живо заинтересованъ въ открытіи виновнаго, да не имѣетъ правъ участвующаго въ дѣлѣ лица и въ то же время стѣсняется входить въ разговоры съ допрошенными слѣдователемъ лицами или полиціей о ходѣ дѣла, видя его секретность, тому содержаніе слѣдствія извѣстно очень мало и весьма смутно. А, между тѣмъ, до него доноситъ молва, что такой-то свидѣтель солгалъ или ошибся въ показаніи слѣдователю, что такіе-то, требуемые слѣдователемъ, предметы находились тамъ-то, что такой-то начинаетъ спаивать свидѣтелей по порученію такого-то и т. п. Онъ, этотъ смирный обыватель, готовъ бы былъ дать слѣдователю соотвѣтственное указаніе; но какъ это сдѣлать, гдѣ поводъ подойти къ слѣдователю? Двери слѣдовательской камеры закрыты, ничего вѣрнаго оттуда не доходитъ... Можетъ быть, тамъ уже все это извѣстно (такъ зачѣмъ же отнимать у слѣдователя напрасно время?). Можетъ быть, еще и зря болтаетъ народъ о ложности такого-то показанія и у слѣдователя все говорено и записано иначе?... Или о подкупѣ свидѣтелей можетъ быть урядникъ уже доложилъ слѣдователю!...

Но урядникъ рѣдко когда подобное докладываетъ, ложь свидѣтели вы-

сказываютъ довольно часто, и—словомъ—указанія скромнаго обывателя были бы какъ нельзя болѣе кстати. Благодаря же секретности обыватель сторонится, держитъ свою думу про себя, а слѣдствіе несомнѣнно страдаетъ, лишаясь вѣрнаго свидѣтеля, добровольнаго помощника; оно страдаетъ или только отъ медленнаго хода, топчась на одномъ мѣстѣ, пока до слѣдователя не дойдутъ случайно, стороною, свѣдѣнія, подмѣченныя обывателемъ, или даже отъ безрезультатности и ошибочности, если тѣ свѣдѣнія не дойдутъ вовсе до слѣдователя (при веденіи работы далеко отъ мѣста преступленія или при слишкомъ быстромъ окончаніи слѣдствія).

Итакъ, первѣйшій результатъ секретности или келейности нашего предварительнаго слѣдствія я вижу въ томъ вредѣ, который получается для дѣла вслѣдствіе отчужденности населенія, безучастности его къ работѣ слѣдователя. Одни не желаютъ, уклоняются быть экспертами, понятыми, свидѣтелями, и приводимые ими уловки и доводы для оправданія уклоненія не находятъ себѣ порицанія въ обществѣ, не будучи тамъ извѣстны; другіе и охотно помогли бы слѣдователю, но остаются ему неизвѣстными, если какая-либо случайность не натолкнетъ его на нихъ. Съ другой стороны, населеніе своевременно и не знаетъ, въ чемъ въ данное время слѣдователь нуждается, чего именно въ данный моментъ доискивается. Келейность слѣдствія затрудняетъ мѣстному населенію возможность и поводъ оказать слѣдователю добровольную услугу.

А услуга этихъ добровольцевъ особенно важна и цѣнна натурально тамъ, гдѣ, какъ у насъ, наприм., полиція и качествомъ плоха (неумѣлая, подкупная), и силами бѣдна (малочисленна, скудно оплачена), и работою отягощена (не спеціализирована), и гдѣ стало быть судебному слѣдователю, если онъ любитъ свое дѣло, неизбѣжно приходится спуститься съ пьедестала «слѣдственнаго судьи» и лично приняться за черную работу, за развѣдки, чтобы не схоронились всѣ концы злодѣянія, чтобы не стерлись слѣды его.

Опасаться, что концы схоронятся, нашему слѣдователю никогда не лишнее; полагаться на полицейскій розыскъ иногда совсѣмъ нельзя, да онъ чуть ли не ухудшается даже изъ году въ годъ по мѣрѣ того, какъ сходитъ со сцены типъ стараго станового, не соблазнявшагося и не злоупотреблявшаго помощью урядника,—типъ при многихъ отрицательныхъ своихъ свойствахъ, дававшій большой контингентъ удачныхъ уголовныхъ сыщиковъ. Создатели Судебныхъ Уставовъ 1864 г. несомнѣнно предвидѣли неизбѣжное качаніе слѣдователя на подобіе маятника отъ границъ розыска къ чисто-судейскимъ функціямъ; они обязали его производить лично обыски, выемки, осмотры, освидѣтельствованія, но ни единымъ словомъ не обмолвились о развѣдкахъ. Создатели Уставовъ полагали конечно, что «стороны», допущенныя ими къ участію на предварительномъ слѣдствіи, прокуратура и полиція будутъ въ состояніи добывать всѣ необходимыя слѣдователю свѣдѣнія, будутъ посредниками между населеніемъ и слѣдо-

вателемъ. Означенный разсчетъ—увы!—не оправдался; слѣдователю иной разъ положительно нельзя избѣжать производства розыска лично.

«У моихъ предмѣстниковъ, — говоритъ г. Скворцовъ *),—былъ совершенно опредѣленный взглядъ на дѣло: «мы не сыщики», говорили они, а судьи»... Съ ихъ взглядомъ однако же я вынужденъ былъ разойтись послѣ перваго же убійства. Мнѣ далъ знать о немъ пастухъ, видѣвшій, какъ крестьяне одной деревни свезли трупъ въ болото. Ждать особыхъ извѣщеній отъ полиціи было нечего, да и деревня была рядомъ съ тою, гдѣ я кончалъ другое слѣдствіе. Пришлось немедленно выѣхать на мѣсто. Крестьяне, увидѣвъ мой пріѣздъ, попрятались по избамъ, сотскій съ выборнымъ валялись пьяные на улицѣ. Ни за становымъ, ни за урядникомъ, живущими далеко, послать было некого, да можно было и не застать ихъ... Пришлось черезъ пастуха же потребовать народъ изъ другой деревни на поиски тѣла и нарядить уже оттуда десятскаго за становымъ приставомъ. Пошли въ болото. Въ немъ дѣйствительно оказался свѣжій слѣдъ телѣги, но не скоро удалось найти тѣло, закрытое кочками... Явившійся черезъ полтора сутокъ приставъ дознать ничего не могъ... Черезъ три дня, добывъ кое-какія данныя, приставъ уѣхалъ, отзываясь неотложными дѣлами».

Въ данномъ случаѣ предъ г. Скворцовымъ была дилемма: или поступить такъ, какъ онъ описываетъ, или же о словахъ пастуха сообщить становому приставу и ожидать отъ него протокола о томъ, пропалъ ли такой-то человѣкъ и гдѣ его трупъ. Во второмъ исходѣ была опасность огромнаго промедленія; становой могъ не придать значенія словамъ пастуха, взяться за дѣло небрежно и отвѣтить, что такого-то человѣка въ деревнѣ нѣтъ, но умеръ ли онъ еще неизвѣстно. Въ первомъ исходѣ г. Скворцовъ рисковалъ услыхать, въ случаѣ безуспѣшности розыска трупа, упреки въ легкомысленной торопливости и въ переходѣ въ чуждую сферу. Но заслуживаетъ ли слѣдователь упрека за то, что онъ любитъ дѣло свое и не стѣсняется сдѣлать болѣе того, къ чему обязываетъ буква закона?

А какъ, наприм., возможно уклониться отъ производства развѣдокъ лично, если ведешь слѣдствіе о начальникѣ полиціи, не устраненномъ отъ должности? Кто изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ чиновъ займется розыскомъ, а не отпиской? Кто изъ нихъ поможетъ активно, а не постарается смотрѣть сквозь пальцы?

У меня было дѣло о подлогахъ и другихъ злоупотребленіяхъ присутствія по воинской повинности въ одной изъ нашихъ приграничныхъ губерній; обвинялся начальникъ уѣзда, начальникъ земской стражи и т. д. Первый подалъ въ отставку, но жилъ въ томъ же городѣ, гдѣ и служилъ; второй остался въ должности. Я не имѣю данныхъ утверждать, что послѣдній вмѣшивался и затруднялъ мои распоряженія, но... оставался начальникомъ полиціи и былъ обвиняемымъ, т.-е. могъ каждую минуту просмотрѣть дѣло и протоколъ своихъ подчиненныхъ. Можно ли было имъ,

*) *Журн. Мин. Юст.* 1895 г., № 6, стр. 107 и 108.

его подчиненнымъ, давать порученія о развѣдкахъ, если по закону кромѣ отчета въ ихъ исполненіи предъ слѣдователемъ они обязаны рапортовать по начальству!

Сущность дѣла заключалась въ томъ, что еврей, стоявшій на призывѣ, наприм., Генцель бѣжалъ въ Америку, а на его мѣсто былъ принятъ еврей Ицекъ, который былъ бы освобожденъ изъ войска, еслибъ Генцель былъ задержанъ. Это евреи знали хорошо и потому устраивали такъ, что Генцели (или ихъ подставные двойники) на границѣ попадались пограничной стражѣ послѣ сдачи въ войско Ицековъ, оказывались (по удостовѣренію начальника уѣзда) именно Генцелями и принимались, какъ своевременно не явившіеся къ призыву, въ военную службу, а относительно Ицековъ составлялись опредѣленія, что они подлежатъ увольненію въ первобытное состояніе. Такъ какъ опредѣленіе это не подлежитъ отмѣнѣ въ случаѣ бѣгства вновь принятыхъ Генцелей, то послѣдніе со двора воинскаго начальника конечно безслѣдно испарялись, что̀ не трудно.

Центральный пунктъ предварительнаго слѣдствія заключался такимъ образомъ въ доказательствѣ того, что начальникъ уѣзда (за взду) производилъ подложно удостовѣренія тождества бѣжавшаго и обрѣтеннаго Генцеля и что члены присутствія принимали Генцеля, не усомнившись въ томъ, Генцель ли онъ. Такъ какъ Генцель обрѣтенный безслѣдно исчезалъ, то подлогъ не поддавался выясненію. Положеніе слѣдователя становилось безвыходнымъ еще и отъ того, что, благодаря сложной процедурѣ, предшествующей у насъ возбужденію слѣдствія о должностныхъ лицахъ, дѣло пришло въ руки слѣдователя по прошествіи почти 3 лѣтъ послѣ первыхъ толковъ о немъ (1066, 1092 ст.).

Слѣдовало узнать, нѣтъ ли писемъ одного изъ Генцелей къ роднымъ изъ Америки и нѣтъ ли въ письмахъ его свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ тамъ живетъ, какъ тамъ назвался (мнѣ было извѣстно, что въ Америкѣ евреи наши мѣняютъ свои имена и-фамиліи) и т. д. Эти развѣдки мнѣ пришлось производить конечно самому. Пріѣхавъ какъ-то безъ всякаго предваренія, внезапно въ посадъ, гдѣ проживалъ одинъ изъ Генцелей и гдѣ жили его родные, я въ залѣ гминнаго управленія, наполненной только поляками и нѣмцами (евреи по случаю субботы отсутствовали), сталъ спрашивать, какъ живутъ родные Генцеля, присылаетъ ли онъ имъ денегъ и т. п. Разговоръ вышелъ удачнымъ, мнѣ сообщили, будто Генцель сдѣлался въ Америкѣ учителемъ, собирается жениться и т. д. Въ полчаса нужныя свѣдѣнія были собраны, слѣдующіе полчаса употреблены на допросъ порознь (формальный) двухъ-трехъ изъ болѣе разговорчивыхъ, а затѣмъ можно было произвести обыскъ въ домѣ родителей Генцеля; посчастливилось найти письмо съ его американскимъ именемъ, портретъ его и его невѣсты и т. д. Однимъ словомъ, дѣло стало на твердыя ноги.

Примѣровъ подобной неизбѣжности самому судебному слѣдователю выполнять иногда кое-какія чисто-розыскныя функціи можно бы привести довольно много, такъ какъ не перевелся еще на Руси слѣдователь, кото-

рый не броситъ дѣла, не махнетъ рукою на свѣжее преступленіе изъ-за щепетильно-теоретической брезгливости къ черной работѣ «слѣдопыта». Случаевъ подобнаго вторженія слѣдователя въ «чужую сферу» было бы несомнѣнно больше, а дѣлъ безрезультатныхъ стало бы меньше, еслибъ, во-первыхъ, слѣдователь былъ меньше заваленъ работой, и, во-вторыхъ, еслибъ было за слѣдователями поменьше *бумажнаго* контроля, побольше вдумчивости въ ихъ положеніе и цѣлесообразность ихъ мѣропріятій. Вѣдь, сейчасъ слѣдователь нашъ получаетъ указанія по поводу нарушенія *формъ* и никогда по существу (цѣлесоотвѣтствію) *дѣйствій*...

Вводя, повторяю, гласность сторонъ на предварительномъ слѣдствіи, нашъ Уставъ исходилъ изъ убѣжденія, что все сдѣланное въ приведенныхъ примѣрахъ лично слѣдователемъ будутъ изыскивать и доводить до свѣдѣнія его «стороны», прокуратура, полиція... Дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій, а построенныя въ виду этихъ ожиданій правила ведутъ въ жизни къ тому, что придерживаясь ихъ буквально, слѣдователь осужденъ на секретно-келейную дѣятельность, убивающую живую и благодѣтельную помощь со стороны населенія, достигнуть же осязательнаго результата онъ можетъ только сознательно нарушая или хитроумно толкуя правила производства.

IV.

Вторымъ, тѣсно сближающимся съ вышеописаннымъ результатомъ келейности предварительнаго слѣдствія я считаю слѣдующій.

Въ жизни наблюдается довольно ясно, что преступность съ теченіемъ времени захватываетъ все болѣе и болѣе областей, растетъ и посягаетъ вглубь и вширь, т.-е. постепенно увеличивается число преступниковъ и преступленій и улучшается, совершенствуется способъ, орудіе, ловкость преступниковъ. Когда-то было время разбойничьихъ гнѣздъ и становъ, грабительскихъ набѣговъ; время это почти повсюду миновало было, но въ послѣдніе годы зарождается какъ будто съ новою силой. Напримѣръ, въ нашей Польшѣ извѣстно много не прерывающихся процессовъ о воровскихъ шайкахъ, изрѣдка и о шайкахъ разбойниковъ. Явленіе это тамъ приняло болѣе густой колоритъ, но оно несомнѣнно процвѣтаетъ и въ другихъ полосахъ Россіи, только имѣетъ здѣсь болѣе шансовъ оставаться необнаруженнымъ и безнаказаннымъ. О Кавказѣ я уже и не говорю. Что это такъ, будетъ ясно изъ простой ссылки на процвѣтаніе повсюду конокрадскаго промысла.

И упомянутыя банды польскихъ злоумышленниковъ, и русское конокрадство, и шайки карманниковъ, и разновидности пресловутой «панамы» или «червонныхъ валетовъ»—все это служитъ въ моихъ глазахъ показателемъ неоспоримаго факта существующей и развѣтвляющейся связи и солидарности между злоумышленниками. Конокрадскій промыселъ не могъ бы такъ прочно укорениться, еслибъ имъ существовали отдѣльные, изолиро-

ванно работающіе, воры; нѣтъ, конокрадство потому и выгодно, что посвятившіе себя ему имѣютъ сообщниковъ, знаютъ пункты пріема и сбыта лошадей, «почтарей» для угона ихъ съ даннаго мѣста на слѣдующій конокрадскій этапъ и т. д.

Спросите любого урядника или станового старожила, и они вамъ повѣдаютъ, что конокрадство мигомъ было бы искоренено и конокрады переловлены, еслибы въ этой профессіи не было прочной и остроумной организаціи или еслибъ эта организація пріурочена была только къ одному стану и т. д., а не разстилалась на нѣсколько становъ сосѣднихъ губерній и даже шире.

Не безъизвѣстно также, что вообще рѣдко суду предается человѣкъ, дѣйствительно *впервые* впавшій въ преступленіе. По дѣламъ очень важнымъ (убійство, поджогъ, растлѣніе и т. п.) это не рѣдкость, но по болѣе мелкимъ и обыкновеннымъ случается почти всегда такъ, что человѣкъ попадется и будетъ уличенъ послѣ того какъ не разъ уже безнаказанно преступилъ законъ. Это слишкомъ естественно и объ этомъ повѣствуютъ сами изобличенные, причемъ иногда съ поимкой, наприм., вора на одной кражѣ открывается и рядъ другихъ, совершенныхъ имъ незамѣтно раньше, подвиговъ. Не менѣе обыкновененъ у насъ и рецидивизмъ, т.-е. повторенія преступленій послѣ наказанія за предыдущее; конечно, и рецидивистъ, раньше чѣмъ попадется послѣ выхода изъ тюрьмы, не разъ «погрѣетъ руки» безслѣдно.

Изъ своей практики я вывелъ горькое заключеніе, что бороться съ этимъ зломъ слѣдователю часто не подъ силу. Обнаруженіе преступной организаціи (солидарности) и обнаруженіе прежнихъ (безслѣдно выполненныхъ) преступленій при уличеніи въ настоящемъ шло бы, думается, успѣшнѣе (хоть немного успѣшнѣе), еслибы не связывали правила келейности.

Много загадочныхъ и серьезныхъ преступленій нашъ слѣдователь освѣщаетъ даже при современной своей одинокости, но организація широкая (шайки) и «прежнія» злодѣянія ему не даются или даются случайно. Этому, конечно, очень много разнообразныхъ причинъ, но не послѣднее мѣсто занимаетъ между ними секретность слѣдствія. Я не могу въ этюдѣ о секретности остановиться на другихъ причинахъ и потому ограничусь лишь однимъ заявленіемъ объ этомъ фактѣ, да однимъ примѣромъ изъ личныхъ наблюденій.

Слѣдователь ведетъ дѣло о многочисленной шайкѣ воровъ. Удалось уличить главарей и найти намеки на «спульниковъ» (членовъ); рѣшено произвести обыскъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. У слѣдователя пока есть свѣдѣнія всего о нѣсколькихъ воровскихъ операціяхъ шайкой (1645 ст. Улож.) и потому допустить при обыскѣ присутствовать возможно лишь 2—3 потерпѣвшихъ, между тѣмъ, отъ подвиговъ шайкистовъ пострадали всѣ домохозяева, и списокъ произведенныхъ въ деревнѣ за послѣдніе 2—3 года кражъ поистинѣ ужасенъ. Конечно, каждому изъ нихъ интересно присутствовать при обыскѣ, «пошарить» у злодѣя; но можетъ ли на это согла-

ситься слѣдователь? Никакимъ толкованіемъ закона не обойдешь правила, что къ обыску, кромѣ домохозяина, «сторонъ», да понятыхъ никто слѣдователемъ не допускается. Взять побольше понятыхъ? Но это уже злоупотребленіе властью и прямое нарушеніе закона, такъ какъ какой же понятой (т.-е. безпристрастный свидѣтель) выйдетъ изъ человѣка, желающаго найти свою прежнюю покражу?

Пришлось отказать населенію въ допущеніи къ обыску, а понятыхъ взять изъ сосѣдняго села. При обыскѣ найдено было много «идущихъ къ данному слѣдствію» свѣдѣній и предметовъ, много обнаружено и такого, что, повидимому, тоже не принадлежало обыскиваемымъ. Обыскъ былъ тщательный и въ соломѣ сарая найденъ былъ болтъ желѣзно-дорожный, а въ ульѣ съ пчелами ружье, признанное однимъ изъ понятыхъ за похищенное у него годъ назадъ. О ружьѣ мнѣ ничего не было извѣстно, и еслибы случайно въ числѣ понятыхъ не былъ его владѣлецъ, оно было бы оставлено у вора (хотя нахожденіе его въ ульѣ было подозрительно, но это объяснялось безбилетнымъ держаніемъ ружья). О кражахъ на желѣзной дорогѣ мнѣ было извѣстно, да болтъ и бросился въ глаза; но сколько оставлено было у вора холстовъ, сѣрмягъ, хомутовъ, по которымъ впослѣдствіи были обнаружены новые члены шайки! Я сказалъ «впослѣдствіи обнаружены». Да, какъ только я удалился со двора обыскиваемаго въ другой, толпа крестьянъ бросилась въ оставленный мною дворъ и нашла тамъ многое свое, мною не отобранное, а крестьянами узнанное.

Безъ этого самоуправства толпы мое дѣло, можетъ-быть, не прошло бы такъ гладко, какъ это случилось съ нимъ. Повторяю, что обобщать свои наблюденія я не стану, но не всегда,—увѣренъ,—гласность предварительнаго слѣдствія «общая—посредственная» (т.-е. дозволеніе присутствовать «выборнымъ отъ общества сверхъ «сторонъ») будетъ вредна или безполезна хотя бы въ цѣляхъ обнаруженія иногда «организаціи» и «прежнихъ» злодѣяній *).

V.

Прямымъ также результатомъ правилъ относительно гласности или, вѣрнѣе, какъ показываетъ практика, секретности предварительнаго слѣдствія явилась въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства 446 ст., предписывающая слѣдователю допрашивать свидѣтелей каждаго *порознь*. Конечно, если кромѣ сторонъ никто не имѣетъ права присутствовать на предварительномъ слѣдствіи, то не долженъ въ каждую данную минуту присутствовать и свидѣтель или экспертъ, исключая одного того, который даетъ показаніе; слѣдовательно нужно допрашивать каждаго отдѣльно отъ другихъ, слѣдить за стачками свидѣтелей и т. д.

Слово «порознь», включенное въ текстъ 446 ст. въ качествѣ логиче

*) Подробнѣе объ этомъ у меня въ *Сборникѣ правовѣдѣнія*, т. VI.

скаго вывода изъ характера секретности и колейности, господствующаго въ первой стадіи нашего уголовнаго процесса, это маленькое слово подчасъ служитъ большимъ тормазомъ производства. При отсутствіи на предварительномъ слѣдствіи, какъ я старался доказать, соревнованія сторонъ и даже при отсутствіи ихъ лично во время слѣдственныхъ дѣйствій допросъ свидѣтелей порознь есть въ сущности допросъ *наединѣ*.

Допросъ наединѣ, «на четыре глаза», какъ выражаются польскіе евреи, имѣетъ свои хорошія стороны, но не всегда и не со всякимъ. Допросомъ съ глазу на глазъ можно выяснить нужныя свѣдѣнія, если вопрошающій искусный діалектикъ и опытный психологъ или если отвѣчающій (допрашиваемый) довѣрчиво отзывается на вопросы, не стремится чего-нибудь (изъ подлежащаго выясненію) утаить или извратить; если выспрашивающій предложилъ всѣ вопросы, не забылъ ничего, или если отвѣчающій готовъ самъ напомнить все и т. д. Если же отвѣчающій запирается, лжетъ, а вопрошающій не найдется окольнымъ вопросомъ освѣтить нужный пунктъ, или если отвѣчающій уклоняется объяснять подробно и лишь отвѣчаетъ на вопросъ, ни больше, ни меньше, то всякій забытый вопросъ ведетъ къ пробѣлу, къ «искаженію перспективы» и т. д. Есть не мало людей (особенно изъ евреевъ и инородцевъ), которые солгать прямо, т.-е. извратить, сочинить, считаютъ грѣхомъ, но ввести въ заблужденіе косвенно, т.-е. умолчать (когда не спрашиваютъ), не все отвѣтить, считаютъ дозволительнымъ. Съ такого сорта людьми добиться *полной* правды допросомъ «на четыре глаза» очень мудрено; не полная же правда—часто вреднѣе лжи.

У нашего слѣдователя, который вообще далекъ отъ намѣченнаго Достоевскимъ типа, нѣтъ такихъ данныхъ и тѣхъ условій мѣста и времени діалога, чтобы гарантировать удачу и результатность его. У слѣдователя нашего не хватитъ времени для изученія качествъ отнѣкивающагося свидѣтеля и подготовки способовъ корректно воздѣйствовать на него; у него нѣтъ возможности сосредоточиться на *одномъ* дѣлѣ, чтобы вдуматься во всѣ его особенности и намѣтить *всѣ* вопросы; у него въ каждый моментъ находится нѣсколько дѣлъ и нѣтъ возможности даже классифицировать и систематизировать очередь и постепенность вызова свидѣтелей, живущихъ въ различныхъ и отдаленныхъ отъ него и другъ отъ друга мѣстахъ. У каждаго изъ 1,436 русскихъ слѣдователей *) нельзя найти и даже предположить талантъ «Порфирія Михайловича»...

Если справедливо, что ученый можетъ единолично справляться съ своею задачей и достигать собственными силами блестящихъ результатовъ, то не менѣе справедливо и то, что ученый вооруженъ всѣми нужными ему пособіями, работаетъ не спѣша, спеціализируется въ теченіе долгихъ лѣтъ, не отвлекается сразу нѣсколькими темами, можетъ провѣрять и передѣлывать свои изслѣдованія, можетъ прерывать и откладывать работу.

Ничѣмъ подобнымъ русскій слѣдователь, несомнѣнно, располагать не

*) *Юридическій календарь* г. Острогорскаго за 1896 г.

можетъ. Ни пробныхъ или провѣрочныхъ опытовъ онъ почти никогда, по свойству его задачи, не можетъ предпринять, а безъ нихъ иногда нельзя быть увѣренно-рѣшительнымъ; ни отъ усталости или временной апатіи онъ не гарантированъ, а подобныя субъективныя причины (да и легкое недомоганіе даже) не могутъ для него служить основаніемъ отложить не дающееся, какъ говорится, дѣйствіе; ни абсолютно одинаковымъ интересомъ къ дѣлу (самовнушеніемъ) въ каждую данную минуту онъ не можетъ натурально обладать; ни хорошо обставленныхъ пособій для изслѣдованія (гипсованіе, фотографированіе, микроскопія и т. д.) у него нѣтъ; ни даже удобнаго (приспособленнаго) помѣщенія для работы... Всѣ эти случайности психическаго характера и самая обстановка занятій не можетъ не отражаться на слѣдовательской работѣ вообще и на разговорѣ со свидѣтелями въ особенности. Предотвратить хоть отчасти завѣдомую незадачу въ работѣ порученіемъ на нѣсколько часовъ дѣла другому тоже нельзя, такъ какъ наши слѣдователи работаютъ въ одиночку, безъ помощниковъ и товарищей.

Такимъ образомъ строго уподоблять положеніе ученаго изслѣдователя положенію судебнаго слѣдователя невозможно. И, если вѣрно, что въ наукѣ истина открывается чаще всего лишь послѣ долгаго ряда работъ разныхъ лицъ, другъ друга провѣряющихъ, опровергающихъ и дополняющихъ,—то какъ же можно быть увѣреннымъ, что трудъ русскаго слѣдователя, предоставленнаго самому себѣ, работающаго—вопреки ожиданію Судебнаго Устава—самъ другъ съ самимъ собою, одиноко, келейно, будетъ всегда одинаково продуктивенъ, одинаково удаченъ?...

Трудъ судебнаго слѣдователя, я вѣрю, во много разъ сократился бы, а иногда и сталъ бы продуктивнѣе во много разъ, если бы 416 ст. Угол. суд. была редактирована въ томъ смыслѣ, что слѣдователь имѣетъ право *въ подходящихъ случаяхъ* вести свой допросъ не только каждаго порознь, но и сразу цѣлой группы свидѣтелей, смотря по тому, какъ онъ признаетъ полезнѣе для дѣла. Такой выходъ за предѣлы «гласности сторонъ» во многихъ случаяхъ развяжетъ слѣдователю руки. Мою мысль лучше словъ пояснитъ слѣдующій случай изъ практики:

Однажды былъ вытащенъ изъ пруда въ селѣ трупъ мѣстнаго парня, находившагося въ дальней отлучкѣ. Извлеченіе трупа было полнымъ сюрпризомъ для всѣхъ; догадкамъ, какъ онъ попалъ не только въ воду, но и въ село, нѣтъ числа, но всѣ онѣ ни на чемъ не основаны, а вся обстановка исключаетъ мысль о несчастной неосторожности или о самоутопленіи.

Пріѣзжаетъ слѣдователь съ врачомъ и уединяется въ сарай для изслѣдованія причины смерти. Пожалуй, слѣдователь при этомъ дѣлѣ и не нуженъ, но уставъ велитъ ему тамъ присутствовать (при отсутствіи самодѣятельности сторонъ это, пожалуй, и не лишнее); 2—3 часа убито на пассивное ассистентство. Въ это время урядникъ либо балагурилъ съ крестьянами, либо горячился и суетился, предполагая, что ему ничего не откры-

ваютъ изъ желанія «затереть» случай, не выдать виновнаго; по крайней мѣрѣ ничего урядникъ «дознать» не смогъ.

Что дѣлать слѣдователю послѣ удостовѣренія причины смерти? Осмотръ пруда и одежды ничего не объяснилъ, дознаніе «немогузнайствуетъ»... Рутинный пріемъ простъ и не вызоветъ ни съ чьей стороны упрековъ. Уединись и допроси протоколярно сельскую полицію, родныхъ, сосѣдей, ночныхъ сторожей, всю деревню; вопросы предлагай объ образѣ жизни, характерѣ, особенностяхъ, ссорахъ, врагахъ покойника и т. п. Можетъ быть въ концѣ-концовъ что-нибудь въ результатѣ подобнаго труда и выяснилось бы, а можетъ ни съ чѣмъ и уѣхать пришлось бы. Случайность вывела слѣдователя на другой путь.

По выходѣ изъ сарая ему понадобилось вымыть руки и, пока сбѣгали за водой, онъ на бревнахъ среди улицы былъ втянутъ въ разговоръ *).

— А что, ваше благородіе, можно спросить?

Спрашивай.

— Что въ Пимкѣ, какая причина будетъ?

Въ Пимкѣ скверная причина... Его задушили сперва, а ужъ потомъ утопили.

Толпа видимо отъ неожиданности заволновалась и сразу какъ будто не повѣрила. Послышались разныя возраженія.

— Если живого человѣка въ воду бросить, вода бы внутри была (захлебнулся бы), а у вашего Пимки нѣтъ воды въ легкихъ... удушили его...

Толпа снова заволновалась; стали другъ съ другомъ спорить и кое-что высказывать видимо наобумъ. Слѣдователю пришла мысль продолжать разговоръ, пока врачъ хлопочетъ около чаю и завтрака.

Вотъ теперь и надо клубочекъ размотать.

— У кого нѣтъ грѣха, такъ и нѣтъ,—проговорила одна старуха,—а у кого есть—отвѣтъ держи.

— А что за человѣкъ былъ покойникъ?

Этотъ и другіе наводящіе вопросы всколыхнули толпу, почувствовавшую серьезное дѣло, повѣрившую доброму намѣренію и умѣлости слѣдователя, откликнувшуюся на привѣтливое приглашеніе размотать клубочекъ.

Одинъ за другимъ стали кое-что разсказывать. Припоминали, сопоставляли; обратили вниманіе на такія мелочи, которыя ускользнули отъ глаза слѣдователя, но оказались впослѣдствіи весьма существенными, напримѣръ, непарныя лапти («Дорогой, видно, какъ шелъ, истрепалась лаптенка,—надѣлъ какую дали»), картузъ въ известкѣ («должно съ каменьщиками или штухатурами стоялъ когда на работѣ») и т. д. Пока врачъ и слѣдователь завтракали, клубочекъ сталъ шевелиться. Допросъ свидѣтелей изъ данной деревни почти былъ лишній уже; слѣдователь ограничился вписаніемъ въ протоколъ только характеристики (со словъ 2—3 стариковъ) взаимоотношенія Пимки съ отцомъ, произвелъ обыскъ и—окончилъ слѣдствіе.

*) Въ свой разсказъ вставляю отдѣльныя фразы изъ однородной эпизодической картинки г. Н. Гарина (*Рус. Богат.* 1894 г., № 2, стр. 72—73).

Коли угодно методъ разслѣдованія въ данномъ случаѣ примѣненъ неустановленный и по формѣ своей, пожалуй, законопротивный (гласность и даже публичность допроса); но можно ли за него осудить слѣдователя? Вреденъ ли онъ и законопротивенъ ли по существу? Главное же, онъ избавилъ самого слѣдователя отъ огромной письменной работы излагать показанія лицъ, впослѣдствіи оказавшіяся ненужными для дѣла (ихъ, все-таки, излагать было бы необходимо, такъ какъ ненужными они оказались бы *потомъ*, послѣ длиннаго ряда протоколярныхъ допросовъ), всѣ послѣдующія инстанціи—отъ напраснаго труда читать груду исписанной бумаги (теперь въ дѣлѣ оказалось лишь 26 страничекъ).

Подобное усиленіе *устности* и *гласности* вполнѣ умѣстно и пригодно по дѣламъ всякаго рода съ сознаніемъ обвиняемаго (что тутъ можно возразить противъ гласности и устности предварительнаго слѣдствія?), а также во многихъ случаяхъ по дѣламъ о пожарахъ, о растратахъ, о сопротивленіяхъ, о самоубійствахъ и др.

Нашъ сельскій людъ настолько сроднился съ общинною или коллективною (цѣлымъ міромъ) жизнью, что гораздо отзывчивѣе откликается на вопросы, обращенные публично и гласно, нежели при допросѣ съ глазу на глазъ; можетъ быть, въ этомъ заключается переживаніе чувства исконнаго недовѣрія русскаго человѣка къ «чиновнику» и оффиціальной канцелярщинѣ. Поэтому-то подчасъ удобнѣе и точнѣе бываетъ освѣтить допросомъ сразу цѣлой группы лицъ такія обстоятельства, которыя иначе ускользаютъ отъ слѣдствія или во всякомъ случаѣ требуютъ чрезмѣрно кропотливаго письменнаго труда. Слѣдственное дѣло, думается мнѣ, ничего не проиграло бы въ точности и прочности, а можетъ быть пріобрѣло бы большую быстроту и жизненность, если бы было дозволено и результатъ означеннаго допроса—бесѣды—излагать въ одномъ протоколѣ объективно и, такъ сказать, статистически, а не отъ лица каждаго въ отдѣльности.

Не всякое обстоятельство и не при всякой обстановкѣ можно обслѣдовать такимъ способомъ; тутъ нужно сочетаніе индивидуальной наклонности слѣдователя и извѣстныхъ качествъ свидѣтелей. Но если отвѣты ожидаются несложные и однородные, если отвѣты уже сообщены въ полицейскомъ дознаніи или извѣстны слѣдователю изъ сцены, подобной той, которая произошла надъ трупомъ Пимки, то возможно, по моему, собрать вмѣстѣ нѣсколькихъ однородныхъ свидѣтелей, подтверждающихъ (дублирующихъ) показаніе, подробно изложенное, уже съ соблюденіемъ 446 и 443 ст. Уст. угол. суд., и составить общее отъ ихъ имени показаніе. Напримѣръ, по дѣламъ о пожарахъ важно знать направленіе вѣтра, время возникновенія огня, способъ охраненія и спасанія имущества и т. д.; не лучше ли свѣдѣнія о такихъ и подобныхъ обстоятельствахъ выяснить допросомъ сразу многихъ, чѣмъ каждаго порознь? Вѣдь, въ отдѣльности, они вспомнятъ отдѣльные эпизоды, дадутъ противорѣчивые отзывы и ихъ все равно придется сводить на очную ставку (452 ст. Уст. угол. суд.).

Въ особенности хотѣлось бы имѣть поменьше письменности и келейности въ «*дознаніи чрезъ окольныхъ людей*» (454—466 ст.).

Я признаю опросъ присяжныхъ окольныхъ людей важнымъ и порою неизбѣжнымъ слѣдственнымъ дѣйствіемъ; я много разъ примѣнялъ его, почти всегда съ несомнѣннымъ и блестящимъ результатомъ. Но я не могу не пожалѣть, что производство этого дознанія обставлено въ Уставѣ слишкомъ громоздкою процедурою и канцелярскою тяжеловѣсною формой. Было бы полезно, оставивъ настоящій порядокъ выбора окольныхъ людей, ввести вмѣсто допроса каждаго изъ нихъ порознь—разговорную форму бесѣды со всѣми двѣнадцатью присяжными сообща. Что забудетъ одинъ, припомнитъ другой, дополнитъ третій; результатъ дознанія выйдетъ не менѣе достовѣрный и точный, но одновременно будетъ, такъ сказать, болѣе соченъ, сконцентрированъ и даже нѣсколько обработанъ, такъ какъ при перекрестномъ обсужденіи и взаимномъ исправленіи показаній весь побочный и сомнительный матеріалъ, конечно, не войдетъ въ протоколъ. Послѣдній также можетъ выиграть въ своей стройности и краткости, не потерявъ въ силѣ и убѣдительности, если будетъ изложенъ объективно, т.-е. засвидѣтельствуетъ, что такой-то фактъ или отзывъ приведенъ тѣми-то окольными, а этотъ—только такими-то и т. д. Свидѣтельскія показанія будутъ обезличены, пожалуй, но сила извѣстнаго доказательства не слабѣетъ отъ того, что оно обстоятельно изложено съ указаніемъ источника только одинъ разъ, а не повторено столько разъ, сколько лицъ подъ нимъ расписывается.

Едва ли также дознанію чрезъ окольныхъ людей повредитъ гласность его производства,—аргументы въ ея защиту мною приведены въ статьѣ «Окончаніе предварительнаго слѣдствія» (*Сбор. правовѣд.*, т. VI, стр. 341).

VI.

Только что я разсмотрѣлъ, какъ трудно иногда при келейности нашего предварительнаго слѣдствія и обусловленномъ ею допросѣ свидѣтелей наединѣ добывать положительныя свѣдѣнія о преступленіи; теперь я намѣренъ отмѣтить результатъ отрицательный, остановиться на трудности уберечься отъ лживыхъ, извращенныхъ показаній.

Благодаря келейности при допросѣ свидѣтелей, для судебнаго слѣдователя иногда создается положеніе довольно комическое. Вотъ случай изъ практики (одинъ изъ многихъ), иллюстрирующій то, о чемъ я намѣренъ трактовать.

Однажды мой знакомый, мѣстный уѣздный врачъ, сообщилъ мнѣ частнымъ образомъ, что онъ только-что вернулся изъ села Зб., гдѣ находится больной крестьянинъ К. Л., по слухамъ, избитый на свадьбѣ въ домѣ своего роднаго брата; врачъ, однако, ничего опредѣленнаго о степени серьезности поврежденій, причиненныхъ К. Л., сказать не могъ, такъ что его разсказъ не могъ составить повода для начатія дѣла (299 и 3 п. 16 ст. Уст. угол. суд.), а отъ полиціи и отъ родныхъ К. Л. заявленій не было.

Хотя я о слухахъ, почерпнутыхъ отъ врача, немедленно извѣстилъ начальника земской стражи (дѣло было въ Польшѣ), но тотъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, никакого распоряженія не сдѣлалъ и даже не послалъ въ Зб. простого запроса. Послѣ 3-дневной агоніи К. Л. умеръ, не приходя въ сознаніе и не произнеся ни слова. На слѣдующій день врачъ и я были уже въ селѣ Зб. Хотя тамъ находится гминное управленіе и живетъ самъ войтъ, но дознаніе не обнаружило еще ни виновныхъ, ни даже обстановки преступленія.

Это были первые мѣсяцы моей слѣдовательской службы. Съ усердіемъ и тщательностью переспросилъ я по-одиночкѣ всю участковую и сельскую полицію, жену и всю родню убитаго; допросилъ бывшихъ на свадьбѣ (хотя о ней, наприм., дознаніе не упоминало вовсе) и всѣхъ сосѣдей и близкихъ покойнаго. Послѣ утомительнаго и кропотливаго труда и многописанья (вѣдь, все принимало загадочный колоритъ; всякая мелочь и подробность могла послѣ пригодиться!) я пришелъ было въ отчаяніе. Выходило такъ, будто и преступленія вовсе не было, и виновныхъ не можетъ существовать.

Допросъ «свидѣтелей» ничего не далъ, всѣ какъ будто сговорились отуманить, одурачить... Былъ поздній вечеръ, когда врачъ подъѣхалъ къ гминному управленію узнать, не поѣду ли я съ нимъ домой. Пока я допрашивалъ (какъ говорится — для очистки совѣсти) послѣднихъ свидѣтелей, подошли больные — хроники, которые въ деревняхъ всегда считаютъ своей обязанностью показывать себя пріѣхавшему врачу, хотя бы онъ уже не разъ прежде признавалъ ихъ недуги неизлѣчимыми. До этого момента за перегородкою комнатки, гдѣ я работалъ, никого не было весь день; теперь же около врача тамъ собралась кучка больныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые услыхали многія фразы допрашиваемой мною въ ту минуту служанки дома, гдѣ происходила роковая свадьба; стали перешептываться они, что не слѣдъ «хоронить» концы, потому что дѣло свадебное, нельзя чтобъ не открылось, «а откроется—хозяевамъ за утайку нужно въ отвѣтъ идти...» Разумѣется, подобный шепотъ, переданный мнѣ врачомъ, сразу и быстро раскрылъ все дѣло... Толстая тетрадь исписанныхъ показаній и противорѣчивыхъ обмолвокъ свидѣтелей осталась въ дѣлѣ краснорѣчивымъ укоромъ «колейнымъ порядкамъ», не всегда умѣстнымъ.

Оказалось, что убитъ былъ въ данномъ случаѣ извѣстный конокрадъ; смерти его всѣ радовались въ селѣ, не исключая и властей; крестьяне рѣшили не выдавать своихъ, но, въ то же время, боялись, какъ бы товарищи-конокрады не «доказали» отъ себя на виновныхъ; потому было рѣшено на-строго пригрозить конокрадамъ, чтобы къ слѣдователю не совались, послѣднему говорить одно: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,— а по выходѣ отъ допроса на селѣ сочинять, будто слѣдователю сказана вся подноготная, но онъ и самъ не охочъ подводить честныхъ людей подъ законъ за убой конокрада.

И вотъ, благодаря келейности допроса свидѣтелей, послѣдніе могли на улицѣ притворяться, какъ хотѣли, а меня морочить цѣлый день!

Лжи говорятъ свидѣтели вообще довольно много; на основаніи ложныхъ показаній привлекаются обвиняемые, на основаніи недосказанныхъ свидѣтелями мыслей прекращаются предварительныя слѣдствія. Причинъ извращенія или недоговоренности, конечно, много. Виноватъ и неопытный слѣдователь, неумѣло предлагающій вопросы или перебивающій свидѣтеля, который любитъ, напротивъ, чтобъ его не прерывали и не торопили; виноватъ свидѣтель, путающій показаніе свое изъ какихъ-либо видовъ; виноватъ уставъ, не вознаграждающій свидѣтеля за потерю времени; еще болѣе виноваты сложныя правила полученія свидѣтелями путевыхъ издержекъ; виноватъ полицейскій укладъ, недостаточно оберегающій свидѣтеля отъ напастей со стороны лихихъ обвиняемыхъ; виновато народное невѣжество... Много причинъ лживости, но не въ народѣ корень ея. Въ общемъ наше простонародье носитъ завидныя черты душевной прямоты, неподдѣльной искренности, здравомыслія, толковости; но необходимо заслужить его довѣріе; въ немъ сильно предубѣжденіе противъ аттрибутовъ власти и канцелярщины.

Нашъ темный народъ, думается мнѣ, боится слѣдственной волокиты; его смущаютъ скрытность, келейность, формалистика предварительнаго слѣдствія; ему непонятны письменность и тяжеловѣсность процедуры. Побольше свѣта, который бы осмыслилъ ему процессуальныя гарантіи; побольше устности и участливости къ нему; поменьше таинственности и письменной обрядности,—вотъ чего нужно желать для искорененія непреднамѣренной (большею частью) лживости свидѣтелей изъ простонародья! По крайней мѣрѣ, это представляется лучшимъ изъ возможныхъ средствомъ.

VII.

Наконецъ, не могу упустить случая отмѣтить здѣсь еще одно въ высшей степени печальное послѣдствіе келейности слѣдовательской работы. Почему-то до сихъ поръ о немъ думаютъ и трактуютъ слишкомъ мало сравнительно съ его важностью, тогда какъ не слѣдуетъ уставать *подчеркивать* его.

Судебная хроника вписала уже на свои страницы нѣсколько дѣлъ, когда слѣдователь ошибался въ личности обвиняемаго и на судъ призывалось совсѣмъ не то лицо, которое совершило преступленіе. Я имѣю сейчасъ въ виду не тѣ роковыя случайности, когда свидѣтели и вообще различныя обстоятельства ошибочно приводили къ признанію виновнымъ лица непричастнаго преступленію; такихъ *фатальныхъ* ошибокъ никакое человѣческое дѣло избѣжать не можетъ, homini errare est. Нѣтъ, я хочу сказать о тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели безошибочно имѣютъ въ виду и доказываютъ виновность извѣстнаго имъ лица, а слѣдователь по этимъ указаніямъ ошибочно привлекаетъ другое лицо, двойника.

Мнѣ извѣстно, наприм., дѣло о воровской шайкѣ въ Г... уѣздѣ, весьма обстоятельно разслѣдованное моимъ сотоварищемъ по службѣ, слѣдователемъ-сосѣдомъ. Свидѣтели согласно между собою и доказательно стали ему называть подъ конецъ предварительнаго слѣдствія, когда большинство членовъ шайки уже были арестованы, двухъ крестьянъ извѣстной деревни и настаивали на ихъ принадлежности къ составу воровского сообщества.

Улики были ясны (оказались вполнѣ достовѣрными и впослѣдствіи), имена и фамиліи точно обозначены; слѣдователь потребовалъ отъ полиціи привода ихъ къ себѣ, но получилъ отвѣтъ, что оба взяты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ военную службу. Началась переписка; ихъ по этапу переслали откуда-то изъ Туркестана на крайній западъ Россіи. Въ преступленіи они оба не сознались, но признали себя за тѣхъ, которые были означены въ постановленіи, и не могли привести ничего въ опроверженіе предъявленныхъ имъ уликъ и соображеній.

Дѣло пошло въ окружный судъ и тамъ уже свидѣтели-доказчики заявили, что это — однофамильцы и родственники (или сверстники, не помню сейчасъ) тѣхъ, про кого они «наставляли» слѣдователя, и что настоящіе, ими уличаемые «злодѣи» и поднесь пребываютъ «на волѣ» и даже «стращали» ихъ, свидѣтелей, предъ отправленіемъ по вызову въ судъ. Конечно, ошибка сейчасъ же была на судѣ исправлена, но несчастные «двойники» претерпѣли, благодаря ей, массу непріятностей и волненій.

Подобный же случай недавно былъ опубликованъ въ газетахъ. Хотя я теперь въ точности не могу припомнить другихъ такихъ дѣлъ, но думаю, что такія ошибки (хотя и крайне-крайне рѣдко) имѣютъ мѣсто. Да, впрочемъ, и одна такая ошибка, мнѣ извѣстная изъ подлиннаго текста судебнаго приговора и со словъ прокурора-обвинителя, по моему мнѣнію, должна образумить защитниковъ полной негласности предварительнаго слѣдствія «во что бы то ни стало»...

Эти ошибки нельзя ставить цѣликомъ на счетъ слѣдовательской недобросовѣстности. Къ отвѣту за нихъ слѣдуетъ притянуть современные келейные порядки предварительнаго слѣдствія, современную служебную одинокость судебнаго слѣдователя. Конечно, и послѣдній виноватъ, что не предъявилъ обвиняемыхъ свидѣтелямъ, ихъ уличавшимъ, что не провѣрилъ полицейской бумаги, говорившей объ отсутствіи требуемыхъ лицъ изъ деревни и о взятіи ихъ въ войско. Но провѣрять каждую справочную полицейскую бумагу было бы невозможно и, пожалуй, «безтактно» (вѣдь, слѣдователя порою признаютъ «безтактнымъ», даже если онъ выполняетъ *точное* предписаніе закона, не симпатичнаго «сильнымъ міра сего»); да и какое сомнѣніе могла вселить справка полицейскаго чина, посланнаго привести такихъ-то лицъ и (подразумѣвается) знающаго жителей (а тѣмъ болѣе шайкистовъ) въ своемъ участкѣ, когда онъ отвѣтилъ, что ихъ въ деревнѣ нѣтъ. Вотъ еслибъ онъ порученіе выполнилъ добросовѣстно и отвѣтилъ, что поименованныя въ слѣдовательской повѣсткѣ лица находятся

въ двойномъ числѣ, то слѣдователь былъ бы, разумѣется, кругомъ виноватъ, не обративъ на такую оговорку вниманія.

Если по каждому дѣлу слѣдователь начнетъ сомнѣваться въ точности свидѣтельскихъ показаній и полицейскихъ справокъ, то ему придется каждое слѣдствіе вести (при современныхъ порядкахъ), такъ сказать, съ репетиціей, т.-е. сначала допрашивать свидѣтелей для *обнаруженія* виновныхъ, затѣмъ вести передопросъ ихъ для самопровѣрки. Для этого, конечно, у слѣдователя не хватитъ ни силъ, ни времени.

Но... даже и одна, описанная мною, ошибка въ личности обвиняемаго не можетъ не вызывать глубокаго раздумья о томъ, какъ предотвратить повтореніе такихъ несчастныхъ случайностей. Невольно напрашивается на сравненіе камера мирового судьи, гдѣ *такихъ* ошибокъ не бываетъ и не можетъ быть, такъ какъ бо́льшая или меньшая гласность разбирательства устранитъ тамъ *такую* бѣду.

Если сами обвиняемые, какъ доказываетъ судебная практика, не всегда и не каждый бываетъ въ состояніи протестовать противъ очевидно-ошибочнаго арестованія, то тѣмъ сильнѣе, натурально, ихъ безпомощность при отраженіи обвиненія вообще, т.-е. не ошибочнаго, а только сгущеннаго, наприм., указаніе, что обвиняемый, зная лучше всякаго другого обстоятельства преступленія, можетъ по тому самому быть лучшимъ защитникомъ себя самого, непримѣнимо къ тому обвиняемому, который привлеченъ напрасно, безъ вины. Послѣдній, конечно, не знаетъ ничего о совершеніи преступленія, а страхъ наказанія, волненіе въ несчастьѣ, незнаніе закона и формъ защиты—хоть у кого отниметъ самообладаніе и хладнокровіе, безъ которыхъ защитительные доводы выйдутъ у него сбивчивые, безсвязные и наведутъ слѣдователя еще на бо́льшую подозрительность къ нему.

Всѣ предыдущіе примѣры изъ практики и соображенія приводятъ къ тому заключенію, что, во-первыхъ, современная практика предварительнаго слѣдствія представляетъ собою не тотъ видъ и форму, какіе были въ виду у создателей Судебныхъ Уставовъ, и что, во-вторыхъ, *отступленія* отъ вводимой Уставомъ «гласности сторонъ» приводятъ населеніе къ отчужденію отъ интересовъ слѣдовательскаго труда, къ усиленію безполезной письменности, къ лживости и недосказанности свидѣтельскихъ показаній, къ (устранимымъ при содѣйствіи гласности) ошибкамъ.

Исторія движенія уголовнаго процесса въ XIX вѣкѣ даетъ основаніе заключить, что борьба обвинительной (явной) и инквизиціонной (обходной) формъ предварительнаго производства окончится не скоро; но побѣда обвинительной формы представляется уже несомнѣнной. Въ наши дни поэтому будетъ полный резонъ стремиться къ такому modus vivendi, который способенъ осуществить наименьшее число противорѣчій принципамъ обвинительной формы и наибольшее развитіе начала состязательности на почвѣ инквизиціонныхъ порядковъ.

Сперва нужно желать возвращенія нашему предварительному слѣдствію

той формы гласности, которая намѣчена закономъ, но на практикѣ испарилась почти безъ остатка. *Затѣмъ* необходимо озаботиться введеніемъ большой устности и упрощеніемъ письменныхъ формъ. *Наконецъ*, придетъ на очередь и вопросъ о допущеніи адвокатуры.

Противъ гласности и допущенія адвокатуры раздается много голосовъ юристовъ - практиковъ (хотя судебные слѣдователи еще не спрошены объ этомъ), доказывающихъ, что наши слѣдователи не приспособлены и не вооружены къ борьбѣ съ прогрессирующей техникой и уловками преступленія. Я признаю важность этихъ аргументовъ и того, что иногда негласность предварительнаго слѣдствія полезна и желательна. *Иногда, но не всегда.* Разнообразіе бытовыхъ, сословныхъ и иныхъ условій нашей родины не позволяетъ примѣнять съ одинаковымъ успѣхомъ вездѣ одни и тѣ же пріемы слѣдствія. Развѣ не очевидно, что слѣдователю въ глухой деревнѣ и столицѣ затруднительно и нецѣлесообразно оперировать неизмѣнно одинаковымъ методомъ? Развѣ умѣстна одинаково-сложная процедура при сознаніи обвиняемаго и очевидности уликъ («горячіе слѣды») и при загадочности преступленія?

Пусть останется современная форма предварительнаго слѣдствія, но пусть будетъ дозволено въ подходящихъ случаяхъ практиковать и иные методы и обряды. Живое дѣло и индивидуальныя особенности каждаго слѣдователя требуютъ не однообразной регламентаціи, а свободы изслѣдованія въ законныхъ предѣлахъ и довѣрія,—контроля не бумажнаго и канцелярскаго, а по существу и внутреннему достоинству слѣдовательскихъ пріемовъ и мѣръ...

В. С. Малченко.

Очерки провинціальной жизни.

Часто встрѣчаешь въ печати жалобы на томительную волокиту въ канцеляріяхъ коренной Россіи. Но поглядѣли бы, какъ «работаетъ» чиновничья машина у насъ, на Кавказѣ!—говоритъ кн. Абхази въ письмѣ, напечатанномъ въ *Недѣлѣ*. Выраженіе—«черепашья скорость» въ данномъ случаѣ было бы клеветой на черепаху. Въ 1864 году въ Тифлисской губерніи объявлено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и бывшіе крѣпостные стали во *временнообязанныя* отношенія къ бывшимъ господамъ. Чтобы разрѣшить скорѣе временныя, чрезвычайно сложныя и трудныя отношенія между помѣщиками и временно имъ обязанными крестьянами, законъ возложилъ на мировыхъ посредниковъ и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія обязанность дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ къ возможно скорому окончанію этихъ временныхъ отношеній. И вотъ какъ отнеслись чиновники къ требованію закона: за 31 годъ работы изъ 14,300 временно обязанныхъ дымовъ гг. чиновники успѣли освободить окончательно только 3,000 дымовъ. Съ 1864 года по сей день составлено и утверждено выкупныхъ договоровъ 550, по которымъ выдано правительственной ссуды 800,000. Нужно же составить, по крайней мѣрѣ, 3,400 (по числу владѣній), если, притомъ, число владѣній за истекшіе 31 годъ не увеличилось вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Допустимъ, что раздѣловъ не было, и предположимъ, что дѣятельность нашихъ чиновниковъ и впредь будетъ идти съ такимъ же успѣхомъ,—для составленія всѣхъ договоровъ и окончательнаго выкупа понадобится времени еще 161 годъ! Такимъ образомъ, только въ 2056 году, въ двадцать первомъ столѣтіи, крестьяне Тифлисской губерніи будутъ объявлены окончательно свободными отъ помѣщиковъ. По-истинѣ *временныя* отношенія! Тутъ кстати будетъ подсчитать, сколько гг. мировые посредники и члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за эти 31 годъ получили казеннаго содержанія. Въ Тифлисской губерніи 9 мировыхъ посредниковъ, каждый получаетъ въ годъ по 2,000 руб., всѣ—18,000 руб., а за 31 годъ—558,000 рублей. Членовъ присутствія 4; каждый получаетъ въ годъ по 2,400 руб., всѣ—9,600 рублей, а за 31 годъ 297,000 руб. На канцелярію отпускается по

2,400 р. въ годъ, за 31 годъ 105,000 р. Итого расходъ казны за 31 годъ равняется 960,000 руб., а выкупныхъ договоровъ совершено всего лишь на 800,000 руб. Итакъ, чтобы совершить выкупъ надѣловъ на 800,000 р., государство израсходовало только на актъ совершенія 960,000 рублей. Осталось же выкупить надѣловъ еще на 2.700,000 руб. Стало быть, потребуется еще на посредниковъ и членовъ 3.140,000 руб. Прибавьте сюда 960,000 р. израсходованныхъ, да еще ссуду въ 3.500,000 р.; итого около 7.500,000 рублей! Вотъ во сколько обойдутся казнѣ выкупъ надѣловъ на 3½ милл., а подумайте, сколько еще обошлось и обойдется тѣмъ, *кою выкупали* и *отъ кого* выкупали. И всѣ эти удивительнѣйшія несообразности, — замѣчаетъ кн. Абхази, — ничьего вниманія на себя не обращаютъ, хотя наши губернскія власти надѣлены широчайшими полномочіями и правами, доходящими до возможности разсѣять тысячи духоборовъ за то, что они лѣниво снимали шапки передъ начальствомъ. Напротивъ, еслибы власть имѣющій въ одинъ прекрасный день хоть нечаянно для самого себя посѣтилъ, ну хотя губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и предложилъ бы: «въ мѣсячный срокъ изыскать средства... и доложить лично!... А тамъ, молъ, къ концу года непремѣнно закончить»... И временно обязанныхъ отношеній давнымъ давно бы не было на Кавказѣ.

Кавказское общество и печать, сравнивая положеніе школы, медицинское дѣло, состояніе дорогъ, экономическія мѣропріятія въ интересахъ сельскаго населенія, страховое дѣло въ земскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ, при дѣйствующемъ тамъ полицейскомъ управленіи въ селеніяхъ, справедливо находитъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ земскія губерніи далеко оставили за собою Кавказъ. Давнишнее желаніе кавказскаго общества о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій нашло себѣ оформленное выраженіе въ тифлисскомъ дворянскомъ собраніи. Тифлисское дворянство постановило передать вопросъ о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій въ особую коммиссію изъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства. Окончивъ работу, коммиссія представитъ ее въ дворянское собраніе, которое рѣшило возбудить ходатайство о введеніи на Кавказѣ земскихъ учрежденій. Только при наличности земскихъ учрежденій кавказское общество разсчитываетъ дать надлежащее движеніе народному образованію, ростъ котораго во всѣхъ земскихъ губерніяхъ составляетъ самое отрадное явленіе современной русской жизни.

Дѣло всеобщаго обученія поставлено теперь всѣми земствами на первый планъ. Быстрота осуществленія этой задачи находится, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ денежныхъ средствъ земства. Сравнительно богатое московское земство получило возможность осуществить ее первымъ. Въ апрѣльскомъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія состоялось постановленіе первостепенной важности. По докладу губернской управы земское собраніе постановило приступить къ немедленному осуществленію такой школьной сѣти, которая обезпечила бы всему населенію губерніи, *какъ мужскому, такъ и женскому*, возможность получить школьное

образованіе. Честь и благодарность всей Россіи московскому земству, впервые осуществившему завѣтное стремленіе всѣхъ земствъ.

Въ слѣдующій же день за постановленіемъ земства о введеніи всеобщаго обученія клинскій уѣздный предводитель дворянства кн. Г. Г. Гагаринъ довелъ до свѣдѣнія гласныхъ, что В. А. Морозова, учредившая уже въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ въ Клинскомъ уѣздѣ три народныхъ школы, теперь, узнавъ о рѣшеніи губернскаго земства сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, выражаетъ желаніе вести начатое дѣло дальше и содѣйствовать земству въ устройствѣ училищъ въ такихъ мѣстахъ Клинскаго уѣзда, гдѣ земство встрѣтитъ затрудненія къ открытію школъ. Послѣ этого заявленія кн. А. А. Ливенъ обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой высказалъ, что обѣщаніе такой помощи въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія въ Клинскомъ уѣздѣ должно обратить на себя особенное вниманіе губернскаго земскаго собранія, такъ какъ оно является починомъ въ средѣ частныхъ лицъ приходить на помощь губернскому земству въ осуществленіи его плана всеобщаго обученія. Можно надѣяться, что примѣръ г-жи Морозовой не останется безъ подражанія.

Вслѣдъ за постановленіемъ московскаго земства о введеніи всеобщаго обученія предсѣдателемъ его была получена отъ полтавскаго земства слѣдующая телеграмма: «Въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ московское губернское земство, приступающее къ выполненію великаго народнаго дѣла, всеобщаго начальнаго обученія». Телеграмма подписана предсѣдателемъ, всѣми членами управы и нѣкоторыми лицами, причастными къ земской дѣятельности. На эту телеграмму былъ посланъ предсѣдателемъ московскаго земства слѣдующій отвѣтъ: «Глубоко благодарю васъ и всѣхъ подписавшихъ привѣтственную телеграмму московскому земству. Выраженія сочувствія со стороны земскихъ людей другихъ губерній начинанію московскаго земства въ дѣлѣ осуществленія общедоступности народнаго просвѣщенія свидѣтельствуютъ объ общности идеаловъ, преслѣдуемыхъ всѣми земствами».

Собраніемъ выражена В. А. Морозовой глубокая признательность.

Дѣятельность земства въ области народнаго просвѣщенія будетъ развиваться еще быстрѣе, когда будутъ устранены существующіе и по-нынѣ различные тормазы этому дѣлу, заставляющіе земства непрестанно ходатайствовать объ устраненіи препятствій при открытіи имъ школъ, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ. По поводу препятствій, которыя встрѣчаетъ общество въ своей работѣ на пользу просвѣщенія народа, между земствомъ и дирекціями народныхъ училищъ нерѣдко происходятъ пререканія, но въ пререканіяхъ этихъ большею частью виноваты не дирекціи, а дѣйствующія законоположенія. Объ одномъ изъ такихъ пререканій дать разъясненія «въ интересахъ справедливости и истины» проситъ редакцію *Русской Мысли* директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи. Дѣло въ томъ, что мелитопольское земство рѣшило открыть въ уѣздѣ одиннадцать народныхъ библіотекъ. По этому поводу уѣздная земская управа доложила таврической губернской управѣ, что она не могла исполнить постановленіе земскаго собра-

нія въ виду встрѣченныхъ ею со стороны дирекціи затрудненій. На это нареканіе отвѣчаетъ теперь директоръ въ изданномъ имъ *Очеркѣ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи*. Онъ заявляетъ, что дирекція лично отъ себя никакихъ требованій къ мелитопольской земской управѣ не предъявляла, а дѣйствовала по крайнему разумѣнію, на точномъ основаніи правилъ 15 мая 1890 года о безплатныхъ народныхъ читальняхъ. Что въ замедленіи открытія упомянутыхъ библіотекъ дирекція не при чемъ, говорится въ *Очеркѣ*, «это очевидно доказывается тѣмъ, что хотя со времени переписки между управой и дирекціей прошло полтора года и дѣлу этому дано направленіе по другому вѣдомству, оно нисколько не приблизилось къ своему осуществленію до послѣдняго разъясненія по немъ министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, не дирекція, а законъ 15 мая 1890 г. является причиной затрудненій, встрѣченныхъ земствомъ въ дѣлѣ открытія въ селахъ народныхъ библіотекъ.

Если затрудненія въ просвѣтительной дѣятельности встрѣчаютъ земства, то тѣмъ болѣе испытываютъ ихъ частныя общества и отдѣльныя лица. Вотъ для иллюстраціи одно изъ писемъ, какія довольно часто встрѣчаешь въ печати: «М. г. Зная, съ какимъ сочувствіемъ относится ваша газета *(Русск. Вѣд.)* къ начинаніямъ частныхъ лицъ въ дѣлѣ народнаго образованія, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой не отказать въ сообщеніи небезъинтереснаго случая изъ этой области. Дѣло происходитъ въ одной изъ губерній сѣверо-западнаго края. Въ 28-ми верстахъ отъ губернскаго города В., въ небольшомъ имѣніи, лѣтъ 8 назадъ поселяется съ семьей владѣлецъ имѣнія, старый заслуженный человѣкъ, проявившій свою дѣятельность не только какъ боевой офицеръ, но и какъ педагогъ. Выйдя въ отставку по разстроенному здоровью, онъ занялся небольшимъ хозяйствомъ. Входя въ сношенія съ сосѣднимъ населеніемъ, онъ убѣдился, какъ быстро забывается у прошедшихъ народную школу пріобрѣтенная грамотность, благодаря полному отсутствію среди нихъ полезныхъ книгъ для чтенія; въ самомъ губернскомъ городѣ всего двѣ книжныя лавки, изъ которыхъ только въ одной еще можно достать порядочную книгу; крестьянскій же людъ пользуется коробейниками-евреями, которые въ числѣ краснаго товара приносятъ нѣсколько плохихъ книжонокъ, беря за нихъ тройную цѣну. Желая удовлетворить потребности крестьянъ въ чтеніи, владѣлецъ задумалъ устроить у себя складъ, и одна изъ живущихъ съ нимъ дочерей подала прошеніе о разрѣшеніи открыть въ имѣніи отца книжную торговлю. Вполнѣ увѣренные въ успѣхѣ своего ходатайства, они съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія, чтобы начать, какъ имъ казалось, важное и полезное дѣло; но—увы!— ихъ мечтамъ не пришлось осуществиться, такъ какъ былъ полученъ отказъ. Мотивомъ отказа послужило «расположеніе имѣнія въ глухой мѣстности (въ 28-ми верстахъ отъ губернскаго города) и отсутствіе существенной и дѣйствительной надобности по мѣстнымъ условіямъ въ книжной лавкѣ». Мотивъ тѣмъ болѣе странный, что вся матеріальная неудача торговли падала исключительно на предпринимателей, и никакой

субсидіи они не просили; что же касается отсутствія надобности, то можно смѣло думать, что въ Россіи нѣтъ такого уголка, который не нуждался бы въ хорошей, полезной книгѣ, а данная мѣстность въ особенности испытываетъ такую нужду. При такихъ условіяхъ частному человѣку поневолѣ приходится сложа руки смотрѣть, какъ полуграмотный продавецъ эксплуатируетъ еще менѣе грамотнаго покупателя».

Интересныя данныя о томъ, какими затрудненіями обставлено дѣло организаціи народной библіотеки, даетъ намъ только-что появившійся въ печати *Отчетъ новочеркасской безплатной народной библіотеки-читальни за 1895 г.* Указывая, напримѣръ, на дѣло составленія каталога книгъ для библіотеки-читальни, составители *Отчета* говорятъ: «Въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ допускаются лишь книги, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ § 4 «Правилъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ по порядкѣ надзора за ними» сказано, что министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ, «имѣетъ издать каталогъ книгъ и повременныхъ изданій, допускаемыхъ къ употребленію въ безплатныхъ читальняхъ»; но въ виду того, что до настоящаго времени министерство народнаго просвѣщенія не выработало къ руководству точнаго каталога такихъ книгъ, приходится довольствоваться: а) книгами, издаваемыми правительствомъ; б) книгами, выходящими съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства; в) книгами, допущенными въ библіотеки церковей и церковно-приходскихъ школъ; г) выборкой изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за много лѣтъ тѣхъ указаній, какія тамъ найдутся относительно тѣхъ или иныхъ изданій для употребленія въ ученическихъ библіотекахъ среднихъ и низшихъ и учительскихъ библіотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній, и д) наконецъ, книгами, кои будутъ избраны министерствомъ народнаго просвѣщенія для обращенія въ читальняхъ по особому представленію этихъ читаленъ. Въ настоящее время подспорьемъ къ выборкѣ дозволенныхъ въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ книгъ является указатель книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, изданный Д. С. Пономаревымъ подъ заглавіемъ *Подробный систематическій указатель книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1852 по 1888 г. и одобренныхъ для употребленія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ*, и два дополненія къ этому изданію, составленныя Гинце въ 1891 и 1894 годахъ; наконецъ, не мало книгъ, разрѣшенныхъ въ теченіе 1892 года, помѣщено въ концѣ изданнаго московскимъ комитетомъ грамотности *Ежегодника*. Но въ этихъ изданіяхъ, какъ и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нѣсколько лѣтъ, большая часть изъ поименованныхъ тамъ книгъ принадлежитъ такимъ старымъ изданіямъ, которыя можно пріобрѣсти въ антикварныхъ лавкахъ, и такимъ старымъ авторамъ, къ которымъ со стороны народа проявляется самый ничтожный интересъ». Въ довершеніе

всѣхъ этихъ затрудненій, очень часто случается, что въ книжныхъ магазинахъ, куда приходится обращаться при выпискѣ книгъ, не находится и половины того, что желательно имѣть въ библіотекѣ-читальнѣ.

Между тѣмъ тьма непроглядная то и дѣло обнаруживается въ нашихъ деревняхъ и поражаетъ общество, когда приходится ему увидѣть эту тьму лицомъ къ лицу, хотя бы, наприм., на судѣ.

Въ саратовскомъ окружномъ судѣ судились два крестьянина, по общимъ отзывамъ, «мужики хорошіе, трудолюбивые и совѣстливые», за убійство роднаго дѣда.

— Признаете ли вы себя виновнымъ? — спрашиваютъ роднаго внука убитаго.

— Убилъ, это точно.

— За что же? Почему?

— Потому, значитъ, какъ дѣдушка былъ злой колдунъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ колдунъ. Ну, и убилъ я его.

— Что же, онъ зло какое сдѣлалъ?

— А какъ же: одно слово—злой колдунъ. Матка моя, значитъ, изъ-за него померла; а потомъ у бабы моей ноги испортилъ... Кого хотите спросите, всѣ про его колдовство скажутъ...

И судъ спрашиваетъ, двадцать человѣкъ спрашиваетъ.

— Колдунъ былъ, злой колдунъ былъ, — совершенно согласно отвѣчаютъ всѣ. — Какъ бывало кому пригрозитъ, такъ у того безпремѣнно бѣда будетъ.

И всѣ не только не осуждаютъ учиненное Орѣшкинымъ и Ермолаевымъ убійство, но и совершенно напротивъ: явно имъ сочувствуютъ.

— Слава Богу, избавились отъ лихого человѣка,— слышится въ каждомъ изъ ихъ показаній.

Въ *Камско-Волжскомъ Краѣ* находимъ разсказъ о томъ, какъ крестьяне разыскивали «виноватаго» черезъ пролѣзаніе въ хомутъ. Среди женскаго населенія деревни Усть-Муллянки безпокойство и плачъ, особенно среди беременныхъ женщинъ, которымъ очень трудно пролѣзть черезъ хомутъ; пролѣзть необходимо, иначе обвинятъ въ «надѣваніи хомута» быку одного изъ деревенцевъ... И всѣ пролѣзли, виноватой не нашлось, хотя досталось это не легко и для многихъ беременныхъ женщинъ, вѣроятно, далеко не безвредно... «Надѣть хомутъ»— это значитъ причинить, «навести», извѣстнаго рода болѣзнь, и вотъ такая болѣзнь оказалась наведенной на быка одного изъ крестьянъ дер. Усть-Муллянки, находящейся въ 9-ти верстахъ отъ административнаго центра губерніи, города Перми. Падало подозрѣніе на одну женщину,—приставали къ ней, доказывали, но признанія не добились и прибѣгли къ указанному выше средству— прогнали черезъ хомутъ всѣхъ женщинъ деревни. Происходило это,—замѣчаетъ газета,—въ текущемъ мартѣ мѣсяцѣ 1896 года, т.-е. въ концѣ XIX вѣка, послѣ изобрѣтенія телефоновъ, микрофоновъ, открытія рентге-

новскихъ лучей и т. д., вблизи губернскаго города, сіяющаго, хотя отчасти, электрическимъ свѣтомъ.

Умственный обликъ с. Локно (Волхов. у.),—пишетъ корреспондентъ *Орловскаго Вѣстника*,—заставляетъ желать многаго. Крестьянская жизнь полна мрака и суевѣрій: вѣра въ колдуновъ и чародѣевъ еще сильно держитъ народъ въ первобытныхъ цѣпяхъ невѣжества; знахари и разныя «бабки» легко эксплоатируютъ сельскую простоту. Вотъ, напримѣръ, какъ лѣчатъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣтей отъ рахитизма, носящаго въ народѣ названіе «собачьей старости». Изъ больного ребенка знахари и знахарки выпускаютъ нѣкоторое количество крови на кусокъ хлѣба, который и отдаютъ съѣсть собакѣ. Все это сопровождается извѣстными наговорами, смыслъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы «собачья старость» оставила младенца и перешла въ собаку, какъ въ подобающее для нея вмѣстилище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кубанской области отъ зубной боли практикуется, между прочимъ, способъ лѣченія, состоящій во втыканіи навороженныхъ палочекъ въ могилы. Подъ впечатлѣніемъ *Власти тьмы* гр. Толстого, рецензентъ *Саратовскаго Дневника* вспоминаетъ цѣлый рядъ фактовъ подобнаго же характера: «Не та ли же «власть тьмы» толкнула крестьянъ на убійство прохожаго нѣмца, принятаго ими за холеру? Не подъ вліяніемъ ли той же «власти тьмы» смоленскіе крестьяне приняли купающагося въ Днѣпрѣ человѣка за «чорта», единственно потому, что на немъ не было креста... А неистовства въ холерный годъ населенія, принимавшаго за холеру барболку? А недавнее убійство подъ Одессой «вѣдьмы?» Это ли не «власть тьмы», о которую разбиваются самыя благія начинанія... Много и много надо работать для освобожденія народа отъ этой власти».

Редакціей *Приазовскаго Края* было получено письмо, въ которомъ сообщалось, что крестьянка с. Ново-Николаевскаго, Ростовскаго округа, Лукерья Бѣлоусова уже болѣе 19 лѣтъ содержится на цѣпи по причинѣ ея психическаго разстройства. Въ редакціи усомнились въ возможности такого дикаго явленія, притомъ длящагося не мѣсяцъ, не два, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ. И гдѣ же? Въ многолюдномъ селѣ, въ 35 верстахъ отъ большого города Ростова, въ семи верстахъ отъ линіи желѣзной дороги. По предложенію редакціи, одинъ изъ сотрудниковъ газеты, г. Александровичъ, отправился въ названное село. Сообщеніе вполнѣ подтвердилось. Г. Александровича провела къ больной сама мать узницы. Они вошли въ низенькую мазанку. На соломенной подстилкѣ сидѣла, опустивъ голову, человѣческая фигура, на грязной рубахѣ которой рѣзко и отчетливо выдѣлялись кольца и замокъ. Лукерья, какъ сидѣла съ опущенною головой, покрытой платкомъ, свѣсившимся и закрывшимъ ея лицо, такъ и осталась сидѣть, не измѣняя позы. Одѣта она была въ одну сорочку; по таліи сорочка перехвачена поясомъ, который спереди замкнутъ замкомъ, а сзади, при помощи кольца, соединяется съ цѣпью, прикрѣпленной другимъ концомъ къ кольцу, вдѣланному въ стѣну. Цѣпь аршина въ три позволяла Лукерьѣ

свободно лежать и сидѣть, а также сдѣлать шага два отъ постели. При окликѣ вошедшихъ больная подняла голову, смахнула платокъ и устремила на нихъ дикій, ничего не выражающій взглядъ своихъ выцвѣтшихъ, глубоко сидящихъ глазъ. Ея осунувшееся лицо, заострившійся подбородокъ, бѣлыя губы и отсутствіе кровинки въ лицѣ, изборожденномъ морщинами,— все это говорило о долгой сидячей, подневольной жизни, лишенной воздуха, свѣта и движенія.

Было время, когда Лукерья была здоровой, краснощекой, пригожей «дивчиной», первой хороводницей и пѣвицей въ селѣ. Вышла она не на счастье замужъ. Мужъ билъ и довелъ до того, что у нея появились первые признаки психическаго разстройства. За дочь вступилась мать и взяла къ себѣ Лукерью. Тѣмъ не менѣе болѣзнь у несчастной женщины обострилась и порой принимала буйный характеръ. Мать обращалась къ знахарямъ и лѣкаркамъ, но ничто не помогло, и вотъ тогда крестьянская необходимость вынудила прибѣгнуть къ цѣпи, на которой безотлучно и сидитъ Лукерья уже около 20-ти лѣтъ.

Сидитъ человѣкъ двадцать лѣтъ на цѣпи! И за это время никто не обратилъ вниманія на несчастную жертву. Ее даже ни разу не осмотрѣлъ докторъ, не опредѣлилъ каковъ характеръ ея болѣзни и каковы могутъ быть средства лѣченія.

Не настолько же мы бѣдны, что не можемъ даже устроить больницы для психически-больныхъ! Крестьяне не могутъ оставлять кого-либо изъ членовъ семьи для надзора за больнымъ; крайняя нужда заставляетъ ихъ всѣхъ работать и во избѣжаніе легко возможнаго несчастія имъ по неволѣ приходится привязывать буйныхъ умалишенныхъ. Каждый земскій врачъ знаетъ, что больной на привязи—явленіе довольно обычное въ крестьянской жизни.

Земства многихъ губерній учредили больницы для психически-больныхъ. Но одна больница на цѣлую губернію слишкомъ недостаточна. Это прекрасно понимаютъ земства, но они одни, при своихъ скудныхъ бюджетахъ, не въ состояніи удовлетворить спросу на помѣщеніе больныхъ. Почему земства неоднократно обращались уже къ правительству съ просьбой помочь имъ въ этомъ дѣлѣ.

Скудные земскіе бюджеты есть большое наше несчастіе. Сколько насущныхъ потребностей было бы удовлетворено, насколько быстрѣе шло бы культурное развитіе нашей родины, будь средства земства значительнѣе. Крестьяне хотятъ строить школы,—но у нихъ нѣтъ средствъ на это, а земство въ состояніи отпускать имъ лишь небольшія суммы. Земство силится ввести всеобщее обученіе возможно скорѣе, но, по причинѣ скудныхъ бюджетовъ, должно разсрочивать это великое дѣло на болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени. Земство старается улучшить экономическое положеніе народа, но ограниченныя его средства позволяютъ ему дѣлать это лишь въ весьма малыхъ размѣрахъ. Изъ всѣхъ экономическихъ мѣропріятій земства едва ли не наиболѣе производительной является р

бота его, направленная на развитіе кустарнаго дѣла. Земство понимаетъ, что экономическое благосостояніе народа возможно только при равномѣрномъ развитіи какъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и всѣхъ возможныхъ по мѣстнымъ условіямъ видовъ кустарнаго производства и ремесленнаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе кустарныхъ промысловъ открываетъ возможность утилизаціи вынужденнаго во многихъ мѣстностяхъ шестимѣсячнаго бездѣйствія крестьянъ въ теченіе зимы. Всю зиму,—читаемъ въ *Приазовскомъ Краѣ*,—крестьянамъ Ростовскаго округа, при отсутствіи въ деревняхъ всякихъ кустарныхъ промысловъ, положительно нечего дѣлать. Въ прошлые годы, когда у крестьянъ было много рабочаго гулевого скота, уходъ за нимъ, заботы объ его улучшеніи, откармливаніи или перепродажѣ поглощали зимнее время крестьянина,—да тогда послѣдній и не особенно нуждался въ сторонникъ заработкахъ, такъ какъ хлѣбопашество, при высокихъ цѣнахъ на зерновые продукты, давало достаточные для годового оборота доходы. Теперь совсѣмъ другое: почти весь гулевой скотъ и половина рабочаго распроданы на уплату аренды за землю и на удовлетвореніе насущныхъ семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ, такъ какъ получавшихся въ послѣдніе три года доходовъ отъ хлѣбопашества и на-половину не хватало для годового оборота. Нашъ крестьянинъ не лежебокъ, онъ отъ дѣла не бѣгаетъ и скорѣе готовъ трудиться, не покладая рукъ, день и ночь, чѣмъ выклянчивать себѣ кусокъ хлѣба. Къ сожалѣнію, дѣла никакого нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Крестьяне испробовали уже всѣ пути къ заработкамъ, но они не даютъ имъ ничего. Они пробовали ѣздить въ Кубанскую область торговать мѣломъ и солью, но такая развозная торговля, дававшая прежде хотя незначительные барыши, теперь только непроизводительно утомляетъ хозяина и мучитъ лошадей. Они пробовали ѣздить за угломъ въ Александровскъ-Грушевскій и торговать этимъ угломъ въ городахъ, но и это не даетъ никакихъ барышей при сильной кункурренціи городскихъ угольныхъ складовъ. Они пробовали идти забродчиками на осеннія тони, но и тамъ, за огромнымъ наплывомъ охотниковъ и сокращеніемъ количества неводовъ, не находилось работы. Единственными источниками заработка для нашего крестьянина являются ремонтныя работы на желѣзнодорожныхъ путяхъ и наймы подъ фуры у хлѣбныхъ торговцевъ, разъѣзжающихъ теперь по отдаленнымъ отъ желѣзной дороги селамъ и деревнямъ и скупающихъ за безцѣнокъ хлѣбъ. Но и на эти заработки попадаетъ одинъ изъ десяти. И вотъ, въ результатѣ, одни крестьяне уже обратились за ссудами хлѣба, а другіе хотя пока еще и крѣпятся, но тоже скоро должны будутъ послѣдовать примѣру первыхъ. Организація кустарныхъ промысловъ въ нашемъ округѣ крайне необходима. Нашъ крестьянинъ, какъ сказано выше, томится безработицей въ зимнее время и охотно взялся бы за всякое выгодное для него дѣло; стѣсненное экономическое положеніе заставило бы заняться кустарными промыслами даже самыхъ лѣнивыхъ хозяевъ. Сомнѣваться въ цѣлесообразности этого дѣла нельзя, такъ какъ сосѣдство такого крупнаго торго-

ваго центра, какъ Ростовъ, обѣщаетъ вполнѣ успѣшный сбытъ культурныхъ издѣлій.

Работая для развитія кустарныхъ промысловъ, нѣкоторыя земства преслѣдуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другую весьма важную задачу, а именно — образованіе изъ кустарей производительныхъ артелей. Какъ ни трудно это дѣло при современномъ интеллектуальномъ развитіи русскаго рабочаго, тѣмъ не менѣе уже и теперь появляются отдѣльные случаи успѣшной дѣятельности производительныхъ артелей. Мы недавно говорили объ образовавшихся земледѣльческихъ артеляхъ въ Херсонской губерніи, теперь *Нижегородскій Листокъ* сообщаетъ объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ у Бурмакинской артели, образовавшейся изъ кустарей села Бурмакина, Ярославской губерніи. Бурмакинская артель работаетъ уже нѣсколько лѣтъ, выполняя заказы по кузнечно-слесарному мастерству и принимая заказы всякихъ размѣровъ. Благодаря добросовѣстному исполненію заказовъ, артель съ хорошей стороны зарекомендовала себя передъ военнымъ вѣдомствомъ. Въ 1895 г. артель исполнила по заказу с.-петербургскаго окружнаго интендантскаго управленія 1,718 паръ стремянъ по 75¾ к. за пару. По заказу атамана перваго отдѣла оренбургскаго казачьяго войска выполнено разныхъ предметовъ для сбруи на 277 р. 39 к. Затѣмъ еще выполнялись заказы въ сибирское казачье войско, въ г. Омскъ и другія мѣста. Въ настоящее время староста артели имѣетъ отъ с.-петербургскаго окружнаго интендантства предупрежденіе, что въ текущемъ году можетъ послѣдовать заказъ на поставку стремянъ и разныхъ другихъ издѣлій для казачьихъ полковъ с.-петербургскаго военнаго округа. Въ виду этого артель озаботилась пріобрѣсти на случай денежныя средства. Съ этою цѣлью въ губернскую земскую управу артелью была подана просьба объ открытіи ей кредита до 5,000 руб.; земство постановило выдать артели требующійся капиталъ изъ 5% годовыхъ, безъ всякихъ обезпеченій.

Малое развитіе кустарныхъ промысловъ, въ связи съ малоземельемъ, и порождаетъ то массовое переселеніе за Уралъ, которое съ каждымъ годомъ все болѣе разрастается. Дѣятельность крестьянскаго банка не была такова, чтобъ ослабить нужду въ переселеніи. Какъ извѣстно, до сихъ поръ этотъ банкъ въ большинствѣ случаевъ надѣлялъ землей зажиточную часть крестьянства и оставлялъ въ сторонѣ наиболѣе нуждающуюся въ земствѣ массу сельскаго населенія. Теперь уставъ банка реформированъ; въ обществѣ явилась надежда, что новая дѣятельность банка будетъ мало похожа на прежнюю, что она окажется въ соотвѣтствіи съ идеей учрежденія крестьянскаго банка, долженствовавшаго, по мѣрѣ возможности, помогать малоземельному крестьянству. Дай-то Богъ! Будемъ надѣяться, что впредь не будутъ имѣть мѣста такіе факты, какъ недавнее закрытіе въ Ставрополѣ-Кавказскомъ мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка въ силу того, что отдѣленіе не находило работы для себя. Исторія этого закрытія, разсказанная въ *Недѣлѣ*, весьма характерна для всей прошлой дѣятельности банка.

Отдѣленіе крестьянскаго банка въ Ставрополѣ-Кавказскомъ было открыто одиннадцать лѣтъ назадъ и за все время своего существованія выдало только *шесть* ссудъ, на сумму около двухсотъ тысячъ рублей, а потому работало все время въ убытокъ. Между тѣмъ, находящіяся здѣсь же въ Ставрополѣ отдѣленія частныхъ земельныхъ банковъ имѣли и имѣютъ постоянныя дѣла,—и крестьяне, приторговавъ гдѣ-либо землю, обращались за помощью въ эти частные банки гораздо охотнѣе, чѣмъ въ учрежденный спеціально для нихъ, крестьянъ, банкъ. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что нормальная оцѣнка крестьянскаго банка до того противоестественна, что, наприм., на землю, покупаемую крестьянами по 125 руб. за дес., банкъ могъ выдать лишь по 24 руб.,—и покупщикамъ, еслибъ они обратились въ крестьянскій банкъ, пришлось бы, такимъ образомъ, *доплатить* изъ своихъ средствъ по 100 руб. слишкомъ на десятину; между тѣмъ, какъ въ частныхъ банкахъ совсѣмъ наоборотъ: охотно выдадутъ по 100 руб.,—и крестьянамъ придется, слѣдовательно, доплатить изъ своихъ средствъ лишь по 25 руб. Во-вторыхъ, въ частномъ банкѣ все дѣло можно обдѣлать въ двѣ-три недѣли, а въ крестьянскомъ требовалось два-три мѣсяца для того, чтобы дѣло, посланное уже изъ отдѣленія въ Петербургъ, было тамъ, наконецъ, доложено и разсмотрѣно. Стоило бы только измѣнить оцѣнку и хоть немножко упростить формализмъ и канцелярскую волокиту въ этомъ живомъ дѣлѣ, смѣло уменьшивъ на половину число многоразличныхъ «документовъ», требуемыхъ отъ крестьянъ, когда они обращаются за ссудами въ этотъ *свой* банкъ,—и дѣло пошло бы живо и хорошо. Къ этому слѣдуетъ добавить еще вотъ что: мѣстное отдѣленіе крестьянскаго банка дѣйствовало на Ставропольскую губернію, а равно и на Кубанскую область. Въ Ставропольской губерніи считается 58,246 душъ безземельныхъ крестьянъ, а въ Кубанской области этихъ несчастныхъ считается 506,726 душъ, изъ коихъ 337,591 душа считаются имѣющими осѣдлость, т.-е. живущими на заарендованныхъ ими земляхъ и въ казачьихъ станицахъ—въ вѣчной кабалѣ и закрѣпощеніи у казаковъ, а 169,225 душъ называются, на языкѣ оффиціальной статистики, «иногородными, не имѣющими осѣдлости», т.-е. живущими въ батракахъ и работникахъ по хуторамъ, у крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а равно и въ городахъ. Затѣмъ, въ районъ сѣвернаго же Кавказа входитъ еще и Терская область, въ которой этихъ самыхъ «иногородныхъ, не имѣющихъ осѣдлости», насчитывается болѣе 400 тысячъ душъ; а всего, слѣдовательно, на сѣверномъ Кавказѣ имѣется *болѣе милліона* безземельныхъ крестьянъ, къ которымъ администрація банка не признала возможнымъ придти на помощь.

Между тѣмъ, на Сѣверномъ Кавказѣ продажныхъ земель имѣется нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, преимущественно изъ числа пожалованныхъ за военныя заслуги генераламъ и офицерамъ, не знающимъ, что дѣлать съ этою землей; одни наслѣдники графа Евдокимова заявили недавно ставропольскому отдѣленію крестьянскаго банка о продажѣ шести тысячъ прекрасной черноземной земли, до сихъ поръ не населенной и не разработан-

ной. И, несмотря на все это, отдѣленіе въ Ставрополѣ закрывается потому, что оно не функціонируетъ и въ немъ нѣтъ дѣлъ. Интересно бы знать,—спрашиваетъ авторъ сообщенія,—извѣстно ли было петербургской канцеляріи банка число безземельныхъ крестьянъ на сѣверномъ Кавказѣ? Имѣются ли въ этой канцеляріи точныя свѣдѣнія о продающихся земляхъ въ нашей мѣстности, владѣльцы которыхъ ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ возможности, согласно новому уставу банка, продать свои земли, въ этотъ банкъ, для крестьянъ? Извѣстны ли центральной канцеляріи всѣ тѣ тормазы, которые лежали въ теченіе 11 лѣтъ на пути дѣйствій ставропольскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка? И, наконецъ, почему интересы цѣлаго милліона безземельныхъ крестьянъ принесены въ жертву этимъ тормазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало: не устранены всѣ эти тормазы ради пользы милліоннаго безземельнаго населенія?

Вдумчивому читателю не покажется отдаленной связь между описанною дѣятельностью ставропольскаго отдѣленія крестьянскаго банка и фактомъ, который мы сообщимъ. Отъ безучастнаго, безсердечнаго отношенія къ интересамъ народа къ пренебрежительному отношенію къ народу одинъ шагъ. Дѣло происходитъ,—разсказываетъ *Самарская Газета*,—около Витебска. Штабъ мѣстной 41-й дивизіи купилъ вблизи деревень Драгокупова и Новоселья мѣсто для опытной боевой стрѣльбы. Когда мѣсто покупалось, то было послано кому надлежитъ утвержденіе, что оно уже подвергалось пробѣ по части представляемыхъ имъ удобствъ для обученія боевой стрѣльбѣ и оказалось вполнѣ подходящимъ. Мѣсто куплено; началась пушечная и ружейная боевая стрѣльба, и оказалось, что данное пространство въ 2 съ чѣмъ-то версты весьма недостаточно. Ядра и пули залетаютъ въ чужія владѣнія, портя лѣсъ, и приводятъ въ ужасъ работающихъ на полѣ крестьянъ. Согласитесь,—замѣчаетъ газета,—что въ мирное время полевыя работы подъ свистъ пуль являются чѣмъ-то, выражаясь мягко, нелѣпымъ. По этому поводу нѣкоторые изъ крестьянъ дер. Драгокупово и Новоселья сдѣлали заявленіе одному изъ касавшихся этого дѣла чиновъ, прося его ходатайствовать объ обмѣнѣ подверженныхъ пулямъ частей надѣла на смежную землю. На это чинъ замѣтилъ:

— Зачѣмъ казнѣ обмѣнивать? У васъ пули только пролетомъ.

— Но вѣдь звенятъ подчасъ... Жутко работать,— заявляли крестьяне.

— А ты пригнись, когда зазвенитъ,—изрекла власть и удалилась.

Можно ли надѣяться,—заключаетъ газета,— что вся эта удивительная белиберда, хранящая въ себѣ зачатки многихъ несчастій, будетъ строго обслѣдована?

Всѣ подобнаго рода факты возмущаютъ чувство умственно и нравственно развитыхъ людей, число которыхъ прогрессивно и весьма замѣтно возрастаетъ. Умственный и нравственный ростъ общества рельефно выражается въ увеличивающейся съ каждымъ годомъ общественной иниціативѣ, направленной на созданіе учрежденій въ интересахъ народа и обездолен-

ныхъ группъ населенія. Почти въ каждой нашей хроникѣ намъ приходится отмѣчать такого рода общественную самодѣятельность.

Въ Казани состоялось торжественное открытіе и первое общее собраніе членовъ попечительства о безпріютныхъ дѣтяхъ. О возникновеніи этого попечительства *Калужскій Вѣстникъ* разсказываетъ слѣдующее. Въ памятный для всей Россіи неурожайный 1891 годъ особенно увеличилось число безпріютныхъ дѣтей, скитавшихся въ лохмотьяхъ на морозѣ и вымаливающихъ хлѣба. Небольшой кружокъ людей, съ Е. Г. Шевелевой во главѣ, обратили вниманіе на несчастныхъ дѣтей и устроили для нихъ столовую и при ней дневной пріютъ. Затѣмъ ихъ стали обучать. Дѣвочки учились вязать, шить и ткать, мальчики столярничали, переплетали и мастерили разныя издѣлія изъ проволоки. Такимъ образомъ было положено начало перваго дома трудолюбія для дѣтей. Вмѣсто случайныхъ, первоначально, пожертвованій были вскорѣ установлены постоянные взносы. Малое помѣщеніе замѣнено болѣе просторныхъ, пріобрѣтены необходимыя пособія для преподаванія ремеслъ и приспособленія для устройства ночлега. Въ такомъ положеніи дѣтскій пріютъ существовалъ, такъ сказать, не легально, а 2 марта 1892 г. послѣдовало его оффиціальное открытіе, и ему дано было названіе школы дѣтскаго трудолюбія. Съ этого времени увеличиваются и средства на содержаніе. Вслѣдствіе ходатайства о пособіи, особый комитетъ ассигновалъ 3,000 рублей, которые послужили основнымъ фондомъ для дѣла помощи нуждающимся дѣтямъ. Мѣстный благотворительный комитетъ, губернское и уѣздное земства, городская дума и многія частныя лица также пришли на помощь, принося посильныя пожертвованія. Изъ числа послѣднихъ нельзя не отмѣтить постоянную поддержку, оказываемую высокопреосвященнымъ архіепископомъ казанскимъ Владиміромъ, жертвующимъ ежегодно на нужды дѣтей не менѣе 600 руб.; кромѣ этого, имъ пожертвована въ основной фондъ школы еще 1,000 руб. Тысячу рублей пожертвовала также Е. А. Кривоносова, а Е. П. Новикова—домъ, стоющій 10,000 рублей, доходомъ съ котораго отчасти существуетъ школа. Мелкія пожертвованія тоже достойны того, чтобъ ихъ отмѣтить. Изъ нихъ нѣкоторыя приносятся аккуратно каждый мѣсяцъ, — въ этомъ выражаются искреннія симпатіи, которыя заслужила школа среди бѣднаго населенія. Сочувствіе къ школѣ выражается и личнымъ трудомъ многихъ лицъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ обученія призрѣваемыхъ дѣтей. Цѣль школы—придти на помощь возможно большему числу безпріютныхъ, бѣдствующихъ дѣтей, пріучить ихъ съ ранняго возраста къ труду и, подготовивъ къ поступленію въ мастерскія или въ услуженіе, пріискивать для нихъ соотвѣтствующія занятія, съ тѣмъ, чтобы выбывающихъ немедленно замѣнять другими, требующими такого же призрѣнія, дѣтьми. Пристроивъ воспитанниковъ и воспитанницъ на мѣста, школа не прерываетъ съ ними связи, снабжаетъ ихъ одеждой, постелью, оказывая, въ случаѣ надобности, матеріальную и нравственную поддержку. За время существованія школы дѣтскаго трудолюбія въ ней нашло себѣ пріютъ 475 дѣтей (въ возрастѣ

отъ 5 до 13 лѣтъ). Изъ нихъ 111 отданы для продолженія обученія ремесламъ. Главный контингентъ призрѣваемыхъ состоялъ изъ крестьянъ—51,7% и мѣщанъ—47%. Остальные 1,3% относятся къ другимъ сословіямъ. Изъ общаго числа всѣхъ принятыхъ дѣтей около 40% были круглыми сиротами и около 50% — полусиротами. Число членовъ попечительства о школѣ дѣтскаго трудолюбія постоянно возрастало, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались средства учрежденія, и теперь попечительству утвержденъ новый уставъ, открывающій ему возможность болѣе широкой дѣятельности.

Въ Томскѣ образовалось общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. О значеніи и цѣли этого общества можно судить по воззванію комитета общества, напечатанному на-дняхъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. На всемъ пространствѣ огромной Сибири, — говоритъ воззваніе,—не было до сихъ поръ ни одного учрежденія, имѣющаго цѣлью пріютить и исправить малолѣтнихъ преступниковъ, бродяжекъ и нищихъ, а между тѣмъ именно здѣсь, въ Сибири, гдѣ столь многочисленъ преступный классъ населенія, чувствуется особенно настоятельная потребность въ подобномъ учрежденіи, которое одно только можетъ спасти порочныхъ, но способныхъ еще къ исправленію дѣтей отъ растлѣвающаго вліянія сибирской тюрьмы, всегда и всюду переполненной людьми потерявшими всякій стыдъ и совѣсть и охотно толкающими другихъ на скользкій путь преступленія и порока. Скорѣе изъ огня можно выйти невредимымъ, чѣмъ малолѣтнему изъ такой среды. Нынѣ всюду пришли къ убѣжденію, что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противодѣйствія преступности малолѣтнихъ является правильная система воспитанія и исправленія ихъ въ особо-устроенныхъ для того земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ. Такія же колоніи и пріюты предполагаетъ завести въ Сибири вновь учрежденное «Томское общество земледѣльческихъ колоній и пріютовъ», распространяющее свои дѣйствія не только на Томскую губернію, но и на сосѣднія съ нею губерніи и области Сибири. Открывая свою дѣятельность безъ всякаго пособія отъ казны, комитетъ общества твердо, однако, уповаетъ на успѣхъ своего начинанія, разсчитывая исключительно на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны населенія не одной только Сибири, но и всей Россіи, сбывающей въ Сибирь свои нравственные отбросы въ видѣ ссыльныхъ, дѣти коихъ составляютъ главный контингентъ будущихъ питомцевъ общества. Пусть всякій помнитъ, — говорится въ воззваніи, — что каждая копѣйка, затраченная на исправленіе преступныхъ и порочныхъ дѣтей, сберегаетъ обществу рубли, которые похитили бы у него эти дѣти, еслибъ они выросли безъ призора. Пусть каждый знаетъ, что всякая лепта на это доброе дѣло, будь она велика или мала, будетъ съ благодарностью принята и съ пользой для дѣла употреблена... Почетные члены общества уплачиваютъ единовременно 500 рублей или въ теченіе 10-ти лѣтъ ежегодно по 100 руб.; дѣйствительные члены уплачиваютъ единовременно 50 руб. или ежегодно 5 руб.; члены-соревнователи уплачиваютъ единовременно 20 руб. или ежегодно 2 руб. Членскіе

взносы и пожертвованія принимаютъ: въ Томскѣ — предсѣдатель комитета А. В. Витте и товарищъ предсѣдателя П. И. Макушинъ, а въ Москвѣ — редакція *Русскихъ Вѣдомостей*.

О возникновеніи новаго «общества» сообщаютъ также изъ Малмыжа (Вятской губ.). Недавно здѣсь,—пишетъ корреспондентъ *Камско-Волжскаго Края*,—полученъ утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ уставъ «общества вспомоществованія нуждающимся учащимся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Малмыжа». Иниціаторомъ этого «общества» является наша земская управа. Хвала и честь ей за это, тѣмъ болѣе, что цѣль этого новорожденнаго «общества» крайне симпатична. «Общество,—говорится въ его уставѣ, — имѣетъ въ виду заботиться о недостаточныхъ учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Малмыжа (женской прогимназіи, городского и приходскаго училищъ) и во всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда. Но на этомъ оно не намѣрено останавливаться, а съ «развитіемъ своей дѣятельности думаетъ оказывать помощь и тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ попеченіемъ «общества», которые для продолженія своего образованія поступятъ въ другія учебныя заведенія, не входящія въ кругъ его дѣятельности». А что помощь учащейся молодежи нужна,—замѣчаетъ корреспондентъ,—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе факты. Въ нашей женской прогимназіи учатся до 80 ученицъ, родители которыхъ кое-какъ перебиваются изо дня въ день, и не только не въ состояніи платить за ученье своихъ дѣтей, но даже сносно одѣвать ихъ. Пишущему эти строки не разъ приходилось наблюдать, какъ позднею осенью пробирались въ гимназію дѣвочки въ однихъ платьицахъ съ платкомъ на головѣ, съ посинѣвшими отъ холода ручонками... Жалость была глядѣть на нихъ! Въ городскомъ нашемъ училищѣ дѣла обстоятъ не лучше. Чуть ли не каждый годъ исключаются изъ него за невзносъ платежей порядочное количество человѣкъ. Многіе ученики нуждаются въ самомъ необходимомъ: въ одѣяніи, книгахъ и др. учебныхъ пособіяхъ.

Кружкомъ мѣстной интеллигенціи организованъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, сельскій пріютъ для призрѣнія крестьянскихъ круглыхъ сиротъ. Пріютъ существуетъ одинъ лишь годъ и успѣлъ уже обратить на себя вниманіе. По всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія послѣдовало Высочайшее соизволеніе на безвозмездный отпускъ пріюту изъ ближайшихъ казенныхъ дачъ 15 куб. саж. дровъ на отопленіе, безвозмездно же отрѣзанъ пріюту участокъ земли изъ ближайшей казенно-оброчной статьи; центральный кустарный комитетъ командируетъ въ пріютъ техника для улучшенія кустарнаго ткачества; 19 сельскихъ обществъ постановили мірскіе приговоры объ обложеніи ежегоднымъ 3-копѣечнымъ сборомъ каждую душу въ пользу пріюта; организована частная благотворительность среди крестьянъ и уѣздной интеллигенціи. Пермскій губернаторъ пожертвовалъ 500 рублей; шадринское уѣздное земство, первымъ пришедшее на помощь, ассигновало 350 рублей; о. Іоаннъ Сергіевъ, владѣлецъ завода

г. Поклевскій-Козеллъ и другія лица дали солидныя суммы. Благодаря этому въ селеніи Бѣлоярскомъ выстроено обширное пріютское зданіе, и пріютъ вполнѣ обезпеченъ средствами. Для завѣдыванія пріютомъ учрежденъ попечительный совѣтъ изъ крестьянъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Главная задача — обучать призрѣваемыхъ дѣтей обоего пола необходимымъ въ крестьянскомъ быту занятіямъ и ремесламъ, веденію полевого хозяйства, огородничеству, кустарнымъ производствамъ. По отзывамъ пріютской администраціи, дѣти выполняютъ посильныя для нихъ полевыя работы съ большою охотой.

Обращаетъ также на себя вниманіе дѣятельность мирового посредника въ Могилевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, П. И. Окулова, устраивающаго крестьянскія потребительскія лавки. Извѣстно, что такое обычныя лавки въ селахъ. Здѣсь крестьянамъ вручаютъ плохой, залежалый товаръ по цѣнамъ превышающимъ стоимость продуктовъ самаго высокаго качества; сверхъ того, обвѣшиванье и обмѣриванье составляютъ явленіе заурядное. Устройствомъ общественныхъ потребительскихъ лавокъ всецѣло парализуется такое зло; лавки эти даютъ возможность крестьянину на мѣстѣ, съ наименьшею затратою трудовыхъ копѣекъ, имѣть доброкачественный и сравнительно дешевый товаръ. Съ цѣлью облегчить и для другихъ организацію потребительскихъ лавокъ, г. Окуловъ издалъ брошюру *Общественныя крестьянскія потребительскія лавки*, въ которой указываетъ, какъ надо устраивать подобныя лавки. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Окуловъ совѣтуетъ открывать при лавкахъ чайныя, что обходится очень дешево. Такая чайная должна служить мѣстомъ бесѣды, и если затратить 10—15 р., на небольшую библіотеку, то эта чайная будетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникомъ грамотности.

И. Ивановъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Сибири.—Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Необходимыя дополненія въ законахъ, касающихся охраны малолѣтнихъ.—Отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ.—Съѣздъ врачей въ память Н. И. Пирогова.—† Н. В. Водовозовъ.

Въ маѣ вниманіе Россіи и всего міра было приковано къ торжествамъ коронованія Императора Николая II и Императрицы Александры Ѳеодоровны. Блескъ этихъ торжествъ превосходитъ описанія. Вѣнчаніе на царство молодого Государя сопровождалось обычными широкими милостями, въ особенности страждущимъ и обремененнымъ,—по выраженію Высочайшаго манифеста,—хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію. Въ эти же высокоторжественные дни былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ министру юстиціи, которому повелѣвается распространить блага Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II на далекую Сибирь, такъ долго ждавшую этого преобразованія.

Непрерывный трехнедѣльный праздникъ омрачился катастрофой на Ходынскомъ полѣ, ужасающія подробности которой читателямъ извѣстны изъ газетъ. Государь Императоръ, глубоко опечаленный этимъ трагическимъ событіемъ, пришелъ щедро на помощь и утѣшеніе осиротѣлымъ семьямъ. Императрица Александра Ѳеодоровна пожелала осуществить великодушную мысль. Московскій городской голова получилъ 25 мая слѣдующее письмо отъ секретаря Государыни: «Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, озабоченная мыслью объ обезпеченіи судьбы дѣтей, родители которыхъ пострадали на Ходынскомъ полѣ во время народнаго праздника 18 сего мая, Всемилостивѣйше повелѣть соизволила въ день Своего Рожденія, 25 сего мая, передать въ распоряженіе вашего превосходительства отъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени десять тысячъ (10,000) руб., съ тѣмъ, чтобы сумма эта послужила основаніемъ для устройства убѣжища, въ коемъ дѣти нашли бы вѣрный пріютъ и воспитаніе». Къ этой суммѣ Государь Императоръ присоединилъ еще десять тысячъ рублей.

Отрадное впечатлѣніе произвело посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами московской городской думы. Въ первый разъ удостоилось этой чести учрежденіе нашего городского самоуправленія. Дума постановила ознаменовать это событіе созданіемъ пятнадцати новыхъ городскихъ училищъ. Искренно привѣтствуемъ московскаго городского голову К. В. Рукавишникова, которому принадлежитъ иниціатива этого предложенія.

Закономъ 13 мая 1896 года изданы временныя правила о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири. Судебныя установленія вводятся съ значительными измѣненіями сравнительно съ Судеб-

ными Уставами 1864 года. Право выбора относительно чиновъ мирового института не имѣетъ мѣста. Участковые, добавочные и почетные мировые судьи назначаются министромъ юстиціи (послѣдніе на 3 года). Отъ министра юстиціи же зависитъ ихъ незамѣщеніе и увольненіе отъ службы. Въ самыхъ пустынныхъ углахъ Сибири вовсе нѣтъ участковыхъ мировыхъ судей; ихъ обязанности исполняются начальниками мѣстной полиціи; эти же лица на правахъ судебныхъ слѣдователей производятъ предварительныя слѣдствія. Для производства предварительныхъ слѣдствій при окружныхъ судахъ есть судебные слѣдователи; но ихъ обязанности возлагаются также на участковыхъ и добавочныхъ мировыхъ судей. Законъ не вводитъ особыхъ съѣздовъ мировыхъ судей; ихъ обязанности возлагаются на окружные суды, которые могутъ исполнять эти обязанности и при выѣздахъ въ округа для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Если дѣло возникло далѣе 50 верстъ отъ камеры мирового судьи, то судья обязанъ разбирать его въ мѣстахъ, ближайшихъ къ возникновенію дѣла. Присутствіе окружнаго суда, въ качествѣ мирового съѣзда и суда первой степени, можетъ быть пополняемо мѣстными почетными, участковыми и добавочными мировыми судьями и судебными слѣдователями, кромѣ тѣхъ, которые производили слѣдствіе, и тѣхъ, на приговоры, рѣшенія и дѣйствія которыхъ принесена жалоба по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда.

Не касаясь дальнѣйшихъ отклоненій въ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, отмѣтимъ особенности въ судопроизводствѣ. Вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій не подлежатъ: а) иски, сопряженные съ интересомъ казенныхъ управленій, за исключеніемъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, равно исковъ на сумму не свыше 2,000 рублей, о вознагражденіи за потравы въ вѣдомствѣ министерства двора, удѣловъ, земледѣлія и б) иски между сельскими обывателями, а также между инородцами, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ сословныхъ судовъ. Если свидѣтели живутъ дальше 200 верстъ отъ мѣста, въ которое вызываются, то могутъ просить о допросѣ ихъ на мѣстѣ жительства. При производствѣ дѣлъ о несостоятельности соблюдаются слѣдующія дополнительныя правила: а) допросъ должника и другихъ лицъ возлагается на мѣстныхъ мировыхъ судей или судебнаго слѣдователя; б) должнику, живущему внѣ мѣста, гдѣ находится судъ, разсматривающій его дѣло, предоставляется взамѣнъ личной явки для словесныхъ объясненій подать письменный отзывъ. Относительно нотаріусовъ сдѣлано то дополненіе, что въ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, ихъ обязанности возлагаются на мировыхъ судей и чиновъ полиціи. Обязанности же старшаго нотаріуса возлагаются на одного изъ членовъ окружнаго суда, по избранію общаго собранія отдѣленій суда. Есть также нѣкоторыя особенности относительно уголовнаго судопроизводства.

Въ этихъ правилахъ, значительно упрощающихъ судебное дѣло, согласно съ условіями сибирской жизни, есть кое-что цѣлесообразное, способное доставить удобство населенію. Таково, наприм., требованіе, чтобы мировой судья, если дѣло произошло далеко отъ камеры, передвигался для его разбора къ мѣсту совершенія; таково постановленіе о правѣ свидѣтелей быть допрашиваемыми на мѣстахъ, какъ скоро они живутъ далеко отъ мѣста, куда вызываются. Но полная зависимость судей отъ министра юстиціи и при назначеніи, и при перемѣщеніи, или увольненіи, является очень неблагопріятною особенностью этихъ правилъ. Мировой институтъ по выбору вполнѣ возможенъ теперь въ Сибири, такъ какъ городское населеніе возросло, а проведеніе желѣзной дороги обѣщаетъ дальнѣйшее и быстрое возрастаніе.

Апрѣльская сессія московскаго губернскаго земскаго собранія была посвящена, главнымъ образомъ, дѣлу народнаго просвѣщенія. Обсуждая докладъ губернской земской управы о порядкѣ содержанія вновь открываемыхъ 20 школъ московскаго земства, собраніе остановилось на вопросѣ о всеобщемъ обученіи и сдѣлало такія постановленія: 1) При разрѣшеніи вопросовъ по устройству новыхъ училищъ губернская управа должна руководствоваться составленною сѣтью школьныхъ районовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздными земствами, на основаніи подробно мотивированныхъ соображеній, будутъ предлагаться тѣ или другія отступленія отъ проектированной сѣти, объ этомъ должно быть представлено на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія. 2) Обсужденіе вопроса объ обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется въ настоящее время преждевременнымъ: число школъ еще не довольно велико, а потому всякая принудительная мѣра въ этомъ направленіи не желательна. А. М. В. Духовской высказалъ въ своей рѣчи, что Московская губернія, съ осуществленіемъ вновь намѣченныхъ школъ, ставится, относительно начальнаго образованія, въ очень выгодное положеніе: школа будетъ доступна всему населенію. Дабы оцѣнить это заявленіе г. Духовского, познакомимся съ данными о народномъ образованіи въ Московской губерніи, которыя собраны Н. П. Боголѣповымъ и помѣщеоы въ *Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи* за 1895 годъ. Эти данныя представляютъ много утѣшительнаго.

Сопоставляя развитіе народнаго образованія за послѣднее десятилѣтіе, мы видимъ, что число школъ возросло съ 683 въ 188⁵/₆ году до 918 въ 189⁴/₅, т.-е. увеличилось на 235. Изъ школъ всѣхъ разрядовъ наиболѣе увеличилось число земскихъ и церковно-приходскихъ. Изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи особенно посчастливилось за послѣднее время Серпуховскому и Дмитровскому. Большое движеніе наблюдается также относительно числа и состава преподавателей. Въ 188²/₃ году было 484 преподавателя, изъ которыхъ 55% составляли мужчины, а 45% женщины, а въ 189⁴/₅ году было 766 преподавателей—42,6% мужчинъ и 57,4% женщинъ. По происхожденію, большая часть преподавателей, какъ прежде, такъ и теперь, принадлежитъ къ духовенству. Но замѣчается интересная перемѣна: въ преподавательскомъ составѣ увеличивается число крестьянъ и мѣщанъ: послѣдніе составляли за 188²/₃ годъ 13% общаго числа, а теперь 17,3%, тогда какъ число крестьянъ учителей поднялось отъ 6,4% до 16,2%. Это служитъ вѣскимъ доказательствомъ успѣховъ, которые дѣлаетъ грамотность. Составъ преподавателей по образовательному цензу не представляетъ чего-нибудь однообразнаго. Здѣсь есть лица, прошедшія курсъ учительскихъ и духовныхъ семинарій, гимназій, институтовъ, епархіальныхъ училищъ, профессіональныхъ, а также не мало лицъ получившихъ только домашнее образованіе. Если свести, по образовательному цензу, всѣхъ преподавателей въ 3 группы, получившихъ *достаточное*, *среднее* и *недостаточное* образованіе, то положеніе дѣлъ окажется теперь болѣе благопріятнымъ, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ: за 188⁹/₄ годъ эти три группы составляли 42,7%, 23,3% и 34%, а за 189⁴/₅ г.—63,5%, 12,9% и 23,6%. Главнымъ образомъ такіе результаты получились вслѣдствіе того, что большое число препо-

дователей проходить учительскія семинаріи. Наблюдается движеніе также и въ числѣ учащихся; его интересная особенность та, что замѣчается особенный приростъ въ числѣ дѣвочекъ, падающій на послѣдніе 2—3 года.

Относительно начала и конца занятій въ школахъ послѣдній учебный годъ ничѣмъ не отличается отъ ряда предыдущихъ лѣтъ. Огромное большинство школъ открылось для занятій въ первой половинѣ сентября и закрылось во второй половинѣ мая. Однако есть нѣсколько десятковъ школъ, гдѣ ученье началось только съ октября и окончилось во второй половинѣ апрѣля. Въ среднемъ учебный годъ состоялъ изъ 164 дней (отъ 154 въ Московскомъ уѣздѣ до 175 въ Клинскомъ). Малое число учебныхъ дней въ Московскомъ уѣздѣ объясняется развитіемъ садоводства и огородничества, которыя раннею весной и позднею осенью предъявляютъ запросъ на подсобный дѣтскій трудъ. Самыми занятыми мѣсяцами въ году являются ноябрь и октябрь, а наименѣе занятыми—іюнь и августъ. Эти данныя показываютъ, что школы Московской губерніи функціонируютъ главнымъ образомъ въ суровое время года, когда дни коротки, а небо особенно часто бываетъ облачно. Г. Боголѣповъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что каждая школа должна имѣть возможно болѣе полное освѣщеніе. А между тѣмъ, въ интересахъ сохраненія тепла, свѣтовая поверхность оконъ должна быть какъ можно болѣе уменьшена, тѣмъ болѣе, что школы, большею частью, страдаютъ отъ недостатковъ въ отопленіи. Эти два діаметрально противоположныя требованія мѣшаютъ удачному рѣшенію вопроса относительно устройства школъ. По мнѣнію г. Боголѣпова, приведенныя свѣдѣнія о времени посѣщенія школъ интересны и въ другомъ отношеніи, наприм., относительно того, цѣлесообразно ли введеніе въ школы какихъ-либо добавочныхъ предметовъ (всего чаще рекомендуютъ ввести рукодѣлье). Но изъ таблицъ видно, что нормальные классы могутъ оканчиваться не раньше 3 часовъ дня; а многимъ дѣтямъ нужно еще 1 часъ или болѣе для прохода отъ школы до дома. Поэтому если послѣ нормальныхъ классовъ и могутъ происходить занятія какими-нибудь ремеслами и рукодѣльями, то лишь въ теченіе августа и сентября, а затѣмъ—отъ февраля до конца учебнаго года. «Объ ежедневномъ сборѣ *всѣхъ* дѣтей въ школу для занятій по вечерамъ нельзя, конечно, и думать... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобы въ зимніе холодные, а тѣмъ болѣе вьюжные мѣсяцы дѣти дѣлали по четыре конца въ день, путешествуя въ школу и обратно. Итакъ, помимо всякихъ иныхъ соображеній о возрастѣ дѣтей, о физической неподготовленности ихъ къ ремесленнымъ занятіямъ, одно уже распредѣленіе учебнаго времени говоритъ противъ того, чтобы нашей начальной школѣ можно было навязывать какія бы то ни было еще, не стоящія въ прямой связи съ общеобразовательнымъ курсомъ, задачи» (24). Нужно вполнѣ присоединиться къ этому мнѣнію: если начальная школа будетъ хорошо обучать тому, что входитъ въ ея программу, то она окажетъ очень большія услуги дѣлу просвѣщенія русскаго народа.

Въ очеркѣ г. Боголѣпова помѣщены очень интересныя свѣдѣнія о развитіи школьнаго дѣла въ Московской губерніи отъ первыхъ шаговъ земства на этомъ пути. Въ 1868 году было 297 сельскихъ училищъ и 11,160 учащихся; въ 1895 г.—876 и 55,121. Общій расходъ губернскаго и уѣзд-

ныхъ земствъ на народное образованіе составляли: въ 1869 году 71,550 рублей—8,7% всѣхъ расходовъ, а въ 1895 г.—460,214 рублей—18% всѣхъ расходовъ. Всего за 29 лѣтъ (1866—94 г.) земства затратили на народное образованіе 1.795,943 рубля. Изъ этихъ суммъ на устройство библіотекъ (училищныхъ при школахъ и учительскихъ при управахъ) употреблена очень скромная сумма—всего 12,333 рубля.

Здѣсь же мы находимъ цифры относительно грамотности въ Московской губерніи. Подворная перепись 1869 года опредѣлила число грамотныхъ въ 7,5% ко всему населенію. Подворная перепись 1883 года дала 36,4% грамотныхъ мужчинъ и 5% грамотныхъ женщинъ, а всего 20,2%. По призывнымъ спискамъ для отбыванія воинской повинности грамотные составляли 59,9% въ 1885 году и 75,4% въ 1895 году. По числу грамотныхъ новобранцевъ первыя мѣста принадлежатъ Коломенскому, Московскому, Клинскому и Серпуховскому уѣздамъ (85—87%).

Пользуясь этими свѣдѣніями изъ очерка г. Боголѣпова, мы признаемъ совершенно правильнымъ выводъ г. Духовского, что Московская губернія сдѣлала большіе успѣхи въ дѣлѣ развитія народнаго образованія и что недалеко время, когда все населеніе будетъ имѣть доступъ къ школѣ.

Касаясь народнаго образованія, слѣдуетъ напомнить о первыхъ шагахъ обществъ грамотности. Обсуждая уставъ этихъ обществъ (*Внутреннее обозрѣніе* 1896 г., кн. III), мы указали на существенные его недостатки, которые помѣшаютъ ему работать такъ плодотворно, какъ работали комитеты грамотности. Состоявшееся въ Петербургѣ первое общее собраніе петербургскаго общества грамотности подтверждаетъ наше предположеніе. Это первое собраніе, на которомъ должны были быть избраны новыя должностныя лица, оказалось не въ состояніи сдѣлать это. Нѣкоторые члены отказались отъ членства. Были заявленія этого рода, подробно мотивированныя, причемъ эти мотивы, отмѣчавшія особенности новаго устава, встрѣтили полное согласіе со стороны всѣхъ членовъ собранія. Собраніе, отказавшись приступить къ выбору новаго правленія, постановило предварительно ходатайствовать чрезъ теперешній совѣтъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава. До полученія отвѣта не слѣдуетъ приступать къ выбору новыхъ должностныхъ лицъ. Послѣ обстоятельныхъ рѣчей нѣкоторыхъ членовъ, такое ходатайство было признано вполнѣ законнымъ, и общее собраніе единогласно постановило допустить его.

Петербургскій отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія дѣйствуетъ уже три года. Недавно вышедшій отчетъ за 1895 годъ раскрываетъ весьма скромную дѣятельность этого учрежденія. Убѣжище отдѣла призрѣваетъ до 25 дѣтей. Въ теченіе года участковые попечители произвели 42 разслѣдованія, изъ которыхъ въ 15 случаяхъ не подтвердились сдѣланныя заявленія. Въ остальныхъ же 27 случаяхъ подтвердилось жестокое обращеніе съ дѣтьми. 8 дѣтей были взяты изъ семьи и помѣщены въ убѣжище от-

дѣла, въ 8 же случаяхъ была обнаружена только крайняя нужда безъ признаковъ жестокаго обращенія.

Въ одномъ изъ общихъ собраній отдѣла В. Н. Герардъ сдѣлалъ интересное сообщеніе «О желательныхъ дополненіяхъ въ законахъ, касающихся охраны интересовъ малолѣтнихъ». По словамъ г. Герарда, дѣятельность отдѣла затрудняется не только недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, но и постановленіями дѣйствующаго нынѣ законодательства о родительской власти. Эта власть прекращается только съ физическою или гражданскою смертью ея носителя, хотя бы онъ былъ неоднократно изобличенъ въ злоупотребленіи родительскими правами; эта власть нерѣдко выдвигаетъ неодолимыя препятствія между отдѣломъ и ребенкомъ, который нуждается въ защитѣ. За послѣднее время въ законодательныя сферы проникло сознаніе необходимости ограничить эту власть. Оно выразилось въ проектѣ устава объ опекахъ и попечительствахъ. Въ проектѣ уголовнаго уложенія также опредѣлены случаи лишенія родительской власти. Хотя принятіе этихъ постановленій въ законодательство и можетъ нѣсколько усовершенствовать семейственное право, однако желательно сдѣлать въ интересахъ дѣтей кое-что большее. Среди соціальныхъ вопросовъ нашего времени вопросъ *дѣтскій,* вопросъ объ участи подрастающихъ поколѣній, которымъ грозятъ нищета и развратъ большихъ городовъ, представляется однимъ изъ наиболѣе жгучихъ. Законодательство о дѣтяхъ, особенно оживившее за послѣднія десятилѣтія, повсюду обнаруживаетъ стремленіе спеціализироваться, выдѣлиться изъ общаго права, образовать особую систему дѣтскаго призрѣнія и защиты и объединить всѣ стороны этого сложнаго дѣла. Особыя законоположенія о призрѣніи безпріютныхъ дѣтей изданы во Франціи, Швейцаріи, многихъ германскихъ государствахъ.

Выдѣленіе законодательства о дѣтяхъ въ особый, самостоятельный уставъ имѣетъ за себя очень многое. Прежде всего, этимъ можетъ быть доставлено серьезное удобство въ чисто-техническомъ отношеніи: кодифицированіе разбросанныхъ законодательныхъ постановленій облегчитъ дѣятельность правительственныхъ агентовъ, частныхъ учрежденій и лицъ; при заботѣ о дѣтяхъ это можетъ даже усилить частную иниціативу, направленную къ этой цѣли. Но и самое существо предмета требуетъ указаннаго объединенія. Общія постановленія о гражданскихъ ограниченіяхъ родительской власти или объ уголовномъ преслѣдованіи ея злоупотребленій могутъ быть дѣйствительны только въ средѣ, которая пользуется сравнительнымъ благосостояніемъ и прочнымъ положеніемъ, гдѣ семейный бытъ сохранилъ нравственную основу и неблагопріятныя вліянія служатъ какъ бы частными уклоненіями отъ общей нормы. Въ подобныхъ случаяхъ можно разсчитывать и на то, что внутри семьи найдется поддержка для такой борьбы. Если семья страдаетъ отъ жестокости отца, то можно противопоставить ему власть матери, обращаться къ содѣйствію родственниковъ, законныхъ опекуновъ и проч. Но иныя задачи призрѣнія дѣтей возникаютъ относительно того общественнаго слоя, который преимущественно доставляетъ

контингентъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ, исправительныхъ пріютовъ, колоній и проч. Среди городского пролетаріата дѣтскій вопросъ является въ самой острой формѣ. «Здѣсь семейный бытъ находится въ состояніи болѣе опаснаго разложенія, чѣмъ въ другихъ общественныхъ классахъ; гражданское назначеніе семьи—служить покровительственною средой для воспитанія подрастающихъ поколѣній—роковымъ образомъ стушевывается здѣсь передъ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и неумолимою заботой о собственномъ пропитаніи родителей. Пока дѣти находятся въ возрастѣ полной безпомощности, они составляютъ для родителей обузу, отъ которой послѣдніе ищутъ избавиться всѣми способами, не исключая и преступныхъ; едва дѣти подросли, они либо вовсе оставляются безъ призора, либо ихъ слабыя, неокрѣпшія силы дѣлаются предметомъ эксплуатаціи, тѣмъ болѣе безпощадной, что она находитъ себѣ оправданіе въ суровой необходимости. Въ томъ или другомъ случаѣ дѣти рано попадаютъ въ водоворотъ уличной жизни съ ея искушеніями и опасностями и затѣмъ почти неминуемо пополняютъ собою ряды дѣтской преступности» (6). Это явленіе приняло въ настоящее время столь большіе размѣры, что становится почти общественною опасностью. Осторожныя ограничительныя мѣры, проникнутыя уваженіемъ къ семейной жизни, становятся здѣсь безсильными. Государство и общество должны получить право на болѣе дѣятельное вмѣшательство. Необходимо, чтобы та группа лицъ, которая нуждается въ активномъ покровительствѣ со стороны государства и общества, была отдѣлена особыми признаками отъ общей массы семей. Все это можетъ быть сдѣлано только въ особомъ законодательномъ актѣ, который былъ бы спеціально посвященъ дѣлу призрѣнія дѣтей.

Кромѣ всего указаннаго для особыхъ законоположеній о призрѣніи безпріютныхъ, въ Россіи есть еще одно обстоятельство, не лишенное очень серьезнаго значенія. Прежде, чѣмъ будутъ пополнены пробѣлы законодательства указанными проектами, пройдетъ еще много времени, а, между тѣмъ, преступность дѣтей, которая служитъ масштабомъ недостатковъ призрѣнія, возрастаетъ. Положеніе дѣтскаго вопроса въ нашемъ отечествѣ таково, что требуетъ быстраго и энергичнаго вмѣшательства закона; нельзя помириться съ тѣмъ медленнымъ движеніемъ, которое получаетъ законодательное творчество, когда оно направлено на изданіе цѣлой системы правовыхъ нормъ. Но всѣ перемѣны, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ законодательствѣ о малолѣтнихъ, касаются исключительно той области, гдѣ малолѣтній является объектомъ уголовнаго наказанія. А это еще болѣе укрѣпляетъ мысль, что неотложное устраненіе и исправленіе наиболѣе значительныхъ недостатковъ въ смежной области законодательства, гдѣ малолѣтній является объектомъ уголовнаго преступленія.

Все теченіе мыслей приводитъ г. Герарда къ заключенію, что необходимо сдѣлать еще слѣдующія исправленія въ дѣйствующемъ законодательствѣ о малолѣтнихъ. Нужно, во-первыхъ, немедленно ввести въ дѣйствіе ст. 361 проекта уголовнаго уложенія, предусматривающую жестокое обра-

щеніе съ несовершеннолѣтнимъ, отдачу его для нищенства, бродяжества или безнравственнаго занятія, потворство его непотребству или иному разврату. Особенное значеніе имѣетъ та часть указанной статьи, въ силу которой суду предоставляется учредить надъ малолѣтнимъ опеку въ установленномъ порядкѣ или назначить ему попечителя, лишивъ виновнаго власти надъ жертвой. Опытъ показываетъ, что преслѣдованіе родителей за жестокое обращеніе съ дѣтьми рѣдко оканчивается обвинительнымъ приговоромъ, благодаря именно тому, что ребенокъ, испытавъ жестокое обращеніе, остается подъ вліяніемъ своего мучителя; запуганный его угрозами или задобренный ласками, онъ упорно отрицаетъ на судѣ фактъ совершенныхъ надъ нимъ насилій. Вотъ почему обвиненіе передъ судомъ является неблагодарною задачей. Было бы поэтому полезно, чтобы, при производствѣ слѣдствій о злоупотребленіяхъ родительскою или опекунскою властью, возложить на слѣдователей ту же обязанность, которая возлагается на нихъ по законопроекту министерства юстиціи въ случаѣ совершенія малолѣтними преступленія, т.-е. собирать подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, въ которой живетъ малолѣтній, и право слѣдователямъ входить съ представленіемъ въ судъ о временномъ отнятіи у обвиняемаго власти надъ ребенкомъ, который находится подъ его надзоромъ, и о назначеніи къ ребенку особаго попечителя.

Но необходимо расширить дѣло защиты малолѣтнихъ. Слѣдуетъ охранить ихъ не только отъ уголовныхъ посягательствъ со стороны лицъ, коры имѣютъ надъ ними надзоръ, но и отъ растлѣвающаго вліянія этихъ лицъ, хотя бы вліяніе и не было связано съ уголовными преступленіями. Поэтому полезно немедленно облечь силой закона постановленіе проекта устава объ опекахъ и попечительствахъ, предоставляющее опекунскимъ учрежденіямъ право лишать отца родительской власти, въ случаѣ дурного его поведенія или дурного обращенія съ дѣтьми. Еслибъ это было преждевременнымъ, то г. Герардъ считаетъ цѣлесообразнымъ ввести, по примѣру французскаго законодательства, институтъ добровольнаго отреченія отъ родительской власти въ пользу общественныхъ и частныхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя ставятъ себѣ задачей призрѣніе малолѣтнихъ и находятся подъ контролемъ и руководствомъ государства. Французскій законъ допускаетъ добровольное сложеніе съ себя родительской или опекунской власти. Эта временная уступка родительскихъ правъ происходитъ передъ мировымъ судьей и получаетъ характеръ юридической сдѣлки между родителями или опекунами и начальствомъ благотворительнаго учрежденія. То же могло бы быть введено и въ Россіи.

Вполнѣ присоединяясь къ пожеланіямъ г. Герарда, мы считаемъ необходимымъ пополненіе законоположеній относительно призрѣнія малолѣтнихъ также правилами относительно семей, которыя принимаютъ на воспитаніе чужихъ дѣтей и дѣлаютъ изъ этого промыселъ. По англійскому Infant life protection act отъ 25 іюля 1872 года, кто хочетъ брать на воспитаніе чужихъ дѣтей, тотъ долженъ получить спеціальное разрѣшеніе подлежащихъ

властей, а оно дается только лицамъ добраго поведенія, которыя обладаютъ достаточнымъ искусствомъ въ уходѣ за дѣтьми и удовлетворительное жилище. Разрѣшеніе властей дается всегда только на одинъ годъ. Во Франціи эта сторона дѣла регулирована закономъ 23 декабря 1874 года. Этотъ законъ имѣетъ спеціальною цѣлью оказывать защиту всѣмъ дѣтямъ моложе 2 лѣтъ. Наблюденіе возлагается прежде всего на мэра и особые совѣты изъ разныхъ лицъ. Только особая концессія разрѣшаетъ принимать дѣтей на воспитаніе. Германскія государства имѣютъ какже особыя законоположенія по этому предмету. Было бы желательно, чтобы и у насъ были созданы закономъ соотвѣтствующія формы для защиты интересовъ дѣтей отъ самаго юнаго возраста.

Отхожіе промыслы для сельско-хозяйственныхъ работъ являются одной изъ темныхъ сторонъ русской общественной жизни. За это послѣднее время литература этого вопроса обогатилась интереснымъ трудомъ земскаго санитарнаго врача г. Тезякова *Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи* 1896 г. Этотъ трудъ даетъ полную картину быта рабочихъ, картину безотрадную, подтверждающую еще разъ, что отправленіе крестьянъ за тысячи верстъ въ поискахъ за работой составляетъ ненормальное явленіе въ народномъ хозяйствѣ.

Въ Херсонской губерніи работаетъ каждое лѣто не менѣе 100,000 пришлаго люда, доставляемаго ей многими губерніями: половину даетъ Кіевская губернія, около 30%, Полтавская, 4% Черниговская и 1—3%, Подольская, Орловская, Курская, Могилевская. Больше 70% всей этой массы прибываютъ въ Херсонскую губернію пѣшкомъ; изъ нихъ только 25% нанимаютъ подводы подъ вещи. Желѣзными дорогами ѣдетъ всего 7—8%, а остальные прибываютъ на пароходахъ и дубахъ. Массовое движеніе рабочихъ изъ Полтавской, Черниговской, Кіевской губерній совершается вдоль линій желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ, а, между тѣмъ, передвиженіе пѣшкомъ огромно. Это говоритъ прежде всего о крайней бѣдности десятковъ тысячъ мужчинъ и женщинъ, которые стремятся на рабочіе рынки Херсонской губерніи. «Что представляютъ изъ себя ноги этихъ пѣшеходовъ, когда они добираются до ярмарки, можно себѣ представить легко... Когда грязь захватываетъ, а бываетъ это не рѣдко, то совсѣмъ бѣда, особенно дѣвушкамъ; отъ тяжелой обуви ноги пухнутъ, покрываясь ссадинами... Каждый шагъ доставляетъ мученія, а идти надо: не оставаться же на дорогѣ одной. Партія не ждетъ, она спѣшитъ, чтобы не пропустить наемки и, въ силу обстоятельствъ, не можетъ заботиться объ уставшихъ или заболѣвшихъ членахъ артели» (стр. 36). Независимо отъ лишняго утомленія, эти странствія ведутъ за собой потерю огромнаго количества рабочихъ, дней. Одинъ рабочій затрачиваетъ на дорогу въ среднемъ около 10 дней. Если считать цѣну рабочаго дня въ 25 копѣекъ, то, при 125,000 рабочихъ получимъ потерю почти 4 милл. руб. Весь этотъ людъ собирается въ нѣ-

которыхъ пунктахъ. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ: Знаменка, Братолюбовка и Долинская въ Александрійскомъ уѣздѣ, Елизаветградъ, Бобринецъ, Вознесенскъ—въ Елизаветградскомъ и особенно Каховка Таврической губерніи. Отсюда рабочіе направляются въ экономіи.

Обстановка работы представляетъ мало привлекательнаго. Такъ какъ нѣтъ положительныхъ правилъ, которыя обезпечивали бы справедливыя отношенія хозяевъ къ рабочимъ, то возникаетъ очень много недоразумѣній. Часто на главные сборные пункты возвращаются партіи, ушедшія съ работы безъ платы, безъ паспортовъ, даже безъ котомокъ. Дурная пища, систематическія прижимки, даже побои — вотъ что заставляетъ рабочихъ нерѣдко уходить изъ экономій. Время баснословныхъ цѣнъ на рабочія руки въ Херсонской губерніи миновало. Приливъ рабочихъ для найма возрастаетъ безостановочно, сельско-хозяйственныя машины распространяются, и цѣны на рабочія руки систематически падаютъ. За послѣднія 7 лѣтъ заработная плата не достигала того уровня, на которомъ она стояла въ 1888 году. Сопоставленіе цѣнъ на рабочія руки въ теченіе 5 лѣтъ (1889—93) показываетъ, что онѣ были очень невысоки. Просматривая таблицы платы рабочимъ по всѣмъ разрядамъ, мы находимъ на 64 среднихъ платы только два случая, когда поденная плата превышаетъ 1 рубль: въ жнитво 1890 года средняя поденная плата косарю составляла 102 копѣйки, а средняя плата барабанщику при молотилкѣ составляла въ 1893 году 106,3 копѣйки. Но рядомъ мы находимъ и крайне низкую плату—въ 40, 30, 20 копѣекъ. За всѣ 5 лѣтъ поденная плата косаря въ сѣнокосъ не превышала 55 копѣекъ (1889 г.) и опускалась до 33,8 копѣйки (1892 г.). Плата низка, а санитарная обстановка рабочихъ въ экономіяхъ оставляетъ желать очень многаго. Жилыя помѣщенія, за рѣдкими изъятіями, крайне неудовлетворительны. Лѣтомъ рабочіе проводятъ все время въ степи и только по праздникамъ собираются на экономическомъ дворѣ, гдѣ пользуются для пріюта казармами, сараями, конюшнями. Въ степи рабочіе располагаются таборомъ подъ открытымъ небомъ; владѣлецъ не устраиваетъ въ степи ничего для защиты ихъ отъ дождя и холода. Тѣ же, которые остаются до зимы, тѣснятся кое-какъ въ хатахъ годовыхъ рабочихъ. Питаніе рабочихъ, хотя и незатѣйливое, въ общемъ можетъ быть признано сноснымъ. Но въ условіяхъ труда и въ отношеніи хозяина къ заболѣвшему рабочему много прискорбнаго.

Рабочій день длится отъ $12^1/_2$ до 15 часовъ. Въ очень жаркіе дни нѣкоторыя экономіи прекращаютъ работы на нѣсколько часовъ; но потерянное днемъ наверстывается ночными работами при факелахъ. Изъ работъ, которыя вредно вліяютъ на здоровье, первое мѣсто занимаетъ молотьба: ручныя, конныя и паровыя молотилки распространяются все болѣе и болѣе; а при работѣ молотилками отдѣляется масса пыли, вслѣдствіе чего часто страдаютъ легкія и глаза.

Для поданія рабочимъ правильной медицинской помощи въ экономіяхъ не дѣлается почти ничего. Сплошь и рядомъ наниматель просто прогоняетъ

заболѣвшаго рабочаго и тѣмъ освобождаетъ себя отъ непріятной обузы. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, приводящихъ читателя въ ужасъ. Филиппъ С., рабочій изъ Кіевской губерніи, служившій у землевладѣльца Б., заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. Больному было приказано уйти изъ экономіи и возвратиться по выздоровленіи. Не зная, гдѣ искать медицинской помощи, больной отправился въ м. Березовку, куда прибылъ только на шестой день, здѣсь провалялся на базарѣ еще дня два, пока не былъ замѣченъ медицинскимъ персоналомъ. Ефимъ Ш., изъ Ананьевскаго уѣзда, служилъ у К., заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ (при имѣющемся порокѣ сердца), вслѣдствіе болѣзни былъ удаленъ экономіей въ степь, гдѣ и брошенъ безъ всякой помощи, и т. д. «Нѣкоторыя экономіи,—читаемъ мы,—чтобъ избавиться отъ тяжелаго больного, увозятъ его и гдѣ-либо оставляютъ по дорогѣ, не доставляя до врачебнаго пункта... Такихъ наблюденій въ практикѣ земскихъ врачей Херсонской губерніи не мало» (стр. 96).

Сообщая цифры заболѣваемости рабочихъ, авторъ приводитъ интересныя данныя о томъ, насколько заболѣваемость зависитъ отъ способа передвиженія. Особенно вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Здѣсь замѣчается даже отсутствіе начальныхъ удобствъ. Товарные вагоны переполняются рабочими до того, что они принуждены стоять въ теченіе всего пути. На пароходныхъ палубахъ часто бываетъ такъ тѣсно, что рабочіе не только не имѣютъ возможности лечь или сѣсть, но даже снять съ плечъ котомки. Передвигаясь же пѣшкомъ или на челнахъ, рабочіе останавливаются въ дорогѣ, отдыхаютъ, высыпаются.

Такова печальная повѣсть. Свѣдѣнія, которыя сообщаетъ г. Тезяковъ, не требуютъ комментарій. Но является вопросъ о томъ, что можно сдѣлать, дабы внести хотя скромное улучшеніе въ бытъ рабочихъ. Коренною мѣрой воздѣйствія на отхожіе промыслы сельскихъ рабочихъ является широкая аграрная политика, направленная на разселеніе крестьянъ. Эту политику могли бы облегчить крупные землевладѣльцы южныхъ губерній продажей крестьянскому банку значительной части своихъ земель и суженіемъ до наименьшихъ размѣровъ своей потребности въ рабочихъ рукахъ. Если созданіе въ южныхъ губерніяхъ крестьянскаго землевладѣнія на мѣстѣ крупнаго является коренною мѣрой, то палліативомъ, не лишеннымъ значенія, является болѣе строгій контроль надъ положеніемъ рабочихъ: вмѣненіе нанимателямъ въ обязанность имѣть для рабочихъ помѣщеніе, оказывать имъ медицинскую помощь, устройство народныхъ столовыхъ въ главныхъ пунктахъ, гдѣ собираются рабочіе, и т. п.

Происходившій въ концѣ апрѣля VI съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова привлекъ цѣлый рядъ интересныхъ докладовъ по вопросамъ медицины и гигіены. Отмѣтимъ, между прочимъ, доклады о сельской и земской медицинѣ. Сравненіе ихъ обѣихъ выяснило такіе недостатки первой: 1) неземская медицина далеко не удовлетворяетъ потребностей насе-

ленія: мало врачей, врачебные участки слишкомъ велики, развитъ фельдшеризмъ; 2) недостатокъ въ лѣкарствахъ и другихъ медицинскихъ средствахъ такъ великъ, что на больного приходится ихъ только на 2—3 копѣйки; 3) медицинскій персоналъ очень мало обезпеченъ, а потому онъ вынужденъ отвлекаться отъ своихъ главныхъ обязанностей и искать постороннихъ доходовъ; 4) казенная формалистика создаетъ много препятствій и, вообще, тормазитъ живое дѣло. Сопоставленіе земскихъ и неземскихъ губерній выяснило степень доступности медицины населенію. Въ неземскихъ губерніяхъ каждый участокъ по пространству въ 5 разъ, а по населенію—въ 2½ раза больше, чѣмъ въ земскихъ. На 10,000 населенія въ земскихъ губерніяхъ 8 больничныхъ коекъ, а въ неземскихъ — 4. Несмотря на худшую постановку медицинскаго дѣла въ неземскихъ губерніяхъ, расходъ на медицину больше, чѣмъ въ земскихъ. Сравненіе Кіевской губерніи съ Полтавскою и Черниговскою показываетъ, что житель первой расходуетъ ежегодно на медицину 3 копѣйками больше, чѣмъ второй, а каждый неземскій больной обходится вдвое дороже земскаго. Качественно же сельская медицина гораздо хуже земской потому, что въ неземскихъ губерніяхъ нѣтъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, которыя могли бы вести живое, развивающееся дѣло врачебной помощи населенію. При обсужденіи докладовъ были высказаны пожеланія, чтобы въ неземскихъ губерніяхъ было увеличено число участковъ, чтобы былъ увеличенъ отпускъ средствъ на лѣчебницы, медикаменты и проч. Разумѣется, осуществленіе этихъ пожеланій не подниметъ медицину въ неземскихъ губерніяхъ до уровня, котораго она достигла въ земскихъ. И можно только подписаться подъ слѣдующимъ постановленіемъ съѣзда: «Правильное поступательное движеніе сельской медицины возможно только при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго населенія и врачей. Въ отсутствіи этого участія заключается главная причина слабаго развитія сельской медицины въ неземскихъ губерніяхъ».

Въ Вѣнѣ, 25 лѣтъ отъ роду, скончался молодой, подававшій большія надежды ученый и публицистъ, Николай Васильевичъ Водовозовъ. Одною изъ первыхъ (если не первою) его серьезною работой была статья о Фурье, напечатанная (не вся) въ *Русской Мысли*. Покойный принималъ участіе въ другихъ журналахъ (такъ, въ іюньской книжкѣ *Міра Божія* помѣщена его статья *Съ чего начинать изученіе политической экономіи*), напечаталъ не мало библіографическихъ замѣтокъ въ нашемъ журналѣ, много переводилъ, обнаруживалъ кипучую, неутомимую дѣятельность. Злая чахотка унесла этого богато одареннаго и безукоризненно честнаго работника.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Графъ Голуховскій произнесъ въ делегаціяхъ рѣчь, заключавшую въ себѣ изложеніе успѣховъ и цѣлей иностранной политики Австро-Венгріи. Рѣчь отличалась приподнятымъ тономъ и горделивостью. Если судить по словамъ графа Голуховскаго, то Габсбургская монархія заняла чуть ли не первенствующее мѣсто въ ряду великихъ державъ. Она предохраняетъ Европу отъ пожара на Балканскомъ полуостровѣ, она поддерживаетъ уваженіе къ международнымъ трактатамъ и защищаетъ *status quo*. Не-дипломату такая роль Австро-Венгріи представляется, конечно, нѣсколько неожиданною и фактами неоправдываемою. Въ нарушеніе, напримѣръ, берлинскаго договора, а не изъ уваженія къ нему, австрійское правительство фактически присоединило къ имперіи Боснію и Герцеговину. Каллай прямо заявилъ тѣмъ же делегаціямъ, что обезпеченіе обладанія этими двумя областями существенно необходимо для государства. Какимъ образомъ, кромѣ того, уваженіе къ трактатамъ поддерживается австрійскою дипломатіей, когда она стоитъ на сторонѣ Великобританіи, нарушающей международныя обязательства въ Египтѣ?

Болѣе правильно другое утвержденіе графа Голуховскаго: Австро-Венгрія пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы сохранить европейскій *status quo*. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ похваляется тѣмъ, что не допустилъ энергичнаго и цѣлесообразнаго вмѣшательства въ пользу армянъ, мучимыхъ и избиваемыхъ въ Турціи. Странная похвальба и далеко не почетный успѣхъ! Графъ Голуховскій поддерживаетъ нынѣшній *порядокъ вещей* и на Критѣ. Турецкое правительство неустанно посылаетъ туда войска и возвѣщаетъ Европѣ, что на несчастномъ островѣ *«умиротвореніе продолжается»*,—иными словами, сжигаются христіанскія деревни и избивается греческое населеніе. *Status quo* въ Турціи—это позоръ для Европы, и лишь близорукій австро-венгерскій эгоизмъ можетъ побуждать къ рукоплесканіямъ, когда произносятся рѣчи, подобныя рѣчи графа Голуховскаго.

Въ то время, какъ государственный человѣкъ, руководящій внѣшнею политикой Австро-Венгріи, произносилъ свои высокомѣрныя слова, серьез-

ная германская печать снова и снова указывала на печальное положеніе турецкихъ христіанъ, на упорное неисполненіе турецкимъ правительствомъ обязанностей, возложенныхъ на него берлинскимъ трактатомъ. Такъ *National-Zeitung* обращаетъ вниманіе на то, что ни въ Арменіи, ни въ Македоніи не введены преобразованія, которыхъ этотъ договоръ требовалъ и которыя безусловно необходимы для сколько-нибудь человѣчески достойнаго существованія мѣстнаго христіанскаго населенія. Газета предостерегаетъ султана, что напрасно разсчитывать на постоянную безнаказанность, что неисполненіе торжественно данныхъ международныхъ обязательствъ не можетъ не представлять опасности для Турецкой имперіи *).

Представитель чеховъ въ цислейтанской делегаціи, депутатъ Крамаржъ, справедливо возразилъ графу Голуховскому, что у него не было никакихъ основаній подчеркивать миролюбивую политику тройственнаго союза и достигнутые ею результаты: самъ министръ подробно объяснилъ, что не меньшимъ миролюбіемъ проникнута политика Россіи и союзной съ нею Франціи. Еще важнѣе другое замѣчаніе Крамаржа: Австро-Венгріи, еслибъ ея правительство дѣйствительно близко къ сердцу принимало самые вопіющіе интересы турецкихъ христіанъ, слѣдовало бы особенно сблизиться именно съ Россіей, потому что въ этомъ случаѣ Турція вынуждена была бы добросовѣстнымъ образомъ приступить къ реформамъ и прекратить звѣрства полудикихъ магометанскихъ племенъ. Теперь же блистательная Порта при угрозахъ со стороны Австро-Венгріи прибѣгаетъ къ поддержкѣ Россіи и наоборотъ, будучи всегда увѣрена, что при антагонизмѣ этихъ двухъ державъ никакого серьезнаго давленія на Турцію не будетъ.

Зародилось и въ Турціи, подъ европейскимъ вліяніемъ, реформаторское движеніе, и намъ иногда приходилось о немъ говорить. Но движеніе это покуда слабо,—фанатическая магометанская религія не можетъ допустить ни свободы совѣсти, ни общеевропейскихъ элементовъ управленія.

По поводу послѣднихъ событій на Критѣ возникшая недавно турецкая *Лига реформъ* обнародовала слѣдующее воззваніе: «Мы обращаемся ко всѣмъ націямъ съ предостереженіемъ и просимъ ихъ не обманываться насчетъ намѣреній турецкаго правительства. Еще разъ мы умоляемъ министровъ, являющихся совѣтниками европейскихъ монарховъ, не поддерживать убійцъ на Критѣ, которые навлекаютъ позоръ на мусульманъ и на самое имя турокъ... Уже въ азіатскихъ провинціяхъ міръ былъ свидѣтелемъ сценъ организованной рѣзни, не имѣющей себѣ параллели въ новѣйшія времена. Пока не поздно, мы предостерегаемъ народы Европы, что султанъ отдалъ нарочный приказъ критскому губернатору «не давать пощады ни одному повстанцу», что̀ равносильно разрѣшенію убивать и причинять насиліе въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Чтобъ успѣшнѣе выполнить эту задачу, на Критъ посылаются войска, которымъ за нѣсколько мѣсяцевъ не уплачено жалованье и которыя должны вознаградить себя при помощи

*) *National-Zeitung*, 9 mai.

грабежа. Въ то время, какъ убійцы дѣлаютъ свое дѣло, Европа вводится въ обманъ ложными обѣщаніями и извѣстіями, въ которыхъ нѣтъ ни слова правды» *).

Нужно замѣтить однако, что притѣсненія другихъ народностей,— конечно, не въ той формѣ, какъ въ полудикой Турціи,—продолжаются и въ Австро-Венгріи, въ особенности въ Транслейтаніи. Это, разумѣется, одно изъ основаній для руководителей Габсбургской имперіи не оказывать сильнаго давленія на Турецкую имперію. Не русскія только газеты, которыхъ можно было бы обвинить въ пристрастіи, горько упрекаютъ венгерское правительство и венгерскій народъ, иногда такіе упреки слышатся въ французской печати,—а это ли теперь не эгоистическая печать, подчинившая все въ международныхъ отношеніяхъ соображеніямъ государственной безопасности (отъ тройственнаго союза). Такъ въ *Justice* **) мы находимъ интересную корреспонденцію изъ Буда-Пешта по поводу выставки въ честь тысячелѣтія водворенія мадьяръ въ Панноніи. Напомнивъ о томъ, что мадьяры давно уже на всѣ лады повторяли, что ихъ юбилейная выставка по своей оригинальности выдѣлится изъ всѣхъ предшествовавшихъ выставокъ, корреспондентъ французской газеты замѣчаетъ, что это вполнѣ удалось устроителямъ: въ первый разъ торжественная *національная* выставка встрѣчаетъ протестъ со стороны *большинства населенія государства*. Дальше *Justice* сообщаетъ извлеченія изъ протеста конгресса національностей (не мадьярскихъ), бывшаго въ Буда-Пештѣ и свѣдѣнія о которомъ мы своевременно сообщали читателямъ. Въ протестѣ говорится, что ни славяне, ни румыны, живущіе въ Венгріи, не возражали бы противъ чествованія тысячелѣтія венгерскаго государства; но мадьяры торжествуютъ свое господство надъ другими народностями, видятъ только себя въ возвѣщенномъ съ такою помпою юбилеѣ. Тысячу лѣтъ тому назадъ они покорили среднедунайскую равнину и теперь смотрятъ на румынъ и славянъ какъ на покоренныя и подлежащія омадьяренію племена. Корреспондентъ газеты *Justice* иронически приглашаетъ иностранцевъ полюбоваться на великолѣпные экспонаты мадьярской выставки: быть-можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ ужъ не придется никому видѣть.

Въ цислейтанской половинѣ имперіи подъ особенными стѣсненіями приходится жить русскимъ въ Галиціи (отъ господствующей шляхетской польской партіи) и чехамъ (отъ несовершенствъ избирательной системы и нѣмецко-централистическаго правительства). Конечно, чехамъ приходится далеко не такъ плохо, какъ сербамъ и словакамъ въ Венгріи; но можно смѣло утверждать, что они сильнѣе страдаютъ, потому что стоятъ на очень высокой ступени умственнаго и политическаго развитія. Такъ при крѣпостномъ правѣ у насъ страданія Шевченка или Щепкина были гораздо тягостнѣе страданій многихъ и многихъ ихъ товарищей по горькой долѣ.

---

*) *Русскія Вѣдомости*, 2 іюня.

**) *Justice*, 10 mai.

Старо-чешская *Politik*, говоря объ избирательномъ законѣ, проведенномъ въ парламентѣ графомъ Бадени, сильно порицаетъ младо-чешскихъ депутатовъ за то, что они подали голоса за правительственный законопроектъ. Объ его неудовлетворительности мы своевременно замѣчали, и съ точки зрѣнія побѣжденной партіи быть можетъ и полезно взваливать отвѣтственность за принятіе закона на младо-чеховъ. Но если принять во вниманіе, что *lex* Бадени, какъ выражается *Politik*, является все-таки расширеніемъ избирательнаго права и шагомъ на пути ко всеобщей подачѣ голосовъ, то тактику младо-чешской партіи нельзя не одобрить. Появленіе хоть незначительнаго числа депутатовъ отъ рабочихъ непремѣнно вызоветъ оживленіе законодательной дѣятельности рейхсрата и, конечно, не эти депутаты будутъ стоять на сторонѣ нѣмецкихъ централистовъ. Естественно также, что созданіе новой избирательной куріи благопріятно отразится на усиленіи демократическаго движенія во всѣхъ областяхъ Цислейтаніи. Движеніе это даетъ уже себя чувствовать въ Галиціи. Его испытываетъ на себѣ *Коло*, польскій парламентскій клубъ, до сихъ поръ скованный строгою дисциплиной. Возрастающее политическое самосознаніе польскаго народа не дозволяетъ далѣе представителямъ демократіи по всѣмъ вопросамъ выступать вмѣстѣ съ вождями шляхетскаго большинства польскихъ депутатовъ рейхсрата. Депутатъ Леваковскій, оказавшійся въ этомъ отношеніи особенно несговорчивымъ, былъ вытѣсненъ изъ Кола. Теперь, по сообщенію австрійскихъ газетъ, въ польскомъ клубѣ происходитъ новый раздоръ: представители католическаго духовенства рѣшительно высказались въ одномъ частномъ случаѣ (предложеніе Кайцля) за интересы крестьянъ противъ голосовъ большинства, представляющаго крупное землевладѣніе. Одна изъ польскихъ газетъ, *Kurjer Lwowski*, считаетъ неизбѣжнымъ распаденіе польскаго клуба на два, потому что различіе въ интересахъ между депутатами отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отъ народа весьма велико. Оба клуба могутъ при этомъ, замѣчаетъ газета, сохранять солидарность въ національныхъ вопросахъ *). Если состоится распущеніе нынѣшняго парламента, о чемъ говорятъ австрійскія газеты, то предположеніе польской газеты можетъ осуществиться въ самомъ непродолжительномъ времени.

Во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ произошелъ инцидентъ, о которомъ горячо разсуждаетъ теперь германская печать. Въ пріютѣ имени императора Фридриха и императрицы Викторіи, учрежденный московскимъ благотворительнымъ нѣмецкимъ обществомъ, въ годовщину его основанія,

*) Отмѣтимъ кстати, что демократическіе органы галиційской польской печати рѣзко осуждаютъ мадьяръ за притѣсненія славянъ и румынъ. Такъ *Nowa Reforma* говоритъ, что старыя симпатіи поляковъ къ мадьярамъ исчезли навсегда. Эти симпатіи вызывались энергическою борьбой венгерскаго народа за право и свободу, ихъ убиваетъ борьба мадьяръ ради уничтоженія права и свободы другихъ народностей. *Kurjer Lwowski* приводитъ извѣстный читателямъ будапештскій протестъ и относится къ нему сочувственно.

прибыли представитель германскаго имперскаго правительства, принцъ Генрихъ, братъ Вильгельма II, принцъ Людвигъ Баварскій и члены германскаго посольства. Предсѣдатель общества имѣлъ безтактность, привѣтствуя почетныхъ гостей, сказать, что нѣмецкіе принцы явились въ Москву въ свитѣ (im Gefolge) представителя германскаго императора. Принцъ Людвигъ баварскій немедленно поднялся съ мѣста и возразилъ: «Мы не свита и не вассалы, а союзники германскаго императора. Когда, 25 лѣтъ тому назадъ, мы стали на сторону Пруссіи, то стали какъ равные съ равными, и такими насъ всегда признавалъ императоръ Вильгельмъ. Если Германіи снова будетъ угрожать опасность, мы всѣ будемъ ее защищать. Но пусть нѣмцы за границей не забываютъ, что кромѣ общаго германскаго отечества у нихъ еще существуетъ тѣсная родина».

Вслѣдъ затѣмъ и принцъ Людвигъ, и принцъ Генрихъ съ персоналомъ германскаго посольства удалились изъ помѣщенія пріюта.

Прусскія газеты осуждаютъ принца Людвига, баварскія защищаютъ его. Конечно, толки объ опасности для германскаго единства, о ростѣ сепаратизма и т. п. не имѣютъ серьезнаго основанія вообще и по поводу этого инцидента въ частности. Но немаловажно и поучительно настроеніе общественнаго мнѣнія въ Баваріи и другихъ государствахъ южной Германіи, вызванное прусскимъ милитаризмомъ и бюрократизмомъ. Объ этомъ настроеніи любопытныя подробности сообщаетъ германскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ наиболѣе популярной мюнхенской газетѣ, въ *Баварскомъ Отечествѣ* извѣстнаго депутата Зигля, появилась статья, горячо восхваляющая принца Людвига. Браво, принцъ!—восклицаетъ Зигль,—вы настоящій баварецъ и не хотѣли разыгрывать лакея въ прусской свитѣ. Пора было показать этимъ зазнавшимся прусскимъ выскочкамъ, что есть граница и нашему долготерпѣнію. Другія баварскія газеты, пользуясь случаемъ, подвергаютъ рѣзкой критикѣ прусскую систему управленія, которая внесла въ германскую жизнь казарменный духъ, прислужничество, деморализацію, которая подавляетъ населеніе налогами ради безпрерывнаго развитія милитаризма.

Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* указываетъ на крайне придирчивое отношеніе нѣмецкихъ властей къ проступкамъ по дѣламъ печати и приводитъ случаи, когда присяжные (въ Баваріи ими судятся эти проступки) оправдываютъ подсудимыхъ, несмотря на всѣ усилія и ухищренія услужливой прокуратуры и администраціи. Еще поучительнѣе слѣдующій фактъ. Въ Нюренбергѣ былъ недавно первый съѣздъ баварскихъ писателей и журналистовъ. «Собравшіеся обсуждали профессіональныя нужды своего сословія, дебатировали объ учрежденіи пенсіонной кассы и третейскихъ судовъ; но больше всего говорилось о необходимости положить конецъ партійности и произволу въ юстиціи по отношенію къ печати. На основаніи одного рѣшенія кассаціоннаго имперскаго суда редакторъ газеты можетъ быть привлеченъ къ суду не только по мѣсту своего жительства, но и вездѣ, гдѣ газета имѣетъ подписчиковъ. Баварскаго или баденскаго

журналиста, слѣдовательно, можно судить и въ Берлинѣ. Мы не имѣемъ довѣрія къ берлинскимъ судьямъ,—говорилъ одинъ изъ референтовъ,—и меньше всего мы можемъ допустить, чтобы насъ лишили благодѣянія суда присяжныхъ» *).

Заговоривъ о печати, упомянемъ еще объ одномъ реакціонномъ теченіи въ современной Германіи. Нѣкоторые коронные суды пытаются установить, что шестимѣсячный срокъ для судебнаго преслѣдованія печатнаго произведенія начинается не съ обнародованія этого произведенія, а съ продажей его послѣдняго экземпляра. Нелѣпость такого толкованія очевидна и нѣтъ основаній опасаться его торжества въ свободомыслящей и уважающей мысль Германіи. Даже такія умѣренныя газеты, какъ *National-Zeitung*, возмущаются реакціоннымъ юридическимъ ухищреніемъ **).

Во Франціи одинъ изъ монархическихъ претендентовъ, герцогъ Орлеанскій, обнаруживаетъ признаки жизни. Онъ не доволенъ медлительною и осторожною тактикою роялистическаго комитета съ герцогомъ Одиффре-Пакье во главѣ. Молодому претенденту хочется поскорѣе приступить къ дѣйствіямъ, выступить кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ въ многочисленныхъ округахъ, чтобы создать себѣ нѣчто вродѣ бонапартистскаго плебисцита. Герцогъ Орлеанскій имѣетъ въ виду,—въ подобныхъ случаяхъ это всегда имѣется въ виду,—самое чистѣйшее благо народное, интересы рабочихъ классовъ. Претендентъ говоритъ, что надо, наконецъ, выбрать одно изъ двухъ: на словахъ отстаивать монархію или создать ее (*Il faut cependant choisir entre figurer la monarchie ou la faire*). Герцогъ Орлеанскій хочетъ попробовать всеобщей подачи голосовъ, онъ не считаетъ этого униженіемъ своего королевскаго достоинства и признаетъ нелѣпою легендой мнимую несовмѣстимость монархическаго права и права избирательнаго. Вотъ до какой степени хочется принцу Орлеанскому сѣсть на французскій престолъ!

Письмо президента не произвело однако большого впечатлѣнія. *Justice* говоритъ, что даже монархическія газеты съ трудомъ поднимаются до обязательнаго для нихъ въ подобныхъ случаяхъ энтузіазма. *Justice* ядовито и основательно замѣчаетъ, что письмо герцога Орлеанскаго есть оффиціальное погребеніе монархической идеи, ибо въ немъ представитель монархіи божественнаго права склоняется передъ всеобщею подачей голосовъ.

Французской республикѣ въ настоящее время грозятъ затрудненія не съ этой стороны: они происходятъ отъ внутренней неурядицы, отъ упорнаго и злостнаго нежеланія правящей буржуазіи вступить на путь серьезныхъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ. Кабинетъ Мелина все болѣе и болѣе опирается на республиканцевъ лѣваго центра и на монархистовъ. Клерикальныя притязанія оживились, народное неудовольствіе воз-

---

*) *Русскія Вѣдомости*, 4 іюня.

**) См. статью: *Die Verjährung der Pressdelikte* (*National-Zeitung*, 16 Mai).

растаетъ. Несмотря на паническій страхъ французской буржуазіи передъ подоходнымъ налогомъ, новый министръ финансовъ, Кошри, вынужденъ изобрѣтать какое-то его подобіе. Чуть ли не самый вліятельный органъ нынѣшняго большинства, бульварный *Figaro*, предостерегаетъ Кошри отъ его попытки: есть священныя слова во Франціи,—говоритъ газета,—и къ числу ихъ принадлежатъ *отечество* и *рента*.

Министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Мелина, столь любезный многимъ нашимъ газетамъ Ганото, началъ съ того, что внесъ предложеніе о присоединеніи Мадагаскара къ Франціи. Если припомнятъ читатели, въ прежнее свое министерство Ганото рѣшительно протестовалъ противъ присоединенія острова и настаивалъ на заключенномъ имъ договорѣ о протекторатѣ. Это свидѣтельствуетъ о степени проницательности и обдуманности дѣйствій лица, руководящаго теперь иностранною политикой Французской республики.

Агитація противъ чрезмѣрныхъ притязаній сената и противъ внутренней политики застоя, повидимому, все усиливается во Франціи. Въ этомъ отношеніи выдается обширная, вызвавшая восторженное одобреніе рѣчь бывшаго министра-президента Леона Буржуа, произнесенная въ Мелёнѣ (*Melun*). Ораторъ настаивалъ на необходимости преобразованія податной системы, гдѣ теперь господствуютъ косвенные налоги, или прямые, соразмѣрные не пропорціональные средствамъ плательщиковъ, и на пересмотрѣ [illegible] высказывается за сохраненіе Лондонѣ совѣщательнаго совѣта по дѣламъ метрополіи и колоніи. Это было бы шагомъ на пути къ федераціи *).

В. Г.

---

*) *Daily News*, 11 June.

ОПЕЧАТКА:

Въ „Иностранномъ обозрѣніи“ 190 страница, 12 строка снизу напечатано: президента, слѣдуетъ читать: претендента:

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь. 1896 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія, мемуары, біографіи.—Этнографія.—Юридическія книги.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Учебники, книги для дѣтей.—Народныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *апрѣль*.—«Вѣстникъ Европы», *май*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *май*.—«Русскій Вѣстникъ», *май*.—«Дѣтскій Отдыхъ», *апрѣль*.—«Всходы», *май*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Флиртъ“ и др. разсказы *К. Баранцевича*.—„Новая мама“. Пов. *В. П. Соколова*.—Новые переводы „Божественной Комедіи“ *Данте Алигіери*.

Флиртъ и другіе разсказы. К. Баранцевича. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. *Флиртъ* есть заглавіе перваго изъ пятнадцати разсказовъ, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ. Какъ этотъ разсказъ, такъ и почти всѣ остальные имѣютъ характеръ жанровыхъ картинокъ, взятыхъ прямо съ натуры, но отнюдь не сфотографированныхъ, а написанныхъ художникомъ и проникнутыхъ извѣстными идеями, по большей части, очень симпатичными, вызванными неизмѣнно добрыми и гуманными чувствами, не всегда, однако же, неоспоримо вѣрными. Авторъ, несомнѣнно, относится съ большою любовью къ дѣтямъ и подросткамъ,—доказательство его милый разсказъ *Мальчикъ на улицѣ*,—желаетъ имъ всякаго добра и, въ особенности, желаетъ оградить ихъ отъ всего, могущаго причинить имъ нравственный вредъ. Этому нельзя, конечно, не сочувствовать, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что родители и воспитатели обращаютъ мало вниманія на выборъ развлеченій для своихъ юныхъ воспитанниковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мы не можемъ согласиться съ г. Баранцевичемъ, когда онъ возстаетъ противъ танцевъ (въ разсказѣ *Танцы*) и изображаетъ пагубныя послѣдствія этого издавна и всюду допускаемаго увеселенія. Авторъ говоритъ устами своего „опростившагося“ резонера Петра Степановича: „Подъ музыку, значитъ, и сближеніе половъ допускается: десятилѣтнія дѣвчонки танцуютъ съ такими же мальчишками? А учиться вмѣстѣ въ школахъ, какъ это дѣлается въ Америкѣ, нельзя, неприлично или, можетъ быть, танцовальная эта музыка обладаетъ удивительною способностью очищать всякую *грязь?* О, лицемѣры!“—Петръ Степановичъ не замѣчаетъ, что конецъ его разсужденія стоитъ въ противорѣчіи съ началомъ: онъ совершенно правъ, когда находитъ возможнымъ и полезнымъ, чтобы мальчики и дѣвочки учились вмѣстѣ, „какъ въ Америкѣ“, и совсѣмъ не правъ, когда называетъ

„грязью“ совмѣстныя развлеченія дѣтей. Если стать на его точку зрѣнія, то придется признать, что учиться въ одной комнатѣ можно, а играть, бѣгать, танцовать въ одномъ саду—нельзя. Мы думаемъ, что дѣло тутъ никакъ не въ танцахъ, а иллюстрацію къ вреду, происходящему отъ нихъ, находимъ неудачною, по ея крайней исключительности и случайности. Лучшій, по нашему мнѣнію, разсказъ *Метель* представляетъ собою очень жизненный психологическій этюдъ, изображающій то состояніе, какое испытываетъ мужъ, покинутый женою, которую онъ горячо любитъ и которая, любя его, но не удовлетворяясь благополучіемъ сытой жизни, покинула его ради того, чтобы помочь бѣдамъ гибнущаго народа. На такую тему написано не мало разсказовъ и повѣстей, и чуть ли не всѣ они сводятся къ болѣе или менѣе печальному концу, къ полному разрыву между супругами. А изъ такихъ окончаній получается общее заключеніе о нежелательности временной разлуки супруговъ изъ-за желанія одного изъ нихъ дѣятельно послужить высокой идеѣ. Прелесть разсказа г. Баранцевича въ томъ, что мужъ не только примиряется съ поступкомъ жены, но приходитъ къ уразумѣнію смысла этого поступка, проникается тою же идеей и ѣдетъ къ женѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею работать и посильно облегчать страданія несчастныхъ. Разсказано это правдиво, живо и трогательно. Грустное впечатлѣніе производятъ разсказы *Оба погибли* и *Сѣрко*, и совсѣмъ тяжело становится на сердцѣ послѣ прочтенія разсказа *Прозрѣлъ*. Герой разсказа, Тукманкинъ, „маленькій человѣкъ“, занимающій „маленькую“ должность въ страховомъ обществѣ, получая „маленькое“ жалованіе, позволилъ себѣ роскошь имѣть, „не по-чину“, много дѣтей, нѣжно любить ихъ, всю душу и всѣ силы свои отдавать ихъ воспитанію. Пока дѣти были малы и силъ хватало, все шло хорошо. Но насталъ моментъ, неизбѣжный для всякаго „маленькаго“ человѣка, моментъ физическаго и нравственнаго утомленія, за которымъ очень нерѣдко слѣдуетъ настоящая трагедія, безшумная, невидимая постороннему глазу даже самыхъ близкихъ людей, довольствующихся ходячимъ докторскимъ опредѣленіемъ, что у „маленькаго“ человѣка нервы разстроены отъ „переутомленія“. Въ разсказѣ *Прозрѣлъ* съ большою яркостью раскрывается ужасное значеніе этого слова, все чаще и чаще повторяемаго въ наше время. А потому-то это маленькое повѣствованіе полно глубокаго смысла. Начальники, сослуживцы, знакомые, врачи, всѣ относятся къ Тукманкину съ полнымъ сочувствіемъ, всѣ готовы оказать ему помощь, только *всѣ-то* они не могутъ, не въ состояніи такъ помочь ему, какъ это нужно для его успокоенія и спасенія. Прибавка жалованья... Да какая же возможна прибавка, когда онъ „переутомленъ?“ Пенсія? Какая же пенсія, въ какихъ размѣрахъ поможетъ „маленькому“ человѣку воспитать и обучить, на ноги поставить шесть человѣкъ дѣтей? Какъ же быть, что дѣлать съ такими „маленькими“ человѣками и съ ихъ большими семьями? Въ концѣ измученный Тукманкинъ, засаженный въ психіатрическую лѣчебницу, спрашиваетъ своего дорогого пріятеля: „Какъ на счетъ общественной благотворительности? Развивается она?“ Ничего, развивается, — успокаиваетъ пріятель. „Вотъ, вотъ, это самое мнѣ и нужно! Ну, а скажи пожалуйста, не читалъ ли ты въ газетахъ, не проектируется ли такое общество, или не устроилось ли уже, которое брало бы на свое попеченіе дѣтей, у которыхъ отецъ или мать оказываются неспособными къ труду?“ Не читалъ, нѣтъ,—признается собесѣдникъ. Да, есть разныя общества попеченія о дѣтяхъ, неимущихъ, безпріютныхъ, поки-

нутыхъ, о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, а такого общества, какое нужно Тукманкину, нѣтъ. Его дѣти не покинуты родителями, не безпріютны, подъ разрядъ неимущихъ не подходятъ: отецъ получаетъ 30—50 рублей жалованья, не проворовался, въ Сибирь не сосланъ. Чтобы подвести своихъ дѣтей подъ категорію имѣющихъ право на призрѣніе со стороны одного изъ существующихъ обществъ, Тукманкину остается одно—покончить съ собою самоубійствомъ. Онъ это и дѣлаетъ... Сдѣлалъ онъ это въ припадкѣ психическаго разстройства. Но причина-то разстройства изображена авторомъ ясно и внушительно. Не откликнется ли кто на добрый и честный призывъ помочь „маленькимъ“ честнымъ труженикамъ?

Новая мама. Повѣсть В. П. Соколова. М., 1896 г. Цѣна 75 к. Авторъ придумалъ хорошенькое заглавіе, заманчивое, несмотря на то, что на тему о мачихѣ написано несчетное число романовъ и повѣстей. Разсказъ ведется отъ имени Вани Павловскаго, обучавшагося въ кадетскомъ корпусѣ, и начинается съ того момента, когда мальчикъ получилъ отъ отца письмо, сообщавшее о томъ, что у Вани „скоро будетъ мама“ Елена Александровна. Далѣе Ваня подробно излагаетъ, какъ его въ корпусѣ обижали товарищи, какъ онъ часто плакалъ, съ какимъ удовольствіемъ мечталъ увидать „новую маму“, какъ ѣхалъ къ отцу на каникулы. „Новая мама“ оказалась не совсѣмъ такою, какою представлялъ ее себѣ кадетикъ, а что это за женщина на самомъ дѣлѣ, это остается для читателя не яснымъ, какъ равно и то, что за человѣкъ папаша Вани, почему этотъ папаша не ужился съ новой супругой, какъ они разошлись и почему Елена Александровна, получивши разводъ, вышла замужъ за ученаго съ синихъ очкахъ. Имѣніемъ Павловскаго завладѣла мѣщанка Агаѳья. Что за личность мѣщанка Агаѳья, какъ она забрала состояніе отца Вани, это опять неизвѣстно. И, въ концѣ-концовъ, неизвѣстно, зачѣмъ написана вся эта незанимательная исторія. Отъ повѣсти получается такое впечатлѣніе, будто авторъ писалъ очень правдиво и искренно. Въ его собственномъ представленіи изображаемыя имъ лица отражаются живыми и характерными, и всѣ припоминаемыя имъ событія, лично для него, полны смысла и значенія. Читатель же остается совершенно равнодушнымъ къ радостямъ и печалямъ Вани Павловскаго, и нисколько читателя не интересуютъ ни папа, ни новая мама Ванюши, ни его нянька и кучеръ Михѣй, ни мѣщанка Агаѳья и ея племянница Саша, сдѣлавшаяся какимъ-то чудомъ невѣстой Вани. О какой-либо идеѣ нѣтъ и помина въ повѣсти г. Соколова. А такихъ событій и приключеній, о которыхъ онъ разсказываетъ, найдется у любого прилежнаго гимназиста на нѣсколько подобныхъ книжекъ.

Новые переводы „Божественной комедіи“ Данте Алигіери: 1) В. В. Чуйко. Спб., 1895 г., изд. В. И. Губинскаго, съ рисунками французскихъ художниковъ. Ч. I, „Адъ“ (цѣна 1 р. 50 к.); ч. II, „Чистилище“ (цѣна 1 р. 25 к.); ч. III, „Рай“ (цѣна 1 р. 25 к). 2) Н. Голованова. М., 1896 г., изд. т-ва Кушнерева. Ч. I, „Адъ“ (цѣна 1 р. 50 к.). Въ послѣднее время у насъ переводятъ не мало старинныхъ произведеній европейской литературы. Вызвано ли это потребностями все расширяющагося у насъ образованія, не довольствующагося только общими свѣдѣніями изъ исторій литературъ, но желающаго знакомиться съ самими произведеніями средневѣковой поэзіи, или же это явленіе свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ броженіи литературныхъ вкусовъ, не знающихъ, на чемъ остановиться въ новѣйшей литературѣ и стремящихся найти руководящую нить въ изученіи прошлой,—

судить трудно. Однако, фактъ на-лицо: въ VI кн. *Р. М.* за 1894 г., мы давали отзывъ о переводахъ *Божественной комедіи* А. П. Ѳедорова и П. Каншина, а теперь приходится говорить о двухъ новыхъ переводахъ того же знаменитаго произведенія старинной итальянской литературы. Новые два перевода заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ два предыдущихъ. Переводъ г. Чуйко уже потому имѣетъ право на вниманіе, что это первый у насъ *полный* прозаическій буквальный переводъ великаго произведенія, снабженный притомъ очень недурными иллюстраціями (около семидесяти въ каждой части). Напрасно только г. Чуйко старался исказить смыслъ своей работы въ предисловіи къ третьей части. Вмѣсто того, чтобы прямо сознаться, что онъ не въ силахъ дать стихотворнаго перевода терцинами, г. Чуйко началъ толковать о тѣхъ непреодолимыхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаетъ переводчикъ, задумавшій дать совершенный переводъ чужого произведенія на свой языкъ. Въ замѣчаніяхъ г. Чуйко столько же справедливаго, сколько и общеизвѣстнаго, но выводъ совершенно неожиданный: „это приводитъ насъ къ заключенію, къ которому французы, нѣмцы и англичане давно уже пришли (?), а именно, что поэтическія произведенія должны (!) быть переводимы прозой". Что всего удивительнѣе, г. Чуйко надѣется при этомъ сохранить не только тонъ, но даже „музыку подлинника". Наконецъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы критика „подвергла подробному анализу" его переводъ и указала на его ошибки. Когда мы приступили къ чтенію перевода г. Чуйко для сравненія его съ подлинникомъ, намъ показался онъ какъ будто знакомымъ. Каково же было наше удивленіе, когда, раскрывъ переводъ Каншина, мы увидѣли, что г. Чуйко отсюда буквально перепечаталъ вступительную статью: *Данте Алигіери и Божественная комедія*, причемъ подъ ней подписалъ свое имя; примѣчанія въ значительной части также совершенно сходны, а при нѣкоторыхъ пѣсняхъ цѣликомъ перепечатаны (напримѣръ, къ 34 пѣснѣ); самый текстъ „Ада" можетъ быть названъ прозаическимъ переводомъ Каншина, *исправленнымъ* г. Чуйко. Въ первыхъ пѣсняхъ поправокъ больше, въ послѣднихъ меньше (34 пѣсня перепечатана почти буквально). Г. Чуйко не обмолвился ни однимъ словомъ въ I части для объясненія этого страннаго явленія; въ статьѣ „отъ переводчика" (въ началѣ III части) среди пособій, которыми пользовался г. Чуйко, переводъ Каншина также не указанъ. Отказываемся давать объясненіе этому поступку, но во всякомъ случаѣ должны сказать, что *поправки* г. Чуйко къ переводу I части *Божественной комедіи* Каншина приближаютъ его къ итальянскому тексту, и вообще весь переводъ г. Чуйко, какъ буквальная передача *La divina commedia*, является полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ содержаніемъ знаменитой поэмы, но не больше.

Не побоявшись трудностей, которыхъ испугался г. Чуйко, г. Голованов взялъ на себя работу гораздо болѣе трудную и высокую—передать *La divina commedia* на русскій языкъ размѣромъ подлинника (терцинами), т.-е. дать художественное произведеніе въ его художественной формѣ. Г. Голованов выпускаетъ теперь I часть и въ предисловіи говоритъ, что работа эта затянулась у него на 9 лѣтъ. По количеству затраченныхъ усилій и добросовѣстности отношенія къ дѣлу, работа эта можетъ быть сравниваема только съ переводомъ „Ада" Д. Мина (1855 г.), безусловно остававшагося до сихъ поръ лучшимъ. Какъ и Д. Минъ, г. Голованов озаботился снабдить свою книгу обстоятельными примѣчаніями и статьями о Данте. Первый бралъ все

это, главнымъ образомъ, изъ знаменитаго нѣмецкаго перевода Филалетеса, второй въ примѣчаніяхъ пользовался не менѣе авторитетнымъ источникомъ — комментаріями Пфейдлерера къ нѣмецкому переводу „Б. К." Штрекфуса. Что касается статей о Данте, то г. Голованову пришла въ голову оригинальная мысль—дать какъ бы маленькую христоматію въ концѣ книги, представляющую образцы отношенія къ Данте итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, американцевъ и русскихъ. Если подборъ этихъ статеекъ (Нортона, Вольтера, Ривароля, Ламене, Эдгарда Кине, Шлегеля, Карлейля, Θ. И. Буслаева и др.), въ виду громадности литературы о Данте, и представляется, быть можетъ, нѣсколько случайнымъ, то во всякомъ случаѣ онѣ прочтутся читателями съ большимъ интересомъ. На заглавномъ листѣ книги стоитъ: „текстъ перевода просмотрѣнъ проф. Θ. И. Буслаевымъ". Имя такого авторитетнаго знатока итальянской средневѣковой литературы достаточно ручается за вѣрность перевода въ общемъ; мы съ своей стороны только замѣтимъ, что, сравнивая параллельно переводы Д. Мина и г. Голованова съ итальянскимъ текстомъ, мы почти всюду находили, что первый стоитъ къ подлиннику ближе, чѣмъ второй. Возьмемъ, напримѣръ, изъ XXXIII пѣсни стихи 127—133:

E perchè tu piu volentier mi rade
Le invetriate lagrime dal volto,
Sappi che tosto che l'anima trade,
Come fec'io, il corpo suo l'è tolto
Da un demonis, che poscia il governa
Mentre che il tempo suo tutto sia volto.

Г. Голованов передаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

Но чтобъ глаза мои ты тѣмъ желаннѣй
Очистилъ, я скажу, что не коснитъ
За грѣхъ измѣны кара воздаяній;
И демонъ плоть того животворитъ,
Кто запятналъ себя измѣны дѣломъ,
Доколѣ срокъ она не совершитъ.

Гораздо ближе и въ то же время понятнѣе перевелъ Д. Минъ:

Но чтобъ охотнѣй сбросилъ ты оковы
Остекленѣвшихъ слезъ съ моихъ ланитъ,
Узнай: едва душа составитъ ковы,
Какъ сдѣлалъ я, ужъ въ тѣло къ ней спѣшитъ
Вселиться бѣсъ и тѣломъ управляетъ,
Доколь она срокъ жизни совершитъ.

Правда, языкъ Мина иногда тяжелѣе, и переводъ г. Голованова читается свободнѣе, однако, эта легкость языка куплена именно цѣною большаго удаленія отъ подлинника. Напрасно поэтому г. Голованов высказываетъ опасеніе, что его переводъ страдаетъ буквализмомъ и извѣстной „пестротой языка", вслѣдствіе того, что онъ, желая передать особенности дантовскаго стиля, не стѣснялся употребленіемъ „архаизмовъ, славянизмовъ, былинныхъ и пѣсенныхъ оборотовъ"; обилія особенностей въ обычномъ литературномъ языкѣ его перевода мы не замѣтили и, въ концѣ-концовъ, должны сказать, что тяжеловатый языкъ Мина лучше передаетъ не только содержаніе, но и духъ подлинника. Въ заключеніе, все-таки, выскажемъ пожеланіе, чтобы г. Голованов не остановился только на I части, какъ принужденъ былъ остановиться Минъ, и занялся переводомъ двухъ слѣдующихъ частей *Божественной комедіи*. Предпріятіе его во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствія и пожеланія успѣха.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Французская философія первой половины XIX вѣка". *И. Тэна.*—Душевныя движенія". Психо-физіол. этюдъ *Д-ра Г. Ланге.*

Французская философія первой половины XIX вѣка. И. Тэна. Переводъ съ 6 франц. изданія Ю. В. Подъ редакціей Е. Васьковскаго. Изданіе Юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб., 1896 г. Появленіе въ русскомъ переводѣ извѣстнаго сочиненія Тэна *Les philosophes classiques du XIX siècle en France* надо считать очень отрадною литературною новинкой, которая привлечетъ къ себѣ обширный кругъ читателей богатствомъ своего содержанія и необыкновеннымъ изяществомъ своей стилистической оболочки. Эта книга—одно изъ раннихъ произведеній знаменитаго писателя, и по своему характеру она представляетъ гордый вызовъ, который молодой авторъ бросилъ реакціонной философіи, возникшей во Франціи первой половины нашего столѣтія на смѣну и въ видѣ протеста сенсуализму и матеріализму XVIII вѣка. Вотъ почему, несмотря на то, что она разбираетъ теоретическіе вопросы отвлеченной мысли, вся она проникнута воодушевленіемъ, искренностью и по своему живому тону рѣзко отличается отъ ординарнаго типа сухихъ трактатовъ по исторіи философіи. Для Тэна системы спиритуалистовъ и эклектиковъ не были чѣмъ-то далекимъ отъ практической жизни, безвредной и красивой работою тонкихъ умовъ; напротивъ, онъ ясно видѣлъ, что со своихъ метафизическихъ высотъ онѣ спускаются въ глубь самыхъ насущныхъ человѣческихъ интересовъ и, подъ эгидой оффиціальнаго признанія, парализуютъ всякое оригинальное и смѣлое изслѣдованіе, гибельно вліяютъ на общественные идеалы. Поэтому онъ боролся съ ними горячо и страстно, остроумно показывалъ ихъ логическую несостоятельность, разбивалъ ихъ ударами своей иронія и насмѣшки; опровергая теоріи, онъ вмѣстѣ съ ними поражалъ и людей; уничтожая философію, не щадилъ и философовъ. Глубоко презирая тѣхъ, кто съ готовностью укладываетъ науку на прокустово ложе государственныхъ требованій и съ легкимъ сердцемъ отсѣкаетъ отъ нея все неугодное и неудобное для господствующихъ взглядовъ, Тэнъ, какъ онъ самъ говоритъ про себя, „не жандармъ" (стр. 30); онъ ничѣмъ не поступится изъ истины, которою обладаетъ, и для него антипатичны смиренный Роайе-Коляръ и такіе хамелеоны въ философіи, какъ Викторъ Кузенъ. Сильный своимъ психологическимъ талантомъ, Тэнъ чрезвычайно интересовался внутреннимъ міромъ и настроеніями мыслителей, создавшихъ тѣ или другія философскія системы, и въ абстрактныхъ идеяхъ, въ метафизическихъ тонкостяхъ искалъ и находилъ черты умственной и нравственной физіономіи ихъ творцовъ. Въ его художественно написанной книгѣ читатель видитъ предъ собою портретную галлерею французскихъ философовъ и знакомится не только съ ихъ ученіями, но и съ тѣми характерами, съ тѣми интеллектуальными особенностями, въ результатѣ которыхъ появились данныя теоріи. Больше всего вниманія и мѣста Тэнъ удѣлилъ Кузену, какъ центральной фигурѣ эклектизма, какъ представителю той оппортюнистической философіи, которая смѣнила собою Кондильяка и энциклопедистовъ и праздновала свое торжество. Когда Тэнъ писалъ свои талантливыя строки, посвященныя Кузену, послѣдній жилъ еще, но о немъ уже можно было говорить, какъ объ умершемъ, потому что его роль была сыграна и его значе-

ніе для исторіи французской мысли вполнѣ выяснилось; вслѣдствіе этого Тэнъ не стѣснялся въ своей объективной оцѣнкѣ и всесторонне изобразилъ личность пережившаго свою славу философа. Ученіе Кузена, какъ самый яркій образчикъ спиритуализма, правда, не глубокаго и измѣнчиваго, въ интерпретаціи Тэна обнаружило свою слабость и риторическую окраску, отсутствіе связи между своими отдѣльными элементами. Если дѣятельность Кузена давала Тэну обильный матеріалъ для иронiи, то за то къ благородному и симпатичному въ своихъ душевныхъ тревогахъ Жуффруа онъ относился очень сочувственно и въ трогательныхъ краскахъ описалъ красоту его сердца, покинувшаго религію для философіи, чтобы найти въ ней желанную истину. Но онъ отвергъ его телеологическую систему и показалъ, что его психологія, исключительно основанная на самонаблюденіи, не имѣетъ будущаго. Изучивъ философскія теченія своей родины въ первой половинѣ текущаго столѣтія, Тэнъ долженъ былъ прійти къ выводу, что въ нихъ нѣтъ жизни и силы; но его отрицательный приговоръ былъ произнесенъ во имя положительной системы, которая отличается цѣльностью и строго-научнымъ характеромъ своихъ построеній. Тэнъ не ограничился тѣмъ, чтобы высмѣять метафизику; онъ понималъ, что она во всякомъ случаѣ очень серьезное историческое явленіе, которое можно устранить только тогда, когда на смѣну ей будетъ выработана другая философія, имѣющая право воцариться на ея мѣстѣ. И Тэнъ обладалъ такою философіей. Въ своей книгѣ онъ не только представилъ блестящій анализъ и безпощадную, справедливую критику метафизическаго направленія, но и противопоставилъ ему свою собственную теорію, зиждущуюся на могучихъ началахъ позитивнаго знанія, и далъ въ зародышѣ то, что впослѣдствіи получило развитіе въ его трудѣ „De l'intelligence“. Тэнъ могъ спокойно разрушать чужое, потому что у него въ распоряженіи были солидные матеріалы для новаго творчества, и страницы его сочиненія богаты оригинальными идеями и множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній.

Извѣстно, какое красивое перо было на службѣ у Тэна и его мыслей. Оно написало и эту книгу его молодости. Ясный и проницательный умъ Тэна избѣгалъ всего туманнаго и любилъ такія слова, которыя сразу открываютъ все содержаніе своихъ понятій и не даютъ никакого повода къ сомнѣніямъ. То, о чемъ иная философія говорила темно и тяжеловѣсно, Тэнъ выражалъ съ изяществомъ и легкостью, на языкѣ, который не былъ чуждъ ни для кого; то, что у другихъ заключено было въ броню абстрактныхъ формулъ и сухимъ силлогизмомъ, Тэнъ расцвѣчивалъ яркими образами, одухотворялъ звучною музыкой безчисленныхъ метафоръ и изъ окружающей дѣйствительности бралъ конкретные примѣры, которые освѣщали не для всѣхъ доступныя высоты отвлеченія. Онъ былъ не только мыслителемъ, но и художникомъ; онъ облекалъ свои идеи въ живыя краски и въ свое изслѣдованіе о французской философіи внесъ разговоры вымышленныхъ личностей, элементы описанія и характеристики, бытовыя сцены. Всѣмъ этимъ онъ достигъ того, что его теоріи и разсужденія сильнѣе запечатлѣваются въ умахъ и что его книга не только будитъ мысль, но и доставляетъ высокое литературное наслажденіе.

Передавать на чужомъ языкѣ такой стиль, почти исключительное достояніе французской рѣчи, очень трудно, и поэтому нельзя не воздать особенной похвалы переводчику и редактору, которые вполнѣ успѣшно исполнили свою задачу. Плавное и граціозное теченіе тэнов-

ского слога сохранилось и въ русскомъ изложеніи, которое сумѣло дать совершенно правильный отпечатокъ не только мыслей Тэна, но и ихъ внѣшней формы. Переводъ снабженъ небольшими примѣчаніями, главнымъ образомъ—біографическаго и библіографическаго характера. Отмѣтимъ погрѣшность, которая вкралась на 136 стр.: тамъ извѣстный романъ Бейля-Стендаля *Le Rouge et le Noir* названъ *Le Bouge et le Non*.

Душевныя движенія. Психо-физіологическій этюдъ. Д-ра Г. Ланге, проф. Копенгагенскаго университета. Переводъ М. Н. („Популярно-научная библіотека". Изданіе Ф. Павленкова). Спб., 1896 г. 89 стр. Ц. 40 коп. Книжка д-ра Ланге, проф. патологической анатоміи въ Копенгагенскомъ университетѣ и извѣстнаго въ Даніи невропатолога-практика, была уже разъ переведена на русскій языкъ въ 1890 г. Настоящій, второй переводъ ея сдѣланъ съ просмотрѣннаго и исправленнаго проф. Ланге французскаго перевода г. Дюма; такимъ образомъ, несмотря на то, что и г. Дюма переводилъ не съ датскаго оригинала, а съ нѣмецкаго перевода д-ра Курелла, французскій переводъ выражаетъ мысли автора столь же хорошо, какъ и оригинальный текстъ сочиненія. Проф. Ланге ищетъ объективныхъ признаковъ душевныхъ движеній и находитъ ихъ въ той или другой степени иннерваціи мускуловъ двигательныхъ, главнымъ же образомъ, внутренностныхъ и сосудодвигательныхъ. Тѣ или другія физіологическія перемѣны авторъ считаетъ не выраженіемъ эмоцій, а ихъ *причиной*; такимъ образомъ, эмоціи сводятся на отраженіе въ сознаніи различныхъ органическихъ измѣненій. Авторъ даетъ схемы двигательной и сосудодвигательной иннерваціи для простыхъ эмоціональныхъ состояній (печаль, радость, страхъ, гнѣвъ, разочарованіе, нетерпѣніе, смущеніе), которыя онъ называетъ душевными движеніями или эмоціями, отличая ихъ отъ сложныхъ состояній—страстей. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе изученію объективныхъ признаковъ эмоцій, заявляя, что интроспективное изученіе ихъ ненаучно: оно недостаточно, но несомнѣнно—то, что дѣлаетъ эмоціи эмоціями, есть именно ихъ субъективная сторона, ихъ содержаніе, какъ состояній сознанія, и обставленное извѣстными гарантіями — изученіе сознанія можетъ быть, столь же строго-научнымъ, какъ и изученіе внѣшняго міра. Правда, что изученіе физіологической стороны особенно важно въ эмоціяхъ, являющихся показателями нашего самочувствія, отношенія того или другого внѣшняго или внутренняго явленія къ интересамъ нашего физическаго и духовнаго самосохраненія, но понятіе объ эмоціяхъ, какъ таковыхъ, есть дѣло чисто-внутренняго опыта. Наиболѣе выдающагося предшественника своей теоріи проф. Ланге видитъ въ Мальбраншѣ, создавшаго въ своемъ сочиненіи *De la recherche de la verité* (1674 г.) полную теорію вазомоторнаго происхожденія тѣлесныхъ проявленій эмоцій. Книжка проф. Ланге содержитъ много интереснаго матеріала и можетъ быть съ пользой прочитана всякимъ.

ИСТОРІЯ, МЕМАУРЫ, БІОГРАФІИ.

„Декабристы въ Западной Сибири". Сост. *А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ*.— „Всеобщая исторія литературы" *І. Шерра*. — „Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность". Біогр. очеркъ *Г. А. Паперна*.— „Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность". Біогр. очеркъ *Г. А. Паперна*.

Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по оффиціальнымъ документамъ. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М., 1896 г. Исторія русскихъ общественныхъ движеній въ XIX в. въ связи съ исторіей развитія прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ еще не подверглись въ нашей литературѣ всестороннему и свободному изученію. Книга г. Пыпина объ общественныхъ движеніяхъ при Александрѣ I и извѣстныя статьи г. Скабичевскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1870 г., №№ 10 и 11; 1871 г., №№ 1—4, 10 и 11; 1872 г., №№ 4—6) до сихъ поръ стоятъ одиноко въ качествѣ обобщающихъ сочиненій по затронутому вопросу, если не считать сжатыхъ очерковъ по исторіи русской культуры г. Милюкова. Нельзя сказать, чтобъ у насъ спѣшили и съ изданіемъ основныхъ источниковъ. Уже не годъ и не два мы ждемъ отъ генерала Дубровина изданія подлиннаго дѣла о декабристахъ, разработка котораго была поручена ему покойнымъ императоромъ Александромъ III. Пока должны довольствоваться любопытною работой г. Дмитріева-Мамонова, составленной тоже по оффиціальнымъ документамъ и изданной московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Если оставить въ сторонѣ не всегда удачную форму изложенія и крайнюю типографскую небрежность, съ какой названное общество, уже нѣсколько лѣтъ функціонирующее безъ редактора, издало трудъ г. Дмитріева-Мамонова, то послѣдній нельзя не привѣтствовать какъ весьма замѣтный вкладъ въ нашу литературу, способный обратить на себя вниманіе и ученой, и читающей публики. Книга состоитъ изъ XXXIX главъ: первая представляетъ собой общее вступленіе, остальныя посвящены характеристикѣ положенія въ Западной Сибири 39 лицъ изъ числа декабристовъ; въ двухъ дополненіяхъ сообщаются свѣдѣнія о графѣ Мошинскомъ и подполковникѣ польской арміи Кржижановскомъ. Работа г. Дмитріева-Мамонова—не историческое изслѣдованіе, а толковое и достаточно объективное изложеніе документовъ, изученныхъ авторомъ. Еслибъ была издана подобная же работа о декабристахъ въ предѣлахъ Восточной Сибири и на каторжныхъ работахъ, то литература имѣла бы въ своемъ распоряженіи матеріалъ очень высокой цѣнности. Всѣ мы еще со школьной скамьи успѣли запомнить два факта: 1) „Союзъ Благоденствія", изъ обломковъ котораго создались два тайныхъ общества декабристовъ „Сѣверное" и „Южное", былъ хорошо извѣстенъ Александру I и въ сущности опирался на его рѣзко одно время выражавшіяся конституціонныя стремленія; „Союзъ" былъ тайнымъ, но вовсе не отъ государя, подававшаго надежды на великія реформы, прочное начало которымъ положено было только при Александрѣ II. 2) Декабристы, какъ личности руководящія,—идеалисты, какихъ не скоро можно отыскать въ исторіи европейскихъ движеній, понимая, что въ 1825 г. отъ радужныхъ надеждъ, которыми можно было обольщать себя въ 1820 г., не осталось и слѣда, сочли себя нравственно обязанными дѣйствовать внѣ какихъ-либо разсчетовъ на успѣхъ, чтобы громко заявить свое мнѣніе и очистить совѣсть. „Многіе изъ руководителей движенія,—говоритъ одинъ изъ упомянутыхъ выше авторовъ,—съ отчаяніемъ въ сердцѣ пришли 14 декабря 1825 г. на площадь. Бесту-

жевъ прямо на допросѣ заявилъ, что не надѣялся на успѣхъ, но жертвовалъ жизнью для будущаго; то же почти говорилъ и Рылѣевъ". Все это извѣстно и понятно. У насъ остается въ тѣни другая сторона: 1) путь, какимъ молодежь, первоначально дѣйствовавшая въ союзѣ съ правительствомъ, пришла къ окончательному съ нимъ разрыву, и 2) реальныя, если можно такъ выразиться, характеристики отдѣльныхъ представителей этой молодежи, взвинченныхъ либеральнымъ моментомъ въ царствованіе Александра I и подавленныхъ реакціей. Развѣ не глубоко драматиченъ и не поучителенъ въ самомъ дѣлѣ моментъ жестокаго столкновенія этихъ невольныхъ воспитанниковъ либеральныхъ, скоро исчезнувшихъ лѣтъ, этихъ глубокихъ идеалистовъ съ жестокою реакціей, которая не хотѣла знать школы, ими пройденной, не знала настоящаго и не думала о будущемъ? Книга г. Дмитріева-Мамонова какъ разъ и даетъ матеріалъ для реальныхъ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ изъ состава декабристовъ. Въ этомъ ея главный интересъ; нѣкоторыя фактическія данныя, ею устанавливаемыя, и любопытныя сообщенія о суровыхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ декабристамъ, свидѣтельствовавшихъ объ изумительной ловкости измышленія самыхъ неожиданныхъ комбинацій, приходится ставить уже на второмъ планѣ. Еслибы (стр. 7, 10, 12, 22) не нѣкоторыя послабленія, какія вынуждена была дѣлать сибирская администрація въ примѣненіи мѣръ, диктовавшихся изъ С.-Петербурга, еслибы не особенная популярность декабристовъ и вмѣстѣ съ ней глубокія симпатіи къ нимъ мѣстнаго населенія, то едва ли возможно было бы самое существованіе ихъ въ Сибири, о которомъ г. Дмитріевъ-Мамоновъ (на стр. 34; срв. стр. 74), несмотря на все желаніе лишь сухо изложить данныя своихъ источниковъ, говоритъ въ очень прочувствованныхъ выраженіяхъ.

Какъ ни тяжелъ былъ для декабристовъ разрывъ со всѣмъ прошедшимъ и съ надеждами въ будущемъ, однако, они сумѣли сохранить въ Сибири многія черты своей духовной природы, сумѣли приносить пользу и дѣйствовать, насколько вообще была имъ доступна дѣятельность въ узкихъ рамкахъ правилъ и административнаго произвола. Всѣ усилія декабристовъ направлены были въ сторону просвѣтительной и филантропической дѣятельности, о которой среди мѣстнаго населенія сохранились самыя благодарныя воспоминанія; многіе изъ среды этого населенія въ свое время искали случая сблизиться съ декабристами, видя въ нихъ въ высшей степени культурныхъ людей, способныхъ стоять впереди общества. Не разъ и не два въ своей книгѣ г. Дмитріевъ-Мамоновъ настойчиво и ярко обрисовываетъ указанныя черты (см. особенно стр. 50, 53, 76, 87, 88, 139, 143, 156, 159, 172 и 191), дополняя ихъ сообщеніями о служебной дѣятельности декабристовъ (извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ допущены были на государственную службу въ Сибири). Не будемъ приводить выдержекъ, которыми въ противномъ случаѣ пришлось бы заполонить нашъ отзывъ, а отсылаемъ читателей къ самой книгѣ, поучительной, цѣнной и грустной... Читатели сами обратятъ вниманіе на любопытныя подробности судьбы Батенкова, Кюхельбекера, на подозрительную фигуру князя Друцкого-Горскаго, на его роль въ такъ называемомъ омскомъ бунтѣ, за который г. Дмитріевъ-Мамоновъ (стр. 113), не стѣсняясь, клеймитъ сибирскую администрацію, на бѣдность многихъ декабристовъ и неудачную попытку надѣлить ихъ землей, на запрещеніе снимать съ нихъ портреты, видѣться съ родными, свободно переписываться etc. etc. Какъ бы въ укоръ сибирскому чиновничеству, г. Дмитріевъ-Мамоновъ особенно остановился

на служебной дѣятельности въ Сибири С. М. Семенова, дослужившагося тамъ до статскаго совѣтника. „Въ тобольскомъ губернскомъ правленіи, — пишетъ авторъ, — въ которомъ послѣднее десятилѣтіе своей жизни служилъ Степанъ Михайловичъ, сохранилось самое лучшее о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ и чиновникѣ со стойкими, независимыми и честными убѣжденіями. Эта твердость убѣжденій, которою онъ не поступался ни предъ мнѣніями своихъ сослуживцевъ, ни предъ предложеніями губернаторовъ и предписаніями генералъ-губернаторовъ, часто порождала непріятныя для него служебныя столкновенія.“ Замѣчательными чертами обрисовано авторомъ и столкновеніе декабриста барона В. И. Штейнгеля съ высшею сибирскою администраціей. Въ своихъ письмахъ Штейнгель жаловался на „жестокость“, „несправедливость“, „безчеловѣчье“ и одно изъ нихъ, очень непонравившееся графу Орлову, закончилъ, по словамъ нашего автора (стр. 153), такою фразой: „неужели важность христіанскаго правительства состоитъ въ непреклонномъ равнодушіи къ воплямъ обиженныхъ?... Есть же Богъ... вѣчность... потомство... страшно посмѣваться ими!“

Всеобщая исторія литературы І. Шерръ, подъ редакціей П. И. Вейнберга. Цѣна за всѣ 20 выпусковъ 6 рублей. Выпуски: I, II, III, IV, V, VI, VII. Книга Шерра принадлежитъ къ числу лучшихъ сочиненій по исторіи литературы: съ одной стороны она является необходимымъ руководствомъ для каждаго, интересующагося этимъ предметомъ, такъ какъ представляетъ въ краткомъ сравнительно очеркѣ обзоръ всѣхъ, даже второстепенныхъ явленій всемірной литературы, съ другой—по полнотѣ изложенія и по своимъ серьезнымъ научнымъ достоинствамъ она можетъ послужить и спеціалисту. Въ Германіи трудъ этотъ пользуется широкою популярностью; достаточно сказать, что съ момента своего появленія въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ онъ выдержалъ пять изданій и чуть ли не до послѣдняго времени продолжаетъ появляться все въ новыхъ изданіяхъ. Русскій переводъ Пыпина со 2 нѣмецкаго изданія появился въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ наука сдѣлала огромные успѣхи: вновь добытыя данныя и серьезные научные труды успѣли освѣтить многіе темные вопросы и установить новыя точки зрѣнія на извѣстные факты. Все это отражалось въ видѣ дополненій и поправокъ на послѣдующихъ нѣмецкихъ изданіяхъ, и русскій переводъ, сдѣланный 30 лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ устарѣть; давно уже чувствовалась потребность въ новомъ переводѣ; издатели вышеназваннаго труда и поставили себѣ задачей удовлетворить эту потребность. Въ лежащихъ предъ нами первыхъ семи выпускахъ вновь выходящаго перевода мы находимъ цѣлыя главы, посвященныя литературамъ, о которыхъ ничего не говорится въ переводѣ Пыпина, встрѣчаемъ рядъ указаній и ссылокъ на труды, появившіеся въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. Особенно много такихъ дополненій въ первой книгѣ, обнимающей исторію восточныхъ литературъ; такъ въ ней мы находимъ обзоръ литературъ японской, египетской, ассирійской и вавилонской, отсутствовавшихъ въ прежнемъ переводѣ. Далѣе, появленіе, напримѣръ, такого труда, какъ *Le théâtre chinois* (1886 г.) образованнаго китайца Ченгъ-Ки-Тонга помогло автору болѣе подробно остановиться на характеристикѣ китайскаго театра. Значительно пополнена также характеристика Ведъ, памятниковъ индійскаго эпическаго творчества и проч. Появленіе въ послѣднее время переводовъ изъ произведеній восточныхъ литературъ дало автору возможность привести изъ нихъ характерные отрывки, которые отсутствуютъ въ переводѣ Пыпи-

на; эти отрывки не мало способствуютъ наглядному ознакомленію съ характеромъ разсматриваемыхъ произведеній. Таковы отрывки изъ напечатаннаго въ 1875 г. въ *Neue Monatshefte über das Dichtkunst und Kritik* перевода Штрауса изъ Ши-Кинга, важнѣйшаго памятника китайской литературы, отрывки изъ произведеній турецкой поэзіи (стр. 104) и пр. Съ внѣшней стороны изданіе отличается изяществомъ: множество гравюръ и картинъ, портретовъ, автографовъ и факсимиле украшаютъ его страницы. Всѣхъ выпусковъ предполагается двадцать, что составитъ два большихъ тома, причемъ литературы славянскую и русскую издатели обѣщаютъ обработать болѣе подробно и самостоятельно. Въ общемъ новое изданіе пополняетъ важный пробѣлъ въ русской переводной литературѣ. Жаль только, что издатели, обѣщавшіе окончить свою работу къ веснѣ 1896 года, затянули ее и едва окончили половину къ лѣту этого года.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ Г. А. Паперна. Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Г. А. Паперна. Спб., 1895 г. Очерки г. Паперна несомнѣнно являются лучшими изъ философскихъ біографій, напечатанныхъ до сихъ поръ въ коллекціи Ф. Павленкова. Они представляютъ собою результатъ вдумчивости и основательныхъ свѣдѣній не только въ исторіи философіи, но и въ смежныхъ съ нею областяхъ. Написанные въ спокойномъ тонѣ, безъ панегириковъ, на которые біографы обыкновенно такъ щедры по отношенію къ своимъ героямъ, они даютъ достаточно полное и ясное понятіе о томъ, какъ протекала внѣшняя и, что еще важнѣе, внутренняя жизнь названныхъ мыслителей, какія политическія и культурныя теченія вліяли на созданіе ихъ системъ, чему и какъ они учили. Исходя изъ того взгляда, что на философію нельзя смотрѣть какъ на нѣчто самостоятельное и обособленное отъ науки, г. Паперъ очень искусно и вѣрно указываетъ на связь, которая соединяетъ спинозизмъ и картезіанство съ научнымъ характеромъ новаго времени, и именно степень ихъ соотвѣтствія съ позитивнымъ знаніемъ и методомъ нашей эпохи служитъ ему главнымъ критеріемъ для ихъ оцѣнки. Въ этомъ отношеніи автора можно упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ незначительную роль приписываетъ непосредственному воздѣйствію одной философемы на другую и умаляетъ вліяніе Декарта на творца „Этики“. Г. Паперъ много справедливаго вниманія удѣляетъ описанію той исторической среды и обстановки, среди которой жили великіе мыслители. Очеркъ, посвященный Спинозѣ, прежде всего знакомитъ съ печальными судьбами испанскихъ и португальскихъ евреевъ, переселившихся въ Голландію, и даетъ талантливое изображеніе того общаго фона, на которомъ вырисовывается жизнь голландскаго философа. А затѣмъ читатель видитъ предъ собою внутренній міръ геніальнаго еврея, дѣлается свидѣтелемъ его незаслуженныхъ страданій и изучаетъ эту высокую личность г. Паперъ подмѣтилъ и рельефно описалъ характерное для Спинозы сочетаніе душевнаго покоя и кротости съ гордымъ сознаніемъ своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ, эту ясную и тихую глубину убѣжденія, озаренную свѣтомъ великаго ума. Прекрасная параллель между Лейбницемъ и Спинозой дѣлаетъ образъ отлученнаго сына синагоги еще болѣе яркимъ и привлекательнымъ. Ученіе Спинозы г. Паперъ излагаетъ просто и вразумительно, заранѣе указавъ на его ге

незисъ, поскольку его можно было прослѣдить. Метафизическій элементъ въ этомъ ученіи онъ считаетъ второстепеннымъ и на первый планъ выдвигаетъ въ немъ то, въ чемъ слѣдуетъ видѣть продукты научнаго и эмпирическаго мышленія; съ такимъ взглядомъ на спинозизмъ можно не соглашаться, но у г. Паперна онъ во всякомъ случаѣ основывается на вѣскихъ аргументахъ. Абсолютная правда на сторонѣ автора, когда онъ разсматриваетъ Спинозу не только какъ отвлеченнаго мыслителя, но и какъ борца за благородные общественные идеалы, какъ писателя, который въ своемъ *Теологико-политическомъ трактатѣ* такъ горячо и искренне выразилъ лучшіе завѣты человѣчества. Въ общемъ біографическій очеркъ Спинозы необходимо признать чрезвычайно удачнымъ и соотвѣтствующимъ своему назначенію. Автору слѣдовало бы только сообщить своимъ читателямъ, что на русскомъ языкѣ, кромѣ *Этики*, существуетъ переводъ и *Трактата объ исправленіи разсудка*, сдѣланный въ 1893 г. г. Полинковскимъ. Не лишне было бы также отмѣтить біографическій романъ Аэурбаха, посвященный Спинозѣ (недавно вышелъ русскій переводъ); въ немъ есть, правда, много произвольнаго, но онъ все-таки читается съ интересомъ, и разъ г. Паперну вообще говоритъ о вліяніи Спинозы на нѣмецкихъ писателей (стр. 74—76), то было бы кстати упомянуть и Ауэрбаха, который между прочимъ въ своемъ произведеніи *Auf der Höhe* обнаружилъ такое глубокое и благоговѣйное знакомство съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ великаго мыслителя.

Такими же серьезными достинствами отличается и біографія Декарта. Далекій отъ душевной чистоты, которая характеризуетъ Спинозу, авторъ *Развужденія о методѣ* обрисованъ г. Паперномъ совершенно объективно и съ вполнѣ умѣстною осторожностью; онъ не представленъ въ нравственномъ отношеніи низкимъ, какъ у Льюиса въ его *Исторіи философіи*, но его излишняя робость, болѣзненное самолюбіе и подозрительность нашли себѣ должную оцѣнку, и г. Паперъ не считаетъ нужнымъ оправдывать его моральные дефекты условіями времени, на которыя такъ часто и такъ несправедливо возлагается отвѣтственность за грѣхи людей. Философія Декарта изложена блестяще; г. Паперъ указалъ ея отношенія къ прошлой и современной наукѣ, и читатель ясно видитъ тотъ рубежъ, на которомъ стоитъ французскій мыслитель; страницы, посвященныя уясненію и оцѣнкѣ картезіанства, являются лучшими въ обоихъ очеркахъ г. Паперна. Мы находимъ также въ этюдѣ г. Паперна свѣдѣнія о дальнѣйшемъ распространеніи и судьбахъ декартовской философіи; напрасно только авторъ, говоря объ увлеченіи ею французскихъ дамъ и о салонныхъ разговорахъ по поводу нея, не отмѣтилъ знаменитой комедіи Мольера *Les femmes savantes*, гдѣ такъ остроумно изображены женщины, разсуждающія о картезіанскихъ субстанціяхъ протяженности и мышленія... Біографію Декарта г. Паперъ заканчиваетъ общими разсужденіями о томъ, что груда накопленныхъ знаніемъ фактовъ уже неудовлетворяетъ больше современнаго человѣка, который ощущаетъ сильную потребность въ объединяющемъ синтезѣ. Но для того, чтобы найти такое синтезирующее начало, безполезно, по мнѣнію г. Паперна, возвращаться къ Декарту или къ какому-либо другому представителю умозрительной философіи; мы пережили метафизику, мы стали „сложнѣе и старше“, и послѣ Гегеля надо считать метафизическую эпоху отошедшей въ область преданія. Г. Паперъ зоветъ на почву положительной науки и ея мирныхъ завоеваній. Раздѣляя эти воззрѣнія автора, мы все-таки

должны сказать, что то коренное различеніе между интуиціей и опытомъ, которое проходитъ черезъ оба очерка г. Паперна, является неосновательнымъ; на самомъ дѣлѣ оба эти фактора неотдѣлимы другъ отъ друга, и только то умозрѣніе тускло и мертво, которое отрекается отъ эмпирической опоры и желаетъ довлѣть само себѣ. Если послѣ Гегеля человѣчество не знаетъ другого титана раціоналистической философіи, то это еще не даетъ права заключать, что никогда уже не народится великій умъ, который сочетаетъ научный методъ и знанія съ поразительною силой интуиціи.

ЭТНОГРАФІЯ.

„Мултанское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ“. *П. М. Богаевскаго.*

Мултанское „моленіе“ вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. П. М. Богаевскаго. Съ рисунками. М., 1896 г. 8°, стр. VI+1126 Ц. 40 к. Книжка г. Богаевскаго составляетъ третій выпускъ въ серіи „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“, новаго изданія, затѣяннаго московскимъ книжнымъ магазиномъ Гроссманъ и Кнебель по образцу извѣстной Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge проф. Вирхова и Гольцендорфа. Попытки такого изданія нельзя не привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что названная серія украшена именами профф. А. И. Чупрова, К. А. Тимирязева, Ѳ. Ѳ. Эрисмана, И. М. Сѣченова, А. П. Павлова, Д. М. Петрушевскаго и друг., отличаясь въ то же время чрезвычайно симпатичною для нашего времени задачей—проводить „въ среду читающей публики основныя положенія науки и пріемы научнаго мышленія“, сближать „современное знаніе съ дѣйствительною жизнью“. Первой вышла названная выше книжка, за ней, въ качествѣ перваго и второго выпусковъ, слѣдуютъ менѣе объемистыя статьи С. А. Варшера *Англійскій театръ времени Шекспира* и М. А. Мензбира *Историческій очеркъ воззрѣній на природу*. Внѣшность изданія при не дорогой цѣнѣ весьма изящна. Рисунки, приложенные къ книжкѣ г. Богаевскаго, весьма удачны; два изъ нихъ—большой шалашъ вотяковъ учурскаго племени въ с. Мултанѣ (стр. 83) и болотистая лѣсная тропа, на которой найденъ трупъ нищаго (стр. I)—сдѣланы съ набросковъ Вл. Г. Короленка (для второго наброска важны планы, приложенные къ брошюрѣ *Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ*. Изд. подъ редакціей и съ примѣчаніями Вл. Г. Короленка. М., 1896 г.). Съ самаго перваго момента редакція новаго научно-популярнаго изданія попала въ центръ очередныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности: цѣль книжки г. Богаевскаго, заполнить пропасть между данными современной этнографической литературы и невинностью мултанскихъ крестьянъ. Г. Богаевскій—этнографъ-спеціалистъ, большой знатокъ литературы о вотякахъ и самостоятельный изслѣдователь ихъ быта на мѣстѣ. Еще въ 1887—88 гг. онъ былъ командированъ „московскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“ въ Вятскую губернію для изученія быта тамошняго населенія. Результаты опубликованы г. Богаевскимъ въ первомъ выпускѣ *Сборника свѣдѣній для изученія крестьянскаго населенія Россіи*, изд. подъ ред. Н. Н. Харузина, въ третьемъ выпускѣ *Сборника матеріаловъ по этнографіи инородцевъ Россіи*, изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера и въ

IV, V, VII книгахъ журнала *Этнографическое Обозрѣніе*. Разбираемая книжка представляетъ собою лишь сжатый сводъ предшествующихъ работъ нашего автора, приноровленный къ насущнымъ потребностямъ текущаго момента, причемъ нельзя не подчеркнуть съ особенною настойчивостью, что г. Богаевскій занимается спеціально вопросомъ о религіозныхъ представленіяхъ вотяковъ и что работы его по этому вопросу съ опредѣленно выраженною точкой зрѣнія появились гораздо ранѣе наличности гнуснаго преступленія 5 мая 1892 г. и любопытныхъ пріемовъ его архаическаго разслѣдованія. Въ литературѣ уже твердо установлено, что многочисленныя жертвенныя моленія вотяковъ сопровождались только умерщвленіемъ лошадей, барановъ, гусей и утокъ, *о человѣческихъ же жертвоприношеніяхъ не было даже намека*. Кто же однако не знаетъ всей жизненности формулы: calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose! Изслѣдователямъ вотяцкаго быта уже извѣстно, что современные вотяки даже не понимаютъ значенія тѣхъ изъ совершаемыхъ ими обрядовъ, которые, будучи изучаемы въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, должны быть признаны „переживаніями“ человѣческихъ жертвоприношеній. „Необходимо,—говоритъ по этому случаю г. Богаевскій (стр. 4—5),—довольно продолжительное время, чтобы развился въ народѣ обрядъ, обычай, повѣрье, внутренняя сущность которыхъ ему сдѣлалась непонятной, и, само собою разумѣется, что тотъ срокъ, въ теченіе котораго раздается среди вотяковъ христіанская проповѣдь, для этого слишкомъ коротокъ“. Стало быть и самое „исчезновеніе человѣческихъ жертвоприношеній предшествуетъ знакомству вотяковъ съ христіанствомъ“, и нѣтъ рѣшительно никакого смысла спорить противъ того факта, что у современныхъ вотяковъ-язычниковъ категорически отрицается существованіе человѣческихъ жертвоприношеній, или заподозривать правоту такого отрицанія. Любопытно, что если каннибальская легенда и всплываетъ на свѣтъ Божій, то каждый разъ при условіи наличности какого-нибудь факта, который такъ или иначе непріятенъ для извѣстнаго сорта людей и въ приводимыхъ г. Богаевскимъ случаяхъ квалифицируется какъ клевета. Вотъ эти два случая, которые было бы грѣшно рецензенту не привести изъ разбираемой книжки, посвященной третьему. Въ началѣ текущаго года въ Елабужскомъ уѣздѣ вотяки дер. Поякино поймали татарина, оскорбившаго ихъ, и побили его. Татарина отправили въ можгинскую больницу, откуда его чрезъ нѣсколько дней выписали совершенно здоровымъ (стр. 21). Въ больницѣ Сайфуллинъ, избитый вотяками, послѣ того какъ у него побывалъ его товарищъ Шарыповъ, сдѣлалъ заявленіе о томъ, что вотяки хотѣли принести его въ жертву. Онъ утверждалъ, что его тыкали ножами, чтобы добыть кровь, необходимую якобы „для принятія ея внутрь“. Но колотыхъ ранъ на тѣлѣ Сайфуллина не оказалось ни одной, а лишь были небольшія ссадины, полученныя имъ во время драки. Избитъ онъ былъ за то, что, пока Шарыповъ, пославшій по начальству телеграмму о преступленіи вотяковъ, ухаживалъ за женою одного изъ нихъ, съ которой его тогда же застали in flagrante delicto, Сайфуллинъ „точилъ балясы“ съ хозяиномъ и отвлекалъ вниманіе отъ Шарыпова. Другой случай относится къ 1885 г., когда редакція *Волжскаго Вѣстника* получила сенсаціонную корреспонденцію о священникѣ Б., помѣщенномъ въ земскую больницу будто бы вслѣдствіе ранъ ножомъ, которыя нанесли ему вотяцкіе жрецы, но администрація больницы тотчасъ опровергла клевету, телеграфировавъ, что „о. Б. живъ, не ра-

ненъ и лѣчится отъ delirium tremens". Понятно, что отъ татарской позы in flagrante delicto и экстазнаго состоянія delirium tremens, прикрывавшихся завѣсою вотяцкой человѣческой жертвы, одинъ шагъ до преступной симуляціи жертвоприношенія, какъ думаетъ В. Г. Короленко, и притомъ до очень ловкой симуляціи, какъ выяснилъ проф. Белинъ. Какъ и слѣдовало ожидать, сенатъ, отмѣняя первый приговоръ, авторитетно призналъ, что „не доказано самое существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній"; тоже признаніе руководило сенатомъ, независимо отъ наличности массы кассаціонныхъ нарушеній, и при отмѣнѣ второго приговора, когда къ тому же составъ присутствія суда получилъ *„замѣчаніе"*, а нѣсколько позднѣе приставъ Шмелевъ, какъ сообщаютъ газеты, попалъ подъ судъ. Sapienti sat! Кто знаетъ цитованную выше книжку В. Г. Короленка и его статью въ *Русскомъ Богатствѣ* и прочтетъ разбираемую нами книжку г. Богаевскаго, тотъ, конечно, всецѣло и неуклонно будетъ стоять на точкѣ зрѣнія сената и ученыхъ этнографовъ, что ни о какихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у современныхъ вотяковъ не можетъ быть и рѣчи. Такое заключеніе признается единодушно, исключая не имѣющихъ значенія авторовъ статеекъ извѣстнаго направленія, поклонниковъ архаическихъ формализма въ правѣ и „суда Божьяго", да ученаго этнографа И. Н. Смирнова. О послѣднемъ, впрочемъ, необходима оговорка; его несогласіе съ общимъ мнѣніемъ случайнаго происхожденія и въ сущности поддерживается имъ такъ, какъ будто онъ все время споритъ не съ своими учеными противниками, а съ поклонниками архаическихъ формъ суда; ему до нѣкоторой степени очень многіе обязаны тѣмъ, что окончательно потеряли вѣру въ наличность человѣческихъ жертвоприношеній у современныхъ вотяковъ.

Въ 1890 году гг. Богаевскій и Смирновъ одинаково были согласны въ томъ, что у современныхъ вотяковъ нѣтъ человѣческихъ жертвоприношеній, только г. Смирновъ шире обосновывалъ свою мысль: и факты, и теорія были за него. Прошло пять лѣтъ, возникло громкое мултанское дѣло, г. Богаевскій въ своей брошюрѣ стоитъ все на той же точкѣ зрѣнія, что и пять лѣтъ тому назадъ, стоитъ такъ же твердо, окруженный всеоружіемъ этнографическихъ данныхъ, ибо за истекшій промежутокъ не появилось ничего, что могло бы поколебать прежнее мнѣніе; напротивъ, самая попытка направить мултанское дѣло по ложнымъ слѣдамъ на основаніи темныхъ слуховъ заставила г. Богаевскаго еще разъ взяться за перо и горячѣе прежняго стать за правоту высказаннаго мнѣнія. Казалось бы, что онъ найдетъ въ г. Смирновѣ еще болѣе страстнаго защитника; доказать наличность у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній значитъ сорвать всякій научный смыслъ, всякое значеніе монографіи г. Смирнова *Вотяки*. Казалось бы, что г. Смирновъ, приглашенный въ качествѣ эксперта, могъ бы сдѣлать лишь одно: принести въ судъ свою диссертацію и прочитать изъ нея соотвѣтствующія мѣста. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: г. Смирновъ заявляетъ, что человѣческія жертвоприношенія практикуются у вотяковъ, что обстановка нахожденія трупа даетъ черты жертвоприношенія, и торжественно цитуетъ *черемисскую* *) сказку, скрывая ея конецъ и не разъясняя слушателямъ, что родство вотяковъ и черемисовъ немножко ближе родства между человѣкомъ и

*) Замѣтимъ, что на 264 стр. своей книги г. Смирновъ нападаетъ на Фр. Миллера за грубое смѣшеніе въ одну кучу вотяковъ и черемисъ. Это характерно!

обезьяной; мало того, найдя „*черты жертвоприношенія*“, онъ смущенъ относительно того, „находятся ли въ условіи убійства Матюнина такіе признаки, которые указываютъ на *обрядъ жертвоприношенія*“, и прямо заявляетъ, что наталкивается здѣсь „на цѣлую цѣпь противорѣчій, недомолвокъ и недоразумѣній“. Другой экспертъ, г. Верещагинъ, тутъ же отрицаетъ наличность требованій у вотскихъ боговъ человѣческихъ жертвъ. Какой ужасный случай: г. Смирновъ самъ принесъ себя въ жертву „цѣлой цѣпи противорѣчій, недомолвокъ и недоразумѣній“. Намъ остается только ждать, не появится ли „слухъ, неизвѣстно откуда исходящій“, о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ среди нынѣшнихъ ученыхъ профессоровъ. Не основываясь на „слухахъ, неизвѣстно откуда исходящихъ“, а лишь на точныхъ данныхъ этнографической науки, г. Богаевскій своею книжкой легко можетъ дать поводъ къ созданію такого слуха относительно корпораціи нашего профессорства. Вѣдь, проф. Смирнову отрѣзанъ всякій путь къ полемикѣ съ г. Богаевскимъ, ибо первый уже сошелъ съ научной почвы, а послѣдній продолжаетъ на ней оставаться, и имъ пришлось бы говорить на совершенно разныхъ языкахъ. Ясно, сжато, послѣдовательно излагая вопросъ, г. Богаевскій приходитъ къ выводу, что „цѣлый рядъ фактовъ, устанавливаемыхъ обвиненіемъ, направленнымъ противъ мултанцевъ, будучи разсмотрѣнъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, даетъ возможность присоединиться къ уже высказанному въ печати предположенію о томъ, что загадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ есть грубая поддѣлка подъ ритуалъ вотяцкаго жертвоприношенія“. Доказавъ съ поразительною очевидностью, что у современныхъ вотяковъ не существуетъ и не можетъ существовать человѣческихъ жертвоприношеній (вѣдь, нѣтъ къ тому же нигдѣ ни одного свидѣтельства за существованіе) и констатировавъ преступную поддѣлку подъ вотяцкое жертвоприношеніе, авторъ оставляетъ въ сторонѣ разсмотрѣніе двухъ существенно важныхъ вопросовъ: 1) кому понадобилась такая поддѣлка и 2) чѣмъ объясняется ненормальность отношеній между диссертаціей и экспертизой проф. Смирнова, подавшей поводъ къ самымъ невѣроятнымъ слухамъ и предположеніямъ. Изслѣдованіе двухъ упомянутыхъ вопросовъ принадлежитъ будущему, а пока приходится закончить нашъ отчетъ самою горячею рекомендаціей замѣчательной для настоящаго момента брошюры г. Богаевскаго.

Юридическія книги.

„Изслѣдованіе о смертной казни“ *А. Ф. Кистяковскаго.*— „Что есть торговая несостоятельность“. *Д. В. Тутковича.*—„Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры“. *С. С. Розенберга.*—„Возникновеніе семьи и брака“. *Карла Каутскаго.*

Изслѣдованіе о смертной казни А. Ф. Кистяковскаго. Изданіе второе подъ редакціей Т. С. Спб., 1896 г. Среди обширной литературы по вопросу о смертной казни изслѣдованіе покойнаго проф. Кистяковскаго занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ особенное вниманіе на исторію смертной казни, стремясь указать связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ народовъ. Другая характерная особенность разсматриваемаго сочиненія—строгая объек-

тивность, съ которой авторъ разрабатываетъ собранный имъ обильный историческій матеріалъ. Проф. Кистяковскій приходитъ къ тому выводу, что „смертная казнь есть наказаніе несправедливое, безполезное и ненужное", что „по мѣрѣ развитія народовъ необходимость примѣненія и самое примѣненіе смертной казни болѣе и болѣе уменьшаются" и что „уменьшеніе это должно окончиться полной отмѣной". Но до сихъ поръ этой отмѣны далеко еще не происходитъ. За послѣднее время вновь появились даже среди теоретиковъ сторонники смертной казни въ лицѣ многихъ представителей антропологической школы. Въ виду этого появленіе второго изданія классическаго изслѣдованія проф. Кистяковскаго оказывается весьма своевременнымъ, особенно если вспомнить, что въ недавно выработанномъ проектѣ нашего новаго уголовнаго уложенія смертная казнь упоминается нѣсколько разъ.

Во второмъ изданіи книги г. Кистяковскаго редакторомъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: въ началѣ книги помѣщено довольно обширное предисловіе о главныхъ литературныхъ событіяхъ по вопросу о смертной казни, послѣдовавшихъ со времени выхода перваго изданія, т.-е. съ 1867 года, а въ шестой главѣ прибавлено нѣсколько примѣчаній о законодательныхъ перемѣнахъ, произведенныхъ въ различныхъ странахъ за тотъ же періодъ времени.

Что есть торговая несостоятельность. Д. В. Туткевича. Спб., 1896 г. Вопросъ о несостоятельности почти вовсе не разработанъ въ нашей литературѣ, что придаетъ особую цѣнность труду г. Туткевича. Задача автора состоитъ въ построеніи опредѣленія понятія торговой несостоятельности. Г. Туткевичъ совершенно правильно различаетъ несостоятельность торговую и не торговую: „въ условіяхъ своего происхожденія,—говоритъ онъ (стр. 15),—въ своемъ существѣ, свойствѣ и послѣдствіяхъ, въ самой жизни и дѣятельности человѣка, несостоятельность торговая и не торговая составляютъ столь рѣзко обособленныя разновидности, что не могутъ быть не только объединяемы въ общій институтъ, регламентируемый однимъ общимъ закономъ, но даже и сливаемы въ одномъ общемъ опредѣленіи".

Опредѣляя понятіе торговой несостоятельности, авторъ полагаетъ, что неоплатность „не можетъ быть принята за показатель торговой несостоятельности" стр. 21), что несостоятельность есть „не status дѣйствительнаго имущественнаго положенія купца, а modus его отношеній къ кредиторамъ" (стр. 24), а эти отношенія состоятъ въ прекращеніи платежей; такимъ образомъ, по опредѣленію г. Туткевича, несостоятельность есть „такое отношеніе торговца къ кредиторамъ, при которомъ первымъ допущено прекращеніе своихъ платежей, выраженное: а) положительнымъ заявленіемъ о томъ самого должника, б) безвѣстнымъ его отсутствіемъ съ оставленіемъ дѣлъ своихъ безъ распоряженія и в) отказомъ должника въ удовлетвореніи слѣдуемыхъ съ него платежей" (стр. 25). Съ такимъ опредѣленіемъ согласиться нельзя. Самъ авторъ на стр. 31 называетъ прекращеніе платежей признакомъ торговой несостоятельности; а признакъ не можетъ составлять всего содержанія понятія. Изъ самаго опредѣленія, даннаго г. Туткевичемъ, видно, что несостоятельность наступаетъ и тогда, когда самъ должникъ заявитъ о своей несостоятельности или безвѣстно скроется,—слѣдовательно въ этихъ случаяхъ безъ всякаго прекращенія платежей. Прекращеніе платежей есть лишь выраженіе или проявленіе извѣстнаго

имущественнаго состоянія должника—его неплатоспособности; таковымъ же проявленіемъ служатъ и заявленіе должника и его безвѣстное отсутствіе. Всякая несостоятельность предполагаетъ неплатоспособность. Несостоятельность есть оффиціально признанная неспособность должника къ платежу долговъ; признакомъ наступленія этой неспособности служитъ прекращеніе платежей.

Въ заключеніи брошюры г. Туткевичъ вполнѣ правильно замѣчаетъ, что понятіе покушенія по отношенію къ несостоятельности совершенно непримѣнимо.

Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. С. С. Розенберга. Спб., 1896 года. Ненормальное положеніе нашей присяжной адвокатуры является однимъ изъ наиболѣе наболѣвшихъ вопросовъ въ нашемъ судоустройствѣ. Въ своемъ очеркѣ г. Розенбергъ излагаетъ развитіе русской адвокатуры со времени реформы 1864 г. и указываетъ на необходимость измѣненія въ ея организаціи. Благоустройство адвокатуры онъ ставитъ въ зависимость отъ ея самостоятельности и единства. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что подчиненность присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ надзору окружнаго суда противорѣчитъ „высокому значенію адвокатской дѣятельности, которая въ сферѣ возстановленія нарушенныхъ правъ должна бороться противъ всякаго противника“ и что это можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда „дѣятельность адвокатовъ будетъ гарантирована противъ сильныхъ міра сего, т.-е. будетъ отвѣтственна только передъ судомъ товарищей по профессіи или передъ гласнымъ уголовнымъ судомъ“.

Авторъ вполнѣ основательно указываетъ, что однимъ изъ крупныхъ препятствій къ процвѣтанію адвокатуры и выработкѣ адвокатской этики въ средѣ нашихъ присяжныхъ защитниковъ является институтъ частныхъ повѣренныхъ, отъ которыхъ не требуется почти никакого образовательнаго и нравственнаго ценза.

Въ настоящее время, когда, благодаря пересмотру нашего судоустройства и судопроизводства, затронутъ вопросъ и объ адвокатурѣ, сочиненія, подобныя брошюрѣ г. Розенберга, весьма полезны, указывая и напоминая тѣ ея недостатки, которые достаточно выяснены 30-ти лѣтнею практикой, но которые до сихъ поръ еще неисправлены, несмотря на многія ходатайства и представленія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Возникновеніе семьи и брака. Карла Каутскаго. Спб., 1895 г. Подъ такимъ заглавіемъ выпущенъ въ свѣтъ переводъ изслѣдованія Каутскаго, извѣстнаго работника по первобытной культурѣ и соціологіи. Предлагаемая вниманію читателя книжка посвящена возникновенію брака и семьи, — одному изъ тѣхъ вопросовъ, которые съ особеннымъ предпочтеніемъ разрабатываются антропологіей и сравнительною этнологіей новѣйшаго времени. Макъ-Леннанъ, Леббонъ, Тайлоръ и Спенсеръ въ Англіи, Морганъ въ Америкѣ, Жиро Тэлонъ во Франціи и въ особенности Бахофенъ въ Германіи оказали въ этой области выдающіяся услуги. Наука въ постепенномъ своемъ развитіи пришла къ согласію относительно того, что гетеризмъ, экзогамію и т. д. нужно разсматривать какъ отдѣльные фазисы брака, равно какъ и материнское право въ семьѣ. Но въ вопросѣ о возникновеніи этихъ явленій и ихъ взаимной послѣдовательности между учеными существуютъ значительныя разногласія. Каутскій весьма смѣло и оригинально отсту-

паетъ отъ взглядовъ своихъ предшественниковъ и дѣлаетъ не лишенныя остроумія догадки въ этой области, попутно излагая для уясненія вопроса, тотъ или иной взглядъ предшествующихъ изслѣдователей. Нельзя не согласиться съ выражаемымъ имъ сожалѣніемъ по поводу ненадежности матеріала для положительныхъ выводовъ, а, главное, его недостаточности. Выводы ученыхъ зачастую покоятся на случайныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ кое-гдѣ и кое-когда, причемъ въ большинствѣ случаевъ изслѣдователи чаще всего смотрятъ на дикарей, какъ на предметы, которые можно сваливать въ одну кучу, пренебрегая тысячелѣтними зачастую исторіями каждаго народа. Все это, конечно, не даетъ полной увѣренности въ выводахъ, но придаетъ имъ характеръ только достовѣрности.

Обращаясь къ формамъ брака и семьи у первобытнаго человѣка, Каутскій отрицательно относится къ существующей гипотезѣ, по которой первичною формой семьи считается патріархальная, т.-е. та, въ которой главенствуетъ отецъ и происхожденіе ведется отъ него. Обычай брака вырабатывался постепенно и когда-то полное смѣшеніе было крайне распространено по всей землѣ,—явленіе, впрочемъ, быстро исчезнувшее. Человѣкъ перешелъ къ моногаміи, которую и слѣдуетъ, по мнѣнію автора, считать за первичную форму брака. Основа моногаміи лежитъ въ равенствѣ половъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что узы брака легко расторжимы. Такимъ образомъ, авторъ думаетъ, что люди первоначально были объединены не въ семейные, а племенные союзы, что внутри племени не существовало подраздѣленія на семьи, а только на поколѣнія, дѣти принадлежали не отцу или матери, а племени. Внутри племени существовала свобода половъ, приводившая къ моногамнымъ, временнымъ союзамъ.

Отрицая коммунальный бракъ, изслѣдователь не соглашается и съ гипотезой, будто женщины первыя дали толчокъ къ развитію брака и семьи: нигдѣ въ настоящее время у народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи, не находимъ мы протеста женщинъ противъ ихъ положенія; и наоборотъ, онѣ представляютъ собой наиболѣе консервативный элементъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если разсматривать исторію хищническаго брака, существующаго и въ настоящее время у многихъ народовъ, то, дѣйствительно, можно придти къ выводу, что общность женъ не есть нѣчто первичное, вытѣсненное единоличнымъ бракомъ вслѣдствіе похищенія женъ. Бракъ похищеніемъ вызвалъ общность женъ и моногамія повсюду вытѣсняется хищническимъ бракомъ и переходитъ затѣмъ въ полигамію. Въ послѣднемъ фазисѣ бракъ проходитъ двѣ ступени: частное владѣніе женщинами и частную собственность на нихъ. Этотъ послѣдній видъ представляетъ собой понятіе, соотвѣтствующее нашему браку: онъ постояненъ и находится подъ покровительствомъ общества.

Что касается материнскаго права, то оно происходитъ вслѣдствіе похищенія женъ: веденіе родословной по матери въ такомъ случаѣ имѣетъ много преимуществъ, такъ какъ оно обусловливаетъ положеніе человѣка въ племени. Рядомъ съ материнскимъ правомъ, однимъ изъ результатовъ хищническаго брака, было образованіе класса, посредствующаго звена въ развитіи между семьей и племенемъ. Въ классахъ господствовала большая свобода выбора и принудительность брака была ограничена. Изъ хищническаго же брака выросталъ и покупной. Похищенныя женщины, составлявшія собственность мужчины, прода-

вались изъ одного класса въ другой. Благодаря этому, воззрѣнія на женщинъ становились суровыми и деспотичными: на нихъ стали смотрѣть, какъ на имущество племени. Такимъ образомъ покупной бракъ закончилъ превращеніе женщины въ простую собственность, начавшуюся еще въ хищническомъ бракѣ. За то въ этотъ періодъ начинается уваженіе цѣломудрія дѣвушекъ, соблюденіе супружеской вѣрности, за что отвѣчаетъ кланъ. Это уже была развитая форма брака, не улучшившая, однако, положенія женщинъ, а окончательно подчинившая одинъ полъ другому, что мы наблюдаемъ и до сихъ поръ. Протестомъ противъ такого положенія вещей является гинекократія, и до сихъ поръ существующая у нѣкоторыхъ народовъ: это—полное распоряженіе собою женщины и даже господство надъ мужчиной. Женщины имѣютъ собственное имущество, пользуются политическими правами и распоряжаются дѣтьми. Эта форма жизни выработала поліандрію (многомужество), которую нельзя объяснить малочисленностью женщинъ, что подтверждается примѣрами. Гинекократія приводитъ къ поразительной свободѣ и независимости, причемъ женщины отличаются поразительною силой и красотой. Каутскій полагаетъ, что гинекократія, а вмѣстѣ съ нею и поліандрія суть въ такой же мѣрѣ высшія ступени материнскаго правоваго развитія, какъ полигенія и патріархальная семья — высшія ступени развитія отцовскаго права. Эти двѣ системы взаимно исключаютъ одна другую, но онѣ не вытекаютъ одна изъ другой, какъ это утверждали до сихъ поръ. Изъ этихъ двухъ элементовъ жизни создавались новыя формы, причемъ оба элемента прокладывали себѣ самостоятельный путь.

Таковы выводы г. Каутскаго. Нельзя имъ отказать въ оригинальности и интересѣ. Книга написана сжатымъ, яркимъ слогомъ, очень доступнымъ по простотѣ, и даетъ возможность вкратцѣ ознакомиться съ литературой вопроса о бракѣ и семьѣ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Строеніе матеріи“. Популярныя лекціи и рѣчи В. Томсона“.—„Учебникъ гистологіи человѣка со включеніемъ микроскопической техники“. *А. А. Бема и М. М. Давыдова.*—„Основы метеорологіи и климатологіи“. *Д. А. Лачинова.*—„Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія“. Публичныя лекціи *К. Тимирязева.*

Строеніе матеріи. Популярныя лекціи и рѣчи сэра Вильяма Томсона (лорда Кельвина). Переводъ съ англійскаго Б. П. Вейнберга, подъ редакціей проф. И. И. Боргмана. Спб., 1895 г. Первое англійское изданіе этой книги вышло въ 1888 г., а второе—въ 1891 г., русское изданіе сдѣлано со второго англійскаго, причемъ въ видѣ прибавленій переведено нѣсколько научныхъ работъ сэра В. Томсона, относящихся, главнымъ образомъ, къ его оригинальной теоріи строенія матеріи; кромѣ того въ русскомъ изданіи заимствованы многія примѣчанія М. Бриллуэна изъ французскаго изданія. „Популярныя лекціи“ сэра В. Кельвина не могутъ быть сравниваемы съ популярными статьями и лекціями Дж. Тиндаля: послѣднія могутъ разсчитывать на болѣе многочисленную публику, такъ какъ касаются предметовъ и явленій, болѣе доступныхъ и знакомыхъ, и читались передъ публикой,

мало подготовленной; что же касается до „популярныхъ лекцій и рѣчей сэра Кельвина“, вошедшихъ въ книгу *Строеніе матеріи*, то онѣ представляютъ собой сообщенія или лекціи, прочитанныя или въ Королевскомъ институтѣ, или въ Эдинбургскомъ королевскомъ обществѣ, или въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, или въ Институтѣ электрическихъ инженеровъ, или въ Британской ассоціаціи наукъ. Уже изъ этого перечня видно, передъ какою публикой приходилось читать сэру Кельвину, и поэтому слово „популярныя лекціи“ не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается у насъ обыкновенно.

Вопросы, которые разбираются въ лекціяхъ лордомъ Кельвиномъ, касаются самыхъ интересныхъ явленій Томсонъ своихъ слушателей вводитъ; въ тѣ глубокія области знанія, гдѣ вольно чувствуютъ себя только такіе гиганты мысли, какъ фонъ-Гельмгольтцъ, Максвелль, и самъ лордъ Кельвинъ; конечно, для того, чтобы послѣдовать за сэромъ Томсономъ въ эти области, нужно и со стороны слушателя не мало умственнаго напряженія, но это вполнѣ вознаграждается тѣмъ высокимъ удовольствіемъ, которое испытываетъ онъ, проникнувъ въ одни изъ самыхъ глубокихъ тайниковъ знанія.

Лекціи В. Томсона могутъ быть названы популярными въ томъ смыслѣ, что, говоря о такихъ вопросахъ, какъ молекулярное строеніе матеріи, о величинѣ атомовъ, о гиростатическомъ адинамическомъ строеніи для эѳира, онъ дѣлаетъ ихъ вполнѣ ясными для слушателя; но, конечно, отъ слушателя требуется извѣстнаго рода подготовка: онъ долженъ быть уже знакомъ уже съ основными явленіями и законами физики.

Для того, чтобы дать понятіе о содержаніи книги *Строеніе матеріи*, мы перечислимъ нѣкоторыя изъ лекцій, помѣщенныхъ въ ней. Много лекцій посвящено вопросамъ о строеніи матеріи и о молекулярныхъ силахъ: такова лекція „о капиллярномъ притяженіи“ съ интересными прибавленіями: 1) „о нѣкоторыхъ любопытныхъ движеніяхъ, наблюдаемыхъ на поверхностяхъ вина и другихъ спиртныхъ напитковъ“, 2) „о равновѣсіи пара на кривой поверхности жидкости“, 3) „объ измѣреніи количества масла, достаточнаго для прекращенія движенія камфоры на водѣ“. Въ своемъ пятничномъ вечернемъ чтеніи въ Королевскомъ великобританскомъ институтѣ „величина атомовъ“ сэръ Томсонъ излагаетъ методы, посредствомъ которыхъ можно судить о тѣхъ предѣлахъ, между которыми лежитъ величина атомовъ. „Кинетической теоріи матеріи посвящены чтенія“, „шаги къ кинетической теоріи матеріи“, „демонъ-распредѣлитель Максвелля и друг.“.

Двѣ лекціи посвящены „единицамъ для электрическихъ измѣреній“ и „электрическимъ измѣреніямъ“. Въ лекціи „о возрастѣ солнечнаго тепла“ лордъ Кельвинъ разсматриваетъ вопросы „о вѣковомъ охлажденіи солнца, о настоящей температурѣ солнца и о происхожденіи и общей суммѣ солнечнаго тепла.

Свойства и строенія эѳира разбираются въ лекціяхъ: 1) „волновая теорія свѣта“, 2) „эѳиръ, электричество и вѣсомая матерія“ и 3) „о гиростатическомъ адиномическомъ строеніи для эѳира“.

Въ заключеніе укажемъ на рѣчь, произнесенную лордомъ Кельвиномъ въ Берлинскомъ и Мидлэндскомъ институтѣ 3 октября 1883 г.— „Шесть вратъ познанія“, въ которой онъ предложилъ слушателямъ

подумать о томъ, „каковы тѣ способы, посредствомъ которыхъ человѣческій умъ пріобрѣтаетъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ".

Таково содержаніе книги *Строеніе матеріи*. Многое, о чемъ въ ней говорится, для русской публики было извѣстно только въ видѣ краткихъ указаній или цитатъ въ различныхъ популярныхъ статьяхъ или лекціяхъ, сами же лекціи В. Томсона были недоступны, и поэтому нельзя не порадоваться появленію ихъ въ русскомъ переводѣ.

Учебникъ гистологіи человѣка со включеніемъ микроскопической техники. А. А. Бема и М. М. Давыдова, съ 246 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго В. Львова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. Москва, 1896 г. Ц. 3 р. Изящно изданный и снабженный прекрасными рисунками, русскій переводъ названной книги исполненъ съ большою тщательностью и съ сохраненіемъ всѣхъ достоинствъ нѣмецкаго текста. Помимо своей содержательности, а также ясности и толковости изложенія, *Учебникъ гистологіи* гг. Бема и Давыдова отличается какъ свѣжестью и научностью сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, такъ и полнѣйшимъ безпристрастіемъ въ передачѣ сомнительныхъ или противорѣчивыхъ мнѣній. Интересующіеся успѣхами гистологіи найдутъ въ немъ подробную разработку этого предмета въ теоретическомъ и техническомъ отношеніяхъ, излагаемаго авторами съ полнымъ знаніемъ дѣла. Книга снабжена подробнымъ указателемъ литературы по всѣмъ отдѣламъ гистологіи и указателемъ алфавитнымъ, который существенно облегчаетъ пользованіе ею.

Основы метеорологіи и климатологіи. Д. А. Лачинова, профессора физики и метеорологіи въ Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Второе, вполнѣ передѣланное, изданіе съ 234 рисунками въ текстѣ и 18 раскрашенными картами. Спб., 1895 г. Ц. 4 р. Строго говоря, второе изданіе *метеорологіи и климатологіи* проф. Лачинова представляетъ совершенно заново переработанную книгу, которая, по своей полнотѣ и научному содержанію, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому серьезному значенію, какое за послѣднее время пріобрѣла метеорологія во многихъ отрасляхъ какъ частной, такъ и государственной жизни. Рядомъ съ сжатымъ и точнымъ изложеніемъ теоретическихъ основъ этой науки, въ книгѣ проф. Лачинова подробно описываются практическіе пріемы метеорологическихъ наблюденій и тѣ выводы, какіе добыты въ настоящее время дружными усиліями ученыхъ всѣхъ странъ въ области теоретической и практической метеорологіи. Ссылка на литературные источники и обиліе данныхъ по метеорологіи и климатологіи Россіи придаютъ книгѣ проф. Лачинова особенный интересъ, а живость и популярность изложенія дѣлаютъ ее доступной для широкаго круга читателей, которые, основательно усвоивъ ея богатое содержаніе, могутъ съ пользою поработать на поприщѣ самостоятельныхъ метеорологическихъ занятій и тѣмъ посильно способствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ этой важной отрасли физическихъ знаній.

Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Публичныя рѣчи К. Тимирязева. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп. Настоящій сборникъ обнимаетъ рядъ рѣчей проф. Тимирязева, произнесенныхъ имъ съ 1870 по 1894 г. и касающихся самыхъ разнообразныхъ и въ то же время всегда интересныхъ предметовъ, каковы, на-

примѣръ, *Ч. Дарвинъ какъ типъ ученаго*, *факторы органической эволюціи*, *Витализмъ и наука* и т. п. Помимо научной серьезности содержанія и талантливости изложенія, рѣчи эти представляютъ высокій интересъ и въ другомъ отношеніи. Передъ нами человѣкъ, который въ 1870 г. въ рѣчи объ основныхъ задачахъ физіологіи растеній говорилъ тѣмъ же голосомъ убѣжденнаго эволюціониста, горячо защищавшаго достоинство положительнаго знанія, какимъ онъ въ 1894 г. произнесъ свою рѣчь: *Витализмъ и наука*. Та же искренность тона, та же живость рѣчи и та же непоколебимая вѣра въ прогрессъ науки! Рѣчи проф. Тимирязева тѣмъ и драгоцѣнны, что плодотворно оживляютъ молодую мысль, прививаетъ любовь къ точнымъ знаніямъ и отвлекаютъ нашу молодежь отъ того пошлаго пессимизма и мистическаго декадентства, которыя такъ старательно насаждаются въ ней нѣкоторыми изъ представителей русской науки и литературы. Можно только пожелать, чтобъ у насъ побольше было такихъ книгъ и чтобъ онѣ почаще привлекали къ себѣ вниманіе тѣхъ, кого интересуютъ дѣйствительные успѣхи науки.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ". — „Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій".

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Выпускъ II. Тифлисъ, 1895 г. Мы упоминали уже (*Русская Мысль* 1895 г., кн. X) о первомъ выпускѣ этого сборника. Во второмъ выпускѣ наибольшій интересъ представляетъ очеркъ С. Н. Тимоѳеева, посвященный культурѣ чая, возникающей на черноморскомъ побережьѣ Закавказья. Особенно благопріятною для разведенія чая мѣстностью признается прибрежная часть Батумскаго округа; возлагаются еще надежды на Озургетскій уѣздъ. Окрестности Сухума пригодны лишь для довольно грубыхъ сортовъ вслѣдствіе того, что тамъ май отличается сравнительною сухостью. Культура чая подъ Батумомъ начата была А. А. Соловцовымъ еще въ 1885 году и дала за 10 лѣтъ не мало цѣнныхъ опытныхъ выводовъ. Съ 1895 года кромѣ обыкновеннаго китайскаго чая (Thea viridis) посѣяны сѣмена болѣе урожайнаго ассамскаго чая. Заведенныя въ 1893 году плантаціи К. С. Попова, къ сожалѣнію, ограждены пока строгимъ секретомъ.

Е. Л. Каменецкій охарактеризовалъ закавказскую культуру шафрана, для котораго наиболѣе благопріятнымъ пунктомъ явился Апшеронскій полуостровъ, а затѣмъ окрестности Дербента. Шафранъ до сихъ поръ является важнымъ продуктомъ въ мусульманскомъ обиходѣ, хотя въ послѣднее время производство падаетъ, особенно въ селеніяхъ ближайшихъ къ нефтянымъ промысламъ.

Японская курма или „каки" разводится на Кавказѣ не болѣе восьми лѣтъ; и свѣжіе и сушеные плоды ея считаются изысканнымъ лакомствомъ.

Послѣдняя статья второго выпуска имѣетъ предметомъ культуру риса на неполивныхъ земляхъ Батумскаго округа. Рисъ и болотная

лихарадка до послѣдняго времени тѣсно сплетались между собою какъ въ Италіи, такъ и въ Закавказьѣ, о чемъ напомнили недавнія оживленныя пренія въ кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства (см. журн. общества за 1895 г. №№ 59, 60, 61, 62). Тѣмъ большій интересъ съ санитарной точки зрѣнія представляетъ вопросъ о возможномъ расширеніи культуры суходольнаго риса, обходящагося безъ искусственнаго орошенія. На всемъ черноморскомъ побережьѣ Кавказа этой культурѣ можетъ предстоять широкое будущее.

Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій (по свѣдѣніямъ на 1895 годъ). Спб., 1896 г. Періодическая пресса давно уже знакомитъ русскую публику съ разнообразными мѣропріятіями земскихъ учрежденій, содѣйствующими развитію мѣстнаго сельскаго хозяйства. Но для общаго обзора этихъ мѣропріятій до сихъ поръ можно было пользоваться только почтенною работою В. А. Крандіевскаго (напечатанною въ 1894 году). Настоящій указатель, составленный П. Н. Соковнинымъ (при участіи И. И. Михеева) и изданный департаментомъ земледѣлія, даетъ въ сжатомъ изложеніи полную картину того, что дѣлается въ разныхъ углахъ Россіи по части земскаго содѣйствія сельскому хозяйству. Впечатлѣніе отъ этой картины получается очень сильное. Вмѣстѣ собранные результаты рельефно показываютъ, чего могла достигнуть живая работа органовъ мѣстнаго самоуправленія, подкрѣпленная научно-подготовленными силами. Прошло какихъ-нибудь 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начали дѣйствовать наиболѣе выдающіяся учрежденія московскаго и вятскаго земства, и земская Россія покрылась обширною сѣтью работъ мѣстныхъ агрономовъ. Отцу составителя разсматриваемой книжки, покойному Н. А. Соковнину, принадлежитъ крупная заслуга перваго почина въ земской сельскохозяйственной дѣятельности (съ 1883 года въ Пермской губерніи). Послѣдующій періодъ внесъ важное дополненіе къ первоначальнымъ опытамъ въ видѣ преимущественнаго приглашенія лицъ съ высшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ. Такихъ лицъ къ концу 1895 года насчитывалось уже 70 (наибольшее число 14 въ Вятской губерніи), помимо земскихъ статистиковъ, обладающихъ агрономическою подготовкою и несомнѣнно утилизирующихъ эту подготовку на пользу земскаго дѣла. Это, конечно, капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что требовалось бы земскимъ учрежденіямъ, но и эта капля составляетъ видное отличіе земской Россіи отъ нашей западной окраины, простирающейся до самаго Кіева, гдѣ агрономы по преимуществу служатъ интересамъ крупнаго частнаго землевладѣнія. Не легка дѣятельность мѣстнаго агронома въ Россіи. Его подвергаютъ преслѣдованіямъ не только съ той стороны, въ которой содѣйствіе сельскому хозяйству считается синонимомъ закрѣпощенія рабочихъ, безграничныхъ и безпроцентныхъ государственныхъ ссудъ и перевозки частно-владѣльческихъ продуктовъ на средства государственнаго казначейства; противъ земскаго агронома раздаются голоса и со стороны тѣхъ, кто неправильно противопоставляетъ его народному учителю и земскому врачу, и со стороны тѣхъ, кто стремится къ наискорѣйшему развитію фабрикъ въ Россіи для осуществленія исторической миссіи капитализма. И несмотря на такія помѣхи, несмотря на временные тормазы въ отдѣльныхъ земствахъ (вродѣ тамбовскаго), мѣстный агрономъ продолжаетъ свою неустанную работу, расширяетъ ее и будетъ расширять, понимая тѣсную связь своего дѣла съ свѣтлыми задачами общаго народнаго образованія.

Изданіе настоящаго указателя на средства департамента земледѣлія служитъ залогомъ признанія важности земскихъ работъ со стороны оффиціальнаго вѣдомства, прикосновеннаго къ сельскому хозяйству. Къ іюлю 1896 года департаментъ надѣется собрать новыя свѣдѣнія по тому же вопросу отъ земскихъ управъ. Крайне желательно дружное содѣйствіе земствъ этой полезной работѣ.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Русская исторія". Курсъ 3-го кл. гимназій и реальн. учил. Сост. *Ар. Турцевичъ.*— „Русская и церковно-славянская азбука". *П. Барышникова.* — „Маленькая русская хрестоматія для дѣтей". *П. Смирновскаго.*—„Звѣздочка". Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Сост. *К. Ф. Петровъ.* — „Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ". Сост. *М. С. Александровичъ.*— „Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ". *И. Е. Евсѣева.*— „Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ". Т. I. *Н. М. Павлова.* — „Приключенія Ивасека, маленькаго хохла". *Ан. Лѣсничаго.*

Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской I гимназіи. Вильна, 1894 г. Цѣна 50 к. Учебникъ русской исторіи г. Турцевича составленъ примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ 1890 г. и, сообразно съ требованіями этой программы, по собственному замѣчанію составителя, представляетъ изъ себя „краткій курсъ русской исторіи въ связномъ изложеніи и хронологической послѣдовательности" (Предисл.). Понятіе „краткій" весьма растяжимо, въ особенности по отношенію къ учебникамъ исторіи. Обиліе матеріала, каковой представляетъ собой русская исторія, можетъ послужить источникомъ многихъ недоразумѣній при комбинированіи этого матеріала въ сжатую форму учебника. У всякаго свой вкусъ, и то, что одному кажется несущественнымъ, другой находитъ важнымъ и необходимымъ. Вотъ почему и учебникъ г. Турцевича во многихъ случаяхъ страдаетъ отсутствіемъ той краткости, къ какой стремится авторъ и которая требуется послѣднею программой 1890 г.

Г. Турцевичъ ужасно сердитъ на всѣхъ составителей учебниковъ исторіи за ихъ невниманіе къ судьбамъ югозападной Руси, знакомство съ которыми онъ находитъ столь же важнымъ, какъ и знакомство съ судьбами сѣверовосточной Россіи. Въ подтвержденіе своей мысли онъ даже цитируетъ слова изъ вступительной лекціи И. А. Линниченко, который говоритъ, что „изученіе западной русской исторіи не только глубоко поучительно, но и необходимо для правильной оріентировки въ нашемъ національномъ самопознаніи для всесторонняго и точнаго пониманія нашего національнаго типа" (Предисл., стр. IV). Все это совершенно справедливо, но, къ сожалѣнію, г. Турцевичъ совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что г. Линниченку приходится имѣть дѣло со студентами, а учителю III-го класса гимназіи—съ 12—13-лѣтними мальчиками, которые все равно не въ состояніи составить себѣ понятіе ни о какомъ національномъ типѣ. Кромѣ того, въ распоряженіи учителя слишкомъ мало времени для всесторонняго ознаком-

ленія учениковъ съ родною исторіей, а въ виду того, что судьбы сѣверовосточной Руси ближе и непосредственнѣе касаются русскаго человѣка, чѣмъ судьбы западной, ему и приходится сосредоточить главное вниманіе на исторіи сѣверовосточной Россіи. Такимъ образомъ нападки г. Турцевича на составителей учебниковъ оказываются лишенными основанія.

Однако, слѣдуетъ отдать справедливость г. Турцевичу. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается исторіи западной Россіи, книга его вполнѣ заслуживаетъ одобренія. Изложеніе событій идетъ не только въ хронологическомъ порядкѣ, но и въ значительной степени отличается прагматизмомъ, причемъ излишнія подробности почти отсутствуютъ. Даже тѣ подробности, которыя самимъ составителемъ не считаются необходимыми и выдѣлены въ мелкій шрифтъ, могутъ быть рекомендованы для прочтенія съ учениками въ классѣ.

Русская и церковно-славянская азбука, заключающая въ себѣ: русскій букварь, басни, разсказы и стихотворенія, краткіе разсказы изъ священной исторіи, церковно-славянскую грамоту и начатки счисленія. П. Барышникова. Москва, 1894 г. Цѣна 15 коп. Азбука г. Барышникова заключаетъ въ себѣ всего 108 страницъ средняго формата, и на этихъ 108 страницахъ помѣщены: 1) русскій букварь съ соотвѣтствующими образцами для чтенія въ формѣ отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ предложеній, 2) 60 басенъ, разсказовъ и стихотвореній, 3) 44 разсказа изъ священной исторіи, 4) церковно-славянскій букварь, 5) молитвы, символъ вѣры и заповѣди, 6) нѣсколько разсказовъ изъ Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ и, наконецъ, 7) начатки счисленія, т.-е. 250 задачъ на числа 1-й сотни. Однако, несмотря на такое разнообразіе матеріала, ни одинъ изъ названныхъ отдѣловъ отнюдь не представляетъ изъ себя чего-нибудь разбросаннаго или скомканнаго. Правда, самый букварь мало чѣмъ отличается отъ многихъ существующихъ уже букварей, но за то слѣдующіе за нимъ отдѣлы вполнѣ заслуживаютъ похвалы. Статьи для чтенія выбраны интересныя и по преимуществу коротенькія, что очень удобно для начинающаго учиться грамотѣ. Особенно же удачнымъ находимъ мы отдѣлъ, посвященный исторіи, въ которомъ въ небольшихъ очеркахъ, написанныхъ простымъ и сжатымъ языкомъ, изложены почти всѣ главныя событія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Цѣна азбуки всего 15 коп., что, при обиліи матеріала, совсѣмъ недорого.

Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. П. Смирновскаго. Изданіе 3-е. Москва, 1894 г. Цѣна въ бумажкѣ 15 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 25 коп. *Маленькая русская хрестоматія* г. Смирновскаго раздѣляется на два отдѣла. Въ виду того, что, какъ это справедливо замѣчаетъ составитель, „въ приготовительномъ классѣ надо не только научить языку, но надо научить и хорошо читать“ (Предисл., стр. II), въ первомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, предназначенныя исключительно для чтенія вслухъ съ цѣлью прежде всего пріучить дѣтей къ осмысленному, выразительному чтенію. Это по большей части народныя сказки, а также и басни, весьма удачно подобранныя г. Смирновскимъ по степени ихъ трудности. Задача второго отдѣла, по мнѣнію составителя, заключается главнымъ образомъ „въ развитіи

дара слова у учащихся путемъ внимательнаго и тщательнаго изученія читаемыхъ образцовъ" (Предисл., стр. II); поэтому вторая часть хрестоматіи содержитъ въ себѣ отрывки изъ прозы нашихъ лучшихъ писателей, болѣе всего Аксакова и Тургенева. Всѣ эти статейки для чтенія невелики по объему, и каждая изъ нихъ можетъ быть разобрана въ одинъ урокъ, что весьма выгодно для учителя. Во всякомъ случаѣ, книжка г. Смирновскаго является далеко не лишнимъ пособіемъ въ приготовительномъ классѣ, и лучшимъ ручательствомъ этого можетъ послужить то обстоятельство, что она выходитъ въ свѣтъ уже 3-мъ изданіемъ. Въ книгѣ мѣстами попадаются недурные рисунки, а цѣна ея, при всѣхъ упомянутыхъ достоинствахъ, очень скромна.

Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка, въ четырехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ текста церковно-славянскаго языка. Составилъ Конст. Ѳедор. Петровъ. Шестое исправленное и дополненное изданіе. Часть первая. Москва, 1895 г. Цѣна 40 к., въ переплетѣ 50 коп. Намъ уже приходилось въ свое время давать отзывъ объ учебникахъ грамматики г. Петрова, и если въ своемъ отзывѣ мы не могли не указать на многія достоинства этихъ учебниковъ, то то же самое намъ предстоитъ сдѣлать и сейчасъ, когда рѣчь должна пойти о хрестоматіи г. Петрова, подъ названіемъ *Звѣздочка*. Правда, здѣсь нѣтъ, или почти нѣтъ, новаго матеріала, но за то старый подобранъ весьма удачно: въ *Звѣздочкѣ* отсутствуютъ статьи, слишкомъ часто попадающіяся въ хрестоматіяхъ и потому прискучившія, а тѣ, которыя составляютъ содержаніе книги, принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ нашимъ лучшимъ писателямъ, стало быть не только интересны, но и написаны хорошимъ языкомъ. Не подлежитъ сомнѣнію и доступность этихъ статей для маленькихъ читателей. Нѣсколько неожиданнымъ можетъ показаться раздѣленіе *Звѣздочки* на четыре отдѣла по четыремъ временамъ года, однако, если принять во вниманіе, что разбираемая хрестоматія составлена для дѣтей, жизнь которыхъ обыкновенно весьма тѣсно связана и съ погодой, и съ природой, то указанное раздѣленіе станетъ понятнымъ. Примѣчанія г. Петрова большею частью цѣлесообразны, такъ какъ необходимы и понятны; что же касается приложенія въ концѣ книги церковно-славянскаго текста, являющагося какъ бы 5-мъ отдѣломъ, то, какъ онъ ни коротокъ, въ немъ все-таки имѣются характерные образцы для чтенія и разбора, и онъ можетъ оказаться полезнымъ при первоначальныхъ занятіяхъ съ дѣтьми. Стоитъ *Звѣздочка* дешево.

Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ въ школѣ и дома. 2-й и 3-й годъ обученія въ городскихъ приходскихъ училищахъ. Составилъ М. С. Александровичъ. Самара, 1894 г. Цѣна 50 к. *Книга для чтенія* г. Александровича преслѣдуетъ, какъ можно судить по заголовку, двѣ задачи: съ одной стороны, она должна служить въ качествѣ хрестоматіи, съ другой—въ качествѣ сборника классныхъ и домашнихъ упражненій. Такъ какъ упражненія въ большинствѣ случаевъ приспособлены къ тѣмъ или инымъ статьямъ для чтенія, то соединеніе указанныхъ задачъ является весьма умѣстнымъ, и остается пожалѣть, что, хотя *Книга для чтенія* отличается обиліемъ матеріала, матеріалъ этотъ не вездѣ хорошъ. Намъ кажется, что не всѣ статьи, предназначенныя здѣсь для чтенія, выбраны удачно, и во всякомъ случаѣ трудно на-

звать подходящимъ такое стихотвореніе, каково 11-е, въ которомъ весьма нескладно и даже безграмотно сынъ, а можетъ быть и дочь приноситъ поздравленіе „папашѣ и мамашѣ въ день ангела“ (стр. 9), или такую статью, какова 254-я, которая носитъ названіе „Охотникъ до сказокъ“, весьма мало интересна и имѣетъ въ виду доказать, что не слѣдуетъ „слушать сказки до полуночи“ (стр. 170 и 171). Не понимаемъ мы и плана, по которому составлена хрестоматія, а г. Александровичъ ничѣмъ не объясняетъ порядка, котораго придерживался онъ при размѣщеніи статей для чтенія. Тѣмъ не менѣе, въ *Книгѣ для чтенія* многія статьи принадлежатъ нашимъ лучшимъ писателямъ, а этого нельзя не считать достоинствомъ. Что касается устныхъ и письменныхъ задачъ и упражненій, то какъ тѣ, такъ и другія заслуживаютъ большого вниманія и одобренія. Задачи, загадки и шарады не только полезны, но и могутъ возбудить въ учащихся самый живой интересъ, а упражненія, помѣщенныя при статьяхъ, не только цѣлесообразны, но расположены послѣдовательно по степени трудности и крайне разнообразны. Наконецъ, нельзя не отозваться съ похвалой о пріемѣ, который г. Александровичъ вводитъ для повторенія прочитаннаго: „Въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Повтореніе — мать ученія“, помѣщены пословицы и загадки съ №№ статей, къ которымъ онѣ относятся. Ученики читаютъ пословицу или загадку, и съ помощью учителя отыскиваютъ въ своей памяти ту статью, къ которой пословица или загадка относится“.

Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. (Учебное пособіе для начальныхъ школъ). И. Е. Евсѣева. Москва, 1894 г. Цѣна 8 коп. Составленныя г. Евсѣевымъ прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ представляютъ собой выполненіе порученія, съ которымъ обратилась къ составителю коммиссія московскаго гигіеническаго общества въ одномъ изъ своихъ засѣданій, состоявшемся весной 1894 года подъ предсѣдательствомъ профессора Московскаго университета Ѳ. Ѳ. Эрисмана. Преимущества прямого почерка сравнительно съ наклоннымъ за послѣднее время, кажется, уже вполнѣ доказано, и весь вопросъ заключается въ томъ, насколько хорошо можно научиться писать прямымъ почеркомъ по прописямъ г. Евсѣева. На нашъ взглядъ, какъ ни малы по своимъ размѣрамъ эти прописи, онѣ все-таки могутъ удовлетворить поставленной цѣли. Какъ предварительныя упражненія, способствующія развитію пальцевъ, кисти и глазомѣра у обучающагося, такъ и построеніе самыхъ буквъ вполнѣ наглядны. Умѣстна и помѣщенная въ концѣ прописей таблица, по которой каждый можетъ себѣ уяснить теорію состава буквъ изъ элементовъ, а также и ихъ размѣры. Наконецъ, правила при обученіи дѣтей письму относительно того, какъ держать туловище, голову, тетрадь и проч., по нашему мнѣнію, весьма важны и выражены довольно понятно.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ первый. Н. М. Павлова. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Кто любитъ читать сказки, тому прекрасно и дешево изданная книжка г. Павлова доставитъ большое удовольствіе. Въ древней Руси было все такъ хорошо, такъ прекрасно, такъ возвышенно, что, читая живое повѣствованіе г. Павлова, невольно зѣвнешь и скажешь: а какіе эти русскіе славяне прекрасные люди, и жить умѣли, и исторію создали такую, что въ ней нѣтъ ни одного спорнаго вопроса; все такъ ясно, просто, задушевно... Счастливъ на-

родъ, у котораго такая исторія, что и писать ея не надо; вздохнешь, помечтаешь, раскроешь лѣтопись, начнешь, не мудрствуя лукаво, перекладывать ее на русскій языкъ — и исторія готова. Счастливый и горцый бѣжишь въ типографію, выбираешь шрифтъ... еще нѣсколько мгновеній и хорошенькій, свѣже пахнущій типографіей экземпляръ уже лежитъ на столѣ автора, вокругъ котораго собралась мирная, добрая семья старичковъ и старушекъ, всѣ ему жмутъ руку, поздравляютъ, кряхтятъ, кашляютъ... Доволенъ авторъ, довольны старушки, типографія... но читатель, бѣдный читатель! Авторъ его забылъ совершенно. Когда мы до конца проглядѣли лѣтопись въ переложеніи г. Павлова (отчего бы не въ стихахъ?), то почуялось, что мы попали въ библіотеку стараго, стараго дворянскаго гнѣзда, почувствовался запахъ стариннаго барскаго дома, показались портреты суровыхъ, гордыхъ старцевъ въ пышныхъ и причудливыхъ костюмахъ XVIII вѣка... Невольно стало досадно, что авторъ выпустилъ свою исторію послѣ Карамзинской: своею наивностью, непритязательностью, простотой она куда выше послѣдней, за то эрудиціей и пріемами историческаго изложенія далеко ей уступаетъ. У насъ уже перестали читать Карамзина, а намъ преподносятъ нѣчто еще болѣе ветхое, нѣчто архаическое.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ, за время 862—1362 гг., задумана въ двухъ томахъ; томъ первый, лежащій предъ нами, заканчивается повѣствованіемъ о смерти Андрея Боголюбскаго (кіевскій періодъ); томъ второй, имѣющій, по словамъ автора, скоро появиться, содержитъ владимірскій періодъ и начало великаго княженія московскаго. Изложеніе чисто-лѣтописное, глубоко наивное и, конечно, не можетъ подлежать ученой критикѣ: его отмѣчаешь какъ курьезъ. Авторъ угрожаетъ довести свой трудъ „до мимоидущей современности“, если найдутся у него „благосклонные читатели“. Смѣемъ увѣрить автора, что благосклонныхъ читателей онъ не найдетъ; много, много если случайно нападетъ на благосклоннаго рецензента ex officio. Да и какихъ читателей имѣлъ въ виду авторъ? Вѣдь, у насъ даже читатель изъ простонародья начинаетъ интересоваться серьезнымъ чтеніемъ, забывая мало-по-малу Бову Королевича и Англійскаго Милорда. Самъ авторъ предназначаетъ свою книгу „для учащихся русской исторіи“, которымъ, по его словамъ, „многое съ самаго начала кажется непонятнымъ“. Рѣшительно не можемъ представить себѣ учащихся, которымъ что-нибудь могло бы стать понятнымъ послѣ зѣвоты надъ книгой нашего автора, въ которой черезчуръ все понятно. Насъ поражаетъ это удивительное появленіе въ нашей литературѣ подобныхъ архаическихъ курьезовъ, какъ книга г. Павлова.

Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Ан. Лѣсничаго. Москва. Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина. 1896 г. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 к. Г. Клюкинъ занимаетъ въ ряду издателей дѣтскихъ книгъ выдающееся и почтенное положеніе. Онъ въ немного лѣтъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ отдѣльныя произведенія такихъ авторовъ, какъ гг. Маминъ-Сибирякъ, Златовратскій, Засодимскій, Баранцевичъ и др. *Приключенія Ивасека* — разсказъ въ стихахъ, почти совсѣмъ неизвѣстный публикѣ. А между тѣмъ, онъ написанъ талантливымъ авторомъ, избравшимъ себѣ псевдонимъ Лѣсничаго. Восьмилѣтній деревенскій мальчикъ-хохолъ является героемъ этого разсказа. Его отецъ поѣхалъ въ сочельникъ на базаръ продавать сало, онъ украдкой забрался въ сани, и волей-неволей пришлось отцу взять его съ

собой. На базарѣ Ивасекъ отсталъ отъ своего отца, потомъ заблудился въ городѣ, проголодался, растерялся, сталъ мерзнуть и разревѣлся во все горло. Его схватилъ сердитый городовой и повелъ въ участокъ. Мальчикъ не дается и вступаетъ съ городовымъ въ драку. Это увидалъ проѣзжій баринъ, посадилъ Ивасека въ карету и повезъ къ себѣ въ домъ. Тамъ Ивасекъ встрѣтилъ праздникъ Рождества Христова и удивилъ всѣхъ расфранченныхъ гостей замѣчательнымъ умѣньемъ плясать. Конецъ разсказа совсѣмъ благополучный: отыскивается отецъ, и мальчикъ весело возвращается домой. Разсказъ живой и дышетъ доступнымъ для дѣтей наивнымъ юморомъ.

НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Изданія Т. Ѳ. Кузина.

Лубочная стряпня Кузина.—Изданія М. Круковскаго. Два друга. Уйда.—Дѣдушкинъ грѣхъ. К. Мендеса.—Отецъ. Мопассана.—Шумный лагерь и его счастье. Бретъ-Гардта.—Мать. Ожешковой.—Доля. Новелла Севера.—Осужденный на вѣкъ. Іонаса Ли.—Антонъ-сирота. Пов.—На зарѣ христіанства. Разск. (по роману Л. Уоллеса. Пересказала С. Бурэ).—Михалко. Разск. Б. Пруса. Ц. отъ 3 до 50 к. Врядъ ли найдется много такихъ заскорузлыхъ лубочныхъ гнѣздъ, какъ „книгоиздательство“ Т. Ѳ. Кузина въ Петербургѣ. Какъ извѣстно, за послѣдніе годы, подъ напоромъ всякаго рода просвѣтительныхъ вѣяній, повлекшихъ за собой устройство школъ, читаленъ, библіотекъ, народныхъ чтеній, и вызвавшихъ на книжный рынокъ цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей—издателей и составителей книгъ, народная литература стала замѣтно улучшаться; лубочники стали подтягиваться и уже не рѣшаются щеголять, какъ прежде, даже безъ фиговаго листка, во всемъ безобразіи своего торгашескаго невѣжества. Правда, они попрежнему печатаютъ старую дребедень, благо она имъ никакого труда не стоитъ и соображенія отъ нихъ не требуетъ, но все больше и больше вводятъ въ свои изданія товаръ лучшаго качества. Даже Морозовы и Губановы нашли нужнымъ приняться за улучшенія, которыя мы уже имѣли случай отмѣтить въ нашихъ предыдущихъ обозрѣніяхъ. А на что уже Морозовы и Губановы — лубочники неповоротливые. Но, какъ оказывается, петербургскій лубочникъ, онъ же членъ бывшаго с.-петербургскаго комитета грамотности,—неповоротливѣе ихъ, и не только не чистится и не охорашивается, но еще съ недавняго время пустился въ особаго рода литературную фальсификацію, которую продѣлываетъ ничто же сумняшеся и даже заслуживаетъ благорасположеніе. О такомъ господинѣ есть резонъ побесѣдовать и охарактеризовать его лубочную физіономію.

Разумѣется, фальсификація, о которой мы упомянули выше, представляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ Кузина. На этомъ поприщѣ онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ какимъ-то лубочнымъ писакой М. Г. Волховскимъ, въ данномъ случаѣ раздѣляющимъ славу своего издателя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ петербургская „Постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній“, вѣроятно, завидуя успѣху извѣстнаго разсказа Л. Н. Толстого *Два старика,* выпустила глупѣйшую книжку собственнаго издѣлія подъ тѣмъ же заглавіемъ, — нелѣпый шутовской разсказъ, энергично протестующій про-

тивъ здраваго смысла. Какъ пошли эти *Два старика* самозванца на рынкѣ, мы не знаемъ, но, вѣроятно, пошли, такъ какъ толстовскимъ „двумъ старикамъ“ дорога вездѣ почти закрыта, даже для повторенія изданій, а стряпня постоянной коммиссіи распространяется даже тамъ, гдѣ ее никто не проситъ, въ силу одобренія для школъ и читаленъ. Во всякомъ случаѣ, постоянная коммиссія сдѣлала открытіе или, вѣрнѣе, нашла способъ фальсифицировать товаръ, давая лубочной дряни названія громкихъ, хорошо извѣстныхъ публикѣ произведеній. Этому примѣру послѣдовалъ теперь Кузинъ. *Русская исторія въ жизнеописаніяхъ* Н. Костомарова извѣстна всѣмъ,—и Волховской стряпаетъ по Карамзину, Кайданову и т. п. тоже *Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ*, въ 5 книгахъ, въ 850 страницъ; книга пускается въ продажу за 3 руб. *Бытъ русскихъ царей* И. Забѣлина извѣстенъ всѣмъ,— и г. Волховской стряпаетъ для Кузина тоже *Бытъ русскихъ царей*, и тотъ пускаетъ его въ продажу за 75 копѣекъ. Какъ видно изъ этого, товаръ Кузина дешевый, и сбытъ для него найдется, тѣмъ болѣе, что наслѣдники покойнаго Н. Костомарова до сихъ поръ держатъ *Русскую исторію* въ плѣну издательскомъ. Было бы слишкомъ большою честью для стряпни господъ Кузиныхъ и Волховскихъ разбирать ихъ произведенія, пропитанныя олифой и дешевыми пряностями, которыя съ наукой *исторіей* и даже съ мало-мальски сносною популяризаціей ея ничего общаго не имѣютъ. Если о нихъ мы и упоминаемъ, то лишь потому, чтобы предупредить отъ нихъ читателей и посовѣтовать имъ не увлекаться допущеніемъ стряпни г. Волховского въ библіотеки народныя и въ библіотеки низшихъ училищъ. Какъ извѣстно, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не считаетъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣми вновь выходящими книгами и неотложно просматривать ихъ; онъ дожидается, когда сами господа авторы или издатели придутъ къ нему и предложатъ на просмотръ свои собственныя творенія, по правилу: „толцыте—и отверзется“. Не трудно понять, что такого сорта господа, какъ Кузины, Волховскіе и К°, не считаютъ въ числѣ своихъ добродѣтелей скромность. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему лучшія книги, издаваемыя въ свѣтъ, даже вовсе не просматриваются комитетомъ, а стряпня Волховскихъ получаетъ одобренія, допущенія и т. п. Чтобы передъ читателемъ живѣе обрисовалась издательская физіономія г. Кузина, напомнимъ ему, что удивительная лубочная труха, вродѣ *Путешествія на луну купца Трубопетова*, сочиненія Жуля Невѣрнаго, и ультра-патріотическая повѣсть *Наталія или русская женщина въ 1812 году*, съ передовой статьей о „сицилистахъ“ и штундистахъ, издана тѣмъ же Кузинымъ. Затѣмъ имъ же выпущенъ цѣлый рядъ такихъ произведеній, какъ, наприм., *Никита пустосвятъ, историческое событіе* (sic) *въ Стрѣлецкомъ приказѣ: въ княжеской палатѣ, въ отвѣтной палатѣ, вѣнчаніе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей по старому чину въ крестовой палатѣ; въ грановитой палатѣ* Спб. 91 г. Ц. 75 к. (сохраняемъ знаки препинанія подлинника), *Искусство жениться, трактатъ объ условіяхъ счастливаго брака, Конфетка моя*, сборникъ „популярныхъ и модныхъ мотивовъ“, *Рокамболь* за 4 р., Пономарева *Живой товаръ*, романъ изъ бердичевскихъ тайнъ (sic), и, въ довершеніе всего, книга *Наши идолы*, въ которой бичуются неизвѣстнымъ авторомъ всякіе грѣхи людей вообще, а иныхъ торгашей въ особенности (сребролюбіе, корыстолюбіе, богатство, зависть, тщеславіе и т. п.). Впрочемъ, служа по мѣрѣ своихъ силъ распространенію въ народѣ лжи, невѣжества, суевѣрія въ видѣ нелѣпыхъ продуктовъ сво-

его издѣлія, Кузинъ иногда печатаетъ, какъ бы ненарокомъ, и произведенія хорошихъ авторовъ: наприм., имъ изданъ *Потопъ* Сенкевича. Впрочемъ, этотъ романъ, вѣроятно, попалъ въ серію изданій Кузина по недосмотру, какъ необычное въ ней исключеніе.

За послѣднее время, впрочемъ, и Кузинъ сдѣлалъ попытку улучшить свои изданія, войдя въ сношенія съ М. Круковскимъ, который взялъ на себя трудъ поставлять петербургскому лубочнику матеріалъ для его изданій. При содѣйствіи г. Круковскаго Кузинымъ въ настоящее время издано около полутора десятка народныхъ изданій. Нельзя не поставить въ заслугу Кузину, что онъ поручилъ выборъ матеріала другому лицу, а самъ отошелъ подальше, сохранивъ за собою лишь право прескверно издавать и вообще придавать возможно скверный видъ внѣшности изданій. Правда, было бы еще лучше, еслибъ онъ и къ этому не прилагалъ свою руку, но на нѣтъ и суда нѣтъ. За содержаніе и выборъ книжекъ, изданныхъ Кузинымъ при содѣйствіи г. Круковскаго, отвѣтственъ этотъ послѣдній. Имя г. Круковскаго встрѣчается на книжномъ рынкѣ впервые. Къ новой фирмѣ нельзя не предъявлять того требованія, чтобъ она сколь возможно строже отнеслась къ своему дѣлу, чтобы приступала къ нему съ опредѣленною цѣлью, чтобъ она была знакома съ существующею наличностью народной литературы, которую она думаетъ обогащать, съ одной стороны, и съ читателемъ изъ народа—съ другой. Народная литература—такое обширное поле для работы, что появленіе въ этой области новыхъ силъ весьма желательно, особенно же такихъ силъ, которыя сознательно отнесутся къ своему дѣлу и посвятятъ себя пополненію тѣхъ недочетовъ, какіе въ данной области существуютъ. Самое слабое мѣсто въ народной литературѣ—литература научно-популярная. Въ изданіяхъ, вышедшихъ до сего времени, г. Круковскій эту область совершенно обходитъ. Всѣ его изданія принадлежатъ къ отдѣлу беллетристики. Незнакомство г. Круковскаго съ наличностью народной литературы видно изъ того, что въ числѣ его изданій многія уже существуютъ въ народной литературѣ, наприм.: *Нашелъ гдѣ не искалъ* (въ изданіи „Посредника“), *Рождественская ночь* Бретъ-Гардта (въ нѣсколькихъ изданіяхъ), *Удача Шумнаго лагеря* (неудачная передѣлка и сокращеніе прекраснаго разсказа Бретъ-Гардта *Счастье Ревущаго стана*), *Михалко* Б. Пруса (въ изд. „Посредника“), и т. д. Это обстоятельство, сводящее изданіе народныхъ книгъ къ толченѣ на одномъ мѣстѣ, нельзя не поставить въ вину г. Круковскому, равно какъ и его отношеніе къ передѣлкамъ и сокращеніямъ. Благодаря этимъ послѣднимъ, въ его изданіяхъ многія художественныя произведенія являются въ совершенно искаженномъ видѣ (наприм., *Удача Шумнаго лагеря*, *Во время оно* Л. Уоллэса). Задача народной литературы—удешевлять и распространять хорошую книгу, а не искажать ее. Г. Круковскій этого не дѣлаетъ. Передѣлка романа Уоллэса, исполненная С. Бурэ, стоитъ 50 коп. (если только это цѣна не фиктивная), тогда какъ суворинское, гораздо болѣе полное изданіе стоитъ чуть ли не въ два раза меньше. Чтобы судить о качествѣ книгъ, изданныхъ при участіи г. Круковскаго, слѣдуетъ сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Нѣкоторыя книжки выбраны г. Круковскимъ удачно, какъ, наприм., романъ П. В. Засодимскаго *Грѣхъ* (къ сожалѣнію, сильно сокращенный), повѣсть Іонаса Ли *Осужденный на вѣкъ* (тоже сокращенная). По имѣющимся у насъ даннымъ, объ книжки читаются крестьянами съ большимъ удовольствіемъ, особенно послѣдняя. Основная мысль, которую Іонасъ Ли вложилъ

въ свою повѣсть, понимается превосходно. Въ небольшомъ кружкѣ крестьянъ, гдѣ она была прочитана, она возбудила цѣлый рядъ вопросовъ на тему, „отчего много преступниковъ осуждается невинно", „отчего многимъ людямъ и жизнь такая на долю выпала, что они грѣшатъ волей-неволей". Произведенія Іонаса Ли производятъ сильное впечатлѣніе на читателей своею жизненною правдой и безъискусственностью. Повѣсть была читана вслухъ не по сокращенному изданію г. Круковскаго, а по полному изданію „Посредника" (первоначально помѣщенному въ *Русск. Мысли*); въ первомъ изданіи образы далеко не такъ ярки и впечатлѣніе далеко не такъ сильно, какъ во второмъ. Новелла Севера *Доля* (перевед. съ польскаго М. Круковскимъ), подобно первой, прежде всего возбуждаетъ жалость къ людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ и, тѣмъ не менѣе, испытывающимъ всякаго рода гоненія и страданія. Но въ повѣсти І. Ли мысль читателя ищетъ виновника этихъ страданій не въ человѣкѣ и не въ судьбѣ, а въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ, тогда какъ въ новеллѣ Севера читатель видитъ, что человѣкъ не достигаетъ желаннаго счастія благодаря какой-то безсмысленной, слѣпой силѣ,—„судьбѣ", „року" и т. п. Героиня этой повѣсти, сирота Ягуся, сначала живетъ и страдаетъ у жестокихъ и злыхъ людей, а когда попадаетъ къ добрымъ, то умираетъ. У читателя возникаетъ вопросъ: за что же она страдала? Въ чемъ ея вина? Не трудно понять, какіе отвѣты на эти вопросы, поставленные, но не разъясненные въ повѣсти, дастъ читатель изъ народа. Не всякій станетъ вдаваться въ анализъ отношеній человѣка къ человѣку, толкающихъ бѣдняжку Ягусю въ могилу; читатель скажетъ: „это судьба, а знать ее не дано",— и преклонитъ предъ судьбой голову... Нѣтъ, въ народной литературѣ желательны не такія книжки, которыя рекомендуютъ это преклоненіе головы предъ тупыми и безсмысленными силами судьбы, а книжки бодрящія, возбуждающія стремленіе къ свѣту и къ лучшей жизни и доказывающія, что то и другое можетъ и должно быть достигнуто энергичными и сознательными усиліями самихъ людей. Изъ разсказа *Антонъ-сирота* (переводъ съ польск.) читатель выноситъ, напротивъ, впечатлѣніе бодрое, даже жизнерадостное. Деревенскій сирота Антонъ, потихоньку да понемножку, съ помощью добрыхъ людей, не только не погибаетъ, но даже выходитъ въ люди, дѣлается ученымъ человѣкомъ и затѣмъ поселяется въ своей родной деревнѣ, чтобы служить своими знаніями и пониманіемъ именно тѣмъ людямъ, которые въ знаніи и пониманіи больше всего нуждаются. Этотъ разсказъ — одинъ изъ лучшихъ изданій г. Круковскаго. Сокращенная передѣла повѣсти Э. Ожешковой *Мать (Romanova)* опять рисуетъ картину мрачно-безотрадную,—гибель человѣка отъ пьянства; но, читая эту повѣсть, все же не выносишь изъ нея впечатлѣнія безотрадно-мрачнаго, чувствуешь, что и люди есть на свѣтѣ хорошіе, и человѣческія отношенія,— личныя и общественныя,— есть возможность измѣнить къ лучшему. Разумѣется, мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что народу нужно расписывать лишь картины жизнерадостнаго счастія; мы хотимъ лишь сказать, что одна изъ задачъ литературы народной, какъ и литературы вообще, состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ тѣмъ представленіемъ о „судьбѣ", о „рокѣ", какое широко распространено и въ народѣ, и въ обществѣ, и показать, что не только мыслима съ этимъ рокомъ борьба, но и побѣда... Другія изданія г. Круковскаго не представляютъ изъ себя чего-либо выдающагося. Всѣ они проникнуты гуманной или нравственной идеей, всѣ взяты изъ болѣе или менѣе из-

вѣстныхъ авторовъ: таковъ, наприм., разск. Мопассана *Отецъ* (страданія отца, покинувшаго своего ребенка, который называетъ отцомъ другого); Уйда—*Два друга* (существуетъ въ изданіи харьк. общества грамотности), К. Мендеса—*Дѣдушкины грѣхи* и др. Выборъ ихъ нельзя назвать неудачнымъ, хотя въ нихъ и не проглядываетъ того огонька, который мы отмѣчали, наприм., въ изданіяхъ *Правды*, В. Бончъ-Бруевича и др. Что касается до книжки, въ которую вошли сказки *Слѣпой Абдалла, Чума и крестьянинъ, Лѣнь и трудъ*, то эта книжка совсѣмъ уже составлена плохо. Первая сказка написана на старую тему о человѣческой жадности, наказывающей самоё себя; вторая—еще болѣе старый разсказъ о встрѣчѣ крестьянина съ чумой (какъ извѣстно, до сихъ поръ народъ олицетворяетъ такія болѣзни, какъ холера, чума и пр. въ видѣ страшныхъ старухъ и т. д.). Трудно понять, чѣмъ руководствовался г. Круковскій, вводя въ свои изданія quasi-нравоучительныя сказки, грубыя по формѣ, плоскія по содержанію.

Изъ предыдущаго видно, что издательская физіономія г. Круковскаго еще далеко не опредѣлилась. Пожелаемъ, чтобъ она сдѣлалась впредь болѣе опредѣленной, и чтобы выборъ матеріала для изданій былъ болѣе строгъ и интересенъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что, повидимому, г. Круковскій искренно преданъ своему дѣлу. Нужно къ нему серьезнѣе присмотрѣться и поучиться.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *апрѣль*.—„Вѣстникъ Европы“, *май*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *май*.—„Русскій Вѣстникъ“, *май*.—„Дѣтскій Отдыхъ“, *апрѣль*.—„Всходы“, *май*.

„Въ обществѣ нашемъ,—замѣчаетъ хроникеръ *Русск. Богатства*,—появляется теперь скромное движеніе къ подъему элементарно-общественныхъ интересовъ. Вопросы народнаго образованія и школы, вопросы мѣстнаго самоуправленія, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ позорнаго наказанія, вообще предѣлы взаимныхъ правъ и обязанностей разныхъ факторовъ мѣстной жизни—все это всплываетъ теперь по всей поверхности нашего отечества, облекаясь въ живыя формы конкретныхъ столкновеній и мелкихъ конфликтовъ, ищущихъ правомѣрнаго разрѣшенія“. Въ этомъ элементарномъ общественномъ броженіи замѣчается тенденція къ законности, къ установленію сколько-нибудь устойчивыхъ основаній, нормирующихъ взаимныя отношенія дѣйствующихъ въ обществѣ силъ.

Вѣрное замѣчаніе, но... Можетъ быть, оттого такъ скучно и живется и такъ уныло пишется, что оно вѣрное. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, какая блѣдность желаній, стремленій и ожиданій! Элементарно-общественные интересы, правомѣрное разрѣшеніе конфликтовъ... конечно, все это очень важно, даже необходимо; безъ всего этого просто-таки существовать становится невозможнымъ. Но какъ все это далеко, безконечно далеко отъ широкихъ общественныхъ задачъ и отъ возвышенныхъ идеаловъ, которые когда-то, вѣдь, были же знакомы если не всему нашему обществу, то избранной его части, интеллигенціи! Куда дѣвались эти высокіе идеалы, существуютъ ли они даже теперь? И еслибъ нашелся такой чудакъ въ жизни и литературѣ, который заговорилъ бы о нихъ попрежнему, съ прежнимъ юношескимъ пыломъ и энергіей, онъ рисковалъ бы остаться невыслушаннымъ. Еслибъ съ нимъ вообще удостоили разговаривать, то за-

мѣтили бы ему: эхъ, подите вы съ вашими высокими идеалами; намъ нужно, чтобы насъ не били, чтобы наша личность была сколько-нибудь гарантированной отъ оскорбленій; намъ нужно, чтобы тѣлесное наказаніе, этотъ тяготѣющій на насъ всѣхъ позоръ, было уничтожено; намъ нужно, наконецъ, чтобы въ кутузку насъ сажали только на вполнѣ законномъ основаніи. До идеаловъ ли намъ?... И, конечно, все это правда. Но какъ все это скучно и печально. Скучно говорить о томъ, что дважды два непремѣнно четыре, печально, что говорить объ этомъ необходимо.

И еслибъ только это! А то, вѣдь, такое пониженіе желаній и стремленій не окупается даже увѣренностью въ ихъ осуществленіи. Прежнее положеніе писателя, такъ мѣтко охарактеризованное нашимъ великимъ сатирикомъ словами: „писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ“, какъ будто совершенно не измѣнилось отъ того обстоятельства, что писатель прибѣднился и подошелъ къ толпѣ, опускаясь до ея уровня. Даже какъ будто его положеніе хуже стало. Раньше онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ любящую и внимательную аудиторію, правда, немногочисленную и реально безсильную. Теперь предъ нимъ толпа, а толпу, вѣдь, не скоро разберешь. Кто ее знаетъ: читаетъ ли она или только почитываетъ, бьется ли ея коллективное сердце въ унисонъ съ сердцемъ писателя, спрятавшаго въ какіе-то отдаленные тайники свои неумѣстные для нашей дѣйствительности идеалы и пытающагося сдѣлаться членомъ толпы? Да и является ли, въ самомъ дѣлѣ, слово, это единственное орудіе писателя, сколько-нибудь вліятельнымъ и значительнымъ? А что если толпа только „почитываетъ“ и, признавая справедливость... нѣтъ, даже жизненную необходимость всего того, о чемъ писатель „пописываетъ“,— говоритъ себѣ: такъ-то такъ; но улита ѣдетъ, когда-то будетъ. А мы своими дѣлами займемся неотложными и будемъ пока приспособляться... И точно, приспособляются... „Хлѣба и зрѣлищъ“... Вотъ вамъ и идеалы толпы, помимо, конечно, вышеупомянутыхъ элементарныхъ общественныхъ требованій.

Было бы отчего въ отчаяніе прійти, еслибъ литература была не только однимъ изъ самыхъ важныхъ, но и единственнымъ проявленіемъ общественной жизни. Хотя и тогда утѣшеніе, все-таки, было бы. И оно заключалось бы просто въ томъ соображеніи, что жизнь вѣчна и измѣнчива, а идея и идеалъ вѣчны и неизмѣнны. Послѣ многихъ лѣтъ ожесточенной и безсмысленный общественной реакціи, задавившей своей свинцовою тяжестью все благородное и высокое, выработавшей особые типы людей, для которыхъ печной горшокъ дороже бога, человѣческій умъ долженъ проявить себя въ практическомъ общественномъ творчествѣ. Иначе онъ не былъ бы человѣческимъ умомъ. А потомъ и то соображеніе нельзя упускать изъ виду, что элементарныя-то требованія—это требованія толпы, и, стало-быть, именно толпа выступаетъ на первый планъ и въ жизни, и въ литературѣ. И съ какими же требованіями она выступать можетъ, кромѣ элементарныхъ, когда раньше-то она „молчала, бо благоденствовала“? Да, и вообще, опять повторимъ: кто ее знаетъ, эту толпу; кто сообразитъ, что у ней за душой, кромѣ, съ одной стороны, „хлѣба и зрѣлищъ“, а съ другой— элементарныхъ общественныхъ требованій, имѣется? Никогда во всю многовѣковую исторію человѣчества никто этого усчитать не могъ и почти всегда и всѣ ошибались въ вопросѣ о стремленіяхъ толпы. Ну, а пока...

Пока писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ.

Интересный вопросъ является при этомъ: можетъ ли при подобныхъ условіяхъ вообще существовать литература,—конечно, не пописывающая литература, а литература—храмъ, въ которомъ въ центральномъ ея святилищѣ стоитъ на недосягаемой и однако всѣмъ видимой высотѣ идеалъ, проливающій свои кроткіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркіе лучи на всѣ отправленія общественной жизни? Сложный и трудный вопросъ; отвѣтить на него въ нѣсколькихъ словахъ, при посредствѣ немногихъ соціологическихъ и историческихъ соображеній, было бы невозможно. Но мы склонны думать, что не можетъ. И даже, рискуя показаться софистомъ, рѣшаемся утверждать, что это и къ лучшему, что не можетъ. Дѣло въ томъ, что литература, въ томъ смыслѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, есть нѣчто сибаритское. Положимъ, это самый высшій сортъ сибаритства; но это, все-таки, сибаритство. А толпѣ, только-что родившейся для общественной жизни, только-что выступившей на арену, право, не до сибаритства. Скверная штука: „хлѣба и зрѣлищъ“, но, право же, и она имѣетъ основаніе существовать. Скучное дѣло одни только элементарныя требованія толпы, но, вѣдь, безъ нихъ жить нельзя. А, притомъ, толпа всегда, за исключеніемъ немногихъ историческихъ моментовъ, въ которые и она заражается отъ интеллигенціи и новаторовъ стремленіями идеальными, глубоко реалистична, часто даже низменно-реалистична. Важно уже и то, что она выступаетъ на сцену. Народныя стремленія, несомнѣнно, шире и интереснѣе барскаго „народничества“, почти всегда немного сантиментальнаго, немного отвлеченнаго, до значительной степени безсильнаго и потому немножечко фантастичнаго, слащаваго и даже фальшиваго, потому что рѣдко обходящагося безъ нѣкоторой, часто довольно значительной, примѣси мистицизма.

Итакъ, отсутствіе литературы въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говорили выше, есть явленіе хотя и досадное само по себѣ, но, съ исторической точки зрѣнія, скорѣе прогрессивное, чѣмъ регрессивное. Вѣрнѣе сказать, его можно было бы считать таковымъ, еслибъ оно не слѣдовало всегда за несомнѣнно регрессивными эпохами общественной жизни. Таковъ ужъ вообще характеръ историческаго процесса, не управляемаго или плохо управляемаго человѣческимъ разумомъ—чрезъ болота, кочки и лѣсную чащу къ свѣту и свободѣ, въ свѣтлую область идеальнаго.

А пока что, братья-писатели пописываютъ, а толпа-читатель почитываетъ. И тѣмъ и другимъ должно быть чрезвычайно скучно и даже тоскливо. Эта тоска и скука, можно сказать, переполнили пажити россійской журналистики. Ими дышетъ беллетристика, онѣ просачиваются и въ серьезныхъ, такъ называемыхъ дѣловыхъ статьяхъ. Интересно оно, наприм., о рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ почитать, а все-таки скучно. Пожалуй, интересно даже съ *Восточными основами русскаго былиннаго эпоса* познакомиться, но только тоска смертная. И все, вѣдь, въ этомъ родѣ. До знаменитыхъ сапоговъ Святополка Окаяннаго, правда, наша журналистика еще не дошла и, съ Божіей помощью, не дойдетъ,—время не то... Ну, а не очень же далеко отъ этихъ пресловутыхъ сапогъ мы ушли... Въ особенности тяжело по отношенію къ скукѣ и вытекающему изъ нея пописыванію положеніе литературнаго обозрѣвателя. Ужъ кто-кто, а онъ-то поневолѣ „пописываетъ“, хоть можетъ быть и совсѣмъ не хотѣлъ бы заниматься такимъ богоугоднымъ дѣломъ. Иначе онъ не можетъ,—матеріаломъ своимъ связанъ.

Но довольно, однако, сѣтованій, довольно минорныхъ тоновъ. Въ историческомъ процессѣ и наша копѣечка есть. Пусть она будетъ щербатая, а все-таки есть. И потому будемъ обозрѣвать скромныя и малюсенькія теченія, изъ которыхъ состоитъ теперь наша скромная и малюсенькая литература.

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы воспользовались письмомъ крестьянина Рязанской губерніи, сообщеннымъ г. Карышевымъ, для того, чтобы сказать нѣсколько словъ объ основныхъ идеалахъ народной массы и, какъ это, повидимому, ни странно, въ то же время и о тождественныхъ идеалахъ нашей интеллигенціи. Скромны эти идеалы и не ярки, скромны и не ярки и вытекающія изъ нихъ требованія. Немножко побольше землицы для производителя и немножко побольше правды, свободы и свѣта въ общественной средѣ и общественномъ строѣ. Только и всего. Скромно и общо.

И какая, однако, могучая сила и *красота* въ такомъ скромномъ идеалѣ! Именно красота. Идеалъ этотъ на иной взглядъ, можетъ быть, очень мелокъ; многіе склонны, какъ мы говорили тамъ, признать его даже мелкимъ, какъ идеалъ мелкой буржуазіи. И, тѣмъ не менѣе, онъ замѣчательно красивъ, потому что необычайно цѣлостенъ, не разорванъ на части и кусочки. А цѣлостенъ онъ опять-таки потому, что это — идеалъ массы трудящихся и обремененныхъ. И не удивительно, что интеллигенція, состоящая всегда и вездѣ изъ особей, высоко развитыхъ не только въ интеллектуальномъ, но и въ эстетическомъ отношеніи, увлеклась этимъ идеаломъ, разработала и понесла всѣ свои силы — увы, къ сожалѣнію, не достаточно значительныя — на служеніе ему. Не удивительно, что этотъ скромный „буржуазный“ идеалъ захватилъ и значительную часть культурнаго общества, всегда склоннаго подчиняться могуществу красоты, если не ума. Не удивительно, что въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ онъ былъ путеводною звѣздой при нашемъ странствованіи по дебрямъ россійскаго прогресса. Цѣлостность и красота настолько импонируютъ уму, что о несомнѣнности и истинности часто и вопроса не поднимается.

Прекрасною иллюстраціей къ занимающему насъ вопросу можетъ служить романъ г. Баранцевича: *Борцы*, приближающійся къ благополучному окончанію. Собственно говоря, произведеніе г. Баранцевича напрасно названо романомъ. Ничего въ немъ нѣтъ, что отличаетъ обыкновенно этотъ родъ литературы. Это просто рядъ сценъ, набросанныхъ довольно небрежно. Его герой Капитонъ, уходитъ изъ деревни въ Питеръ изъ-за любви къ лошадямъ, пріобрѣтенной имъ въ военной службѣ... Нѣсколько смѣхотворный мотивъ, но пусть бы ужъ такъ. Но, послуживъ на конкѣ, онъ въ слѣдующихъ же главахъ романа забываетъ о своей страсти и превращается въ „мужика“ въ увеселительномъ заведеніи. Тамъ онъ до безумія влюбляется въ милое, но погибшее созданіе, а въ слѣдующей главѣ объ этой дѣвицѣ уже нѣтъ ни одного слова. Все это большія несообразности. Тѣмъ не менѣе романъ интересенъ, какъ изображеніе особой психіи столичной уличной толпы, жаждущей хлѣба и зрѣлищъ. И кого-кого тутъ нѣтъ, отъ нѣкоего графа, разорившагося, оскандалившагося кутилы-идеалиста, нашедшаго предпослѣдній пріютъ у какой-то полуголодной вдовы извозчика, отъ роскошной брюнетки, увлекающей въ своей каретѣ знаменитаго борца Капитона и свѣтскаго шалопая-символиста Ника, до лакея Порфирія, до уличнаго адвоката, уличнаго репортера и проч., и проч. Вся эта голытьба, безъ царя въ головѣ, безъ Бога

въ душѣ, мечется предъ вашими глазами, ища хлѣба безъ труда и даровыхъ зрѣлищъ, заморенная, изнервованная, ни на что не способная, представляющая настоящій отбросъ жизни и капиталистическаго россійскаго строя, вытащенная или, лучше сказать, насильственно выбитая изъ своихъ далекихъ и глухихъ пепелищъ и буквально выброшенная на улицу, гдѣ и мятется, руководимая даже не животными инстинктами, а поползновеніями больныхъ организмовъ, порождаемыхъ больнымъ обществомъ. Ждать нечего отъ этой толпы, говорить о какихъ-либо ея идеалахъ не приходится. Это—крупная общественная неправда и безполезный, а стало-быть вредный общественный элементъ. Она, толпа эта, всѣмъ своимъ видомъ, всѣми своими безсмысленно-погаными дѣяніями вопіетъ противъ текущаго процесса капитализаціи земли и промысловъ,—процесса, выбросившаго ее, беззащитную и неумѣлую, на улицу, лишившаго ее орудій производства и, что еще хуже, охолостившаго ея душу. Въ такой толпѣ непримѣнимы даже слова графа: „тутъ борьба за существованіе и, какъ нѣчто вытекающее изъ нея, прогрессъ человѣчества". Метанье за наслажденіями, не только животными, а прямо-таки наслажденіями одичавшаго и больного звѣря, метанье за даромъ брошеннымъ кускомъ хлѣба—отличительные признаки такой толпы. А между тѣмъ именно эта толпа мечется на первомъ планѣ общественной нашей жизни, въ столицахъ и большихъ городахъ, она составляетъ показной основной фонъ жизни, за которымъ не видны болѣе глубокія и въ концѣ-концовъ болѣе могучія ея теченія.

Это явленіе вопіетъ о страданіи, злѣ... Обыкновенно исторія мститъ, и часто жестоко мститъ, за него обществу, которое было столь неразумно, что допустило причины, породившія такое зло... Какая-нибудь легкая бабенка, увлекшая въ своей каретѣ борца Капитона, бывшаго „мужика", разумѣется, только легкая бабенка; но ни одинъ соціологъ не учтетъ, какая масса лжи, распутства и безпутно растраченныхъ общественныхъ силъ олицетворяется въ этомъ жаждущемъ болѣзненныхъ ощущеній существѣ.

Романъ г. Баранцевича, можетъ быть, и очень плохъ въ художественномъ отношеніи, но съ точки зрѣнія, которую мы пытаемся установить, онъ представляетъ явленіе весьма интересное, и слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ втиснулъ свои внушительныя сцены въ совершенно неподходящія для нихъ рамки романа и тѣмъ лишилъ себя возможности нарисовать большее количество такихъ сценъ и изобразить большее количество лицъ изъ его толпы.

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, измѣняется толпа и ея психія подъ вліяніемъ основныхъ общественно-экономическихъ явленій жизни. Толпа г. Баранцевича совершенно отлична отъ толпы, изображаемой, наприм., Рѣшетниковымъ или Каронинымъ *(Снизу вверхъ)*, хотя это та же самая столичная или большихъ городовъ толпа. У Рѣшетникова мы видѣли ту здоровую и естественную борьбу за существованіе, результатомъ которой бываетъ, дѣйствительно, человѣческій прогрессъ. У Каронина (въ лицѣ его Михайлы) толпа сдѣлала дальнѣйшій шагъ въ своемъ соціологическомъ развитіи; она не только борется за существованіе, но и мыслитъ, и если ея работа мысли не становится творческой, созидательной, только потому, что низъ ее тянетъ къ себѣ, что она, эта уличная толпа, слишкомъ ужъ ничтожна количественно по отношенію къ массѣ внизу пребывающихъ. А у г. Баранцевича толпа уже прямой и никуда не годный отбросъ массы. Побѣдное шествіе капитализма съ тѣхъ поръ, очевидно, продвинулось довольно далеко и дало

именно то, что̀ оно въ нашей матушкѣ Россіи и дать могло, т.-е. разореніе и распутство мысли и духа.

Самымъ характернымъ признакомъ господства въ обществѣ распутства мысли можетъ служить распространеніе преклоненія предъ грубою силой, какого бы ни было рода и происхожденія. Несомнѣнно, что этотъ признакъ замѣчается довольно таки ясно въ нашей литературѣ вообще и беллетристической въ частности. Г. Боборыкинъ—писатель и очень опытный и, главное, несомнѣнно „либеральный", чтобы быть повиннымъ въ такомъ грѣхѣ, какъ преклоненіе предъ силой нашего растущаго капитализма; онъ почти всегда кончаетъ свои романы гимномъ въ честь интеллигенціи и ея служенію народному дѣлу. И, тѣмъ не менѣе, гимнъ-то—гимномъ, а все же у маститаго беллетриста замѣчается нѣкоторое влеченіе, родъ недуга, къ купеческой мошнѣ. Странное это стремленіе, потому что оно вполнѣ придуманное и тенденціозное. Авторъ по своему разрабатываетъ вопросъ о нашихъ классовыхъ противорѣчіяхъ и не то испуганно, не то восторженно отмѣчаетъ несомнѣнное, по его мнѣнію, торжество буржуазіи. Такова была основная тенденція его *Теркина* и *Перевала*; такова же тенденція и новаго его произведенія *Княгиня*. Въ техническомъ отношеніи этотъ послѣдній романъ г. Боборыкина значительно уступаетъ первымъ. Онъ прежде всего скученъ и безсодержателенъ, чего нельзя было сказать о прежнихъ романахъ автора. Не безъ того, конечно, чтобы въ романѣ не было удачныхъ чертъ, авторъ настолько опытенъ и наблюдателенъ, что нѣкоторыя черточки, вѣрныя и любопытныя, у него всегда встрѣчаются. Въ *Княгинѣ*, наприм., очень вѣрно и тонко отмѣчено то злорадно-насмѣшливое отношеніе къ разоряющемуся „первому сословію въ государствѣ", которое составляетъ чуть ли не самую характерную отличительную черту нашей нарождающейся буржуазіи, въ особенности со времени начала такъ называемой дворянской эры. Вѣрно схваченная и логически развитая въ романѣ, черта эта окрашиваетъ всѣ „купецкіе персонажи" романа въ одинъ общій однотонный цвѣтъ, придаетъ имъ нѣчто вродѣ якобы классоваго сознанія. Къ сожалѣнію, авторъ, увлекаясь сопоставленіемъ характера новыхъ общественныхъ слоевъ съ старымъ выраждающимся дворянствомъ, не отмѣтилъ того, что одно только отрицаніе стараго не можетъ еще служить признакомъ существованія классоваго сознанія. Для существованія такого сознанія необходимы нѣкоторые положительные признаки, и притомъ характера общественно-политическаго. Г. Боборыкинъ, впрочемъ, отмѣчаетъ нѣсколько бо́льшую моральную устойчивость буржуазіи, нѣкоторые положительные ея принципы, въ противоположность съ полнымъ распаденіемъ души въ старомъ вымирающемъ сословіи, съ его моральною безпринципностью и распущенностью. И это сопоставленіе несомнѣнно вѣрное и мѣткое; но дѣло въ томъ, что эти принципы, болѣе или менѣе устойчивые, принадлежатъ къ сферѣ частной морали и имѣютъ очень малое отношеніе къ области общественныхъ явленій. А только интересы и стремленія общественно-политическіе, а не моральные, создаютъ классъ, какъ нѣчто обособленное и самодовлѣющее, и порождаетъ классовое сознаніе, ведущее къ стремленію къ господству. Правда, въ исторіи бывали примѣры, когда чисто-моральныя причины вели къ великимъ общественнымъ переворотамъ—какъ было, наприм., въ эпоху реформаціи. Но тогда идея или моральное негодованіе, моральный протестъ противъ стараго охватывали классъ уже создавшійся на почвѣ иныхъ, чисто-экономическихъ про-

тиворѣчій и моральныя причины для такого класса были только лишнимъ орудіемъ, весьма, впрочемъ, могущественнымъ, прибавленнымъ къ арсеналу. Религіозныя и моральныя идеи вообще представляютъ значительную общественную силу, но только въ томъ случаѣ, когда онѣ являются началомъ, проникающимъ всѣ жизненныя отправленія и функціи уже создавшагося общественнаго класса. Такого проникновенія моральною эмоціей, не говоря уже о религіозной идеѣ, невозможно видѣть ни у купчихи Финиковой, ни у старообрядца Спасова согласія, изувѣра и вмѣстѣ съ тѣмъ балетомана и сластолюбца, Петра Степановича Умнова... Презрительно злорадное отношеніе къ старому, на смѣну котораго будто бы идетъ новое, есть просто историческій фактъ, вызванный очень понятными причинами,—попыткой поддержать разрушенное безповоротно, воскресить мертвое, досаднымъ и раздражающимъ стремленіемъ создать искусственныя привилегіи, и притомъ создать ихъ грубымъ насиліемъ надъ самыми священными правами личности,—но оно наврядъ ли есть историческій факторъ, опредѣляющая историческій ходъ причина, ибо оно есть явленіе чисто-отрицательное. Не сопровождаясь никакими положительными явленіями, при полномъ отсутствіи общественной и экономической самостоятельности, при сохраненіи почвы, общей съ тѣми, къ кому относятся отрицательно, т.-е. при томъ же правительственномъ покровительствѣ, которое создало и поддерживало и отрицаемое,—это презрительное злорадство въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ сослужить прогрессивному движенію общества только ту службу, что отнимаетъ у стараго его престижъ. Активною же силой оно явиться не можетъ. Новыя формы жизни создастъ не оно. Мы нѣсколько уклонились въ сторону отъ произведенія г. Боборыкина, хотя это уклоненіе не лишнее,—оно объяснитъ читателю не только наше, но и его собственное отрицательное отношеніе ко всѣмъ послѣднимъ произведеніямъ г. Боборыкина. Дѣло въ томъ, что всѣ они построены на нѣкоторой логической ошибкѣ, разъяснить которую мы и пытаемся при появленіи каждаго новаго произведенія автора.

Княгиня, какъ мы замѣтили, гораздо слабѣе и менѣе интересна по сравненію съ прежними произведеніями того же автора. И намъ кажется потому, что на этотъ разъ онъ неудачно выбралъ „ситуацію“. Тутъ мы подходимъ къ общей характеристикѣ творчества г. Боборыкина. Это творчество по существу тенденціозное, т.-е. не художественное. Съ нашей точки зрѣнія это была бы еще не большая бѣда. Но бѣда въ томъ, что авторъ по темпераменту неспособенъ проникаться своей или, лучше сказать, выбранной имъ тенденціей. Онъ всегда остается холоденъ и логиченъ. Всякое изъ его произведеній есть просто нѣчто вродѣ математической задачи или логическаго построенія изъ извѣстныхъ, заранѣе принятыхъ посылокъ или, лучше сказать, ситуацій. Понятно, что при подобныхъ свойствахъ творчества все дѣло въ удачности или неудачности первоначальной ситуаціи, изъ которой все дальнѣйшее въ романѣ и вытекаетъ. Нападетъ г. Боборыкинъ на удачную ситуацію, какъ было въ *Теркинѣ*, *Перевалѣ*, *На ущербѣ* и многихъ другихъ его произведеніяхъ,—и можете быть увѣреннымъ, что раздѣлаетъ ее, какъ говорится, подъ орѣхъ, съ необыкновенною ясностью, послѣдовательностью и логичностью. Вещь выйдетъ во всякомъ случаѣ интересная, и требуется не малое количество критическаго чутья, чтобы разобрать въ ней выдуманность и полную нехудожественность. Во всякомъ случаѣ цѣль автора достигается: впечатлѣніе по-

лучено, тенденція входитъ до нѣкоторой степени въ сознаніе читателя, о романѣ много говорятъ и много спорятъ. Такъ было съ *Теркинымъ*, такъ было и съ *Переваломъ*.

Совсѣмъ иное дѣло выходитъ, когда выбранная ситуація неудачна. Авторъ, не обладающій ни настоящимъ художественнымъ талантомъ, ни пыломъ, отличающимъ настоящаго тенденціознаго писателя, путается въ противорѣчіяхъ, продѣлываетъ одну неловкость за другой, тянетъ скучную и безсодержательную канитель—и его счастье, если его по временамъ выручаютъ его наблюдательность и умъ: тогда по крайней мѣрѣ у него хоть отдѣльныя черточки интересныя попадаются. *Княгиня*, наприм., по тенденціи и ситуаціи представляетъ простую перефразировку *Перевала*. Но разница въ томъ, что тамъ ситуація была выбрана удачно, а здѣсь нѣтъ. Авторъ, повидимому, садясь писать свой романъ, подумалъ такъ: тамъ, въ *Перевалѣ*, я выдалъ бѣдную княжну за купца,—вышло удачно: новая сила, купецъ, посрамилъ вполнѣ и окончательно разложившееся старое, и совсѣмъ бы плохо пришлось этому старому, еслибъ разночинецъ не выручилъ, а, главное, еслибъ не подвернулось народное бѣдствіе, заставившее и дворянскую и разночинскую интеллигенцію пойти въ службу народному дѣлу. Вообще тогда интересно вышло: и волки остались сыты, и овцы цѣлы, и буржуазія зарождающаяся силу свою проявила, какъ носительница личнаго начала, коему суждено при его развитіи возродить нашу родину, и либеральные шаблоны сохранены а, главное,—публика заинтересована и вынуждена о торжествѣ новыхъ слоевъ думать. Попробую теперь выдать замужъ купчиху за разорившагося князя. Что изъ сего выйдетъ?

Почему, конечно, не попробовать! Только жаль, что ничего не вышло на сей разъ. Да и выйти не могло. А выйти не могло потому, что г. Боборыкина не то либерализмъ, не то тенденція попутали. Изобрази онъ съ самаго начала романа свою героиню Вѣру, дѣвицу Финикову и княгиню Кунгурову, такой ординарною и противною особой, какъ Кумачева въ *Перевалѣ*,—можетъ быть что-нибудь и вышло бы. Но грѣхъ попуталъ автора, и онъ съ чего-то захотѣлъ изобразить свою купчиху чѣмъ-то идеальнымъ... И образованія-то она необыкновеннаго, и культурности въ ней сколько угодно, да и культурности не купецкой, не Кумачевской, а подлинной, настоящей аглицкой перваго сорта, и корректности въ принципахъ и привычкахъ не оберешься и ума палата. Однимъ словомъ, дама выдающаяся. И вдругъ такая-то дама сопрягается по доброй волѣ и безъ всякаго видимаго мотива (авторъ прямо утверждаетъ, что ни любви, ни увлеченія не было) съ живымъ трупомъ сословности, съ разлагающимся дворянскимъ тѣломъ, безпринципнымъ, не казистымъ, даже не особенно красивымъ, распущеннымъ и довольно таки разнузданнымъ и даже нравственно нечистоплотнымъ княземъ Кунгуровымъ. Читатель невольно выпучиваетъ глаза и восклицаетъ: да за коимъ чортомъ ее понесло въ эту галеру? Что за нелѣпость? И дѣйствительно, нелѣпость. Авторъ говоритъ, что Вѣру потянуло изящество, красота отношеній и формъ, якобы существующія въ аристократической средѣ и отсутствующія въ ея собственной средѣ, въ средѣ Финиковыхъ. Но гдѣ же родилась, гдѣ же росла эта умница Вѣра, чтобы такой простой штуки не знать? Что она читала? Чему училась? Вѣдь, даже въ ея собственной средѣ всѣ, даже иконописная ея мамаша, купчиха Финикова, даже ея придурковатая сестра—знаютъ прекрасно, чѣмъ пахнетъ это изящество, эта

красота формъ. А она, умнѣйшая изъ умныхъ, сдержанная и корректная купеческая лэди, этого не знала... Чистѣйшая нелѣпость.

Нелѣпая ситуація—и дальше пошла нелѣпость за нелѣпостью. Князекъ разоряется чуть ли не до скамьи подсудимыхъ. Вѣра спасаетъ его по чувству долга, по чувству вѣрной и корректной супруги. Да и вообще этой корректности, этой моральной устойчивости, якобы отличающей новые буржуазные слои, въ ней столько, что даже тошно становится. И все, видите ли, потому, что она, презирая мужа, все-таки „въ законѣ“ состоитъ... И это говоритъ и дѣлаетъ свободомыслящая, и по отношенію къ кому же? къ прохвосту, которому мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, который проигрываетъ на биржѣ чужія, награбленныя у акціонеровъ деньги. Нечего сказать, хорошо свободомысліе, хороша корректность! Но такъ, видите ли, г. Боборыкину понадобилось для возвеличенія моральныхъ устоевъ новыхъ слоевъ, грядущихъ володѣть и княжить надъ нами.

Далѣе, пожалуй, еще лучше. Вѣру захватываетъ, наконецъ, страсть. Не подумайте, впрочемъ, чтобы подлинная страсть, то дѣйствительно могучее и охватывающее чувство, отъ власти котораго никто не уходитъ,—нѣтъ, это особая страсть, которую только и умѣетъ описывать г. Боборыкинъ: страсть—недугъ, а не страсть—наслажденіе. Критика давно уже отмѣтила, что въ романахъ г. Боборыкина, даже въ молодыхъ его романахъ, любви, собственно говоря, нѣтъ. Между авторомъ и симъ нѣжнымъ чувствомъ какъ бы вражда существуетъ, не то принципіальная, не то по темпераменту. Его герои и героини и любятъ-то какъ-то по особенному, по математикѣ что ли, или по логическимъ головнымъ построеніямъ. Героямъ г. Боборыкина—да и героинямъ тоже—можно бы было сказать то, что̀ сказала Руссо венеціанская куртизанка: Lascia le donne e studiu la mathematica. Вѣра полюбила нѣкоего профессора Остожина. Какъ корректная и самостоятельная женщина, она подошла къ дѣлу прямо и смѣло и первая открыла профессору свою привязанность. Остожинъ, такой же корректный человѣкъ, какъ и она, совершеннѣйшій ея дубликатъ, съ тою развѣ разницей, что дошелъ до великолѣпнѣйшаго презрѣнія къ россійской жизни и россійскимъ людямъ, до которыхъ Вѣра еще не достигла. Фигура международная и въ сущности препротивная, хотя и имѣющая изображать въ романѣ яко бы идеальную фигуру россійскаго настоящаго интиллигента. Ну, а дальше все по нотамъ Боборыкинской симфоніи пошло. Вѣра производитъ свои математически-любовныя выкладки, а Остожинъ—свои. И выкладки эти не совпадаютъ. Вѣра свободомысляща, но корректна. Она любитъ, но доводить любовь сразу до конца не желаетъ, ибо „въ законѣ“, а она особа корректная. Остожинъ тоже свободомыслящъ и тоже корректенъ и именно поэтому требуетъ не разведенія момо, а настоящаго дѣла. Однимъ словомъ, сущая любовная математика.

Это бы, пожалуй, и не бѣда. Не умѣетъ г. Боборыкинъ страсти нѣжной описывать иначе, какъ посредствомъ выкладокъ,—ну, и Богъ бы съ нимъ. Но ему надо посрамленіе не только одного разрушающагося перваго сословія, но на этотъ разъ даже и интеллигенціи предъ свѣтлымъ ликомъ его избранницы—буржуазіи. И вотъ авторъ заставляетъ Остожина,—замѣтьте, не просто разночинца какого-нибудь, которыхъ г. Боборыкинъ вообще не долюбливаетъ, а настоящаго, подлиннаго интеллигента, и даже не русскаго интеллигента, а европейца—совершать нѣчто невѣроятно-грубое и неделикатное. Правда, эта грубость основана яко бы на принципахъ, на правильномъ пониманіи о свободѣ и

правѣ женщины располагать собой; но, тѣмъ не менѣе, то, что дѣлаетъ Остожинъ, просто грубость и неделикатность. И гдѣ только г. Боборыкинъ видѣлъ русскихъ интеллигентовъ, которые не умѣли бы понимать и даже преклоняться предъ тонкими, деликатными чувствами, даже предразсудками любимой женщины, которые не умѣли бы ждать и терпѣть? Этого ужъ даже и математикой любовной г. Боборыкина не объяснишь. Очевидно, что умыселъ другой тутъ былъ.

Сей умыселъ и уясняется для читателя, когда представитель растущей новой силы, вышеупомянутый старообрядецъ и сладострастникъ Умновъ, давно уже имѣвшій на „никоніанку" Вѣру свои виды и раньше даже предлагавшій ей руку и сердце, повергаетъ къ ногамъ княгини сто тысячъ на какое-то благотворительное дѣло, которое въ сущности считаетъ „затѣей". И что же дѣлаетъ тогда умница Вѣра? Вы, можетъ быть, полагаете, что она, корректная лэди, броситъ Умнову въ лицо эти сто тысячъ? Нѣтъ, ошибаетесь. Она только подумала: „этотъ умѣетъ любить"—и жметъ ему руку. Картина! Ну, конечно, какъ не умѣетъ, коли по сту тысячъ за взглядъ милостивый отсчитываетъ. Такія-то вещи и на нижегородской ярмаркѣ продѣлываютъ. А умница Вѣра и этого не понимаетъ.

Не блещетъ художественными красотами и беллетристика *Сѣвернаго Вѣстника*. То, что могло бы быть интереснымъ въ длинномъ-предлинномъ и скучномъ-прескучномъ романѣ г-жи Шапиръ: *Любовь*, утопаетъ въ волнахъ, далеко не прозрачныхъ, утомительной болтовни. А сюжетъ могъ бы быть сдѣланъ интереснымъ. Рабство великодушнаго и сильнаго духомъ, хотя и лишеннаго иниціативы, мужчины предъ пустой, глупой, больной и бездушной женщиной—явленіе достаточно частое и очень любопытное. Оно почти физіологическій фактъ, какъ уступчивость большой и сильной собаки предъ какой-нибудь шавкой. Можетъ быть, еще интереснѣе было бы, если-бы тиранъ-женщина была некрасивой столь же, сколь она глупа. Среди русской интеллигенціи, въ которой такъ значительно развиты чувства стыдливости, деликатности и сознанія своей вины предъ женщиной вообще, это явленіе можетъ быть болѣе распространено, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Идея какъ бы мститъ за свое продолжительное униженіе. Русскій интеллигентъ какъ бы расплачивается за теремъ и домостроевскую мораль. Онъ такъ долго былъ рабовладѣльцемъ, что теперь съ болѣзненнымъ наслажденіемъ дѣлается рабомъ своей бывшей рабыни. И дѣлается не столько по чувству долга, сколько изъ жалости и стыда. И именно потому, что онъ чувствуетъ себя сильнымъ и великодушнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ чемъ-то виновнымъ. А притомъ жизни-то настоящей у него, все-таки, нѣтъ; нѣтъ въ силу этого и иниціативы, и некуда и незачѣмъ ему расходывать свои довольно значительныя силы. Въ результатѣ—печальная трагикомедія семьи и несомнѣнная трагедія утраты активной силы, которая пригодилась бы, при иныхъ условіяхъ, для общественнаго прогресса.

Но, къ сожалѣнію, эта идея, несомнѣнно присущая въ романѣ г-жи Шапиръ, расплылась въ массѣ излишняго беллетристическаго мусора. А притомъ и анализа психологическаго никакого нѣтъ, а въ немъ при подобной задачѣ все и дѣло. Жаль. Сюжетъ богатый и благодарный.

Отмѣтимъ любопытную статью г. Шарапова *Молодежь прежде и теперь* (*Русск. Вѣстн.*). Намъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить этотъ голосъ, что онъ исходитъ изъ того лагеря, въ которомъ черезчуръ склонны

восхвалять все совершавшееся въ послѣдніе печальные годы и въ особенности духъ и характеръ нашей средней классической школы.

Г. Шараповъ, съ большинствомъ заявленій котораго мы, разумѣется, несогласны, при сравненіи молодежи семидесятыхъ годовъ и условій ея развитія съ таковыми же (т.-е. молодежью и условіями) послѣднихъ лѣтъ ярко изображаетъ идейное и моральное превосходство прежняго предъ современнымъ... „При переходѣ въ высшія школы,—говоритъ онъ,—мы были матеріалистами по вѣрованіямъ и величайшими идеалистами по характеру. Наука была нашей религіей. Мы были религіозны до фанатизма, но по другой, по новой вѣрѣ. Доблести, особой, юной, высокой, былъ запасъ огромный... Мы были готовы умирать за понятія... Мы были готовы на всякую антиправительственную демонстрацію, потому что отъ души ненавидѣли существующій строй. За священное слово „конституція“ любой изъ насъ выбросился бы изъ четвертаго этажа... Въ ходившихъ тогда по рукамъ стихотвореніяхъ господствовалъ элегичный тонъ, характеризующій дворянскую „молодежь въ ея послѣднемъ поколѣніи...“ Всѣ тогда ждали одного: „свободы...“ Однимъ словомъ,—заключаетъ г. Шараповъ,—наше политиканство было чистѣйшимъ идеализмомъ. Неждановъ вполнѣ нашъ человѣкъ; Соломинъ тоже нашъ... Наши отношенія къ женщинѣ были вполнѣ порядочны. Я бы желалъ найти хоть одного изъ нашихъ, кокорый бы заикнулся о приданомъ или задумалъ бы чрезъ жену устроить карьеру. Его бы по-просту заклевали... Наше поколѣніе было черезчуръ идеалистическимъ и въ немъ былъ большой запасъ старокультурной дворянской силы... Ни одинъ изъ нашихъ, навѣрно, не записался бы въ *священную дружину*, куда пошло много современныхъ школьниковъ“.

Таковъ, по изображенію г. Шарапова, прежній молодой человѣкъ. Посмотримъ теперь, каковъ современный молодой человѣкъ. Мы сами, говоритъ г. Шараповъ, лично слушали манифестъ 19 февраля. Тогда историческая почва буквально горѣла подъ ногами и шестилѣтній хлопецъ по развитію заткнулъ бы за поясъ нынѣшняго десятилѣтка. Появились разночинцы—и съ ними рознь въ средѣ школьныхъ товарищей... Съ нѣкоторыми юнцами стало невозможно имѣть дѣло. (Да не потому ли невозможно, что времена настали подлыя, времена распутства и священныхъ дружинъ, простирающихъ свое тлетворное вліяніе даже на чистыя дѣтскія души, даже въ святилище школы?) Прежній духъ исчезъ, остались казенныя программы, экзамены и внѣшняя дисциплина. А тутъ и реформа гимназій. Студентъ, прошедшій старую гимназію, и студентъ съ аттестатомъ зрѣлости—несравнимыя величины. Раньше въ средней школѣ читали и развивались. У нынѣшней среднешкольной молодежи самый мертвенный и безпросвѣтный зубрежъ. Нынѣшнихъ гимназистовъ даже сравнивать нельзя съ нашими, до чего они тупѣе и прямо невѣжественнѣе. Читать имъ безусловно некогда, потому что уроки заливаютъ ихъ, какъ утопающихъ волны. (А къ тому же и воспрещается. Надзиратели обыски дѣлаютъ и отбираютъ разрѣшенныя цензурой книги, какъ не легальныя.) Мы, вступая въ высшую школу очень развитыми, съ одной стороны занимались наукой, а съ другой—пускали во всю нашъ накопленный идеализмъ. А нынѣшніе воспитанники средней школы являются отупѣлыми, лишенными всякой тѣни идеализма, какихъ бы то ни было взглядовъ и убѣжденій,—словомъ, совсѣмъ голенькіе. У насъ избытокъ силъ уходилъ на всякіе виды творчества, а они стремятся отдохнуть отъ пережитой въ сред-

ней школѣ каторги. Нынѣшняя молодежь, свидѣтельствуетъ г. Шараповъ, читаетъ только легкую литературу. Тутъ даже опошленія нѣтъ. Какое опошленіе можетъ быть у человѣка, который никогда не поднимался ни на вершокъ? Насколько въ наше время во всѣхъ высшихъ школахъ царилъ общій духъ, настолько теперь каждая школа живетъ особнякомъ. У современной молодежи міровоззрѣніе, несомнѣнно, есть— но въ какомъ ужасномъ видѣ! Это костюмъ, взятый на прокатъ, не имѣющій никакого соотношенія къ внутреннему „я“ человѣка, къ его духовной жизни. Трудно повѣрить, до чего все упрощено, до чего нѣтъ въ душѣ никакихъ корней ходячихъ убѣжденій. Однимъ словомъ, по мнѣнію г. Шарапова, надъ нами царятъ полныя сумерки, по временамъ сгущающіяся въ нестерпимый мракъ. И мы съ нимъ вполнѣ согласны. И очень радуемся, что, наконецъ, и въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ принадлежитъ г. Шараповъ, этотъ мракъ замѣченъ. Насъ раздѣляетъ только вопросъ о томъ, что именно породило этотъ мракъ. По мнѣнію г. Шарапова и его соратниковъ, „истинно русскихъ людей“, мракъ разсѣивался только нѣкіимъ „тихимъ свѣтомъ“. Ну, а мы думаемъ, что этотъ „тихій свѣтъ“ если и не былъ прямою причиной мрака, наступившаго уже и раньше, то во всякомъ случаѣ онъ сгустилъ сумерки и превратилъ ихъ въ полное омраченіе, съ которымъ намъ, вѣроятно, еще не скоро раздѣлаться.

„Наше современное *одичалое* настроеніе поистинѣ страшно, но еще страшнѣе то, что не видишь выхода. Сможетъ ли наша родина вновь уложить эти дикіе элементы въ твердыя рамки и воскресить то, о чемъ живетъ человѣческая душа — вѣру и энтузіазмъ?“

Такимъ поистинѣ раздирающимъ душу стономъ заканчиваетъ г. Шараповъ свою знаменательную по нынѣшнимъ временамъ статью. Даже вчужѣ жалко станетъ. Но только къ чему же такое отчаяніе? Авось, Богъ не безъ милости... Дворянская культура, безъ сомнѣнія, имѣла нѣкоторыя свои достоинства. Но, во-первыхъ, мертвыхъ не воскрешаютъ, хотя иногда ихъ и гальванизируютъ такъ, что они являютъ обманный видъ яко бы живыхъ. А во-вторыхъ, не одинъ только свѣтъ, что въ окошкѣ. Не одна только дворянская культура бываетъ, а есть еще и общечеловѣческая, людская культура. Уложатся ли дикіе элементы въ рамки? А вы пробовали? Попытайте уложить, да не посредствомъ гальванизированія трупа, а по-человѣчески, живымъ дѣломъ. Можетъ быть, и уложатся. Начните хоть съ маленькаго. Вообще, господа, вѣрьте побольше въ человѣка и его силы, а не во внѣшнюю дисциплину. Право, для васъ же лучше будетъ.

Г. Шараповъ говоритъ о слабомъ соціальномъ творчествѣ современныхъ поколѣній. Въ лежащихъ предъ нами книгахъ журналовъ имѣется матеріалъ для сужденія о томъ, какъ безразсудно наше общество, и безъ того небогатое культурными силами, выбрасываетъ за бортъ если не лучшую, то, во всякомъ случаѣ, и не худшую часть такихъ силъ. Въ статьѣ по поводу пятидесятилѣтія географическаго общества въ *Русскомъ Богатствѣ* авторъ дѣлаетъ слѣдующее указаніе: очень многочисленны были случаи, когда покровительство географическаго общества приходило на помощь людямъ, вслѣдствіе увлеченія политическими идеями потерявшимъ положеніе въ обществѣ. Можно указать на многочисленные примѣры, когда поддержка общества привлекла къ служенію наукѣ силы, которыя безъ нея погибли бы безслѣдно. И далѣе авторъ напоминаетъ имена Дыбовскаго, Голлевскаго, Ксенопольскаго, Чекановскаго, Витковскаго, Черскаго, Сѣрошевскаго,

Пекарскаго, Клеменса, Шапова и др. Въ семидесятыхъ годахъ одинъ изъ лучшихъ публицистовъ приготовилъ статью, въ которой совѣтовалъ мѣстной администраціи воспользоваться интеллигентными людьми, водворенными въ отдаленномъ краѣ. Инженеръ Черницовъ, стоявшій во главѣ ангарской экспедиціи, составилъ отрядъ своихъ помощниковъ изъ лицъ этой категоріи; статистическое бюро въ Иркутскѣ свою канцелярію составило изъ студентовъ, высланныхъ изъ столичныхъ университетовъ. Авторъ могъ бы умножить количество своихъ примѣровъ. Онъ могъ бы указать, наприм., что значительная часть черной работы въ той земской статистикѣ, которой наша родина не безъ основанія гордится передъ всей Европой, сдѣлана руками тоже лицъ этой категоріи. Не безъ достаточнаго основанія можно утверждать, что во многихъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества провинціальная печать буквально создана усиліями тѣхъ же лицъ и что, во всякомъ случаѣ, они составляли лучшую, наиболѣе талантливую, добросовѣстную и наиболѣе твердую въ принципахъ часть дѣятелей провинціальной печати, которая столь неуклонно и столь удачно работала и будетъ работать для просвѣщенія и возрожденія нашего бѣднаго въ культурномъ отношеніи отечества.

Всѣ эти факты, повидимому, говорятъ противъ нашего утвержденія о безразсудной тратѣ культурныхъ силъ въ нашемъ обществѣ. Но только повидимому. Приводимые примѣры представляютъ минимальную величину по сравненію съ количествомъ даромъ пропавшихъ и, скажемъ прямо, даромъ загубленныхъ силъ.

Все русское общество, которому пришлось за послѣднее двадцатилѣтіе не мало потерпѣть ущерба отъ установившихся въ этомъ дѣлѣ порядковъ, имѣетъ полное основаніе быть благодарнымъ хроникеру *Вѣстника Европы*, поставившему этотъ вопросъ, давно назрѣвшій и наболѣвшій, на почву права и законности. Въ *Юридической Газетѣ* появилась замѣтка о положеніи лицъ, высылаемыхъ административнымъ порядкомъ въ тѣ или другія мѣстности Европейской или Азіатской Россіи. Перечисливъ всѣ ограниченія и запрещенія, которымъ подчинены высланные, г. Фридландъ, авторъ замѣтки ставитъ вопросъ: какой образъ жизни должно вести лицо, подвергшееся административной высылкѣ? „Не только государственная и общественная, но даже частная служба для него недосягаема, учиться и учить наукамъ и ремесламъ оно не имѣетъ права, заниматься профессіями возбраняется, — словомъ, путь къ добыванію средствъ вездѣ преграженъ. Едва ли можно назвать нормальнымъ такой порядокъ вещей?“ На это скромное замѣчаніе хроникеръ отвѣчаетъ, что ненормальны не только условія, въ которыя поставлены высланные; ненормальна самая организація высылки, ненормальны размѣры, въ которыхъ она примѣняется на практикѣ. И дѣйствительно, именно въ этомъ и весь вопросъ. Подъ дѣйствіе положеній 14 августа 1881 г. и 12 марта 1882 г. по точному ихъ смыслу,—продолжаетъ хроникеръ,—не подходятъ ни лица порочнаго поведенія, ни лица, противъ которыхъ взведено и не опровергнуто обвиненіе въ политическомъ преступленіи. Что касается до этой послѣдней категоріи лицъ, то на основаніи ст. 1035 разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ дѣла о политическомъ преступленіи возможно только тогда, когда производство признано подлежащимъ прекращенію, т.-е. обвиненіе не подтвердившимся. Между тѣмъ, въ административномъ порядкѣ принимаются мѣры, несомнѣнно имѣющія характеръ не предупрежденія, а наказанія, наприм., заключеніе въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, ссылка

въ Якутскую область и т. п. Иначе говоря, наказанію подвергаются лица признанныя юридически невиновными. Тогда какъ по закону мѣрами предупрежденія и пресѣченія признаются только отдача подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ или иныхъ мѣстахъ и высылка иностранцевъ за границу. Только эти мѣры и могутъ быть примѣняемы въ извѣстныхъ случаяхъ безъ суда. Ни о ссылкѣ, ни о заключеніи въ тюрьму въ законѣ не сказано ни слова. О заключеніи въ тюрьму не говорится и въ положеніи 15 августа 1881 года; тамъ говорится только объ арестѣ, какъ мѣрѣ предосторожности, и о заключеніи въ крѣпости на время не свыше трехъ мѣсяцевъ, да и то въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны, а такихъ мѣстностей теперь нѣтъ. Заключеніемъ въ тюрьму или ссылкой въ отдаленныя мѣстности на продолжительные сроки разрѣшаются въ административномъ порядкѣ такія дѣла, которыя по закону подвѣдомственны исключительно суду, и разрѣшаются безъ гарантій, предоставляемыхъ подсудимому всякимъ, даже экстраординарнымъ судебнымъ производствомъ. Въ этой области большимъ шагомъ впередъ, справедливо замѣчаетъ хроникеръ, было бы простое соблюденіе дѣйствующаго закона. Что же касается до административной высылки, то хроникеръ ставитъ такіе вопросы о ея примѣненіи: допустима ли она только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной или усиленной охраны, или повсемѣстно? Не слѣдовало ли бы опредѣлить точно мѣстности, гдѣ могутъ быть водворяемы высылаемые, избравъ такія, пребываніе въ которыхъ не было бы само по себѣ наказаніемъ. Не слѣдовало ли бы измѣнить составъ „совѣщанія“ въ смыслѣ огражденія правъ частныхъ лицъ? Не слѣдовало ли бы сдѣлать общимъ правиломъ выслушаніе „совѣщаніемъ“ личныхъ объясненій, т.-е. предоставить каждому право опровергать взводимыя на него обвиненія, а стало-быть и право требовать предъявленія имѣющихся противъ него данныхъ.

„Самая постановка этихъ вопросовъ, — заключаетъ хроникеръ, — содержитъ ихъ разрѣшеніе“.

Дѣтскій Отдыхъ, *апрѣль*. Заинтересованные весьма естественнымъ вопросомъ о томъ, какое направленіе приметъ *Дѣтскій Отдыхъ* при новой редакціи, мы тщательно присматриваемся къ общему характеру помѣщаемыхъ въ немъ статей.

Авторъ разсказа *Свѣтлый праздникъ*, г-жа Стернъ, съ какимъ-то смакованьемъ расписываетъ роскошь и наряды богатой обстановки. Дѣти-читатели невольно почувствуютъ зависть къ тѣмъ радостнымъ чувствамъ, которыя испытывали маленькіе герои этого разсказа, получая дорогіе, чудные подарки и поѣдая роскошныя яства. Нужды нѣтъ, что подарки эти—безсмысленны, наприм., большая кукла „съ *настоящими* волосами“, и что педагоги въ одинъ голосъ называютъ такія игрушки вредной и безцѣльной тратой денегъ, но авторъ словно васъ поддразниваетъ, смакуя всѣ эти прелести и тѣмъ вводя дѣтей въ соблазнъ: „Когда папа поцѣловалъ меня три раза, — говоритъ г-жа Стернъ,—вручилъ мнѣ большую куклу—мальчика съ настоящими волосами, въ малиновой рубашкѣ и бархатной поддевкѣ, я такъ и *обомлѣла отъ восторга*. Такая же большая кукла, только дѣвочка, была вручена и Катѣ. *Радости нашей не было предѣловъ*“.

Любитъ авторъ привлекать вниманіе читателей и къ роскошнымъ костюмамъ. „Мы ухватились за руки и втроемъ, *нарядныя (какъ теперь помню наши бѣлыя съ цвѣточками муслинъ-деленовыя платья) и торжественныя*, двинулись въ залу христосоваться съ папа и бабушкой“.

Подобныхъ мѣстъ, съ подчеркиваніемъ нарядовъ, не мало у г-жи Стернъ.

Г. Орловскій поддерживаетъ высокое почтеніе къ разнымъ титуламъ, разсказывая въ очеркѣ *Фредъ* о томъ, какъ внучка графини, затаивъ дыханіе, слушаетъ разсказъ маленькаго артиста про его знакомство „съ важными дамами и генералами", съ разными „княгинями и князьями, графинями и баронессами". Однимъ словомъ, такое амбре,—какъ выражалась городничиха,—что нельзя даже войти...

Графиня изображается такою обаятельной, что одно уже ея присутствіе облагороживало васъ. На дѣвочкѣ Танѣ „было красивое платье изъ синей шотландской матеріи; кудрявая головка приняла благообразный видъ; даже движенія ея, какъ она подходила къ столу и садилась, точно вдругъ перемѣнились и стали изящнѣе,—всегда присутствіе бабушки вызывало въ ней такую перемѣну".

Г-жѣ Лукашевичъ въ повѣсти *Холодное сердце* никакъ не удаются умные разговоры. Хочется ей показать, какъ глубокомысленно разсуждаютъ иные люди, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ,—общія мѣста, напоминающія прописи или казенныя фразы, назначаемыя для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій.

„— Вы, навѣрно, очень любите природу?—говоритъ одинъ умный человѣкъ.

„— О, да! Созерцаніе природы—это великое наслажденіе... Сколько тутъ гармоніи, величія, прелести, поэзіи! Природу не всѣ могутъ постигнуть „серьезно и сосредоточенно",— отвѣчаетъ другой такой же умный человѣкъ.

„— Вы правы,—продолжалъ первый умникъ:—кто не сжился съ людьми, тому надо уходить въ горы, въ лѣса, въ глушь.

„— Тамъ покой и тишина,—подхватываетъ второй,—тамъ все проще, ближе къ Творцу вселенной..."

Не удается г-жѣ Лукашевичъ передавать и тонкія ощущенія живописца, и его фантастическія картины, и артистическіе восторги, хотя она и прибѣгаетъ къ обычному для выраженія восторговъ междометію *о!* „О, эти чудныя, несравненныя картины, которыя проходили въ его воображеніи: эти лики святыхъ, эти воды, небо ясное, красивыя дамы!" Красивыя дамы и лики святыхъ—что тутъ общаго? И неужели красивая дама представляетъ собою такую же „чудную, несравненную" картину, какъ ясное небо? Иное дѣло—„воды" и „дамы", это сопоставленіе болѣе правдиво: гдѣ воды,—впрочемъ, только минеральныя, тамъ всегда непремѣнно дамы.

Шутки въ сторону, беллетристика въ *Дѣтскомъ Отдыхѣ* оставляетъ желать многаго. Слѣдовало бы редакціи прибѣгнуть къ помощи настоящихъ, а не дѣтскихъ только писателей. Дѣтскіе писатели часто пишутъ слишкомъ по-дѣтски, т.-е. неумѣло.

Безъ страшныхъ исторій не можетъ обойтись этотъ журналъ. И къ чему онъ помѣщаетъ переводы глупѣйшихъ англійскихъ сказокъ? Отрубленныя руки, убитыя женщины, забрызганныя кровью, и заколотый мистеръ, брр!...—вотъ весь сюжетъ этой вредной сказки, зловѣще озаглавленной: *Не сонъ, а правда*—и сопровождаемой страшною картиной.

Единственная содержательная статья во всемъ этомъ выпускѣ—культурно-ботаническій очеркъ П. Ф—га *Финиковая и кокосовая пальма.* Молодой редакціи нужно, очевидно, приложить много усилія, чтобы пойти вровень съ другими дѣтскими журналами.

Всходы. Иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста, *май*. Разсказъ г-жи Коваленской, какъ и всѣ произведенія этого автора, *Смиренные*, производитъ на читателей симпатичное впечатлѣніе. Жаль только, что онъ слишкомъ растянутъ. Другой его недостатокъ—избитая тема: страданія дѣвочки - работницы модной мастерской. Этотъ сюжетъ особенно полюбили такъ называемые дѣтскіе писатели. Нельзя не отмѣтить и художественнаго недостатка разсказа. Это — излишнее сгущеніе красокъ. Хозяйка и главная мастерица—обѣ вѣдьмы. Хозяйка вмѣщаетъ въ себѣ, на подобіе героинь ложно-классическихъ трагедій, всѣ пороки: она злодѣйка во всѣхъ смыслахъ. Всѣхъ поѣдомъ ѣстъ, ругаетъ, немилосердно бьетъ, лѣнива, прожорлива и жадна. И внѣшность злодѣекъ—самая классически-злодѣйская: у главной мастерицы, наприм., „обозленные" сѣрые глаза на выкатѣ. Эти злодѣйки не только мучаютъ дѣвочекъ, но и терзаютъ щенковъ и выбрасываютъ котятъ въ помойку,—однимъ словомъ, это—ужасъ какія вѣдьмы, какъ разъ такія, какія бываютъ въ книгахъ часто, а въ жизни очень рѣдко, если только бываютъ въ самомъ дѣлѣ. Читая разсказъ г-жи Коваленской, можно подумать, что тяжелое положеніе мастерицъ объясняется злобой хозяекъ; и что во всемъ этомъ ненормальномъ положеніи цѣлаго класса виноваты только злыя вѣдьмы. Но тогда дѣти могутъ спросить: почему хозяйки такія злыя? Почему онѣ такъ мучаютъ дѣтей? И почему модныя мастерскія должны открываться только злодѣйками? Надо или не касаться такого серьезнаго, можно сказать—такого жгучаго вопроса или уже выяснять его какъ слѣдуетъ. Иначе въ головѣ ребенка-читателя вы возбудите рядъ мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній и оставите ихъ совсѣмъ невыясненными.

Разсказъ *Бѣлецы* Клерси написанъ интересно. Тутъ изображается, какъ ѣхавшіе на пароходѣ звѣри и змѣи выбѣжали изъ своихъ помѣщеній, и какую панику произвелъ ихъ побѣгъ, и какое мужество и присутствіе духа проявили укротитель звѣрей и его слуга.

Съ интересомъ прочтутся статьи А. Нечаева: *Соляное царство* и *Добываніе кристалловъ*. Первая изъ нихъ, въ связи съ описаніемъ добыванія соли, знакомитъ васъ и съ печальнымъ бытомъ рабочихъ на соляныхъ копяхъ.

Вообще, новый дѣтскій журналъ ведется, обдуманно и его можно рекомендовать вниманію родителей и воспитателей.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1896 г.

Боровичъ, А. А. Индукціонная катушка. Брянскъ, 1896 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. П. Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Буасье, Гастонъ. Картины древнеримской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Буссе, Ѳ. Ѳ. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 гг. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочин. Т. I. Пер. М. В. Лучицкой. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1895 г. Ц. 35 к.

— Собран. сочин. Т. III. Ц. 35 к.

— Собран. сочин. Т. IV. Ц. 35 к.

Фонъ-Вендрихъ, полк. Отчетъ по управленію перевозками по желѣзнымъ дорогамъ въ мѣстности пострадавшія отъ неурожая (декабрь 1891 г.—мартъ 1892 г). Спб., 1896 г.

Вермель, С. С. Головныя боли, сущность, классификація и лѣченіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Вопросы нервно-психической медицины. Вып. I—II. Кіевъ, 1896 г.

Всеобщая библіотека. № 1. Шиллеръ, Фр. Разбойники. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.

— № 2. Шекспиръ, В. Гамлетъ. Трагедія. Ц. 15 к.

Гвоздевъ, Ив. Первичный наружный судебно-медицинскій осмотръ мертваго тѣла. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

— О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Правовое государство. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Годичное засѣданіе музея прикладн. знаній 30 ноября 1895 г. М., 1896 г.

Гориневскій, В., д-ръ. Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Изд. магаз. „Мать и дитя“. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Г. Арсеній. Карьера. Повѣсть. Изд. Д. П. Ефимова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Добролюбовъ, Н. А. Соч. Т III. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Цѣна за 4 тома 6 р.

Е. М. Возмездіе или чудеса нашего времени. М., 1896 г. Ц. 20 к.

Ея Крейцерова соната изъ дневника г-жи Поздышевой. Изд. 2-е. Пер. съ нѣм. М. Э—на. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1896 г. Ц. 50 к.

Зетъ, Е. Французскіе лирики. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ибсенъ, Генр. Сбор. соч. Т. II. Изд. I. Юровскаго. Спб., 1896 г.

Ингремъ, Дж. К. Исторія рабства. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каталогъ библіот. для воскресной школы.

De-Kervilly, Dr. О наружномъ или мѣстномъ лѣченіи женскихъ болѣзней. Пер. съ фр. д-ра В. К. Панченко. Изд. Н. П. Петрова. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Кольбе, Б. Ю. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. II. Динамическое электричество. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Козинцовъ, М. И. Сѣрноспичечное производство въ санитарномъ отношеніи. Стародубъ, 1896 г.

Крушеванъ, Пав. Что такое Россія? Путевыя замѣтки. Москва, 1896 г. Ц. 2 р.

Кувалдинъ, В. Къ вопросу о примѣненіи мыльной пробы. М., 1896 г.

Ленинъ, Е. Нѣсколько замѣчаній по поводу книжки Л. В. Ходскаго: „Основы государств. хозяйства“. Спб. 1894 г. Кіевъ, 1895 г.

Лопатинъ, Валер. Обыденная ар-

мейская жизнь. Варшава, 1896 года. Ц. 25 к.

Лялинъ, Л. Инжен.-технол. Къ вопросу объ огнеупорныхъ постройкахъ. Спб., 1896 г.

Массальскій, Н. Поволжье. Путеводитель. Спб., 1896 г.

Мачтетъ, Г. А. Васька горнистъ. Разсказъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.

Мещерскій, А. П. Письма деревенскаго хозяина. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Мебіусъ. Болѣзни нервной системы. Международная библіотека № 41. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

— № 40. Гельмгольцъ о взаимодѣйствіи силъ природы. Ц. 15 к.

Милль, Дж.-Ст. Основанія политической экономіи. Пер. съ посл. англ. изд. Е. И. Остроградской. Подъ ред. пр.-доц. О. И. Остроградскаго. Вып. I. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1896 г.

— Автобіографія. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло". М., 1896 г. Ц. 75 к.

Мольеръ, Ж. Жоржъ Данденъ. М., 1896 г.

Москвичъ, Григорій. Путеводитель по Кавказу. Одесса, 1896 г. Ц. 2 р.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія. Вып. IV. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Отчетъ С.-Петерб. Общества содѣйствія физическому развитію за 1895 г. Спб., 1896 г.

Отчетъ совѣта Общества попеч. о начальн. образованіи въ Красноярскѣ за 1895 г. Красноярскъ.

Отчетъ мужской безплатной воскресной школы Московско-Казанской жел. дор. за 1894—1895 учебный годъ.

Отчетъ о новочеркасской женской воскресной школѣ за 1894—95 учебн. годъ. Новочеркасскъ, 1896 г.

Остроумовъ, Н. П. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд 2-е и дополн. Изд. кн. маг. „Букинистъ". Ташкентъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пахолковъ, Христоф. Опытъ педагогической хрестоматіи. Вып. III. Физическое воспитаніе. Казань, 1896 г. Цѣна 35 к., съ пер. 40 к.

Памяти Евг. Ник. Андреева. Справочная книжка для кустарныхъ ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ ред. К. Я. Грота. Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Плохинскій, А. Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Потоцкій, Ф. С. Конспектъ римскаго права. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Принсъ, Адольфъ. Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Пріоровъ, М. К. Гдѣ честный трудъ, тамъ и счастье. М., 1895 г. Ц. 10 к.

— Дворняжка. Ц. 50 к.

Прохоровъ, П. Н., д-ръ мед. Біологическія основы медицины. Вып. I. Изд. В. И. Базилевскаго. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рейнке, І. Приходъ и расходъ въ природѣ. Пер. съ нѣм. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Самборскій, С. И. Общедоступный учебникъ домашнихъ животныхъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Свѣшниковъ, М. И. Очеркъ общей теоріи государ. права. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Сербскій, Вл. Судебная психопатологія. Вып. I. Законодательство о душевно-больныхъ. Изд. А. А. Карцева. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степановъ, Н. Учебникъ математической географіи. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Стефановичъ, Я. В. Отъ Якутска до Аяна. Путевыя наблюденія (Аянская экспедиція 1894 г.). Иркутскъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тезяковъ, Н. И. Земская медицина. Заболѣваемость и смертность насел. въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ 1895 году. Елисаветградъ, 1896 г.

Тимковскій, Н. Приключенія двухъ братьевъ: Авося и Небося.

Толвинскій, А. И. Организація труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Вильна, 1896 г.

Тридцать третій годичный отчетъ вспомогательнаго общ. купеческ. прикащик. въ Москвѣ за 1895 г. М., 1896 г.

Труды съѣзда агрономовъ вятскаго губер. земства. Вятка, 1896 г.

Удинцевъ, Вс. Поссессіонное право. Кіевъ, 1896 г.

Фулье, Альфр. Темпераментъ и характеръ. Пер. В. Н. Линда. Изд. кн. маг. „Книжное дѣло". Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Циммерманъ, А. Микроскопъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чудиновскій, Ю., проф. Лекціи по общей терапіи. Вып. III. Общая терапія по отношенію къ женщинѣ. Спб. Ц. 1 р.

Шершеневичъ, Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. 2-е. Казань, 1896 г. Ц. 5 р.

Школа грамоты. Начатки роднаго языка для крест. ребятъ. Самара, 1896 г. Ц. 5 к.

Ярмонкинъ, В. Письма изъ деревни. Спб., 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Флиртъ и др. разсказы *К. Баранцевича*.—„Новая мама". Пов. *В. П. Соколова*.—„Новые переводы „Божественной Комедіи" *Данте Алигіери*. 241

Философія и психологія: „Французская философія первой половины XIX вѣка". *И. Тэна*.—„Душевныя движенія". Психо-физіол. очеркъ *Д-ра Г. Лане*. 246

Исторія, мемуары, біографіи: „Декабристы въ Западной Сибири". Сост. *А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ*. — „Всеобщая исторія литературы" *І. Шерра*. — „Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность". Біогр. очеркъ *Г. А. Паперна*. — „Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность". Біогр. очеркъ *Г. А. Паперна*. 249

Этнографія: „Мултанское „моленіе" вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ". *П. М. Богаевскаго* 254

Юридическія книги: „Изслѣдованіе о смертной казни". *А. Ф. Кистяковскаго*. — „Что есть торговая несостоятельность". *Д. В. Тутковича*. — „Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры". *С. С. Розенберга*. „Возникновеніе семьи и брака". *Карла Каутскаго*. 257

Естествознаніе: „Строеніе матеріи". Популярныя лекціи и рѣчи В. Томсона.—„Учебникъ гистологіи человѣка со включеніемъ микроскопической техники". *А. А. Бема и М. М. Давыдова*.—„Основы метеорологіи и климатологіи". *Д. А. Лачинова*.—„Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія". Публичныя рѣчи *К. Тимирязева* 262

Сельское хозяйство: „Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ".— „Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій" 264

Стр.

Учебники, книги для дѣтей: „Русская исторія". Курсъ 3-го кл. гимназій и реальныхъ учил. Сост. *Ар. Туркевичъ.* — „Русская и церковно-славянская азбука". *П. Барышникова.* — „Маленькая русская хрестоматія для дѣтей". *П. Смирновскаго.* — „Звѣздочка". Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Сост. *К. Ф. Петровъ.* — „Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ". Сост. *М. С. Александровичъ.* — „Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ". *И. Е. Евсѣева.* — „Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ". Т. I. *Н. М. Павлова.* — „Приключенія Ивасека, маленькаго хохла". *Ан. Лѣсничаго* 266

Народныя книги: Изданія Т. Ѳ. Кузина 271

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *апрѣль.* — „Вѣстникъ Европы", *май.* — „Сѣверный Вѣстникъ", *май.* — „Русскій Вѣстникъ", *май.* — „Дѣтскій Отдыхъ", *апрѣль* — „Всходы", *май.* 275

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 мая по 1 іюня 1896 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Цѣна 1 р. 50 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

— Камо Грядеши? Романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юношa, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Наши полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одоб. учен. комит. министерства народ. просв. для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 к., II-го вып. 30 коп., вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Рекоменд. уч. ком. мин. нар. просв. для ученич. старш. возр. библ. среднихъ учеб. завед. М., 1896 г., Ц. 30 к.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писарахъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1\frac{1}{2}$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марсели до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Что читать и что пѣть? М., 95 г., 9 выпусковъ. Цѣна каждому вып. 60 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. д. 50 к.; сред. ф. д. 60 к.; больш. ф. д. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Цѣна по 2 р.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмединген. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, В. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотнымъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Асбьернсена, П. Норвежскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 8 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бенднціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ-Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.

Библіотека-кромка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.

— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богаевскій, П. Мултанское „моленіе" вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.

Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи знанія. П., 1896 г. Ц. 25 к.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на великовой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

*— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (8-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ;

11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17. Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.

— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Данть Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, І. І. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ русск. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Одоб. учен. комит. мин. нар. просв. какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.

— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разсказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрированн. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.

— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

***Водовозовы, М. и Н.** Изданія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.

— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А. Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 ч. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Крисп. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
— О душѣ въ связи съ современными ученіями о сигѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.
Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. Ц. 50 к.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Гурфинкель, М. Дитя и уходъ за нимъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гюббаръ, Гюставъ. Исторія со-

временной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Собраніе стихотвореній, вып. XII. Т., 1896 г. Ц. 20 к.

*— Собраніе стихотвореній 13 выпусковъ. Цѣна кажд. вып. по 20 к. Т., 1896.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.

— Святочные разсказы. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.

***Дмитріевъ, В.** Лѣченіе морскими купаньями въ Ялтѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

***Догановичъ, А.** Ѳомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.

Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Егоровъ, Ѳ. Методика-ариѳметика. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакье, Ѳ. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Изъ тьми къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жукъ, В. Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

— Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ $^1/_2$ стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ $^1/_2$ стр. поперекъ 75 к., съ $^1/_2$ стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ переплѣ.

— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
***Зетъ, Е.** Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Золотаревъ, Л. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
***Игнатовъ, Н.** Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
*— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
Игра футболь съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Поровской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 189$^{4}/_{5}$ г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (над. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
Фонъ - Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
Іодль, Фр. Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
***Калымовъ, В.** Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Кононковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 8 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего ученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М.,1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каценеленбогенъ, Г. Краткій курсъ патологической анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грицкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ,1894 г. Ц. 75 к.

Кельльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Кирхнеръ, І. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кирхманъ, Ф. Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемперерь, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско - литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

***Кольберинъ, Н.** Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М, 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко - русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиственн. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско - хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣди о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крыста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., но выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецкіе обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коницси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Леббокъ, С. Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лебо, Эжень. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.

Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсалина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.

Лоранъ, Э. Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.

— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Вѣшеная лошадка. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.

Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.

Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.

Магаффи, Дж. Исторія классическа-

го періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. Москва, 1894 г. Ц. 75 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Ахъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мангуби, И. Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французъ. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.

— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.

— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

Марконетъ, А. Дворецъ коттиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М.,1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилиза-

нія. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Рынъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бине. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюменинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебоку. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллесъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.

*— Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Михневичъ, В. Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-хим ческія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техниковой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

***Москвичъ, Г.** Кавказъ. Одесса, 1896 г. Ц. 60 к.

*— Практическій путеводитель по Крыму. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р.

*— Практическій путеводитель по Черному морю. Одесса, 1895 г. Ц. 40 к.

Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, І., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сваxи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Навиль, Э. Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Народныя русскія сказки. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Грозa. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивелирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50:

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюрэнбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ

врѣдными напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней. К., 96 г. Ц. 30 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ".

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Диварка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

— Надъ Нѣманомъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.

— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.

О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Карпинскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Паркъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пепъ. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пеписье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.

Петерсонъ, О. Семейство Бронтѣ (Керберъ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 65 к.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. Москва, 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.

***Потебни, А.** Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

***Починъ.** Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительной статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.

***Принсъ, А.** Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 80 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.

Рено, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.

— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.

Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.

— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.

— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій ореографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатьé, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Сахаровъ, А. По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сéлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рицарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.

Серебренниковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сикорскій. Заикание. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невидачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Смирновъ, В. О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.

Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висковской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Соковнинъ, А. Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Сорокинъ, В. О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Средина и постоянство. (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 80 к.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Начатки философіи. М., 1886 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Судебныя драмы. Жанъ Делавлонкъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кастоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Терешкевичъ. Дядя Черныш. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элемен-

тарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

*— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ультманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 8 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе ра-

стеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ, С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 руб. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

*— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Рассадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. Москва, 1895 г. Ц. 40 коп.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г.

Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М.,1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

*— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Американскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Каллины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книга 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.

— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, В. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Ч. II. Соціологія. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
— Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. перепл. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
*— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
— Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I п. 2 р., т. II п. 2 р., т. III п. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Вып. VI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, п. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, п. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна вчт 7 р. М., 1881 г.

Шмидтъ, О. Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.

Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, пи-

томникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М.. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Сбп., 1891 г. Ц. 40 к.

Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Э — на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.

Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.

— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Цѣна 20 коп.

— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дѣдя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ-любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abcdes tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrationse n coulesur par. E. de Liphart et de nombreuses gravures en noir.; grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.

Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.

Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.

Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. напеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Kraek, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 13-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. par Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.

in 16°. Цѣна по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
Ca petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 30 иллюстрацій въ краскахъ. Цѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La jou née de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 6. *Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.*

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.
La plage de Wimerux, par M-me Balleyguier.
***Les enfants de cigarette**, par Théo-Critt.
***Les bonheurs de bonshenrs de Pauline**, par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
***Une partie de plaisir**, par Roger Dombre.
***Les mémoires d'un chèvre**, par M-me la comtesse de T.

Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.

Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ многоч. иллюстр. въ текстѣ въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes,de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce. — Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famile in 8⁰, илл.

Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серія, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.— Puck.— Mein Miezi. — Eichhörnchen auf Reisen.—Fürs Herzblättchen.— Im Freien. — Der Kinderomnibus.—Hucke-Puck.—Ein treuer Hausfreund.— Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes.—Was Vöglein singt.—Wasich weiss! — Zoologischer Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama.—Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arch. Noahs.—Ringel, Ringel, Rosenkranz.— Puppen-Gesellschaft.—Die wunderliche Kutsche.— Robinson Crusoe.— In der Maienzeit.—Prinzessin Tausendschön.— Guckkasten.—Wer nicht „liebes Kindchen" sein will.—Spielzeug Alphabot.— Garten Freuden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.

Feierstündchen.— Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin —Lustige Reigen.—Lieblings Kurzweil.—Komische Clowns.— Unsere Lieblingsthiere.—Familie Fangemaus.—Musjo Clown.—Ein Ausflug auf's Land.—Rothköpfehen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesammelt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen вмѣсто 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mivielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вмѣсто 2 р. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вмѣсто 4 р. 2 р. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen вмѣсто 3 р. 60 к. 1 р. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswal, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вмѣсто 3 р. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrirte Jugend un-Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вмѣсто 2 р. 70 к. 1 р. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вмѣсто 1 р. 80 к. 1 р.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, вмѣсто 1 р. 50 к. 85 коп.

Lottka. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer.. Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, вмѣсто 2 р. 50 к. 1 р. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine illustrirte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt, вмѣсто 1 р. 20 к. 75 к.

—

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Auschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus. въ папкѣ 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, въ папкѣ 45 к.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. въ папк. 35 к.

Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 35 к.

—

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

журнала Русская Мысль,

уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». Вмѣсто 3 р. за 1 руб. 50 коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». Вмѣсто 2 р. 40 к. за 1 р.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». Вмѣсто 1 р. 50 к. за 75 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородних**ъ.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X и XI-й выпуски

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ"
Іоганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями **П. И. Вейнберга.**

Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большихъ тома въ 1.000 страницъ, со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературъ будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весной 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты всей суммы. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія:

ДРЕЙФУСЪ. Міровая и соціальная эволюція. Цѣна 1 р. 50 к.

ТОМА. Внушеніе и его роль въ воспитаніи. Цѣна 40 коп.

ДАНТЪ. Адъ. Переводъ въ стихахъ *Н. Голованова*, подъ редакц. проф. *Ѳ. Буслаева*. Цѣна 1 р. 50 к.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

Подписка принимается и книги продаются въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Издатели **Д. В. Байковъ и К°.**

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Алексѣевскій, А. Памяти Императора Всероссійскаго Александра III. Новое изданіе. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Веккерлединъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. Руководство для любителей. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Вѣлозерской, Н. Царское вѣнчаніе въ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Вронскій, П. Повѣсти и разсказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Глинка, С. Общій курсъ минералогіи Л. Кристаллофизика и кристаллохимія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гориневскій, В., д-ръ. Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу, дѣтской. Спб., 1896 годъ. Ц. 25 к.

Денежная реформа, сводъ мнѣній и отзывовъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Долбинъ, В. Курсъ законовѣдѣнія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Долгоруковъ, В. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Ефимовъ, А. Вадимъ Незвановъ. Лирическій романъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Жеденовъ, Н. Дѣтскіе сельско-хозяйственные кустарные пріюты самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Съ 5-ю рис. и 5-ю планами. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

— Казенная и общественная продажа вина, ихъ экономическое и нравственное значеніе. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Ингрэмъ, Дж. Исторія рабства, отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Іошидъ. Японскій романъ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Крушеванъ, П. Что такое Россія? Путевыя замѣтки. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Коллеръ, д-ръ. Нервность и нервозы, гигіена нервныхъ людей. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лалаевъ, М. (генералъ отъ артиллеріи). Къ столѣтію со дня рожденія 25 іюня 1796 г. Императоръ Николай I, зиждитель русской школы. Историческій очеркъ. — До воцаренія. — Верховное управленіе государствомъ.—Общія мѣры по народному просвѣщенію. — Царственныя заботы о развитіи военно-учебныхъ заведеній. — Заключеніе. Съ тремя портретами. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Ломанъ, Д. Ко дню священнаго коронованія и міропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Чтеніе для народа. Съ 25 кар. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Никитиной, О. Помощь молодымъ матерямъ. 11 таблицъ выкроекъ въ натуральную величину для дѣтей малютокъ и до 10-ти лѣтняго возраста включительно. Спб., Ц. 1 р. 50 к.

Озкидовъ, С. Устройство и содержаніе коннаго завода въ небольшомъ хозяйствѣ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Ошибки и неудачи при работахъ на бромо-желатиновыхъ пластинкахъ, причины ихъ и способы устраненія. Спб., 1896 г. Ц. 85 к.

Павловичъ, М. Ретушированіе фотографическихъ негативовъ и позитивовъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Порошинъ, И. Грезы о счастьѣ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Рытовъ, М. Краткій учебникъ огородничества и плодоводства для низшихъ школъ. Часть I. Огородничество. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Серонъ, А. Графъ Левъ Толстой. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Сикинскій, П. Японско-китайская война 1894—1895 гг. Съ портретами, планами и крока. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Собраніе юмористическихъ повѣстей и разсказовъ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Соколовъ, Д. Искупленіе рода человѣческаго Господомъ Іисусомъ Христомъ. Историческій очеркъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Сухомлиновъ, В. Мюратъ Іоахимъ-Наполеонъ, король Обѣихъ Сицилій (его смерть). Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Турскій, М. Таблицы для таксаціи лѣса. Изд. 5-е. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Череванскій, В. Подъ боевымъ огнемъ. Историч. хроника. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Чернышевъ, К. Лишніе люди и женскіе типы. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Чирвинскій, Н. Общее животноводство. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Шахтъ-фонъ, графъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шидловскій, В. Къ ученію о дифференціалѣ и интегралѣ. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Шпильгагенъ, Ф. Открытое письмо къ графу Льву Толстому. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

ВЫШЛА ВОСЬМАЯ, МАЙСКАЯ, КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „На окраинѣ". (Степные очерки). **Юліи Безродной.** 2) „Паденіе Бирона" (1740). (Окончаніе). **А. Брикнера.** 3) „Волчья сыть". Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть третья. **Вас. Немировича-Данченко.** 4) „Филатка". IV. (Продолженіе). **В. Савихина.** 5) „Неизвѣданный уголокъ Россіи". Барона **А. А. Корфа.** 6) „Римъ". Романъ **Эмиля Зола.** Перев. **Н. Шульгиной.** 7) Стихотвореніе ***. **П. Я.** 8) „Похороны звѣзды". Разсказъ **Альфонса Додэ.** 9) „Надъ Днѣпромъ". (Стихотвореніе). **Л. Медвѣдева.** 10) „Свѣтъ во мракѣ". Романъ **Вильяма Тайербока.** Перев. съ англ. **В. Т.** 11) „Концентрація торгово-промышленной дѣятельности на крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири". **В. В. Бартенева.** 12) „Проклятые вопросы и ученые отвѣты". **Евг. Т—е.** 13) „Въ области европейской мысли". **Л. Е. Оболенскаго.** 14) „Антисемитическое движеніе въ Австріи". **П. Т.** 15) Обозрѣніе внутренней жизни: I. „Народное образованіе". **Я. Абрамова.**—II. „Къ вопросу о судебной реформѣ въ Сибири". **В. Бишитова.**—III. „Земство и города". **Ш.**—IV. Письма изъ провинціи: Письмо изъ Пензенской губерніи. (Рознь). **В. Быстренина.**—Письмо изъ Выдропужска, Тверской губ. (Заботы батюшки о народной читальнѣ). **Выдропужскаго обывателя.**—Изъ Царицына (Пѣвческіе хоры въ деревнѣ). **Н. Казанскаго.**—Изъ Уфы. (Сельско-хозяйственные курсы для учителей). **Васъ-Вруса.** — Изъ Щигровскаго уѣзда, Курской губ. (Наши переселенцы). **Михаила Овсянникова.** 16) Новыя книги. 17) „Замѣтки о педагогической и дѣтской литературѣ". **В. П.** 18) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ". (Письмо четвертое). **А. Скабичевскаго.** 19) „Научная хроника". **П. О.** 20) „По поводу внутреннихъ вопросовъ". **С. К.** 21) „Обзоръ заграничной жизни". Интересн дня. **В. Т.** 22) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ,** проф. **К. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы** (Е. С. и С. А.), **В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель** и другіе.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) **Новое Слово** принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ **10** р., на полгода **5** р., на три мѣсяца **2** р. **50** к., за границу на годъ **12** р., безъ пересылки **9** р.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1. **Отдѣленіе конторы**: Спб., Невскій пр., д. 54, **Библіотека Черкесова.**

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подьяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая изданій, выходящихъ по подпискѣ: Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина.

Редакторъ А. Н. Поповъ. **Издательница О. Н. Попова.**

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ **ТРЕТЬЯ** *(май—іюнь)* КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи"

Издаваемаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ

Содержаніе ея: *Н. А. Иванцовъ.* «Основной принципъ красоты».—*В. И. Герье.* «Философія исторіи Гердера».—*Кн. С. Н. Трубецкой.* «Основанія идеализма».—*В. А. Гольцевъ.* «Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ».—*В. Ѳ. Чижъ.* «Воззрѣнія пространства и времени».—*Д. П. Конисси.* «Книга о почитаніи родителей» (переводъ съ китайскаго).—*Баронъ Д. Г. Гинцбургъ.* «Каббала, мистическая философія евреевъ». Съ предисловіемъ *Вл. С. Соловьева.*—*Н. Д. Виноградовъ.* «Психо-физіологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами».—*Критика и библіографія.*—*Психологическое Общество.*—*В. Вальденберъ.* «С. А. Бершадскій» (Некрологъ).—*Извѣстія и замѣтки.*—*А. А. Токарскій.* «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета».—*Объявленія.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.): безъ доставки—**6** р., съ дост. въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ перес. въ другіе города—**7** р., за границу—**8** руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

МОСКВА, Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества:

КУНО ФИШЕРЪ.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго.
XVI+521 стр. **Цѣна 3 руб.**

Лица, подписавшіяся на все сочиненіе и получившія 1-й выпускъ, могутъ получить 2-ой выпускъ.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.

По соглашенію редакціи

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"

и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ"
В. М. Лаврова

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь"

изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку приплачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.